

В.З. САННИКОВ

ВЫИ

Зеркале

языковой
игры

РАСОИИ

8

Введение

Какой интерес может представлять для лингвиста отражение языка в зеркале языковой игры — зеркале заведомо кривом? Ведь языковая игра, как и комическое в целом, — это отступление от нормы, нечто необычное (даже, по Аристотелю, нечто безобразное). Дело, однако, в том, что, по справедливому замечанию Томаса Манна, патологическое, пожалуй, ясней всего поучает норме («Лютга в Веймаре»). Это в полной мере приложимо и к патологическому в речи*, языковая игра позволяет четче определить норму и отметить многие особенности русского языка, которые могли бы остаться незамеченными. Именно этот аспект является основным в нашем исследовании.

Хотя термины *русский язык*, *языковая игра* могут показаться достаточно определенными, однако начать придется именно с уточнения нашего понимания этих терминов.

О каком русском языке и русской речи пойдет речь?

Говоря о русском языке, мы отвлекаемся от просторечий, диалектизмов, жаргонизмов — короче говоря, будем иметь дело с *литературным языком* (в устной и письменной форме). Однако и здесь необходимо пояснение.

В соответствии с одним из имеющихся пониманий, современный русский литературный язык—это русский литературный язык «от

Пушкина до наших дней». Нам ближе точка зрения исследователей, которые (как М. В. Панов [1981:11]) употребляют этот термин по отношению к русскому языку XX в. Вместе с тем, мы считаем возможным использовать и материал, относящийся к более раннему периоду,—е с л и он не противоречит нормам языка II половины XX века. Разумеется, здесь необходима большая осторожность. Язык развивается, и, естественно, мы не всегда правильно характеризуем те или иные старые тексты как нейтральные или, напротив, юмористически окрашенные. Приведем два примера несовпадения норм литературного языка XIX века с нормами современного русского литературного языка.

В повести Гоголя, в прошении в поветовый суд на Ивана Никифоровича Иван Иванович свидетельствует, что «оний злокачественный дворянин» обругал его гнусным словом. Сходным образом употребляет прилагательное *злокачественный* А. Чехов: «Женщина с самого сотворения мира считается существом вредным и злокачественным» («О женщинах»). В современном языке *злокачественными* бывают только опухоли и лихорадки, в силу чего употребление прилагательного Гоголем и Чеховым представляется аномальным и производит комический эффект,— которого во времена Гоголя, да, видимо, и Чехова, не было! В русском языке не только начала, но и конца XIX в. подобное употребление прилагательного *злокачественный* не редкость, ср.:

Вы выходите не благодетельный помещик, а разве злокачественный дворянин (В. Белинский, Письма);

Здесь обрел даровую квартиру /Муж злокачествен, подл и плешив /И оставил в наследие миру /Образцовых доносов архив (Н. Некрасов, Недавнее время);

...злокачествен был один господин, с бородкой, какой-то вольный художник (Ф. Достоевский, Скверный анекдот, IV) [все примеры — по картотеке БАС].

Другой пример (из области фразеологии) приводится в работе В. В. Виноградова [1994]. Отсутствие у Лермонтова отрицания *не* во фразе *не в своей тарелке* можно принять за аномальное, имеющее целью усиление комического эффекта, ср.:

*На вздор и шалости ты хват И мастер на безделки,
Я, шутовской надев наряд,*

Ты был в своей тарелке.

В действительности, однако, структура фраземы (представляющей собой кальку с французского) была в XVIII и первой половине XIX в. достаточно свободной: выражения типа *Не в своей сижу тарелке\ Вот я опять в своей тарелке!* (Тургенев) были нейтральными (см. [Михельсон 1994, т. 1; Виноградов 1994]).

Игра — языковая игра — языковая шутка

Еще сложнее обстоит дело с термином *языковая игра*. Начать с того, что не совсем ясно, что такое *игра*. Людвиг Витгенштейн в «Философских исследованиях» задается вопросом: «Что свойственно всем играм?» и убеждается в том, что любой из потенциальных признаков оказывается неприложимым к некоторым видам игр. **Соперничество?** — но его нет в пасьянсе. **Победа и поражение?** — но их нет в подбрасывании мяча. **Ловкость и удача?** — но их нет в шахматах. **Развлечение**—тоже не всегда имеет место. «Мы видим сложную сеть сходств, переплетающихся и пересекающихся (...) Ты, в сущности, не знаешь, что ты имеешь в виду под словом *игра*»— говорит Витгенштейн. Но это не смущает нас, когда мы употребляем слово *игра*\

Исследователи подчеркивают связь игры с искусством — овладение миром не в практической, а в условной, знаковой форме. «ИГРА, вид непродуктивной деятельности, где мотив лежит не в результате ее, а в самом процессе» [БСЭ, изд. 3]. Можно ли, однако, считать «непродуктивной деятельностью» футбольные, хоккейные, шахматные матчи, приносящие участникам и организаторам громадные прибыли, а зрителям—удовольствие от волнующего зрелища? Языковая игра также не подходит под приведенное выше определение игры: хорошая шутка —

продукт, имеющий такую же эстетическую ценность, как любое произведение искусства.

Исследователи отмечали, что на ранних ступенях развития общества, а также в жизни современных детей игра имеет коллективизирующий и тренирующий характер, но в ходе истории

происходит постепенное вытеснение игры из жизни взрослых драматическим искусством и спортом (см. [ФЭС 1983]).

Если перейдем к интересующему нас конкретному виду игры — к *языковой игре*, то немедленно убедимся, что ее определение связано, может быть, даже с еще большими трудностями. Во-первых, исследователи ставят вопрос: не правильнее ли говорить о *речевой* игре, поскольку она «двунаправленна по отношению к языку и речи» (ср. [Гридина 1996:7—10]). Реализуется она в речи, с учетом особенностей ситуации и особенностей собеседника (в частности, с учетом его желания и способности понимать и поддержать игру); эффект, результат игры окказионален, единичен. Предпочтительнее, однако, использовать традиционный термин — «языковая игра», поскольку она основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц. В монографии «Русская разговорная речь», в интересной главе, посвященной языковой игре, отмечается, что в случае языковой игры говорящий «играет с формой речи» — для усиления ее выразительности или же для создания комического эффекта [PPP 1983: 172—173]. В этом определении, во-первых, можно увидеть элементы тавтологичности, и, во-вторых, оно слишком широкое. Вся художественная литература подпадает под него — поскольку нет автора, который не стремился бы к большей языковой выразительности.

Более определенно выделяется тот вид языковой игры, целью которого является создание комического эффекта,—*языковая шутка*. Кроме определенности языковая шутка имеет еще одно важное свойство, которое заставляет нас (несколько сужая тему исследования) делать упор на исследовании именно этого вида языковой игры. Мы имеем в виду отмечаемую многими исследователями смысловую и грамматическую законченность шутки. Даже если * она не составляет цельного законченного текста, а лишь часть большого текста, она обладает автономностью в структуре этого текста и легко, без существенных смысловых потерь может быть из него извлечена. Это делает языковую шутку идеальным объектом лингвистического анализа, именно на данных языковой шутки мы и будем базироваться. Тем не менее, в работе используется и термин более широкий—*языковая игра* (он вынесен и в заглавие работы). Дело в том, что между

двумя этими явлениями нет четкой границы, и мы не гарантированы от использования текстов, авторы которых, возможно, не имели целью создание комического эффекта. С наибольшими трудностями мы сталкиваемся при изучении произведений авторов, делающих установку на создание ирреального, сдвинутого мира, таких как В. Хлебников, А. Платонов и особенно обэриуты, которые «отважно стирали границу между смехом и серьезностью, гротеском и жизненеподобием» [Новиков 1989:238]. Иногда мы даже сознательно вторгались «на чужую территорию» — если это позволяло сделать интересные лингвистические наблюдения.

Еще одно уточнение. Мы будем говорить о языковой шутке в широком понимании. Есть более узкое понимание термина *языковая шутка*, противопоставляющее шутку с одной стороны *балагурству*, с другой — *остроте*. Балагурство

непритязательно, оно не связано с решением каких-то смысловых задач — в отличие от шутки и остроты (некоторые теоретики комического, напр. Кирхманн, формулируют это различие как различие между «низменно-комическим» и «тонко-комическим» (см. [Пропп 1997: 15—21])). По мнению Д. С. Лихачева, балагурство особенно характерно для древнерусского юмора, — «одна из национальных русских форм смеха, в которой значительная доля принадлежит “лингвистической” его стороне. Балагурство разрушает значение слов и коверкает их внешнюю форму» [Лихачев — Панченко — Поньрко 1984: 21], оно служит «обнажению слова, по преимуществу его обессмысливающему» [Лихачев 1979]. *Шутку* и *остроту* (как проявления словесного юмора) толковые словари не различают. У теоретиков комического есть, однако, тенденция их разграничивать. По мнению некоторых исследователей, шутка отличается от остроты тем, что в шутке смысл не должен быть новым и ценным. По выражению З. Фрейда, остроту *создают, шутку — находят* [Фрейд 1925: 243]. Поскольку для нас содержательная, смысловая сторона отходит на задний план, а в центре внимания оказываются проблемы чисто лингвистические, мы будем придерживаться широкого понимания термина *языковая шутка* — тем более, что разграничение балагурства, шутки и остроты достаточно условно и неопределенно (ср. замечания В. Я. Проппа о

затруднительности разграничения «высокого» и «грубого» юмора [Пропп 1997: 17 исл.]).

Итак, объектом нашего исследования будет *языковая шутка*, т. е. словесная форма комического. Здесь возникает новый вопрос — о природе комического и, в частности, языковой шутки. Этому вопросу будет посвящен следующий раздел нашей работы.

О природе комического

Юмор — один из элементов гения.

Гёте

Не забывайте, что юмор — черта богов!..

Нет ничего серьезнее глубокого юмора. *Б. Шоу*

Что мелко в серьезной форме, то может быть глубоко в остроумной.

Г. К. Лихтенберг

Мы не льстим себя надеждой внести вклад в теорию комического, но обойти эту проблему молчанием мы, понятное дело, тоже не могли. Ограничимся несколькими краткими замечаниями.

1. Юмор — признак, бесспорно присущий любому человеческому (и только человеческому) коллективу. «Смех свойственен одному токмо человеку» (Словарь Академии Российской, ч. 1—6, СПб, 1789—1794). «Где смех, там человек; скотина не смеется»,—писал М. Горький (цит. по картотеке БАС). Можно представить себе общество, не знающее слез и печалей, но общество без смеха, без юмора, без шутки — такое и представить трудно (да и не хочется). «Кажется, нет ничего на свете лучше и дороже смеха... Ведь смех — это все равно, что солнце» (А. Амфитеатров, по карт. БАС). Смеется только человек — и только над человеком: «комическое всегда прямо или косвенно связано с человеком» [Пропп 1997: 37—38]. Интересна мысль А. Бергсона (высказанная еще раньше Н. Г. Чернышевским): «Пейзаж может быть красив, привлекателен, великолепен, невзрачен или отвратителен; но он никогда не будет смешным» (цит. по*. [Пропп 1997:37—38]).

2. В чем сущность к о м и ч е с к о г о? Задаваясь этим вопросом, мы вступаем на скользкий путь, от чего предостерегают многие

авторы. Одни, как например Дюга, говорили о бессмысленности определения сущности комического-, «...надо просто смеяться и не спрашивать, почему смеешься (...), всякое размышление убивает смех» (цит. по: [Фрейд 1925: 196]), другие, не отрицая важность подобного определения, подчеркивали его трудность, а может, и невозможность: «Юмор с трудом поддается определению, ведь только отсутствием чувства юмора можно объяснить попытки определить его» (Г. К. Честертон). Бернард Шоу также расценивал подобные попытки как «тревожный литературный симптом»: «Желание писать о смешном свидетельствует о том, что чувство юмора у вас утрачено безвозвратно» (Суэта сует).

3. Теоретики комического отмечают, что «ни одному из исследователей (...) не удалось создать универсального и исчерпывающего определения» [Дземидок 1974: 50]. И это притом что над проблемой комического упорно, более двух тысячелетий работали и психологи, и социологи, и искусствоведы, и филологи, и философы (в том числе многие создатели великих философских систем, такие как Аристотель, Гоббс, Кант, Гегель, Шопенгауэр, Шеллинг)! Было создано бесчисленное множество концепций комического. Б. Дземидок даже вынужден объединять их в группы: 1. Теория негативного качества; 2. Теория деградации; 3. Теория контраста; 4. Теория противоречия; 5. Теория отклонения от нормы; 6. Теории смешанного типа (Дземидок 1974:11).

В результате возникает безрадостная картина столкновения множества конфликтующих теорий, ни одна из которых не может быть принята полностью. Нетрудно, однако, заметить одно важное обстоятельство: каждая из существующих теорий содержит некое рациональное зерно. Если рассматривать их не как законченные всеобъемлющие теории (на что обычно претендовали их создатели), а расценивать их лишь как разработки отдельных положений, отдельных сторон комического, то всё встает на свои места и вместо хаотического нагромождения взаимоисключающих теорий возникает достаточно четкое и, на наш взгляд, непротиворечивое понимание сущности комического. Попробуем его изложить, отнюдь не претендуя при этом на полноту. Более полное и детальное описание существующих точек зрения читатель может найти, например, в интересных книгах: Д.

Баттлер [Buttler 1968]; Б. Дземидок [1974]. Мы существенно опираемся на эти исследования в данном разделе нашей работы.

4. Более 2000 лет назад Аристотель отметил две основные черты комического: «Смешное — это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное». В качестве иллюстрации основных признаков комического указывают, например, ситуацию падения на улице важного господина, падения, сопровождаемого нелепыми телодвижениями, но ни для кого не

2- 1789 опасного (смех тотчас прекратится, если мы увидим кровь или услышим стоны). Современный исследователь — Богдан Дземидок — дает, в сущности, очень близкое определение: «Все комические явления (...) отвечают двум условиям: во-первых, любое можно считать в каком-то смысле отклонением от нормы, во-вторых, ни одно не угрожает личной безопасности познающего субъекта, не вызывает страха. Это не означает, однако, что явления вредные, опасные или даже макабри-ческие не могут быть предметом комического творчества» [Дземидок 1974: 56]. Легко заметить, что в его определении аристотелевские характеристики смешного — *ошибка*, *безобразное* — заменены (и вполне оправданно, на наш взгляд) термином *ненормальное*. Именно об *отклонении от нормы* предпочитают говорить современные теоретики комического. Были попытки как-то уточнить, детализировать это, достаточно неопределенное, понятие, но они были не очень удачны. Например, *теория автоматизма* А. Бергсона хорошо объясняет некоторые проявления комического, например комический эффект движений Чарли Чаплина, но никак не может претендовать на универсальность: в строю солдат, шагающих неестественным строевым шагом и напоминающих автоматы, смешным было бы как раз нарушение этого автоматизма. Бесспорно, однако, что при всем их несходстве два приведенных только что примера комического (автоматизм движений Чаплина и нарушение автоматизма неловким марширующим солдатом) имеют нечто общее — нарушается некая принятая *норма*.

Особенно важно отношение нормы к *симметрии* — поскольку «симметрия (...) является той идеей, посредством которой человек на протяжении веков пытался постичь и создать порядок, красоту и совершенство» [Вейль, по: Береговская 1984: 7]. Луи Мартен [Martin 1924] отметил, что в отношении симметрии художественная речь

принципиально отличается от речи спонтанной: «Симметрия свойственна литературной речи, тогда как спонтанная речь тяготеет преимущественно к асимметрии» (цит. по: [Береговская 1984: 8]). Так, хиазм, «обращенный параллелизм с расположением аналогичных частей в последовательности АВ — В*А' («Всё во мне и я во всём», Ф. И. Тютчев; «мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть») [ЛЭС: 482], представляет собой одну из основных фигур экспрессивного синтаксиса, но редок в спонтанной речи. В поэтической речи ненормально нарушение стихотворного размера, а в речи обыденной — соблюдение его. Гневные выпады Васисуалия Лоханкина против жены и ее любовника в романе «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова вызывают только смех—потому что, не замечая того, он говорит пятистопным ямбом.

Варвар с:—*Волчица ты. Тебя я презираю. К любовнику уходишь от меня.*

Птибур дукову-. — *Уйди, уйди, тебя я ненавижу (..) ты гнида жалкая и мерзкая притом. Не инженер ты—хам, мерзавец, сволочь, ползучий гад и сутенер притом!*

5. Второй из аристотелевских принципов («Смешное никому не причиняет страдания и ни для кого не пагубно») некоторые исследователи, в частности Б. Дземидок, переформулировали как принцип личной безопасности. И, может быть, напрасно. Ведь вызывает протест не только смех над чем-то, угрожающим личной безопасности, но и вышучивание чего-то дорогого, близкого нам. А Герцен писал, что бывают минуты, когда мы презираем и свой произвольный «судорожный» смех, и человека, который его вызвал. «Всего гения Гейне чуть хватило, чтоб покрыть две-три отвратительные шутки над умершим Берне, над Платеном и над одной живой дамой. На время публика шарахнулась от него, и он помирился с нею только своим необычайным талантом» (А Герцен, Война; по картотеке БАС). Ср. также реплики типа «Этим не шутят!» и анекдоты о неуместных шутках, например известный анекдот о неудачливом молодожене (Напомню. Похоронив жену, молодожен женился на ее сестре, которую постигла вскоре та же участь. Он женился на третьей, младшей сестре, а через несколько дней явился к родителям своих жен и сказал: «Вы мне не поверите, вы смеяться будете, но и эта умерла!»). Известен случай, когда петербуржцы, восхищавшиеся остроумием

актера П. А Каратыгина, осудили его, за то что он на похоронах брата, В. А Каратыгина, усиливаясь протиснуться к гробу покойного, не утерпел и сказал каламбур *Дайте мне, господа, добраться до братца!* Показательно при этом, что даже совершенно несправедливая, но остроумная шутка «прилипает» к объекту шутки! В. Вересаев приводит след, показательный эпизод литературной борьбы начала XX века: «Все презирали Буренина, но словечки его и прозвища часто неотрывными ярлыками навсегда прилеплялись к писателю. С его руки, например, пристали к Петру Дмитриевичу Боборыкину прозвание «Пьер Бобо» и слово «боборыкать». И читатель, берясь за новый роман Боборыкина, говорил, улыбаясь:

— *Посмотрим, что тут набоборыкал наш Пьер Бобо!*

Извольте-ка после этого захватить читателя!» («Записи для себя»).

Наиболее резкое нарушение рассматриваемого принципа личной безопасности — это травестировка, грубая вульгаризация явлений, которые считаются заслуживающими глубокого уважения или даже преклонения (см. [Дземидок 1974:70]).

Нарушение правил речевого такта в живой и в художественной речи особенно часто проявляются в каламбуре и будут рассмотрены в Приложении П (с. 490—515).

в. Не следует думать, что аристотелевский принцип личной безопасности нарушается в случае макабрического юмора, в шуточках типа:

Шапочки в ряд, тапочки в ряд —

Трамвай переехал отряд октябрят.

ИЛИ:

В баню попал реактивный снаряд.

Голые бабы по небу летят.

Мы ведь имеем здесь дело не с подлинными ужасными происшествиями, а с вымышленными. (Впрочем, сейчас, когда на территории бывшего СССР почти ежедневно гибнут от снарядов люди, последняя из приведенных шуток кажется не столь забавной, как в 80-е годы.)

Неоднократно отмечалось, что предметом юмора могут стать даже и подлинные трагические события. Ср. след, замечание Василя Быкова: «Агеев знал немало людей, которые о своем военном прошлом, зачастую трудном и даже трагическом, имели обыкновение

рассказывать с юморком, посмеиваясь над тем, от чего в свое время поднимались волосы дыбом, находили в ужасном забавное» («Карьер»). Тем самым, аристотелевский принцип личной безопасности предполагает, видимо, безопасность в настоящем и, возможно, в будущем (вряд ли герои Быкова стали бы «с юморком» говорить об ужасных событиях, ожидающих их в будущем). Впрочем, и это положение не бесспорно. Есть, видимо, доля истины в шутовском замечании А Бухова, касающемся эволюции юмора: «...странен выбор 2* времени, в какое имели обыкновение острить древние люди. Современный человек, если он трезв и нормален, в редком случае ходит острить на место крушения товарных поездов, в дворянские богадельни или к трупам пойманного в воде сельской стражей утопленника» («О древних остряках»). В. Конецкий отмечал, что и современный юмор весьма разнороден: в отличие от русского юмора, используемого для рассказа о пережитом страшном, англосаксонский юмор характерен именно тем, что острят в момент опасности («Последний раз в Антверпене»). А вот Д. Лихачев считает, напротив, что «ободрение смехом в самый патетический момент смертельной угрозы всегда было сугубо национальным, русским явлением (...) Суворов шутками подбадривал своих солдат перед битвой и на тяжелых переходах» [Лихачев —■ Панченко — Поньрко 1984:61].

7. Не менее трудно определить границы допустимого в случае, когда объектом комического является произведение искусства. Любопытно, что авторы гораздо терпимее относятся к комической перелицовке их произведений, чем их горячие поклонники. Вл. Новиков указывает целый ряд эпизодов из жизни Жуковского, Пушкина, Блока, Ахматовой и других авторов, которые не прочь были посмеяться над пародийной переделкой своих произведений, а то и провоцировали подобные переделки (см. [Новиков 1989:113—116 и др.]). Вот, например, автоэпиграмма В. Капниста:

Капниста я прочел и сердцем сокрушился.

Зачем читать учился!

«Истинные ценности не боятся *испытания смехом* и даже в какой-то мере в нем нуждаются. Вспомним, как беззаботно смеется пушкинский Моцарт, слушая безбожно коверкающего его музыку трактирного скрипача. И как нетерпим к насмешкам и гримасам Сальери: «Мне не смешно, когда маляр негодный /Мне пачкает

Мадонну Рафаэля,/Мне не смешно, когда фигляр презренный/
Пародией бесчестит Алигьери» [Новиков 1989: 115]. В своем негодовании Сальери не одинок, ср. следующее высказывание Валерия Брюсова: “Мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери”,— восклицает у Пушкина Сальери. И этот крик негодования понятнее, человечнее, чем олимпийский, веселый смех полубога Моцарта. Нет, не смешно, а горько и больно, когда искажают и унижают дорогую мысль, заветную идею, особенно под видом ее защиты» (В. Брюсов, Ник. Вашкевич. Дионисово действо современности).

8. Признаки комического, выделенные Аристотелем и кратко охарактеризованные выше, необходимы, но недостаточны. Вполне очевидно, в частности, что не всякая безобидная ошибка вызывает смех. Так, большинство корректорских ошибок могут вызвать лишь досаду, как, например, опечатки в слове *послами*. *Высокие договаривающиеся стороны обменялись тослами (поемами, бослами и т. п.)*. Не смешно. Почему же вызывает смех другая опечатка в том же слове: *Высокие договаривающиеся стороны обменялись ослами*? Очевидно, потому, что здесь возникает второй, дополнительный смысл, контрастирующий с первым,— представление о глупости послов, их дискредитация. Ср. замечание Ю. К. Щеглова о парадоксальном тождестве контрастных элементов в остроте, которые как бы «просвечивают» друг через друга (см. [Щеглов 1975:169,178]).

Точно так же шутка-контаминация *приматонна* [из: *примадонна + тонна*] вызывает смех потому, что она, как и любая другая шутка, «двухслойна», причем ее составные резко контрастируют: один, обычный, смысл («певица, исполняющая главные партии») — положительный, а второй, дополнительный (представление о тучности человека),— отрицательный.

Отметим еще один важный момент, который не нашел отражения в концепции Аристотеля. Казалось бы, сталкиваясь в комическом с чем-то уродливым или, по меньшей мере, не совсем нормальным, мы должны испытывать отвращение или неприязнь. В действительности же это, наоборот, радует и забавляет нас. Исследователи (Т. Гоббс, К. Юберхорст, Т. Бейн, Ф. Шлегель, Ф. Шеллинг, З. Фрейд) единодушно объясняют это тем, что уродливые явления вызывают у субъекта, свободного (хотя бы в данный момент) от этого недостатка, ощущение

силы, превосходства над кем-либо, довольства собой. Слыша шутку *приматонна*, мы смеемся над конкретным высмеиваемым лицом или же (если это абстрактная шутка, не имеющая конкретного объекта) над воображаемыми тучными певицами, испытываем «фарисейское довольство собой»,— во-первых, оттого что мы лишены этого физического недостатка, и, во-вторых, от сознания исправности своего интеллекта, позволяющего понять шутку, проникнуть в ее механизм.

9. Итак, комический эффект вызывает не всякая безвредная уродливость (или, как сейчас предпочитают говорить, отклонение от нормы), а лишь такое отклонение, которое вызывает возникновение второго плана, резко контрастирующего с первым. Слушатель заманивается на ложный путь, а потом маска сбрасывается (фаза «озарения» и комической радости, сопровождаемой двигательными реакциями —движением некоторых групп мышц). А Бергсон подчеркивал, кроме того, редуцированность шутки: в шутке есть исходная точка и вывод, без промежуточных звеньев. Это обеспечивает внезапность перехода и, тем самым, большой комический эффект [Buttler 1968: 36]. Естественно, что внезапность перехода (и ценность шутки) утрачиваются при повторении. Л. Лиходеев писал: «Даже очень хорошая острота должна быть как шприц: одноразового пользования».

Как соотносятся между собой две части шутки? Важный вклад в понимание этого важного вопроса внесли теории «обманутого ожидания» и «комического шока». Это—две конфликтующие теории, а между тем правы сторонники как той, так и другой теории. Дело в том, что отношения между частями шутки несводимы к одному из двух указанных типов. Здесь возможно и то и другое.

1) Обманутое ожидание. И. Кант, Жан Поль, Т. Липпе подчеркивали, что в шутке наблюдается контраст между ожиданиями субъекта (основанными на его жизненном опыте) и конечной реализацией. Явление, кажущееся естественным, потом демаскируется как абсурд или ошибка и, тем самым, дискредитируется. Иллюстрацией может служить такая сценка: рыболов с громадным трудом тянет добычу и вытягивает... старый башмак

Именно по этому типу строится большинство языковых шуток. Вот несколько примеров.

(1) *Истинный джентльмен всегда поправит галстук, если мимо канавы проходит женщина.*

(2) *«Прекрасная Галатея! Говорят, что она красит свои волосы в черный цвет?» — «О, нет: ее волосы были уже черны, когда она их купила» (Г. Лессинг).*

(3) [Разговор о приеме на работу]:

— *Скажите, но ваш протеже человек способный?*

— *О да, господин директор! На всё.*

2) Комический шок. Здесь отношения между частями прямо противоположны описанным выше: явление внешне удивительное оказывается естественным и понятным. Мы, например, наблюдаем человека, нелепо размахивающего руками, а потом видим, что это дирижер.

Образцом языковой шутки с этим механизмом являются контаминации — «склеивание» двух единиц, например, слов (теоретики комического, особенно

3. Фрейд, высоко ценят контаминации за экономность и богатство содержания):

выдвиженщина [из: *выдвиженец* + *женщина*] (И. Ильф);

собакалипис [из: *собака* + *апокалипис*] (А. Вознесенский);

дегенерал [из: *дегенерат* + *генерал*] (польская шутка).

Сторонники концепции «комического шока» (например, К. Грос, К. Мелинар) отмечают, что в шутках такого типа процесс проходит три фазы: а) растерянность, дезориентированность в связи с новизной, необычностью комического объекта (фаза «шока»); б) фаза «озарения»; в) фаза комической радости, вызванная освобождением от нервного напряжения (см. [Buttler 1968:25—27]).

Комический шок может быть вызван не только необычностью формы, как это имеет место в случае контаминаций (типа *дегенерал*, *олимпьянство*), но и необычностью, неожиданностью смысловой. Вот несколько подобных примеров:

(1) *Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, IV).*

(2) *Женщины подобны диссертациям, они нуждаются в защите (Эмиль Кроткий, Отрывки из ненаписанного).*

Вполне естественно, что эта *смысловая* необычность с развитием науки и техники в ряде случаев перестает быть необычностью, и шутка, ее эксплуатирующая, полностью утрачивает комический эффект. Так, современные часы указывают не только часы, минуты, секунды, но и дни и месяцы, в связи с чем теряет эффект след, шутка Л. Кэрролла:

Шляпа достал из кармашка часы, озабоченно посмотрел на них, встряхнул, поднес к уху и опять встряхнул (...) «Какое сегодня число?» — обратился он к Алисе. Алиса посчитала в уме, подумала немного и сказала: «Четвертое мая!» — «Врут на два дня», — вздохнул Шляпа.

Современные часы могут врать и на два дня, и больше.

ю. Суммируя сказанное, можно сформулировать следующее определение комического.

Комическое — это такое отклонение от нормы, которое удовлетворяет двум следующим условиям: 1) приводит к возникновению двух содержательных планов (от исходной точки совершается внезапный переход к конечному результату, резко отличающемуся от этой исходной точки); 2) ни для кого в данный момент не опасно, а для воспринимающих шутку даже приятно, поскольку это отклонение вызывает в них, лишенных этого недостатка, чувство превосходства или же (в случае «интеллектуальных» шуток) довольство по поводу исправности их интеллекта.

Изложенное выше понимание сущности комического согласуется с представлениями большинства ученых и в полной мере приложимо к словесному юмору, занимающему важное место среди различных видов юмора (изобразительный, музыкальный и т. д.).

По своему отношению к объекту комическое весьма неоднородно, это, образно говоря, целая семья, состоящая из брата и двух сестер, резко различающихся по характеру. Брат (юмор) добродушно, иногда даже со стыдливой любовью подтрунивает над частным, второстепенным, сёстры же — ирония и сатир а — злые насмешницы, отрицающие общее, основное; при этом если в иронии обидный оттенок еще несколько скрыт, то сатира бескомпромиссно враждебна к объекту.

Отношение словесной шутки к этой «семейке» не совсем ясно. Каждая шутка имеет юмористическую, ироническую или сатирическую направленность, но в отличие от юмора и, в какой-то

степени, от иронии и сатиры, которые в ряде случаев читаются между строк, как бы разлиты по всему тексту, иногда очень большому (ср., например, романы Диккенса), шутка сохраняет автономию в структуре произведения и может быть извлечена из него (см. [Buttler 1968]). Языковая шутка—это цельный текст ограниченного объема (или автономный элемент текста) с комическим содержанием.

Комизм «вольный» и «невольный». Установка на комическое

1. Необходимо сказать (на материале словесного юмора) еще об одном важном противопоставлении в сфере комического — противопоставлении комизма «вольного» и «невольного». Языковая игра — это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом слушающий (читающий) также должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность. Только намеренная неправильность вызовет не досаду и недоумение, а желание поддержать игру и попытаться вскрыть глубинное намерение автора, эту игру предложившего.

Есть способы обозначить эту нарочитость, эту преднамеренность. Чтобы не выходить за рамки исследования, мы укажем лишь два самых примитивных и прямолинейных способа и способ самый изощренный.

2. Самый примитивный, но, пожалуй, и самый употребительный прием дать установку на восприятие комического — это реплики типа*. *Шутка! Шучу!*—в случаях, когда говорящий не уверен, что его поймут правильно (слушающий также может попросить уточнений репликами типа: *Это шутка? Шутить изволите?*). Иногда сам жанр текста, тип издания и т. п., указывают на намеренное отступление от языковых норм. Диалог — *«Тебя какая профессия привлекает?»*— *«Милиция»* в «серьезных» текстах воспринимается однозначно как спор о профессиях, однако видя этот диалог в юмористическом журнале «Крокодил», мы ищем и легко находим другую (непреренно

дискредитирующую одного из собеседников!) интерпретацию глагола *привлекать* и фразы в целом — ‘привлекать к ответственности’.

3. Полярно противоположный способ дать установку на комическое, настолько изощренный, что он, видимо, не осознается литературоведами (хотя само явление давно замечено), — перепев. Это явление представлялось несколько загадочным. Явное использование чужих стихов долгое время однозначно расценивалось как пародия, — до тех пор пока не заметили, что это делается авторами, которые не относятся враждебно к «пародируемым» авторам (таким, как Пушкин, Лермонтов), а даже «обожают» их! Эта тема исчерпывающе полно исследована в блестящей работе о пародии Вл. Новикова [1989], к которой мы и отсылаем читателя. Вл. Новиков отмечает, что уничтожающая эпиграмма В. Курочкина, где фигурируют реакционный историк, юрист и философ Б. Чичерин и сверхреакционный журналист Фаддей Булгарин, направлена против них, а не против Пушкина, чьи стихи были использованы в эпиграмме:

Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи.

Старца Булгарина тень чую смущенной душой.

Еще пример перепева:

И скучно, и грустно, и некого в карты задрать В минуту карманной невзгоды.

Жену? — но что толку жену обыграть —

Ведь ей же отдашь на расходы!

(Н. Некрасов).

Неожиданное использование Некрасовым широко известного литературного источника позволяет ему сигнализировать читателю о комической направленности стихотворения и усилить комический эффект. Вл. Новиков пишет, что перепев — это «один из способов перевода художественной энергии вечных шедевров в сатирическую злободневную энергию» [Новиков 1989: 290]. Новиков отмечает, что перепев экономит усилия пишущего, дает ему уже готовую форму, «удваивает смысловой вес бесхитростного сочинения» и одновременно приносит читающему радость узнавания, довольство «своей образованностью». Следует отметить и еще одно важное (может быть, самое важное) свойство перепева — это «переключатель», установка на к о м и ч е с к о е, призыв к читателю воспринимать описываемое в юмористическом (или сатирическом) ключе.

4. В текстах «серьезной» художественной литературы встречающиеся необычные употребления обычно легко отличимы от игры и воспринимаются как языковая неправильность или неточность. Вряд ли можно сомневаться, что не с игрой, а с некоторой небрежностью (не преследующей специальных художественных целей) мы имеем дело в след, примере:

...на подъезд выбежали девки и лакеи со свечами и с радостными лицами (Л Толстой, Война и мир).

Обсуждая этот пример, А. Н. Гвоздев приводит следующее любопытное замечание В. Чернышева («Правильность и чистота русской речи», изд. 3, Пг., 1915, с. 204): «неловко сказано... у Аксакова: *Когда мы возвращались с богатой добычей, милая сестрица выбежала ко мне навстречу с радостным криком и с полоскательной чашкой спелой ежевики*».

Андрей Белый вспоминает грубую ошибку в устном выступлении А. Веселовского: «“Джордано Бруно, стоя одною ногою во мраке средневековья”, — и далее,

далее, далее (нагромождения придаточных предложений, во время которых оратор забыл, что “ногою”), — “другую приветствовал он зарю возрождения”» (А. Белый, На рубеже двух столетий). Даже лингвисты не гарантированы от подобных ляпсусов. В журнале «Новый Сатирикон» (№ 10 за 1914 г.) приводится один из них:

В «Дне» профессор Бодуэн-де-Куртенэ пишет-. «Из человеческого тела могут выхо-дить разные звуки и разные звукосочетания».

Вот наблюдение, которое могло бы быть и не опубликовано!

Подобных неточностей, вызывающих, вопреки воле автора, комический эффект, очень много, и они не раз служили предметом осмеяния. Мы имеем в виду, в первую очередь, книгу А. Измайлова («Пятна на солнце»). Измайлов приводит неточности не только смысловые (вроде лермонтовского «Терек прыгает, как львица с косматой гривой на хребте», вроде «орлиных стай» А. К. Толстого), но и чисто языковые. Один пример:

«УНадсона в “Мечтах королевы” (...) в душевной нише окна стоит королева и мечтает о юноше. “О, ты знаешь, с каким бы блаженством всех их я тебе одному предпочла(...) Королева зарпортовалась и говорит совсем не то, что хотела бы сказать (...)

Не всех их—тебе одному, а уж, конечно, тебя одного всем им,—иначе и мечтать не о чем» (А Измайлов, Пятна на солнце, V).

Разумеется, к неточностям, приводимым Измайловым, можно добавить немало иных. Укажем лишь некоторые.

(1) *Порфирий положил щенка на пол, который, растянувшись на все четыре лапы, нюхал землю* (Н. Гоголь, Мертвые души, т.1, IV).

(2) Карамзина «рассмешил один стих» в оде Державина «На кончину благотворителя»:

Как огонь лампы ароматный,

Погас, распространил приятный Вкруг запах ты~ (по: [Рус. лит. XX в.: 372]).

(3) Точно так Н. Гумилев наверняка не сознавал комический заряд, содержащийся в след, строках его стихотворения «Мой час»:

А где-то пляшет океан,

Над ним белесый встал туман,

Как дым из трубки моряка,

Чей труп чуть виден из песка.

(Лингвистическая природа этой неточности обсуждается ниже, в главе Синтаксис).

(4) *Голова моя машет ушами,*

Как крыльями птица.

Ей на шее ноги

Маячить больше невмочь

(С. Есенин, Черный человек). [Вм.: на шее ноге?]

(5) *На крыльце стояли милые родные лица: мать, дядюшка, крестная, сестры и махали нам руками и платками* (П. Романов, Детство, XXXVII).

Еще один случай — неточность в рассказе А. Чехова «На кладбище»:

„увы—случай стерег его~ Бедняга пал жертвою своей наблюдательности. Однажды, подслушивая, получил такой удар двери в голову, что схватил сотрясение мозга (у него был мозг) и умер.

Нейтральное употребление — *стал жертвою любопытства*. Если же Чехов добивался комического эффекта, то, вероятно, лучше было сказать: *стал жертвою любознательности*.

Итак, языковая шутка — это обычно языковая неправильность (или неточность), намеренно допущенная говорящим и именно так и

понимаемая слушающим.

Функции языковой шутки

1. Обычно говорят о разрушающей силе смеха, о дискредитации описываемого как неперменной принадлежности шутки, отличающей ее от языковой игры (которая может иногда даже возвеличивать свой объект). «Без сомнения, смех — одно из самых мощных орудий разрушения; смех Вольтера бил и жег, как молния» (А. Герцен, *Very dangerous!!!* по карт. БАС); «...смех — самое страшное оружие: смехом можно убить всё — даже убийство» (Е. Замятин, *Мы*). И все-таки правильнее говорить не о дискредитации, а о снижении, поскольку понятие шутки, бесспорно, включает и случаи дружеского подтрунивания, любовного подшучивания.

2. Там, где дискредитация конкретного описываемого лица или объекта не является основной задачей шутки, на первый план выступают другие функции языковой шутки и языковой игры. Об одной из основных функций языковой игры хорошо сказал Н. И. Хмельницкий в «Невском альманахе» за 1846 г. (цит. по статье В. В. Виноградова «Натуралистический гротеск»): «напав на какое-нибудь слово, играю им, как мячиком... Поверьте, если бы мы почаще играли таким мячиком, то скорей бы приучились владеть языком, который не довольно еще гибок для языка разговорного».

3. Мне кажется, следует выделить еще одну чрезвычайно важную функцию языковой игры — *языкотворческую*. В этой связи представляет интерес следующее недоуменное высказывание З. Фрейда: «Какую экономию выгадывает остроумие благодаря своей технике? Произнесение нескольких новых слов, которые можно было, в большинстве случаев, найти без труда. Вместо этого остроумие из кожи лезет вон, чтобы найти одно слово, сразу покрывающее смысл обеих мыслей (...) Не проще ли, легче и, собственно, экономнее было бы выразить обе мысли так, как это именно нужно? (...) Не будет ли больше чем уничтожена экономия, добытая выраженными словами, излишней тратой интеллектуальной энергии?» [Фрейд 1925: 58—59]. Фрейд не учитывает одно важное обстоятельство: интеллектуальные затраты не пропадают бесследно: найденное в акте индивидуального

творчества нередко закрепляется в языке как новый, более яркий (и экономный!) способ выражения мысли. Языковая игра — один из путей обогащения языка. Имеется много явлений, которые можно квалифицировать, как игру, переставшую быть игрой. Ср. «формульные выражения» — сравнения (*злой, как собака*), метафоры (*свежий ветер, железная воля*), генитивные конструкции (*реки крови*), сочинительные конструкции (*золото, а не человек*) и т. д., которые стали уже общеязыковыми. Долго не осознавалось (и не полностью осознается до сих пор), что языковая игра, может быть бессознательно, преследует не только сиюминутные интересы (заинтриговать, заставить слушать), но она призвана выполнять и другую цель — развивать мышление и язык. Полностью освоено мышлением то, что освоено языком. Мысль, для которой язык нашел краткое и четкое выражение, становится достоянием **народа и народного мышления**, и это мышление может подниматься на следующую, высшую ступень. Язык закрепляет достижения мышления.

4. Среди других функций языковой игры указывают обычно стремление развлечь себя и собеседника, а также стремление к самоутверждению—«триумф из-за исправности собственного интеллекта или же обнаружение у других отрицательной черты, от которой сам наблюдатель свободен, что пробуждает в нем фарисейское довольство собой» [Buttler 1968:12].

Самоутверждение путем осмеивания окружающего становится оправданной необходимостью в некоторых особых условиях общественной жизни, например в условиях советского тоталитаризма, когда мы остро чувствовали, что «все в бедной отчизне преступно иль глупо», и ничего не могли изменить, когда смех оставался единственным общедоступным способом борьбы с окружающим злом. Не случайно анекдот, занимающий весьма скромное место в нашей современной бурной общественной жизни, был любимым, чуть ли не единственным способом «отвести душу» в предшествующий семидесятилетний период нашей истории. «Юмор — это убежище, в которое прячутся умные люди от мрачности и грязи»,— писал А. Вампилов в записных книжках (цит. по карт. БАС). «Новая острота обладает таким же действием, как событие, к которому проявляют величайший интерес; она передается от одного к другому, как только

что полученное известие о победе» [Фрейд 1925: 18—19]. Не правда ли, эти слова сказаны как будто о нас, о нашей недавней жизни?

б. Итак, языковая игра — это и замечательный учитель словесности, и забавный собеседник, и великий утешитель-психотерапевт. С этими функциями связана еще одна важная функция языковой игры, которую мы назвали бы маскировочной. Остановимся на ней несколько подробнее.

Маскировочная функция языковой шутки

Эта функция языковой шутки имеет прагматическую основу—касается не содержания описываемого, а отношений между говорящим и адресатом (адресатами), принятых ими соглашений: языковая шутка позволяет обойти «цен-зуру культуры». Бернард Шоу писал: «...для правды есть отдушина: то, о чем запрещается говорить всерьез, можно сказать в шутку» (Ларец острословов). Шутка позволяет «замаскировать» сообщение и благодаря этому выразить те смыслы, которые (по разным причинам) находятся под запретом. Можно указать на пять разновидностей подобных смыслов.

1. 3. Фрейд [1925] отмечает, что одна из важных функций языковой шутки заключается в удовлетворении агрессивности и склонности к обценному, обычно подавляемых. Сальный разговор, «чрезвычайно излюбленный простым народом», в образованном обществе вытесняется, отвергается цензурой культуры. «Смеяться по поводу грубой сальности... нам было бы стыдно, или она показалась бы нам отвратительной»,—пишет Фрейд [1925:136]. Но для психики человека отречение от «первичных наслаждений» очень тяжело. Острота позволяет упразднить отречение, вернуть потерянное. Теперь, когда остроумие пришло нам на помощь, мы вновь можем смеяться над неприличным. Говорящий «прячется» за язык («А я что? Это язык так устроен!»). Именно с этим связан факт (иногда подвергающийся обыгрыванию): в непонятные слова и словосочетания слушающие склонны вкладывать бранный или неприличный смысл. Ср.:

(1) — *А кто же у вас тут климатологией занимается?*

— *Надо быть, Игнашка Кривой к этому делу причинен. Не то он конокрад, не то это самое* (А Аверченко, Люди, близкие к населению).

(2) — *Вчера вечером он мне сказал,, что я выгляжу такой эфирной прилунном свете.*

—А что это значит?

—Не знаю, но на всякий случай я ему съездила по физиономии.

(3) «Товарищ лейтенант, в отпуску я с девушкой познакомился».

— «Ну и как? Вам удалось ее заинтриговать?»

— «Да, товарищ лейтенант, пять раз».

(4) Репортер — передовику производства:

—А какое у вас хобби?

—Ну, сантиметров 15~

Еще пример такого рода — анекдот, обыгрывающий фамилию президента Академии наук

[На заседании Академии наук]:

—Мань, хочешь, я тебе Келдыша покажу?

—Да ты что, Ваня?! Дома, дома!

Сходным образом из множества возможных пониманий переделанной пословицы *Машу каслом не испортишь* безошибочно выбирается неприличное. Да и само слово *двусмысленность* обозначает не сочетание любых двух смыслов, а сочетание двух смыслов, один из которых считается неприличным.

Кроме отмечаемой 3. Фрейдом маскировки неприличного, можно указать еще ряд проявлений реабилитации языковой шуткой запретных смыслов.

2. «Маскировочная» функция языковой шутки ярко проявляется в **афористи-ке**. Как и сальность, она переживает кризис. Так называемые «общезначимые выражения» — сентенции, максимы — становятся после XVIII в. немодными и нередко вызывают раздражение и насмешку. Вспомним, как едко издевался Брюсов над Леонидом Андреевым за содержащиеся в его произведениях, в частности в «Жизни человека», истины типа: «Молодость и любовь утешают и в бедности», «В удаче все льстят, при неуспехе отвертываются» [В. Брюсов, Л. Андреев. «Жизнь человека» в Художественном театре]. И. Губерман пишет на эту же тему:

Люди воздух мыслями копят многие столетья год за годом.

Я живу в пространстве из цитат и дышу цитатным кислородом.

Суждение совершенно справедливое, но любопытно, что Губерман сам охотаю «копит воздух» мыслями типа:

Редко нам дано понять успеть, в чем таится Божья благодать, ибо для души важнее хотеть, нежели иметь и обладать.

ИЛИ:

Кто понял жизни смысл и толк,

Давно замкнулся и умолк

Современные авторы очевидным образом начинают стыдиться дидактического, назидательного тона. Но склонность-то к морализированию, видимо, сохраняется! И тут опять, как и в случае сальности, говорящие прячутся за язык, за языковую игру. Есть доля истины в шутовском высказывании Ф. Кривина: «...о серьезном говорить всерьез — все равно что заедать кирпич черепицей... Тут уж приходится выбирать: либо о серьезном несерьезно, либо о несерьезном серьезно» (цит. по: [Вл. Новиков 1989:248]).

В наше время сентенции типа: *Не посягай на чужое добро*, или: *В отношениях с людьми избегай трений*, или: *Ничтожества, когда их много, представляют грозную силу* выглядели бы старомодно-занудными. Однако те же сентенции в «каламбурной упаковке» — вполне уместны:

(5) *Уголовников тоже влечет к добру, но, к сожалению, к чужому* (Н. Глазков).

(6) *Что ты скажешь на это, физика? В отношениях между людьми трения ведут к охлаждению.*

(7) *Не согласен с математикой. Считаю, что сумма нулей дает грозную цифру.*

Два последних примера взяты из сборника сентенций Станислава Леца под характерным названием «Непричесанные мысли». Не точнее ли было бы название «Мысли с модной прической»?

3. Шупсапозволяет, далее, высказывать тривиальное, то, что «навязло в зубах», но «накипело в душе» и требует выхода, например мысль о том, что в нашей стране люди живут хуже, чем в «нормальных» странах; ср. известный анекдот «застойных» годов*.

Иностранец спрашивает: — Что это за очередь?

— Масло дают.

— О! А у нас только продают. А это за чем очередь?

— Ботинки выбросили.

— Какие, эти? Да, у нас такие тоже выбрасывают.

Точно так же предельно сжатая каламбурная форма оправдывает возвращение Г. Лихтенберга к старым как мир мыслям о женском непостоянстве и об усыпительном действии проповедей:

Двухспальная женщина—односпальный церковный стул (по: [З. Фрейд 1925]).

4. Шутка позволяет высказывать странные, а то и абсурдные мысли. Ср.:

(8) *Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот* (Козьма Прутков).

(9) *Заря подобна прилежному ученику, она каждое утро занимается* (Журн. «Сатирикон»).

(10) *«Эк тебя разнесло -тоL > —укорял Сидор Марфу, в которую угодил артиллерийский снаряд* (А. Кнышев).

Необходимо, однако, подчеркнуть, что для выражения подобных (странных или абсурдных) смыслов необходима «санкция языка» — сходство обыгрываемых слов. И стоит заменить в приведенных примерах выделенные слова другими, пусть близкими по смыслу (соответственно: *чистить зубы, горит, разорвало*), как получается полная бессмыслица, не заслуживающая внимания собеседника или читателя. Ср.: *Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее чистить зубы*.

Следует отметить, что возможны абсурдные высказывания, не санкционированные языком, представляющие собой простое нагромождение нелепостей. Здесь особенно отчетливо проявляется сущность абсурдистской остроты. Абсурдистская острота, по З. Фрейду, «своеобразный бунт против тирании рассудка» [Дземидок 1974:42]. Вот несколько ярких примеров этого «бунта» — из русского и английского фольклора:

(11) *Когда у кого заболит сердце и отягощеет утроба, и тому пристойные статьи: Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкого вещного топу 13 золотников, светлого тележного скрипу 16 золотников, а принимать то всё по 3 дни неетчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть три дни на морозе нагому, покрывшись от солнечного жаркого луча неводными мережными крылами в однорядь* (Лечебник XVIII в.).

(12) *Зашел в избу. Вижу, тесто бабу месит. Я усмехнулся, а тесту не понравилось*.

(13) *Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота.*

(14) *В прошлое воскресенье рано утречком, часов примерно в шесть вечера, я плыл на всех парусах через горы, когда повстречался вдруг с двумя всадниками в карете, сидевшими верхом на одном муле, и спросил их, не знают ли они, на какой час назначена свадьба Билла Хэннефорда, которого отпевали вчера в нашей церкви («Бабушкин дедушка»).*

5. Языковая шутка позволяет обойти цензуру культуры и еще в одном важном пункте: она позволяет говорящему нарушать важный принцип речевого общения-принцип вежливости, маскирует и сглаживает невежливость. Особенно отчетливо это проявляется в иронии. Ироническое высказывание *Да, ты—герой!* неприятно для слушающего, но все-таки не в такой степени, как «прямое» высказывание (имеющее, в сущности, близкое значение) *Ты—трус!*

Еще пример — частушка из к / ф «Свинарка и пастух»:

Очень, девки, не гордитесь,

Три копейки вам цена!

-Только, девки, не сердитесь:

Это я пропел шутя!

Шутка предметная vs. шутка языковая

1. Не всякая шутка, словесно выраженная, является языковой. Вслед за Лип-псом и другими исследователями мы выделяем среди словесных шуток **предметные шутки** и **языковые шутки**. Исследователи пытались выработать критерии для разделения этих двух типов. Д Баталер [Buttler 1968], исследующая польскую языковую шутку, указывает, что в языковой шутке языковая форма ненарушима, не допускает синонимических замен, не поддается передаче элементами чужого языка. Существенное различие между этими видами шутки проиллюстрируем двумя примерами.

Вот классический образец предметной шутки, приводимый разными авторами (Й. Фолькельт—на немецком языке, Д. Баттлер — на польском). Мы переводим ее на русский. Профессор, видя, как жена замахивается на него книгой, кричит: *«.Ради Бога, Гертруда, не этой!*

*Эта из университетской библиотеки.*¹¹> В этой шутке важен комизм ситуации, характеров, поэтому она может быть изложена другими словами («эта книга принадлежит университетской библиотеке», «эту книгу я взял в библиотеке» и т. п.) и легко переводима с одного языка на другой,— так же как слова о гоголевском заседателе, от которого всегда пахнет водкой: *«он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою».*

2. А вот пример чисто языковой шутки:

Первомайские лозунги.

для тр анспортнико в: Дадим каждому пассажиру по мягкому месту!

для связисто в. За связь без брака!

Эта шутка имеет чисто языковой механизм, использует многозначность конкретных русских слов и словосочетаний:

мягкое место— 1) место в транспорте, оборудованное мягкой мебелью,

2) часть тела;

связь — 1) средство для передачи информации, 2) близость (в частости половая);

брак — 1) недоброкачественность, 2) супружество.

Естественно, что эта шутка, в отличие от шутки о профессоре, непереводима на другие языки и не допускает замены слов, составляющих костяк шутки, на другие, пусть близкие по значению, русские слова. В этом легко убедиться, производя соответствующие замены: *Дадим каждому пассажиру по удобному месту!*, *За связь без повреждений!* Комический эффект полностью утрачен¹.

В. Пропп утверждал, что «язык комичен не сам по себе, а потому, что он отражает некоторые черты духовной жизни говорящего, несовершенство его мышления» (Пропп 1997:149]. С этим замечанием нельзя согласиться: языковая шутка — это шутка **и над языком** (а иногда — **исключительно над языком**).

3. Впрочем, отграничение чисто языковых шуток от шуток предметных не так определено, как нам этого хотелось бы,— поскольку не слишком надежны сами критерии этого отграничения, в том числе и основной из них — непереводимость на другие языки. Э. М. Береговская отмечает, что многие явления аффективного синтаксиса, например такие фигуры, как хиазм и зевгма, представляют

собой универсалии, свойственны всем или почти всем литературно развитым языкам и, естественно, идеально переводимы [Береговская 1984:11—14 и др.]. Легко также переводятся на другие языки шутки, использующие средства прагматики, которая, как известно, характеризуется неконвенциональностью. Вот один показательный пример. Интересная работа Е. В. Падучевой [19826] исследует обыгрывание норм ведения диалога в сказках Льюиса Кэрролла. При этом оказалось возможным анализировать **русский перевод** сказок, сделанный Н. М. Демуровой, поскольку оказались переводимыми с английского на русский многие случаи языковой игры, даже некоторые каламбуры. Что касается близкородственных языков, то здесь возможности «обмениваться шутками» еще шире. Так, мы убедились, что многие случаи языковой игры, приводимые в уже упомянутой нами обстоятельной работе Д. Баттлер [Buttler 1968], сохраняют комический эффект при переводе с польского языка на русский (даже шутки, использующие арсенал низших уровней языка — морфологию, словообразование). Несколько примеров:

безпортковец, недотруп, журналгист, Министерство халтуры [вм. культуры}-, Хорошая парочка—он кретиноват, она мегеровата\ У меня есть слепой брат, номы редко видимся, Накрывая любимую женщину с другим типом — делаешь глупость: пусть сами накрываются, если хотят.

Интересно также отметить, что даже так называемая непереводаемая игра слов может быть передана средствами другого языка (с метаязыковыми пояснениями) и комический эффект при этом частично сохраняется. Один пример подобного переложения — из сборника «Физики продолжают шутить»: Томсон (лорд Кельвин) однажды вынужден был отменить свою лекцию и написал на доске: «Professor Tomson will not meet his *classes* today» (Профессор Томсон не сможет встретиться сегодня со своими учениками). Студенты решили подшутить над профессором и стерли букву «с» в слове *classes*. На следующий день, увидев надпись, Томсон не растерялся, а, стерев еще одну букву в том же слове, ушел (*classes* — классы, *lasses* — любовницы, *asses* — ослы).

В данной работе мы, естественно, будем говорить только о языковых (но не о предметных) шутках, причем в одном строго

определенном аспекте: языковая шутка интересует нас как вид лингвистического эксперимента.

Языковая игра как лингвистический эксперимент

1. Известно, что в XX в. в различных областях науки и искусства (в математике, биологии, философии, филологии, живописи, архитектуре и т. д.) многие ценные идеи и начинания российских ученых и деятелей культуры заглохли в душной атмосфере советского тоталитаризма, но получили признание и развитие на Западе и через десятилетия снова возвращаются в Россию. Это в значительной степени относится и к методу лингвистического эксперимента, громадную роль которого настойчиво подчеркивали в 20-х годах А. М. Пешковский и особенно Л. В. Щерба. «Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило (...) В возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество — с теоретической точки зрения — изучения живых языков» [Щерба 1974:32].

На словах необходимость экспериментирования в синхронических исследованиях признаётся, по-видимому, всеми российскими лингвистами, на деле, однако, возможности этого метода до сих пор используются недостаточно. Зарубежные исследования по грамматике, семантике, прагматике — это, как правило, се-

рия экспериментов над несколькими, тщательно подобранными примерами и интерпретация полученных результатов. В России работа по современному языку в рассматриваемом отношении мало отличается от работ по истории языка: и в тех и в других приводятся большие списки примеров из обследованных текстов и сама величина списка расценивается как доказательство правильности развиваемого положения. При этом: игнорируется то обстоятельство, что в реальных текстах анализируемое явление нередко искажено воздействием добавочных факторов. Мы забываем предостережение А. М. Пешковского, который отмечал, что было бы ошибкой видеть,

например, в союзе *и* выразителя распространительных, причинно-следственных, условно-следственных, противительных и т. п. отношений; это означало бы, что «в значение союза просто сваливается все, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений» [Пепшовский 1956:142], Исследователь языка попадает при этом в положение химика, который для химического анализа какого-то металла брал бы куски его руды разного минерального состава ^приписывал наблюдаемыеразлит чия самому металлу. Очевидно, химик возьмет для! своего опыта чистый металл, лишенный примесей. Мы также должны оперировать тщательно подобранными* примерами, по возможности исключая:воздействие добавочных факторов^, и экспериментировать с этими примерами (например, заменять слово его сино^-нимом, изменять тип речевого акта, расширять фразу за счет диагностирующего контекста и т. п.).

2. Сказанное выше отнюдь не означает, что автор—противник сбора текстового материала. В исследованиях по диахронии, по стилистике и т.д. он необходим. Да и при изучении современного языка примеры из текста— это полезная отправная точка и ценный иллюстративный материал. Однако сбор текстового материала не должен стать самоцелью. Это не лишенное приятности занятие дает не так уж много: по Маяковскому, «в грамм добыча, в год труды». При изучении живого языка упор должен быть сделан на лингвистическом экспериментировании. Мы сэкономим время и добьемся лучших результатов. Об этом хорошо сказал Ю. Д. Апресян: «Можно десятилетиями собирать факты и ни разу не заметить семантического секрета слова, который оно мгновенно отдает в условиях острого эксперимента» [Апресян 1971:34].

3. Важным видом эксперимента, являются наблюдения над «отрицательным языковым материалом» — аномалиями (высказываниями, противоречащими языковой интуиции). Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают (со ссылкой на Т. Куна), что в науке нередко открытие начинается с осознания аномалии [Булыгина — Шмелев 1997:438]. «...игра в нарушение семантических и прагматических канонов имеет своей целью вникнуть в природу самого канона, а через него и в природу вещей» [Арутюнова 1988: 303]. Разумеется^необходима осторожность при интерпретации

результатов. Результаты, которые резко противоречат существующим представлениям («ни в какие ворота не лезут»), требуют тщательной проверки. Не исключено, что мы имеем дело с ошибкой эксперимента. Как заметил Э. Даль, «если мой градусник показывает, что у меня температура 43^ВС, то я заключу отсюда не то, что прежние теории относительно возможных колебаний температуры человеческого тела не верны, а то, что мне следует купить новый градусник» (цит. по: [Булыгина — Шмелев 1997:437]).

3-1789

Ю. Д. Апресян предложил единую шестизначную экспериментальную шкалу для измерения степени языковой неправильности: правильно — (+), допустимо — (-), сомнительно — (?), очень сомнительно — (??), неправильно — (*), грубо неправильно (**). Языковая игра (ЯИ) располагается, как правило, в верхней части шкалы, это обычно небольшие отклонения от нормы или даже просто некоторая необычность, например «сгущения», перенасыщение какой-то не слишком частой языковой особенностью—типа *Съел тельное, надел исподнее и поехал в ночное* (ср. [Норман 1987]). Сильные отклонения от нормы и грубые неправильности в художественной речи редки, а в авторской — крайне редки. Есть, однако, одно исключение — **пародия**.

4. Дж Китчин видит в пародии «реакцию носителей расхожих представлений... В социальных вопросах — это защитник респектабельности, в литературе — установившихся форм» (цит. по: [Новиков 1989:134]).

Строки А Ахматовой *Я на правую руку надела / Перчатку с левой руки* М. В. Панов в замечательном (к сожалению, так и не опубликованном) курсе лекций по языку русской поэзии назвал «камертоном» поэтики акмеизма. Но как жадно, не брезгуя повторами, набросились на эти строки пародисты, привыкшие к абстрактной поэтике символистов! Вот лишь некоторые из пародий:

Только вздрогнула:—Милый! Милый!

О, господь мой, ты мне помоги!

И на правую руку стащила Галошу елевой ноги (С. Малахов).

Стынут уста в немой улыбке.

Сон или явь? Христос помоги!

На ногу правую по ошибке,

Надела туфель елевой ноги (В. Зоргенфрей).

Но теперь, уступивши мужскому насилию,

Я скорблю глубоко!

Л на бледные ножки надела мантилью,

А на плечи—трико~

(Дон Аминадо).

Следует добавить: пародия —это и защитник установившихся языковых форм. Пародист зачастую отталкивается от некоторой языковой (намеренной или ненамеренной) аномалии или необычности в пародируемом тексте, усиливая ее —зачастую до степени грубой неправильности. Получается «аномалия в квадрате». Таким образом, пародии очень интересны при лингвистическом исследовании нижней части шкалы аномальности, той, которую Ю. Д. Апресян обозначает знаками (*) и (**).

5. Эксперимент должен стать для лингвиста, исследующего современный язык, столь же обычным рабочим приемом, каким он является, например, для химика. Впрочем, то, что он занимает скромное место в лингвистических исследованиях, отнюдь не случайно. Эксперимент требует определенных навыков и немалых усилий. Поэтому, нам кажется, особенно важно использовать эксперимен-

тальный материал, который уже имеется, «лежит под ногами». Мы имеем в виду языковую игру.

Парадоксальный факт: лингвистический эксперимент гораздо шире, чем лингвисты, применяют (уже многие столетия, если не тысячелетия) сами говорящие— когда они играют с формой речи.

В качестве примера можно привести серию экспериментов О. Мандельштама с местоимением *такой*, указывающим на высокую степень качества (напр., *он такой сильный*). Вот строки из юношеского стихотворения 1909 г.:

Дано мне тело — что мне делать с ним,

Таким единым и таким моим.

Здесь несколько необычно сочетание местоимения *такой* с прилагательным *единый* и особенно с местоимением *мой*. Сочетание *таким моим* представляется допустимым, поскольку по смыслу оно близко к «вполне нормальным» сочетаниям типа *таким родным*. Однако Мандельштам сам отчетливо ощущал необычность этого

сочетания и неоднократно использовал его в юмористических стихах, в своего рода автопародиях:

*Мне дан желудок, что мне делать с ним,
Таким голодным и таким моим? (1917 г.)*

[Комический эффект создается за счет сужения и снижения самой темы, сведения ее к проблемам желудка.]

*Или: Неунывай,
Садись в трамвай,
Такой пустой,
Такой восьмой- (ок. 1915 г.)*

Комический эффект вызван сочетанием местоимения *такой* с числительным *восьмой*., которое трудно осмыслить как качественное прилагательное. Словосочетание *такой восьмой* аномально, но не бессмысленно: в результате игры возникает новый смысл. Дело в том, что в отличие от первых, «престижных», выделенных числительных (ср. *первая красавица, первый парень на деревне, первым делом*)¹, числительное *восьмой* — невыделенное, «заурядное», и тем самым, сочетание *такой восьмой* приобретает смысл ‘такой обычный, заурядный’.

Но тут уже, собственно говоря, начинается новая серия лингвистических экспериментов О. Мандельштама — эксперименты с числительными, с делением их на «престижные» и «непрестижные». Вот его шутка, использующая образ «путника», наивного и не знакомого с новейшими достижениями науки, такими как электричество (упоминаемый им Шилейко — известный ассириолог, муж Анны Ахматовой, на время поселившийся в чужой роскошной квартире):

*Путник, откуда идешь? Я был в гостях у Шилейки,
Дивно живет человек,, смотришь — не веришь очам.
В бархатном кресле сидит, за обедом кушает гуся.
Кнопки коснется рукой—сам зажигается свет.
Если такие живут на Четвертой Рождественской люди,
Путник, молю, расскажи, кто же живет на Второй?*

Стихи содержат шутовское представление, что на Второй Рождественской должны жить еще роскошнее, чем на Четвертой (подобно тому как второе место в состязаниях почетнее четвертого).

Основная задача исследования

1. В русистике языковая игра исследуется давно и успешно — в работах

В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, А. И. Ефимова, Е. А. Земской, Е. П. Ходаковой, А. А. Щербины и др. Из более поздних работ следует отметить работы Ю. И. Леви-

на [1980], Е. В. Падучевой [19826], Э. М. Береговской [1984], Б. Ю. Нормана [1987],

С. И. Походни [1989], Т. А. Гридиной [1996], Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [1997] и др. Наша работа находится в русле этих исследований, хотя и рассматривает языковую игру в несколько ином аспекте.

Лингвисты описывают главным образом арсенал языковых средств, используемых в языковой игре. Сами эти средства предполагаются заранее известными. В данной работе этот аспект исследования полностью сохраняется, однако основное внимание сосредоточено на другом — на извлечении из языковой игры лингвистически содержательных выводов. Языковая игра — это уже проведенный (и успешный!) лингвистический эксперимент (пусть проводился он с другими целями — для усиления выразительности речи, для создания комического эффекта и т. д.). Лингвисту остается дать этому чужому эксперименту **лингвистическую интерпретацию**. Мы не хотим утверждать, что этот аспект не затрагивался ранее. В некоторых из перечисленных работ (особенно в работах последнего времени) есть очень интересные наблюдения на эту тему. И все-таки можно утверждать, что лингвисты недооценивают роль языковой игры в исследовании русского языка. Е. В. Падучева отмечала, что языковая игра — «источник полезных и убедительных иллюстраций» к некоторым положениям лингвистики [Падучева 19826: 76]. Не менее важно, на наш взгляд, другое: изучение этого «несерьезного» материала может натолкнуть лингвиста на серьезные размышления, на новые нетривиальные наблюдения и обобщения при изучении самых разных уровней языка. И об этом убедительно свидетельствуют исследования самой Е. В. Падучевой (я имею в виду, в частности, работу 1982 г. о сказках Льюиса Кэрролла). Свою задачу мы видели в том, чтобы богатый собранный материал, снабженный подробными

указателями, сделать доступным для широкого круга специалистов по самым разным областям лингвистики. Следует подчеркнуть, что языковая игра, этот не направленный, «случайный» эксперимент, позволяет искать (и иногда находить) там, где экспериментатор-лингвист иногда не догадался бы искать.

2. Полемизируя с исследователями-лингвистами, которые считают, что языковая игра не достойна внимания, так как основывается на трафаретах и шаблонах, авторы главы о языковой игре в монографии [РРР 1983] пишут: «Признавая, что сами условия протекания РР (разговорной речи.—Я Q —ее неподготовленность и непринужденность —обусловят и непритязательность многих явлений языковой игры, мы тем не менее считаем, что в языковой игре известная шабло-низация совмещается с творчеством (...) определенный интерес представляет и установление наиболее типических, трафаретных приемов языковой игры, и выявление тех языковых средств, которые служат для них материалом» [Земская — Китайгородская-Розанова 1983: 175—176]. Еще большую ценность представляет для лингвиста изучение языковой игры в художественных текстах, лишенных тех черт неподготовленности и непринужденности, которые отрицательно сказываются на качестве языковой игры.

М. М. Бахтин подчеркивал, что «только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо требования к нему здесь максимальные: все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [Бахтин 1974]. В этом ярком, образном высказывании можно согласиться со всем, кроме первого слова — *только*. В языковой игре, как и в поэзии, язык также «доходит до своих крайних пределов», более того — постоянно выходит за эти пределы, посягает на их нерушимость, пытается их раздвинуть. «В смешном скрывается истина»,— сказал Бернард Шоу. Можно считать, что это не только истина о мире, но также истина о языке.

3. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев предлагают отличать от языковой игры «наивный» языковой эксперимент, когда «говорящий сознательно производит аномальное высказывание с целью (вероятно, не всегда четко осознаваемой) привлечь внимание к нарушаемому правилу. Говорящий в таком случае как бы выступает в роли

исследователя, стремящегося получить «отрицательный языковой материал» [Булыгина — Шмелев 1997: 448]. Мне это разделение представляется недостаточно оправданным: ведь языковая игра — это тоже сознательное манипулирование языком, построенное если не на аномальности, то по крайней мере на необычности использования языковых средств. Показательно, что сами авторы вынуждены признать: «Граница между «языковой игрой» и «наивным» экспериментом не всегда может быть легко проведена» [Булыгина — Шмелев 1997:450].

4. Что касается лингвистических комментариев, предлагаемых в данной книге, то они разочаруют, вероятно, всех читателей: нелингвистам они покажутся слишком детальными и специальными, лингвистам — слишком беглыми и поверхностными. И это, видимо, неизбежно. Наш материал достаточно ограничен, он охватывает лишь одну (и достаточно периферийную) область функционирования языка. Предлагать на основе этого материала какие-то решения было бы легкомысленно, да это и невозможно: наш материал, будучи функционально ограниченным, чрезвычайно широк тематически, языковая игра охватывает все стороны языка, все языковые уровни. Полное описание затрагиваемых лингвистических вопросов (с указанием хотя бы основных существующих по этим вопросам точек зрения) вылилось бы в многотомную лингвистическую энциклопедию. Следует признать, что ссылки на существующую литературу носят достаточно случайный и субъективный характер. Весьма полезными для меня были исследования Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Анны Вежбицкой, В. В. Виноградова, Е. А. Земской, Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, а также некоторые другие исследования последнего времени, в первую очередь исследования по семантике и прагматике языковых единиц, однако и они использованы в крайне ограниченном объеме. Субъективность проявляется и в степени детальности описания тех или иных языковых явлений: наряду с описаниями достаточно подробными немало описаний крайне беглых и поверхностных, а некоторые явления рассматриваются на уровне примеров, не снабженных даже краткими комментариями. Эта фрагментарность и «мозаичность» обусловлена в ряде случаев объективными причинами: имеются структурно важные

языковые средства, которые, тем не менее, не подвергаются обыгрыванию или подвергаются ему чрезвычайно редко.

Итак, данная книга — это лишь *Материалы для...* Если эти материалы послужат отправной точкой для открытия некоторых тайн языка, мы будем считать свою задачу выполненной.

Источники

Работа достаточно субъективна по отбору и описанию материала, она отражает личные пристрастия и профессиональные интересы автора. Автор — лингвист, и его внимание было сосредоточено на лингвистической стороне языковой шутки. Литературоведческую сторону дела (проблема авторства, место того или иного писателя в истории языковой шутки и место шутки в творчестве того или иного писателя) мы не затрагивали. Она нуждается в особом рассмотрении.

Материалы, на которых основывается книга, собирались автором в течение последних десяти лет. Основным источником для нас была русская художественная литература XIX—XX вв. (Все примеры, заимствованные нами из работ других исследователей, специально оговариваются.) В книге приводятся, с пометой — (?), и те шутки, автора которых нам определить не удалось. Мы предпочитаем признаться в собственном невежестве, чем упустить интересную в лингвистическом отношении шутку. Надеемся, что авторы извинят нас и одобряют такое решение.

Другой важный источник — это фольклор: пословицы, анекдоты (разумеется, те из них, которые строятся на языковой игре). Данные разговорной речи приводятся редко (здесь мы отсылаем читателя к замечательной серии исследований русской разговорной речи в Институте русского языка им. В. В. Виноградова).

Широко распространено мнение, что игра слов непереводаима на чужой язык. Это, как мы уже отмечали, сильное преувеличение, особенно там, где речь идет о близкородственных языках. Так, мы убедились, что многие польские каламбуры, приводимые в работе D. Buttler «Polski dowcip j[^]zykowy», легко переводятся на русский язык, не теряя при этом своего комического эффекта. Поэтому мы считали возможным привести (в нашем переводе) некоторые из них, а также

образцы английских, французских, немецких, американских языковых шуток

И еще одна оговорка. Мы приводим немало шуток достаточно смелых — не из-за особого пристрастия именно к такого рода шуткам, а в силу объективной реальности: эти шутки занимают важное место, именно они, по мнению З. Фрейда, вызывают наибольший интерес говорящих. В книгу включены те из них, которые по своему лингвистическому механизму представлялись нам наиболее интересными. Врач не может стыдиться человеческого тела, лингвист — человеческого языка.

Разумеется, собранный и обработанный нами материал — лишь капля из неисчерпаемого богатства, накопленного русской литературой и фольклором...

Строение работы

Для языковой игры используются ресурсы всех языковых уровней — но далеко не в равной степени. Известно, что с точки зрения возможности переосмысления можно различать системы «жесткие», «полужесткие», «нежесткие» (см. [Ярцева 1968: 27—28]). Низшие языковые уровни (фонетика, фонология, морфология) в целом характеризуются большей «жесткостью» и гораздо реже используются в языковой игре, чем единицы словообразовательного, лексического, синтаксического уровней.

Распределение материала по главам близко к общепринятому. В его основе лежит моррисовское трехчастное деление лингвистики. **Синтактика (грамматика)** изучает «формальные отношения знаков друг к другу», **семантика** — «отношения знаков к их объектам», **прагматика** — «отношения знаков к их интерпретаторам», то есть действующим лицам процесса речи [Моррис 1983: 42]. Анна Вежбицка показала, что эти части не автономны: грамматика семантична, семантика прагматична, неотделима от человека, отражает общие свойства человеческой природы. Семантика пронизывает все уровни: в морфологии значения передаются формами слов, в лексике — словами, в синтаксисе — служебными словами, конструкциями, порядком слов, интонацией. Сходную позицию занимают и некоторые

другие современные исследователи. Ср. «постулат о примате семантики»

А. Е. Кибрика: «как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем» [Кибрик 1992: 21]. Тем самым, семантика «растворяется» в других частях. Принимая в целом этот подход, мы, однако, считали возможным выделить особую главу («Семантика»), вынеся в нее только те достаточно общие семантические явления, которые трудно было бы привязать к каким-то определенным языковым единицам, а иногда и к одному какому-то уровню языка. В отдельную главу, естественно, выделена также **прагматика**. По Вежбицкой, прагматика представляет собой часть семантики, но включает элементы, в которых преобладают субъективные о-э к с п р е с -сивные компоненты значения. Выделить эти элементы (и, тем самым, отделить семантику от прагматики) не так-то просто. Ю. Д. Апресян отмечал, что одна из особенностей прагматической информации «состоит в том, что она тесно сплетена с семантической информацией и во многих случаях трудно отделима от нее» [Апресян 1995: т. II, 143]. Некоторые исследователи, в том числе Т. В. Булыгина, предлагают достаточно четкий критерий: различие между семантикой и прагматикой—это различие между арбитрарным (конвенциональным, условным) и естественным (неконвенциональным), принципы прагматики неконвенциональны [Булыгина — Шмелев 1997:253—255].

В главе I мы рассмотрим некоторые общие явления, проявляющиеся на материале разных языковых уровней. Это выделение достаточно естественно и хорошо согласуется с общей теорией комического: теоретики комического выделяют шутки с общекомическим механизмом (см., напр., [Buttler 1968]).

Основная часть исследования будет посвящена рассмотрению **отдельных уровней языка по данным языковой игры**. Краткие названия этих глав не должны вводить в заблуждение: в главе **Морфология** речь идет об обыгрывании морфологических явлений, в главе **Синтаксис** — о б обыгрывании синтаксических явлений, и т. д.

В Приложении I («НЛО — неопознанные лингвистические объекты») приводятся языковые шутки, которым мы затрудняемся дать достаточно четкую лингвистическую интерпретацию.

Приложение II посвящено каламбуру, представляющему собой основной, наиболее употребительный вид языковой шутки и заслуживающему особого рассмотрения.

Я благодарен своим товарищам из Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН, которые активно помогали мне в моей работе. Особенно многим я, как всегда, обязан Ю. Д. Апресяну, чьей дружеской поддержкой и ценными советами я пользовался на всех стадиях работы над книгой.

Бесконечно признателен С. М. Кузьминой, Ольге и Андрею Санниковым — моим постоянным информантам и советчикам. Андрей сыграл также исключительную роль при подготовке оригинал-макета книги и указателей.

Всем им, а также и тем многочисленным коллегам, которые участвовали в обсуждении отдельных частей и положений работы, я выражаю мою самую сердечную благодарность.

Глава I

Лингвистические особенности языковых шуток с общекомическим механизмом

1. Один из самых распространенных способов создания комического эффекта в языковой шутке — повтор. Более того, этот механизм, механизм повтора или нагромождения, используется и в других, неязыковых формах комического — в музыке, в изобразительном искусстве и т. д. Поэтому теоретики комического квалифицируют повтор, а также перестановку (инверсию), контраст (противопоставление) элементов как **общекомические приемы**.

Повтору свойственна универсальность: он используется не только в комических, но и в серьезных текстах. По удачному выражению Е. А. Земской, повторяющаяся единица «выступает как скрепа — выразитель единого значения, усиливающего единство текстового ряда и подчеркивающего звуковую организацию» [Земская 1992:168]. Повтор может смешить, но он может также убеждать, огорчать, даже раздражать. Рассказывают, что один петербургский адвокат (Ф. Н. Плевако?) выступал по делу об убийстве мальчика. Убийца (25-летний горбун) признался, что он убил дразнившего его мальчика. И адвокат добился для убийцы оправдательного приговора! Свою речь он построил так. *«Господа! Господа! Господа! Господа.»* — и так несколько минут. И реакция зала менялась — сначала легкое

недоумение, потом смех, потом негодование, крики: «*Это издевательство! Вон!*» И тогда адвокат закончил свою речь: «*Так вот, господа. Вы пришли в бешенство оттого, что я две минуты повторял вежливое обращение к вам. Л мой подзащитный 25 лет выслушивал, как ему кричали “Горбун!”*, без конца напоминая о его несчастье».

2. При повторе используются самые разнообразные языковые единицы: фонетические—см. (1)—(2), морфологические —(3)—(6), синтаксические — (7)—(16), словообразовательные — (17)—(22), лексические — (23)—(29).

(1) *Тоща, как мощи ты.*

Тоща, кашей те во щу!

Как теща, тощи мощи.

Ты тщетность красоты

(Е. Венский, пар. на А. Белого).

(2) *Ужу,уму — равно ужасно умирать* (В. Набоков, Дар, V).

(3) *Федератовна вцепилась здесь в бедняка-старика («>: —Не будь, не будь, либера-листом не будь! Старайся, старайся, активничай, выявляй, помогай, шагай, не облеживайся, не единоличничай — суйся, суйся, суйся, бодрствуй, мучитель Советской власти.Л* (А. Платонов, Ювенильное море) — нагнетание форм пов. наклонения.

(4) *Во время обеденного торжества имеют быть предлагаемы тосты, произносимы речи и прочитываемы поздравительные телеграммы, при чем однакож из пушек палимо не будет* (М. Салтыков-Щедрин) — нагнетание страдательных причастий наст. времени.

(5) *Съел тельное, пирожное, надел исподнее и поехал в ночное* (пример из [Норман 1987]) — нагнетание субстантивированных прилагательных среднего рода.

(6) *Я его [издателя газеты] так тогда отдал, что придется мне жить отдельно от этого отдела—простите за плохой каламбур* (А. Аверченко, Шутка Мецената, XIII) — нагнетание однокоренных слов, относящихся к разным частям речи.

(7) *Всё стояло, всё молчало, всё выжидало: немного подальше зашептало; немного поближе захохотало* (Ф. Достоевский, Двойник, IV) — нагнетание безличных предложений.

(8) *Почему ты всё дуешь в трубу, молодой человек?*

Полежал бы ты лучше в гробу, молодой человек (О. Мандельштам, Газелла) — нагнетание обращений.

(9) *Нет, мы империя добра,*

А не империя мы зла,

Как мы тут слышали вчера

От одного тут мы козла

(И. Иртеньев) — повторение подлежащего.

(10) [О членах судебной палаты]: *Всю дорогу палата занималась тем, что ела, решала важные вопросы, ела, читала и ела* (А. Чехов — Чеховым, 29 апр. 1890) — повторение одного из однородных сказуемых.

(11) *...газеты говорят об одном розданном миллионе. Велико дело миллион, но соль, но хлеб, но овес, но вино?* (А. Пушкин—Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной, 4 дек. 1824) — повторение сочинительного союза.

(12) *Сразу видно — нахал,*

Сразу видно — скотина.

Но — изящный,

Но — вежливый,

Но никогда—чересчур (И. Северянин?).

(13) *Но управляющий сказал, что меньше, как за 5000, нельзя найти хорошего управителя. Но председатель сказал, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющий сказал: «Где же вы его сыщете? разве у себя в носу?» Но председатель сказал: «Нет, не в носу, а в здешнем же уезде, именно—Петр Петрович Самойлов-»* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, VIII).

(14) *Все это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо, а хорошее воспитание получается в пансионах, а в пансионах, как известно-* (Н. Гоголь).

(15) — *Надо ж купаться же ж! Освежиться надо же ж!* (А. Аверченко, Купальщик).

(16) *Будь с нами б Пушкин, бард свободы,*

Дух декабризма б не погиб.

За ним рванулись дружно б роты И эскадроны б и полки б (А. Иванов, Если б да кабы б).

(17) *Чиновник—низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, ве-сколько подслеповат* (Н. Гоголь, по: [Мандельштам

1902]).

(18) *...то—Владимир Андреевич Грингмут, слащавенький, лысенький, брысень-кий, бледнобороденький... ; „романтики—стилизовали то, чем Бальмонт — жил-, влюблялся в былинки, в росинки, в мугиинки; влюбившись,, бросал, увлекаясь — вуалеткой, браслеткой (А. Белый, Начало века).*

(19) *Издrevле вместе сем жили славянские племена, кривичи, дреговичи, вятичи и Рабиновичи (ТВ, 6 сент. 1997).*

(20) *Все стоящие на пути всеобщего счастья лица были раскулачены, расказачены, расстреляны (Вл. Советов, «Неделя», № 14,1998).*

(21) *„высокоуважаемый Квас Рюрикович выразил готовность ознакомить нас с своим новым произведением, пьесой из распропатриотического быта и рас-пропатриотического настроения (В. Буренин, Литературные чтения и собеседования в обществе «Бедлам-модерн»).*

(22) *Победоносиков. Попрошу не забывать—это мои люди, а яко я не снят, я здесьраспронаиглавный (В. Маяковский, Баня, VI).*

(23) *Женятся Гвоздев с Шуруповой.*

(24) *Случился случай раз,*

Случившийся случайно—

Меня ж вообще Парнас Лелеет чрезвычайно

(Е. Венский, пар. на А Белого).

(25) *тора, наконец, дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздно вращается на устах слово: добродетельный человек, потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом, и всем, чем ни попало, потому что изморили добродетельного человека (...) потому что лицемерно призывают добродетельного человека, потому что не уважают добродетельного человека (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, XI).*

(26) *Говорили о случаях, случайно случившихся на той или другой линии (А. Чехов, Рыцари без страха и упрека).*

(27) *О мудрый эмир, о мудрейший из мудрых, о умудренный мудростью мудрых, о над мудрыми мудрый эмир!. (А Соловьев, Повесть о Ходже Насреддине, 10).*

(28) *В зале тело на теле сидело, тело к телу прижалось', и качались тела, волновались и кричали друг другу о том, что и там-то, и там-то, и там-то была забастовка, что и там-то, и там-то, и там-то забастовка готовилась, что они забастуют—здесь, здесь и здесь забастуют на этом вот месте, и—ни с места!* (А Белый, Петербург, III).

(29) *Они {турки} грустно опустили турецкие носы на турецкие сабли, потом сами опустились на турецкие ковры и с горя стали пить турецкое кофе* (О. Д'Ор, Русская история).

3. Особенно часты повторы в стихотворной речи (см. выше (1), (8),

(9), (12), (16), (24)). Приведем еще несколько примеров. Вот часть шуточных стихотворений: А. Пушкина — (1) и Е. Венского — (2):

(1) *Черноокая Россети*

В самовластной красоте Все сердца пленила эти,

Те, те, те и те, те, те.

О, какие же здесь сети Рок нам стелет в темноте!

Рифмы, деньги, дамы эти,

Ге, те, те и те, те, те.

(2) *Альков, веселый льков —*

Альков всенощной ночи —

Портьерой томной тьмы Нас скрыл, закрыл, укрыл

(Евг. Венский, пар. на А. Белого).

Повторы являются основным структурным элементом стихотворения В. Богданова «Беседа с Музой», где поэт хочет петь:

Как живет у нас в столице Голь, голь, голь (...)

Где лежит глубоким слоем Грязь, грязь, грязь (...)

Где тяжел до изнуренья Труд, труд, труд.

— «Стой!— прервала Муза,—вникнет В эту песнь сонм важных лиц,

И как раз тебе он крикнет-

Цыц! цыц! цыц! (...)

Лучше пой, брат, про прелестных Дев, дев, дев.

Обратись клуне, к природе,

Пой утехи юных лет —

Ведь поёт же в этом роде Фет, Фет, Фет.

Из советских поэтов этот прием особенно часто использовал Д. Хармс, ср.:

Вдруг Сережа приходил, неумытый приходил, всех он позже приходил.

—Подавайте!— говорит,—

Чашку чая,—говорит,— мне побольше,—говорит.

Наклоняли, наклоняли, наклоняли самовар, но оттуда выбивался только пар, пар, пар.

Наклоняли самовар, будто шкап, шкап, шкап,

«о оттуда выходило только кап, гап, гап («Иван Иваныч Самовар»).

4. Иногда повторы имеют более сложный характер. Это, например, «многократные подхваты» (В. В. Виноградов в работе «К морфологии натуралистического стиля» определяет их как «двуступенчатое расположение глагольных форм» — [Виноградов 1976]):

Так и вышло—запнулся и завяз~ завяз и покраснел; покраснел и потерялся, потерялся и поднял глаза; поднял глаза и обвел их кругом, обвел их кругом и —и обмер~ (Ф. Достоевский, Двойник, IV).

5. Особенно часто и в больших концентрациях повтор встречается в пародиях, которые утрируют любой прием, в том числе и этот. Остроумно и издевательски звучит пародия Александра Иванова на стихи Цыбина:

Лирика с изюминкой

Я слышу, как под кофточкой иглятся соски твои — брусничники мои, ты властна надо мною и невластна, и вновь сухи раскосинки твои...

Владимир Цыбин

Ты вся с такой изюминкой, с грустинкой, с лукавинкой в раскосинках сухих, что сам собою нежный стих слиринкой слагаться стал в извилинкахмоих.

(...)

Писал я с безрассудинкой поэта, возникла опасёнкауж потом: вдруг скажут мне: не клюквинкали это с изрядною развесинкой

притом?-

6. К шуткам с общеязыковым механизмом иногда относят также преувеличения, такие как

(1) *В комнату, путаясь в соплях, вошел мальчик* (Ф. Достоевский).

(2) *Взяли [в гувернантки] немку. Всё шло недурно, хотя она сильно была похожа на лошадь. Отпустишь ее с детьми гулять, а издали кажется,, будто дети на извозчике едут* (Тэффи, Нянькина сказка про кобылью голову).

Приведенные шутки (1)—(2) и содержащееся в них преувеличение вполне переложимы на язык других форм комического, напр, на язык изобразительного искусства. Б. Дземидок пишет, что преувеличение применяется в карикатуре: «Суть карикатуры нередко сводится к гиперболизации некоторых чисто отрицательных (...) особенностей внешнего облика или черт характера» [Дземидок 1974: 67]. Тем не менее, о преувеличении в языковых шутках мы будем говорить не в данной главе, а в главе «Прагматика» — поскольку преувеличение представляет большой интерес при рассмотрении одного из основных постулатов общения — постулата истинности (искренности).

Глава II

Фонетика. Фонология. Графика. Орфография

Так называемые «низшие языковые уровни» — системы строго нормированные, определяемые жесткими правилами, нарушение которых обычно недопустимо — даже в шутке. И все-таки некоторые возможности для языковой игры имеются и здесь.

1. Фонетика. Фонология

1. Сам набор звуков русского языка рассматривается говорящими как некая данность и не подвергается обыгрыванию. Исключения редки. Одно из них — многолетняя война Андрея Белого против звука (и буквы) Ы:

«Я вообще презираю все слова на «еры», в самом звуке «ы» сидит какая-то татарщина, монгольство, что ли, восток. Вы послушайте: ы. Ни один культурный язык «ы» не знает: что-то тупое, циничное, склизкое» («Петербург», II); «Я боюсь буквы Ы. Все дурные слова

пишутся с этой буквы: *р-ыба* (нечто литературно бескровное), *м-ыло* (мажущаяся лепешка из всех случайных прохожих), *п-ыль* (нечто вылетающее из диванов необитаемых помещений), *д-ым* (окурков), *т-ыква* (нечто очень собой довольное), *т-ыл* (нечто противоположное боевым позициям авангарда) (Письмо Э. К. Метнеру, 17 июня 1911); «Ы—животный зародыш» (Глоссолалия. Поэма о звуке, 1922 г.).

А. Крученных не одобрял звуковое сочетание *ря*: «...все неприятное русский язык выражает звуком «ря»: *дрянь, Северянин, неряха, Дурьян* (Демьян Бедный?—Я С), *рябой*~ («Ожирение роз»).

Связь между звучанием и смыслом обыгрывается и в след, известном анекдоте:

Приезжего итальянца спросили: «Что, по-вашему, должны выражать слова: любовь, дружба, друг?» — «Вероятно, что-нибудь жесткое, суровое, может быть, и бранное», — отвечал он. «А слово “телятина”»? — «О, нет сомнения, это слово ласковое, нежное, обращаемое к женщине» (Рус. лит. анекдот).

По свидетельству П. В. Нащокина, Пушкин заметил, что «на всех языках в словах, означающих *свет, блеск* слышится буква л» (В. Вересаев, Пушкин в жизни).

2. Известно, что **аллитерация** (повторение согласных звуков, преимущественно в начале слов) — основной элемент фоники (см. [ЛЭС, 20]), который блестя-4*

ще использовали многие поэты, в том числе Пушкин (вспомним хрестоматийные: *Шипенье пенистых бокалов и пунша пламень голобоц Пора, перо покоя просит...*). Охотно используют аллитерацию и поэты XX в. Ср.:

Бараны, бараны Стучат в барабаны!

Сычи-трубачи

Грубят!

Грачи с каланчи Кричат!

Летучие мыши На крыше

Платочками машут И пляшет

(К. Чуковский, Тараканище).

Однако, это — некоторая аномальность, и злоупотребление этим (слишком уж популярным) приемом вызывает обратный эффект и дает богатую пищу пародистам. Вот два примера — пародии А Иванова на стихи П. Вегина и Виктора Сосноры:

Ночь во Флоренции

**Фонари — словно реплики в споре
фокусника и философа Флоренция. Фонарь. Фортуна. Фанты.**

Петр Вегин. «Фонари Флоренции»

Фи! Фонтан фраз

на фронтоне филиала Флоренции

как фото франта Фомы во фраке философа,

как фальцет форели,

фетр в футляре флейты,

фунт фольги, филателия фарфора,

фехтование ферзём.

Но вот

из сфер фальцетом Фантомас:

—*0, Фегин, фы фелик! Я поздрафляю фас!

*Но я за фас трэфожусь — фдруг Андрюфа Фознесенский
фыркнет: <<Фу-ухГ>*

(А. Иванов, Феерическая фантазия)

Крик рака

Я ли не мудр.- знаю язык — карк врана,

я ли не храбр: перебегу ход рака...

Виктор Соснора

Добрjak в дерби—бродягам брод: суть всеу,

и брадобрею гибрид бедр — бром с бренди.

У Вас зразы (и я созрел!)

Псом в Сопот.

А языкается заплетык— пак тадо.

В разговорной речи также охотно используют аллитерацию для создания комического эффекта, ср.:

(1) *Четыре черненьких, чумазеньких чертенка Чертили черными чернилами чертеж.*

(2) [Начало коллективного рассказа подмосковных туристов, где все слова начинаются звуком с/]:

Седые сосны сухо скрипели: <<Сукин сын, сукин сын~>. Саша скинул стостволку со спины. «Сволочь!» — сказал старый сыч. «Стрелять старого сыча!» — сообразил Саша. И т. д.

3. В интеллигентской речи (чаще всего в речи блюстителей чистоты и правильности русского языка—лингвистов) встречаются

резкие намеренные нарушения орфоэпических норм [см. РРР 1983: 177—179]. Несколько примеров: *как-чество, коликнество, рупь, надоть, поэт, чавой-та, о'кэй-от нажми* (при работе на компьютере), *Што такоэ?* и т. д. Иногда встречается обыгрывание акцентологии, ср.: *Тщательнее надо работать и задорнее! Понравилось мне ваше пеньё* (примеры из [Гридина 1996])[^] *Хамелеонное словцо — доллары, доллары, доллара.* (В. Набоков, Подвиг, ХХХІІІ).

4. Интонация (и отражающая ее пунктуация) обыгрываются достаточно редко, ср. след, анекдот о жизни советских людей:

20-е годы: «*Как вы живете?*»

Начало 30-х: «*Как вы? Живете?*»

Конец 30-х: «*Как?! Вы живете?!*»

5. Паронимия — обыгрывание частичного сходства звукового облика слов (*Осип охрип,, а Архип осип*), казалось бы, не имеющая отношения к фонологии (и рассматриваемая нами в другой главе, см. с. 292—297), представляет определенный интерес и в этом аспекте. Во-первых, в паронимии четко проявляется противопоставление гласных фонем согласным. В. П. Григорьев справедливо отмечает, что для паронимии необходим минимум в виде двух тождественных согласных, совпадение гласных не является необходимым [Григорьев 1979: 264]. Это связано, видимо, с большей информативностью согласных сравнительно с гласными. Другое интересное наблюдение Григорьева состоит в том, что при паронимии твердые и мягкие согласные (*б* и *б''*, *в* и *в'* и т.п.) не различаются.

В.П.Григорьев заключает отсюда, что паронимия определяется на орфографическом уровне [Григорьев 1979: 264]. С этим заключением согласиться трудно: ведь паронимия такого типа возможна и в устной речи (например, в фольклоре), т. е. на фонетическом уровне. Нанаш взгляд, дело здесь в том, что для языкового сознания оппозиция фонем по твердости-мягкости менее резка, менее ощутима, чем другие фонологические оппозиции в согласных,— что и позволяет сблизать слова, содержащие твердую и мягкую согласную. (Изображение этих согласных одними и теми же буквами — лишь другое следствие этого факта).

1. Игры с графикой, орфографией, пунктуацией несколько более часты, чем обыгрывание фонетики и фонологии. Николай Кульбин говорил о «букве-мухе»: «Я восхищаюсь ею, я восхищаюсь ими, этими мудрыми двухкрылыми! Смотрите на нее, смотрите на них: они перелетают от одного слова к другому, от одного языка к другому, такие точные, такие легкие!» (цит. по: Юрий Анненков. «Дневник моих встреч. Евгений Замятин»). В. Набоков неоднократно обращался к этой теме, а в романе «Другие берега» не только дает полное шутливосерьезное описание букв русского алфавита, но и сравнивает русский алфавит с латинским. Этот экскурс довольно обширен (притом что Набоков обещал «ограничиться только несколькими словами»!), но он достаточно интересен и мы приведем его **ПОЛНОСТЬЮ**:

«Любопытно, что большей частью русская, инакописная, но идентичная по звуку, буква отличается тускловатым тоном по сравнению с латинской.

Черно-бурую группу составляют: густое, без галльского глянца, А; довольно ровное по сравнению с рваным R, Р; крепкое, каучуковое Г; Ж, отличающееся от французского J, как горький шоколад от молочного; темно-коричневое, отполированное Я. В белесой группе буквы Л, Н, О, Х, Э представляют, в этом порядке, довольно бледную диету из вермишели, смоленской каши, миндального молока, сухой булки и шведского хлеба. Группу мутных промежуточных оттенков образуют клистирное Ч, пушисто-сизое Ш и такое же, но с прожелтью, Щ.

Переходя к спектру, находим: красную группу с вишнево-кирпичным Б (гуще, чем В), розово-фланелевым М и розовато-телесным (чуть желтее, чем V) В; желтую группу с оранжеватым ё, охряным Е, палевым Д, светло-палевым И, золотистым У и латуновым Ю; зеленую группу с гуашевым П, пыльно-ольховым Ф и пастельным Т (все это суше, чем их латинские однозвучия); и наконец, синюю, переходящую в фиолетовое, группу с жестяным Ц, влажно-голубым С, черничным К и блестяще-сиреневым З. Такова моя азбучная радуга (ВЁЕПСКЗ)» (В. Набоков, Другие берега, 2).

Любопытно, что в этом списке (полном, включающем даже полумистическое Ё!) не нашлось места для буквы Ы. Возможно, Набоков, которого, как известно, оскорбляло любое соседство,

«ревнует» ее к Андрею Белому, к его весьма эмоциональным и ярким характеристикам звука и буквы Ы (их мы приводили выше). Впрочем, о букве Ы Набоков говорит в другом романе — «Дар», и его оценка этой буквы близка оценке Андрея Белого: *...буква «ы» столь грязная, что словам стыдно начинаться с нее* (гл. I).

Интересно отметить, что Набоков не ограничивается приведенными характеристиками русских букв: он использует их (как нечто самоочевидное!) при описании природных явлений. Ср.:

...лиловизна сирени» переходила в рыхлую пепельность по мере медленного угасания дня, и молоком разливался туман по полям, и молодая луна цвета Ю висела в акварельном небе цвета В (В. Набоков, *Другие берега*).

2. Любопытно сравнить представления о русских буквах Набокова с наблюдениями Евгения Замятина (он, правда, как и большинство нелингвистов, не разграничивает понятия **буква** и **звук**): «**Всякий звук человеческого голоса, всякая буква — сама по себе вызывает в человеке известные представления, создает звукообразы. Я далек от того, чтобы приписывать каждому звуку строго определенное смысловое или цветовое значение. Но — Р — ясно говорит мне о чем-то громком, ярком, красном, горячем, быстром. Л — о чем-то бледном, голубом, холодном, плавном, легком. Звук Н — о чем-то нежном, о снеге, небе, ночи... Звуки Д и Т — о чем-то душном, тяжком, о тумане, о тьме, о затхлом. Звук М — о милом, мягком, о матери, о море. С А — связывается широта, даль, океан, марево, размах. С О — высокое, глубокое, море, лоно. С И — близкое, низкое, стискивающее и т. д.**» (цит. **ПО**: Юрий Анненков. «Дневник моих встреч. Евгений Замятин»).

Характерное примечание Анненкова: «Я вполне согласен с Замятиным. Буква Р и мне «говорит» всегда о чем-то ревящем, рычащем, ругательном, растрепанном, рвущем» (с. 247). Обращаем внимание читателя на относительную близость оценок Замятина к оценкам Набокова. Отметим, далее, что понимание букв Б и В у Набокова, их соотношение («вишнево-кирпичное» Б гуще, чем акварельно-небесное В) довольно близко к пониманию В. Брюсова. Брюсов так объяснил А. Белому свою строчку: *Берег венного веселья.~ «Бе» — «ве» и «ве»*: «бе» переходит в «ве-ве»... Почему? «Бе» — звук твердый, звук берега, суши; «ве-ве» — звук текучий, воздушный и

влажный; от «бе» в «ве» мы слухом отталкиваемся, как челнок от камней» (А Белый, Начало века. Чудак, педагог, делец).

3. Из более поздних наблюдений над значениями русских звуков и букв любопытны наблюдения Т. Толстой (в рассказе «Ночь»), также не расходящиеся резко с наблюдениями ее предшественников. Если Набоков сравнивает букву Н со смоленской кашей, а Замятину она напоминает «о чем-то нежном, о снеге, небе, ночи...», то Толстая сравнивает ее с «мягким вкусным горячим молоком»; букву Ф Набоков определяет как *пыльно-ольховую*, а Толстая замечает, что клей пахнет «мягко, кисло, глухо, как буква Ф».

4. Иногда авторов встречается нарочитое нарушение действующих орфографических и пунктуационных правил.

Вспомним хотя бы шуточные написания в письмах А. Чехова к брату Александру: *Братт!* \ долг порядочного чеаэка успокоить ее\ или слащаво-восторженное (вопреки правилам орфографии!) написание *чюдный* некоего пролетария, «опупевшего» от прелестей Марии Магдалины:

Мне снится,, снится, снится,,

Мне снится чюдный сон —

Шикарная девица Евангельских времен (А Архангельский).

Впрочем, возможности здесь весьма ограничены. Написание *ню* вм. *чу*, удвоение или утроение гласных (для передачи манерности или длительности звучания) и согласных (для передачи грубости или надрывности) — вот, пожалуй, весь арсенал средств, используемых разными авторами. Еще несколько примеров.

(1) *Ну-с, добрейший Владимир Алексеевич, посылаю Вам маленький чувствитель-ныйроман для семейного чтения* (А Чехов— В. А Тихонову, 30 нояб. 1891)-

(2) *Я, хоть и кажусь наглым,, человек весьма чувствительный, нервный,, мнительный, тонкий* (Ю. Казаков — В. Конецкому, 15 мар. 1958).

(3) *Ведь я такой робкий,~ Такой утомленный я И то-онкий, тонкий, как стальное перо,,*

И писал строки, строки влюбленные Про такого смешно-ого, смешного Пьеро.

(С. Горный, пар. на А. Блока).

(4) 05 этой лучезарной жизни кричали пароходы на внешнем рейде —увооооозим за граниишиищу! (А. Толстой, Похожденртя Невзорова, или Ибикус, III).

(3) Вдруг прожектор, здсс ня нос очки,
впился в спину миноносочки.

Как взревет медногосина.
«Р-рр-астакая миноносина!»

(В. Маяковский, Военно-морская любовь).

(6) Дай мне ротик, дай мне глазки,
Нежный личика овал.

Может, я для этой ласки Крррровь на фронте проливал!

(А. Архангельский, Туфли).

5. Из более редких явлений отметим шутливое нарушение принципов употребления прописных и строчных букв, например, сочетание этих букв в пределах одной словоформы для ее переразложения:

(1) обШАРПанная элита (пример из [Гридина 1996]) = элита, имеющая дорогое оборудование фирмы «Шарп».

(2) товарШЩИ — тоВАРИщи — ТОВАРиЩИ — товарищИ.

Встречается также стирание грани между буквенными и цифровыми знаками:

(1) Образцово-показательный советский рабочий на партконференции громко читает заранее написанное для него выступление-. «Я рад и горд, что коллектив моего родного завода послал меня на хj> Несколько обескураженный, начинает с начала и еще раз повторяет сказанное. Тогда председатель берет у него бумажку и досадливо говорит. «Не на х_n а на XVII партконференцию! Римских цифр не знаете».

(2) Новый русский в книжном магазине спрашивает. «Дайте мне, пожалуйста, книгу “30 щенков”. Продавец. «У нас такой нет». «Как нет? — возмущается покупатель—Вон на полке стоит». «Не “30 щенков” а ЗОЩЕНКО»—поправляет продавец.

Любопытны также шутливые подписи, наир., одного из Полторацких, совмещающая буквы и цифры: V/2 цкий, или подпись переводчика Федора Федоровича Фидлера — Ф. Ф. Ф. либо: Ф* (эф в кубе) («Чукоккала»).

Необычной выглядит фонозапись, напр., в цыганских романсах И. Сель-

ВИНСКОГО:

Нночь-чи? Сон'ы. Прох'ладыда.

Здесь в аллеяяхзагалохше?го сад'ы.

6.Иногда для создания комического эффекта используется графическое оформление целого текста, например так называемые фигурные

стихи — стихотворные тексты, графически оформленные так, что из расположения строк складываются очертания какого-либо предмета: ромба, вазы и т. п. (см. [ЛЭС: 466]). Разумеется, такие стихи — легкая добыча пародистов. «Пародируя фигурные стихи И. Рукавишникова, Венский избирает для стихотворных изысков малопоэтические предметы: рюмку, бильярдную «пирамиду» (...) издевательски передразнивая любителя экстравагантных композиций» [Новиков 1989: 423]. Вот одна из его пародий.

Бокал из «Вены»

*Испугались литераторы разбежались плагиаторы как
в«Давыдку» я пришел крикнул. «Пива!», сел за стол меня вывели лакеи,
взял под ручку полисмен дал тихохонько по шее старый хрен
просыпаюсь, н е т п*

У

т

и

Удивляюсь, изумляюсь я в Коломенской части.

Пародируя фигурные стихи, Е. Венский приводит шутивную загадку, разгадка которой передается самой графической формой стиха, имеющего очертания соответствующего предмета:

бьет частенько супРУ^

Этой штукой, звена, %

Даже настойчиво внедряемая В. Маяковским лесенка, резаная строка неизменно вызывала раздражение многих читателей и критиков и послужила основным структурным элементом большинства пародий на стихи Маяковского. Ср.:

Короче,

Короче строка

Нужна шляпа из фетра.

*Пишет одна рука
Вдень
Больше километра
(Л. Никулин, по: [Рус. лит. XX в.: 259]).*

ВО

/

Маяковский

тебе

не

икается

?

*У тебя два слова на строчку, а У
нас уже полагается строчка даже на точку (Г. Карейша).*

7. Сходную природу имеют случаи устранения интервала между словами:

(1) *Фразы бессильны. Слова слились в одну фразу. Согласные растворились* (А. Вознесенский, Эскиз поэмы).

(2) *... графский-то титул и сделал из Толстого великого-писателя-земли-русской* (В. Набоков, Дар, IV).

8. Говорящие справедливо подчеркивают несовершенство принятой русской орфографии, отмечают случаи, когда звуковой состав слова ясен, однако при его отображении на письме возникают такие сложности, что говорящие предпочитают пренебречь истиной, чем выбирать один из возможных вариантов написания. Ср. след, шутку:

—Вот это да! Какая у тебя прелестная роза в петличке!

—Это не роза, а хризантема.

—Хризантема? А как она пишется?

—Э~ а~ гм~ ты, пожалуй, прав, это роза.

9. Иногда обыгрываются сокращения (особенно модные в советскую эпоху), ср.:

Замком по морде (заместитель командующего по морским делам).

Главпивпаф—Главное управление пивной и парфюмерной промышленности (В. Ардов).

Обыгрываются также графические сокращения, в частности, их неуместность в художественном (особенно поэтическом) тексте:

(1) [Бендер приходит снять комнату по объявлению] — Это у вас «Сд. пр. ком. в. уд. в. н. м. от. ин. хол.»? А она на самом деле «пр.» и имеет «в. уд.»? (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, XIII).

(2) — Мы с мужем объяснились в любви, совсем как Кити и Левин в «Анне Карениной». Только те много разных букв писали, пока сталкивались, а мы сразу друг друга поняли. Он всего три буквы написал «я В. л.» А я ему в ответ четыре, «и я В. л.» (В. Вересаев, Невыдуманные рассказы о прошлом, II, 6).

(3) Если молодой человек обоего пола полюбил лицо обратного пола, то нехорошо, когда он (м. ч-к об. пола) разлюбит его (л. обр. пола). (В. Ардов, Слова-паразиты и лектор-паразит).

(4) Хочу пройтись я с портнихами,
Затеяв легонький роман,

И после пить глотками тихими

Какао — 20 коп. стакан

(Пар. А. Бухова на Игоря Северянина).

(3) А он всё бьет—здоровый черт! Я вижу—быть беде.

Ведь бокс—не драка, это спорт отважных и т. д.

(В. Высоцкий, О сентиментальном боксере).

Глава III Морфология

Вводные замечания

Грамматика и, в частности, морфология обладает уже гораздо более широкими возможностями для создания комического эффекта.

Подобно Л. В. Щербе с его знаменитой *глокой куздрой*, говорящие замечают и обыгрывают громадную роль грамматики, наиболее ярко проявляющуюся в случаях, когда высказывание строится целиком с опорой на грамматику, без поддержки лексики:

Влюбленный волк приглашает в театр лису и обещает вести себя прилично, не ругаться и говорить только о цветах. Волк сдержал обещание. Увидев, что заяц занял его место, он сказал: «Эй, ты, Роза! А ну нарцись отсюда, а то я тебя так по жасмину тюльпану, что ты обсиренишься!»

А вот целый рассказ — с грамматикой без лексики (вполне понятный, если читатель проявит терпение):

Пуськи бятые

Сяпала Калуша по напушке и увозила бутявку. И вопит:

—Калушата, калушаточки! Бутявка!

Калушата присяпалии бутявку стрямкали. И подудонились.

А Калуша вопит.

— Оее, оее! Бутявка-то некузявая!

Калушата бутявку вычучили.

Бутявка вздрезнулась, сопритюкнулась иусяпала с напушки.

А Калуша вопит.

—Бутявок не трямкают. Бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые.

От бутявок ду-донятся» (Л. Петрушевская).

Обыгрываются чаще всего три явления: 1) статус словоформы как наименьшей текстовой единицы, ее непроницаемость, неусекаемость и т. п.; 2) ф о р -мальные способы выражения тех или иных морфологических значений, особенности парадигм (дефектность, наличие дополнительных форм и т. п.);

3) игра с семантикой морфологических категорий и форм. Эти явления будут рассматриваться в разделах 1—3-

1. Статус словоформы

1. Словоформа воспринимается как наименьшая текстовая единица. В приводимых ниже примерах нарушается и тем самым подчеркивается 1) непроницаемость словоформы — (1)—(3); 2) аномальность опущения основы слова (даже в контекстах, где она избыточна) — см. (4)—(7); 3) аномальность расчленения или усечения словоформы (даже в поэтической речи) — (8)—(13):

(1) *Много — сколько мелких глаз в глазе стрекозы — оконные Дома образуют род ужасной селезенки (В. Хлебников. Журавль).*

(2) *Говорили ей,—не ходи в зону!*

а она

вздрагивает ноздрями, празднично хорошея.

Жертво ‘Ли-приногиенъе?’

Или она нас дразнит?

(А Вознесенский, Оза).

(3) Америку—т. е. новую терри- эту -торию-, члена т.е. корреспондента (шутливые «вставки» А. А. Реформатского, по [Красильникова 1989а: 162]).

(4) *Напишите мне нечто о Карамзине, ой, ых* (А. Пушкин — Л. С. Пушкину).

(5) В романе «Петербург» А. Белого Аполлон Аполлонович, о рассеянности которого ходили легенды, говорит секретарю:

— *«Нет, нет!- Сделайте, как я говорил-. И знаешь ли»,— сказал Аполлон Аполлонович, остановился, поправился. — «Тили-.»*

Он хотел сказать «знаетели», но вышло: «Знаешьли-, тили-.»

(6) [Из анекдотов о рассеянном профессоре Клобукове]:

Выходя из аудитории, профессор говорит. «Следующая лекция состоится во вторник», а потом кричит в дверь: «ник!»

(7) [Пародия на М. Кузмина]

**Ах, уста, целованные столькими, Столькими другими устами,
Вы пронзаете стрелами горькими,— Горькими стрелами,
стами...**

М. Кузмин. «Любовь этого лета»

Ах, любовь минувшего лета За Нарвской заставой, ставой,

Ты волнуешь сердце поэта Уже увенчанного славой, авой-.

(И т. д., с пародированием того же технического приема: ...ранней, анней-, Прелесть ног волосатых, сатых-) (А. Измайлов).

(8) Подпись к фотомонтажу в журнале «Сатирикон», изображавшему С. В. Рахманинова:

Руками громы извлекаю,

Ногой педали нажимаю,

Я-Рах!Я—Ма!Я—Ни! Я-Нов!

Этот прием расчленения слова и «размазывания» его по фразе широко использовали и советские поэты 20—30-х годов, в первую очередь, Д. Хармс:

(9) *Однажды при-*

Детишкибе-

В избушку жали.

«Плывет, смотри,

Мертвец к тебе!» —

Отцу сказали

(М. Пустынин, пар. на С. Кирсанова).

(10) *А вы знаете, что СО,
А вы знаете, что БА,
А вы знаете, что КМ,
Что собаки-пустолайки Научились летать?*
(Д. Хармс, Лгун).

(11) *Вздел манишку, вздел манже-
Ты, и за кофе сел манже,
И сказал слуге• Василий,— тиел, «Копейку» принеси* (Евг. Венский, пар. на Ив. Рукавишников).

Недопустимость подобного разрушения слова (даже в поэтической речи) подчеркивают и другие авторы, в частности А. Измайлов. Вот начало его пародии на стихи старых и современных русских поэтов (в том числе В. Тредиаковского и Вл. Нарбута), «приносящих слово в жертву рифме», использующих замысловатую составную рифму с переносом посередине слова (цит. по: [Рус. лит. XX в.]):

**Куполами серой жимолости Лампа светом тени вымела.
Стемнело...**

Вл.Нарбут. «Стихи. 1909»

Екатерина по-Ехала в Царское Село...

В. Тредиаковский

Рифмотвор старинный Тредья-Ковский был в пиштах хитрец и мастер. Буду впредь я По нему писать стихи.

О, сколь радостно и досто-Хвально то, что уж отны-Не слова все очень просто Рифме в жертву отданы.

Даже менее вызывающий прием — обрыв слова — оказывается достаточно рискованным. В стихотворении М. Светлова «Гренада» этот обрыв представляется вполне оправданным (герой, влюбленный в мировую революцию и в «гренадскую волость» в Испании, умирая, шепчет: «Грена...»),—но даже эти стихи все-таки подверглись пародированию. В пародии А Архангельского Светлов приветствует посетившего его Гейне:

(12) *Присядьте, прошу вас,
На эту тахту,
Стихи и поэмы Сейчас вам прочтуL
5 - 1789
Глюку я на гостя,—*

*Он бел, как стена,
И с ужасом шепчет:
— Спасибо, не на»
Да, Гейне воскликнул.
— Товарищ Светлов!
Не надо, «лдо,
Не надо стихов!*

2. Один из самых распространенных способов языковой шутки — расчленение словоформы, сопровождаемое попыткой осмысления (шутливого) «обрубков», полученных в результате этого расчленения. Эти эксперименты авторов со словоформой достаточно интересны, и мы рассмотрим их более подробно.

Державин обыгрывает фамилии *Наполеон* и *Багратион*, а Лесков слово *треволнения* путем их разложения:

(1) *О, как велик На-поле-он!*

Он хитр и быстр и тверд во бранц Но дрогнул, как простер лишь длани К нему с штыком Бог-рати-он (Р. Г. Державин, На Багратиона).

(2) *Николай Иванович к народу был проще, но зато страсть какой предприятьель-ный: постоянно он в трех волнениях, и все спешит везде постановов вопросу делать» он в этих своих трех волнениях неведомо чего хочет* (Н. С. Лесков, *Полу-нощники, IV*).

Удачно также использует этот прием Борис Пильняк в романе «Голый год». В Москве на Мясницкой человек, читая по складам вывеску магазина: «*Коммутаторы, аккумуляторы*», понимает ее в духе р-революционной непримиримости («*Кому—таторы, а кому — лядторы*») и возмущается неравноправием: «*Вишь, и тут омманывают простой народ!*»

Еще несколько примеров.

(1) *Прибыв с визитом, Карамзин назваля Карамзиным, историографом. Слуга записал: «Карамзин, граф истории».*

(2) *Настоящий мужчина состоит из мужа и чина* (А. Чехов, Из записных книжек).

(3) *<Б обществе шептаться неприлично>,—угрюмо сказала старая дева, поджигая губы. Из угла какой-то остряк сказал: «Отчего говорят: «не при лично»? Будто переть нужно поручать своему знакомому* (А Аверченко, Сентиментальный роман).

(4) Великий князь Константин Павлович, будучи наместником царства Польского, так часто слышал слово **пан**, что фамилии Панкратьев и Пантелеев понял как **Панкратьев** и **пан Телеев**. (Энцикл. весельчака, И).

(5) Польский журналист Ежи Недельник (А. Кнышев, Уколы пера).

(6) **Разновидности бесов:** *бессознательный*—«бес-активист»; *бес-порочный*, *беспорядочный*, *бес-чувственный* (примеры из [Гридина 1996])

— эти примеры хорошо иллюстрируют положение о субъективности восприятия шутки: Т. А. Гридина полагает, что «на глубинном уровне восприятия псевдомоти-вированного наименования актуализируется связь значения прилагательного... и

коннотаций, сопровождающих речевое употребление существительного *бес*. *бессознательный* — “бес, который осознанно, намеренно толкает человека на совершение им необдуманных, бессознательных поступков”; *беспорочный* — “бес, потворствующий людским порокам”». Я этих глубинных осмыслений не осознал.

(7) Из газет. «В небе над Кореей доблестно сражаются китайские летчики-добровольцы Ван-ю-шин и Ли-си-цын».

(8) Победоносиков. *Что?! Издеваться? И над своим непосредственным, ответственным начальством и над посредственной- да нет, что я говорю! над безответственной тенью Маркса- Не пускать! Задержать!!!* (В. Маяковский, Баня, И).

(9) Внимание, господа! — продолжал Голендухин.—Я предлагаю пригвоздить поступок Гадюкина к позорным столбцам какой-нибудь видной влиятельной газеты, а самого его в нашей среде предать- этому самому- как его, остро- остра-

— Остракизму?— подсказал Охлопьев.

—Во-во! Самому острому кизму.

— Чему?

—Кизму. И самому острейшему (А Аверченко, Кипящий котел).

(10) Из обращения к народу: «ТовариЩИ.Л» (В. Сумбатов).

(11) Один высокий гость СССР из Непала с гордостью сказал:

—Ярожден непальцем и непалкой.

(12) Молчит *этажерка*, молчит и *тахта*—

У них не добьешься ответа,

*Зачем это ХТА обязательно ТА,
А ЖЕРКА, как правило, ЭТА?
Возьмем это самое слово **опять** Зачем мы его произносим,
Хотя мы свободно могли бы сказать:
ОШЕСГЬ, и ОСЕМЬ, и ОВОСЕМЬ?!
(А. Милн, Винни-Пух и все-все-все, в пер. Б. Заходера).*

(13) Экспромт В. Казина на экспромт П. Орешина о Жице

П. Орешин: *У тебя, мой милый Жиц,
Нелицо, амноголиц.*

В. Ка зин: *Что за вздор, что много лиц —
Лишь всего **двуличен Жиц!***

(«Литературные шушу(т)ки»).

(14) *Дуэт льстецов—Фим и Ам (Эмиль Кроткий).*

(15) В Институте русского языка АН СССР заглавие научной статьи *Заударный вокализм* машинистка напечатала так «*Заударный вокализм!*»

3. Из современных авторов к комическому переосмыслению частей слова чаще всего прибегает М. Задорнов, предлагающий шуточные толкования слов. Напр.:

деньжонки—день 8 марта; *батисфера* — знакомые отца; *пеньюар* — дурак из Южной Африки;

медицинский термин — *папазол* — трезвый папа; *краснобай* — бай, перешедший на нашу сторону.

4. На шутовом разложении словоформ строится серия каламбурных загадок и анекдотов, ср.:

(1) *Какой полуостров жалуется на свою величину?—**Ямал.***

(2) *Когда садовник бывает предателем?—Когда он продает **настурици.***

(3) *Когда руки бывают местоимениями?—Когда они **вы-мы-ты.***

(4) *В название какого города входит одно мужское и сто женских имен?—**Севастополь.***

(3) *Едет в поезде человек. Сосед спрашивает, как его фамилия. Он говорит.«Первый слог моей фамилии то, что хотел дать нам Ленин. Второй то, что дал нам Сталин». Вдруг с верхней полки голос.*

«Гражданин Райхер, вы арестованы» (К Чуковский. Дневник 1930—1969. Запись анекдота, рассказанного Казакевичем, 4 марта 1956).

5. Другая серия каламбурных загадок ведет начало, кажется, от рассказа Тэффи «Взамен политики»: — Скажите, отчего гимн-азия, а не гимн-африка? Виновата, а не пиво-хлопок? — А отчего пан-талоны, а не хам-купоны? Еще несколько примеров:

(1) Почему не говорят, «грудь американки»?

— Потому что говорят, «перси-янки» (С. Кузьмина);

(2) Почему не. «по свату дерьмо»?

— Потому что «по-куме-кал» (В. Лагунов);

(3) Почему не. «Красна чья морда?» Потому что говорят, «алкого-лик» (Н. Еськова?).

в. Встречаются (правда, достаточно редко) и другие способы обыгрывания структуры словоформы. Вот один из них.

Говорящих забавляют случаи, когда многократное усечение слова (с начала или с конца) порождает новые слова. Впрочем, возможности здесь весьма ограниченные, поэтому многократно производится «вивисекция» слова *победа* и его производных:

(1) В колхозе «Победа» во время обеда случилась беда — пропала еда. — Ты съел? — Да!

(2) Кто такой Победоносцев?

Для попов — Обедоносцев,

Для народа — Бедоносцев,

Для желудка — Едоносцев — Для царя — он злой Доносцев~

(Л. Трефолев, Действительный тайный советник Константин Петрович Победоносцев).

2. Формальные способы выражения морфологических значений

1. Обыгрывание иноязычных основ

1. Комический эффект производит приписывание иноязычным словам морфологических свойств русских слов, в частности способности изменяться по падежам, ср.:

Нет, не хочу лежать в окопе я—

Я, прославляемый везде~

Моя гигантность—не утопия.

Хочу кататься я в ланде

(А. Бухов, Письмо Игоря Северянина).

Эффект, естественно, усиливается, когда присоединяемые элементы — частицы, окончания имеют оттенок просторечности или разговорности, как например окончание партитива в след, шутке: *Без кайфу нетлайфу*.

Этот пример показывает, что в случае вариативности партитив ощущается носителями языка как более разговорный, чем родительный падеж: при замене родительным (*Без кайфа нетлайфа*) комический эффект заметно уменьшается.

Форма местного падежа также ощущается как «не совсем литературная»,— ср. шутливое стихотворение, где она образована (вопреки нормам литературного языка) от существительного *пляж*.

Надену я черную шляпу,

*Поеду я в город Анапу И целую жизнь просижу **На соленом, как слезы, пляжу*** (В. Шкваркин, Чужой ребенок).

2. Нередко обыгрывается невежественное осмысление иностранных имен собственных на *-а*, *-я* как обозначающих лица женского пола:

(1) Сенечк а... *Мария Сергеевна, я вас любил без нахальства,, вежливо, как Данте свою **Петрарку*** (В. Шкваркин, Чужой ребенок, I).

(2) *Подумаешь, Спиноза нашлась!*

2. Обыгрывание архаичных или иноязычных аффиксов

Языковая игра зачастую проявляется в использовании архаичных (древнерусских и старославянских) или же чужих (чаще всего латинских) морфологических элементов:

(1) *Умре Владимир с горя,*

Порядка не создав.

За ним княжить стал вскоре Великий Ярослав (...)

Увидя, что все хуже Идут у нас дела,

*Зело изрядна мужа Господь нам **ниспо**сла*

(А. К Толстой, История государства Российского от Гостомысла до Тимашева).

(2) — *Пещись о носах, ему не принадлежащих, что могу рещи о прочей России* (М. Салтыков-Щедрин, по [Ефимов 1953]).

(3) — *Да, маменька, великая это тайна—смерть! не весте ни дня, ни часа—вот это какая тайна!* (М. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы, I).

(4) — *Здравствуй, друже* (А. Чехов — В. А. Гольцеву).

(5) — *Меня прогнали!* — говорил он, трагически мотая головой,— *Прогнали за то, что л выпивохам!* А не понимают того, что л пил с горя, с досады! (А. Чехов, Сущяя правда).

(6) *И7 же во всю л*ою жизнь (...) пе пожелал жены ближнего моего, пи раба его, пи воли его, пи всякого скота его (...) Правда, в лености житие мое иждих, без ума сме-яхся, объедохся, опихся, блудил, по ведь все ото личное* (А Чехов — И. Л. Леонтьеву (Щеглову) 22 мар. 1890).

(7) *Преизрядной стихотворец Балтрушайтис, вгиед в ресторацію, усмотрел в оной бывшего во многой славе сочинителя Куприна, тсоего пе токмо в отечестве чтили, но и на французской, английской и гигипанской язык преллагали* (А. Измайлов, Плутарх Российской, или Ридикюль остроумия).

(8) *Истомных сред моих яд чарый пролияв,*

Свершил я в душах сев. Взъярясь, възиграл духросский.

Доколь в пиитах жив Иванов Вячеслав,—

Взбодрясь, волхвует Тредьяковский.

Хмель чарый, звончат глас, свирель утомных куц Я паки в стих приял,—стих плесни полн и ржавин.

Сокровныймне в волибе из круговратных пуц Взревев, возревновал Державин (А Измайлов, Пар. на Вяч. Иванова).

(9) — *Господи! (...) Зи что наказуегии?*—взвыл декадент, решив, что к Богу удобнее адресоваться по-славянски—*Наказуегии за что?!* (Тэффи, Забытый путь).

(10) На случай гибели Авербаха:

Братие!кого погребяхом?

Ермилова с Авербахом

(Кирсанов, по: К Чуковский, письмо 22 нояб. 1931).

(11) ...и **возседох** на колеснице, и **возбрыкахся** кобыла; и **понесе** (...)
И **возопих** гласом велием: <<Извоициче, извоициче! Укроти клячу
сию!» И бысть велий глас: «Тпру, чертова дочь!» И **остановишиися**
кони, яко вкопанни (А. Белый, Серебряный голубь, В чайной).

(12) Стоюустенки. Янея.

Пусть бредом жизнь смололась.

Но только **б**, только **б** не **ея**

Невыносимый голос!

(В. Маяковский, Про это, II).

(13) Люблю под сводами **седыя** тишины

Молебнов, панихид блужданье»

С..)

И в ветхом неводе Генисаретский мрак Великопостныя седмицы»

(О. Мандельштам).

(14) —*Скажите, пожалуйста, как потом жила Софья Михайловна?—С десятью тысячами-то?Плохиссима»* (А Чехов, Старость).

(15) —*А вино, надо сознаться, препаскуднейшее! Vinum plochissimum!* (А Чехов, Аптекарьша).

(16) *К Чехову пришла полная, здоровая, красивая дама и начала говорить «под Чеховег»:«Скучно жить, Антон Павлович!Всё так серо: люди, небо, море- И нет желаний. Душа в тоске- Точно какая-то болезнью И Чехов ей ответил: «Да, это болезнь. По латыни она называется morbuspriWorialis»* (В. Вересаев).

3- Расширение парадигмы

Довольно часто ЯИ построена на расширении парадигм, т.е. на образовании от слова той или иной грамматической категории (падежа, степени сравнения и т. п.), ему не свойственной. Употребляя подобные формы, лишь потенциально возможные или вообще недопустимые в нейтральной речи, автор добивается предельной новизны выражения и, шокируя слушателя, акцентирует его внимание на том смысле, который он хочет передать. Для лингвиста же это — ценный иллюстративный материал при описании парадигм того или иного слова или группы слов.

1. Чаще всего говорящий шокирует адресата, употребляя краткие формы или формы сравнительной и превосходной степени от слов, их не имеющих (*самее, чертее* — от местоимения *сам* и существительного *черт, железен, железнее* — от прилагательного *железный*). Имеем ли мы здесь дело с образованием добавочных форм от уже существующих слов (и тогда это — морфологическое явление)

или же с образованием новых слов (и тогда это — епархия словообразования)? Полагаем, что образование форм *железен, железнее* — показатель образования нового слова *железный*² (со значением ‘сильный, крепкий’), показатель «окачества» относительного прилагательного (см. [Земская 1992:75]). Что же касается форм типа *самее, чертее*, то это—лишь окказиональные формы, не связанные с образованием новых слов — качественных прилагательных (показательно, что они, в отличие от прилагательного *железный*, не имеют кратких форм и не допускают образования синтетических форм: * *более самый, *более {самый) чертый*). В соответствии со сказанным, образования типа *самее, чертее* будут рассмотрены здесь, в главе Морфология, а случаи «окачества» относительного прилагательного (типа *железен, железнее*) — в главе Словообразование.

Говорящие подмечают, что одни местоименные прилагательные (напр., *такой, какой*) имеют краткую форму, а другие — нет, ср. след. шутки:

(1) *Жизнь такова, какова она есть, и больше никакова* (А Иванов, по: [Гридина 1996]).

(2) *Он сидел в пятом углу.*

—*Каково вам?*— *спросил я* —*Никаково,*—*сказал он.*

—*Ну, а все-таки, каково?*— *спросил я.* (...)

—*Никаково,*—*сказал он,*—*мне никаково~*

(В. Голявкин, по: [Новиков 1989]).

2. Аномально образование сравнительной или превосходной степени от прилагательных и наречий, указывающих на высокую степень признака:

(1) [Писатель-классик Распрогорький — аплодирующим читателям] — *Чего на меня тараките буркалы? чего илепаете? Шлепали бы вот лучшие Распрокислему. он высокохудожественнее еще меня* (В. Буренин, Литературные чтения и собеседования в обществе «Бедлам-модерн»).

(2) *О вы, сподвижники мои и образцы!*

Столь многих мелочей тяжелые творцы,

Премаленьких стишков, комедий преогромных,

Идиллий, песенок, трагедий многотомных

(А. Бестужев-Марлинский, К некоторым поэтам).

(3) *Хорошо вам сомной?—Превосхитительно* (А. Аверченко, Дети, IV).

Пушкин делает очень тонкое замечание, касающееся прилагательного *невинный* (оно справедливо и по отношению к некоторым другим качественным прилагательным): сравнительная степень аномальна при описании признаков, интенсивность которых со временем не может возрасть — только уменьшаться:

Гретхен хорошеет и час от часу делается невиннее (А. Пушкин — А. Н. Вульф, 16 окт. 1829).

3. Наиболее аномальным ощущается встречающееся иногда образование сравнительной или превосходной степени от частей речи, которым эта категория вообще не свойственна, — причастиям, местоимениям и, тем более, существительным (напомним, что обыгрывание сравнительной или превосходной степени и краткой формы «окачествляемых» относительных прилагательных рассматривается в гл. Словообразование, с. 149—150).

(1) *Семейная жизнь / превратилась / в содом —*

Рыбак I вареного /рака /ошпаренной

(А. Архангельский, О рыбаке и рыбке, пар. на В. Маяковского).

(2) — *Советую вам привлечь к нашему делу вора-Пащенко. Очень полезный человек.*

*А может быть, лучше пригласить вора-Кущенко?—Ну, нет, этот гораздо **ворее*** (Тэффи, Ке фер?).

(3) *Пусть ты черт. Да наши черти*

*Всех чертей /В сто раз **чертей*** (А. Твардовский, Василий Теркин).

(4) —*Мне сам папа сказал»—Мне сама мама сказала»—Но ведь папа **самее** мамы» Папа гораздо **самее*** (К. Чуковский, От двух до пяти).

(5) *Огромный город. Затемнение.*

Брожу. Гляжу туда, сюда.

*Из всех моих ты всех **мойнее** —*

И навсегда!

(Н. Глазков, Хихимора).

(6) *И вот однажды приезжаю я»*

— С фронта?

*— С которого? **Никакейгиих** тогда фронтов не было!*

(А Аверченко, Кипящий котел).

4. Странно выглядит (и нередко используется в языковой игре) отсутствие формы сравнительной степени у некоторых качественных прилагательных. Вот, например, разговор детей в рассказе Тэффи «Летом»:

—*Ваша мама ужасная красавица,*—покраснев, говорит Люня.—*Моя мама тоже ужасная красавица, но ваша еще ужаснее.*

Качественное прилагательное *ужасный* может иметь форму сравнительной степени, ср. *истории одна другой ужаснее*, но не там, где оно обозначает просто высокую степень признака, тем более — положительного, как это имеет место в обсуждаемом примере.

4. Неполнота парадигмы

Реже обыгрывается явление противоположного характера — отсутствие того или иного члена парадигмы (при наличии самой соответствующей категории).

Отсутствие множественного или (реже) единственного числа существительных—явление нередкое. Говорящих удивляет, когда в этом отношении отличаются существительные, семантически близкие, ср. след, шутку:

Слово «счастье» не имеет множественного числа, а «несчастье» — имеет.

Из более редких явлений отметим отсутствие отдельных падежных форм. Так, слово *грёза* имеет полную парадигму, а у близкого по значению слова *мечта* затруднительна почему-то форма родит. падежа множ. числа (*мечт?*). И дело, видимо, не в фонетическом облике слова — форма *мачт* (от *мачта*) никого не смущает. Еще несколько примеров:

(1) *Но он свинину ест не часто,
Желудок берега,*

И знает, что земные яства Имеют берега (Д. Самойлов).

(2) И. С. Тургенев обращает внимание на «странность» некоторых форм глагола *отсрочить*•

Итак, Вы опять отсрочили свой приезд, любезнейший Анненков. Боюсь я только, как бы Вы, все отсрочивая да отсрочивая (экое

странное слово) — совсем к нам не пожаловали (И. Тургенев — И. В. Анненкову).

«Странность» чередования гласных *о /а* в глаголе *отсрочить* и в других русских глаголах отмечают и современные авторы:

Хватит отсрочивать, пора подытоживать! (А. Кнышев, Уколы пера).

Сходным образом А. Белый обыгрывает необычность страдательного причастия наст. времени от глагола *спирать*, а А. Чехов — формы родительного падежа существительного *чепуха*:

(1) *Комната не запиралась: ни ночью, ни днем (...) унести было нечего, кроме книжек (...) их и тащили; остальное—рваны, тяжелейший бюст Данте был не спи-раем* (А. Белый, Начало века).

(2) *Фраза «'Vanitas vanitatum et omnia vanitas» (Чепуха чепух и всяческая чепуха) выдумана флегматиком* (А. Чехов, Темпераменты).

Впрочем, таких случаев («пустых клеток») не так уж много. Поэтому, например, отсутствие 1-го лица ед. числа у глагола *победить* (*побежу? победу?*) обыгрывают многие авторы, в том числе В. Высоцкий (*Чуду-юдуя и так победу*) и Б. Заходер:

Хорошо быть медведем, ура!

Побежу«

(Нет, победу!)

Победу я и жару и мороз,

Лишь бы медом был вымазан нос!

Победу«

(Нет, побежду!)

Побежду я любую беду («Винни-Пух и все-все-все»),

Ср. также шуточный диалог: *Ты чего ходишь, бузишь?—Кто, я бужу?*

На затруднительности образования формы родит. падежа мн. числа слова *кочерга* (*кочерг? кочерег? кочерёг?*) М. Зощенко построил, как известно, целый рассказ. (Напомним, что авторитетные справочники, напр. [Зализняк 1977], [Еськова 1994] однозначно рекомендуют здесь форму *кочерёг*, указывая, впрочем, на ее затруднительность.)

Аномальным представляется говорящим (особенно детям) явление супплетивизма:

—Ах ты, стрекоза!— сказала мать своей трехлетней Ирине.

—*Яне стрекоза, аялюдь!* (К Чуковский, От двух до пяти).

Более редкий случай обыгрывания дефектности парадигмы — обыгрывание отсутствия множественного числа у местоимения *некто* в самопародии Л. Андреева, написанной им для «Чукоккалы»:

Солнечное затмение. 2 ч. 10 м. Темнеет. Темнеет. Чуковский прыгает в восторге. Темнеет (...) Кто-то хохочет. Все стали некты в серых [Некто в сером — персонаж пьесы Л. Андреева «Жизнь человека»].

5. Морфологические ошибки

1. Намеренные резкие отступления от норм литературного языка довольно часты в современной интеллигентской разговорной речи:

(1) *польша, креды-то никакой и нет\ много делов; можно взойтить?* и т. п. [Земская—Китайгородская—Розанова 1983].

(2) —*Ну, как прошел последний звонок?—Нормально! Учители говорили трогательные речи, родителя дарили «трогательные» подарки* [Гридина 1996].

Однако в художественной речи подобные отступления встречаются достаточно редко. В интересной статье, специально посвященной этому вопросу, Д. Н. Шмелев пишет

«Общепризнано, что поэт волен по-новому сочетать слова, придавать им новый смысл, создавать новые или воскрешать старые слова, уместные в данном контексте. Но вряд ли кто-либо в настоящее время согласится с призывом В. Шершеневича “ломать грамматику”; “несогласованность в родах и падежах,—писал он,—вот средства, краткий список лекарств застывающего слова”. Сейчас трудно найти поэта, который намеренно следовал бы этому лозунгу, но если считать, что “четыре женщин” — грамматическая неправильность, что будет справедливо, придется признать, что Е. Евтушенко, по-видимому, невольно отдал дань этому давнему призыву:

*Там живут четыре тоже старых Некрасивых женщину реки,
У одной из них, таких усталых,
 Попрошу когда-нибудь руки.*

У нас нередко цитируют известные строчки Пушкина:
Как уст румяных без улыбки,

Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю.

Но этот веселый поэтический образ никак не предопределял практику творчества поэта» [Шмелев 1990:461].

2. Грамматические ошибки используются в языковой игре редко и со специальным заданием—дискредитация описываемого лица, например отрицательного персонажа или пародируемого автора. Ср.:

(1) *Хочу **пройтись** я с портнихами,*

Затеяв легонький роман

(Пар. А Бухова на Игоря Северянина).

(2) *Душа моя играет, душа моя поет,*

А мне товарищ Пушкин руки не подает.

Александр Сергееч, брось, не форси,

*Али ты, братеник, **сердитым?***

(А Архангельский. Пар. на А Прокофьева).

(3) *На меня близоручил мигалисто мой родной глухоманистый дед.*

—*Хорошо,—*бормотал он гундосово, *ощербатя беззубистый рот,*
— *только **оченно** уж стоеросово-*

Да иначе и быть немогёт (А Иванов, пар. на В. Гордейчева).

Еще пример: пародия А Иванова на стихи Валентина Сидорова, содержащие строки: «Косматый облак надо мной кочует, И ввысь уходят светлые стволы»:

В худой котомк поклав ржаное хлебо,

Я ухожу туда, где птичья звон.

Я дома здесь. Я здесь пришел не в гости.

Снимаю кепк, одетый набекрень.

Веселый птичк, помахивая хвостик,

Высвистывает мой стихотворень.

Зеленый травк ложится под ногами,

И сам к бумаге тянется рука.

Ия шепчу дрожащие губами:

<<Велик могучим русский языка!>>

Ср. также известный шуточный диалог, дискредитирующий обоих собеседников — и неграмотного пассажира, и поборника грамотности:

—*В трамвае нетместов.*

—*Не жестов, а **мест**. Падежов не знаете.*

—*А вам нет делов, что мы не знаем падежов!*

Вряд ли несет специальное задание след, смелая морфологическая новинка В. Маяковского:

(4) *видите* — / *небо опять иудит*

пригоринью обрызганных предательством звезд?

(В. Маяковский, *Облако в штанах*).

4. Омонимия морфологических форм — явление широко распространенное в русском языке (напомним, например, что форма *кости* существительного *кость*, относящегося к так наз. 3-му склонению, соотносится с род., дат., предо., местным падежами ед. числа и имен., вин. падежами мн. числа). Однако обыгрывается морфологическая омонимия чрезвычайно редко. Можем привести только один пример: обыгрывание омонимии краткой формы прилагательного и формы, указывающей на излишнюю степень признака:

Глядя на наши достижения, хочется воскликнуть: «Велик человеческий разум! Куриный был бы как раз-» (А. Кнышев, *Уколы пера*).

3. Семантика морфологических форм и категорий

1. Морфологические категории, особенно формальные способы их выражения, исследуются в русистике давно и успешно. Семантика морфологических категорий, ее связь с семантикой синтаксических категорий изучена слабее, хотя и здесь немало интересных исследований. Это исследования В. В. Виноградова, Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной, Шмелевых — старшего и младшего, М. Я. Гловинской, Е. В. Красильниковой и многих других. Отказавшись от рассмотрения богатейшей литературы вопроса, мы ограничимся приведением имеющегося у нас материала с самыми краткими комментариями.

2. Естественно, что наибольшие возможности для игры предоставляют семантически содержательные (а не синтаксически обусловленные) категории. При этом обыгрыванию чаще всего подвергаются морфологические формы не в их основных, а в «несобственных значениях» (в этих случаях говорят обычно о транспозиции форм). Таким образом, в большинстве случаев мы будем

говорить об обыгрывании, необычном использовании таких форм, которые и в нейтральном употреблении не совсем обычны (напр., «докторское *мы*»: *Как мы себя чувствуем?*). При этом одна необычность не исключает, как правило другую, и мы, тем самым, имеем дело с «необычностью в квадрате». Следует сказать, что некоторые из этих «необычных» употреблений давно стали «обычными», нейтральными. Так, исследователи полагают, что в случае «вежливого *вы*» нужно говорить уже не о транспозиции «основного» *вы*, а об особом местоимении — «вежливое *вы*», которое и по правилам поверхностного согласования отличается от «основного» *вы*: требует множественного числа глаголов и кратких прилагательных (*Вы невежливы*), но единственного числа существительных и полных прилагательных (*Вы — грубиян Вы такой невежливый*) (см. [Булыгина — Шмелев 1997:330-331]).

3. В данном разделе работы мы будем рассматривать значение и употребление не только личных форм глагола, но и личных местоимений — поскольку, по справедливому замечанию Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, «функция элементов, связанных с лицом, не зависит от того, в каком конкретном месте высказывания этот элемент локализован, т. е. является ли он автономным словом или словоизменительным аффиксом» [Булыгина — Шмелев 1997:319].

Категория рода

Для русского языка вполне справедливо замечание А. Мейе о категории рода французских существительных: род — «одна из наименее логичных и наиболее неожиданных грамматических категорий» (цит. по: [Виноградов 1990: 127]). Говорящие ощущают произвольность, смысловую немотивированность деления существительных по трем родам. Впрочем, «родовые несуразности» (выражение В. А. Виноградова) ощущаются и обыгрываются говорящими сравнительно редко. Один пример:

Наши грамматики очень ошиблись, когда отнесли слова доброта, нежность и снисходительность к женскому роду, а гнев, сумасшествие и каприз — к мужскому и среднему (Из альманаха «Цефей», по: [Одинцов 1982]).

Чаще подчеркиваются различия между категориями рода и пола.
Ср. след, шупсу:

На остановке:

—*Когда она пойдет?*

—*Это не она,, а он. Автобус.*

—*А я к ней под колеса не заглядывал.*

Употребление среднего рода прилагательного при описании человека связано с грубо презрительной оценкой:

[Сенатор Аблеухов спрашивает сына о бедном разночинце] —*А скажи-ка мне, Коленька, кто такое тебя посещает,, голубчикмой?* (А Белый, Петербург, I).

Категория лица

Морфологическая категория лица, в сущности, является прагматической. В ней отражаются отношения между участниками речевого акта: 1-е лицо — говорящий (или — во множественном числе — говорящий + другие), 2-е лицо — слушающий (слушающие), 3-е лицо — все остальные (и всё остальное).

Как мы уже отмечали, обыгрыванию чаще всего подвергаются морфологические формы не в их основных, а в «несобственных значениях», когда одно лицо используется «вместо» другого. Ср. пример Е. В. Красильниковой [1990]: *Ей по-человечески говорят, а она не понимает*, где 3-е лицо ед. числа употреблено вместо

2-го, а 3-е лицо мн. числа — вместо 1-го, и эта двойная транспозиция не делает фразу аномальной.

3-е лицо вместо 1-го

1. Говорящий «прячется» за кого-то, как бы снимает с себя ответственность за свои поступки, как это делает Пушкин в письме к П. А Вяземскому:

Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил (...) Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится,, а потом отправь в Болдино (конец апр—начало мая 1826).

Поцелуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина (А. Пушкин — JL С. Пушкину, 20—23 дек. 1824).

Этот прием любил использовать (особенно в письмах) А. Чехов. Вот три примера из его писем к О. Л. Книппер-Чеховой, 1901 — 1902 гг. (во всех трех третье лицо перемежается с первым):

„крепко целую тебя и шепчу тебе на ухо разные глупости. Не забывай своего мужа. Он ведь сердитый, дерется, Горький садится писать новую пьесу, как я уже докладывал тебе, а Чехов егце не садился, Не забывай своего мужа, вспоминай о нем хоть раз в сутки. Обнимаю тебя, мою пьяницу. Твой муж в протертых брюках, но не пьющий.

Употребление 3-го лица вместо 1-го давно используется в русской литературе (например, протопопом Аввакумом) — иногда с другими целями. В. В. Виноградов отмечает «Изредка из своего хронологического далека он [протопоп Аввакум] созерцал себя как посторонний объект восприятия, и переполняется жалостью к этому страдальцу (...) «Одинъ б'Ъдной горемыка-протопопъ нарту зд'Ълалъ...»; «И протопопа Аввакума, б'Ъднава горемыку, в то время с прочими остригли...»; «Увы, Аввакумъ, б'Ъдная сиротина, яко искра огня, угасаеть и яко неплодное древо пос'Ъкаемо бываетъ...» [Виноградов 1980:29].

Труднее объяснить «перескок» со 2-го лица на 3-е в письме Аввакума Иллариону, архиепископу Рязанскому: *А ты хто? Вспамяни-тко, Яковлевич, попёнок! В карету сядешь, растопыришься, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по плоьцади, чтобы черницы-ворухи унеяткилюбили. Ох, ох, бедной!* (цит. по: [Лихачев — Панченко — Поньрко 1984]).

Хотя Д. С. Лихачеву очень хочется видеть в смехе Аввакума «религиозный смех», «проявление доброты к своим мучителям», а «злой» смех считать «нарушением правил» (см. [Лихачев — Панченко — Поньрко 1984: 63—69 и др.]), однако, по нашему мнению, именно «злой» смех особенно характерен для Аввакума (что вполне понятно). Чего стоят, например (приводимые самим Лихачевым!) след, высказывания Аввакума:

Плюнул бы ему в рожу ту и в брюхо то толстое пнул бы ногою!», „государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их [никониан], что Илия пророк, всех перепластал во един день. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю.

2. Другую природу имеет аномальность использования 3-го лица вместо 1-го у В. Набокова:

...воскресает образ моей детской кровати, с подъемными сетками из пушистого шнура по бокам, чтобы автор не выпал («Другие берега»).

Автор научной работы или художественного произведения может говорить о себе в 3-ем лице (*автор считает* вм. *я считаю*). В романах В. Набокова подобные употребления вполне нейтральны при описании Набокова-взрослого, но наименование *автором* младенца производит комическое впечатление.

3. В повествовании и (реже) в разговорной речи при указании на себя или на собеседника говорящий может использовать определительные конструкции с союзными словами *который*, или *кто*, Ср. диалог из рассказа Стивена Ликока «Неотразимая Винни» (пер. С. Займовского), где собеседники, начав с 1-го и 2-го лица, переходят затем к описательным выражениям, а затем и к местоимениям *он*, *она*, что выглядит особенно аномальным при повторах:

— *О нет,—воскликнул незнакомец, помогая вспыхнувшей девушке подняться,— умоляю, не преклоняйте предо мной колен! Если я сделал что-нибудь, заслуживающее благодарности той, которая, кто бы она ни была, останется навсегда в душе человека, у которого так мало таких воспоминаний, он будет этим щедро вознагражден! Если она это сделает, он будет благословен!*

—*Она* сделает! *Он* будет благословен! (...) одинокая и побежденная жизнью, *она* просит оставить ее,,

—*Он* оставит!— вскричал незнакомец.—*Он* оставит! *Он* уже оставляет!

1-е лицо вместо 2-го

1. 1-е лицо вместо 2-го используется достаточно часто с различными целями. Отметим, прежде всего, особое употребление *мы*, типа *Как мы себя чувствуем?* Это употребление называют по-разному: «сочувственно-интимное» [Аванесов — Сидоров 1945: 154], «солидарное» [Булыгина — Шмелев 1997: 327], «докторское, родительское» [Красильникова 1990:9], «инклюзивное» [Апресян 1995: т. II, 153]) и т. д. Важно, разумеется, не название, важно описать значение и особенности употребления этого *мы*. *Мы* инклюзивное

«маркирует более высокий статус говорящего в текущей ситуации» [Алресян 1995: т. II, 153], оно естественно в ситуации «врач и пациент», «учитель и ученик» (*Ну, как у нас дела?*)\ «родители и дети» (*Ну, как мы сегодня спали?*\ *Сейчас умоемся и за стол!*) и т. п. Впрочем, даже и здесь существуют жесткие ограничения: по отношению к детям-подросткам или гостям подобные выражения вряд ли допустимы. Ю. Д. Алресян отмечает, что «солидарность с адресатом, испытываемая говорящим, настолько велика, что он готов поставить себя в положение адресата и разделить все его переживания» [Алресян 1995: т. II, 153]. Языковая игра показывает, что всё-таки — не все: расширение сферы употребления этой конструкции нередко ощущается как необычное и производит комический эффект. Тем самым, языковая игра может помочь «нащупать границы» нейтрального использования конструкции. Сравним два примера. Набор действующих лиц в них один и тот же — милиционер и «гражданин», тем самым оба примера удовлетворяют требованию, о котором говорилось выше: в текущей ситуации говорящий (милиционер) имеет более высокий статус.

(1) [Капитан милиции — задержанному] — *Ну, как—будем сознаваться или еще поиграем в молчанку?* (В. Ардов, Сигнал).

(2) *В секретарскую спокойной деловой походкой входила милиция в числе двух человек. Увидев их, красавица [секретарша] зарыдала (...), тыча рукою в дверь кабинета—**Давайте не будем рыдать, гражданинка,**—спокойно сказал первый* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 17).

В (1) использование *мы* нейтрально (или почти нейтрально), между тем как в

(2) оно производит комический эффект. Дело, видимо, в том, что кроме требований, связанных с распределением социальных ролей, конструкция должна удовлетворять каким-то другим, которые я затрудняюсь сформулировать. Возможно, комический эффект в (2) вызван тем, что сопереживание, выражаемое данной конструкцией, не должно быть слишком преувеличенным: трудно представить себе милиционера, рыдающего в описываемой Булгаковым ситуации. В примере

(1), описывающем ситуацию, более соответствующую деятельности милиции, эта же конструкция выглядит почти

нейтральной. В классической ситуации «врач — пациент» тоже не всегда «инклюзивное *мы*» допустимо. Фраза *Мы, кажется, любим бьюбители) выпить?* допустима в нейтральном употреблении, а фраза *Мы, кажется, пьяницы?—вряд*, ли.

2. «Инклюзивное *мы*» интересно еще и тем, что, кроме сочувствия говорящего, оно дает слушающему еще один «козырь» — формальное основание понимать высказывание буквально, спекулируя на этом сочувствии:

К итальянскому судье привели бродягу, обвиняемого в мелкой краже. Судья, разбирая дело, был в затруднении, как обращаться к бродяге—на вы или на ты. Первое казалось ему слишком уважительным, второе—некорректным. Судья решил обратиться на мы. «Итак, похоже, что мы украли часы»,—сказал он. «Вы, может быть, и украли, Ваша честь,—ответил обвиняемый—Я же их не крал» (Н. Романова, А. Филиппов, «Русский язык в СССР», 1991, № 10).

Рекорд злоупотребления конструкцией установлен, кажется, главным героем фильма «Ирония судьбы, или С легким паром», который, встретив в лифте собаку, спрашивает у нее (пьяно-заискивающим голосом): «Мы не кусаемся?»

3. Приведем еще один пример обыгрывания значения местоимения *мы*, очень интересный во многих отношениях:

[Разговор жены, артистки, с мужем]:

—*Яу тебя никогда ничего не брала.*

—*Так ли? А когда мы егце не были известной артисткой, то на чей счет мы жили? А кто, позвольте вас спросить, вытянул вас из нищеты и осчастливил?* (А. Чехов, Mari d'elle).

Во-первых, обратим внимание на поверхностное рассогласование глагольного и именного компонентов предложения: мн. число глагола-связки + ед. число имени (*мы егце не были известной артисткой*). И замена множ. числа единственным вряд ли сделало бы фразу нейтральной: в устах мужа фраза *Когда мы егце не были известными артистками*,, выглядит странно.

Во-вторых, в приведенном примере замена 2-го лица 1-ым имеет целью не преувеличенное сопереживание, как в предыдущих примерах, а приписывание собеседнице мании величия (*Мы—Николай II*) и осуждение собеседницы. Впрочем, подобное

осуждение, передаваемое заменой 2-го лица на 1-е, нередко в разговорной речи, ср.:

[Отец — сыну]: —*Мы ведь всё сами знаем. Зачем нам дураков-родителей слушать?*

Отец говорит от лица сына, который как бы включается при этом в некую социальную группу, группу «независимо мыслящих детей».

4. Интересны случаи, когда 3-е лицо употребляется одновременно, в одной фразе вместо 1-го и 2-го:

[Отец—сыну]: —*Ах ты, поросенок! Скажите, пожалуйста, какие он отиу слова говорит! Отец на них работает, отец их воспитывает, одевает, обувает, ночей не спит да думает, как бы им хорошо было, а они»* (Тэффи, Семья разговляется).

Говорящий как бы призывает в свидетели кого-то отсутствующего (*Скажите, пожалуйста*) и описывает ситуацию с позиции этого свидетеля, говоря о себе и своих домочадцах в 3-ем лице.

1-е лицо вместо 3-го

Докладчик: *«На сегодняшнее число мы имеем в Германии фашизм».*

Голос с места: *«Да это не мы имеем фашизм! Это они имеют фашизм! Мы имеем на сегодняшнее число советскую власть»* (И. Ильф, Записные книжки).

Категория числа

1. Е. В. Красильникова (со ссылкой на Е. Кржишкову и М. А. Шелякина) отмечает, что в случае, когда однозначно заданы сведения о предметах (в частности, о их количестве) возможна транспозиция форм числа — употребление мн. числа вместо единственного, и наоборот [Красильникова 1990:84]. Ср.:

Похлопочи о «Северных цветах», пришли нам своих стихов и проз, да у Языкова нет ли чего? (А. Пушкин — П. А. Вяземскому, серед, окт. 1831) [Множ. число существительного *проза* употреблено по аналогии с близким по смыслу существительным *стихи*]

2. В так наз. дистрибутивном значении (когда какой-нибудь предмет присущ каждому лицу или предмету порознь) встречается «смешанное употребление единственного и множественного числа»

[Виноградов 1972: 133]. Преобладающим является ед. число, которое в ряде случаев незаменимо на множественное. Ср.: «Да прикажи в городе купить колокольчиков — моим коровам *на шею*» (не: *на шеи*) (Тургенев, по: [Виноградов 1972]); «Советники надели *на нос* очки» (не: *на носы*) (пример из: [Зализняк — Падучева 1974]). Обыгрывание этого явления находим у Чехова:

Мы шли по аллейке, у сыпанной желтым песком, и счастливыми грудями вдыхали в себя ароматы июньского утра (А. Чехов, Исповедь, или Оля, Женя, Зоя).

Комический эффект усиливается благодаря каламбурному совпадению двух значений существительного *грудь, груди*.

3. Известно, что существительное в ед. числе может служить для обозначения собирательного образа (*Студент сейчас пошел не тот* и т. п.). Говорящие обращают внимание на то, что такое существительное имеет специфические сочетае-мостные свойства. Ср.:

(1) [Перечень популярных литературных персонажей]: *..Доктор с озабоченным лицом, подающий надежду на кризис, часто имеет палку с набалдашником и лысину* (А. Чехов, Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.).

(2) *Общественное положение демоническая женщина может занимать самое разнообразное, но большей частью она—актриса* (Тэффи, Демоническая женщина).

Аномальность здесь связана не с употреблением имени в ед. числе (в общих суждениях этого типа имя может стоять и в ед., и во множ. числе: *Студент сейчас пошел не тот/Студенты сейчас пошли не те*), аномально совместное употребление наречия (*часто?но, большей частью*) и единственного числа имени. Дело в том, что в примерах этого типа наречия *часто, редко, большей частью* и т. п. по смыслу относятся не к глагольному, а к именному компоненту предложения и синонимичны присубстантивным кванторам *многие, большинство, некоторые* и т. и.: *Лингвисты часто обладают математическими способностями — Многие лингвисты обладают математическими спо-*

6-1789

сностями (см. [Булыгина — Шмелев 1997:40—41]). Наши примеры (с доктором, часто имеющим лысину, и с демонической

женщиной) помогают сформулировать ограничение на употребление подобных «смещенных» наречий. Они недопустимы (в нейтральном употреблении) в случае генерализованной референции, передаваемой ед. числом. Причина понятна: на глубинном уровне произошло бы рассогласование по числу (*многие доктор; многие демоническая женщина*). Именно это делает фразы аномальными.

4. На интересную особенность использования категории числа в контексте глаголов, обозначающих физические действия, указывает след, анекдот:

Едет ковбой на лошади, видит, впереди лужа, думает вслух:

—Я—ковбой, я перепрыгну.

Перепрыгнул, едет дальше, впереди ручей, ковбой говорит:

—Я ковбой, я перепрыгну.

Перепрыгнул, едет дальше, увидел ущелье и говорит:

—Я — ковбой, я перепрыгну.

А лошадь ему отвечает:

— Ты ковбой, ты и прыгай.

Видимо, в этой ситуации возможны все три варианта: 1) я перепрыгну; 2) мы перепрыгнем; 3) моя лошадь перепрыгнет.

Вы и ты

Еще одна сложность использования категории числа связана с этикетом: вежливость требует обращения к малознакомому лицу во множественном числе, на *Вы*. В распределении *ты*- и *вы*-конструкций немало, однако, неясностей. Они-то и подвергаются обыгрыванию.

Резкий переход на «ты» возможен не только после брудершафта, но, например, на определенной стадии любовных отношений, ср.:

[Мальчик подслушивает объяснение в любви] *—Я день и ночь о вас думаю~ Ваш образ все время стоит передо мной. Скажите же~ А вы~ А ты~ Любишь меня? «Вот еще,—поморщился за ширмой Мишка,—на «ты» говорит. Что же она ему, горничная, что ли?»* (А. Аверченко, Человек за ширмой, III).

При мысленном обращении к малознакомому лицу мы также «переходим на ты», ср.:

Городничий (в сторону) *Славно завязал узелок! Врет-врет и нигде не оборвется! (...) Ну да постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать. (Вслух) Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши?* (Н. Гоголь, Ревизор).

Местоимение *ты* обычно при обращении к животным, растениям, морю, солнцу и другим природным явлениям. Это употребление *ты* (Ю. Д. Апресян называет его «внедиалоговым») «используется при мысленном обращении к любым объектам, исключая реальный диалог» [Апресян 1995: т. II, 152]. Здесь обращение на *Вы* выглядит необычным и производит впечатление преувеличенной вежливости, ср.:

Газетной бумагой закрою пропасть окна.

Не буду смотреть на грязь небосвода!

Извините меня, дорогая природа,

Сварю яиц, заварю толокна (Саша Черный, Северные сумерки).

[Разговор с котом Бегемотом] — *А простите~ это ты~ это вы...* — он сбился, не зная, как образцаться к коту, на «ты» или на «вы», — *вы—тот самый кот, что садились в трамвай?*

—*Я,*—подтвердил польщенный кот и добавил:—*Приятно слышать, что вы так вежливо образцуетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 24) [У Булгакова здесь обыгрывается также шутивное допущение, что брудершафт—обязательное условие обращения на «ты» к живым существам.]

Невозможность реального диалога является также причиной того, что, несмотря на трепетно-почтительное отношение к Богу и к покойнику, мы позволяем себе «тыкать» их. «*Спи спокойно, дорогой коллега*»,— говорим мы лицу, с которым были на «вы» или даже вообще не были знакомы.

Они вместо *он*

Известно, что употребление *они* вместо *он* — яркая просторечная черта. Вот как Чехов в письме 25 апр. 1887 г. описывает черкасских девиц:

Видел богатых невест. Выбор громадный, но я всё время был так пьян, что бутылки принимал за девиц, а девиц за бутылки. Вероятно, благодаря моему пьяному состоянию здешние девицы нашли, что я остроумен и «насмешники».

Употребление *они* вместо *он* — показатель крайней почтительности. В. Конецкий описывает буфетчицу на корабле, которая говорит о капитане *они*: «*Они*» — она так показывает свои знания шестка, свою смиренную подчиненность капитанскому

величию. Спросишь: «Где капитан?» — «Они сказали, что кушать не будут» («Путевые портреты с морским пейзажем»). Необычны (и производят комическое впечатление) случаи, когда это значение резко противоречит общему смыслу высказывания и содержащимся в нем оценочным характеристикам:

[Разговор Воланда и Коровьева («длинного клетчатого») со Степой Лиходеевым]:

— кое-кто из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний — именно вы!

— **Они, они!**—козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе,—вообще **они** в последнее время жутко свинячат. **Пьянствуют, вступают** в связи с женщинами, используя свое положение, **ни черта не делают** (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 7).

Странно также, когда говорят *они* о близких людях, например, о муже:

[Красноармеец приходит к Горбушкиным]:

—Извините, граждaне. Не пужайтесь-Я от следователя послан«Гражданин Гор-бушкин~ который тут?

Горбушкин показывает рукой на жену. Жена показывает на мужа. Замешательство.

Жен а .Вот **они,, Они**—Горбушкин (М. Зощенко, Преступление и наказание, 2).

В устах жены подобная почтительность, допустимая по отношению к постороннему человеку, приобретает оттенок отстранения, отчуждения: жена как бы отрешивается от мужа и его дел.

6*

3-е мн. вместо 3-го ед. в глаголах.

1. Что касается глагола, то здесь конструкции со множ. числом 3-го лица вместо единственного могут употребляться и в литературном языке. Т. В. Булыгина [Булыгина — Шмелев 1997: 344—345] отмечает, что эти конструкции указывают на «отчуждение», и иллюстрирует свое понимание, в частности, примером из «Евгения Онегина»:

...лишь вошел» ему

Она навстречу. Как сурова!

Его не видят, с ним ни слова;

У! как теперь окружена Креи^енским холодом она!
(А. Пушкин, Евгений Онегин, 8).

Пример и сам термин «отчуждение» могут ввести в заблуждение. Т. В. Булыгина понимает под отчуждением не отношение субъекта предложения (Татьяны) к другому участнику сцены (Онегину), а «объективацию», «отчуждение от субъекта», взгляд «со стороны» на субъекта и всю сцену. Что же касается «отчуждения» в другом понимании — отчуждения между самими участниками ситуации, то она навеяна не конструкцией, включающей множ число вместо единственного, а лексическим составом фразы (*не видят, ни слова, крещенский холод*). Там, где сама лексика не отчуждает, этого отчуждения нет или оно смягчено; замена пушкинской лексики другой, положительно окрашенной (исключающей отчуждение!), видимо, возможна (если, разумеется, отвлечься от чудовищных стилистических потерь): *...она навстречу! Как ласкова! Его усаживают, расспрашивают* Нет отчуждения и в очерке Н. Ильиной об А. А. Реформатском:

Вырезки [из газет] делались [А. А. Реформатским] для себя, для меня, для учеников (...) Работа по вырезыванию велась обычно вечером (отдых после трудового дня), затем меня звали к себе либо появлялись на пороге моей комнаты. Протягивалась пачка вырезок. «Это тебе должно быть интересно».

Налицо любовное подтрунивание над торжественной церемонией передачи вырезок (нейтральной была бы фраза: *он звал меня к себе либо появлялся на пороге моей комнаты*). Отчуждения (с обеих сторон), видимо, нет. Еще пример — из рассказа А. Аверченко «Вечером», где описывается разговор с маленькой девочкой:

*Подперев руками голову, я углубился в историю французской революции и забыл всё на свете. Сзади меня **потянули** за пиджак. Потом **поцарапали** ногтем по спине. Потом под мою руку была подсунута глупая морда деревянной коровы. Я сделал вид, что не замечаю этих ухищрений.*

Приведенные примеры, а также некоторые другие показывают, что, кроме «отчуждения» некоего «наблюдателя» от субъекта действия (не лучше ли говорить здесь об «отстранении»?), конструкции с мн. числом глагола вместо единственного включают некоторый

дополнительный смысл. Ср. фразы (1) и (2), явно отличающиеся **ПО** смыслу:

(1) *Встречает меня, усаживает за стол, угощает.*

(2) *Меня встречают, усаживают за стол, угощают.*

Следует обратить внимание на один существенный момент в отличие от (1), фраза (2) может описывать две разных ситуации: 1) угощающий — один; 2) уго-

щающих — несколько. Но даже если угощает один человек, его действия оцениваются в (2) как «более интенсивные», чем в примере (1). На значение конструкции накладывает отпечаток ее происхождение (по форме — это мн. число): речь идет об одном лице, но оно как бы множится. При этом сама описываемая ситуация приобретает дополнительную значимость, граничащую с торжественностью. Еще один пример — из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова:

Попал он [Никанор Иванович Босой] к профессору Стравинскому не сразу, а предварительно побывав в другом месте. От другого этого места у Никанора Ивановича осталось в воспоминании мало чего. Помнился только письменный стол, шкаф и диван (...)

— *Откуда валюту взял?—задушевно спросили у Никанора Ивановича (...) Всякому терпению положен предел, и за столом уже **повысили** голос, **намекнули** Никанору Ивановичу, что ему пора заговорить на человеческом языке.*

В этом и подобных случаях описываемое лицо (следовательно) теряет индивидуальность, выступает от лица всех чекистов, даже конкретные детали разговора — повышение голоса, употребляемые выражения (*пора заговорить на человеческом языке*) обобщаются — что и выражается постановкой множественного числа вместо единственного.

2. Иной смысл имеет замена единственного множественным в примерах типа:

(3) *На днях мне из Думы звонили. Шурин (он там гардеробщик) на свадьбу дочери приглашал.*

В статье, посвященной «лингвистической демагогии», Т. М. Николаева описывает распространившуюся в последние годы манеру говорить на «они»: *Мне звонили из «Союза композиторов»* (хотя звонил один человек). Т. М. Николаева считает, что речь здесь идет «о

непрестижном представителе престижной в целом корпорации» [Николаева 1988: 159]. Мне кажется, что ни сама корпорация, ни ее представитель не оцениваются с точки зрения престижности/непрестижности. Я могу, видимо, сказать: *Мне звонили из ВЦП. Мартемьянов звонил*,— хотя для меня как раз наоборот—учреждение непрестижно и неуважаемо, а его представитель — уважаем. Конструкция типа *Мне звонили из ВЦП* удобна в случае, если нет необходимости указывать, кто именно звонил. Употребляя ед. число (*Мне звонил из ВЦПС*) мы были бы вынуждены, иногда без всякой необходимости, расширить фразу, указав субъект действия (*Мартемьянов*, или: *кто-то*, или: *один человек* и т. п.). Конструкция *Мне звонили из ВЦП* содержит еще один важный смысловой компонент, определяющий правила ее употребления: звонящий выступает как представитель данной организации, по делам организации. Поэтому (3) производит комический эффект. Аномальность уменьшается при замене мн. числа единственным: *Мне шурин звонил из Думы (он там гардеробщиком работает)..*

Мн. число существительных вместо единственного

Еще один интересный случай обыгрывания категории числа касается существительных. Неоднократно отмечалось (см., например, [Потебня [1886], [Арбатский 1972], [Крысин 1988], [Красильникова 1990]), что мн. число существительных может использоваться вместо единственного. Е. В. Красильникова приводит

много примеров подобного употребления, которые, на мой взгляд, делятся на две группы, принципиально различных: 1) *Кто это кошельки раскидывает?* (лежит один кошелек): 2) *Вот люди ходят по «Пекином» (ресторан) / там по инподро-мам.* В первом примере речь идет об одном предмете, во втором — о нескольких (имена единичных общеизвестных предметов или лиц употребляются тут в значении: ‘предметы или лица типа X’). Для создания комического эффекта используется обычно второе из указанных употреблений. Именно о нем мы и будем говорить.

(1) [Опискин]: *Что ж делали до сих пор все эти Пушкины, Лермонтовы, Бородины? Удивляюсь. Народ пляшет камаринского, эту апофеозу пьянства, а они воспевают какие-то незабудочки!* (Ф. Достоевский, Село Степанчиково..., ч. 1, VII).

(2) — *Что еще за параллель такая—смутно отзывался Митрич—Может, такой никакой параллели и вовсе нету. Этого мы не знаем. В гимназиях не обучались. Митрич говорил сущую правду. В гимназии он не обучался. Он окончил Пажеский корпус (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, XIII).*

(3) *Вот вы там все по Швейцариям ездите, а своего родного не замечаете (П. Романов, Русская душа).*

Примеры такого типа дали основание А. А. Потебне [1886] говорить о множественном «несправедливого пристрастия». Сходную оценку дают Ю. Д. Апресян [1995: т. II, 142] и Е. В. Красильникова: «Мы можем констатировать характерную отрицательную окраску таких употреблений <...>: недовольство, упрек, неприязненное, отчужденное отношение к факту, предмету, лицу, но иногда это просто шутовское “поддевание”» [Красильникова 1990: 85]. Настораживают два обстоятельства: 1) в некоторых из приводимых Красильниковой примеров «отрицательная окраска» описываемого не ощущается, ср.: **Какой человек / по Ленам где-то плавает** (я увидел бы здесь скорее восхищение); 2) там, где «отрицательная окраска» есть, не создается ли она другими средствами: местоимениями **всякий, там** (**всякие там «Мелодии»**), общим смыслом высказывания? 3) описываемая конструкция возможна и в случае положительной оценки, ср.:

(4) — *Господи, какая цивилизация! Виды эти, разные Везуви,, окрестности! Что ни шаг, то и окрестности! (А Чехов, В Париж!).*

(5) —*И вы, греки, хорошие (...) Ну~ вообще. Приятный такой народ. Классический. Маслины вот тоже. Периклы всякие (А. Аверченко, Дюжина ножей в спину революции).*

(6) *Люди открывают Северные полюса, перелетают через Атлантические океаны, изобретают говорящие кинематографы, Днепрострой возводят (В. Катаев, Внутренняя секреция).*

(7) *Баян. Вам мировая революция нужна, вам выход в Европу требуется, вам только Чемберленов и Пуанкаров сломить, и вы Мулен Руж и Пантеоны красотой телодвижений восхищать будете (В. Маяковский, Клоп, И).*

(8) *Не надо, хлопцы, ждать Шекспиров,
Шекспиры больше не придут.*

Берите циркули, секиры,

Чините перья и за труд (Михаил Годенко).

Это употребление может быть нейтральным или даже торжественно-возвышенным, а может (в сходных, казалось бы, контекстах) окрашиваться иронией.

Вспомним два следующих примера:

(9) *Дерзайте ныне ободрении*

Раченьем вашим показать,,

*Что может собственных Платонов И быстрых разумом
Невтонов*

Российская земля рождать (М. Ломоносов).

(10) *Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные,*

Ньютоны ненаглядные, любимые до слез!

Ведь лягут в землю общую останки наши бранные,

Земле—ей все едино: апатиты и навоз (В. Высоцкий).

Дело, видимо, в том, что Ломоносов говорит о потенциальной возможности, а Высоцкий — о реальности, о современных ученых; налицо грубое преувеличение (вряд ли советские ученые в целом допускают сравнение с Эйнштейном и Ньютоном).

Итак, употребление мн. числа при указании единичных общеизвестных предметов или лиц не придает ни этим предметам (или лицам), ни высказыванию в целом отрицательную окраску. Я бы определил смысл этой транспозиции несколько иначе — как снижение. По своей природе рассматриваемое явление родственно сравнению, описываемые конструкции включают смысловой компонент ‘предметы или лица типа X’. Имеется, однако, и существенное различие. Оно касается оценки второго компарата (того, с чем сравнивают). Употребляя во множ. числе имя единичного общеизвестного предмета или лица, мы лишаем его уникальности и тем самым снижаем — независимо от оценки этого предмета или лица. Фразу *Франция еще родит Наполеонов* может сказать и противник Наполеона, и его горячий поклонник, однако в обоих случаях Наполеону отказано в уникальности. Точно так же в приведенном выше примере (9) Ломоносов прославляет Российскую землю (она может рождать аж многих Платонов и Ньютонов), но одновременно происходит некоторое снижение реальных ученых (Платона и Ньютона) — поскольку им отказано в исключительности. Это снижение усиливается до презрительного пренебрежения в случае сопоставления (так, в примере (5) Перикл поставлен в один ряд с

маслинами) или в случае контраста, когда имя во множ числе употреблено в контексте единственного числа: уникальность одного подчеркивает многочисленность (и, тем самым, некоторую заурядность) другого, ср.:

Недаром такие речи ведутся:

Был бы «Ревизор», а Мейерхольды найдутся!!

(А. Архангельский).

Категория залога

Обыгрывание категории залога — явление не слишком частое, но крайне интересное. Многие ученые отмечали, что в русском языке, в отличие от других европейских, безличные предложения (*Его убило молнией; Меня знобит*) за-

нимают большое место и наблюдается их дальнейший рост, вытеснение личных предложений безличными (см., напр., [Пешковский 1956: 345; Вежицкая 1996:

55—7<5]). при этом как будто действует какая-то неизвестная сила. Если субъект и есть, то он (напр., трамвай в примере *Его переехало трамваем*) лишь **орудие** этой силы. Если это — человек, он не несет ответственности за результат, за успех или неуспех. Вежицка отмечает, что английская конструкция *He succeeded* букв. ‘Он преуспел (в этом)’ отличается от соответствующей русской *Ему это удалось* тем, что в английской часть ответственности за успех или неуспех перелagается на человека, а в русской действующее лицо освобождено от ответственности за конечный результат [Вежицкая 1996: 72—73]. Нередки шутки, где это свойство русского языка усиливается и доводится до абсурда. Приведем (с краткими комментариями) несколько примеров.

(1) *-в небольшом сквере, трехлетний ребенок, весь в красном, шатко ступая шерстяными ножками, поплелся к тумбе, беспалой ладошкой загреб снег, лежавший аппетитной горкой, и поднес его ко рту, за что сразу был схвачен сзади и огрет* (В. Набоков, Защита Лужина, 13).

(2) *Всё стояло, всё молчало, всё выжидало: немного подальше зашептало’, немного поближе захохотало* (Ф. Достоевский, Двойник,

IV).

Аномальность усиливается и доводится почти до абсурда там, где субъект действия — вполне определенное лицо:

(3) — *Позвольте быть вам **проводимой мной**. Где вы живете?*

— *Ишь, чего захотели. Никогда я не скажу вам* (А. Аверченко, Страшный человек, V).

(4) *Ах, дядюшка! Но вы его поймете*

И не осудите профессии недуг,

*Тем более, что очень часто **тетей***

в Семен Сергеича швыряется уютюг (А. Архангельский, Октябрины).

Нейтральной была бы активная конструкция (... ***тетя швыряет в Семен Сергеича уютюг***) — точно так, как в отрывке из биографического очерка Натальи Ильиной «Реформатский»:

(5) *А газеты? Их выбрасывать **разрешилось**, но лишь после того, как они были прочитаны, размечены и сделаны вырезки. Вырезки делались для себя, для меня, для учеников (...) **Протягивалась** пачка вырезок: «Это тебе должно быть интересно».*

(6) [После свиста кота Бегемота, от которого «в роще посыпались сухие сучья с деревьев... снесло у пассажиров несколько кепок в воду»]:

— ***Свистнуто**, не спорю,—снисходительно заметил Коровьев,— действительно **свистнуто**, но, если говорить беспристрастно, **свистнуто** очень средне!* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 31).

От непереходного глагола обычно не образуется страдательное причастие (*исхожено, заработано, сказано*, но не *схожено, работало, свистнуто*; в (6) нейтральным было бы выражение типа *Действительно, ты свистнул*.

(7) [О «великом лгуне» Мишеньке Эртеле] *В. Я, фурьерист, с бородой Грозного, клал руку на голову Мише:*

— *«Что, Мишенька?»*

— *«Гыы, Владимир Иванович»,— картавил Миша.*

— *«Всё лжётся?»*

— *«Гыы-ыы» — гырчал Миша*

(А. Белый, Начало века. Мишенька Эртель).

Иную природу имеет комический эффект в стихах Б. Заходера по повести

А. Милна «Винни-пух и все-все-все»:

«Собака кусается»- Что ж, не беда.

Загадочно то, что собака,

*Хотя и кусается, но никогда **Себя не кусает**, однако-*

Заходер обращает внимание на омонимичность форм на *ся*; одни из них обозначают возвратность (*моется = моет себя*), а другие — нет. Эта же омонимия обыгрывается в каламбуре К. Елисеева [по: Новиков 1989: 249]: *Талант, не зарывайся!* Сталкиваются два выражения: *зарывать талант в землю* и *Не зарывайся* (‘Не будь самонадеян’) и две залоговых формы — страдательная и возвратная.

Категории вида и времени

1. Категории вида и времени обыгрываются сравнительно редко.

(1) *Остановившись возле мужика, трудившегося в поле, граф стал рекомендовать*

ему всевозможные улучшения в хозяйстве.

—Ваше сиятельство, всё, что говорить изволили, напоминает мне молодость

мою, когда я в Москве белокаменной царь-пушку поднимал.

—Как это поднимал?— изумился граф.

— Очень просто: поднимал, да не поднял (Музей остроумия).

Приведенный пример подчеркивает, что (в отличие от форм совершенного вида) формы несовершенного вида могут исключать малейшее продвижение к желаемому результату—если действие является целенаправленным, контролируемым. В контексте целенаправленной деятельности несовершенный вид «может выражать не только значение «достигнутого эффекта», но и значение «попытки, не увенчавшейся успехом», между тем как глаголы, обозначающие неконтролируемые процессы, выражают значение «осуществленное™» независимо от вида [Булыгина — Шмелев 1997: 109]. Ср.: *Ветер поднимал крышку люка* (невозможно продолжить: **но не мог ее поднять*); *но. Мальчик поднимал крышку люка, но не мог ее поднять*. Итак, пример хорошо иллюстрирует явление, известное исследователям. Этам, однако, его значение не ограничивается. В (1) комический эффект связан с тем, что одно значение («достигнутого

эффекта») сменяется другим («попытки, не увенчавшейся успехом»). Показательно, что первым (и, вероятно, основным) является всё-таки значение «достигнутого эффекта»: слушающий (пусть с удивлением) понимает фразу как сообщение об *успешном* поднимании царь-пушки — хотя, казалось бы, должен был с ходу отвергнуть такое понимание (в силу его явного неправдоподобия) и понимать ее как сообщение о попытке, не увенчавшейся успехом.

(2) *Почему ты все дуешь в трубу, молодой человек?*

Полежал бы ты лучше в гробу, молодой человек (О. Мандельштам, Газелла).

Форма *полежал* сама по себе не аномальна. Это так наз. делимитатив, в семантику которого входит идея начала и конца, согласованная «с возможностью субъекта деятельности начать и кончить деятельность в соответствии со своим намерением» [Падучева 1996:146]. Аномальность, содержащаяся в стихах Мандельштама, связана не с отсутствием намерения (ср. нормальную фразу *Снег полежал, но не очень долго*), а с невозможностью кончить описываемое состояние: в кровать можно лечь и *полежать* в ней, в гроб можно *только* лечь.

(3) *До объективности дорос,*

Итоги подвести осталось:

Поэтом стать мне удалось,

Быть человеком — удавалось!

(Н. Глазков)

Приведенный пример хорошо иллюстрирует отличия в значении форм сов. вида одного глагола от *форм* несов. вида: форма сов. вида (*удалось*) указывает на «достижение предела» и «перфективность» (достигнутое состояние сохраняется в момент наблюдения) (см., напр., [Падучева 1996а: 87]). Однако в шутке подчеркивается наличие еще одного важного компонента в значении формы *удалось*. Это указание на «непрерывность» (достигнутое состояние без перерывов сохранялось до момента наблюдения) — в отличие от формы несов. *удавалось*, имеющей значение многократности, наличия некоторых перерывов в состоянии «быть человеком».

(4) [Мальчик] *Я сперва боялся трамвая, а потом вык, вык и привык* (К. Чуковский, От двух до пяти).

(5) *Мой друг, зачем о молодости лет*

*Ты объявляешь публике читающей?
Тот, кто еще не начал,—не поэт.
А кто уж начал,—тот не начинающий!*
(С. Маршак, Начинающему поэту).

2. Интересны примеры обыгрывания так наз. многократных глаголов. Вот анекдот, иллюстрирующий один смысловой компонент, отличающий многократные глаголы от глаголов в прош. времени — повторяемость действия в прошлом:

Студентка на экзамене по анатомии человека описывает кости скелета'. «...Здесь реберные кости, тут были внутренние органы— сердце, легкие~ Здесь тазовые кости, тут был половой член~» <<Бывал»,—поправил ее профессор.

Еще несколько примеров.

(6) *Какой-то муравей был силы превеликой
И даже хаживал один на наука*
(И. Крылов).

(7) *Маргарита (...) смотрела, как Бегемот намазывает горчицей устрицу. «Ты еще винограду сверху положи»,—тихо сказала Гелла, пихнув в бок кота. « Попрошу меня не учить,—ответил Бегемот,— сиживал за столом, не беспокойтесь, сиживал!»* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 24).

Исследователи отмечают, что так наз. многократные глаголы типа *хаживал* обозначают «давнопрошедшее время» (см. [Виноградов 1972: 431—433; Грамматика 1970]). А. В. Исаченко полагает, что формы типа *хаживал* обозначают п р о -ш е д ш е е, а не предпрошедшее и не давнопрошедшее время, однако и он считает, что эти формы выражают процессы, «в настоящее время (в “момент речи”) больше не повторяющиеся (...) “Лет восемь назад ко мне в дом хаживала дочернина подруга” (Лесков). Подразумевается: “а теперь она больше не ходит”» [Исаченко 1960:431]. В приведенном Исаченко примере такой смысл действительно есть, но выражается он исключительно обстоятельственной группой *лет восемь назад* (вряд ли описываемое лицо ходит сейчас, после столь длительного перерыва). Что касается самой формы *хаживал*,, то она не исключает повторения действия в будущем, ср. строку из песни о Москве: *# немало по свету хаживал* (лирический герой ходит и еще будет, видимо, ходить по свету). Точно

так же кот Бегемот в примере Булгакова заявляет, что он *сизживал за столам*, сидя за столом!

Глава IV Синтаксис

Вводные замечания

В синтаксисе значения передаются служебными словами, конструкциями, порядком слов, интонацией. Хотя, по мнению Шарля Балли, синтаксические средства являются (в отличие от «прямых», лексических) лишь «косвенными выразительными средствами» [см. Балли 1961: 298], однако возможности, тонкости и «причуды» синтаксиса широко используются для создания комического эффекта. Трудно указать синтаксическое явление, которое не подвергалось бы обыгрыванию. Впрочем, синтаксические средства характеризуются в этом отношении крайней неоднородностью: наряду с «любимыми» средствами создания комического эффекта (такими как сравнение, неоднородность сочиненного ряда) имеются структурно важные синтаксические средства, которые, тем не менее, не подвергаются обыгрыванию или подвергаются ему чрезвычайно редко (это связано с особенностями тех или иных языковых единиц, но, бесспорно, здесь есть и элемент случайности). Указанное обстоятельство определяет состав и **строение данной главы**. В разделах 2—9 анализируются явления, нашедшие отражение в большом числе языковых шуток; что же касается раздела 1, то здесь описывается широкий круг важных проблем русского синтаксиса, но это описание по указанной выше причине крайне скупо и фрагментарно.

1. Обыгрывание некоторых синтаксических явлений

Темо-рематическая структура

Тем о-р ематическая структура фразы обыгрывается сравнительно редко:

— *Ты женишься на мне, потому что я унаследовала от тети Норы виллу?— Что за чушь? Я женился бы на тебе, от кого бы ты ее*

ни унаследовала.

В первой реплике в рему входит 1-ый комплетив (**Что** наследуется?), а во второй — 2-ой (**От кого** наследуется?).

Еще примеры — где с изменением актуального членения изменяется и синтаксическая структура, и порядок членов предложения:

(1) — *Какой здесь прелестный уголок¹ Вообще, я от природы без ума.*

— *Я и раньше замечала, что вы без ума от природы* (Журн. «Сатирикон»).

(2) [Чиновник—человеку, ошибочно объявленному умершим] — *Для восстановления в живых вам нужно представить официально заверенную справку, удостоверяющую, во-первых, что покойник не вы, и, во-вторых, что вы не покойник* (Вл. Дыховичный и М. Слободской, Воскресение в Понедельник).

(3) — *Папа, там во дворе Розочку насилуют на наших дровах!*
— *Это не наши дрова.*

Парцелляция

Существительные охотно образуют отдельное предложение (*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*)—но только если они выполняют функцию подлежащего, а не какую-то другую. Ср. следующие строки пародиста под странным псевдонимом — «Человек без...», где в отдельные (парцеллированные) предложения выделяются сказуемое и прямое дополнение:

(1) *Верблюд. Слоны. Газель.*

Мужчина. С ним мамзель.

Газель. Верблюд. Слоны.

Сидят. Едят. Блины.

Б. Ю. Норман [1987] отмечает «причудливую» парцелляцию в стихотворении «Читатель стиха» Ильи Сельвинского:

(2) *И снова идешь среди воя собак*

Своей. Привычной. Поступью. Тигра.

Номинативные, предикативные и автономные употребления

Говорящие ощущают различия между номинативным, предикативным и автономным употреблениями языковых единиц. Их обыгрывание заключается обычно в том, что в качестве номинаций используются группы, имеющие обычно предикативное или автономное употребление. Чаще всего эти группы вводятся в предшествующем тексте или предполагаются общеизвестными. Нередко они заключаются в кавычки. Синтаксическая функция этих групп может быть различной — подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство. Приведем примеры.

(1) *Ура, ура, ура! (...) Приехал из России какой-то инженер с какой-то своей «не женой». Инженера мы не видели, а «не жена» говорила, что большевизм и до весны не дотянет* (Тэффи, Из дневников ненаписанных).

(2) *...представьте себе его положение: тут, с одной стороны, так сказать, семга и арбуз, а с другой стороны ему подносят горькое блюдо под названием завтра* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, X).

(3) — *С каким я запасом-то в путь вышел, а кончил тем, что весь его по дороге растерял, Сперва «по возможности» действовал, потом на «хоть что-нибудь» съехал* (М. Салтыков-Щедрин, Сказки, Либерал).

(4) — *Ого!*

— *Что это «ого»? Прошу вас взять назад это «ого». Я не могу допустить никаких «ого»* (И. Горбунов, Общее собрание общества прикосновения к чужой собственности).

(5) *Выдающиеся события, метеорология, пророчества (...) В Зоологическом саду умрут три зверя от «не тешки»* (А. Чехов, Календарь «Будильника» за 1882 год). Обыгрывается пословица *Голод — не тетка*.

(6) *Я до такой степени свыкся с ездой по тракту, что мне теперь как-то не по себе и не верится, что я не в тарантасе и что не слышно **дар-валдая*** (А. Чехов — Чеховым, 20 июня 1890). Выражение из песни*, «...и колокольчик, дар Валдая, звенит уныло под дугой».

(7) *На моем конском заводе плодились и размножались «ах, вы, кони мои, кони», мельницы не стояли без дела* (А. Чехов,

Добродетельный кабатчик). Шутливое новообразование по типу «Ах вы, сени мои, сени».

(8) *Знойное «после обеда». На кушетке в гостиной полулежит барышня лет восемнадцати (А. Чехов, Козел или негодяй?).*

(9) [Разговор влюбленных) — *О, солнце мое! И я с вами. И впервые, вероятно, за время существования солнечной системы, с солнцем было поступлено так фамильярно-. оно было поцеловано в сгиб руки у локтя (А. Аверченко, Актриса).*

(10) *Он украдкой, будто случайно, прикоснулся к ее руке и спросил бархатным баритоном:*

— *Ну, что же мы, мое солнышко, будем кушать?*

— *Ах, вашему солнышку решительно всё равно. Что хотите (А. Аверченко, Женщина в ресторане, I).*

(11) *Я отвечаю спокойно,*

Что водка у нас—

Социальное зло

И мне выпивать непристойно.

Они ж не пускают меня от стола:

Чего нагоняешь, мол, страху! И чайный стакан социального зла Я выпил с единого маху (М. Исаковский, Записка председателя).

(12) — *Подсматривать подло, а пересказывать низко, гнусно и мерзко~ Полагаю, что вы, как честный и благородный человек,~*

— *Дайте рубль, тогда не скажу! — сказал благородный человек.— А то скажу (А. Чехов, Злой мальчик).*

(13) *Вон —справа, у окошка — сидят двое. Один такой тупой-тупой и в телогрейке. А другой такой умный-умный и в коверкотовом пальто (...) Тупой-тупой выпьет, крякнет и говорит: «А! Хорошо пошла, курва!» А умный-умный выпьет и говорит: «Транс-цен-ден-тально!» (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки).*

(14) *Звонок в дверь. Малыш открывает дверь и видит на пороге жениха своей взрослой сестры. «Люба,—кричит он ей,—твоя “синица в рукахV пришла!»*

Ложная связь между событиями

Нередко говорящие обыгрывают возможность установления ложной связи между двумя событиями, в действительности независимыми:

7-1789

*Крив был Гнедин поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод* (А Пушкин, К переводу Илиады).

Пушкин добивается комического эффекта, намекая, что неполное сходство физического недостатка Гомера и Гнедича обусловило неполную близость перевода «Илиады» с образцом. Еще примеры ложной связи между событиями:

(1) *Своему приятелю Никита Никитич [Всеволожский] телеграфировал в Светлое Христово Воскресение из своего Финляндского имения: «Христос Воскресе! Подробности письмом» («Исторические люди...»).*

(2) *Богатые залежи мрамора, годного для памятников, естественно породили в Афинах славных мужей и героев* (Тэффи, Древняя история).

(3) *Грибы имеют форму зонта потому, что растут в дождливую погоду* (Эмиль Кроткий).

(4) —*Невеста в день свадьбы одевается во все белое, потому что это для нее самый радостный день.*

— *Тогда я понимаю, почему жених одевается во все черное— говорит Рабинович*

(5) —*Бабушка, дай напиток, а то так есть хочется, что даже ночевать негде!*— причинные связи устанавливаются между семантически независимыми единицами: нейтральной была бы сочинительная конструкция *Бабушка, дай напиток, поест и переночевать.*

Говорящие в ряде случаев обыгрывают неопределенность диалога: вторую реплику можно понимать и как связанную с первой, и как независимую:

Генрих N и Сюлли прогуливались по Монмартрским холмам. Поворотясь спиной, король смотрел между ног на Париж: «Посмотри, Сюлли, сколько домов рогоносцев!» Сюлли принял такое же положение и сказал: «Государь, я увидел Лувр!» (Энцикл. весельчака).

Сказуемое

1. Необычно использование в качестве сказуемого так наз. служебных слов — частиц, междометий и т. п.:

—*На Западе—не торгаши, не циники, не подлецы.*

—*Эге!*

—*Ничего не—эге. А двухтысячелетняя христианская цивилизация, это тоже—эге? А французская революция—это эге? А Паскаль, Ренан—эге?* (А Толстой, Похождения Невзорова, или Ибикус, III).

2. Смысловое различие между именительным предикативным и творительным предикативным хорошо иллюстрируют след. (однотипные) шутки:

(1) [Разговор бродяги с судьей]:—*Ваша честь, этот человек имеет на меня зуб. Когда я был слепым, он таскал медяки из моей миски, а когда я был хромым — удрал вниз по улице с коробкой моих карандашей.*

(2) [Паниковский — Шуре Балаганову]:—*Поезжайте в Киев и спросите там, что делал Паниковский до революции. Обязательно спросите! (...) Поезжайте и спроси -те! И вам скажут, что до революции Паниковский был слепым* (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, XII).

Любопытно, что замена творительного падежа на именительный (когда я был слепой,, когда я был хромой) не приводит к замене временного признака на постоянный (как это обычно происходит — см., напр., [Селиверстова 1982: 143—146; Булыгина — Шмелев 1997: 60]). В приведенных примерах такая замена изменила бы значение фраз и снизила бы комический эффект: слепота и хромота из воровских специальностей превратились бы в естественное состояние, может быть, результат болезни.

3. Конструкции типа *всё молчало*, близкие по значению к безличным, допустимы и при описании людей — но с определенными ограничениями. Показательна следующая фраза из «Двойника» Ф. Достоевского:

Всё стояло, всё молчало, всё выжидало*, немного подальше зашептало; немного поближе захохотало (Ф. Достоевский, Двойник, IV).

Три первых конструкции (до двоеточия) выглядят достаточно естественно и привычно — в отличие от двух последних. Причин, видимо, две: 1) семантика глаголов (*зашептать* и *захохотать*); 2) наличие во второй части фразы пространственных характеристик (*немного подальше — немного поближе*):

Модели управления

Значительные возможности для ЯИ возникают в связи с моделями управления слова.

1. Неграмотное нарушение модели управления особого интереса не представляет—за исключением случаев, когда это нарушение используется в стилистических целях, напр, для создания речевого национального колорита. Приведем два примера из «Одесских рассказов» И. Бабеля:

(1) —*Папаша,—ответил Король пьяному отцу,—пожалуйста, выпивайте и закусывайте, пусть вас не волнует этих глупостей.*

(2) — *Что сказать тете Хане за облаву?*

— *Скажи*. Бенья знает за облаву.*

2. Достаточно редки примеры необычного выражения зависимого члена предложной конструкции (вместо отглагольного существительного ставится инфинитив):

(3) — *Об чем я думаю? Об выпить рюмку водки, **об дать** кому-нибудь по морде, **об иметь** немножко удовольствия с моей супругой («Чукоккала». И. Бабель).*

(4) _ *Скажите, Максудов, а ваш роман пропустят?*

—*Ни-ни-ни!* — *воскликнул пожилой литератор,—ни в коем случае! **Об трону с-тишь***» не может быть и речи (М. Булгаков, Театральный роман, 2).

3. А. Измайлов отмечает в стихах С. Надсона интересный пример, когда прямое и косвенное дополнения поменялись местами:

У Надсона в «Мечтах королевы»(...) в душной нише окна стоит королева и мечтает о юноше. «О, ты знаешь, с каким бы блаженством всех их я тебе одному предпочла» (...) Королева зарпортовалась и говорит совсем не то, что хотела бы сказать (...).

Не всех их—тебе одному, а уж, конечно, тебя одного всем им,—иначе и мечтать не о чем (А. Измайлов, Пятна на солнце, V).

Интересно, что ошибка королевы (точнее, ошибка С. Надсона) не бросается в глаза и без подсказки Измайлова могла бы остаться незамеченной.

Комитативные конструкции

Комитативные конструкции обыгрываются не так уж часто. Отмечается, в частности, недопустимость комитативной конструкции *X с Y-ом*, если *X* и *Y* резко отличаются по своему статусу или по роли в описываемой ситуации, ср.:

(1) *Маленький червячок, плача, спрашивает маты —Мама, мама, а где наш папа?*

—*Замолчи. Папаугиел с мужиками на рыбалку (Анекдоты от Никулина).*

(2) П о э т. *Моя муза помогла мне изыскать пятьсот восемь пар великолепнейших рифм, ваше величество (...)*

Король. *Ваша муза вечно отстаёт от событий. Вы с ней только и умеете что просить то дачу, то домик, то корову. Черт знает что! Зачем, например, поэту корова? (Е. Шварц, Голый король, II).*

(3) *Если встречается Кошка с Собакой,*

Дело обычно кончается дракой.

Если Собака с Кошкой встречается,

Дело, как правило, тем оке кончается.L (Б. Заходер, Сказка про всех на свете).

Определительные конструкции

Определения используются в ЯИ чрезвычайно часто: вместо одного, нейтрального определения используется другое. Это, однако, дело семантики, и соответствующий материал будет рассмотрен в гл. Семантика. Здесь мы рассмотрим несколько случаев нарушения чисто синтаксических правил построения русской определительной конструкции. Одно из подобных нарушений заключается в совместном

использовании в одном словосочетании притяжательного прилагательного и притяжательного местоимения, ср. (1)—(3):

(1) [Впечатления маленькой девочки] *В небольшой, полутемной клетушке около стола стоял огромный, раза в три больше моего человеческого роста, мужик в кожаном армяке* (Тэффи, Ведун).

(2) [Прохожий вступает за старушку] —*Нельзя же так кричать и командовать на глазах у публики. Это унижает ейное старушечье достоинство* (М. Зощенко, Гримаса нэпа).

(3) [Врач — больному] *ивы неожиданно стали поправляться. И теперь, говорит, если вы не заразитесь от своих соседних больных, то, говорит, вас можно будет чистосердечно поздравить с выздоровлением* (М. Зощенко, История болезни).

Необычны некоторые сочетания двух прилагательных, ср.:

(4) *Преддиванный стол, покрытый бывшей белой скатертью, украшался разбитым стаканом с высохшими остатками чаю* (А. Аверченко, Человеки).

Прилагательное *бывший* может определять существительное (*бывший актер*) или целое именное словосочетание (*бывший | белый офицер*), но не другое прилагательное, как в (4).

Обстоятельство

1. Языковая игра может заключаться в нарушении правил сочетаемости обстоятельств с главным словом. Обстоятельства времени необычны в контексте глаголов, указывающих на чувства, ср.:

Увидя, как колотят его персов, восточный деспот [Ксеркс] кубарем свалился с трона и, потеряв мужество (480 г. до Р.Х.), воротился в Азию (Тэффи, Древняя история).

2. Интервал, отмеряемый обстоятельствами времени типа *после X-a*, достаточно неопределенен. Эта неопределенность обыгрывается в след, шутке С. Васильева (эпиграмма на Г. Рыклина):

—*Ну, как вам Рыклин?*

— *Что ж, читаем~*

— *Смеетесь после?*

—*После? Да!*

Мы после Рыклина за чаем Читаем Чехова всегда.

3. Так наз. «обстоятельства образа действия» имеют сложную семантику и могут пониматься по-разному. Ср. след, шутку, обыгрывающую библейское выражение «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3,19):

[В школе] — *А как ты объяснишь выражение, «в поте лица твоего есть хлеб твой?» — Это значит — есть хлеб до тех пор, пока не прошибет пот.* L (Журн. «Сатирикон», 1908).

4. Комический эффект (и дискредитацию описываемого) вызывает также сочетание наречий типа *вдумчиво, внимательно* не с глаголами восприятия (как это обычно бывает), а с глаголами, относящимися к «более низкой сфере», — с глаголами типа *есть, пить* — см. ниже (1) — (2), сочетание наречий типа *в поте лица* — не с глаголами, обозначающими общественно полезную деятельность (*трудиться, зарабатывать* и т. п.), а с глаголами типа *играть, бегать, танцевать* — см. (3); наречной фраземы *от чистого сердца* в применении не к чему-то положительно оцениваемому (*благодарили (угощали) от чистого сердца*), как это обычно бывает — см. (4):

(1) [Просительница] *Меня с мужем-то и надо, батюшка, согласовать, несогласно мы живем, нет, пьет он очень вдумчиво* (В. Маяковский, Баня, II).

(2) *Я подумал, что конец, /Распроцался матерно» /Малосольный огурец /Кум жевал **внимательно*** (А. Галич, Поэма о Сталине, 4).

(3) *Деньги же эти — трудовые, **в поте лица моего выпонтированные** у нашего друга Полторацкого* (А. Пушкин — С. А. Соболевскому 15 июля 1827).

(4) *Дрались, конечно, **от чистого сердца**. Инвалиду Гаврилову последнюю башку чуть не оттяпали* (М. Зощенко, Нервные люди).

5. Говорящие обращают внимание на нежелательность в одном предложении двух обстоятельств одного семантического типа, ср.:

*Бэтой толпе самая читающая **в мире в метро** публика* (М. Жванецкий, Я прошу мои белые ночи).

6. Употребление обстоятельств места достаточно причудливо, и не всегда легко найти семантические основания тех или иных запретов, ср.:

Шел домой. Уже прохладней. Солнце садится куда-то в санатории (М. Жванецкий, Коротко о себе).

Возможно, в силу стереотипности словосочетания *Солнце садится в...* оно допускает заполнение лишь указаниями на некоторые естественные объекты (*в ?пу-чи, в лес, в море*).

7. Иногда обыгрываются ограничения на употребление наречий, указывающих на высокую степень. Они, например, не сочетаются с числительными, ср.:

Я очень ясно представлял себе его самого [летчика] в бронированной кабине истребителя, очень одного, в огромном небе, а под ним маленькую Европу, и он поглядывает на нее, как охотник на кролика (В. Конецкий, Последний раз в Антверпене).

Замена сочетания *очень одного* сочетанием *очень одинокого* устранила бы лингвистическую аномальность фразы, но привела бы к существенным стилистическим потерям.

(5) *Уехал поездом, вернулся ослом.*

В конструкциях с глаголами передвижения (*уезжать, отправляться, приезжать, возвращаться* и т. п.) типа *Уехал X-ом, Вернулся X-ом* существительное — это обозначение общественного транспорта (*Вернулся поездом, автобусом, самолетом*, может быть, *карей, экипажем, дилижансом*, но не *мотоциклом, велосипедом, инвалидной коляской, лошадью, рикшей*). Прилагательные *утренний, дневной, вечерний, ночной* в сочетании с существительным могут указывать в этой конструкции на время действия. Ср.: *Сегодня вечерним поездом я уезжаю в Ригу, Завтра утренним поездом я приезжаю в Ригу*. Интересно, что объединить два приведенных предложения в одно сложносочиненное предложение нельзя — **Сегодня вечерним поездом я уезжаю в Ригу и приезжаю туда утренним поездом*. Видимо, один и тот же поезд нельзя называть то утренним, то вечерним, следует сказать: *Сегодня вечерним поездом я уезжаю в Ригу утром буду там* или: *Сегодня вечерним поездом я уезжаю в Ригу. Поезд прибывает туда утром.*) Ср. также след, шутку:

Сегодня вечерней лошадью я возвращаюсь в мою милую Одессу (К/ф «Неуловимые мстители»).

Обращение

1. В обращении нередко «бытовые» оценочные характеристики {Иди сюда, негодяй {миленький,; моя птичка}). Однако многие характеристики, особенно торжественно-патетические, в обращении выглядят странно:

(1) *...разве Вы писали мне недавно? Я ничего не получил, великая художница земли русской, и Вы напрасно наказываете меня — пишете так коротко* (А. Чехов — художнице А. А. Хотяинцевой, 11 дек. 1897).

2. Подчеркивается, что официальные обращения связаны с социальным строем, его символикой, меняются вместе с ними (хотя и не так резко, как во второй из приводимых ниже шуток).

(2) *Покупатель спрашивает у продавца. «Товарищ, у тебя есть бритвенные лезвия?»— «Если ты назвал меня "товарищем!", брейся серпом!»*

(3) *Утреннее сообщение по Всесоюзному радио: — Уважаемые товарищи! Сообщаем, что общероссийский эксперимент,, длившийся семьдесят два года, закончен» Здравствуйте, дамы и господа!*

3. Некоторые нарицательные существительные сближаются по синтаксическому использованию с собственными, например обшны.в обращениях. Это существительные *мама, папа, бабушка, дедушка,, сынок,, дочка,, брат, сестра, дядя, тетя, доктор, профессор, коллега, приятель, друг* и некоторые другие, ср.: *Сга-жи(те), /Соля {мама, коллега, доктор}*», но не: **Скажи(те), слесарь»* В результате возможно смешение, например в детской речи, существительных нарицательных (в первую очередь это существительныежш и *папа*) и собственных:

[Андрей С. (4 года) спрашивает про старшую сестру]:

—># *понимаю, что папу зовут Володя, маму Светлана, я как зовут Олю?*

4. Обращения, включающие указание на место рождения или место жительства, вполне обычны (/у, дела, москвич {сибиряк)? Ну, как дела, Москва {Сибирь}?). Однако тут есть ряд ограничений. Одно из них касается говорящего — он не земляк собеседника (не *москвич* (не *сибиряк*)). Ср. в песне военных лет разговор друзей — калужанина и костромича:

—*А ну-ка, дай жизни, Калуга!*

—*Ходи веселей, Кострома!*

Обращение *Ходи веселей, Кострома!* было бы странно, если бы оба друга были костромичами.

Другое ограничение касается лексических особенностей именной группы, используемой в качестве обращения: затруднительно как расширение, так и сужение намечаемых ею географических рамок. Аномально использование здесь существительных, образованных от названий стран, ср.: *'Ну, как дела, немец {африканец}?* (скрытое противопоставление сделало бы фразу более допустимой, ср.: *Ну, немец, как тебе в России?* \ *Ну, африканец, как тебе на Севере?*). С другой стороны, сужение географических рамок тоже делает конструкцию аномальной. Ср. след. шутку Стивена Ликока в «Очерках обо всем»:

Друзья почему-то не хотели, чтобы мы обращались к ним таким образом: «Как дела, ты, из квартиры Б, Гровнер-сквер?» или —«Ну-ка, давай, ты, с Марлборо, верхний этаж, квартира шесть»»

Ср. также: *Как дела, ты, с Ленинского проспекта;? Куда идешь, Лиговка?*

5. Выделенным является обращение говорящего (пишущего) к самому себе, хотя встречается оно очень часто, уже и в древнерусской литературе, например, в «Житии протопопа Аввакума»:

Любилъ протопопе со славными знатца\люби же и терпѣть, горемыка, до конца! (по: [Виноградов 1980:29]).

в. В некоторых условиях неуместно любое обращение, ср.:

К о р о л ь. И девушки здесь! Фрейлины. Ку-ку!

Первая фрейлина (пожилая энергичная женщина, баском). *Ку-ку, ваше величество* (Е. Шварц, Голый король, И).

Обращение к королю (*ваше величество*), казалось бы, не только возможно, но и обязательно в любой ситуации. Шварц показывает, что это не так.

Приложения

Эта синтаксическая конструкция обыгрывается нечасто.

Комическое впечатление производят громоздкие (трех- и более сложные) приложения, ср.;

Я знал, что никакая сила — даже бельгийские полицейские-свиньи-овчарки не помешают ему выполнить обещанное точно и в срок (В. Конецкий, Последний раз в Антверпене).

Говорящие задумываются о том, какой из двух членов конструкции — первый или второй — коммуникативно более важен, и решают (видимо, правильно), что здесь трудно отдать предпочтение чему-то одному:

(1) *Женщина-милиционер прежде всего—женщина.*

Женщина-милиционер всё-таки прежде всего милиционер (И. Ильф, Записные книжки).

(2) *однако, в этом бедняжке-театре более чем холодно. В собачьей конуре не холодней* (А. Чехов, Месть).

В данной конструкции существительное *бедняжка* сочетается, видимо, только с названиями лиц (*бедняжка-студент*), может быть, животных (*Бедняжка-кошка не заметила собаку*).

Симметричные предикаты

Симметричные предикаты типа *равняться* (ср. *А равняется В = В равняется А*) строго симметричны лишь при равноценности, равнозначимое^{TM} сопоставляемых объектов. В протавном случае уравнивание объектов аномально и производит комический эффект:

(1) *Был самолюбив. Давая свой адрес, говорил: <<Памятник Пушкину стоит как раз против дома, где я живу>* (Эмиль Кроткий).

(2) *Старый генерал Шестаков (...) не знавший в лицо императрицы Екатерины II, был впервые представлен ей. Екатерина долго милостиво с ним беседовала и, между прочим, в разговоре заметила, что совсем его до сих пор не знала. <Да и я, матушка-царица, не знал вас>,—наивно и добродушно ответил старый воин.— «Ну, меня-то, бедную вдову, где же знать!» — со смехом сказала императрица* (Всемирн. остроумие).

(3) *Пишу письмецо для вас*

Прямо из самого Рима.

Рим—это, знаете, город такой,

Около города Пармы

(А. Архангельский, Письмо тете. Пар. на И. Уткина).

(4) —*Вы Берлиоза знаете?*—спросил Иван многозначительно.

—*Это^ композитор?*

Иван расстроился.

—*Какой там композитор? Ах да, да нет! Композитор — это однофамилец Миши Берлиоза!* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 6).

Ну + инфинитив

Тряпка упала на пол и ну валяться!

Разговорная конструкция *ну* + инфинитив может включать лишь глаголы, обозначающие намеренное действие в прошлом (или узуальное действие), ср.: *Пришла <:приходит) с работы и ну ругаться, Собака прыгнула на пол и ну валяться!* К числу таких глаголов относится глагол *валяться* в значении 'лежать, переваливаясь с боку на бок', но не в значении 'лежать не на месте'.

За поэтом поэт

Утром рано

Звонит в телефон —

На обед сзывает поэтов он [издатель Блох]

И когда пришел

За поэтом поэт,

И когда собрались они на обед...

(Стихи, написанные при участии Н. Гумилева).

Сфера употребления конструкции *за X-ом X* достаточно ограничена: она указывает на движение с равными интервалами большого количества однотипных предметов или лиц (*волна за волной, матрос за матросом поднимались на борт*; может быть: *покупатель за покупателем подходили к прилавку*).

Сочетания с предлогом *от*

Мальчик спрашивает: «А где мама от этой девочки?»

Г. А. Золотова определяет подобные именные сочетания с предлогом *от* как дестинатив — «обозначение предмета или имени другого предмета, связанного с ним отношениями часть /целое и вместе с тем функциональной предназначенности; ср.: *пружина от капкана — пружина для капкана, колесо от велосипеда—колесо для велосипеда*» [Золотова 1988: 77]. Соглашаясь с этим определением, отметим, однако, что приводимые Г. А. Золотовой сочетания с *от* и сочетания с *для*, видимо, не синонимичны. В недавно вышедшем «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» мы нашли понимание соотношения предлогов *для* и *от*, близкое к нашему: они квалифицируются как неточные антонимы (см. [Нов. слов, син.: 77—79]). В нейтральном употреблении в конструкции *X от Y-а X* — это часть *Y-а* или некоторое дополнительное устройство, нечто второстепенное, обслуживающее, но в момент речи утратившее контакт с целым, для которого оно предназначено. В магазине мы

покупаем *ремешок для часов* (не *от часов*), на руке приятеля любимся *ремешком часов* (не *для*, не *от часов*), а вот на улице находим именно *ремешок от часов*. Важно также, что X и Y — артефакты: *пуговица от рубашки, крышка от чайника, ручка от чемодана, обложка от книги*, может быть *крыша от дома* (если она от него отделена, например, бурей), но не *ствол от дерева, хвост от ослика*). Таким образом, приведенное высказывание резко аномально. И тем не менее, оно не бессмысленно, его аномальность подчеркивает специфику детского понимания роли родителей в жизни.

Вот и + пов. накл.

Я читал, что написано на могиле Чехова. А А сказала: «Вот и помирай после этого!» («Чукоккала». Б. Пильняк).

Пример подчеркивает, что синтаксическая фразема «*Вот и У(пов,ед) после этого*» предполагает целенаправленное, добровольно совершаемое действие.

Прямая и косвенная речь

Повторы, столь частые в прямой речи, в косвенной речи выглядят странно, ср.:

Кристофер Робин сказал, что не может быть такого имени— Посторонним В., а Пятачок ответил, что нет, может, нет, может, потому что дедушку же так звали! (А. Милн, Винни-Пух и все-все-все, в пер. Б. Заходера).

Нередки случаи совмещения элементов прямой и косвенной речи, объясняющиеся безграмотностью или волнением, ср.:

[О. Федор в письме жене рассказывает о стычке с Воробьяниновым] *«Какой, говорю, срам на старости лет, какая, говорю, дикость в России теперь настала: чтобы предводитель дворянства на священнослужителя, аки лев, бросался и за беспартийность упрекал! Вы, говорю, низкий человек (...) и охотник за чужим добром, которое теперь государственное, а не его». Стыдно*

ему стало, и он ушел от меня прочь, в публичный дом, должно быть (И. Ильф — Е. Петров, Двенадцать стульев, XX).

Синтаксические контаминации

Интересны и синтаксические (фраземные) контаминации вроде: *как корова ветром сдула; взялся за гуж—полезай в кузов; не плюй в колодец—вылетит, не поймаешь* (примеры взяты из: [Норман 1987]). Еще несколько примеров:

(1) *Комиссар отмяк, расчувствовался и велел мне передать, что «искусство действительно имеет за собой» и что я могу провезти всё, что мне нужно,—он будет «молчать, как рыба об лед»* (Тэффи, Воспоминания, 1). [Из: *молчать, как рыба + биться, как рыба об лед*]

(2) *7 раз примерь, а покупай лишь то, что действительно хорошо* (Журн. «Новый Сатирикон»).

(3) *Его нужно мести из Института каленой метлой* (Я. Крысин) [из: *каленным железом + грязной метлой*].

(4) *Мне глубоко наплевать* [из: *Мне наплевать + Мне глубоко безразлично*].

(5) *Это выеденного гроша не стоит* [из: *выеденного яйца + ломаного гроша*].

(6) *Имеющий уши да развесит* [контаминация из фраземы *развесить уши* и библейского выражения *Имеющий уши да слышит*].

Примеры из [Земская — Китайгородская — Розанова 1983]:

Что с воза упало /то не вырубишь топором;

Сколько волка ни корми /насильно мил не будешь,

Большому кораблю море по колено.

Несколько примеров из [Падучева 19826]:

сменить гнев на милость победителя, забить козла отпущения, краеугольный камень преткновения', отдать концы в воду.

Громоздкие синтаксические конструкции

Говорящие осознают и обыгрывают некоторые опасности, поджидающие человека, употребляющего громоздкие синтаксические

конструкции. Андрей Белый вспоминает одну ошибку в устном выступлении А. Веселовского:

Джордано Бруно, стоя одною ногою во мраке средневековья,— и далее, далее, далее (нагромождения придаточных предложений, во время которых оратор забыл, что «ногою»),—другую приветствовал он зарю возрождения (А Белый, На рубеже двух столетий).

2. Синтаксическая омонимия

1. В «чистом виде» синтаксическая омонимия встречается редко, обычно она сочетается с лексической омонимией или полисемией. Механизм шуток, обыгрывающих синтаксическую омонимию, прост: синтаксическая конструкция «прикидывается» чем-то одним, заманивая слушателя на проторенный, но ложный путь, а потом, с расширением контекста, маска сбрасывается. Примеры:

Рина Зеленая изобрела прекрасное средство от бессонницы'.

—*Надо считать до трех. Максимум — до полчетвертого (Журн. «Крокодил»)*

— омонимия обстоятельства времени и комплетива, указывающего на объем, границы действия.

2. Говорящие осознают, что связи слов в предложении различаются по силе, что среди них есть связи обязательные и факультативные. Так, для глагола *есть* связи предикативная (*кто ест*) и комплетивная (*что ест*) — обязательны, а остальные (*когда, где, как, почему, в присутствии кого* и т. п.) — факультативны. В случае омонимии, естественно, предпочтительна сильная связь. Поэтому в предложении *Художник рисует зиму* мы понимаем *зиму* как комплетив (*что рисует*), хотя, вообще говоря, элемент *зиму* можно было бы понимать и как обстоятельство, указание на продолжительность действия ('в продолжение зимы'). Нередки, однако, исключения из этого правила, и вот они-то и подвергаются обыгрыванию, ср.:

Один немец, член нашей Академии наук, переводя что-то с русского на немецкий, фразу юн женился на Красной горке» перевел таким образом: «Eg heiratete die m-lle Krasnaja Gorka» (А. Чехов, Красная горка).

Приведем примеры синтаксической омонимии разного типа.

(1) [Мальчика спрашивают о сестре]: — *Что же твоя Иришка с петухами ложится?— Она с петухами не ложится — они клюются, она одна в свою кроватку ложится* (К. Чуковский, От двух до пяти) — омонимия комитативной конструкции, указывающей на совместное действие или состояние, и обстоятельства времени.

(2) *Я— в пирожковую:*

«Дайте нам с другом

С мясом, с капустой, с повидлом и луком».

А иностранец по имени Билл Был с нами рядом и всех удивил:

«Дайте,—сказал он, пожалуйста, с луком,

С мясом, с капустой, с повидлом и с другом...»

(А. Кушнер, по: [Береговская 1984])

— омонимия комитативной и атрибутивной конструкций.

(3) *И долго буду тем любезен я и этим,~* (В. Вишневский) — омонимия двух разных комплетивов (*любезен кому и любезен чем*).

(4) [Разговор редактора с военным журналистом]— *Какую вы написали странность: «Австрийцы беспрерывно стреляли в русских из блиндажей, направляя их в них». Что значит «их в них»?* (А. Аверченко, Специалист по военному делу) — омонимия обстоятельства места, указывающего на исходную точку, и обстоятельства-инструментива.

(5) — *Ты что это там, Маничка, так громко читаешь!?*

—*Историю, мама.*

— *Так читай про себя.*

—*Да в Истории,мамочка, про меня ничего не написано* (Журн. «Сатирикон»).

(6) —*Внемли, о дитя! Этой трагической саге, этой страшной истории с хвостиком тысяча лет! — сказала она [Мышь]. «Истории с хвостиком?»—удивленно переспросила Алиса, с интересом поглядев на мышкин хвостик* (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

(7) [Обвиняемый — защитнику]: *«Я знаю, что существуют очень веские доводы против моей невиновности, но у меня есть пятьдесят тысяч долларов». «Как ваш защитник,—перебил его юрист,—могу вас заверить, что с этой суммой вы в тюрьму не попадете». Так оно и вышло. Ко времени вынесения приговора у фермера не осталось ни цента.* Омонимия обстоятельственной группы со значением

обоснования (= 'благодаря наличию этой (крупной) суммы') и комитативной группы (= 'имея при себе эту сумму*').

(8) — *Гольдберг, за вами рубль!*

-Где?!

(9) *Как плохо, что победы всегда за нами!* (Г. Малкин).

(10) [Разговор начинающего поэта с критиком]:—*Как Вы находите мои стихи?*— *Обычно, перелистывая номера старых журналов* (D. Buttler).

(11) — *Хорошо ли в Армении с мясом?*

— *С мясом в Армении хорошо, а без мяса в Армении очень плохо!*

(12) — *Что было раньше—яйцо или курица?*—*Раньше было все!*

(13) [При дворе прусского короля Фридриха II]: *Самым ужасным преступлением здесь считалось опоздание на официальные приемы, чем Вольтер особенно грешил (...) когда однажды он появился в разгар какого-то званого обеда,, король молча встал из-за стола и написал мелом на мраморной плите камина: «Вольтер—первый осел». Прочитав написанное, Вольтер дописал внизу: «Фридрих Второй»* (Музей остроумия).

(14) Дикари — миссионеру: —*Но, пан миссионер, домой еще рано, оставайтесь лучше у нас на обед!* (D. Buttler). Ср. также стихи Э. Успенского:

(13) *Людоеда людоед*

Приглашает на обед.

На обед попасть неосудо,

Но отнюдь не в виде блюда.

(16) *«Куда вы попадете, если воткнете нож между четвертым и пятым ребром?» — спрашивает профессор на экзамене у студента-медика.—«В тюрьму»,— отвечает, не задумываясь, последний* (З. Фрейд 1925).

(17) —*Вы прелестно играете... Скажите, это скрипка Страдивариуса?*—*Нет, моя собственная!* Подчеркивается многозначность атрибутивной конструкции с родительным падежом существительного: она может указывать и на создателя, и на владельца. Однако, автором шутки, кажется, не замечено другое: вторая реплика также может пониматься по-разному. Прилагательное *моя* также может указывать здесь не только на владельца, но и на мастера, изготовившего скрипку.

(18) *Рабский поступок*—не всегда поступок раба (Г. Лихтенберг) — родительный принадлежности не всегда синонимичен притяжательному прилагательному.

(19) —*Выуверены, что вот этот щенок будет подходящим подарком для моей маленькой племянницы?*

—*Безусловно, мадам. Он очень добр и доверчив, ест всё подряд и особенно любит детей.*

(20) *Плетется «рысью» из пушкинского «Зима. Крестьянин, торжествуя,~» можно понять плетется «какрысь», как (...) и перевел какой-то из немецких переводчиков (А. Измайлов, Пятна на солнце).*

(21) *Какой-то господин, участник похоронной процессии, обратился к соседу: «Вы не скажете, кто покойник?» — «Точно не знаю. Думаю, что как раз тот, что едет в передней карете» (Жюль Ренар, по «Ларец острословов»).* Шутка основана на двузначности конструкции *Кто X?*: 1) ‘Кем был покойник (имя, профессия и т. п.)?’; 2) ‘Кто из едущих — покойник?’ (или: ‘Где покойник?’).

(22) *Один из директоров Конвента, Ревбель спрашивает у Талейрана, министра иностранных дел. «Как идут внешние дела, г-н министр?» — «Да вкривь и вкось, как вы видите». Ревбель был сильно кос («Всемирное остроумие») — омонимия вводного выражения *Как видишь {видите}* и сравнительного оборота (= *дела идут вкривь и вкось, подобно тому, как вы видите*).*

(23) *Я вас любил. Любовь еще—быть может, Но ей не быть* (В. Соснора, по: [Новиков 1989: 330])

— омонимия вводного выражения, взятого Соснорой из стихов Пушкина, и сказуемого.

(24) 1 -я старуха. *Как сейчас помню»*

1 -й старик. *Нет—это я помню, как сейчас!*

2-я старуха. *Вы помните, как сейчас, а я помню, тсятсраньше.*

2-й старик. *Л л сейчас помню, тсятсраньше* (В. Маяковский, Клоп)

— омонимия сравнительного оборота и придаточного дополнительного.

(25) —*Видимо, л очень похож на Христа. Вчера в автобусе одна старушка по ошибке даже сказала мне-.—Господи, ну тсуда ты прешь?!—* омонимия вводного выражения и обращения.

(26) *Наш народ читает запоем, поэтому мы страна поголовно грамотного алкоголизма* (А. Кнышев, Тоже книга) — омонимия

обстоятельства образа действия и обстоятельства времени.

(27) —*Скажите, вы случайно не сын старика Ковальского?*—*Да, сын, но что «случайно», я слышу впервые* (Анекдоты от Никулина) — омонимия обстоятельства, характеризующего положение дел (= ‘случайно не стал сыном’), и модального слова, выражающего сомнение спрашивающего в достаточной правдоподобности своего предположения.

(28) *Солдат стоит на боевом посту. Из темноты появляется человек.. Солдат. «Стой, стрелять буду!» Человек: «Стою». Солдат. «Стреляю».* Подчеркивается, что в принципе синтаксическая конструкция типа *Стой, стрелять буду!* допускает два прямо противоположных понимания: 1) ‘Стой. Если не выполнишь приказ, я выстрелю’; 2) ‘Стой. Если выполнишь приказ, я выстрелю’.

(29) *Командированный посгглает домой телеграмму: «Пришлите деньги», потом: «Пришлите деньги, выселяют из гостиницы» и, наконец: «Вашу мать выселили из гостиницы».* Ситуация заставляет переосмыслить, казалось бы, однозначный (и совершенно приличный) текст последней телеграммы, увидеть в сочетании *вашу мать* не указание объекта действия, а ругательство.

(30) *Муж,узнавший об измене жены, входит в квартиру, с силой захлопывает дверь, направляется тяжелыми шагами к жене и, покраснев от гнева, изрекает:*

—*Я знаю всё!*

—*Вот и прекрасно, тогда скажи, когда была битва на Марне, малыши никак не может закончить домашнее заданиеL*

(31) — *Начнем с завтрака (...)* Так вот, к завтраку нам нужна сковородка,*Тут Гаррис возразил, что она неудобоварима', но мы попросту предложили ему не прикидываться идиотом* (Джером К. Джером, Трое к лодке, не считая собаки, в пер. М. Донского и Э. Линецкой).

(32) *Пожилый мужчина обещает симпатичной молодой дамочке, сидящей напротив него в автобусе, сто франков, если она немного приподнимет юбку. Выполнив просьбу и получив сто франков, она говорит: «Еще столько, и я покажу вам то место, где мне вырезали аппендицит».* *Мосье дрожит от радости и вручает ей еще одну купюру. «Вот здесь»,—говорит дама, показывая в окно на клинику, мимо которой они проезжали,*

(3 3) — *Сколько яблоко стоит?*

— *Рубль.*

— *И находятся такие дураки, что покупают?*

— *Нет, дураки спросят и дальше идут*

(В. Вересаев, Невыдуманные рассказы о прошлом).

В шутке обыгрывается то обстоятельство, что реплика *И находятся такие дураки, что покупают?* допускает два осмысления:

1) «Неужели находятся люди настолько глупые, что покупают?» и 2) «Неужели среди дураков есть такие, которые покупают?»

(34) [Семейная сцена] *«Я была дурой, выходя за тебя замуж!»*

— *«Да, но я был тогда так увлечен тобой, что этого не заметил».*

В (34) обыгрывается функция деепричастного оборота — он может, в частности, указывать на простую одновременность несвязанных между собой событий, но может также содержать обоснование того, что описывается в основной части предложения.

3. Довольно часто обыгрывается след, свойство синтаксических конструкций: некоторые из них «вкладываются» в другие — с полным изменением синтаксических связей в предложении и (в соответствии с этим) с изменением смысла предложения. Ср.:

Иван Никитич кашлянул, высморкнулся и чокнулся с хозяином.

— *Желаю вам зла-погибели и бед всяческих~ избежать!* — *сострил купчик* (А. Чехов, Корреспондент).

Обыгрывается вариативность в модели управления глагола *желать*: он может управлять и существительным в форме род. падежа, и инфинитивом глагола.

4. Внешние проявления чувств, причем таких противоположных, как смех и слезы, также многозначны. Непонимание этого обыгрывается в след, шутке:

[На юбилее] *Затем начальник сделал рукой жест, означавший, что он от волнения не может говорить, и заплакал, точно ему не дарили дорогого альбома, а, наоборот, отнимали.,* (А. Чехов, Альбом).

3. Синтаксическая компрессия

Мы нередко опускаем высоковероятное подлежащее, дополнение, определение, обстоятельство: *Он любит* (= *Он любит некую женщину*); *Он пьет* (= *Он пьет спиртные напитки*); *Он снимает шапку* (= 'с себя'), *У него давление* (= *У него ненормальное давление*). Это явление, именуемое «компрессией» («стяжением», «конденсацией», «универбацией») — см. [Журавлев 1982: 60—62], заключается в том, что из слов, входящих в некоторое словосочетание, остается одно, «вбирающее в себя значение всего словосочетания» [Шмелев 1964: 14]; по школьной терминологии: член предложения опущен, но он подразумевается. Значения этих опущенных компонентов (их можно было бы называть нулевыми) различны, они определяются контекстом. Несколько примеров обыгрывания этого явления.

(1) *Жена моя в гробу!*

Рабу

Устрой, господь, твою

В раю.

Подчас она хитрила

(Нельзя же без того!)

Но искренно любила*.

Соседа моего

(Беранже, *Плачущий муж*, в пер. В. Курочкина).

Говорящий вводит нас в заблуждение: делает вид, что дополнение при глаголе *любить* опущено (и, тем самым, заставляет нас подставить на свободное место высоковероятное здесь существительное *мужа*), а потом «срывает маску» — вводит другое дополнение (*соседа моего*), резко меняя смысл и добиваясь определенного комического эффекта.

(1) Любимый призыв советской милиции: *Граждане, не нарушайте!*

(2) [О низкопробном журнале]:

Пять очерков, стихи и даже пьеса

(<Сплошной алмаз, украсивший журнал!)

О том, конечно, как один профессор Сначала не хотел, потом признал (А. Архангельский, Подписка принимается).

Опущено дополнение *революцию*, что было характерно для литературных штампов 20—30-х годов.

(3) *Завтра в Ялту прибудет Вукол со своими почками [вм. со своими больными почками]* (Письмо А. Чехова В. А. Гольцеву 20 янв. 1899).

(4) — *Ведь это свинство', мы пьем, а ты не пьешь!*

— *Почему же свинство? У меня почки...*

— *Ау нас нет почек? А у юбиляра нет почек? У всякого человека есть почки. Это уж, брат, свыше-*

— *Ну, я только одну-* (А. Аверченко, Чад).

(5) *«Восемь лет, как жизни нет»,—как выразился один философ в общественной уборной [вм. нормальной жизни]* (И. Ильф, Записные книжки).

(6) *На курорт он ездил только с женой. Если не со своей, то с чьей-либо* (Эмиль Кроткий).

(7) *Лектору после лекции на тему «Есть ли жизнь на Марсе?» задают вопрос: «А когда будет жизнь в Одессе?» [вм. нормальная жизнь].*

(8) — *Скажите, такая женщина—может ли возбудить в мужчине сильное чувство?— О, да. Чувство отвращения.*

(9) *В лесу думаете что? Волки, уй, какие волки! Серые, страшные, с зубами [вм. с большими зубами]* (Парнас дыбом, пар. на С. Юшкевича).

(10) *В разгар бурной вечеринки студент подходит к скромно сидящей в сторонке девушке, представляется и говорит: «Я вижу, что ни мне, ни вам эта компания не совсем подходит. Не отвезти ли вас домой?» — «Чудесно! А где вы живете?»*

(11) *Парижский адвокат зашел со своей женой в ночной клуб на Монмартре. Одна из девиц, сидевшая возле бара, улыбнулась ему как старому знакомому.*

— *Ты что, ее знаешь?—насупилась жена.*

— *Да,—ответил адвокат,—по профессиональным делам.*

— *Чьим профессиональным делам, твоим или ее?—уточнила жена.*

(12) — *Вы слышали? Андропов сломал руку!*

— *Кому?*

(13) [Девушка делится с подругой]:

— *Люблю илюбима.*

— *Поздравляю.*

—*Нес чем—это разные люди.*

Опущение дополнений при глаголах в высказывании влюблю и любима предполагает кореферентность опущенных единиц. Именно нарушение этого принципа производит комический эффект.

(14) [Кристофер стреляет в шар, на котором висит Винни-Пух]:

Он очень тщательно прицелился в шарик и выстрелил «Ой-ой-ой!» — вскрикнул Пух. «Разве я не попал?» — спросил Кристофер Робин. «Не то чтобы совсем не попал—сказал Пух—но только не попал в шарик!» (А. Милн, Винни-Пух и все-все-все, в пересказе Б. Заходера). В нейтральной речи конструкция с опущенным комплетивом (*не*) *попал в~* обозначает попадание /непопадание в цель.

(15) Ф. И. Тютчев (...) говорил. *«Надо сознаться, что граф Блудов образец христианина! никто так, как он, не следует заповеди о забвении обид,, нанесенных им самим* (Рус. лит. анекдот).

(16) [Разговор при приеме на работу]—*Почему вы ушли с последнего места работы?—По причине усталости—Какой усталости?—Не знаю. Просто они сказали., что очень от меня устали.*

(17) — *Вы давно знакомы со своей женой?*

— *С детства. Помню, когда я качал ее на руках, она любила шлепать меня по лысине* (естественное понимание —*мужзнает жену со своего детства*).

Сходным образом опускается иногда высоковероятное подлежащее:

(18) — *Меня уже много раз уговаривали выйти замуж— сказала деревенская девушка.—«Кто же тебя уговаривал?» — «Да папа с мамой».* Первая фраза, фраза с опущенным подлежащим, нейтральна, если опущено слово типа *женихи, молодые люди*.

(19) —*Если ты мне откажешь—сказал он—я умру. Она отказала. Через шестьдесят лет он умер.*

Разделение смысла языковой единицы на части пресуппозитивную («презумпция») и ассертивную, основную, справедливо не только по отношению к слову, но и по отношению к целому предложению. В (19) смерть влюбленного находится в пресуппозиции. В ассертивной части—указание на ее близость, преждевременность. И, точно так, как это имеет место в слове, пресуппозиция не находится в сфере действия отрицания. Если бы

герой анекдота сказал нечто типа: *..я не умру, но жизнь моя будет разбита*, он отрицал бы не возможность своей смерти, а ее близость, отрицал бы ассертивную часть смысла предложения. Еще пример обыгрывания презумптивной части значения языковой единицы:

—*Кто это поклонился тебе сейчас?*

—*Мой поклонник~ Представь себе, 65 лет—и ни одного седого волоса.*

—*Но ведь он совершенно лыс?!*

—*Яговорю: ни одного седого волоса* (Журн. «Новый Сатирикон», 1916).

Обычное понимание фразы *У него ни одного седого волоса* включает презумпцию ‘У него есть волосы’.

4. *Согласование*

Л. Л. Иомдину принадлежат вдохновенные слова о согласовании, к которым я полностью присоединяюсь: «...согласование как свойство естественного языка

8-1789

представляется нам необыкновенно интересным само по себе (...) оно тесным образом связано с целым рядом других свойств, характеризующих не только синтаксический уровень языка, но и его морфологический, семантический, а частично и прагматический уровни, а тот факт, что, с виду такое обыденное и простое, это свойство таит в себе массу нерешенных проблем, в полном смысле слова бросает вызов исследователю» [Иомдин 1990: 5]. Язык не всегда «учитывает последствия принимаемых решений». Вот пример из области согласования, кажется, никем не отмеченный (на него наше внимание обратил Л. Г. Митюшин). Известно, что в русском языке (в отличие от многих других языков) составные числительные, оканчивающиеся на *один*, требуют постановки существительного в ед. числе, хотя по смыслу это множественное число: *Я купил двадцать одну книгу* (не: *ш-ги*). Результатом явились сложности в согласовании количественной именной группы с ее зависимыми. Если фразы типа *Я купил двадцать одну интересную книгу; На полке стояла двадцать одна книга* не кажутся странными, то дальнейшее расширение

конструкции, напр, за счет придаточного с *который*, весьма затруднительно. Ср.: *Я купил двадцать одну книгу, которую? которые? мне доставят завтра*. Единственный выход — отказаться от конструкции с *который* и разделить фразу на две (*Я купил двадцать одну книгу. Мне доставят их (эти книги) завтра*). Однако и этот результат не назовешь стилистическим шедевром.

1. В отличие от глаголов и существительных, необходимость которых не ставится говорящими под сомнение, прилагательные и оценочные наречия воспринимаются иногда как роскошь или даже излишество. Вольтер, например, упрекал писателей за злоупотребление прилагательными: «Если б можно было им внушить, что прилагательное злейший враг существительного, хотя и согласуется с ним в роде, числе и падеже!» (Энцикл. весельчака, 1).

2. Говорящие обращают внимание на тонкости согласования по роду и согласования по полу в русской фразе. Существительные типа *врач, староста, зануда* могут обозначать лиц и мужского, и женского пола (*врач Иванова, староста Петров*), однако говорящие воспринимают это как языковую странность и нередко обыгрывают, ср.:

— *Наконец-то наш город зажил по грамматике!*

— *?!*

— *Был у нас городской голова, теперь избрали вместо него женщину. Теперь у нас **городская голова**! Прелестная головка!*

(Журн. «Новый Сатирикон»).

Наряду с такими словами «общего пола» (типа *староста, невежда*) существуют слова типа *москвич, актер*, которые указывают всегда на мужской пол (лицо женского пола обозначается словами *москвичка, актриса*) (см. [Панов 1966: 70—71; Булыгина — Шмелев 1997: 364]). Интересно, что есть третья группа — слова типа *поэт*, которые могут обозначать лиц не только мужского, но и женского пола (ср. *поэт Ахмадулина*) — несмотря на наличие слова *поэтесса*, обозначающего лиц женского пола. Однако возникают трудности при согласовании слов типа *поэт*, обозначающих лиц женского пола, с глаголами и прилагательными — нежелательно: *замечательная поэт Ахмадулина сказала*; нежелательно: *замечательный поэт Ахмадулина сказал*. Предпочтительнее здесь постановка прилагательного в мужском роде, а глагола — в женском: *замечательный поэт*

Ахмадулина сказала. Если же фамилия поэта-женщины не указывается, то и этот вариант нежелателен: *замечательный поэт сказала.* Евгений Евтушенко в известных строках игнорирует это обстоятельство:

За медом на Черемушкинском рынке Поэт стояла,,
— и становится легкой добычей пародиста, который, продолжая игру с правилами согласования по роду и полу, делает объектом игры уже самого автора пародируемых стихов — Евгения Евтушенко (формальная «зацепка» у пародиста была: существительные на -о обычно указывают на средний род):

Евтушенко писало, что стояла поэт.

Евтушенко считало, что родов больше нет.

Евтушенко старалось доказать — все равно у народа осталось Евтушенко одно

(пример заимствован из «Книги о пародии»

Вл. Новикова).

Еще несколько примеров:

(1) *Да мы, уж коль такое дело,*

Не хуже тех, что в старину-И мы напишем, как Отелло Зазря прихлопнуло жену

(А Иванов, Хлопцы и Шекспиры, пар. на Михаила Годенко).

(2) — *Ишь, какая Спиноза нашлась!*

(3) *Его превосходительство откинулось на спинку удобного кресла и сказало* разнеженным голосом: «Ах, вы знаете, какая прелесть это искусство, L» (А Аверченко, Люди, близкие к населению).

(4) *Его превосходительство* — бывший глава министерства—со скучающим видом *бродило* из одной комнаты в другую, не зная, что с собой делать, куда себя девать (и так на протяжении всего рассказа: *его превосходительство~ сказало*, подмигнув гувернантке: «Когда же ты придешь ко мне»_г *побледнело*, как мертвец, встретив сопротивление,- *побагровело* и т. д.) (А Аверченко, Грозное местоимение).

(3) *Ангел Пери* (Софья Лихутина) в этот день *оставался один\ мужа не быто: он заведовал — где-то там — провиантами непричесанный ангел порхал* в своем розовом кимоно- (А Белый, Петербург, 3).

(6) Победоносико ъ. *Даже Лев Толстой, даже эта величайшая медведица пера, ес/ш бы ей удалось взглянуть на наши достижения в виде вышеупомянутого трамвая, даже она заявила бы перед лицом мирового империализма: «#е могу молчать-»* (В. Маяковский, Баня, И).

(7) *Следующий свидетель оказался свидетельницей—это была Повариха Герцогини* (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

3. Аномальны и некоторые другие случаи, где в роли подлежащего выступает существительное общего рода, ср.: *Следующий выступающий поэт оказался по-8* этессой*. И дело здесь не в том, что в роли именной части составного сказуемого выступает существительное, однокоренное с существительным-подлежащим: фразы типа *Следующий свидетель {следующий поэт} оказался {был} женщиной* также вряд ли допустимы. Правильнее перемена местами подлежащего и сказуемого (*Следующим свидетелем была женщина*), однако и она не всегда устраняет аномальность, ср.:[?]*Следующим выступающим поэтом была женщина*.

4. Любопытно отметить, что в отношении грамматического согласования наши предки были большими «формалистами»: в Древней Руси фразы типа *...бежа-ти (...) съ своею воеводою Жирославомъ* (Лет. Ипат., л. 14); *Дружище наше старое Феодор Ртищев* («Житие протопопа Аввакума»); *Идет Иванище сильное; Купчиш-ко пришло* — были вполне обычными и стилистически нейтральными (см. [Санников 1978:161—163]).

5. С еще большими сложностями связано согласование в тех случаях, когда вместо конкретного лица упоминается его учреждение или служебное положение: ни согласование по форме, ни согласование по смыслу (с учетом пола и числа описываемых лиц) не может удовлетворить, ср.:

(8) [О заседателе Дробяжкине] *...в показаниях крестьяне выразились прямо, что земская полиция был-де блудлив, как кошка* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, IX).

(9) — *Пускай ее,—кричат ребята— опосле нас она и мужа не захочет/Л —Нет—говорю я ребятам довольно вежливо—кланяюсь вам, взвод, но только удивляет меня слышать от вас такую жеребятину* (И. Бабель, Конармия. Соль).

(10) *Увидишь: / начальство / едет пьяненький*

в казенной машине I и в дамской компанийке (В. Маяковский).

(11) [О чиновниках гражданской палаты] **Фемида просто, какова есть, в неглиже и халате, принимала гостей** (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, VII).

Подчеркнем, что сочетания *полиция была блудлива, начальство ехало пьяненькое* также выглядят странно.

Видимо, неточностью следует признать употребление множ числа глагола у В. Хлебникова:

Там, где жили свиристели,

Где качались тихо ели,

Пролетели, улетели Стая легких времией (В. Хлебников).

Еще несколько примеров обыгрывания согласования по роду:

(12) *Киев так понравился {князю} Олегу, что в порыве восторга он приказал ему: «Будь матерью городов русских!»*(...) *Киев же, несмотря на свою явную принадлежность к мужскому роду, не посмел ослушаться грозного князя и стал матерью* (О. Л. Д'Ор, Русская история).

(13) [Больной в сумасшедшем доме]: *«Не смотрите на меня. Мне стыдно. Я голая женщина».* *Между тем он был одет и был мужчина сусами (...)* **Женщина с усами закурил трубку** » (И. Ильф - Е. Петров, Золотой теленок, XV).

в. Трудности возникают также при согласовании с псевдонимами:

Кончеев в своих критических обзорах не раз— свысока и в сущности столь же недобросовестно—задевал Мортуса (который, кстати сказать, был в частной жизни женщиной средних лет, матерью семейства, в молодости печатав-

шей в «Аполлоне»отличные стихи) (В. Набоков, Дар, III).

7. При согласовании сказуемого с комитативными группами сказуемое обычно стоит во множ числе, ср.: *Я с моим сыном пришли первыми*, однако след, фраза из поэмы Маяковского «Облако в штанах» выглядит необычно:

(14) *.., дай твоих губ неисцветищую прелесть:*

я с сердцем ни разу домая не дожили,

а в прожитой жизни лишь сотый апрель есть.

8. Метафорическое употребление существительных также вызывает сложности при согласовании их с зависимыми словами. Н. Д. Арутюнова отмечает, что, поскольку в метафоре нет

перевоплощения, должно быть соблюдено «поверхностное семантическое согласование»: можно сказать о мужчине *Вдруг из кухни выползла эта рыжая змея и начала всех жалить* — «предикат метафоризируется вслед за субъектом» [Арутюнова 1979: 152—153]. На первый взгляд, этому положению противоречит пример из рассказа И. Бабеля «Король», где один и тот же глагол (*стоять*) употребляется то в мужском роде (*стоял*), то в женском (*стояла*)'.

(15) [Налетчики подожгли полицейский участок, где усердствовал новый пристав — «новая метла чисто метет»] *Участок исправно пылал с четырех сторон (...) Под шумок разбегались арестованные (...) Пристав—та самая метла, что чисто метет—стоял на противоположном тротуаре и покусывал усы, лезшие ему в рот. Новая метла стояла без движения.*

В действительности, противоречия в (15), видимо, нет: в первой части фразы глагол (*стоял*) согласуется с существительным *пристав* и только во второй ее части — с существительным *метла*. Тем не менее, фраза производит комический эффект.

9. И, наконец, отметим обыгрывание согласования прилагательных и глаголов с иноязычными словами, в частности с географическими названиями:

(16) *Узким ручьем шумел (шумела? шумело?) Оккервиль, бился в гранитные берега, берега крошились, как песчаные, оползали в воду* (Т. Толстая, Река Оккервиль).

В существующей практике в подобных случаях руководствуются видовым существительным: *Оккервиль — река*, значит, предпочтительнее, чтобы *Оккервиль билась в гранитные берега*. Тем не менее, Толстая выбирает мужской род (*бился*), — возможно, потому, что в описываемом ею месте река течет *узким ручьем* (а *ручей* — существительное муж рода).

5. Синтаксическая сочетаемость компонентов предложения

1. Существуют ограничения на употребление некоторых словосочетаний в той или иной синтаксической позиции (т. е. на сочетаемость синтаксических отношений). Ниже приводятся примеры обыгрывания подобных ограничений. Следует подчеркнуть, что

отделение синтаксических ограничений на употребление языковых единиц от ограничений семантических (которые мы рассматриваем в гл. Семантика) затруднительно, но всё-таки возможно: синтаксические ограничения конвенциональны, условны, их трудно объяснить в терминах семантики.

Поясним сказанное, приведя один интересный пример синтаксического ограничения на употребление языковых единиц:

(1) *Фалалей (...) видел карету, наполненную дамами и Фомой Фомичом* (Ф. Достоевский, Село Степанчиково и его обитатели).

Фраза, бесспорно, аномальна, но эта аномальность, видимо, не связана со смыслом и имеет чисто синтаксическую природу: предикат *наполнять* (или *заполнять*, более обычный в этом значении в современном языке) характеризуется чрезвычайно жесткими сочетаемостными ограничениями; при нейтральном использовании он недопустим в контексте существительного в ед. числе (ср. приведенный пример (1), а также: **Фургон наполнен (заполнен) Мишей, Петей, Ваней и Катей (*директором, экскурсоводом и туристами,)*). Здесь обязательно множ. число существительного, напр.: *Фалалей (...) видел карету, наполненную дамами; Фургон (до отказа) заполнен учениками старших классов (спортсменами и крестьянами, едущими на базар)*, причем это существительное — не личное местоимение (ср.: **Фургон наполнен нами (ими)*).

А вот пример семантического ограничения:

[Профессор Преображенский] *Если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха* (М. Булгаков, Собачье сердце, III).

Аномальность имеет здесь семантическую природу, она вызвана рассогласованием по числу между предикатом *петь хором* (предполагающим мн. число субъекта), и подлежащим *я* (ед. число). Естественно, что синтаксические ограничения, указанные при разборе примера (1), здесь не действуют: предикат *петь хором* может сочетаться с ед. числом в составе сочиненных групп (*Дамы и Фома Фомич поют хором, Миша, Петя, Ваня и Катя поют хором*) и с личными местоимениями во множ. числе (*Мы поем хором*).

2. Приведем примеры обыгрывания правил синтаксической сочетаемости (путем их нарушения).

(2) [Разговор «пикейных жилетов»] *Три минуты он беззвучно двигал губами, а потом добавил:—Гувер—это голова. И Гинденбург— голова. Гувер и Гинденбург — это две головы* (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, XV).

В составе именного сказуемого количественные числительные, видимо, не могут сочетаться с существительными с переносным значением (фраза *Гувер и Гинденбург—это два гения* допустима).

(3) [Римский папа Борджиа Александр VI с сыном хотели отравить двух кардиналов, но, перепутав бокалы, сами выпили отраву]. *Кардиналы им говорят: «Что, дескать, с вами, **папа с сыном?**» А папа, к черту, под стол сползает* (М. Зощенко, Голубая книга).

Пример (3) показывает, что в обращениях затруднительны комитативные группы — как, видимо, и сочинительные (плохо: «*Что, дескать, с вами, папа и сын?*»).

(4) *После него [Пизистрата] унаследовали власть сыновья его Гиппий и Гиппарх, названные так в честь знакомых лошадей (526 г. до Р. Х). Но их вскоре **частью** убили, **частью** изгнали из отечества* (Тэффи, Древняя история).

Союз недопустим, если число компонентов, соединяемых союзом *частью-частью* равно двум.

3. Нередко нарушаются правила сочетаемости того или иного конкретного определения с определяемым существительным. Так, прилагательное *чужой* может сочетаться с существительным *вещь*, но не с близким по смыслу существительным *предмет*, ср. (1); прилагательное *любимый* — с параметрическим существительным *цвет*, но не *объем, размер*, ср. (2); прилагательное *средний* — с существительным *упитанность*, но не с существительным *начитанность* — ср. (3):

(1) — *Ты,—говорит— **чужие предметы** руками не тронь, а то, говорит, я сам за себя не отвечаю* (М. Зощенко, Чертовинка).

(2) [Разговор ослика Иа-Иа с Винни-Пухом о лопнувшем воздушном шарике] «*...какого цвета он был, когда- когда он был шариком?*» — «*Красного*» — «*Подумать только! Красного-Мой любимый цвет,—пробормотал Иа-Иа про себя—А какого размера?*» — «*Почти с меня.*» — «*Да? Подумать только, почти с тебя!- **Мой***

любимый размер!» (А. Милн, Винни-Пух и все-все-все, пересказ Б. Заходера).

(3) *Человек средней упитанности и начитанности* (Эмиль Кроткий).

4. Чаще всего в ЯИ используется аномальное присоединение градуирующих прилагательных или наречий к словам, не предполагающим градуирование*, письмо можно *распечатать* или *не распечатать*, но его нельзя *немножко распечатать-*, гениальность не может быть *средней*; нельзя быть *немножко беременной* и т. д.:

(4) *Городничий. Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, **этак немножко распечатать и прочитать**, не содержится ли в нем донесения* (Н. Гоголь, Ревизор, д. 1, II).

(3) [Сваха]: — *У меня есть на примете очень хорошая невеста, но вы вряд ли захотите на ней жениться—Но почему? Старая?—Иблет—Очень некрасивая?—Писаная красавица—Значит, бедная?—Первые богачи в селе.—Так в чем же дело?!—Видите ли, она **немножко, чуть-чуть беременна-***

(6) *Здесь мило всё, и нет банальности,
И, если часто здесь бывать,
Не ниже **средней гениальности** Поэтом может всякий стать* (Ю. Волин, Чукоккала)

(7) [О. Бендер] — *Отъём или увод денег варьируется в зависимости от обстоятельств. У меня лично есть **четыреста сравнительно честных способов отъёма*** (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, II).

(8) *И он, оказалось, уже имел две семьи и был **сравнительно счастлив*** (М. Зощенко, Бедная Лиза).

(9) *Вот какую **сравнительно небезынтересную** историю рассказал мне один работник городского транспорта* (М. Зощенко, Поучительная история).

(10) *-хороша ли картина о попе и собаке? Картина, на наш взгляд, **глубоко так себе*** (В. Ардов, Литературная штамповка, или Пиши как люди!).

Интересно, что другие слова, указывающие на полноту качества, в (7) и (8) возможны (*был **почти (вполне, совершенно) счастлив; почти***

(*вполне, совершенно*) *честный*), а в (9) и (10) — нет (*'почти {вполне, *совершенно} небезынтересный*).

5. Иногда обыгрывается присоединение наречий типа *очень, совсем* и т. п. к прилагательным, в значение которых уже входит значение высшей степени признака. При этом возникает «чистая тавтология» (см. [Апресян 1995: т. 2, 623—624]). Особенно любил этот прием М. Зощенко. Приведем примеры.

(1) *Шофер-грузин в клетчатых носочках и особо желтых ботиночках* (И. Ильф, Записные книжки).

(2) *Уважаемый старик*

Был неустово велик,,

Цель такого старика Велика и широка!

(Н. Асеев, Юбилейная шутка (о Л. Толстом))

(3) *Очень превосходный* оратор, говоря о прогрессе женского движения,, воскликнул. «Женщина всюду и всюду вытесняет мужчину!» (Тэффи, Причины и следствия).

(4) — *Завтра в три часа приведу вам самого страшного комиссара с самой пограничной станции* (Тэффи, Воспоминания, 1).

(5) *Около него [жениха] сидела невеста с заплаканными глазами и с выражением крайней невинности на лице* (А. Чехов, Свадьба с генералом).

(6) *Имея сильнейшее поползновение вступить в самый законнейший брак~* (А. Чехов, По-американски).

(7) *Он (...) кричал на посетителей и даже в раздражении иной раз топал на них ногами,, посылая более назойливых к чертям и дальше* (М. Зощенко, Мишель Си-нягин, 6).

(8) *Раздеваю пальто. Стою в рубашке, как сукин сын. А холод довольно собачий. Дрожу и прямо зубамилязгаю* (М. Зощенко, Прелести культуры).

(9) *Я, кроме того, очень отчаянно душилась. Духами или одеколоном. Ей это было всё равно* (М. Зощенко, Хитрость, допущенная в одном общежитии).

(10) *Туту нас накопилось слишком громадное количество разных фактов* (М. Зощенко, Голубая книга. Коварство).

6. Сравнительные конструкции

1. Сравнительные конструкции используются в языковой игре очень часто. На наш взгляд, не обоснованно несколько скептическое отношение к сравнению, которое мы встречаем у З. Фрейда. О вкусах не спорят: Фрейд, как мы уже отмечали,— поклонник контаминации, что же касается сравнений, то он сомневается даже, следует ли вообще относить их к островам [см. Фрейд 1925: 109]. Разумеется, комический эффект производят не «обычные» сравнения типа *Оля высокая, как ее мать* и не «избитые» сравнения типа *быстрый как ветер, стройная как тополь*, а сравнения неожиданные и смелые. Приведем некоторые примеры, отвлекаясь от синтаксической структуры предложений, которая может быть самой разной (она детально анализируется в грамматиках, а также в специальных исследо-

ваниях, в частности, в работах Е. Н. Саввиной, А. Ф. Прияткиной, В. В. Туровского;

несколько замечаний на эту тему будет сделано в п. 3).

(1) *Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1).

(2) *В окне помещался сбитеничик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно было бы подумать, что стояло два самовара, если бы один самовар не был с черною как смоль бороною* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1,1).

(3) *До чего народ доходит — Самовар в упряжке ходит* [шутка по поводу появления в России первых паровозов].

(4) *~чрез губернский город летел отроившийся рой мужиков и осыпал всю базарную площадь* (М. Салтыков-Щедрин, Дикий помещик).

(5) *Военный скажет—помелом причешет* (М. Салтыков-Щедрин, по: [Ефимов 195 3]).

(6) *Он слишком погрузился в негу своей семейной жизни и не может из нее выбраться. Он подобен мухе, увязшей в меду* (Ф. Тютчев, по: Рус. лит. анекдот).

(7) *С шиком, канашка, шельмец такой! Ай да мужчина! Настоящий Вальтер Скотт!* (А. Чехов, Перед свадьбой).

(8) *Васильевский остров прекрасен,*

Как жаба в манжетах

(Саша Черный, Под сурдинку).

(9) *.-родственники [невесты] еще плотнее обсели бедного кроткого Громова—так что он, затертый ими, как бриг северными льдами, накренился на бок и тихо примерз к своей съеденной молью невесте* (А Аверченко, Подходцев и двое других, ч. 2, XVIII).

(10) *Этот бывший артиллерийский офицерик [Наполеон] носился по всей Европе, как собака, которой привязали к хвосту гремящую жестянку-честолюбие* (А Аверченко, Новая история).

(11) *Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни* (О. Мандельштам).

(12) *Парень. Мордой он уже и Пушкина превзошел Висят баки, как хвосту собаки, даосе не моет — расстрепать боится* (В. Маяковский, Клоп, И).

(13) *Кошка шлепнулась, как сырое тесто* (Ю. Олеша, Три толстяка, 1).

(14) *Мы ехали в поезде по Крыму. Когда моя соседка увидела зеленую траву, она так обрадовалась, как будто она была коровой, всю зиму проведенной в мрачном уединении хлева* (И. Ильф, Записные книжки).

(15) *Дверь её [Сони] комнаты осталась открытой, света она не потушила, и там еще стояло облачко пудры, как дымок после выстрела, лежал наповал убитый чулок, и выпадали на ковер разноцветные внутренности шкапа*

(В. Набоков, Подвиг, XXI).

(16) *Попался навстречу негр в колониальной форме,—лицо, как мокрая галоша* (В. Набоков, Порт).

(17) *Дождь внезапно усилился и понесся через асфальт, по всей плоскости которого запрыгали свечки, свечки, свечки* (В. Набоков, Дар, V).

(18) *«Он мною живет, как червь яблочком»* (слова Ю. Олеша, сказанные им об одном пародисте) [Рус. лит. XX в.: 357].

(19) *—Мама, слышишь?—кот кипит, как самовар* (В. Ардов, Почки).

(20) **Лодка-молодка**

По улице Горького — что за походка! — Девчонка плывет, как под парусом лодка.

Юлия Друнина

По улице Горького — вижу я — ах ты!

Девчонки плывут, как под парусом яхты.

Одна-то, одна! Не сойти бы сума.

Вот это форштевень! Вот это корма!

Такой не опасны ни буря, ни штиль.

Какой у нее—представляете!— киль.

(А. Иванов).

(21) Доктор (...) положил на низкий столик, на стеклянный медицинский квадратик длинную, тонкую, отвратительно тонкую, **тоньше комариного писка иглу** (Т. Толстая, Чистый лист).

(22) **Стоит он могучий, как дуб,**

Развешены рыжие баки,

И трубку не вырвать из зуб,

Как кость у голодной собаки.

(23) **Даже очень хорошая острота должна быть как шприц,** одноразового пользования (Л. Лиходеев).

(24) **Домашнее хозяйство подобно кроссворду,** жена — по вертикали, муж— по горизонтали (А. Кнышев, Тоже книга).

(25) **Мужская свобода тоже кое-чего стоит.** Когда мужчина холост, все женщины палят по нему, **как развеселившиеся охотники по дикой утке** (Б. Шоу, по: «Ларец острословов»).

(26) **Прямые лысые мужья Сидят как выстрел из ружья** (Н. Заболоцкий, Свадьба).

(27) **Вся равнина покрыта Сыпучей и мягкой известкой,**

И деревья, как всадники,

Съехались в нашем саду

(С. Есенин, Черный человек).

(27) **Девочка пяти лет пришла с мамой на кладбище и вдруг увидела пьяного, который шел, шатаясь, за кустами «А этот дядя уже выкопался из могилки?»** (К. Чуковский).

(28) **В нас что ни год —увы, старик,увы, темнее и тесней умалата,**

и волосыуходят с головы,

как крысы с обреченного фрегата

(И. Губерман).

(29) Андрей С., 3 года—про жирафа на картинке: **Похож на подъемного крана,**

2. В поэтический речи необычны и даже несколько шокирующе сравнения «высокого» с «низким». Особенно «повезло» здесь луне:

*А в небесах луна, как таз,
Суконкой вытертый, сей час Над темным городом всплывала* (Д. Минаев);

*Луна катится в зимних облаках,,
Аятс цш варяжский или сыр голландский;
Посреди небесных тел Ликлуны туманной,,
Алтс он кругл и как он бел,
Точно блин с сметаной* (М. Лермонтов).

Через сто лет Б. Пастернак использует то же сравнение: Луна *скользит блином в сметане* (Примеры заимствованы из работы Н. А. Кожевниковой, см. [Очерки истории... 1995]).

3. Из случаев обыгрывания структурных признаков сравнительных конструкций отметим три следующих:

1) Конструкции, где опущен первый компарат («то, что сравнивается»):

*Возвращаясь домой, мужчина видит на двери табличку,
«Осторожно! Злая, как собака!»*

2) Конструкции с необычным соотношением первого и второго компаратов — они синонимичны, ср.:

*«То Лермонтова глаза».
Стоусто небо застонало,
И в небесах зажглись, как очи,
Большие серые глаза*

(В. Хлебников, На родине красивой смерти Машуке).

3) Конструкции с необычным оформлением второго компарат а, ср.:

*(1) А где-то пляшет океан,,
Над ним белесый встал туман,
Как дым из трубки моряка,
Чей труп чуть виден из песка*
(Н. Гумилев, Мой час).

*(2) Девочка с восхищением про свою тетю: она очень красива,
красива, как наша собака* (А Чехов, Записные книжки).

Какие принципы строения сравнительной конструкции нарушены в двух последних примерах? В. Туровский отмечает, что второй

компарат («то, с чем сравнивают») должен иметь, за некоторыми исключениями, родовую, а не конкретно-референтный статус (см. [Туровский 1988]). Действительно, убрав последнюю строчку в стихотворении Н. Гумилева и тем самым изменив статус существительного *моряк* из конкретно-референтного в родовую, мы получим нормальную сравнительную конструкцию. Однако этого можно достичь и не изменяя статус существительного, ср.: *...белесый встал туман, как дым из трубки моряка, сидящего на песке*. Дело, очевидно, не в конкретно-референтном статусе существительного (он, вопреки утверждению В. Туровского, совершенно обычен не только для первого, но и для второго компарата), дело в том, что в (1) совмещены два временных плана — момент в прошлом, когда моряк покурил трубку, и описываемый момент, когда он мертвым лежит на песке. Аномальность примера (2) также связана не с конкретно-референтным статусом существительного (ср. правильную фразу, где второй компарат обозначает конкретное лицо: *Моя тетя очень красива, красива, как наша прима-балерина {как наша бабушка в молодости}*). С другой стороны, перевод статуса второго компарата в родовую делает фразу (2) не менее аномальной (ср. странные фразы: *Моя тетя очень красива, красива, как собака {как королевский пудель; как болонка}*). Аномальность (2) связана с антропоцентризмом языка: сравнение человека с животными считается дискредитирующим и допускается лишь в редких случаях и по строго определенным параметрам {*Маша грациозна как лань; Она гибка как змея, а он мудр как змей* и т. п.).

4. Особый вид сравнений — иронические сравнения (типа: *Неподкупен—как Иуда, Храбр и честен —как Фальстаф* (Н. Некрасов, (На Ф. В. Булгарина». Сравнительная конструкция используется здесь как экспрессивный заменитель отрицательной конструкции. Вот как Высоцкий передает простую мысль: «Мы не нужны в Париже»:

*Ваня, мы с тобой в Париже **Нужны, как в бане пассатижи***

*Л в общем, Ваня, мы с тобой в Париже **Нужны, как в русской бане лыжи***

*И всё же, Ваня, мы друзьям в Париже **Нужны с тобой, как зайцу грыжа*** («Письмо Ване Бортникову из Парижа»).

Подробнее эти конструкции рассматриваются в другом месте работы (см. гл. Прагматика).

Конструкции, включающие метафору или метонимию

1. Если включение в главу, посвященную синтаксису, сравнительных конструкций ни у кого, видимо, не вызовет возражений, то рассмотрение здесь метафоры и метонимии может представиться странным. Дело в том, что «основным принципом построения метафоры является *принцип сравнения*» [Левин 1998: 457], многие исследователи определяют ее как «скрытое» или «сокращенное сравнение». Для нас важнее, однако, другое: кроме лексико-семантического аспекта эти виды тропов чрезвычайно интересны и в синтаксическом плане. В данной главе они рассматриваются, по преимуществу, именно в этом аспекте.

2. Метафору считают «сокращенным сравнением», однако, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «переход от сравнения к метафоре изменяет синтаксический тип предложения»: метафора — П-й член предложений тождества {*Он — шляпа!*} (см. [Арутюнова 1979: 155—156]). Н. Д. Арутюнова прослеживает соотнесенность разных видов тропов (метонимии и метафоры) с синтаксической функцией: метонимия обслуживает идентифицирующую функцию (*Шляпа обернулась и посмотрела на меня*), метафора — предикативную функцию (*Он ужасная шляпа*) (см. [Арутюнова 1979:150—152]). Ср. также:

(1) *П. Н.—‘длинноносый трепет в студенческом сюртучке и при шаге, с белой перчаткой в руке и с испуганными вороньими глазками* (А Белый, Начало века. Эллис).

(2) *Дарвин (...) торжественно потянул рукоятку тормоза. Поезд застонал от боли и остановился»* (В. Набоков, Подвиг, XXIV).

Н. Д. Арутюнова отмечает далее, что метафорическая *шляпа* допускает вторичное идентифицирующее использование, но требует при этом указательного местоимения: *Эта шляпа всегда все путает* [Арутюнова 1979: 152]. Кажется, метафора допускает (как и метонимия) и первичное идентифицирующее использование, и притом без указательного местоимения, ср.:

(3) *.потом было музыкальное отделение. Какая-то кобыла по-французски выла, а бульдог ей аккомпанировал* (Тэффи, Предел, VI).

Интересно, что первичное идентифицирующее использование метафоры связано нередко с иронией, ср.:

(4) *Греков протянул руку.—Привет надежде русского вокала* (М. Чулаки).

Интерпретируя этот пример, С. И. Походня справедливо отмечает «словосочетание *надежда русского вокала*, употребленное даже относительно талантливого певца, имеет явно ироничный оттенок (...) То же самое произошло и со стереотипным словосочетанием *инженер человеческих душ*, которое ныне употребляется в русской речи, пожалуй, чаще иронически, чем как поэтическая метафора» [Походня 1989:22]. Отметим, что словосочетание *инженер человеческих душ* употребляется иронически не только «ныне», но уже и в 20-х годах XX века, ср.:

(5) [О поэте] *..между нами говоря, этот инженер человеческих душ, как нарочно, оказался на редкость несостоятельным и ограниченным субъектом* (М. Зощенко, Бедная Лиза).

3. Вторичное идентифицирующее использование метафоры не допускает последующей замены анафорическим местоимением, ср.:

(6) *Разочарованные, опечаленные [отъездом Клинкова], оба друга с опущенными головами побрели в буфет.*

—Выжили человека» Добились» (...) Скотами были, скотами и останемся. Не могли уберечь эту кристальную душу.

— Слушай!—закричал вдруг Подходцев—Вот она!

—Кто?

—Кристальная душа-то! Пожарскую котлету лопают.

Действительно, за буфетным столиком сидел путешественник Клинков (А Аверченко, Подходцев и двое других, ч. 1, XVI).

4. «Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. В метафоре сокращено противопоставление, но оно может быть восстановлено: *Едешь, бывало, перед эскадром., под тобой чорт, <я не лошадь>*» [Арутюнова 1990а: 188]. Может быть, здесь полезно уточнение. Метафора не отвергает, а делает вид, что отвергает принадлежность объекта к некоему классу: и пишущий, и читающий

понимают, что перед эскадроном ты едешь всё-таки не на чёрте, а на лошади, пусть похожей на чёрта. Ю. И. Левин писал: «В метафоре описываемый объект и объект, с которым данный сравнивается, как бы слиты» [Левин 1998:457].

«На вход метафоры поступают разные виды идеального — эмоции, экстралингвистические знания, житейский опыт носителей языка, иногда случайные впечатления, наблюдения, оценки. Метафора в известном смысле всеядна: она принимает любые разновидности идеального и не переваривает только материальные сущности. Выражение “перенос значения” в применении к метафоре недостаточен: он сильно ограничивает представление о ее рационале. Итогом процесса метафоризации, изживающим метафору, являются категории языковой семантики — признаковые значения. Метафора, таким образом, обнажает процесс переработки в языковое значение различных “субпродуктов” идеальной (интеллектуальной, эмоциональной, перцептивной) деятельности человека. Изучение метафоры позволяет увидеть то сырье, из которого делается значение слова. Метафора, т. е. столкновение признаков гетерогенных субъектов, есть стадия в переработке сырья, этап на пути от представлений, знаний, оценок и эмоций к языковому значению» [Арутюнова 1979:173].

5. Особого рассмотрения заслуживают яркие метафоры типа *посох терпения* (= «терпение»). Они особенно характерны для восточных литератур. Поэтому наиболее естественно выглядят эти метафоры в художественной литературе с восточной тематикой. Так, часто и удачно использует этот прием Л. Соловьев в «Повести о Ходже Насреддине». Несколько примеров:

(1) *Облачившись в халат усердия и вооружившись посохом терпения, мы посетили все эти места* (Очарованный принц, Вступление).

(2) *Гюльджан вздохнула, на ее ресницах повисла слеза. Ходжа Насреддин понял: глина ее сердца размягчена—время вертеть гончарный круг своей хитрости и лепить горшок замысла* (Очарованный принц, 3).

(3) *-пастух, конечно, рассказал об этом лавочнику; тот немедленно закрыл свою лавку и, приплясывая от нетерпения,*

побежал в чайхану с горячим, обжигающим язык и десны орехом новости во рту (Очарованный принц, 25).

6. Этот тип метафор, именуемый обычно **катахрезой**, не чужд и западным литературам, однако для современной русской речи, даже художественной, он не характерен (особенно «зоологические метафоры» типа *ослы терпенья*) и расценивается теоретиками художественной речи как «неудачное развитие тропа» (*пусть акулы империализма не протягивают к нам свои лапы*) (КЛЭ). Этот прием пародировал В. Маяковский: *Сквозь щупальцымирового империализма красной нитью проходит волна* (ЛЭС),— хотя сам иногда им не брезговал:

Каждый поёт /по своему /голоску!

Разрежем / общую курицу славы и каждому /выдадим /поравному куску («Послание пролетарским поэтам»)

В целом, зоологическая метафора признаётся слишком непривычной, расценивается теоретиками как недостаток (см. [ЛЭС, 152]).

История зоологической чрезвычайно убедительно иллюстрирует громадную роль пародии в истории языка (в первую очередь, поэтического). Дело в том, что старшие символисты отнюдь не брезговали метафорами этого типа, всеми этими *посохами* (или *ослами*) *терпенья*. Вот брюсовский перевод стихотворения М. Метерлинка «Моя душа больна весь день» (цит. по: [Рус. лит. XX в.]):

И под кнутом воспоминанья

Я вижу призраки охот.,

Полузабытый след ведет Собак секретного желанья.

Блестящие пародии Вл. Соловьева на декадентов оказали воздействие не только на развитие русской литературы, но и на развитие русской художественной речи. И в одной из этих пародий, влияние которой ощуамо, по наблюдению

В. П. Григорьева, до сих пор [Григорьев 1979: 228], основным структурным элементом является именно рассматриваемая фигура речи:

На небесах горят паникадила,

А снизу —тьма.

Ходила ты к нему, иль не ходила?

Скажи сама.¹

*Но не дразни гиену подозренья,
Мышей тоски!
Не то, смотри, как леопарды мщенья Острыят клыки!
И не зови сову благоразумья Ты в эту ночь!
Ослы терпенья и слоны раздумья Бежали прочь.
Своей судьбы родила крокодила Ты здесь сама.
Пусть в небесах горят паникадила —
В могиле—тьма.*

В результате метафоры такого типа, по мнению некоторых исследователей, не получили развития в последующей русской поэтической традиции. О. Б. Кушлина пишет. «Прием, вышученный в зародыше, был вычеркнут из резерва изобразительных средств поэзии русской» (Рус. лит. XX в.: 35). Впрочем, «слухи о кончине» зоологической метафоры, видимо, сильно преувеличены: В. П. Григорьев [1979] отмечает широкое ее употребление в художественной речи— у Маяковского, Олеси, Цветаевой, Л. Мартынова. О. П. Ермакова приводит многочисленные примеры, показывающие, что эта модель «остаётся живой и представляет собой незакрытую структуру» не только в художественной речи, но и в политических контекстах: *журавль славы* (С. Антонов); *райская птица удачи* (журн. «Огонек»); *Дикий и точный конь страха вынес и выбросил меня из здания школы* (Ф. Искандер); *...прорастает удав преступности* (А. Солженицын) [Ермакова 1996: 56-59].

7. Метонимия состоит в переносе наименования с одного объекта на другой, ассоциируемый с данным. В лингвистическом отношении метонимия интересна как необычный вид сравнения и (что более важно) как необычный вид сочетаемости языковых единиц. Так, в (1) —(2) необычно сочетание глаголов речи с подлежащими —неодушевленными существительными. Примеры:

(1) *«Пошла ты, баба!—закричали ей тут же **бороды** заступом, лопатой и клином—ишь куда полезла корявая»* (Н. Гоголь).

(2) — *И тебе не жалко, что ты дурачок!*
—*Жалко»—угрюмо отвечает **козлиная бородка*** (А. Чехов, Мертвое тело).

(3) *Вечер. По улице идет пестрая толпа, состоящая из **пьяных тулунов и кацавеек*** (А. Чехов, Ряженые).

(4) *Желаю вам получить Станислава и жениться на тех таинственных голубых глазах, о которых Вы писали мне* (А. Чехов — Ф. А. Червинскому, 18 авг. 1891).

(5) *Куприн женится на т-ле Давыдовой, дочери «Мира божьего» [= дочери издательницы журнала «Мир божий» А. А. Давыдовой]* (А. Чехов — М. П. Чеховой, 8 февр. 1902).

(6) *Сосредоточенно побежали там [на Невском проспекте] лица (...) Носы протекали во множестве, орлиные, утиные, петушиные, зеленоватые, белые, протекало здесь и отсутствие всякого носа. Здесь текли одиночки, и пары, и тройки-четверки', и за котелком котелок: котелки, перья, фуражки; фуражки, фуражки, перья;; треуголка, цилиндр, фуражка; платочек, зонтик, перо* (А Белый, Петербург, I).

7. Сочинительные конструкции

Можно выделить три основных типа ЯИ с использованием сочинительных конструкций: 1) обыгрывание соотношения компонентов сочинительной конструкции; 2) обыгрывание порядка компонентов сочинительной конструкции;

3) обыгрывание значения сочинительных союзов. Они будут рассмотрены соответственно в трех пунктах раздела.

Соотношение компонентов сочинительной конструкции

1. Сочинительные конструкции с соединительными союзами (*и; и» и\ да» да*) дают зачастую не полный перечень описываемых элементов, а носят иллюстративный характер (см. [Санников 1989: 196]). Это свойство сочинительных конструкций обыгрывается в след, шутке:

(1) *В старину (...) один критик по поводу прелестной «Тамары» Лермонтова издевался над строками-. «На голос невидимой пэри шел воин, купец и пастух». — «А по какой причине, — вопрошал он, — столь несправедливо обойдены гражданские чиновники?»* (А Измайлов, Пятна на солнце, III).

Однако при иллюстративном употреблении, естественно, не могут опускаться основные компоненты, как это делается в след, двустишии С. Шевцова:

Идеальный писатель

В его трудах нас всё пленило:

Бумага, почерк и чернила!

2. Говорящие отмечают интересную особенность сочинительных конструкций в составе названий. Они непроницаемы и нечленимы.

Ср.:

(2) — *Мистер Баркер, но «Ромео и Джульетту» вы, конечно, читали?*

— *«Джульетту» я, к сожалению, не читал, я вот «Ромео» читал и даже несколько раз!*

3. В бессоюзных конструкциях отношения между частями достаточно неопределенны и могут пониматься по-разному, ср.:

(3) *Пограничник—проходящему человеку'.*

— *Стой,, стрелять буду!*

— *Стою!*

— *Стреляю!*

Обыгрывается факт, что, хотя бессоюзные конструкции этого типа понимаются обычно как дизъюнктивные («Стой, или я буду стрелять»), формально не исключено иное понимание конструкции, понимание ее как конструкции конъюнктивной.

(4) [О членах судебной палаты]: *Всю дорогу палата занималась тем,, что ела,, решала важные вопросы, еда, читала и ела* (А Чехов — Чеховым, 29 апр. 1890).

Повторение одной словоформы (*ела*) в пределах сочинительной конструкции аномально (нейтральная конструкция — *палата, еда, решала важные вопросы и читала,,* но при этом утрачивается важный смысл — преобладание тревоугодничества над другими занятиями «палаты» и постоянное чередование того и другого).

4. Языковая игра высвечивает ограничения на сочетаемость частей сочинительной конструкции: морфологические — (1)—(4); семантические—

(5)—(25); возникающие в случае зевгмы (объединение разных значений лексемы, подчиняющей сочинительную цепочку) —(26)—(32):

(1) *Напишитемне нечто о Карамзине, ой, ых* (А. Пушкин—Л. С. Пушкину, 1823).

(2) Он думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по мордеу об своих конях—и ничего больше (И. Бабель, Как это делалось в Одессе).

(3) И вдруг **подходит** [«аристократка»] развратной походкой к блюду [с пирожными] **и цоп с кремом и жрет** (М. Зощенко, Аристократка).

(4) **Вы —умы, а мы —увы!**

(5) В **Малинниках** застал я одну Анну Николаевну с **флюсом и с Муром** (А Пушкин — А Н. Вульф, 16 окт 1829).

(6) **...распутица, лень и Гончарова** не выпускают меня из Москвы (А. Пушкин — П. А Вяземскому, март 1830).

(7) В молодости своей он был **и капитан и крикун**, употреблялся и по штатским делам, мастер был хорошо высечь, бглл **и расторопен, и щеголь и глуп** (Н. Гоголь, Мертвые души).

(8) Я нанял себе дачу около города Сум на реке Пеле. Место поэтическое, изобилующее **теплом, лесами, хохлами, рыбой и раками** (А Чехов—Я. П. Полонскому, 25 мар. 1988).

(9) Загорелась война. Казаки вооружились своими **пиками, пищалями, саблями и татарами** (О. Д'Ор, Русская история).

9 - 1789

(10) „успокою совсем

Старцев, покрытых сединами,

С тем, чтоб согреть их холодную кровь **Фетом, балетом, паштетом** (В. Курочкин, по: Черняева 1957).

(11) Так, между **домом, лавкой, Библией, поркой, жендй, Машухой**—прошло сорок лет (Б. Пильняк, Голый год, Ордынин-Город).

(12) Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: **Иностранец из Лондо-на и Парижа** (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 2).

(13) Подпоручик **ничего себе, но — сволочь** (М. Зощенко, Виктория Казимировна).

(14) Не спросясь мужа, Эллочка взяла деньги из обеденных сумм. До пятнадцатого осталось **десять дней и четыре рубля** (И. Ильф — Е. Петров, Двенадцать стульев, XXII).

(15) Сержанту Иванову удалось объединить пространство и время, он сказал солдатам,: **«Копайте от забора и до обеда»** (при

опущении союза аномальность становится гораздо менее ощутимой: *Копайте от забора до обеда*).

(16) *«Моя вдова не затрапезная,—обиженно сказал Кузя (...) —у нее был муж полковник и такая грудь, что вы таких грудей не видывали! А волосы! А губки!»* (А. Аверченко, Шутка Мецената, XI).

(17) *Наряду с множеством недостатков у Варвары были два существенных достижения'. большая белая грудь и служба* (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, XIII).

(18) *Ничего не читал. Он был не читатель, а писатель* (Эмиль Кроткий).

(19) *~кто имеет двадцать пять лет отроду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук* (Н. Гоголь, Невский проспект).

(20) *А посмотрели бы, что у него в саду! Чего там нет? Сливы, вишни, черешни, огорожина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница* (Н. Гоголь, Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем).

(21) *Индейцы босые, а если и обуты, то во что-то не поддающиеся ни чистке, ни описанию* (В. Маяковский, по [Береговская 1984]).

(22) *Я за ним на квартиру, а там голая гражданка в мыле и в ванне* (М. Булгаков, Черный маг).

(23) *Хорошо любить жену*

И гитарную струну,

Маму, папу, тетю,—ну

И Советскую страну

(А. Архангельский. Пар. на Н. Асеева).

(24) *Софья Сергеевна.^ так торопилась уйти, что все растеряла', и носовой платок и Дарью* (В. Шкваркин, Весенний смотр, III).

(25) *Мария Михайловна (Ставит карточку на стол)..Это знакомые, муж и жена. Он на бумажной фабрике работал, а у нее постоянно зубы болели* (В. Шкваркин, Весенний смотр, I). Аномальность достаточно оправданна: Мария Михайловна указывает наиболее запомнившиеся ей признаки своих знакомых.

(26) *Кассир закрыл дискуссию и окошечко кассы* (D. Buttler).

(27) *Шел дождь и два студента.*

(28) *Его рвет секретами и вином* (Г. Лихтенберг, по: «Ларец острословов»).

(29) *Агафия Федосеевна носила на голове чепец, три бородавки на носу и кофейный капот с желтенькими цветами* (Н. Гоголь).

(30) [Получивший чужую золотую медаль] — *Вместо него я получил золотую медаль и зонтиком по шее от его мамы на выпускном вечере* (Ф. Искандер, по: [Походня 1989]).

(31) *Член совета принес извинения за прискорбный случай минувшей ночи и шикарную —метр на метр коробку шоколада — для моей супруги* (В. Конецкий, Последний раз в Антверпене).

(32) *Я потерял на одной неделе жену и зонтик*

(33) *Я чересчур люблю маму и бабу Нину и блины вот такие* (Андрей С, 4 г.).

Порядок компонентов сочинительной конструкции

Говорящие отчетливо ощущают неравноценность позиций в сочинительной конструкции: первое место (как неоднократно отмечалось, ср. [Cooper, Ross 1975; Бергельсон — Кибрик 1981; Якобсон 1983: 353; Санников 1989: 78—80]) более «престижно», чем последующие. Показательны два отрывка, авторы которых (принадлежащие к разным эпохам и пишущие на разных языках) обыгрывают эту синтаксическую особенность сочинительных конструкций:

(1) *В горах Принс-Чарльз есть хребты Атоса, Портоса и Арамиса. Бедный Арамис! Всегда он «и»~* (В. Конецкий, Третий липший).

(2) *A large map of London would be needed to display the wild and zigzag course of one day's journey undertaken by **an uncle and his nephew** —or, to speak more truly, of **a nephew and his uncle**. For the nephew, a schoolboy on a holiday, was in theory the god in the car, or in the cab, tram, tube, and so on; while his uncle was at most a priest dancing before him and offering sacrifices* (G. K. Chesterton).

Порядок сочиненных членов сохраняется и в русском переводе В. Головнева:

Чтобы проследить необычный и запутанный маршрут, проделанный за день дядей и племянником (или, точнее говоря, племянником и дядей), понадобилась бы большая карта Лондона» Школьник был важен, как юный принц, совершающий путешествие, а его старший родственник оказался в ранге слуги.

Значение сочинительных союзов

Весьма распространенный тип языковой игры с использованием сочинительных конструкций — обыгрывание значения сочинительных союзов. Это явление представляет большой интерес для лингвиста, поскольку ярко оттеняет некоторые компоненты значения союзов.

Зато:

(1) *...а там весна—совсем не красна, зато голодная* (В. Астафьев, Царь-рыба).

9*

(2) *Генерал, человек образованнейший, состояния не оставил, «о зато весь был изранен* (Ф. Достоевский, Село Степанчиково, 1);

(3) *Я пою плохо, зато долго.*

Приведенные примеры высвечивают наличие в значении союза *зато* смыслового компонента: ‘содержание второй части, вводимой союзом, полностью компенсирует содержание первой’ — высвечивают путем нарушения данного смыслового соотношения частей сочинительной конструкции: голод не может, разумеется, рассматриваться как компенсация за некрасивость, длительность пения не компенсирует его плохого качества, а раны похороненного генерала не могут компенсировать его родственникам отсутствие наследства. Впрочем, идея компенсации в (1)—(3) все же есть в преобразованном виде: употребляя союз *зато* (а не союз *и*, например), говорящий признаётся, что он пытался найти компенсацию за нежелательные события, описываемые в I части, но никакой компенсации нет (кроме событий, которые только в шутку можно расценивать как компенсацию).

(4) *Лежат на витрине две курицы, импортная и советская. Импортная говорит:*

—*Боже, какая ты худая и синяя! Толи дело я. аппетитная, вся в целофанчике, с фирменными наклейками.*

—*Зато я своей смертью умерла.*

Сталкиваются две «точки зрения» — курицы и человека (потребителя). Естественная смерть курицы для человека (в отличие от самой курицы) отнюдь не может быть компенсацией за ее нетоварный вид.

(5) *Комедии у нас плохие, зато их мало* (А. Кнышев, Тоже книга).

В (5) обыгрывается возможность разного понимания второй части, вводимой союзом *зато*, поскольку по-разному можно понимать антецедент местоимения *их*. 1) *Комедии у нас плохие, зато комедий мало*, 2) *Комедии у нас плохие, зато этих плохих комедий мало*.

Но.

(1) *Мать Катеньки, бедная, но неблагородная вдова, всю зиму шила дамские наряды* (Тэффи, Катенька).

(2) *..за десять дней написал очерк про Закопане (...) и рассказ. Рассказ небольшой, но препоганый* (Ю. Казаков—В. Конецкому, 18 мар. 1962).

Нарушается (и тем самым подчеркивается) свойство союза *но* соединять противоположные полюса разных шкал: в (1)—(2) необычно соединение одинаковых (низших) полюсов двух шкал. В (2) содержится дополнительно шутивное утверждение, что большие рассказы хуже маленьких.

(3) *Простой парень из-под Казани, Разделся, влез и заткнул что надо в ледяной воде (...) Врачи долго боролись за жизнь солдата, но он остался жив* (М. Жванецкий, Когда нужны герои).

Употребляя союз «о, указывающий на ненормальный ход событий (см. [Санников 1989: 161—165]), Жванецкий объявляет смерть пациента естественным результатом усилий врачей.

(4) [Телеграмма жены с юга] *Но люблю я только тебя.*

В (4) обыгрывается другой компонент значения союза *но* — с м ы с л о в о е доминирование второй части конструкции (см. [Санников 1989: 149—152]). Доминирование второй части выступает в (4) в предельно отчетливой, утрированной форме: первая часть вообще

опущена, отправительница телеграммы пытается убедить мужа в том, что содержащаяся в ней информация настолько малозначаща, что даже не заслуживает упоминания.

У М. Жванецкого встречается обыгрывание того же смыслового компонента (доминирование второй части конструкции), но способом, противоположным тому, который мы наблюдали в (4), — не опущением первой части, а ее повторением:

(5) *Вчера раков давали. Большие, но по 5 рублей. Но большие. Но по 5 рублей. Но о-очень большие* и т. д.

Герой никак не может решить, какой из двух признаков описываемой ситуации (величина раков или их дороговизна) важнее, и без конца меняет их местами, нанизывая всё новые *но*.

Способом усиления противопоставительного значения союза *но* является его выделение. Вот пример из стихотворной речи, где это достигается необычным способом — выделением союза в отдельную строку:

Петербургские окна.

Синё и темно.

Город

сном

и покоем скован.

НО

не спит мадам Кускова

(В. Маяковский, Хорошо, 4).

А:

(1) *В Москве на Мясницкой стоит человек и читает вывеску магазина: «Коммутаторы, аккумуляторы». — Ком-му,, таторы, а ккому,, лятторы — и говорит-. — Вишь, и тут омманывают простой народ!^* (Б. Пильняк, Голый год, IV).

Человек не знает, что *тжосляторы* и что такое *таторы*, и возмущается неравноправием, исключительно исходя из значения союза *а*, из его способности противопоставлять друг другу компоненты конструкции, точнее, указывать, что их сочетание — ненормальность (*Кому — таторы, а кому — лятторы*).

(2) *У Веры маленький голосок, а какой противный!* (М. Булгаков).

Так же, как в примере (1) с союзом *но*, необычно соединение одинаковых (низших) полюсов двух шкал (что сводит противопоставление на нет). Ср. сходный пример с противительным союзом *да*: *Быть было ненастью, да дождь поме-шал* (В. Даль).

(3) *Сперва ты меня повози, а там я на тебе поезжу* (В. Даль, Пословицы русского народа, I).

Противопоставленность компонентов первой и второй частей сложносочиненного предложения (*сперва ты~— там я*) снимается из-за употребления кон-версивов (*X возит Y-а — Y ездит на X-е*), что делает аномальным употребление союза *а*.

(4) — *Всю ночь глаз не сомкнула: ты храпел, а собака лаяла~—А что же ты хотела, чтобы собака храпела, а я лаял?*

Используется способность конструкций с *а* указывать на нежелательное, с точки зрения говорящего, распределение признаков двух описываемых предметов или лиц, ср.: —*Всю ночь глаз не сомкнула-мы бедные, а все кругом богатые—Да, хотелось бы, чтобы было наоборот.*

Не то что.

Да ведь за этикие деньги не то что жениться, в Сибирь пойти можно! (А. Чехов, Трагик).

Не то чтобы~ а.

[Пискарев «дипломатично» намекает приятелю на то, что у того умерла жена] —*Почему же сразу не говорить? Умерла ведь?—Гм., Как тебе сказать?— пожал плечами Пискарев.—Не то чтобы умерла, а так.. Ну вот ты уж и плачешь! Все ведь умрем!* (А. Чехов, Канитель).

В соответствии со значением союза, фраза получает следующее толкование, производящее комическое впечатление: 'из двух противоположных мнений (она умерла; она жива) правильно первое, а еще правильнее считать, что она — *так*, |

Скорее- чем.

СЭто была уже бесформенная старушка, скорей безобразная, чем красивая (М. Зощенко, Мишель Синягин).

Значение союза *скорее~ чем* связано с борьбой двух мнений, с колебаниями в оценке описываемого предмета, признака, события. Аномальность фразы заключается в том, что признаки *безобразная* и *красивая* настолько различны, что исключают возможность колебаний. Нейтральны были бы выражения типа: *Это была уже бесформенная,*

безобразная старушка-, Это была уже бесформенная старушка, безобразная, а не красивая.

И.

*В работемного **нового и интересного**. К сожалению, то, что ново,—неинтересно, а что интересно — не ново.*

Соотношение признаков (**новое-, интересное**) — полное несовпадение. Однако начало высказывания (**Вработемного нового и интересного**) допускает и противоположное продолжение (**Буквально все новое интересно, а интересное — ново**) — полное совпадение признаков, а также и другие, промежуточные, например: **многое из нового интересно, почти все новое интересно** и т. д. Это свидетельствует о том, что в общем случае союз **и** (как и союз **или**) не определяет соотношение компонентов сочинительной конструкции, говорящий вообще о нем не задумывается, оно, как мы видели, может быть любым. Казалось бы, этому утверждению противоречит тот факт, что аномальность (вызывающая комический эффект) наблюдается лишь в приведенной фразе, все остальные продолжения нейтральны. Дело здесь, однако, не в значении союза **и**, а в оценочной характеристике высказывания и его частей: первая часть высказывания (**Вработемного нового и интересного**) содержит положительную оценку работы (индуцированную не союзом, а прилагательными **новый, интересный**), но потом, продолжая фразу, мы меняем положительную оценку на отрицательную, что и производит комический эффект.

Или.

(1) —*Я помню, что-то было: иди **вышла замуж**, итш **переломила ногу*** (Н. Гоголь, Женитьба).

(2) —*Девочка, ты хочешь на дачу **или** чтобы тебе оторвали голову?* (К / ф «Подкидыш»).

(3) — *Что лучше', **теща или пиво?***

—*Хорошо и то и другое. На столе и в холодном виде.*

(4) *Объявление. **Ищу** учителя музыки, который научит или отучит соседскую девочку играть на пианино.*

(5) Генерал — полковнику: — *Поставьте здесь шлагбаум или толкового майора!*

Аномальность этих примеров заключается в слишком большой неравноценности альтернатив, неравноценности для описываемых лиц. Для самого же говорящего альтернативы примерно равноценны. Именно это различие в оценке и производит комический эффект.

А то.

Ограбленный бандитами человек заявляет: «Немедленно верните деньги, а то будет как вчера». Испуганные бандиты возвращают деньги, а потом спрашивают: «А как было вчера?» — «А вчера так и не вернули».

В данном значении союз *а то* употребляется обычно в высказываниях типа *Уходи, а то осудят* {*побьют, заругают*). Поэтому может создаться представление, что значение угрозы, предостережения приносится второй частью высказывания (*побьют, заругают*). Приведенный анекдот показывает, что это не так: вторая часть высказывания (*будет как вчера*) сама по себе нейтральна. Ср. также высказывания типа *Уходи, а то он будет дарить тебе ценные подарки*, где также сохраняется значение угрозы, предостережения; получение подарков (само по себе скорее желательное) в конкретной ситуации речевого общения оценивается говорящим как нечто нежелательное, против чего следует предостеречь. И выражается это предостережение не лексическим составом второй части высказывания и не самим союзом *а то*: это прагматический элемент смысла, возникающий при определенном сочетании речевых актов — в случае альтернативы побуждения (*Верните деньги:*) и утверждения (*а то будет как вчера*).

Не, а (а неS) .

(1) *Пьяницу-мельника- она-, умела сделать золотом, а не человеком* (Н. Гоголь, Иван Федорович Шпонька...).

(2) *„буду безукоризненно нежный, не мужчина, а—облако в штанах* (В. Маяковский, Облако в штанах).

(3) *В ладони прыснули — «Не храм, а срам!..»* (А. Вознесенский, Мастера, V).

Предложения типа (1)—(3) близки к сравнительным, но отличаются от них большей категоричностью и экспрессивностью: чтобы убедить адресата в том, что X в каком-то отношении похож на Y,

говорящий утверждает, что это вообще не X, а Y. Прием использования заместительного союза *не~ а (а не)* для целей сравнения стал настолько устойчивым, что уже в середине XIX в. сам становится предметом обыгрывания. Любопытный пример двойной игры со значением союза *не~ а (а не)* содержится в повести А. Вельтмана «Не дом, а игрушечка». Один домовый обещает другому хороший дом («не дом, а игрушечку»), а потом уверяет, что его обещание следовало понимать буквально, и пытается отделаться игрушечным домиком.

8. Порядок слов

1. Говорящие подчеркивают, что иногда изменение порядка слов не изменяет смысла — см. (1), а в других случаях такое изменение связано с изменением смысла фразы или ее части — (2)—(5):

(1) *Что о печь головой, что головой о печь* (В. Даль).

(2) *Друзья и клад*

*Один мудрец сказал, хотя и в стихах.
«Найди друзей—найдется клад в друзьях».
Я то же повторю обратными словами.
«Найди ты клад—друзья найдутся сами».
(А Илличевский).*

(3) *Издателю журнала с эпиграфом «С нами Бог»*

*В чем разноречит он с читателем своим?
Он пишет: «С нами Бог!», тот говорит. «Бог с ним».
(А. Илличевский).
(4) У них. «Живи как хочешь».
У нас: «Как хочешь, так и живи» (А. Трушкин).
(5) А И понимаешь / он так скучно убеждает / что энтть
хорошо //*

Б. (смеется) *А хорошо жить еще лучше* // (пример из: [Земская — Китайгородская — Розанова 1983]).

2. Только вводная конструкция свободно вклинивается внутрь других конструкций. Остальные случаи резко аномальны. Однако в определенных условиях они вполне оправданны, нормализация порядка слов привела бы к смысловым и /или стилистическим потерям. Особенно показательны в этом отношении два следующих примера:

Екатерина наклонилась над ним тем, чем брала его за душу, за мясо,—грудями.

И он подчинился.

Которые целовал еще два месяца назад господин камергер Моне, Вилим Иванович (Ю. Тынянов, Восковая персона, 1,1).

Возвращение придаточного определительного (*которые целовалУ*) их «хозяину» (*грудям*) существенно изменило бы смысл и сделало бы менее неотвратимым (может быть, даже странным) уступчивость Петра.

И увидел конный,

И приник к копыю,

Голову дракона.,

хвост и чешую

(Б. Пастернак, Сказка).

В этом примере (внимание автора на него обратил Л. Г. Митюшин) нормализация порядка слов, возвращение зависимых слов (*голову дракона, хвост и чешую*) их «хозяину», глаголу *увидеть* привело бы к стилистическим потерям: исчезла бы динамика фразы, исчезло бы указание на быстроту реакции всадника (*увидел — и приник*), ср.: *Конный увидел голову дракона, хвост и чешую и приник к копыю.*

3. В отличие от частиц, русские подчинительные союзы ставятся в абсолютном начале придаточного предложения. Ср. примеры, где обыгрывается нарушение этого правила:

Но на черта ли мне Москвы сугробы?

Поеду в Америку справлять гардероб.

Не столько

*людей посмотреть **чтобы**, сколько себя показать **чтоб***

(Н. Адуев, пар. на В. Маяковского).

*Скрипела старуха, телега словно кха, кхо кхе кхи.
Великолепно мною уловлены старухины все грехи.
(«Парнас дыбом», пар. на В. Маяковского).*

4. Русские предлоги (кроме предлога *ради*) располагаются перед существительным, с которым они связаны. Нарушение этого правила встречается редко с целью подчеркнуть пренебрежение нормами современного языка. Ср. пародию

А. Измайлова на Вячеслава Иванова:

*Эрота выпрєнных и стремных крыльях на
От мирных пуц в волибе мечты лечу далече (...)
Биюся в кольцах корч, желанием пронзен.
Змий, жду тебя, змею, одре на одиоком.*

В приведенном примере резко нарушаются и другие правила порядка слов: родительный принадлежности ставится перед определяемым существительным (*Эрота... крыльях на* вм. *На крыльях Эрота*), определение — после определяемого слова (*одре на одиоком* вм. *на одиоком одре*).

5. Для многих устойчивых сочетаний характерен строгий порядок элементов, его нарушение аномально и производит комический эффект, ср.:

Пряхина (...) приложила кулак колбу и закричала резким, высоким голосом! — Меня сживают со свету! Бог господь! Бог господь! Бог господь! (М. Булгаков, Театральный роман, 10).

Обыгрывание порядка следования членов сочинительной конструкции описывалось выше.

9. Анафорическое отношение

1. Анафорическое отношение — особый вид отношений между словами, настолько особый, что само его рассмотрение в главе, посвященной синтаксису, остается спорным. Анафорическое отношение — это отношение между словами или словосочетаниями, непосредственно (синтаксически) не связанными между собой: «в смысл одного выражения входит отсылка к другому» [Лингв. ЭС 1990].

В. Вересаев с негодованием писал:

«Иван Петрович подошел к столу. Он был очень весел».

Прочитав что-нибудь подобное, всякий считает себя обязанным притвориться идиотом и спросит:—Кто был весел? Стол?

Гомер нисколько не стесняется говорить: «он побежал», раз по смыслу понятно, о ком идет речь, хотя бы в предыдущей фразе дело шло о столбе («Записи для себя»).

Следует признать, что негодование Вересаева вполне обоснованно: львиная доля случаев обыгрывания анафорических отношений падает на ошибочное указание antecedента —первого члена анафорического отношения. Приведем лишь несколько примеров из множества имеющихся.

(1) *Не успела доярка слезть с трибуны, как на нее забрался председатель колхоза.*

(2) *«Кася повесила скворца в комнату профессора. Каждый вечер она подставляла к нему стул и влезала на него». Господи, помилуй — на кого?! На скворца, на стул или на профессора? (Журн. «Новый Сатирикон», 1914).*

(3) *Сейчас во всех колхозах формируются гурты бычково-кастратов для нагула. На днях их пригласили на бюро райкома КПСС для утверждения. Среди них и пожилые и молодые, коммунисты и беспартийные («Вперед», орган Михайловского РК КПСС Курской обл., 27 апр. 1961).*

(4) —*Я ни разу не спала со своим мужем, пока мы не поженились, —доверительно сообщила женщина случайной знакомой,—А вы?
—Не знаю, право. А как его зовут?*

(5) [А Измайлов издевается над след, фразой Гончарова]: *«Если б не эта тарелка да не прислоненная к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежащий на ней,—то можно было бы подумать, что тут никто не живет». Позвольте вас спросить, где лежал Обломов, если следовать правилам принятого синтаксиса и признавать, что указательное местоимение всегда согласуется с последним из стоящих перед ним существительных того же рода? на постели или на трубке? («Пятна на солнце», VI).*

(6) *Думая напугать увивавшегося вокруг него мальчугана, кузнец сунул ему под нос кусок раскаленного металла. «Если вы дадите мне полдоллара, я его лизну»,— сказал парнишка. Кузнец вытащил монету*

и отдал ее мальчику. Тот, ни слова не говоря, взял монету, лизнул ее, положил в карман и, весело насвистывая, побежал прочь.

(7) *Инженер Фунин заказал нанять квартиру для его новой содержанки и просил старую, т. е. Елену Михайловну, сбить кому-нибудь (А. Чехов, Делец).*

(8) *Он [Васенька] стал что-то очень глупо острить насчет моего зонтика, но Жан сразу поставил его наместо (конечно, Васеньку, а не зонтик), ими поехали наслаждаться воздухом (Тэффи, Из весеннего дневника).*

2. Нередко авторы вносят уточнения там, где они излишни,— с целью дискредитации описываемого лица:

(9) *Примите дар—певца поблѣкнувгий портрет.*

Он стоил три рубля (портрет, а не поэт)

(И. К. Прутков).

(10) *Отдай Лике почтовую бумагу, а то она, т. е. бумага, заплеснеет (А. Чехов — М. П. Чеховой, 16 мар. 1891).*

3. Интереснее случаи, затрагивающие другие структурные особенности членов анафорического отношения.

Обыгрывается, в частности, затруднительность замены некоторых именных групп анафорическими местоимениями, ср.:

(1) *Не говори о человеке дурно. Ведь и ты — он (С. Лец) — нужно повторить существительное: ведь и ты человек*

(2) *Выдающиеся события, метеорология, пророчества (...) В Рыбинске недоумение. Восх. сол. 5 ч. 21 м. Зах. его же 6 ч. 45 м. (А Чехов, Календарь «Будильника» за 1882 год).*

(3) *Он [Чичиков] отвечал, что уже имел счастье нечаянным образом познакомиться, попробовал еще кое-что сказать, но кое-что совсем не вышло (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, VIII).*

Интересно, что замена в (3) неопределенного местоимения анафорическим не уменьшила бы аномальности фразы,— ср. пример, где дейктическое слово используется в анафорической функции:

(4) *В одном обществе очень пригоженькая девица сказала Кульковскому:*

—Кажется, я вас где-то видела.

—Как же, сударыня!— тотчас отвечал Кульковский,—я там весьма часто бываю (Рус. лит. анекдот).

Единицы, входящие в состав фраземы, также не могут заменяться анафорическими местоимениями, ср.:

(3) *...голос его прервался: беднягу душили рыдания, и душили они его добрых минуты две* (Л. Кэрролл. Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

(6) —*Всё бы ничего, но вот Герцогиня, Герцогиня! Она придет в ярость, если я опоздаю. Она именно туда и придет!* (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

(7) —*Мне бы— говорит— перед смертью на лоно природы поехать, посмотреть, какое это оно. Никогда ничего подобного в своей жизни не видел* (М. Зощенко, Голубая книга. Деньги).

4. Нередко обыгрывается противоположный случай — повторение именной группы вместо замены ее местоимением, ср.:

(8) *«Эвона_ Земляк-то, земляк гито докладывает»—умилялся Матвей Моржов; и взяв двумя пальцами огурец, огурец и откусывал* (А. Белый, Петербург, II).

(9) *Господин Голядкин ясно видел, что настало время удара смелого, время посрамления врагов его. Господин Голядкин был в волнении. Господин Голядкин почувствовал какое-то вдохновение~* (Ф. Достоевский, Двойник, IV).

5. Интересный пример анафорического отношения, где анафорическое местоимение (*его*) не имеет antecedента, содержится в письме А. Пушкина Н. Гнеди-чу (27 июня 1822):

...не предвижу конца нашей разлуки. Здесь у нас молдованно и тошно; ах, боже мой, что-то с ним делается — судьба его меня беспокоит до крайности — напишите мне об нем,, если будете отвечать.

Вместо antecedента дается намек на него, понятный адресату: Пушкин неоднократно обыгрывал сочетания *кюхельбекерно и тошно, молдованно и тошно*, восходящие к фамилии его лицейского товарища Кюхельбекера; его-то судьба как раз и беспокоит Пушкина.

Сложности в определении antecedента обыгрываются и в след, шутке:

(10) *Воспитание детей было очень суровое. Чаще всего их сразу убивали. Это делало их мужественными и стойкими* (Тэффи, Древняя история).

6. Кроме «классических» анафорических слов (*он, она, оно, они*), в анафорической функции используются (особенно при пересказе, в том числе в художественном повествовании) и дейктические слова (*этот — тот, здесь — там-, сегодня — вчера—завтра* и т. д.) (см. [Апресян 1995: т. 2,630 и сл.]). Их обыгрывание также связано со сложностью в определении антецедента:

(1) *В одном нашем российском провинциальном городе, над магазином детских кроватей, была вывеска, изображавшая ребенка в люльке, под которой была подпись: «Сих дел мастер» (Энцикл. весельчака).*

(2) *Что посеешь, то и пожнешь. (Этим доказывается пустота и бессмысленность ослобопашеского занятия) (Журн. «Сатирикон»).*

(3) Доктор. Гм¹ *Я никак не могу поставить точного диагноза. Думаю, что всё это из-за пьянки.*

Пациент. *О, я вас понимаю, доктор. Прикажете прийти в другой раз, когда вы будете трезвым?*

(4) —*Мадам! На этой неделе вы сбили уже пять человек Это уже слишком.—А сколько можно?*

(5) Егор Лигачев (видный коммунистический деятель): *ГГут меня обвиняют, будто я брал взятки.~ Это невероятно, товарищи, но это факт! (1989 г.).*

7. Дейктические слова в собственно дейктической функции обыгрываются редко, ср.:

(6) [Коньков объясняет старичку, как он оказался в чужой квартире]: *«Па-азвольте! Меня сам Данилов пригласил~» Старичок похлопал его по плечу и той же рукой показал наверх. «Там Данилов! Там! Поняли?» «Умер?» — догадался Коньков и сразу взял себя в руки, чтоб не малодушничать- «Наверху он!— надрывался старичок— Наверху живет. В третьем этаже» (Тэффи, Страшный ужас).*

(7) *В переполненном автобусе девушка взялась за руку, как она полагала, своей спутницы. И вдруг она обнаруживает, что держится за руку незнакомого мужчины. Придя в великое замешательство, она восклицает.*

— *О, простите, л взялась не за ту руку!*

—*Пожалуйста, вот другая рука, мисс.*

В (6)—(7) подчеркивается неопределенность указательных местоимений, которая в ряде случаев может приводить к

недоразумениям.

Говорящие обращают внимание на «странность» слов в анафорической функции: они не имеют строгой референциальной закреплённости,— хамелеоны, меняющие расцветку с изменением обстановки:

(8) [Мартышка — гостям, которых накануне она пригласила «на завтра»]:

— *Что вы! Приглашенья /Я не отменяла.*

*Но ведь я сказала-. / **Завтра** приходите,*

*А теперь — **сегодня**, / Так что погодите* (Б. Заходер, Мартышкин дом).

(9) *На улице пьяный спрашивает прохожих.*

— *Скажите, где здесь **противоположная** сторона?*

Ему показывают.

— *Как?! А там говорят, что здесь!*

Глава V Словообразование

Вводные замечания

Словообразовательные возможности русского языка используются для создания комического эффекта довольно часто. Результат неузуального, творческого словообразования — окказионализм. «Окказионализмы показывают, на что способен язык при порождении новых слов, каковы его творческие потенции, глубинные силы» [Земская 1992:180]. Окказионализм может оказаться «одноразовым», но может в дальнейшем получить распространение, получить статус неологизма, нового слова. Е. А. Земская, на большом материале исследовавшая современное русское активное словообразование, справедливо отмечает. «Значение словообразования в языках типа русского трудно переоценить. Благодаря словообразованию язык постоянно пополняется огромным количеством новых слов разнообразного строения и семантики, отражающих все стороны жизни народа. Именно словообразовательный механизм в первую очередь обеспечивает язык бесконечным разнообразием слов, отвечающим всем потребностям общения» [Земская 1992: 5]. Из выделяемых Е. А. Земской функций словообразования —

1) собственно номинативная; 2) конструктивная; 3) компрессивная; 4) экспрессивная; 5) стилистическая — нас, естественно, интересуют две последние. «Подсистема окказионального словообразования особенно наглядно демонстрирует весомость (сил) действия аналогии в языке. Поэты и любые словотворчески одаренные лица не только заполняют пустые клетки словообразовательной системы, но и действуют вне общезыковой системы, за ее пределами» [Земская 1992: 203]. Однако даже эти нарушения представляют большой интерес—они помогают очертить границы допустимого.

Как правило, при языковой игре не создаются какие-то новые словообразовательные модели или словообразовательные аффиксы — обыгрываются старые. Исключение составляют смелые эксперименты на уровне словообразования, предпринятые А. Крученых, И. Зданевичем и другими создателями «заумного языка». Обобщая результаты этих экспериментов, А. Крученых приводит «рисунки слов» (т. е. механизмы создания «заумных слов»), напр.: «свороченные головы» — *мочедан* (чемодан), «двухглавые слова» — *зудовольствие*, «однорельсные слова» — *нра* (нравится), *глав, зав*, «трехрельсные» — *циркорий*, слова «с выжатой серединой» — *сно* (сон) [Крученых 1922:33—34].

Производные слова (слова в переносных значениях, некоторые имена собственные и т. п.) никогда не утрачивают полностью смысловую связь с исходными словами. Произнося фразу *На днях Гвоздев женится*, мы совсем не думаем о гвоздях, но это представление, видимо, «слабо мерцает» в слове и оживает при первой

10-1789

возможности, ср.: *Женятся Гвоздев с Шуруповой*. Представление о гвоздях и шурупах не могло бы появиться, если бы его совсем не было в исходных фразах типа *Женится Гвоздеву*— ведь удвоение нуля не могло бы дать положительной величины. Еще несколько примеров такого рода.

(1) Кладовщик. *...вы уж на меня не обижайтесь, товарищ-Лопухов.*

Лопухов в. Лопухое!

Кладовщик. *Извините- действительно-Лопухое* (С. Михалков, Раки, по: [Щербина 1958]).

(2) — *Эх вы, залетные!* — *сказал по привычке ямщик, обдирая с издохшей лошади шкуру* (Журн. '«Сатирикон», 1910).

Можно выделить два основных способа обыгрывания словообразовательных единиц: 1) переосмысление словообразовательной структуры слов, уже существующих; 2) создание новых слов. Они будут рассмотрены соответственно в разделах 1 и 2.

1. Переосмысление словообразовательной структуры существующих слов

Переосмыслению словообразовательной структуры могут подвергаться существительные, прилагательные и глаголы.

Переосмысление существительных

1. Некоторые случаи расчленения существительных и шуточного переосмысления «обрубков», полученных в результате этого расчленения, приводились в гл. Морфология (см. с. 66—68). Ниже приводятся примеры обыгрывания словообразовательной структуры существительных.

(1) [Разговор с чукотским писателем].*

— *Вы читали Набокова?*—*Нет—А Толстого?*—*Нет,—А Пушкина?!*—*Нет. Чукча не читатель, чукча — писатель!*

Комический эффект вызван допущением, что, в соответствии со словообразовательной структурой слов, *чита-тель* — тот, кто читает (и никогда не пишет), а *писа-тель* — тот, кто пишет (и никогда не читает).

(2) *Она подводница //Мы ей не дадим эту работу //* [о человеке, который подводит, не выполняя обещание] (пример из: [Земская — Китайгородская — Розанова 1983]).

(3) *Немка: мой муж был большой любовник ходить на охоту* (А. Чехов, Из записных книжек).

(4) *~пролетарий и есть тот, кто, значит, пролетит по всем пунктам, то ись вылетел в трубу* (А. Белый, Серебряный голубь).

(5) — *Если вы так считаете про искусство, то мне ясно: вы — формалистка! — Нет, я содержанка!* (В. Ардов, Записные книжки).

(6) *Хотел бы я знать, в каком ты состоянии, или, что хуже—сосидении, соле-жании* (А. А. Реформатский, пример из: [Земская 1992:173]).

(7) *драпировка* — отступление войск, *пистолет*—столетний юбилей числа «пи» (А. Кнышев, Уколы пера).

(8) *заморыш*—иностранец (М. Задорнов).

(9) *гордыня* — дыня, выращенная в городских условиях (Л. Крысин).

(10) *экстаз* — таз, пришедший в негодность.

Возможно, эта известная шутка заимствована из романа «Дар» В. Набокова:

(11) [Воспоминания детства]: *Я ничего не помню из этих пьесок, кроме часто повторяющегося слова «экстаз», которое уже тогда для меня звучало как старая посуда. «экс-таз».*

Псевдочленение слов, начинающихся на экс-, обыгрывается и другими авторами, в частности В. Ричем в стихотворении «Филологические стихи», где оно является основным структурным элементом (цит. по: [Земская 1992]):

Говорят, жспрезидент

Это бывший президент.

Говорят, эксчемпион Это бывший чемпион.

И выходит, что экспресс Означает — бывший пресс.

И выходит, что экстракт Означает — бывший тракт.

И выходит, что эксперт Это некий бывший перт.

И выходит, что экстаз Это просто старый таз.

Да-с!

2. Интересно необычное использование «обычных», реально существующих слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Говорящие иногда тонко подмечают градацию обозначаемого этими суффиксами признака, ср.:

(1) *Женился вдовец на вдове. Оба имели детей. Потому них родилось двое общих. Однажды в доме возник страшный шум.*

—Жена, что там происходит?

—А то, что твои дети и мои детки бьют наших деточек!..

Говорящие отмечают интересный факт, когда присоединение уменьшительного суффикса к существительному в количественном контексте указывает не на уменьшение, а на увеличение количества, ср.:

(2) *Общеизвестно, что четверть часика больше, чем четверть часа* (Г. К Лихтен-берг, по: Ларец острословов).

(3) *-Александр Иванович Дудтсин протянул Аблеухову в порыве участия руку\ и здесь, кстати, заметил: Николай Аполлонович значительно ниже его (Николай Аполлонович не отличался росточком)* (А Белый, Петербург, б).

В слове *росточек* уменьшительный компонент значения очень силен (семантически более оправданным было бы высказывание *Николай Аполлонович отличался росточком*).

3. Семантика этнонимов обыгрывается сравнительно редко. Один пример:

ю*

Разговор следователя с обвиняемым

— *Так вы продолжаете настаивать на том, что вы литовец, потому что родились в Литве.*

— *Конечно!*

— *Так что же, по-вашему, если голубь родился в конюшне, то он — лошадь?*

4. Интересное замечание, касающееся разницы в употреблении морфемы *полу-с* близкими по значению существительными, делает Г. Малкин:

Мужчины бывают полубогами, женщины — только богинями.

Эта единица обыгрывается также и другими авторами.

(4) А. Аверченко («1812 год») — беседует с неким драматургом:

Драматург. ..Бегство Наполеона с полуострова Святой Елены~

[И далее, когда его поправляют, говоря, что это — остров]:—*Ну, знаете, об этом мы поспорим: может быть, Святая Елена и остров, но не весь же остров, черт возьми, занимал Наполеон. Совершенно достаточно ему было и полуострова. Аверченко. Значит, половина острова, по-вашему — полуостров?* Драматург. *Логика говорит за это.*

Здесь драматург не так уж не прав. Словари (МАС; БАС) отмечают, что в соединении с существительными *полу-* обозначает «половину чего-л., например: **полуверста, полукольцо**» (МАС).

Однако в некоторых случаях элемент *полу-* имеет (как это правильно замечено в приведенном эпизоде) иное значение: *полупальто* — это не половинка пальто, а **укороченное пальто**. И слово *полуостров* относится сюда же: полуостров—это не половина острова, а, так сказать, «недоост-ров», часть суши, окруженная водой почти со всех сторон.

5. Отмечу еще один интересный словообразовательный эксперимент —с использованием структурных элементов чужого языка: *сантехник-сан*. Формально налицо разложение слова *сантехник* и повтор первой части {*сан*}, постановка ее после второй части. И вот это обрамление, эта, казалось бы, чисто формальная процедура приводит к возникновению в тексте другого значения элемента *сан*—показатель вежливости (из японского) и к сложной игре двух смыслов. Хотя сама мысль о престижности работы в сфере обслуживания в советском обществе не нова, но в приведенной шутке она находит максимально (может быть, рекордно) экономное выражение.

Это же слово (*сантехник*) и с тем же смысловым заданием обыгрывается также 3. Паперным, но сама техника остроуы у Паперного несколько иная: *Чтили сантехника, как Санкт -техника*.

Переосмысление прилагательных

Чаще всего говорящий шокирует адресата одним из двух приемов: 1) переосмысление значения существующих форм; 2) «окачествление» относительных прилагательных, ярко проявляющееся в образовании краткой формы —и/или сравнительной или превосходной степени этих прилагательных.

Переосмысление значения существующих форм прилагательных

(1) —*Мамочка! Не брани меня за то, что я опоздала Недалеко отсюда упала лошадь, и они сказали, что послали за лошадиным доктором. Вот я и прождала*

там все это время, и что ты думаешь? Пришел не лошадиный доктор, а просто человек!

(2) Стивен Ликок в своих воспоминаниях пишет, что «изучал языки —живые, мертвые и полумертвые, гсосяе чего тотчас их забывал и чувствовал себя интеллектуальным банкротом».

(3) *Услышав, что ее называют женщиной бальзаковского возраста, она нервно спрашивала: —А сколько лет этому самому Бальзаку?* (Эмиль Кроткий).

Вообще говоря, женщину не напрасно волнует возраст Бальзака: ее понимание значения прилагательного вполне обычно (если *детский возраст*—это возраст ребенка, *пенсионный* — возраст пенсионеров, то естественно предположить, что *бальзаковский возраст* — это возраст некоего Бальзака). Словосочетание, обыгрываемое в шутке Кроткого, имеет менее обычное значение: 'возраст многих главных героинь романов Бальзака'.

Сходный механизм имеет след, шутка А. Чехова:

(4) *Когда я (...) оканчивал второй анекдот, Иван Иванович захохотал, покачнулся от хохота... Это был гомерический хохот. Так мог хохотать один только Гомер* (А. Чехов, Кое-что).

В действительности, *гомерический смех* (или *хохот*) — «неудержимый, громовой смех (подобный тому, каким, согласно “Илиаде” Гомера, смеялись на своих пиршествах олимпийские боги)» (МАС).

«Окачествование» относительных прилагательных

Чаще всего обыгрывание уже существующих прилагательных заключается в развитии качественных значений у относительных прилагательных. Е. А. Земская отмечает, что этот процесс всё время идет в языке [Земская 1992: 75] и, тем не менее, «окачествование» относительных прилагательных зачастую производит комический эффект. Этот эффект особенно силен при образовании краткой формы или же сравнительной или превосходной степени от относительного прилагательного (типа *железен, железнее*). Напомним, что образование сравнительной или превосходной степени от местоимений, существительных и причастий (*са-мее, чертее, оитареннее*) мы относим не к словообразованию, а к формообразованию и рассматриваем в главе Морфология (обоснование см. на с. 71). Приведем примеры образования кратких форм относительных прилагательных —см. (1)—(3) и форм сравнительной и превосходной степени этих прилагательных (аналитических или синтетических) — (4)—(10):

(1) *Как розны земли моей племена,
и розен язык / и одежи*

(В. Маяковский, Нашему юношеству).

(2) *Вид индейцев таков.*

пернат, / смешон / и нездегиен (В. Маяковский, Свидетельствую).

(3) *Люд, шедший мимо, был гуутл, зябл, приезж* (Саша Соколов, Палисандрия).

(4) *Я, / поэт, / и то омериканистей / самого что ни на есть / американца* (В. Маяковский, 100%).

(5) *Чем старше, тем мемуарнее*—к. А Реформатский о себе (по воспоминаниям дочери, М. А. Реформатской).

(6) *..мы ограничимся небольшим повествованием об императорах, с тем чтобы поскорей перейти к более средним людям, проживающим без всяких особых намерений* (М. Зощенко, Голубая книга).

(7) [Разговор подруг о шляпке]:

—*Это—последняя мода. Парижская. Называется птисольда б...с*
—*Ужасно милая шляпка. Ужасно! Но я видела еще ужаснее и еще последнее* (Тэффи, В трамвае) —прилагательное *последний*, вообще говоря, не исключает градации (ср.: *самый последний, предпоследний*), однако сравнительная степень аномальна.

(8) *Наверху министры / в бриллиантовом огне.*

Под — / народ. / Голейгий зад виднеется (В. Маяковский, Мексика).

(9) *Я самый непьющий из всех мужиков,*

Во мне есть моральная сила

(В. Высоцкий, Поездка в город).

(10) [Разговор любимого вождя диктатории Огогондия с народом]:

—*Ну что вы заладили.¹¹ Браво, браво”? Так и зазнаться можно.*
А я такой же, как все. Равный среди Равных!

—*Да здравствует Равный среди Равных! Сто тысяч лет жизни самому Равному! б...с Слава Равнейшему!* (В. Бахнов, Как погасло солнце...).

Переосмысление глаголов

Встречается достаточно редко:

(1) “*Хочешь чаю, Никанор—предложил хозяин.*”

— “Нет, спасибо, я уже отчаялся” (Е. Петров, Весельчак).

(2) — Я сначала насытился, а потом отпочковался (= наелся почек) и отчаялся.

(3) Мужчины, женитесь! Женщины, мужайтесь! (А Кнышев).

(4) Четвертовать — выставлять оценки за четверть (“Бестолковый этимологический словарь” — “Лит. газета”, по*. [Гридина 1996]).

(5) [Застойные годы. Призывы на заводских плакатах]:

Выполним — перевыполним...

Догоним — перегоним...

Сделаем — переделаем...

Добьемся — перебьемся...

(Пантелеймон Корякин).

2. Создание новых слов

1. Перейдем к рассмотрению основного способа обыгрывания словообразовательных возможностей языка. Это, как уже отмечалось, создание новых слов.

«Игровое слово смешит своей новизной, необычностью» [Земская — Китайгородская-Розанова 1983: 189]. Образование нового слова, пусть по узаконенной модели,— это творчество. Говоря *поэтесса*, мы воспроизводим многократно сказанное, говоря *юморесса* — мы творим новое (другое дело, насколько это новое удачно и уместно). При этом, однако, полученная новая лексема всегда содержит «хотя бы смутный намек на свой прототип» (Л. Блумфилд, цит. по: [Гридина 1996: 131]). Е. А. Земская пишет: «окказиональное словообразование (...) часто выступает как явление антиагглютинативное, нарушающее принципы той «шкалы технических средств», которая присуща естественной морфологии» [Земская 1992: 204]. Однако эти «нарушители правил продуктивности» тоже покоряются аналогии-анalogии правила или (чаще) аналогии конкретного слова. По справедливому замечанию Е. А. Земской, «без аналогического сопоставления, аналогического фона новое слово не может быть понято и, следовательно, не может существовать» [Земская 1992:184].

Нарушение и обыгрывание словообразовательных моделей заключается в несоблюдении правил сочетаемости основ со словообразующими аффиксами, в сочетании того, что по разным причинам признаётся узуальным («обычным») словообразованием несочетаемым. Экспрессивность (в частности, комический эффект) усиливается при наличии контраста в структуре окказионализма. При обыгрывании уже существующего слова этот контраст вызван, как мы видели, переосмыслением значения частей слова и/или отношения между ними. При создании нового слова это «контраст между частями слова — основами, составляющими сложное слово, или основой и аффиксом (высокая, книжная основа — низкий аффикс; сниженная, бытовая основа — высокий, книжный аффикс; исконная основа — заимствованный аффикс, заимствованная основа — исконный аффикс)» [Земская — Китайгородская — Розанова 1983: 189]. К этому следует добавить с е-мантическую рассогласованность компонентов слова, например: громоздкий, «важный», «страшный» или отрицательный объект, обозначаемый основой,— и уменьшительно-ласкательный суффикс (*царшишко, снарядик, сукушка*).

2. При любом способе словообразования комический эффект усиливается при соединении в слове русских и иноязычных компонентов (основ и аффиксов), ср.:

(1) *Пасквилянствовать* (М. Салтыков-Щедрин).

(2) *Извините меня за эти кель-выражансы, но я искренно вам говорю* (А. Чехов, В пансионе).

(3) *Женская стыдливость есть такая,, такая стыдливость, которой неглижировать нельзя!* (А Чехов, Скверная история).

(4) *Я (...) отдал ей, к великому ее удивлению, все восемьдесят. Она робко замерсика-ла и вышла*». (А Чехов, Размазня).

(5) *В бульварах/ буржуеныши / под нянин сказ, медведям / игрушечным / глядят плюшки* (В. Маяковский, На Западе всё спокойно).

(6) *Старается /разная /музыкальная челядь пианинить / и виолончелить*

(В. Маяковский, Маруся отравилась).

(7) *Он — ъфетиноват, она — мегеровата.*

(8) *Гитлерята.*

Е. А. Земская, которой принадлежит последний пример, видит здесь «не эстетический контраст, но художественное несоответствие» [Земская 1992: 186]. Мне эта оценка представляется чрезмерно строгой, а сам окказионализм — достаточно удачным.

3. В девяти разделах главы приводится материал, касающийся основных способов образования окказионализмов: 1) префиксация; 2) суффиксация; 3) префиксально-суффиксальный способ; 4) словосложение; 5) контаминация; 6) аббревиация; 7) «фокус-покус» прием; 8) «отпредложенческое» словообразование; 9) от нарицательного имени — к имени собственному, от собственного имени — к имени нарицательному.

Префиксация

1. В чистом виде (без сочетания с суффиксацией) префиксация используется при образовании окказионализмов достаточно редко, ср.:

(1) [О похоронах Баумана] ...*голова процессии сравнялась с нами-истуганный офицер переерывал с места наместо* (А. Белый, Между двух революций).

(2) [Андрей С., 3,5 лет—матери]: *Ты никуда-преникуда не уйдешь? Правда-преправ-да? Ты думаешь, я ни на что — прениначто не способен?*

2. Интересный словообразовательный прием встречаем в развернутых конструкциях с префиксом *раз-* (*рос-*) типа *Хоть X, хоть раз-X*, ср.:

(3) *Он мне в то время написал: «Хочу, папа, жениться на Лидочке». Понимаешь: «хочу», а не «прошу позволения». Ну, и я ему ответил: „«Хочешь жениться — ну, и Христос с тобой, женись, мой друг, хоть на Лидочке, хоть на разлидочке — я препятствовать не могу!»* (М. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы, III).

В словарях и грамматиках отмечается, что существительные с префиксом *раз-* (*рос-*) «называют предмет, в высшей степени обладающий признаками того, что названо (кто назван) мотивирующим словом: *раскрасавец*. Тип продуктивен и широко используется в окказ. образованиях разг. и художественной речи: *Подлец? Да хоть и расподлец* (А. Остр.); *будь вы хоть размиллионер*

(Дост.)» [Грамматика 80: 230]. Это описание нуждается по крайней мере в двух уточнениях. 1) Описываемое получает отрицательную оценку, ср.: *Она—раскрасавица vs. Будь она хоть красавица, хоть раскрасавица, я ей это скажу.* 2) Приведенный пример из Салтыкова-Щедрина показывает, что в уступительном контексте мотивирующим словом может быть не только прилагательное или нарицательное существительное, обозначающее градуируемый признак, но и существительное, обозначающее неградуируемый признак (ср.: *Будь он хоть декан, хоть разде-кан, я ему это скажу; Будь он хоть студент-расстудент,,*), и даже, как мы видели, имя собственное. Пример такого типа приводит и В. В. Виноградов [1972: 208]: *Хоть будь тыраз-Брюллов* (Ф. Достоевский, Записки из Мертвого дома).

При этом значение не только слова с префиксом, но и всей конструкции сильно трансформируется: здесь нельзя уже говорить о высшей степени признака (ведь признак неградуируем). Выражения типа *женись хоть на Лидочке, хоть на разлидочке* имеют приблизительно такое значение: ‘я отрицательно отношусь к женитьбе на Лидочке, но мне безразлично, на ком ты женишься’.

Близкое значение имеют в ЯИ конструкции с заимствованным префиксом *архи*

(4) *...будь он хоть орел, хоть архиорел, всё-таки он птица* (М. Салтыков-Щедрин, Сказки. Орел-меценат).

(5) *Газета должна быть архи-живая, архи-городская, архи-разухабистая, архи-бульварная, на французский лад* (Кугель).

Пример (4) взят из книги В. В. Виноградова, который отмечает у Достоевского употребление *архи-* даже при глаголе: *соврал, архи-соврал* («Подросток») [Виноградов 1972: 208].

3. Заимствованный префикс *экс* (первая часть сложных слов) имеет достаточно ограниченную сочетаемость: это обычно заимствованные слова, указывающие на высокий социальный статус (*экс-министр, экс-губернатор, экс-чемпион*). Прочие употребления аномальны и потому особенно выразительны. Ср. эпиграмму Н. Щербины на Кукольника, где префикс *экс (ex)* является основным структурным элементом:

*Хоть теперь ты ex-писатель,
Ex-чиновник, ex-делец И казны ex-обиратель —
Всё же ты не ex-подлец.*

Несколько шире сфера употребления в ЯИ заимствованного префикса *анти*. Ср.:

(6) *Противозачаточные пилюли — антибэби* (Лит. газета. Пример Е. А. Земской).

(7) *Взгляну на антилопу-гну*

И потихонечку вздохну.

— *Зачем, зачем везли в Европу Таковую антиантилопу?!!*

(Б. Заходер).

(8) *Нет жещин — есть антимужчины,*

В лесах ревут антимашины

(А Вознесенский, Антимирь).

Ср. также пародирование этих стихов Вознесенского А. Ивановым:

Нас постоянно гложет страх И аргумент волнует веский’.

Что если вдруг в антимирах Живет и Антивознесенский?

4. Иногда обыгрывается нагнетание нескольких префиксов в одном слове — (1) (6):

(1) *Распренаидостаточно* (из письма); *Я имею крайнюю и распрекрайнюю нужду в деньгах* (А Писемский — Н. Некрасову, 15 апр. 1854; цит. по [Виноградов 1972: 208]).

(2) [Разговор монархиста и республиканца]:

— *<Людовик Пятнадцатый!> — тихо вздохнул Хацкин и покачал головой, точно вспомнил о дорогом покойнике (...)*

— *«Сами не знаете, чего хотите, Хацкин (...) Ну какой Людовик вас к себе пустит, будь он хотьраспродвадцатый»*(Тэффи, Монархист).

(3) *Распрабабкиной техники / скидывай хлам.*

Днепр, / турбины / верти по заводьям

(В. Маяковский, Марш ударных бригад).

(4) *Однажды переперелил судьбе я ненароком* (В. Высоцкий, О судьбе).

(5) *А он шутил—не дошутил,*

Недораспробовал вино,

И даже недопригубил

(В. Высоцкий, Не до...)

(6) *Всё ему кажется, что именно в последнюю декаду декабря удастся (...) избежать недоперевыполнения* (З. Паперный, Глагол

времен).

Суффиксация

1. Более продуктивный прием образования новых слов с установкой на шутку—суффиксация. Это согласуется с наблюдениями Е. А Земской, согласно которым суффиксация является наиболее универсальным, действующим во всех сферах современного русского языка способом словообразования (см. [Земская 1992:90]).

Суффиксация используется при образовании существительных — (1)—(10), прилагательных — (10)—(13), глаголов — (15)—(16), наречий — (17), ср.:

(1) *^мечтали о подкузьмлении мужика* (М. Салтыков-Щедрин, по: [Ефимов 1953]).

(2) [Гимназисту] — *Что у тебя глаза заплаканы? Зубреница одолела? Знать, после блинов противно науками питаться?* (А Чехов, Накануне поста).

(3) *Даже из обыкновенной табуретки можно гнать самогон. Некоторые любят табуретовку* (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, VII).

(4) *О бабочка, о мусульманка,*

В разрезанном саване вся—

Жизняночка иумиранка,

Такая большая, сия!

*С большими усами **кусава** Ушла с головою в бурнус~*

(О. Мандельштам).

(5) *Были мы люди, а стали людье*

(О. Мандельштам, Дикая кошка—армянская речь...).

(6) *..меркнет копейкой ржавой*

Всей славы моей лучинность Пред солнечной ихней славой

(А Галич, Петербургский романс).

(7) [Писателю] — *Ну, что пишешь—вечнуху или нетленку?*

(8) —*Дай-ка кувалду!*—*Это не кувалда, это кувалдофон, кувалдометр.*

(9) [Из речи эмигрантов в Канаде] *Оксана, закрой виндову. чилдренята замэрзнуть!*

(10) *Эдакий какой-нибудь канареец прямо с острова и вдруг поёт свое родное, **Канарское**. Или с Суэцкого канала и исполнит что-нибудь канальское* (Тэффи, Международное общество).

(11) *Мне мало комнаты окнатой,
Где мыслю, бодрствуя и сля* (Н. Глазков).

(12) *Улыбчивы, мурлывчивы, со многими на <<ты>>
И дружески отзывчивы Чеширские коты*
(В. Высоцкий, Песня Чеширского кота).

(13) *Смеяв и речист,
Смеист и речав,
стоит словочист у дальней плена*
(Н. Асеев, Северное сияние).

(14) *Во время антракта я выпила холодной, ужасно холодной
воды с немножечком коньяку-*. (А. Чехов, Страдальцы).

(15) —*Здорово, Петюха!* — *сказал Помоев, подходя к судейскому
столу и подавая руку—Судишь помаленьку? Крючоктворствуешь?
Суди, суди,, я погожу, погляжу,,* (А. Чехов, Интеллигентное бревно).

(16) *Иной из сил выбивается — авралит, свехурочничает,
штурмовщинству-*
ет (З. Паперный, Глагол времен).

(17) *Молокососно* (Н. Гоголь, по: [Мандельштам 1902]).

2. Большинство создаваемых окказионализмов (не только суффиксальных, но и имеющих другую структуру) создаются по аналогии с имеющимися словами и не нарушают резко существующие принципы словообразования. Серьезные нарушения этих принципов (вплоть до создания новых аффиксов) находим у В. Хлебникова, А. Крученых, В. Маяковского, ср.:

*Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели Стая легких времireй
Ну же, звонкие поюны,
Славу легких времireй!*
(В. Хлебников).

О, Сад, Сад!

*Где синий красивейшина роняет долу хвост, подобный видимой
сПавдинского камня Сибири* (В. Хлебников, Зверинец).

*Веселовница, Ворчаль, Вредведы, Гневеса; Грезилище\ Грустиня,
Гуляр; Жизнуха\ За-
рошь',Играва',Колыхиня,Лють',Мечтыня,Могатырь\ Плаква,*

Сверкалы, Смейный.; Смехач; Смеюныш-, Таены, Трепетва-, Трупарня, Умнязь; Человечиты, Шумеж (В. Хлебников, по: [Перцова 1995]).

Мы звучацы,мы звуку ем

Среди сонных му дрирей (А. Крученых).

Вот и вечер / в ночную жуть ушел от окон, /хмурый,/декабрь (В. Маяковский, *Облако в штанах*, 1).

Рассмотрим несколько подробнее четыре наиболее продуктивных типа суффиксальных окказионализмов: 1) существительные — наименования женщин; 2) существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами; 3) существительные с увеличительными суффиксами; 4) притяжательные прилагательные.

Существительные —наименования женщин

1. Довольно часто обыгрывается словообразовательное противопоставление по роду, точнее — по полу, в частности нерегулярность этого противопоставления, отсутствие одного из членов пары: муж род — жен. род. Ср.:

„скажите / вы, / калеки и калекши, где, / когда, / какой великий выбирал путь,! чтобы протоптанней / и легче?

(В. Маяковский, Сергею Есенину).

Е. А Земская [1992: 15] приводит след, аргумент Е. Ельцова против включения в словарь широко распространившегося слова *несун*: «...любопытно, как мудрые наши лингвисты предлагают именовать, скажем, задержанную на проходной мясокомбината даму, обмотавшуюся по талии сосисками. *Несушка? Несунья? Несуха?* С воровкой было куда как проще».

2. Е. А Земская отмечает, что суффиксы *-иня* и *-есса*, обозначающие лиц женского пола (типа *княгиня, поэтесса*), были до недавнего времени непродуктивными (см. [Земская 1992: 154—155]). Не случайно поэтому в наших материалах имеется лишь один окказионализм, обыгрывающий суффикс *-есса*:

(1) *„«своих» встретив, делилась [З. Гиппиус] умом и живой наблюдательностью: такой стиль был больше кличу ей, чем стиль «сатанессы»* (А Белый, Начало века).

По наблюдению Е. А Земской [1992], оба суффикса *{-иня и -есса}* приобретают продуктивность в 60-е годы. Вот несколько из приводимых ею примеров обыгрывания **ЭТИХ** суффиксов:

Как ваша йогиня?

Ей ездить к гиефине будет далеко.

У нас была одна знакомая / психиатресса.

Приказ, опубликованный «Лит. газетой» к дню 8 марта 1968 г.:

ПРИКАЗ

В связи с наступлением 8 марта мужская часть администрации «Клуба ДС» постановляет:

поздравить

а) *поэтесс*, б) *прозаесс*, в) *драматургесс*, г) *критикесс*, д) *очеркесс*, е) *переводесс*, ж) *фельетонесс*, з) *баснописцесс*, и) *юморесс*, к) *сатирикесс* и вообще всех женщин.

Администрация «Клуба ДС».

Е. А Земская полагает «вариативные производные на *-иня* и *-есса* имеют одну тональность, порождая шуточные производные, наделенные некоторой претензией на изыск *хирургиня, хирургесса*» [Земская 1992: 155]. Соглашаясь в целом с этой оценкой, мы хотели бы отметить, что, на наш взгляд, производные на *-иня* и *-есса* все-таки не вполне синонимичны: у *хирургессы* «претензия на изыск» существенно больше, чем у *хирургини*.

Существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами

1. Анна Вежицка к числу языковых черт, раскрывающих русский национальный характер, относит исключительное богатство уменьшительными формами, являющееся проявлением «весьма высокой эмоциональной температуры русской речи» [Вежицкая 1996; 47—55]. Однако и здесь есть определенные ограничения. Для их изучения языковая игра представляет большой интерес: она помогает очертить границы допустимого.

2. Ю. Д. Алресян отмечает, что диминутивные суффиксы в русском языке имеют два разных значения: 1) собственно уменьшительное значение — когда производящая основа обозначает неуникальный предмет (*домик, домишко'*) и 2) указание на положительные эмоции — по отношению не столько к описываемому предмету, сколько к адресату — когда производящая основа обозначает вещество (*съешь каши с маслицем*) или уникальный предмет (*солнышко*) (см. [Алресян 1995: т. II, 145-147]).

3. Обыгрывание диминутивных суффиксов заключается иногда в выявлении резкого смыслового различия между именем, включающим суффикс, и исходным именем, ср.:

Взросление—пожизненный урок умения творить посильный пир, а те, кто не построил свой мирок, охотно перестраивают мир (И. Губерман).

4. Чаще всего обыгрывается присоединение диминутивных суффиксов к основам слов, по смыслу плохо сочетающихся с идеей уменьшительности. Интересно, что при этом вместо уменьшительно-ласкательного значения возникает значение иронично-пренебрежительное.

Приведем примеры из проанализированных текстов.

(1) *Проекты; поэты и поэтики; гиалуненок* (М. Салтыков-Щедрин, по: [Ефимов 1953]).

(2) *Милостивые государи! Милостивые государыни! не угодно ли кому предложить: у кого на примете средствице есть?* (М. Салтыков-Щедрин, Сказки. Добродетели и пороки).

(3) *Но вот он делается чиновником; с каким вниманием, с каким простодушием выслушивает он наставления начальника и благодетеля! Не достойный ли, не презренный ли он сосуд- извините, сосудик! с каким трепетом берет он в руку бумажку, очинивает ножичком перышко, как работает его миниатюрное воображеньице, как трудится его крохотная мысль, придумывая (...) каждое выраженьице замысловатого отношеньица* (М. Салтыков-Щедрин [по: Ефимов 1953]).

(4) *Появилась головка в окне,
И поэтик ее вопрошает\
«Выли свет сообщили луне,
Или вас ее луч озаряет?»*
(Н. Ломан).

(5) *Писарь пишет в два пера
Государевы дела.
Ой ты, писарь, писарек,
Золотой твой разумок!
Ты пиши указ, пиши,
Да печати приложи,
Чтоб царинумка потом
Не заперся бы во всем*
(С. Басов-Верхоянцев, Конек-скакунок).

(6) *У них ни патриотизма, ни любви к литературе, а одно самолюбьишко* (А. Чехов—А. Н. Плещееву, 25 окт. 1888).

(7) *„как-то болезненно воспринималось сочетание интеллигентности с неврастенией-, ума с дворянскими предрассудками, бытика с бредиком* (А. Белый, Начало века. В тенетах света).

(8) *„протопопик нового сознания, Мережковский, делатель литературных бомб* (А. Белый, Между двух революций).

(9) *Нет, / не навязжусь в меланхолишке черной, да и разговаривать не хочется ни с кем*

(В. Маяковский, Юбилейное).

(10) *У стихотворца—/ корытце своё, у критика—/ своё корытико*

(В. Маяковский, Марксизм — оружие, огнестрельный метод...)

(11) *Помнится, он [Бунин] пригласил меня в какой-то —вероятно, дорогой и хороший —ресторан для задушевной беседы. К сожалению, я не терплю ресторанов, водочки, закусок, музычки — и задушевных бесед* (В. Набоков, Другие берега).

(12) *Софья Дмитриевна не терпела уменьшительных (...) и сердилась, когда муж говаривал: «У мальчугана опять кагилек, посмотрим, нет ли температурки»* (В. Набоков, Подвиг, I).

(13) *Бургомистр [взрослому сыну Генриху, шпиону и провокатору]: Ах ты мой единственный, ах ты мой шпиончик. Карьерочку делает, крошка. Денег не надо?* (Е. Шварц, Дракон, II).

(14) *Дорогие деточки,*

Тише, не кричать!

Планчик пятилеточки

Будем изучать.

Вагончик за вагончиком

По рельсикам бежит

С железом и бетончиком

К заводикам спешит

(А. Архангельский, Мы — индустриальчики).

(15) *-вот этот, вот и есть Кири-Куки, из-за которого сыр-бор загорелся. Дозвольте мне, ваша светлость, своими ручками ему глоточку перерезать* (М. Булгаков, Багровый остров, 12).

(16) —*Вот как мы тут славно шутку ем,*—говорил довольный Бахтияров,—(...) «*вес в рамочках дозволенного, вес в граничках допустимого*» (Т. Толстая, Сомнамбула в тумане).

(17) *...тут из чиста полюшка вышла ему* [собирателю трав] *навстречу красна девица, Нюра-экологитошка* (пример из: [Земская 1992]).

(18) *я сутки не сдавался* (...) *да Грунька—девка там одна — доказала, сукутка.* (А. Платонов, Чевенгур).

5. Аномальность (и комический эффект) усиливаются при сочетании уменьшительных суффиксов с именами собственными и с не совсем освоенными иноязычными словами:

(1) *Услужи, фреринька, мне, собери все наши модные слова и напечатай их* (Д. Фонвизин, Письма щеголихи к издателю «Живописца»).

(2) [Ноздрев]:—*Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безегуку* *позволь напечатлеть тебе в белоснежную щеку твою!* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, VIII).

(3) *опрашивали, нет ли Поль-де-Кокца в переводе почитать* [вм. *Поль-де-Кока*] (М. Салтыков-Щедрин).

(4) *А мы к вам, шарманочка!* — *продребезжал генерал, довольный тем, что сумел по-своему переделать слово «charmante»* (А. Чехов, Герой-барыня).

(5) *Если Дарий* [персидский царь] *делал замечание нерадивым слугам, те хором отвечали ему по его же наущению: «А ты, Дарьюшка, помнишь ли об Афинянах!»* (Тэффи, Древняя история).

(6) —*Да-а. Узнает теперь этот Константинополишка Николая Сырцова! Ей-бо, право!* (А. Аверченко, Аргонавты и Золотое руно).

(7) *Мережковский, Д. С.—Аввакумик, в салоне своем вопиющий* (А Белый, Начало века).

(8) *Подробно вопрос о Вальтере Скотте, о созданной им на русской почве традиции, о влиянии русских «вальтер-скоттиков» на Гоголя я рассматриваю в отдельной работе* (В. Виноградов, Гоголь и натуральная школа).

(9) *Ну, француз, конечно, речь говорит» на скорую руку спичишко. Шампанское, натурально* (М. Булгаков, Театральный роман, 5).

(10) *Всё у них о'кэйчик, живут припеваючи, над нами, дураками, посмеиваются* (Т. Толстая, Чистый лист).

в. Создание комического использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов имеет давнюю традицию, оно широко распространено и в Древней Руси, например у протопopa Аввакума (*Бедной, бедной гиртишко! Что ты над собою зделал? \ Глуп ведь я гораздо. Так, человекенко ничему негодной*) и особенно — у Ивана Грозного. Его склонность к актерству и скоморошеству (по выражению Д. С. Лихачева), к уничижительным самоназваниям выражается чаще всего именно в употреблении уменьшительных суффиксов. Так, в письме к своей марионетке Симеону Бекбулатовичу он пишет «государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев со своими детишками с Иванцом и с Федорцом, челом бьют... Окажи милость, государь, пожалуй нас!», упоминая далее “вотчи-нишки”, “поместышки”, “хлебишко”, “деньжонки”, “рухлядишко” [Лихачев 1979].

Существительные с увеличительными суффиксами

Существительные с увеличительными суффиксами обыгрываются несравненно реже, чем существительные, включающие уменьшительно-ласкательные суффиксы. Значение существительных с увеличительными суффиксами Ю. Д. Апресян определяет след, образом: “говорящий небезразличен к величине бинтенсив-ностис X-а и хочет заразить своим небезразличием адресата” [Апресян 1995: т. II, 146—147]. Игра заключается в присоединении суффикса к основам существительных, с которыми он обычно не сочетается. Ср.:

(1) *шалунице; балтунице; написано... не глуповато, а глуповатице* (М. Салтыков-Щедрин, по: [Ефимов 1953]).

(2) *Ну, будьте живеньки, здоровеньки, актрисица лютая* (Письмо А Чехова

О. Л. Книппер).

(3) *Я знаю, что был Гомер,*

Елена и павшая Троя.

Муза, музигца, /Плоской ступней шагала,

Говоря во все горло.»

(М. Кузмин, Базилид).

(4) *Адице города окна разбили*

на крохотные, сосущие Светами *адкй* (В. Маяковский, Адище города).

(5) [О сатирике Жванецком] *Какой же он сатирик? Он сатир, сатирище!* (Алла Пугачева).

Существует мнение, что с присоединением увеличительных суффиксов значение существительных не претерпевает существенных изменений. Приведенные выше примеры убеждают в том, что это не совсем так. Особенно интересны в этом отношении образования с суффиксом *-ищ-* от имен собственных в детской речи, где кроме значения увеличительности явно содержится отрицательная оценка описываемого лица, ср.:

[Минька и его старшая “длинновязая” сестра Лёля пробуют сласти, висящие на елке]: *Она встала на цыпочки и своим большим ртом стала поедать вторую пастилку. А я был удивительно маленького роста. И мне почти что ничего нельзя было достать.,, кроме одного яблока, которое висело низко. Я говорю:*

—*Если ты, Лёлища, съела вторую пастилку, то я еще раз откушу это яблоко* (М. Зощенко, Лёля и Минька).

Притяжательные прилагательные

В современном русском языке притяжательные прилагательные редки, их судьба “лишена перспектив” [Виноградов 1972:167]. Этот прогноз оправдывается: Е. А Земская из 3000 новообразований, зафиксированных в словаре “Новое в русской лексике. Словарные материалы-81. М., 1986”, нашла лишь одно притяжательное прилагательное—*Гулливеров* (см. [Земская 1992:75]). Яркое (но, вообще говоря, вполне естественное) свидетельство непродуктивности притяжательных прилагательных — тот факт, что их использование в языковой игре встречается редко и производит особенно сильный художественный и комический эффект. Ср.:

(1) [О Медном Всаднике]:...*зыбкая полутень покрывала Всадниково лицо\ и металл лица двусмысленно улыбался* (А Белый, Петербург, 5).

(2) ...*Скажи, чтоб явились они.*

Постановленья неси исполкомово (В. Маяковский, Про это, I).

(3) *Кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево* (Вл. Владим).

(4) *Зое очень-очень хотелось пасть в кровавые хирурговы объятия. Но инженер — тоже хорошо* (Т. Толстая, Охота на

мамонта).

Аномальность (и комический эффект) усиливаются в случае, если в качестве прототипа берется заимствованное слово:

(5) *Самогоном упился метранпаж. Лишь свистят под ротационкой ноздри мет-ранпажины* (В. Маяковский, Газетный день; пример из: [Виноградов 1972]).

(6) *Быть Сены полосе б Невой!*

Грядущих лет брызгой хожу по мгле по Сеновой всей нынчести изгой

(В. Маяковский, Про это, II).

(7) *-вскоре весь цивилизованный мир был успокоен телеграммой таймова корреспондента* (М. Булгаков, Багровый остров, 4).

Префиксально-суффиксальный способ

Используется (правда, достаточно редко) для образования существительных —

(1)—(9), прилагательных — (10)—(13), глаголов — (14)—(18).

(1) *Бессапожье* (Н. Гоголь, по: [Мандельштам 1902]).

(2) —*На безрыбьи и ракрыба! На бесптичьи и Бальмонт соловей!* (О. Д'Ор, Русская история).

(3) *А за волжским доисторичьем кресты, да тресты J да разные щентро»*

(В. Маяковский, По городам Союза).

(4) *Озубыши* [о пеньках зубов] (Т. Толстая).

(5) *неякшание\ несование носа* (М. Салтыков-Щедрин, по: [Ефимов 1953]).

(6) *Непокоренец* (В. Хлебников).

(7) *Свобода идет Неувяда*

Пожаром вселенской души (В. Хлебников, Ладомир).

(8) *Мы бросили мир хныкачей и ушли в за-ойный,*

Безнюнный, мы—заойники

(А Крученых).

(9) *Это вызывает ожлобление народа* (А Кнышев, Уколы пера).

И -1789

(10) *Разведи там, на могиле,, какую-нибудь мантифолию поцицеронистей, л уж какое спасибо получишь!* (А Чехов, Оратор).

(11) *Приеду я в Биарриц оборванцем,, с расчетом — купить себе шкуру пофранцузи-стей* (А Чехов — А С. Суворину).

(12) [О художниках АХРР] *Небось / не напишут /мой портрет <...> рисуют / кто / по-цекистей* [от слова ДК] (В. Маяковский, Верлен и Сезан).

(13) *Говорю, давай путевку вытиси,*
Чтоб” гсудя подале, дя посеверней (А Галич, Жуткое столетие).

(14) [О Собакевиче] *...неладно скроен, да крепко сшит.Л Родилсяли ты уж такмедве-дем, или омедведнла тебя захолустная жизнь, хлебные посевы, возня с мужиками- ?* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, V).

(15) *Спридворничать* (М. Салтыков-Щедрин, по: [Ефимов 1953]).

(16) *Пусть сосны бурей омамаены*
И тучи движутся—Батый (В. Хлебников).

(17) *Измельчал / и обеззубел,*
обэстетился сатирик

(В. Маяковский, Мрачное о юмористах).

(18) *...одна полная женщина, которой было плохо видно, влезла на бочонок с сельдью и отцицеронила (...)* горячую речь (Т. Толстая, Сомнамбула в тумане).

(19) *Жуковский в «Войне мышей и лягушек» сказал «и надолго наш край был обезмы-шен»* (В. Ходасевич, Русская поэзия. Обзор).

(20) *Если законно созданы такие глаголы, как «обрамлять» и «облагораживать», то и северянинское «окалошить» не менее законно* (В. Ходасевич, Игорь Северянин и футуризм).

Из более редких явлений отметим необычное употребление русских словообразовательных приставок и суффиксов в иностранных собственных именах, этнонимах (названиях народов, племен и т. п.), географических названиях. Ср.:

(21) *Ну какой Людовик вас к себе пустит, будь он хоть распродвадцатый. Да вы и разговаривать-то по -людовиковски не умеете-* (Тэффи, Монархист).

(22) Шутка-пророчество из сборника [1001 избр. анек]:

2000-й год. Крупный заголовок в газете «Нью-Йорк тайме»:
Колхозники Техасци-ны, Мичиганицины и Примиссисинья

перевыполнили план по весеннему севу.

Обратное словообразование

Этот способ обыгрывается крайне редко. Он заключается в «незаконном» отсечении префикса, суффикса или основы.

1. Удивляют говорящих своей нерегулярностью образования с префиксом *не*. Вот несколько примеров обратного словообразования (отсечения псевдопрефикса *не*) из детской речи:

(1) —*Ты такая неряха!*

—*Ладно, я буду ряха!*

(2) —*Ах, какие обезьяны уклюжие!*

(3) **Чаянно** (К. Чуковский, От двух до пяти).

(4) *Я (...) украдкой взглянул на нос Джорджа. Нос как нос,—во всяком случае, никаких **поправимых** изъянов я в нем не обнаружил* (Джером К. Джером, Трое в лодке, не считая собаки, в пер. М. Донского и Э. Линецкой).

2. Можем указать также детскую игру в «Женихи и невесты», заключающуюся в подборе способом обратного словообразования несуществующего члена пары:

Кто жениху кукушки?—Кукуш.

Урусалки?—Русал.

У подушки?—Подуш.

У игрушки?—Игруш.

У солонки? — Солон.

У технички?— Техник [Гридина 1996:82—83].

3. В детской речи иногда усекаются суффиксы, ошибочно принимаемые за уменьшительно-ласкательные: *шиша* (большая шишка), *одуван* (большой одуванчик), *коша* (внушающая уважение кошка).

4. Комический эффект производят своей аномальностью новообразования, возникающие в результате усечения основы слова. Сохраняющаяся при этом начальная часть слова (префикс) или конечная часть (суффиксоид или суффикс + окончание) приобретает статус родового наименования:

(5) *В десять часов начинает вползать с улицы в переднюю маленький человек, или, как изволит называть его -ство, «субъект»* (А. Чехов, Лист) — *его -ство* = «его превосходительство, высокопревосходительство, сиятельство и т. д.»

(6) *Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я.*

*кто в глав, кто в ком. кто в полит, кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.*

(В. Маяковский, Прозаседавшиеся).

Еще несколько примеров — из [Земская 1992:196—197]:

(7) *Но, видимо, свершилось здесь и некоторое «пере»* (Коме, правда).

(8) *Наконец поход окончен, едут в электричке домой»А дома целую неделю отмываться, отсыпаться, отъедаться» и еще десять «от»* (Коме, правда).

(9) *Ларингологи, невропатологи, ревматологи, эндокринологи, профпатологи и прочие «ологи» ограничили сферу деятельности терапевта* (Мед. газета).

(10) —«*Ступайте и займитесь чем-нибудь алогическим».* Миссис Гредграинд не отличалась ученостью и, посылая детей учиться, ограничивалась обычно этим общим распоряжением о выборе занятий (...)— я сама слышала» как вы проходили с учителем *горение, окисление, обьизвестление* и всякого рода *ения*, которые могут сума свести несчастного слабого человека» (Ч. Диккенс, Тяжелые времена).

Контаминация

1. Интересный (и часто применяемый в ЯИ) словообразовательный прием — контаминация. Это “сплав” двух слов или частей слов (более удачным термином было бы слово скорнение (термин В. Хлебникова) или же слово гибрид, которым именует это явление В. Набоков,—см. ниже пример (12)). “Контаминация как разновидность словообразования принадлежит к явно искусственным, если она намеренна, или к “патологическим”, если она бессознательна, способам номинации” [Журавлев 1982: 86]. Единого понимания контаминации в русистике нет. А. Ф. Журавлев выделяет два структурных типа контаминаций: 1) “агглютинация” сегментов двух слов по формуле $A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(=ac)$, напр. *бестер* (из *бе-луга + стер-лядь*) или $A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(=ad)$, *мопед* (из *мотоцикл +*

велоси-пед); 2) междусловное наложение: A(=ab) + B(=bc) -> C(=abc), напр, *стрекозел* (из *стрекоза* + *козёл*) [Журавлев 1982: 86—88]. Е. А. Земская считает междусловное наложение, когда оба слова сохраняются полностью, но “наезжают друг на друга” (напр., *заходерзость* — из *Заходер* + *дерзость*) особым словообразовательным приемом. С другой стороны, она включает в контаминации такие образования, где одно слово (или его часть) вклинивается в середину другого слова (*посредствия* из *последствия* + *средство*; *пережитки* прошлого — из *пережитки* + *жаты*) [Земская 1992: 191—192]. Мы используем широкое понимание контаминации, включая сюда все три перечисленных приема. Их сближают два обстоятельства: 1) формально в новообразовании представлены, хотя бы одной буквой (точнее, фонемой), оба исходных слова; 2) в значении новообразования сложным образом переплетаются значения обоих исходных слов. Контаминация довольно часто используется для усиления выразительности речи или для создания комического эффекта. “Избегайте **пастернакипи** и **мандельштам-па**”, — предостерегал в 1928 году молодых поэтов... И. Сельвинский, умело используя контаминации: *Пастернак* + *накипь*; *Мандельштам* + *штамп* (Рус. лит. XX в.).

2. Глубокие наблюдения над игрой смыслов в контаминации содержатся в работах М. В. Панова [1971; 1975], В. П. Григорьева [1986] и др. исследователей.

Приведем несколько примеров контаминации:

фортификация (из *фортификация* + *фикция*); *дегенерал* (из *дегенерат* + *генералу*); *журналглист* (из *журналист* + *глисту*); *ошибка врача—эскуляпус* (из *эскулап* + *ляпус*); *порнографоманка* (из *порнография* + *графоманка*);

человек, который завещает свое тело университетской клинике —филантруп.

(Все приведенные примеры — переводы на русский язык польских шуток, которые содержатся в интересной работе [Buttler 1968],—еще одно доказательство преувеличенности мнения о непереводаемости языковых шуток)

Еще примеры.

(1) *Мартобря 86 числа, между днем и ночью* (Н. Гоголь, Записки сумасшедшего).

(2) *Зла и сверлива как буравчик* (Ф. Достоевский, пример из: [Щербина 1958]).

(3) *Мордальон* (А Аверченко); *Дерьмовочка* (А Кнышев).

(4) — *Скликайте ваших профессоров! Пускай они сделают конвульсиум и дадут справку, что я—живой!!!* (В. Ардов, С того света).

(5) *лиурин очень меня зовет в торговую сеть. Там, понимаешь, надо не ерундицмо и не диссертации ваши, а голову нужно иметь* (В. Ардов, Тяга к науке).

(6) *Генерал от инфарктерии; пустамент* (С. Михалков).

(7) *Лживопись; Натюрморд; Уединенция;*

(8) *Дожил до внуков. Впал в «детство»* (Эмиль Кроткий).

(9) *Каламбуркул.* (И. Ильф, Записные книжки).

(10) [О дирижаблб]: *Дирижаворонок, дирижабрами дыша, дирижаблоком повис* (С. Кирсанов, по: [Гридина 1996]).

(11) *Обо всем понемножку-. /про мейергоголевского «Ревизора» /и зловредную гармошку* (А. Архангельский) — обыгрывается фамилия режиссера Мейерхоolda, поставившего «Ревизор» Гоголя.

(12) *..мне запомнилось [в стихах начинающего поэта] трогательное упоминание о «фресках Врублева» — прелестный гибрид- [из Врубель + Рублев]* (В. Набоков, Дар, I).

(13) *Кресловутый* бюрократ [кресло + пресловутый]; *в духе квасицизма [классицизм + квас];рахитектурный ансамбль* (Даниил Аль, по: [Земская 1992]).

(14) *Тостопримечательность; хамильярный человек* (примеры М. У. Калниязова).

(15) [Леший]:

— *Такие дела: Лешачиха со зла,*

Лишив меня легиевелюры,

Вчера из дупла на мороз прогнала—

У ней с водяным шуры-муры (В. Высоцкий, Куплеты нечисти).

(16) *Снуют людюшки в ужасе По правой стороне,*

А мы во всеоружасе

Шагаем по стране

(В. Высоцкий, Баллада об оружии).

(17) *Нам бермуторно на сердце И бермутно на душе*

(В. Высоцкий, Письмо в редакцию...).

(18) *Еще настолько близко к смерти мы не бывали, друг и брат. Герой-стратег наш глобус вертит а сокращенно--Герострат* (И. Губерман).

(19) *Сионанизм* (из *сионизм* + *онанизм*) (И. Губерман).

(20) *Чубаучер* (из *Чубайс* + *ваучер*) (пример из: [Какорина 1996]).

(21) *Кока-колонизация* (из *кока-кола* + *колонизация*) (пример из: [Земская 1996]).

(22) *Можно было бы просто забыть обо всём
И часами глядеть в нику дали* [из *никуда* + *дали*]
(Саша Соколов, Между собакой и волком).

(23) *Приспособленинец* [из *приспособленец* + *ленинец*] (А Кнышев, Уколы пера).

(24) *Приступ ностальгии: эмигрень* [из *эмиграция* + *мигрень*] (А Кнышев, Уколы пера).

(23) —*Как? Разве вы женаты?*

—*Венчально, но факт* (из *венчаться* + *печально*).

Особое пристрастие к контаминациям питает А Вознесенский. Несколько примеров:

(26) [О кабаньем застолье]

Кабарыгини порхают меж подсвечников.

Копытца их нежны, как подснежники.

Кабабушка тянется к ножу («Кабанья охота»).

(27) *Клеенщица-конкурентица:*

«*Ты докарикатурекаешься!*»

(«В темном углу районного крытого рынка»).

(28) *Собакалиписис* (из *собака* + *апокалиписис*).

(29) *Стоял Январь, не то Февраль, какой-то чертовый Зимарь.*

Я помню только голосок над красным ротиком парок и песенку:
«*Летят вдали красивые осенебри,*

но если наземь упадут, их чело~~во~~лки загрызут»

(Песенка травести из спектакля «Антимиры»).

3. Иногда мы имеем дело с невольной контаминацией, чаще всего результатом неграмотности или простой опечатки, ср.:

(1) *Решено было не допустить ни одной ошибки Держали двадцать корректур. И все равно на титульном листе было напечатано: «Британская энциклопудия»* (И. Ильф, Записные книжки) [энциклопедия + пуд].

(2) *На титуле книги: Эта книга издана без очепятков*

(3) *Сессиально озабоченный студент* (Журн. «Крокодил», 1996) [сексуально + сессия].

Впрочем, опечатки трудно отделить от широко распространенной «игры в опечатки», ср.: *бальзамовский возраст* (пример из [Норман 1987:182]); *полное собрание сочинений* (пример из: [Щербина 1958]). См. также некоторые из приведенных выше и приводимых ниже примеров.

4. Мы привели примеры «классической» контаминации, когда соединяемые слова формально «равноправны» и новообразование подобно сиамским близнецам (*Заходерзости, дегенерал*). Встречаются и другие типы контаминации. Рассмотрим два из них.

«Включение»

В середину одного слова (основного, «базового») вклиниваются элементы другого слова (имеющего, как правило, отрицательную окраску). Получается некий гибрид — не только формальный, но и смысловой: говорящий намекает на смысловое родство этих двух слов — с целью дискредитации описываемого. Ср.:

(1) Книжное *оборzenie* [в *обозрение* вклинивается *борз(ый)*].

(2) *Оператявка* (пример из: [Гридина 1996]) [в *оперативка* вклинивается *тявк(ать)*].

(3) *Сказочно плохая продукция: скатерть-саморванка* (Эмиль Кроткий) [в *самобранка* вклинивается *рва(ть)*].

(4) *И физиомордия, знаешь,, такая тово~ внушительная* (А Чехов, Староста) [физиономия + морд(а)].

(3) *далеко идущие средства* [последствия + посредственной].

(6) *принцип наибольшего благопрепятствования* [благоприятствование + препятствовать].

(7) *Ханастезиолог* (Журн. «Крокодил», 1996) [хана + анестезиолог].

(8) *Памятник Первопечатнику* (И. Ильф, Записные книжки) [первопечатник + опечатк{а}].

«Народная этимология»

Этот прием, пользующийся после Лескова особым вниманием лингвистов, внешне напоминает контаминацию, ср. контаминации *дегенерал,, приматонна* и классические образцы «народной

этимологии» {*спинжак*) и игры в нее (*гульвар*, *мелкоскоп*). Различие между ними касается значения: результатом контаминации является сплав значений двух слов (*дегенерал* = ‘генерал-дегенерат’⁵), результатом «народной этимологии» — метаязыковое высказывание, устанавливающее этимологию слова (ошибочную), попытка установить соответствие между формой и содержанием, скорректировать внутреннюю форму слова: *гульвар* — место для гуляния [не: *бульвар* + *гулять*], *мелкоскоп* — устройство для наблюдения за мелкими предметами [не: *микроскоп* + *мелкий*]. Следует, однако, признать: там, где «народная этимология» содержит оценку—*клеветой* (вм. *фельетон*), *долбница умножения* (вм. *таблица умножения*), разница между контаминацией и «народной этимологией» сглаживается. Чтобы избежать повторов, не будем приводить здесь другие примеры «народной этимологии», они даются в Приложении И.

Аббревиация

В настоящее время обыгрывание аббревиации для создания комического эффекта встречается редко. Широкое распространение оно имело после октябрьского переворота. В известном стихотворении В. Маяковского «Прозаседавшиеся» обыгрывание аббревиации — один из основных художественных приемов, ср.:

Снова взбираюсь глядя на ночь На верхний этаж семиэтажного дома.

«Пришел товарищ Иван ВанычР» —

«На заседании

А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кама».

Замком по морде (заместитель командующего по морским делам).

Глаепивнаф—*Главное управление пивной и парфюмерной промышленности* (В. Ардов).

Шутливо-ироническая расшифровка графического сокращения *ВЛКСМ* — *веляку съем*.

♦Фокус-покус прием»

Рассмотрим необычный способ экспрессивного словообразования, давно обративший на себя внимание исследователей, но называемый ими по-разному: «фокус-покус прием», «повтор-отзвучие», «эхо-конструкция» (см. [Земская — Китайгородская — Розанова 1983: 193—194; Земская 1992: 87—88]).

Прием заключается в том, что какое-либо слово «повторяется с изменением начального звука или группы звуков, например: *фокус-покус, страсти-мордасти*,. Получается своеобразный рифмованный прицеп, как бы отзвучие к базовому слову» [Янко-Триницкая 1968: 48—52]. Многие исследователи предполагают, что «прием рифмованного эха (...) распространяется в русской РР (разговорной речи—Я С.) под влиянием тюркских языков. Во всяком случае он представлен прежде всего у лиц (для которых родной язык русский), как-то связанных с Кавказом, Средней Азией, югом России, а также живущими в соседстве тюркского населения» [Земская — Китайгородская — Розанова 1983:193]. Хотя исследователи разговорной речи утверждают, что эхо-конструкции имеют разную семантику или «могут быть лишены какой-либо семантики» [Земская — Китайгородская — Розанова 1983: 193], однако приводимый ими богатый материал говорит о том, что в абсолютном большинстве случаев это конструкции снижающие. Поскольку у говорящих существует, как мы уже отмечали, представление о строгой связи между формой и содержанием, постольку обыгрывание облика слова — присоединение к слову его искаженного двойника (в виде приложения или сочиненного члена), посягательство на форму, разрушение ее, воспринимается и как посягательство на соответствующее содержание. Результат—снижение, а то и дискредитация самих понятий. Несколько примеров.

(1) [Рассказ Ноздрева о бале] ...*одна была такая разодетая, **рюши** на ней, и **трюгии** и черт знает чего не было* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. I, IV).

(2) [О Разине и персидской княжне]:

И уроком поздних лет Прогредел его обет:

*«К **богу-могу** эту куклу!*

Девы-ме вы, руки-муки,

Косы-мосы, очи-мочи!

Голубая Волга — на!

Ты боярами оболгана!*

(В. Хлебников, Устрел Разина).

(3) —*Я Мишка,—и он ткнул меня пальцем,—все рассказывал о вас- Сядет, говорит, за стол и рассказывает- Часа три битых*

говорит- И политика, ималитика, и история-кистория- (А. Бухов, Громоотвод).

(4) *-его [Чернышевского] отец, добрейший протоиерей, нечуждый садовничеству, занимает нас обсуждением саратовских вишень, слив, глив* (В. Набоков, Дар, IV).

(5) — **Я все-то у них дурь в голове! Пикники да микники! Нет, чтобы о старухином здоровье толком порасспросить* (Тэффи, Причины и следствия).

Интересно дальнейшее развитие приема — усложнение его за счет обценных, матерных элементов. В несколько замаскированном виде эхо-конструкции этого типа используются А Солженицыным в «Одном дне Ивана Денисовича»:

(6) *Шесть их, девушек,, в купе закрытом ехало, ленинградские студентки с практики. На столике у них маслице да фуяслице, плащи на крючках покачиваются, чемоданчики в чехолках-*

(7) — *Хорошо положили, я? За полдня. Без подъемника,, без фуемника.*

То, что эхо-конструкции связаны с дискредитацией описываемого, казалось бы, очевидно. Поэтому не совсем понятен для нас пример из стихотворения

В. Маяковского «Служака»:

А на стенке декорацией Карлы-марлы борода.

Вряд ли «беспартийный большевик» Маяковский хотел здесь выразить отрицательное отношение к Карлу Марксу.

В целом этот прием экспрессивизации в художественной речи занимает не столь заметное место, как в речи разговорной.

Словосложение (новообразования от словосочетаний)

Часты новообразования от сложных слов и словосочетаний (в том числе развернутых). Это согласуется с наблюдениями Е. А. Земской, которая отмечала, что в современном языке сложные слова разных типов (особенно прилагательные) «составляют одну из самых обширных групп новой лексики» [Земская 1992: 41-44].

1. Словосложение как способ образования неологизмов широко распространен и в XIX веке. Особенно часто этот прием использует М.

Салтыков-Щедрин для образования существительных — (1), прилагательных — (2), глаголов — (3):

(1) белибердоносцы, клоповодство\ мелкоплавание\
пенкоснимательство; рыло-кошение;

(2) ерундоносная братия, чернилоносное чиновническое воинство\
плюхопросящий тощ ассенизационно-любоэрастная газета; слабо-
дуло-либерально-пьяный помещик; нагло-истерически-
пустопорожные статьи

(3) умонелепствовать; дугоедрянствовать\
натяфтяфкать\
сцацарапать (примеры заимствованы из [Ефимов 1953]).

Приведем еще часть шуточного стихотворения Кифы Мокиевича из журн. «Стрекоза», предельно насыщенного неологизмами этого (и не только этого) типа и, тем не менее, вполне понятного:

Вошел усносец небрежно,

Сморкалище дланью утер,

На печеначальницу нежно Затем устремил он свой взор.

*Под действием этого взора Она к водкодавцу пошла И
водковместилище скоро Оттуда с собой принесла.*

*Селедку в восторге немалом Она подала с огурцом И тыкало
вместе с резолом На стол положила потом-*

(Далее—описание пиршества, которое, несмотря на идиллическое начало, окончилось весьма печально):

И печеначальница злости Была равномерно полна—

И гостю погладила кости Печным горшкодержцем она.

2. Если в XIX веке особенно часто и успешно использовал прием словосложения М. Салтыков-Щедрин, то в литературе XX века наиболее интересные эксперименты с применением этого приема находим у В. Хлебникова. Вот некоторые из его неологизмов, приводимых в «Словаре неологизмов Велимира Хлебникова» Натальи Перцовой [1995] (неологизмы с первым элементом *полу-* приводятся ниже, на с. 172—173):

*воздухолет; главнонасекомствующий; длинноречивец; звероокий;
кровоумыйца; кумирообразный; лейб-вестник; лже-солнце, небохвост;
облакоход; подобнозвучный; перволюди; пулелюди; птицезвериный;
свирепоокий; свободождный; смелоликий; судьбоплавание;
тайнодержец; тарарапиньпинькнуть; трупноокий.*

3. Приведем другие примеры обыгрывания новообразований этого типа в наших материалах. Отметим два обстоятельства: 1) словосложение сочетается в ряде случаев с суффиксацией; 2) абсолютное большинство новообразований — существительные и прилагательные; глаголы крайне редки (примеры (4), (27)):

(4) *На одном из поездов видел Созю Ходаковскую: мажется, красится во все цвета радуги и сильно окозикоодохлалась* (А. Чехов — Чеховым, 11 мая 1887).

(5) *-можете быть убеждены в том, что из вашей пьесопекарни выйдет большой толк* (А Чехов — И. Л. Леонтьеву, 9 июня 1888).

(6) *-старуха Пылинкина подмигивала несколько раз этому густобровому молодцу. Очевидно, дело с новенькимляמידелямезончикам намази* (А Аверченко, Четверг).

(7) *Снова Бога обижают Сквернопением в стихах* (Саша Черный, Kinderbaisam).

(8) *Если ж/с безработы /загруститя-* (В. Маяковский).

*Вперед!/Коммуну / из времени / вод
не выловишь/золото-рыбкою*

(В. Маяковский, Марш ударных бригад).

(9) *Снова снегами огрёб тысяче -миллионно -крыший
Волжских селений гроб.*

(В. Маяковский, Сволочи).

(10) Победоносиков: *..шьяешься по чужим кварЬирам (...)* *Не могла себе даже хахалей найти сообразно моему общественному положению. Шкодливая юбко-носица!* (В. Маяковский, Баня, IV).

(11) *Скалозубый, нагловзорый*

Пушкин — в роли Командора?

(М. Цветаева, Стихи к Пушкину, 1).

(12) *~он [писатель] сам на себя не надеялся, создавая слабые, маловысокохудожественные книги* (М. Зощенко, Бедная Лиза).

(13) — *Обидно очень. Слезы, говорит, глаза застилают. Люди—какие малосердечные* (М. Зощенко, Трезвые мысли).

(14) *...на крылечко домика на бывшей Соборной, а ныне Карларадековской улице, вышла повязанная платочком женщина* (М. Булгаков, Роковые яйца, V).

(13) *Машина была малолитражная, шофер —многолитражный* (Эмиль Кроткий).

- (16) *Выговороносец* (Эмиль Кроткий).
- (17) *От секс-бомбы нужно прятаться в секс-убежище* (КВН).
- (18) *Атаманиша-тихоня телефон-автоматной Москвы* (А. Вознесенский, На плотях).
- (19) *Все репутации подмочены.*
Трещи,
Трехспальная кровать
(А. Вознесенский, Ода сплетникам).
- (20) *Против кого ты прешь?*
Против громады, Эрнст!
Против—
четыремиллионнопятисорокасемитысячевосемь-
сотдвадцатитрехквадратнокилометрового чудища
(А. Вознесенский, Неизвестный — реквием в двух шагах, с эпилогом).
- (21) *Евг. Сазонов — дуغيلюб и людоед* (Вл. Влади́н).
- (22) *Н. сдвинул краешек рукава: выглянуло массивное золотое вре́мяхранилище. И ремешокдорогой* (Т. Толстая, Чистый лист).
- (23) *А товарищ-то Бахтияров оказался человеком круглым, мягким, кита́йцеобразным, даже каким-то славне́ьким с виду* (Т. Толстая, Сомнамбула в тумане) [по аналогии с яйцеобразным].
- (24) *Здесь с полслова понимают, не боятся острых слов,*
Здесь с почетом принимают ошорви-сорви-голов (В. Высоцкий, Баллада о вольных стрелках).
- (25) [Н. Ильина сердится на мужа, профессора А. А. Реформатского за его «прибедне-ния»]: *«Хватит. Перестань. Типичный Фома Опискин!» Или: «Ну, опять начинается фомизм-опискизм!»* (Н. Ильина, Реформатский).
- (26) *Придумал его [слово авоська] юморист В. С. Поляков (...)*
Сам Владимир Поляков рассказывал мне об этом с гордостью и несколько уязвленной авторской обидой. Я сказал. «Это тогда она была авоська, сегодня ее надо было бы уже назы-
вать не авоська, а нифигаська» (З. Паперный, Птичка голосиста).
[Видимо, пе-рестойка явилась причиной того, что русский язык не обогатился новыми словами типа *нифигаська, нихераська*]
- (27) *XIзаповедь: «Не прелюбословь!»* (С. Лец).

(28) В Австралии где-то возреял **нина-андреевский** флаг [по имени ярой большевички Нины Андреевой] (В. Коротич).

(29) **козьмапрутковскому персонажу** («Нез. газ.», 26 дек. 1992 г.).

(30) **Орденонпросец, окладаискатель** (примеры из: [Гридина 1996]).

(31) **Жители Кривого Рога и Санкт-Петербурга — криворожцы и гфиворожцы, Санкт-петербуржцы и Санкт-петербуржуйки** (И. Виноградский).

Необычное значение относительные прилагательные — окказионализмы имеют в след, фразе из «Других берегов» В. Набокова:

(32) В. И. Рукавишников умер, оставив «миллионное состояние и петербургское свое имение Рождествено (...) с несколькими стами десятин великоленных торфяных болот, где водились замечательные виды северных бабочек да всякая **акса-ково-тургенево-толстовская дичь**».

Необычность (трижды повторенная) заключается в том, что каждая из частей сложного прилагательного имеет не те значения, которые обычно приписывают относительным прилагательным этого типа. Определительная конструкция значит здесь примерно следующее: «Дичь, описываемая в произведениях Аксакова, Тургенева, Толстого».

4. Для создания комического эффекта и для усиления выразительности особенно часто используется морфема *полу*, о которой мы уже говорили выше. Приведем несколько окказионализмов, включающих морфему *полу*:

(1) *Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец*

(А. Пушкин, На гр. М. С. Воронцова).

(2) *И расползаются полупоступки,
Полуслова, уловки и уступки,
И царствует Спасительная Ложь!*

(Ю. Ким, Профессор Фауст).

(3) —*Ну что, почти полупочтеннейший мой Иван Северьяныч! Каковы ваши дела?* (Н. Лесков, Очарованный странник, X).
Окказионализмы этого типа встречаются, по наблюдениям Е. А.

Земской [1992:45], и в русском языке нашего времени: *полуответственный товарищ, полуруководящие лица*.

Сходное значение элемент *полу* имеет в ряде неологизмов Велимира Хлебникова, ср.:

Волга всегда была вашей кормилицей,

*Теперь она в **полугробу** («Трубите, кричите, несите!»).*

В «Словаре неологизмов Велимира Хлебникова» ([Перцова 1995]) приводится 44 сложных слова, в состав которых входит элемент *полу*. Среди них не только существительные (типа *полузаяц, полугадина, полудети, полумать, полуклятва, полуочи, полуплены, получужестранец,, получение*), но и наречия, глаголы, прилагательные (качественные и относительные), напр.: *полубоязливо, полугреться, полуповернуться, полупоймать, полустарый, полуважный, полузабытый, полуже-лезный, полуморской*.

5. Дублирование основы сравнительно редко*.

(1) *Обыкновенно женщины худо понимают плоскости и пошлости, она [А. О. Смирнова] понимала их и радовалась им, разумеется, когда они были **не плоско-плоски и не пошло-пошлы** (П. А Вяземский).*

(2) *^мы уже возвращаемся в освещенный дом, ступая гуськом по узкой тропе среди сумрачных сугрубов с тем **скрип-скрип-скрипом**, который, бывало, служил единственной темой зимней неразговорчивой ночи (В. Набоков, Весна в Фиальте).*

(3) *Брезультате житейских бурь*

Сам себе могилу копай»

Не хочу!.. А хочу — буль-буль,

И дым-дым, а потом — бай-бай!

(Н. Глазков).

6. Говорящие подмечают, что в ряде случаев затруднена замена части сложного слова другой, даже близкой ей по значению, ср.:

*..Лёля была очень такая высокая, **длинновязая** девочка [вместо: долговязая] (М. Зощенко, Лёля и Минька).*

7. Широкое распространение в современном русском языке получили новообразования типа *радиодискуссия, киносериял*. Е. А. Земская отмечает «агглютинативный характер» присоединения аналитических прилагательных друг к другу: «Нередко встречаются единицы, включающие два-три таких элемента: *ремстрой-участок*,

райзаготконтора (...) На границе слов-морфем не происходит взаимоприспособления, шов чист и прозрачен. Аналиты скрепляются меж собой, как части детского строительного конструктора,—легко и свободно» [Земская 1992:59].

Обыгрывание этого приема началось еще в начале века: в *стерео-фото-кине-мато-скопо-био-фоно* и проч. -*графе* (Тэффи) —и продолжается в наши дни. А Вознесенский написал целую «Видеопозму» (цит. По: [Земская 1992]). Большая часть приводимых здесь окказионализмов — существительные, но есть и глаголы:

Мой подельник

открывал продажу видеоденег,

Ведро видеорублей стоит 5 золотых угрей.

Видеоатлеты. Видеопобеды.

За видеоденьги—видеообеда.

Видеоподписка. Видеоотставка.

Продается видеомужик с приставкой (...)

Видеозаботы Видеосвободы В видеосубботу семеню С видеоработы в видеосемью.

Видеоскотина, пои нас молоком!

Видеоскандируем, видеоживем. (...) Видеосмирившись, видеонарод В видеамилицию видеоидет. Видеопрогнозы. Видеоразмах И видеослезы на похоронах.

«Отпредложеноческое» словообразование

Достаточно редки в силу своей громоздкости новообразования, базой которых служит целое предложение, такие как окказионализм Е. Евтушенко *какбыче-гоневышлизм*, образованный от выражения *как бы чего не вышло*. Пример взят нами из работы Е. А. Земской [1992], которая отмечает, что это существительное встречается и у других авторов и, возможно, «перейдет в разряд обычных слов языка» [Земская 1992:193]. Напомним, что подобные случаи утверждения в языке громоздких образований были и раньше, напр, слово *немогузнайка*. Еще несколько окказионализмов, базирующихся на предложении:

(1) *Молодой дьякон Владыкесвоемуиуицулобызященский* (Тэффи, Анафемы).

(2) *От стихов она требовала только ямщикнегонилогадейносми* (В. Набоков, Дар).

(3) —*Прошу не торопить меня*—сказал *Иа-Иа*, медленно поднимаясь—*Прошу не нудавайкать* (А Милн, Винни-Пух и все-все-все, в пересказе Б. Заходера).

(4) —*Господи, когда уж ты сдашь эту свою ничертанепонимательную геометрию?* [вм. *начертательную*] (пример из*. [Гридина 1996]).

Н.Д. Арутюнова полагает, что «денотатом предложения... в отличие от денотата слова, в принципе не может быть “вещь”» [Арутюнова 1971:65]; цит. По: [Журавлев 1982: 93]. Полемизируя с Н. Д. Арутюновой, А. Ф. Журавлев отмечает, что предложение может иногда становиться именем, ср. *толстовское те могу молчать*», *раскольниковское «право имею»* [Журавлев 1982:93—94]. Подобные случаи нередки и в языковой игре, однако все они ситуативны и не закрепляются в языке, ср.:

(5) *Юбка с большим вырезом впереди*—«*мужчинам некогда*».

(6) *Прически: «приходи ко мне в пещеру»* (пример А. Ф. Журавлева); «*вихри враждебные веют над нами*», «*яумамы дурочка*», «*яупала с сеновала, тормозила головой*».

Еще несколько примеров — из художественной литературы:

(7) *Газета «Чего изволите?»* (М. Салтыков-Щедрин).

(8) *...волос они на голове не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манер «черт меня побери»*, как говорят французы (Н. Гоголь, Мертвые души; пример заимствован из [Журавлев 1982]).

(9) *..я видел стенгазету одной пожарной команды, называлась она — «Из огня да в полымя»*. Это было по существу (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, XXVII).

(10) [О Козлевиче, владельце такси] *Владелец «Эх, прокачу!» рассорился со всем городом* (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, III).

Т. А. Гридина приводит интересные примеры отфразеологической мотивации окказионализмов, оформленных как загадки:

щихлебалка — лапоть (от фразеологизма *Лаптем щи хлебать* («быть крайне необразованным, невежественным»));

легендарный козовладелец с садистскими замашками—Сидор (ср. фразе му *драть, как Сидорову козу*).

Обыгрывание соотношения имен собственных и нарицательных в аспекте словообразования встречается исключительно часто. При этом применяются два диаметрально противоположных способа: 1) от нарицательного имени образуется имя собственное; 2) от собственного имени образуется нарицательное имя.

От нарицательного имени — к имени собственному

Комический эффект создается благодаря «переходу» значения слова-прототипа во внутреннюю форму новообразования. Цель — создание комического эффекта и дискредитация описываемого. Приведем примеры (некоторые примеры приводились также в предшествующих разделах главы).

(1) *Деревня Проплёванная, Устав «Вольного Союза Пенкоснимателей»; Журнал «Вестник Пенкоснимательства»*, Газета «Помои»* (М. Салтыков-Щедрин).

(2) *Живодеро-Хамская железная дорога, Станция «Разбейся!»-, Станция «.Весёлый Трах-Тарарах»', Станция «Гнилушки»', Газета «Начихать вам на голову»* (А. Чехов).

(3) [Визитная карточка] *Альфред Аркадьевич Вронский. Сотрудник московских журналов — «Красный огонек», «Красный перец», «Красный журнал», «Красный прожектор» и газеты «Красная вечерняя Москва» (...) сотрудник сатирического журнала «Красный ворон» издания ГПУ* (М. Булгаков, Роковые яйца, IV).

(4) *Артель «Красный бублик», или «Булка Востока»; крестьянский писатель-середнячок из группы «Стальное вымя»* (И. Ильф, Записные книжки).

(5) *Журнал «За здоровый быт, против нездорового быта!»-, Колбасный трест «Кишка тонка»', Киностудия «Эхфильм»* (В. Ардов).

(6) *Отсюда, из села Малые трудодни, уходил он когда-то служить в армию* (С. Лив-шин).

(7) *Передовая строительная контора Домострой»* (Эмиль Кроткий).

Обувной магазин: «Испанский сапожок» (С. Кузьмина).

Прически: «Вшивый домик», «Царь зверей».

Особенно часто для создания комического эффекта используются антропонимы. Ср.:

(8) *Пустяков', Скотинины; франтик Петушков; Буянов (А. Пушкин). Помещики: Довгочхун, Собакевич, Коробочка; чиновники: Земляника; Ляпкин-Тяп-кин, Яичница; крепостные'. Неуважай-Корыто, Коровий Кирпичу Колесо Иван (Н. Гоголь).*

(9) *Баронесса фон-дер-Блин; граф Сквернеиштерн; Мак Дуррак; пан Егзович; донна Аграфена Пухлотелло; герцогиня Фекла де Груддасто и ее любовник дон Вавилло; покойный командир Архип дель Морда; поэты: Валерий Противуественный, Анкудин Гордый-Безмордый, Агафон Великий-Безликий, Через-забор-перелезинский; поэтессы «модерн»: Кризантема Идиотовна Грациозно-Искривленная, Коринна Моровая Язва; беллетристы: Кузьма Распрогорький, Сидор Распропьяный, Карп Распрокислый, Фемистокл Наглый -Порнографов; судебные эксперты Попугай-Разболтаев и Разбол-тай-Попугаев; «альфонсы»: Содержанцев 1-ый и Содержанцев 2-ой; революционеры Варава и ОнанГлупейзеры (В. Буренин).*

(10) *Помещики Гадюкин и Шилохвостое; купеческий сын Ескимосов; дьяконы• Вратоадов, Хлебонасущенский; надворный советник и кавалер Геморрой Диоскоревич Лодкин, Савватий Паникадилович Пищик-Заблудовский; Чертобалотов; Зеленопупов; учителя: Ахинеев, Лошадиных, Артаксерксов, Хамов, Змиежалов, Бабельмандебский, Лампадкин, Тарантулов; ре-дактор журнала ЮдофобЮдофобович Окрейц; майор Щелколов; полицмейстер Гнилодушин; унтер Пришибеев; староста Шельма; девица Подзатылкина; купчиха Пятирылова; т-теЖевузем (А Чехов).*

Большую изобретательность проявляет А. П. Чехов в шуточных обращениях к

адресатам и в подписях под письмами. Вот лишь некоторые из них.

(11) *Брату Ал. П. Чехову: Саша-Таракаша! Братт! Пролетарий! Шантажист! Честный труженик, эксплуатируемый богачами!; Бедный, неимуций Саша! Прорва! Недоуменный ум! Дубина! Хам! Штаны! Ремешок от штанов! Литературный брандмайор! Инфузория! Двучично-вольнодумствующий брат наш! Раскаявшийся пьяница! 666! Гусев! Гусопуло! Гусиных! Гуськов! Гусинский! Гусиади!*

О. Л. Книппер-Чехово й: *Актрисочка моя чудесная, ангел мой, жидовочка!]* *Милая моя дуся!]* *Милая, шустрая моя девочка!]* *Жестокая свирепая женщина!]* *Милая (моя) собака!]* *Собачка, милый мой песик!]* *Милая супружница!]* *Милая Книппуша, драгоценная моя!]* *Беспутная жена моя!]* *Милая актриса (актриска, актрисочка, актрисуля!]* *Эксплоататорша души моей!]* *Мамуся, ангел мой, немочка прекрасная! Ваш Повсекакий Бумажкер ит.д.*

Примеры других авторов:

(12) *Профессор Скончаловский]* *гражданин Лошадь-Пржевальский]* *Крытых-Рынков]* *Крайних-Взглядов]* *Старый Артилеридзе, два друга: Телескопуло и Стетоскопуло* (И. Ильф, Записные книжки).

(13) *М. Н. Фанатюк]* *Карл Павиайнен]* *Б. Культуртригер]* *журналист Лавуазьян]* *Ухуд-шанский]* *Талмудовский]* *Плотский-Поцелуев]* *акушерка Медуза-Горгонер]* *княгиня Белорусско-Балтийская* (И. Ильф—Е. Петров).

(14) Ученый [перечисляет королю предков его невесты — принцессы]: *Вильгельм I Веселый, Генрих I Короткий, Георг III Распущенный, Георг IV Хорошенький, Генрих II Черт поберу.*

К о р о л ь. *За что его так прозвали?*

Ученый й. *За его подвиги, ваше величество. Далее идет Филипп I Ненормальный, Георг V Потешный, Георг VI Отрицательный, Георг VII Босой, Георг VIII Малокровный, Георг ГХ Грубый, Георг Х Тонконогий, Георг XI Храбрый, Георг XII Антипатичный»*(Е. Шварц, Голый король, И).

(15) *Римский историк Хитросплетений* (А Кнышев, Тоже книга).

От собственного имени— к имени нарицательному

Как в разговорной речи (см. [Земская — Китайгородская — Розанова 1983: 190—192]), так и в речи художественной нередки образования от имен собственных, чаще всего — от антропонимов (фамилий, личных имен). Производные слова могут относиться к разным частям речи. Начнем с наречий, обыгрываемых Пушкиным:

За ужином объелся я,

А Яков запер дверь оплошно —

Так было мне, мои друзья,

Икюхельбекерноитогино (А. Пушкин).

Эта модель шутивого словообразования нравилась Пушкину и позднее неоднократно использовалась им в письмах:

(1) *По твоим письмам к княгине Вере вижу, что и тебе и кюхельбекерно и тошно* (А. Пушкин — П. А. Вяземскому, 24—25 июня 1824).

(2) *Здесь у нас молдованно и тошно* (А. Пушкин — Н. И. Гнедичу, 27 июня 1822, из Кишинева в Петербург).

Ср. также запись в «Чукоккале» по поводу выступлений на съезде писателей Федора Гладкова и Михаила Шолохова:

Вначале съезд шел довольно гладковато, а потом пошел шолоховато.

Примеры образования от имен собственных других частей речи — прилагательных, существительных, глаголов:

(3) *Глаза у него [Керенского] бонапартьи и цвета защитного френч* (В. Маяковский).

(4) *Магдалиниада [отМагдалина]* (А. Архангельский, пар. на А. Жарова).

(5) *Видите — / небо опять иудит
пригоршню обрызганных предательством звезд?*

(В. Маяковский, Облако в штанах).

(6) *И гладью /Миссисипи под нами миссисипится*

(В. Маяковский, Мексика — Нью-Йорк).

(7) *Но обер / на барыню / косится рабы, фашистский I на барыньке / знак му сосолнится* (В. Маяковский, Нордерней).

(8) *Усадьба ночью, чингисхань!*

Шумите, синие березы.

Заря ночная, заратустрь!

А небо синее,моцарть!

(В. Хлебников).

В приведенных примерах значение окказионализмов связано с образами соответствующих общеизвестных лиц, географических объектов и т. п.

Интересен и другой случай, когда имена собственные переосмысляются как нарицательные, с оживлением внутренней ф о р м ы. В 60-е годы в стенгазете «Русист» Института русского языка АН СССР была помещена шутивая сценка, обыгрывающая фамилии сотрудников Института (точнее — внутреннюю форму этих фамилий).

За давностью лет приводим ее с некоторой естественной «отсебятиной»:

— *Что это ты сегодня такой не-Веселитский? Или Кручинина заела?*

— *Да вот, совсем я стал Голышенко. Беден как монастырский Крысин. А ведь такой был Добродомов! Панов Пановым, Баринев Бариневым!*

— *Эх, Касаткин! Плюнь ты на Морозову и, как Филин прокричит, надень Бело-шапкову на Шварцкопфа, запряги Коннову в Санникова, протруби в Трубачева и — Ходыкину, Ходакову, Ходарович!~До самой Китайгородской! Там, говорят, вес Багато-вы. Соболевых—тьма-тьмущая, а Серебрянникова и Золотову Лопатиным гребут!*

— *Да, неплохо бы~ Только вот не снесли бы Гловинскую Булатовой!*

Из более редких явлений отметим необычное употребление русских словообразовательных суффиксов в этнонимах (названиях народов, племен и т. п.), географических названиях. Ср.:

(9) *Рыцари* [ливонского ордена] *никогда не вступали в брак, но с каждым годом население их увеличивалось и немало ливонят бегало в домах самых строгих рыцарей* (О. Д'Ор, Русская история).

(10) *Солнце жаркое палит*

Кафра, кафриху и кафрика.

Бур за камешком лежит.

Это —Африка

(«Чукоккала». Федор Сологуб).

Глава VI Лексика

Вводные замечания

1. Переходим к рассмотрению основного, поистине неисчерпаемого арсенала языковой шутки. Это — словарный состав языка, включающий сотни тысяч единиц — слов и фразеологизмов, многие из которых имеют к тому же по несколько значений.

Исследование шуток, где обыгрывается лексика, не только даст эстетически полноценный иллюстративный материал, касающийся значений слов (в том числе многозначных), но и позволит выделить

для того или иного слова некоторые смысловые компоненты, которые остались пока незамеченными. Можно предполагать также, что исследование шуток будет полезным при обсуждении сложных общих проблем лексикологии и лексикографии. Однако роль материала языковой игры при обсуждении этих проблем не следует преувеличивать. Коснемся вкратце одной из них — проблемы семантического инварианта (семантического ядра, сохраняющегося во всех значениях слова).

2. В последнее время в семантике оживился спор между «атомщиками», акцентирующими внимание на различиях между разными значениями слова, и «ядерниками», подчеркивающими единство слова во всех его значениях, стремящимися выделить семантическое ядро слова, инвариант, сохраняемый словом во всех его значениях. Проблема инварианта, как и некоторые другие важные проблемы общей лингвистики, с особой остротой обсуждается в недавней статье Н. В. Перцова [1996]. Автор статьи — противник атомарного задания лексических значений, установки на дробление этих значений (он напоминает, в частности, об установленном в 1991 году рекорде Л. Л. Иомдина, который вычленил для предлога ПО 39 подстатей). Позиция Н. В. Перцова понятна. При изучении значения сочинительных союзов я также стремился найти «мостики», общие компоненты, позволяющие увидеть семантическую общность в разных употреблениях того или иного союза и избежать излишнего дробления лексических значений (см., например, [Санников 1989: 148—162]). Непонятна лишь запальчивость и категоричность Н. В. Перцова. Ведь речь, в сущности, идет не о принципиально различных подходах, а об акцентах. Вряд ли кто сомневается в полезности инварианта, в полезности установления близости в разных значениях слова. Более того, иерархия значений слова, объединение их в группы и подгруппы, проводимое в работах «атомщиков», в частности в упомянутой работе Л. Л. Иомдина, бесспорно является результатом поиска общих семантических компонентов в значениях слов. «Укрупнение» значений слов неизбежно привело бы к огрублению семантического описания, игнорированию важных компонентов смысла. К тому же даже самые ярые противники «атомарного» подхода вряд ли смогут отрицать, что в синонимический ряд слово входит лишь «одним боком», одним из своих значений, тогда как другие значения могут включаться в другие

ряды, по значению иногда резко отличающиеся от первого. Так, по данным [Нов. слов, син.], прилагательное *пустой 1.1* входит в синонимический ряд со словами *пустующий, опустевший, опустелый, порожний 1* — ‘такой, где отсутствует нечто, чего в данном месте естественно ожидать’, а *пустой 1.2* — в ряд со словами *полюй, пустотелый* — ‘имеющий внутри пустое пространство, окруженное со всех сторон однородным материалом’, и члены двух рядов не взаимозаменяемы, ср.: *В пустой комнате свалены в углу старые стулья* (не: **В полой, пустотелой комнате пустые стебли тростника* (не: **пустующие, опустевшие, порожние стебли*Г). Важно также, что это касается и морфологических, синтаксических, сочетаемостных свойств, которые иногда резко различны для разных значений одного слова. Это — объективное свидетельство в пользу наличия у слова разных значений. Весьма показательно также, что в своих поисках семантического инварианта глагола *выходить 1 выйти* Н. В. Перцов использует лексикографический портрет глагола ВЫЙТИ, предложенный Ю. Д. Апресяном, в сущности меняя лишь акценты в описании богатого фактического материала, приводимого Апресяном.

Перцов отмечает, что «современная семантика — с ее преимущественным вниманием к различиям интерпретации слова (выделено автором.—Я С.) — не умеет объяснять эффекты, связанные с совмещением лексических значений» [Перцов 1996: 30]. Казалось бы, каламбур, объединение в тексте разных значений (типа: *Бескорыстный человек: защищал чужую диссертацию* (Эмиль Кроткий); *Часы ходят, но не идут*), подтверждает точку зрения Н. В. Перцова, свидетельствует об единстве слова в разных значениях, о наличии некоего инварианта. В действительности, однако, каламбурное обыгрывание многозначности слов не имеет к рассматриваемому вопросу никакого отношения. Вспомним, что в каламбуре используется не только многозначность слов, но и паронимия (*На всякого заведующего есть свой завидующий* (Эмиль Кроткий)), и омонимия (*Танцы—трение двух полов о третий*). В обоих случаях говорить о единстве слова невозможно. Правда, Ю. Н. Тынянов ввел понятие «звуковой метафоры» (сближение семантически далеких слов с помощью их звукового сходства) и писал: «если в ряд, в строй поставить чужие, но сходно звучащие слова, они станут родственниками» (цит. по: [Павлович 1986: 77]). В. П. Григорьев и

некоторые другие исследователи, конкретизируя это положение, выделяют в случае паронимии квазиморфемы, состоящие, в свою очередь, из квазифонем [Григорьев 1979: 286—299]. Однако нам выделение этих единиц представляется неубедительным: если в случае *платок—пилотка* можно видеть квазикорень ПЛТК, то о каком квазикорне может идти речь в *случае* омонимии слова и целого словосочетания или омонимии двух словосочетаний, ср.: *Ударяйте кол о кол — Вот и будет колокол* (Н. Глазков); *Надев — на дев; Отдам — от дам* (Д. Минаев); *по ковру — пока вру* (А Чехов)? Еще важнее то обстоятельство, что даже если отвлечься от сложных случаев и рассматривать только сходство по звучанию двух сл о в, то и тут легко заметить, что «брак» паронимов-слов моментально приводит к «разводу»: это не родство, а «шапочное знакомство», память о котором моментально стирается. Говоря о *заведующих* мы вряд ли *думаем о зависти*, а уставившись в пол, вряд ли *думаем о половых различиях* (см. приведенные выше шутки). Память о случайной встрече оживает исключительно при новой встрече, при обыгрывании тех же слов (отсюда реакция типа: «Старо! Уже было у Эмиля Кроткого!»).

Подводя итог, можно утверждать, что каламбурное обыгрывание слов (в том числе и обыгрывание многозначности слов) не имеет отношения к вопросу о единстве слова, о наличии инварианта и т. д. Каламбур строится на тождестве или сходстве слов или словосочетаний по звучанию или написанию. Смысловое объединение (временное и случайное) возникает совсем по другой причине: у говорящих есть четкое представление о соответствии формы и содержания в языке: если два слова или словосочетания совпадают или сходны по звучанию, они и по смыслу могут иметь нечто общее. Но об этом мы будем говорить в другом месте (см. с. 434—456)

Значение языковой шутки для исследования лексики состоит в другом. Как мы уже говорили, шутка — не только ценный иллюстративный материал, она позволяет выделить для того или иного слова некоторые смысловые компоненты, которые могли бы остаться незамеченными.

3. От описания значения языковых единиц, когда выделяемое исследователем значение лишь иллюстрируется текстовыми примерами, в современной лингвистике совершается переход к изучению сложностей во взаимоотношении языковой единицы с теми

ситуациями, которые она описывает. Слово в своих конкретных употреблениях не укладывается в прокрустово ложе толкования. Известны два способа справиться с этими трудностями: 1) уточнение существующего толкования; 2) использование понятия прототипа (совокупность компонентов, важных и отражающих «идеальное», «образцовое», но не являющихся абсолютно необходимыми). Яркой иллюстрацией успешного применения обоих этих способов является недавно вышедшая книга Анны Вежбицкой «Язык Культура. Познание» (М., 1996). Напомню о двух примерах, приводимых в этой замечательной книге. 1) Анализируя известное толкование слова boat ‘лодка’ («созданный человеком объект, который используется для передвижения по воде»), Вежбицка справедливо отмечает, что этому толкованию не соответствует, например, объект, имеющий пробоину, и уточняет толкование: лодки — «это род объектов, ИЗГОТАВЛИВАЕМЫХ ДЛЯ передвижения по воде» [Вежбицкая 1996: 202]. 2) Иной путь А. Вежбицка избирает при обсуждении значения слова *чашка*. Она отмечает, что китайская чашка, маленькая, изящная, с тонкими стенками, не имеет ручки и блюдца, но, тем не менее, может считаться чашкой. Вежбицка выходит из этого затруднения с помощью понятия прототипа: наряду с «существенными элементами» понятия *чашка* (‘изготовленная для питья горячих жидкостей’ и ‘настолько маленькая, чтобы человек мог поднести ее ко рту одной рукой’), Вежбицка выделяет прототипические элементы — ручку и блюдце: «идеальная» чашка ДОЛЖНА иметь ручку и блюдце» [Вежбицкая 1996:217].

4. Еще одна трудность исследования лексики (особенно, пожалуй, на материале языковой игры) связана с тем, что, по словам Анатоля Франса, слово окружено «ореолом воспоминаний» и переливается «бесконечными оттенками, приобретенными на протяжении веков» (цит. по: [Григорьев 1979: 105]). Вслед за В. Н. Во-лошиновым можно утверждать, что ни одно слово не дано нам в его лингвистически девственном виде. Оно уже оплодотворено жизненными ситуациями и контекстами, в которых мы с ним встречались (см.: [Григорьев 1979:110]).

Строение главы

Выделяемые нами разделы и применяемая терминология близки к традиционно принятым в русистике.

В разделе 1 в алфавитном порядке приводятся слова, обыгрывание которых подчеркивает и иллюстрирует важные компоненты смысла (а иногда позволяет выделить смысловые компоненты, не отмечаемые ранее). В разделе 2 приводятся случаи обыгрывания лексической синонимии. В разделе 3 в алфавитном порядке приводятся обыгрываемые многозначные слова, в разделе 4 — омонимичные слова и словосочетания, в разделе 5 — паронимы, в разделе 6 — фразеологизмы.

Два важных пояснения.

1) Теоретически разграничение многозначности (полисемии) и омонимии кажется понятным и достаточно простым: по общему мнению, лексические омонимы—это одинаково звучащие слова, которые (в отличие от многозначных слов) не имеют общих элементов смысла (сем) и не связаны ассоциативно (см., например, [ЛЭС: 344—345]). Мы принимаем это разделение, хотя на практике, при рассмотрении конкретных слов оно связано иногда с немалыми трудностями и не все принятые нами решения будут одобрены.

2) В разделе 1 («Лексические значения») приведено немало употреблений слов, аномальность которых заключается в нарушении правил семантико-синтаксической сочетаемости этих слов с другими словами. Тем самым, их, казалось бы, целесообразно анализировать в главе «Синтаксис», оставив в данной главе лишь случаи обыгрывания смысловых компонентов. Попытавшись пойти по такому пути, мы на практике сталкиваемся с серьезными трудностями. Это и понятно. Анна Вежбицка, кажется, первая в предельно четкой форме показала, что сочетаемость слов тесно связана со значениями этих слов, выводима из семантики слов и синтаксических конструкций (см., напр., [Wierzbicka 1987]). Именно эта нераздельность семантики слов и ограничений на их сочетаемость заставила нас (вопреки первоначальному плану!) рассматривать их в одном разделе.

1. Обыгрывание компонентов значения слов. Алфавитный список обыгрываемых слов (иллюстрации и краткие комментарии)

Вводные замечания

Во многих случаях языковая пгутка заставляет нас внимательнее присмотреться к какому-то слову или выражению и обнаружить в нем что-то новое, чего говорящие (а в ряде случаев и специалисты-филологи) ранее в этом слове не замечали.

Прежде чем рассматривать обыгрывание компонентов значения отдельных конкретных слов, укажем на несколько случаев обыгрывания некоторых общих явлений.

1. Возникшее в логике, учение о пресуппозиции как части значения языковой единицы с пониманием, даже с энтузиазмом было воспринято лингвистами, имеет вековую историю, но не может похвастаться важными позитивными результатами. По-прежнему, основным наблюдением остается то, первоначальное, которое позволило разделить значение языковой единицы на две части: в отличие от основной, ассертивной части значения, презумптивная часть не подпадает под действие отрицания. В значение слова холостяк: входят два основных компонента 1) 'взрослый мужчина', 2) 'неженатый'. Когда мы говорим: *Он не холостяк*, мы отрицаем лишь второй из этих компонентов, но не первый, образующий пресуппозицию (см. [Апресян 1995: т. 1,28—31]). Однако даже это наблюдение не бесспорно. Любопытен в этой связи следующий анекдот

Симпатичная молодая леди, ожидая автобуса, с трудом справлялась со своей юбкой, которую нещадно срывал ветер. К тому же ее нервировал недалеко стоящий мужчина, который проявлял повышенный интерес к ее усилиям,

—Я вижу, что вы совсем не джентльмен!—рассердившись, крикнула она ему.

Приподняв шляпу и ослабившись, мужчина ответил:

—Но вы, моя красавица, как я успел заметить, тоже не джентльмен.

В этом значении слово *джентльмен* включает два компонента — пресуппози-тивный ('мужчина') и ассертивный ('корректный, благовоспитанный'). В реплике женщины отрицается второй компонент, а в реплике мужчины — первый, пресуппозитивный. Это употребление, противоречащее представлению о пресуппозиции, можно было бы признать аномальным, если бы не было других, вполне нейтральных, примеров с *не*, где отрицается пресуппозиция, а

сохраняется ассер-ция, утверждение, ср. диалог: — *Что это за нахалка тебе звонила?—Не нахалка, а нахал.*

Еще примеры обыгрывания пресуппозиции:

(1) Редактор:—*Эту статью не пропустят в цензуре.— Что вы, Бог с вами! Цензуры ведь больше нет.—Вот именно поэтому и не пропустят, некому пропустить* (Журн. «Новый Сатирикон», 1917). Реплика *Эту статью не пропустят в цензуре* в нейтральном употреблении включает пресуппозицию ‘существует цензура’.

(2) *Старый стрелочник, на переезде которого ночью произошла авария, стоял на своем: он клянется, что размахивал фонарем, как положено по инструкции. В конце концов его оправдали. Адвокат удивляется его спокойствию во время суда: «Неужели вы совсем не волновались?» — «Еще как, сэр! Я думал, что мне ответить, если меня спросят, был ли зажжен фонарь».*

(3) *Один человек сильно обжег руки в автомобильной катастрофе. В больничной палате, наблюдая, как сестра делает ему перевязку, он спросил доктора: «Когда повязки снимут, смогу я играть на пианино?» —«Думаю, что да»,—кивнул доктор. «Ну и чудеса, доктор! А раньше я не играл!»* Пресуппозиция: больной умел играть на пианино.

2. Собственные имена, в частности антропонимы, служат для выделения объекта из ряда подобных и, естественно, строго индивидуальны. У названий имя — это то слово, с помощью которого объект идентифицируется и, произнося которое, говорящий может вызвать в представлении адресата данный объект [Гловинская 1993: 202]. На нарочитом непонимании этого строится след, шутки А. Аверченко:

(4) —*Стремглавов! Я хочу быть знаменитым.*

—*Нынче многие хотят сделаться знаменитыми.*

—*Я не «многий» (...) **Василиев**, чтоб они были **Максимичами** и в то же время **Кандыбиными** — встретишь, брат, не каждый день. Это очень редкая комбинация* (А. Аверченко, Золотой век, I).

(5) —*Правильно сказали, многоуважаемый Семен Семеныч!*

—*Яне Семен Семеныч, а Василий Власич—поправил аккуратный гость.*

— *Что вы говорите! Никогда бы не сказал по первому впечатлению* (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. 2, XVIII).

В обоих примерах обыгрывается важная особенность антропонимов — их условность. Имена собственные могут оцениваться как «красивые/некрасивые», «удачные/неудачные», «престижные/непрестижные», но они не связаны с внешностью, характером и социальной значимостью конкретного описываемого лица.

Алфавитный список обыгрываемых слов (с иллюстрациями и комментариями)

Обыгрываемые слова приводятся в алфавитном порядке, в так наз. исходных формах: существительные — в форме им. падежа ед. числа (для слов *pluralia tantum* — мн. числа); прилагательные — в форме им. падежа ед. числа муж. рода. Сложнее обстоит дело с определением исходных форм глаголов. Исследования последнего времени (см., например, [Апресян 1995; Гловинская 1982; Падучева 1996а]) показали, что виды — это словообразовательная категория или категория, промежуточная между словоизменительной и словообразовательной. Однако для удобства читателей мы придерживаемся при подаче материала традиционного представления о глагольных видах как о словоизменительной категории и в качестве заголовка статьи приводим выделенную жирным шрифтом форму несов. вида глаголов, которые имеют формы обоих видов.

Автор.

-|воскресает образ моей детской кровати, с подъемными сетками из пушистого шнура по бокам, чтобы автор не выпал (В. Набоков, *Другие берега*).

Автор научной работы или художественного произведения (но не письма, не официальной бумаги и, пожалуй, не мемуаров) может именовать себя автором (*автор считает* в м. я *считаю*). В романах В. Набокова подобные употребления вполне нейтральны при описании Набокова-взрослого, но наименование *автором* младенца, помещение писателя в детскую кроватку производит комическое впечатление — видимо, потому, что нам трудно отрешиться от некоего общего представления об Авторе, в которое никак не укладывается опасение, что он (автор) выпадет из детской кроватки. Слово *автор* уместно лишь в контексте профессиональной деятельности, обычно при описании лица с момента написания первого произведения.

Допустимы, однако, фразы типа: *Автор этого романа родился и провел детство на Волге.*

Безвременно:

Вампука (плачет):

Я плачу о зарытом В песках здесь мертвец,

*Я плачу об убитом **Безвременно** отцеL*

(М. Волконский. Принцесса африканская).

Наречие *безвременно* и прилагательное *безвременный* имеют крайне ограниченную сочетаемость, они указывают на естественные и неизбежные печальные события, совершившиеся раньше нормального срока; даже еще уже: они указывают на смерть человека (*безвременная кончина*). Убийство вызывает смерть, но ее нельзя считать естественной и неизбежной. Отсюда аномальность приведенного примера.

Безрассудство си. Храбрость

Беседа

Беседа беседе тоже розь, друзья! Иная беседа такая бывает, что от нее никакого вреда, кроме как воняет. Какой же, значит, от этого вред? (М. Салтыков-Щедрин, Современная идиллия, XI).

Нарушается (и, те^ самым, подчеркивается) важный смысловой компонент в значении слова *беседа*, беседа «всегда предполагает установку на контакт, взаимную заинтересованность в общении» [Левонтина 1994]. У Салтыкова-Щедрина такой установки нет.

Больше

— *Почему ты не пьешь больше чаю?*— спросил заяц заботливо.

— *Что значит «больше»?*— обиделась Алиса.— *Я вообще ничего тут не пила!*

— *Тем более!* — сказал Шляпа.— *Выпить больше, чем ничего— легко и просто. Вот если бы ты выпила меньше, чем ничего—это был бы фокус!* (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес).

Бросаться (чем, кем):

— *Вы только посмотрите, старичок какой! Фигура какая самобытная, интересная! Как это мы будем **такими старичками бросаться?*** (А и Б. Стругацкие, Сказка о тройке).

Бросаться X-ом. X— обычно указание на социальный статус (профессия, звание и т. п.) — *бросаться опытными специалистами, учителями, женихами*, но не возрастные характеристики (*бросаться

старичками, старушками), не названия животных (*бросаться кошками) и, тем более, не названия предметов (*бросаться утюгами, помидорами); последние сочетания грамматически правильны, но относительно другого смысла.

Буквально:

(1) *Чаплинукралу Гитлера усы буквально из-под носа* (А Кнышев, Уколы пера).

(2) [О команде, которая лишь чудом избежала поражения]: *Московские динамовцы в матче с новороссийскими футболистами буквально ходили по лезвию ножа* (ТВ «Время», 8 апр. 1996).

В приведенных примерах ярко проявляется значение слова *буквально*, как показателя языковой гиперболы (см. об этом в гл. Прагматика, с. 413—416).

Бывший:

(1) 1-й пожарный. *Под печкой обнаружена бывшая женщина с проволочным*

венчиком на затылочных костях (В. Маяковский, Клоп, IV).

(2) *О комнате пропавшего летчика заговорили все: и бывший горский князь, а ныне трудящийся Востока гражданин Гигиенишвили, м Дуня, (...) в тетя Паша—торговка и горькая пьяница* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XII).

(3) *Преддиванный стол, покрытый бывшей белой скатертью, украшался разбитым стаканом с высохшими остатками чаю* (А. Аверченко, Человеки).

В приведенных примерах комический эффект вызван нарушением правил сочетаемости прилагательного *бывший*, которые отмечались Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым: «*бывший* не сочетается с обозначениями свойств, полученных объектом “навечно” (*бывшая курица, *бывший автор)» [Булыгина — Шмелев 1997: 380]. Впрочем, в XX веке сословные и даже половые характеристики перестали быть неизменными, «полученными навечно»: встречаются иногда не только «*бывшие князья*», но и «*бывшие женщины*», и «*бывшие мужчины*». Это, естественно, уменьшает аномальность приведенных фраз.

Ваи:

Соня хорошо готовила (...) требуху, почки, вымя, мозги — их так легко испортить, а у нее выходило—пальчики оближешь (...) *Вкусно, м давало повод для шуток. Лев Адольфович, вытягивая губы, кричал*

через стол: «Сонечка, **ваше вымя** меня сегодня просто потрясает!» (...) ААда сладким голосом говорила: «А я вот в восторге от **ваших бараньих мозгов!**» — «**Это телячьи**» — не понимала Соня, улыбаясь (Т. Толстая, Соня).

Везти:

На сибирской реке встречаются две лодки:

— *Куда едешь, однако? Сибиряк, сидя у руля, указывает трубочкой на гребущую против течения женщину:*

— *Везу жену в роддом, однако!*

Конструкция *X везет Y-а* (когда и X, и Y—люди) предполагает определенное распределение физических усилий: везущий предпринимает большие физические усилия, чем везомый. Если бы сибиряк и его жена поменялись местами, фраза *Везу жену в роддом* стала бы нейтральной и комический эффект утратился бы.

Вера; Веровать*, Верить:

(1) *Мы не говорим о вере, когда речь идет о том, что дважды два четыре или что земля круглая. О вере мы говорим лишь в том случае, когда хотим подменить доказательство чувством* (Б. Рассел, по: Суэта сует).

(2) *Во что верую? В Бога, если он есть* (С. Лец). Вера в Бога ничем не может быть обусловлена: Лец не верит в Бога.

(3) *Этот вождь ничего не знал, но обо всём сообщал. Поэтому люди ему верили* (А. Платонов, Чевенгур). Платонов обращает внимание на важную сторону возникновения веры: можно верить тому, кто сообщает (хотя ничего не знает), но нельзя тому, кто знает, но скрывает знание.

(4) Эпитафия: *Теперь-то ты веришь, что я действительно был болен?*

(5) *Один из посетителей, увидев подкову, прибитую над дверью дома Бора, воскликнул: «Неужели такой великий ученый, как вы, может действительно верить, что подкова над дверью приносит удачу?» — «Нет,—ответил Бор,—ко-*

нечно, я не верю. Это предрассудок. Но, вы знаете, говорят, она приносит удачу даже тем, кто в это не верит» (Физики продолжают шутить).

Последний пример хорошо иллюстрирует интересное наблюдение М. Г. Селезнева: вера «несимметрична» по отношению к добру и злу,

«предмет веры — скорее нечто хорошее, нежели нечто плохое»: во фразе *верю, что Иван это сделает* слово *это* понимается, скорее всего, как что-то хорошее, а во фразе *Я верю, что Иван не сделает этого* — как нечто плохое [Селезнев 1988: 247—248]. Слова *Я верю*~ «несут на себе печать “космического оптимизма”» [Селезнев 1988: 251], поэтому пессимизм (в частности, пессимизм Бора в отношении удачи, приносимой подковой) оформляется в виде не положительной, а отрицательной конструкции — *Я не верю, что*~ Фраза *Я верю, что подкова не приносит удачу* выглядела бы странно, как и приводимая Селезневым пессимистическая фраза *Верю, что нет будущей жизни*. Хотелось бы подчеркнуть, однако, что в случае *верить* употребление в оптимистическом контексте наиболее естественно, но это — не норма. Вполне допустимы и «пессимистические» контексты, ср.: *Я верю во всемогущество дьявола (в дурные приметы)*. Трудно согласиться поэтому с утверждением А. Д. Шмелева: «*верю* фактически означает ‘хочу верить’ [Булыгина — Шмелев 1997: 402], к тому же естественно-языковое выражение *хочу верить* явно не равно выражению *верю*, точно так, как выражение *не хочу верить* — выражению *не верю* (*Не хочу верить, что Коля это сделал* «‘верю, но был бы рад, если бы ошибался’»).

Еще больший интерес приведенная шупса о подкове представляет в другом отношении — взаимодействие чужой веры и собственного неверия. Бор не верит в этот предрассудок, но он верит тем, кто верит в него, и, тем самым, он в него верит (со всеми вытекающими отсюда последствиями — прибавление подковы над дверью).

Весь; Все:

(1) — *А мы как раз проектировали с Грозовым: я оставляю дома все свои деньги, Грозов всю свою жену, забираем тебя и идем в наш старый притон «Золотой якорь»* (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. II, XXI).

Аномальность примера связана не только с тем, что жену нельзя оставить дома частично: фраза *Вся жена покрыта ссадинами и синяками* также аномальна (нужно: *Всё тело жены*Г).

(2) *Все присутствующие члены [общества Арзамас] собрались немедленно, в числе двух. Председателем по жребию избран г-н Жуковский, секретарем я, сверць* (А. Пушкин — П. А. Вяземскому 14 авг. 1831).

Сочетание *все члены, в числе трех* было бы, видимо, уже допустимо.

(3) [Васисуалий Лоханкин — перед экзекуцией]

—*Я не виноват!*—запищал Лоханкин, вырываясь из рук бывшего князя, а ныне трудящегося Востока.

—*Все не виноваты!*—бормотал Никита Пряхин, придерживая трепещущего жильца.

—*Я же ничего такого не сделал.*

—*Все ничего такого не сделали.*

—*У меня душевная депрессия.*

—*У всех душевная (...)*

—*От меня жена ушла!* — надрывался Васисуалий.

— *У всех жена ушла,*—отвечал Никита Пряхин (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XIII).

(4) *Я, конечно, вернусь весь в друзьях и мечтах.*

Я, конечно, спую — не пройдет и полгода (В. Высоцкий, Прощание).

В этом значении местоименное прилагательное *весь* имеет крайне ограниченную сферу употребления, оно подчиняет группу: предлог *в (во)* + существительное. Чаще всего это существительные типа *грязь, кровь, болячки, долги* (ср.: *И бедный Сусанин весь в язвах упал* (К. Рылеев)), однако, в нейтральном употреблении возможны и другие сочетания: *весь в золоте, весь в заграничном* (ср. у А. Галича: *Вся в тюле и панбархате /В зал Леночка вошла-*).

Видеть; Глядеть:

(1) *На днях, увидя в окошко осень, сел я в тележку и прискакал во Псков* (А Пушкин — В. А Жуковскому, 6 окт. 1825).

(2) *Лет тридцать тому назад, в вербное воскресенье, в день именин старухи-вербы, старик сидел на своем месте, глядел на весну и удил-* (А Чехов, Верб).

В конструкциях *видеть X, глядеть на X*—в качестве X-а может выступать не только конкретное, но и абстрактное существительное (*Гляжу на всеобщее ожесточение*). В нейтральной речи здесь, однако, недопустимо существительное с признаком ‘время’⁵.

Виновник; Виноват.

*Бабушка спрашивает маленького Леву *

—*Кто это разбил окно?*

—*Мама. Но виноват папа Он пригнулся, когда тарелка летела ему в голову.*

В словарях отмечается, что *виновник*—это тот, «кто виновен в чем-л.» или «является причиной чего-л.» (МАС). Приведенный пример показывает неудовлетворительность этих толкований: отец мальчика является одной из причин события, но вряд ли может считаться его виновником.

Вместо.

Добрые, революционно настроенные парижане поймали как-то на улице аббата Мори. Понятно, сейчас же сделали из веревки петлю и потащили аббата к фонарю.—«Что это вы хотите делать, добрые граждане?» —с весьма понятным любопытством осведомился Мора «Вздернем тебя **вместо фонаря** на фонарный столб».— «Что же вы думаете—вам от этого светлее станет?»—саркастически спросил остроумный аббат (А Аверченко, Нечистая сила).*

Обыгрывается любопытный факт, что в конструкции *X вместо Y* замещение одного другим может быть не только функциональным, но иногда и чисто пространственным.

Водиться см. ***Заводиться***

Вперед!:

Василий Иванович! Сзади белые!—Вне-е-еред!

Комментарий см. на с. 350—361

Вполне.

«Чувствую себя вполне сносно»,— говорил дам (А. Кнышев).

Модальные слова типа *вполне*, обозначающие полную степень признака, естественно, не сочетаются с указаниями на неполную степень (**вполне лучше*) (см. [Апресян 1995: т. 1,86—87]). Шутка Кнышева позволяет выявить еще одну особенность наречия *вполне*, оно сочетается только с указаниями на признаки, положительно оцениваемые {*вполне хороший, вполне удобно, но не: вполне плохой, вполне неудобно*).

В присутствии.

[Возмущение одного жильца другим, проживающим в соседнем номере гостиницы] —*Я не позволю, чтобы почти в моем присутствии какой-нибудь извозчик говорил такие мерзости!* (А. Чехов, **В номерах**).

Обыгрывается возможность постановки наречия *почти* при сложном предлоге, обозначающем неградулируемый признак (в [Ожегов 1990] значение словосочетания определяется след, образом: «В присутствии — в знач. предлога с род. п.— при ком-н.»).

Временами.

Известная киноактриса попросила выписать ей загранпаспорт.

—Замужем?— спросил чиновник, заполняя анкету.

—Временами.

Вроде.

*В голосе сурового старого адвоката послышалось нечто **вроде чувства**, в глазах его на мгновение блеснуло нечто **вроде слез**, которые он вытер чем-то **вроде носового платка** (Стивен Ликок, **Неотразимая Винни...**, пер. С. Займовского).*

Комический эффект создается не только нагнетанием одной единицы — предлога *вроде*, но и не совсем обычным его использованием. В конструкции *нечто {что-то, кто-то} вроде* дописываемое не является X-ом, а только похоже на него. В приведенном примере сочетание *нечто вроде носового платка* нормально (речь может идти о какой-то тряпке, заменяющей платок), а два других сочетания с *вроде*, особенно сочетание *блеснуло нечто вроде слез*, аномальны: в глазах могут блеснуть только слезы, но не нечто на них похожее.

Вчера, Сегодня:

Жена — мужу: *—Мне надоела такая жизнь. Позавчера ты пришел домой вчера, вчера ты пришел сегодня. Если сегодня ты придешь завтра, я послезавтра подаю на развод. Понятно объяснила?*

Говорящие обращают внимание на то, что наречия типа *вчера, позавчера, сегодня* указывают не на промежуток времени, ограниченный 12-ю часами ночи, а скорее на время между утренним пробуждением и отходом ко сну, ср. правильные фразы: *Вчера мы уснули уже после двух часов (ночи) ', Позавчера он вернулся домой только в третьем часу (ночи).*

Выходить:

Мать — дочери: «Выходишь замуж?»

-Да.

—А когда вернешься?

В статье Ю. Д. Апресяна, описывающей лексикографический портрет глагола *выходить* / *выйти* выделяется 19 значений глагола, в том числе и значение 6, соответствующее словосочетаниям *выходить замуж* (см. [Апресян 1995: т. 2, 485 и сл]). Ю. Д. Апресян отмечает «*А вышел из ВвС* значит, помимо прочего, что *А* переместился из замкнутого пространства *В* в более открытое пространство *С*. Можно *выйти из комнаты в коридор* или *со двора на улицу*, но нельзя **выйти из коридора в комнату* или *^мсулицы во двор*» [Апресян 1995: т. 2, 491]. Введение компонента ‘конечная точка — открытое пространство’ представляется очень важным. Оно позволяет объяснить и некоторые «странности», почему, например, *Он вышел в сенаторы*, но *Он вошел в Сенат*. Хотя реально описывается одна ситуация, однако формалист-язык мыслит множественное число (*в генералы, в сенаторы*) как открытое множество и употребляет с ними глагол *выходить*, а Сенат — как замкнутое пространство, в которое *входят*. Сочетание *выйти замуж* также может мыслиться как переход от одиночества к «большой открытости». Приведенная шутка усиливает (и обыгрывает) сходство выражения *выходить замуж* с физическими действиями типа *выходить в коридор*• если кто-то куда-то выходит (в коридор, на кухню, покурить), то естественно ожидать его скорого возвращения обратно.

Следует, однако, отметить, что при обозначении физических действий некоторые случаи трудно интерпретировать как «переход из замкнутого пространства в более открытое». Ср.: *Он вышел в соседнюю комнату*, где оба пространства в рассматриваемом отношении равноценны, и, тем более, примеры *Он вышел из комнаты в туалет {на кухню}*, *Он вышел из зала в курительную комнату*, где конечная точка представляет собой более замкнутое пространство, чем исходная. Видимо, играет роль функциональная общедоступность конечной точки передвижения.

Выше среднего.

«застаю за секретарским столиком кудреватую девицу *выше-среднего* возраста (Л. Леонов, Русский лес, 10; пример взят из: [Земская 1959:276]).

Сочетания *среднего* возраста, *выше-среднего* роста вполне нейтральны.

Гарантия

Кастрюлю берешь — гарантия год, на приемник—два, на холодильник — три, на мужа—ничего. Это ненормально (АТрушкин).

Глаза.

[О поэте-колхознике]

Вечера у розы Проводил не раз,

Проливая слезы Из колхозных глаз»

(М. Исаковский, О некоторых деревенских поэтах).

Глаза могут быть детские, стариковские, мужицкие, крестьянские; может быть, женские, дворянские', но не колхозные, совхозные, студенческие.

Господину госпожа:

Великий Конде, утомленный собеседником, постоянно говорившим о «господине своем отце» и о «госпоже своей матери», позвал своего лакея и сказал ему. <<Господин мой лакей, скажите господину моему кучеру запрягать госпож моих лошадей в госпожу мою карету».

Обыгрывается то обстоятельство, что, при всём уважении к родителям, их нельзя именовать *господами*.

Группа см. Стая

Давно:

Кухарка Дарья зазналась уже давно, лет десять тому назад (Тэффи, Катенька).

Глаголы с начинательным значением типа *заважничать, загордиться, зазнаться* плохо сочетаются с обстоятельствами времени.

Далеко:

— Что значит «слишком далеко»,

О чем тут рассуждать?

Где далеко от Лондона—

Париж рукой подать!

(Б. Заходер, Алиса в стране чудес).

Держать:

[Разговор детей]: *«Кто с вами живет?» — «Азор и бабушка Азор у нас уже пять лет, а бабушку держим еще дольше».*

Подчеркивается зависимость, неравноправие объекта (держат обычно животных, слуг, вряд ли преподавателей и гувернеров, ср.: *Держим преподавателя французского языка*).

Должно быть.

[О. Федор в письме жене рассказывает о стычке с Воробьяниновым] *«Какой, говорю, срам на старости лет, какая, говорю, дикость в России теперь настала: чтобы предводитель дворянства на священнослужителя, аки лев, бросался и за беспартийность упрекал! Вы, говорю, низкий человек (...) и охотник за чужим добром, которое теперь государственное, а не его». Стыдно ему стало, и он ушел от меня прочь, в публичный дом, должно быть (И. Ильф — Е. Петров, Двенадцать стульев, XX).*

Для любого предположения (в том числе и для предположения, вводимого модальным выражением *должно быть*) необходимы хоть какие-то основания. В описываемой ситуации их нет.

Дослужиться:

Троглодитов. *Чиновника государственной службы так осрамить!^ Отечеству служил верой-правдой- до геморроя дослужился~ (Н. Евреинов, Кухня смеха).*

Дослужиться до X-а. X—указывает обычно на повышение социального статуса описываемого лица, получение им за длительную и плодотворную трудовую деятельность более высокого чина, звания, ордена и т. п. (*Дослужился до генерала, ведущего научного сотрудника, Владимира I степени*). Однако почетные звания и ученые степени в этой конструкции вряд ли возможны (ср.: *Дослужился до акаде-*

13-1789

мика, до доктора филологических наук), да и не до всякого ордена можно дослужиться-. так, можно дослужиться до ордена Трудовой славы, до Героя Социалистического Труда, но не до ордена Боевого Красного Знамени и не до Героя России.

Другой.

(1) *Какой-то любезник говорил даме, что он во всю свою жизнь знал только двух вполне совершенных женщин. <<Кто же другая,?>> — спросила его собеседница.*

Прилагательное *другой* в этом значении предполагает эксплицитное указание двух объектов. Эллиптичность последней реплики аномальна.

(2) *Богатый хозяин виллы вернулся домой и отдает свой плащ камердинеру, который потихоньку шепчет.*

—*Мосье сегодня вернулся рано. Мадам его не ожидает. Мадам будет очень удивлена, впрочем, мосье тоже. Словом, я хочу сказать, что для мадам, для мосье и для мосье это будет большим сюрпризом!*

Аномальность — в опущении прилагательного *другой*.

(3) Сен я. *Вы кто, святая? (...) кто же еще согласится выгораживать негодяев? Аня. Вы так говорите о моем муже?*

Сеня. *Извините, я хотел сказать', выгораживаете вашего мужа и другого не-годяя* (В. Шкваркин, Весенний смотр, I).

Душа:

Ольга П а в л о в н а. *Душа болит.*

Караулов. *Оля, прими капель.*

Ольга Павловна. *Что ты мне в душу валерьянкой капаешь?*

(В. Шкваркин, Чужой ребенок, И).

Ехать.

(1) *«Ехать так ехать!»* — как сказал попугай, когда кот потащил его из клетки (Ч. Диккенс, Посмертные записки Пиквикского клуба).

(2) — *Ну, что же~ Ехать так ехать, как сказал Распутин, когда Пуришкевич бросал*

его с моста в воду (А Аверченко, Хомут, натягиваемый клещами).

Аномальность приведенного примера хорошо иллюстрирует наличие в толковании глагола *ехать* целевого компонента. Ср. предлагаемое Ю. Д. Апресяном толкование этого глагола: 'А перемещается из Y-а в Z, потому что А находится на W, которое перемещается из Y-а в Z, и перемещение из Y в Z входит в число целей А' [Апресян 1995: т. 1,108]. Вряд ли перемещение из Y в Z входит в число целей попугая и Распутина.

Если:

Изя, если ты еще раз дернешь дедушку за нос, я закрою крышку гроба!

Условные конструкции, по форме представляющие собой утверждение, в действительности могут использоваться в качестве побуждения, сопровождаемого угрозой: *Если ты это сделаешь, я уйду.*

Заваливать:

Комната большая, но низкая. Меблировка довольно однообразная: три стола, заваленные книгами, исписанной бумагой и газетами', три

кровати, две из которых

завалены телами лежащих мужчин, и, наконец, три стула—ничем не заваленные (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. 2, XIII).

Глагол *заваливать* предполагает деятеля, который заваливает нечто третьим, пассивным, участником ситуации. Естественно, что глагол плохо сочетается с названиями существ (**Кровать завалена студентами, кошками*). Кажется, единственное исключение — существа мертвые или по какой-либо причине лишившиеся активности: фраза *Кровати были завалены трупами {телами убитых, раненых, пьяных, арестованных}*, видимо, допустима.

Заведомо.

Говорят —русские тяжелы на подъем. Неправда, старо. Иной, из средних интеллигентов, самой судьбой определен жить и умереть в захолустье, а глядишь — сидит на крыше вагона, на носу—треснувшее пенсне, за сутулыми плечами—мешок, едет заведомо в Северную Африку и — ничего себе, только борода развеивается по ветру (А Толстой, Похождения Невзорова, или Ибикус, III).

Наречие *заведомо* обозначает «категорическую достоверность», нечто заранее точно установленное, чем и объясняется аномальность приведенного примера. Любопытно, что вводно-модальное слово *конечно*, описывающее стереотипную ситуацию (см. ниже *Конечно*), здесь более нейтрально: *...едет, конечно, в Северную Африку...*— хотя оно не вполне вписывается в данное Е. Яковлевой [Яковлева 1994: 253] определение стереотипной ситуации: Северную Африку вряд ли можно отнести к числу основных центров русской эмиграции. Ситуацию, описываемую фразой *...едет, конечно, в Северную Африку*[^] точнее определить как частный случай стереотипной ситуации «русские от революции уезжают хоть на край света».

Заводиться; Водиться.

(1) *...он сравнивал детей с клопами, говорил, что они «заводятся» и что их нужно шпарить кипятком (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. II, VII).*

(2) *Если в доме водится какая-нибудь неэстетическая тетка с флюсом,—ее запирают в плакар (Тэффи, Жильцы белого света).*

(3) *Дарий набрал новое войско и послал его на Марафон, не сообразив, что на Марафоне водится Мильтиад (Тэффи, Древняя*

история).

В основе значения (и правил синтаксического употребления) глаголов *заводиться* и *водиться* лежит представление о самозарождении неких вредных существ, о появлении их из какого-то продукта или материала (*В муке у нас завелись черви, в постели клопы, на кухне тараканы, а в погребе мыши*). Поэтому данный глагол недопустим при описании людей и крупных животных — см. выше (2) —(3), а также сомнительную фразу *В нашем лесу завелись волки*: волки могут *прийти* или *появиться*. Даже фраза *В помойке завелись (водятся) крысы* не очень хороша (а вот более мелкие грызуны, например мыши, уже могут там *завестись*). Может показаться странным факт, что в комнате не могут *завестись* такие мелкие существа, как мухи. Дело, видимо, в том, что говорящие отчетливо осознают, что мухи откуда-то прилетают, а не заводятся — в отличие от других летающих насекомых, например моли. Фраза *В стенном шкафу у нас завелась моль* совершенно нормальна.

Заниматься:

Милый друг Виктор Александрович, в настоящее время я лежу в постели и занимаюсь кровохарканием (А. Чехов — В. А. Гольцеву, 11 дек. 1901).

Злокачественный.

(1) *Здесь обрел даровую квартиру*

Муотс злокачествен, подл и плешив И оставил в наследие миру Образцовых доносов архив

(Н. Некрасов, Недавнее время).

(2) *Женщина с самого сотворения мира считается существом вредным и злокаче*

ственным (А. Чехов, О женщинах).

Комический эффект приведенных фраз, видимо, усилился в XX веке — благодаря тому, что сфера употребления слова существенно сузилась и несколько изменилось его значение (см. об этом Введение, с. 13—14).

Знаменосец:

Идущий под белым флагом тоже чувствует себя знаменосцем (Г. Малкин, Максимы и минимы).

В толковых словарях отмечается, что знаменосец — это тот, кто носит или несет знамя. Это, очевидно, не так Видимо, в некоторых

контекстах слова *знамя*, *стяг*, *флаг* действительно взаимозаменяемы и каждое из них допускает сочетание со словом *знаменосец*, ср.: *Над толпой реял красный флаг {стяг, знамя}*. *Знаменосец шел в первом ряду митингующих*. Однако ни белый флаг, ни желтый карантинный, ни флаг Красного Креста нельзя назвать знаменем, а тех, кто носит или несет их, — знаменосцами.

Знать:

(1) — *У вас здесь такая злая собака,*—отвечал посетитель в ответ на приглашение войти и указал наэрделя, бешено лающего невдалеке.

— *Но разве вы не знаете, что собака, которая лает, никогда не укусит?*

— *Я-то знаю, но только вот неуверен, знает ли об этом собака.*

(2) [Три свидетеля под присягой показали, что видели, как обвиняемый украл свинью. Хитрый адвокат обвиняемого сказал, что у него есть двенадцать свидетелей, готовых под присягой показать, что не видели, чтобы обвиняемый украл свинью] *Мировой судья промолвил с должным достоинством.—Если имеются двенадцать человек, которые не видели, как он украл свинью, и только трое, которые видели, я снимаю с него обвинение.*

В значение глагола *знать* включают обычно компонент 'истинность'. Знание — объективно и неизменяемо. Отсюда невозможность употреблений типа *Я знал, что идет дождь, но это была неправда*, *Я знал, что идет дождь, а он знал, что не идет*. Пример (1) и особенно пример (2) иллюстрируют положение, что отсутствие знаний не может приниматься в расчет при установлении истины. «Если кто-то каким-то знанием не располагает, оно не перестает быть истинным» [Нов. слов, син.: 130]. Человек может не знать, что лающая собака не кусается, но сама собака не может этого не знать.

Сложнее и интереснее след, пример обыгрывания значения глагола *знать*:

(3) *В психбольнице удалось вылечить больного, который считал себя зерном. На все вопросы он отвечал, что он человек, а не зерно, как ошибочно считал раньше. Однако через несколько минут после выписки он, бледный, прибежал обратно в больницу: «Т-там куры!»* —

«Ну и что? Вы же знаете, что вы человек, а не зерно». — «Я-то знаю, а куры-то не знают!»

Можно подумать, что аномальность примера (3) связана с субъектом знания; могут ли куры *знать*, и можно ли считать их знание более достоверным, чем знание человека? Это, однако, ошибочный путь. Замена кур крестьянами и изменение концовки анекдота (*Я-то знаю, а крестьяне-то не знают!*) не устраняет аномальность. Видимо, мы столкнулись здесь с разными видами знания. Вероятно, именно это разделение имеют в виду исследователи, разграничивая *знание* и *достоверность*. Л. Виттенштейн в работе «О достоверности» говорит об абсолютно достоверных пропозициях, по отношению к которым сомнение или бессмысленно, или логически невозможно и которые не могут вводиться выражением *я знаю*. «Я знаю, что больной лежит здесь? Бессмыслица! Я сижу возле кровати больного и внимательно смотрю на него... Употребление выражения *я знаю* в ситуации непосредственного восприятия возможно только в одном случае — когда речь идет о философских проблемах знания. Я сижу в саду с философом, который всё время повторяет: “Я знаю, что это дерево”, указывая при этом на дерево рядом с нами. Проходит некто и слышит это, и я ему говорю: “Этот человек не сумасшедший, просто мы философствуем”» [Виттенштейн 1984, по: Дмитровская 1988: 167—169]. Знание и достоверность отличаются тем, что знание о чем-то можно иметь или не иметь и, в соответствии с этим, поступать то так, то этак- *Я знал, что это ядовитые грибы, а он не знал и набрал их полную корзину*. Знание приобретают—не сразу и не все, достоверное — очевидно изначально и для всех. Путаница этих понятий как раз и обыгрывается в анекдоте о сумасшедшем. Достоверное (то, что он человек, а не зерно) сумасшедший переводит в знание. Изменение своей позиции по этому вопросу он рассматривает как факт личной биографии, как свой переход от незнания к знанию,—тогда как куры не получили, как он опасается, этого нового знания и могут вести себя в соответствии с прежними знаниями о мире (например, о съедобности тех или иных окружающих предметов).

Еще один пример обыгрывания различия между знанием и достоверностью:

(4) [Разговор двух приятелей]:—*Почему ты, Клинков,—переворачиваясь на живот, с упрёком сказал Подходцев,—не*

предупредил меня, что мы живем в России?

— *Совсеமுменя это из головы вон* (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. 1, VIII).

Достоверное не нуждается в утверждении или напоминании. Фразы типа *Пора бы знать, что ты уже не ребенок-, Не забывай, что ты живешь в России* — не напоминание о возрасте или месте жительства собеседника, а совет учитывать это обстоятельство в своих поступках.

Приведем еще два примера, где затрагивается соотношение знания и веры:

(5) *Что власть большевиков кончится, мы не только верим, мы это знаем, хотя никто не может предсказать, когда и в какой форме это произойдет* (В. Ходасевич, 1917—1927; цит. по: [Нов. слов, син.: 130]).

(6) *Этот вождь ничего не знал, но обо всем сообщал Поэтому люди ему верили* (А. Платонов, Чевенгур).

Интимный:

мне посчастливилось узнать много ценных и любопытных сторон увлекательной Петькиной жизни, вплоть до самых интимных (А. Аверченко, Тихое помешательство, I).

Комический эффект связан с тем, что речь идет о двухмесячном ребенке. В этом своем значении (почему-то вообще не отмечаемом в МАС) прилагательное *интимный* указывает: для взрослых — на сексуальную сферу жизни, для маленьких детей — на сферу физических отпращиваний.

Каю.

Македонский царь Архелай, как гласит предание, на вопрос одного славившегося своею несносною болтливостью брадобрея, как он прикажет себя выбрить? — отвечал. «Молча».

Вопросительное наречие *как* может относиться по смыслу не только к основному содержанию описываемого, но и к окружающему фону.

Как бы.

Зачем я здесь, не там,

И так наалкоголен,

Что даже плыть неволен По бешеным валам,

О белый Валаам,

*К твоим грибам сушеным,
Зарям багряно-алым,*

К твоим как бы лишенным Как бы хвостов шакалам (Ин. Анненский, Из Бальмонта).

Пародируя иллюзорность, неопределенность, свойственные поэтике символизма, Анненский сочетает частицу *как бы* с единицами, с ней не сочетающимися. МАС объявляет сочетание сравнительного союза *как* с частицей *бы* разговорным, с чем согласиться трудно: *как бы* нередко встречается в поэтической, публицистической и даже научной речи, не говоря уж о художественной прозе (на четырех страницах романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» Н. Д. Арутюнова нашла 6 *как бы* [Арутюнова 1996: 62]). Странно выглядит также замечание, что *как бы* «употребляется для выражения условно-предположительного сравнения», — ведь любое сравнение «условно-предположительно». Различие между единицами *как* и *как бы* есть, но заключается оно не в этом: *как бы* вообще нельзя квалифицировать как союз сравнительный. Мы согласны с Н. Д. Арутюновой, видящей здесь модальную частицу или местоименное наречие [Арутюнова 1996:68]. Сравним два следующих примера: *Веревка — как змея* vs. *Веревка — (это) как бы змея*. Смысл первой фразы: ‘Веревка похожа на змею’; смысл второй: ‘Веревка условно принимается за змею’. Единственный пример на *как бы*, приводимый в МАС, имеет более сложный смысл: [Кот] *потеря о ноги Кузьмина, промурлыкал и ушел обратно в ночные комнаты, как бы приглашая Кузьмина за собой* (Паустовский, Дождливый рассвет). Здесь тоже нет сравнения: уход кота не сравнивается с приглашением следовать за ним, а (возможно!) является знаком приглашения. Н. Д. Арутюнова справедливо полагает, что частица *как бы* — «знак неполного соответствия семантики предиката обозначаемому им явлению» [Арутюнова 1996: 68], однако излишне категорично ее утверждение о том, что для *как бы* характерно «неприятие слов с четким понятийным содержанием. Нельзя *как бы* написать письмо, как бы поступить в институт, как бы родить ребенка и пр.» [Арутюнова 1996: 69]. В разговорной речи эти фразы (даже последняя), на наш взгляд, допустимы, когда создается видимость совершения действия (ср. *Она как бы родила ребенка и потребовала себе отпуск*). Да и высмеянный Анненским *как бы хвост*

шакала в некоторых ситуациях (напр., в условиях сцены), видимо, возможен: *А веревка — (это) как бы хвост шакала.*

Интересное объединение неполного соответствия и намека находим в след, шутке:

Экскурсовод в музее рассказывает туристам: «Посмотрите на эту статую. Как изящно вытянута у нее рука! Этим жестом она как бы говорит. “Не забудьте дать на чай экскурсоводу”».

Качество.

Серафима Карповна. Я хочу замуж идти (...) Он благородный, хорошей фамилии, может место хорошее получить-

Карп Карпыч. Может, качества какие есть?

Серафима Карповна. Качеств за ним никаких не слышать.

(А Островский; пример из: [Одинцов 1982]).

Возможно, Островский не стремился достичь здесь комического эффекта, возможно, для него это употребление существительного *качество* было нейтральным. Ср. след, замечание В. Даля: «Народ понимает *качество* человека в дурн. знач. *За ним, кажись, никаких качеств нет*» [Даль 1978—1980: т. 2, 99—100]. Интересно, что в современном языке существительное *качество* и образованное от него прилагательное *качественный* может, напротив, указывать на положительные свойства предмета, ср.: *борьба за качество продукции* (= за высокое качество); *качественные стали* (см. МАС).

Когда:

(1) — *Эх, дурак я был, когда на тебе женился-*

—Я это знала, да думала, что ты со временем поумнеешь~

(2) *Профессор. Расскажите мне хотя бы пару случаев из биографии Джона Мильтона.*

Студент. Пожалуйста: когда он женился, то написал «Потерянный рай», а когда его жена умерла—то «Возвращенный рай».

В (1)—(2) обыгрывается склонность конструкций с *когда* устанавливать, наряду с временной, также и причинно-следственную зависимость между частями сложного предложения, ср.: *Когда пошел дождь, мы спрятались в телефонной будке.*

Конечно:

Вводно-модальное слово *конечно* относят к показателям «категорической достоверности». В такое понимание не укладываются

употребления типа *Ивана Петровича, кажется, нет дома. В пивную, конечно, пошел, Всегда в руках цветы. Или она их держит, или она их нюхает. И, конечно, одета очень прекрасно* (М. Зощенко, Рассказ про даму с цветами); *Ты, конечно, сейчас на диван с газетой завалишься*, где речь идет о возможных событиях или возможных пристрастиях. Поэтому мы склонны согласиться с Е. С. Яковлевой [1994: 252—257], которая использует при описании *конечно* понятие **стереотипа** (= представления говорящего о стереотипной ситуации). «Событие (явление) стереотипно, если оно: 1) не неожиданно и 2) не единично (т.е. соотносимо со множеством подобных)» [Яковлева 1994: 256]. Так, в наших примерах Ивану Петровичу свойственно ходить в пивную, студенту—быть хилым и «непрочным», модной даме — хорошо одеваться, а ее мужу—валяться с газетой на диване. Несколько необычным (но не противоречащим такому пониманию) является след, пример из рассказа М. Зощенко:

(1) **[Гражданин, потерявший галошу]:** *Галоша, говорю, конечно, не новенькая, но дорога, как память о потраченных деньгах. («Голубая книга. Неудачи»).*

Необычность примера заключается не в отсутствии стереотипности, а в необычном понимании этой стереотипности: стереотипными в Советской России объявляются старые галоши.

Невозможность описать с помощью *конечно* единичную (не стереотипную) ситуацию можно проиллюстрировать след, примером: *Юн стал знаменитым, разбогател и женился, конечно, на Бриджит Бардо* (при допустимости... *разбогател и женился, конечно, на первой красавице*). Ср., однако, у Зощенко:

(2) *Напротив ее [Феклуши] едет Федоров, Никита. Рядом, конечно, Анна Ивановна Блюдечкина — совслужащая из соцстраха. Все лиговские.*

Некоторые любопытные дополнительные сведения о *конечно* можно получить из след, шутки Тэффи:

(3) **[Заболевающая Тэффи слушает случайного гостя]**

Субъект монотонно бубнил: «Имею имение за Варшавою, конечно, небольшое... Имею доход от имения, конечно, небольшой~»

Снится это мне или не снится?

—Имею луга в имении, конечно, небольшие~

—Имею тетку в Варшаве~

—Конечно, небольшую,—неожиданно для себя перебиваю я (...)—
Молодой человек, вы, по-видимому, такой любезный—приведите ко
мне доктора, конечно, небольшого (**Тэффи, Воспоминания**).

Конструкции с *конечно* этого типа должны, видимо, указывать на
**нечто существенное и само собой разумеющееся в описываемой
ситуации.** Для

врача это, конечно, не комплекция, а опытность и величина
причитающегося ему гонорара. Нейтральными были бы высказывания
типа *Вызови доктора, конечно, самого дорогого (лучшего, опытного,
известного), Вызови доктора, конечно, недорогого.* Обращаем
внимание на тот факт, что в описываемом случае (как и во многих
других) существует **несколько стереотипных ситуаций**; здесь, как
мы видим, возможны даже указания на антонимичные признаки
(*дорогого — недорогого*)! для богатого человека стереотипен вызов
дорогого доктора, для бедного — вызов недорогого доктора.
Любопытно, однако, что по признаку «опытность» подобного
противопоставления нет, фраза *Вызови доктора, конечно, неопытного
{плохого}* странна и возможна разве что в необычной ситуации, когда
больного хотят не лечить, а залечить.

Кормить:

—Вот, Лева, когда я бил такой, как ты, семилетний мальчик, у
меня не было ни отца, ни матери. Я росу чужих и часто не било чего
есть»

—Да, но зато с тех пор, как ты у нас живешь, тебе, папа, ведь
хорошо: тебя кормят три раза в день~

Обыгрывается несимметричность социальных ролей: малолетнего
сына кормят, его родителей — нет.

Который.

(1) —Знаешь, дорогая, работника, который чинил нашу крышу,
задавил автомобиль.—Господи, да что же это делается! Даже на
крыше уже нельзя чувствовать себя в безопасности от этих машин!

(2) —Меня мучает голод, который не тетка,—заявил Громов (А.
Аверченко, Подходцев и двое других, ч. I, X).

(3) —Я ничего не могу решить,—говорил мосье Годар (...) —Я
должен сперва посоветоваться с мэром, **который** только что умер и
еще не избран (В. Набоков, Посещение музея).

В (3) аномально соединение с помощью *который* указания на должность и указания конкретных лиц, ее занимающих Нейтральной была бы фраза *Я должен сперва посоветоваться с мэром. Прежний мэр только что умер, а новый еще не избран.*

Кроме.

(1) *Сидите вы тут сиднем и кроме невежества не видать в вас никакой цивилизации* (А. Чехов, Умный дворник).

(2) *Кроме мужчин и женщин население городишка состояло из министров и генералов* (Тэффи, Городок).

(3) *В Англии разрешено все, кроме того, что запрещено, а в Германии, наоборот, запрещено все, кроме того, что разрешено.*

В (3) подчеркивается то обстоятельство, что ограничение, вводимое предлогом *кроме*, менее значимо, чем само ограничиваемое множество: в Англии разрешенного больше, а запрещенного меньше, чем в Германии.

Кроме того:

Пища римлян отличалась простотой. Ели они два раза в дени, в полдень закуска (prandium), а в четыре часа обед (coena). Кроме того, поутру они завтракали (фриштик), вечером ужинали и между едой морили червячка. Этот суровый образ жизни делал из римлян здоровых и долговечных людей (Тэффи, Древняя история).

Тэффи подметила то, что упустили из вида составители толковых словарей: вводное сочетание *кроме того* обычно вводит компоненты менее значимые, чем те, которые были указаны раньше.

К счастью .

Учитель. *Приведите пример употребления выражения «к счастью».*

Ученица. *Грабители подстерегли на пустынной дороге путника и убили его. К счастью, он не захватил с собой денег* (впрочем, фраза допустима, например, в устах наследников убитого).

Кусать:

[Лозунг] *Одернут немедленно должен быть всякий,*

Кто кусает прохожих посредством собаки.

Глагол *кусать* предполагает в качестве средства не инструменты — кусачки, *пассатижи* и т. п., а только зубы, причем свои (а не зубы своей собаки).

Лечить.

Всем больным и поестъ дай и чтоб лечили не до смерти (А. Трушкин).

Модель управления глагола *лечить*, кто — кого — от чего. Обстоятельства образа действия выражаются чаще всего наречиями (*лечить успешно*) или именной группой с предлогом *до*, причем круг допустимых здесь существительных крайне ограничен, они указывают на **улучшение** в состоянии больного: *лечить до полного выздоровления, до значительного улучшения* и нек. др. «Лечить» *до резкого ухудшения*, а тем более *до смерти* — нельзя, до смерти можно только *залечить*.

Личность.

*В деревне слыл смелее всех,
Мальчишка был шальной закалки И мог разделить под орех
Любую личность в перепалке* (М. Исаковский, Политпросвет).

Лучше:

(1) *...апостол Павел говорит в одном из своих посланий, что лучше взять себе жену, чем идти в геенну и во огонь вечный,—обнимаю и поздравляю тебя—рекомендуй меня баронессе Дельвиг* (А. Пушкин —А. А. Дельвигу, 20 фев. 1826).

(2) *Лучше быть богатым, но здоровым, чем бедным, но больным.*

(3) *Лучше эскимо без палочки, чем палочка без эскимо* (Эмиль Кроткий).

(4) *Лучше быть немножко сытым,*

Чем голодным, аки пёс,

Лучше быть слегка побитым,

Чем совсем утратить нос.

Пузыри—хотя бычачьи —

Лучше мыльных пузырей;

Ласки, нежности телячьи —

Лучше пламенных страстей (Журн. «Осколки»).

(5) **Моментальников.** *...лучше умереть под красным знаменем, чем под забором* (В. Маяковский, Баня, I).

(6) *Лучше хсуравль в небе, чем утка под кроватью.*

Лучше употребляется при выборе между двумя примерно равноценными объектами, тогда как в приведенных примерах объекты явно неравноценны. В примере (3) формальным основанием для

сопоставления несопоставимых по ценности объектов является то обстоятельство, что они составляют комплект — «эскимо на палочке».

(7) *Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан* (М. Салтыков-Щедрин, по: [Ефимов 1953]).

(8) *Маленькое жалованье гораздо лучше большого безденежья* (А. Чехов, Персона).

(9) *Лучше заложить старую лошадь в маленькую повозку, чем новые часы в большой ломбард* (Журн. «Сатирикон»).

(10) *Шумная слава лучше тихого помещательства* (Эмиль Кроткий).

В (7)—(10) обыгрывается тот факт, что иногда (но не в данном случае!) добавление определений уравнивает ценность сопоставляемых объектов и делает оправданным использование наречия *лучше*, которое без этих определений было бы аномальным. Ср.: *Лучше твердая четверка, чем сомнительная пятерка; Лучше большой окунь, чем маленькая щука, Лучше синица в руках, чем журавль в небе* — при аномальности фраз *лучше четверка, чем пятерка*).

Полная равноценность альтернатив также препятствует употреблению *лучше*, ср.:

(И) *Однажды Моллу спросили: Шолла, когда несут покойника, где быть лучше— впереди гроба или позади?» — «Где хотите—ответил Молла,—только не посередине».*

Видимо, рассматриваемые альтернативы должны быть примерно равноценны не только для говорящего, но и для адресата, ср.:

(12) *Почему ты все дуешь в трубу, молодой человек?*

Полежал бы ты лучше в гробу, молодой человек (О. Мандельштам, Газелла).

Н. Д. Арутюнова отмечает, что *лучше* в контексте сослагательного наклонения служит прагматическим целям смягченного выражения совета, рекомендации: *лучше* оставляет адресату право выбора (см. [Арутюнова 1988:254—256]).

(13) *Встречаются два старичка: «Здравствуй. Ты как себя чувствуешь?» — «Спасибо, намного лучше, чем завтра»* (Журн. «Крокодил»).

Оптимистическое по форме, высказывание (13) содержит пессимистическое утверждение о неуклонном ухудшении

самочувствия.

Лучший!

Вы боитесь, чтобы мы не отдали Вам лучшую комнату „Лучшей комнаты на нашей даче нет: все худшие,, (А. Чехов —А. Н. Плещееву, 25 апр. 1988).

Любопытство.

Добрые, революционно настроенные парижане поймали как-то на улице аббата Мори. Понятно, сейчас же сделали из веревки петлю и потащили аббата к фонарю.— «Что это вы хотите делать, добрые граждане?» — с весьма понятным любопытством осведомился Мори (А. Аверченко, Нечистая сила).

Предлагаемое в словарях толкование — «стремление узнать, услышать что-л. во всех, даже несущественных, подробностях» (МАС) оставляет на периферии важный компонент значения, который нарушается и, тем самым, отчетливо проявляется в приведенной шутке: любопытство — это стремление X-а узнать нечто, не имеющее для X-а первостепенного значения.

Мастер; Мастержца; Держательница.

(1) — *„нужно, чтобы в это время из кухни пахло чем-нибудь таким, знаете ли,,*

—Жареные гуси мастера пахнуть,—сказал почетный мировой, тяжело дыша (А. Чехов, Сирена).

(2) *Мастерица виноватых взоров,*

Маленьких держательница плеч —

Усмирен мужской опасный нором,

Не звучит утопленница-речь (О. Мандельштам).

Слова *мастер, мастерица* в этом значении сочетаются, как справедливо отмечается в МАС, с именной группой с предлогом *на* или же с инфинитивом: *Мастер он был и на бойкое слово, и на прибаутку (Наумов, Еж); Мастерица бросать виноватые взоры. Они необычны при описании «неживого» — ср. выше (1), но, видимо, допустимы при описании животных (Наша кошка—мастерица мышей ловить).*

Употребление родительного падежа свойственно другому значению слова *мастер*, связанному с профессиональной деятельностью (*Часовых дел мастер\ Мастер художественного слова*). Употребление родительного падежа в (2) (*мастерица*

виноватых взоров) необычно вдвойне: 1) существительное *мастерица* вообще плохо сочетается с род. падежом (ср.: '*мастерица художественного слова*, '*мастерица спорта*); 2) бросание виноватых взоров возведено в (2) в ранг плодотворной профессиональной деятельности.

В отличие от слова *мастерица*, слово *держательница* сочетается с род. падежом, но принадлежит сугубо деловой сфере (ср.: *держательница гостиницы, акции*). Отсюда необычность сочетания *держательница плеч*.

Мать см. Отец.

Меньший; Младший; Старший:

— Он [Есенин] обозвал их [животных] нашими меньшими братьями (...) Если мы появились после животных, то скажи, старшина, кто они нам—младшие или старшие братья?— Старшие, товарищ капитан третьего ранга (В. Конецкий, Последний раз в Антверпене).

Мертвецы.

ЛУЗ всей компании, *мертвецы* скучной, самым интересным был Алексей Петрович, хотя он всё время молчал (А Чехов—А С. Суворину, 11 апр. 1890) — ср. допустимые сочетания типа *страшно (невыносимо) скучный*.

Мертворожденный:

Древняя история есть такая история, которая произошла с римлянами, греками, ассириянами, финикиянами и прочими народами, говорившими на *мертворожденных* языках (Тэффи, Древняя история).

Мешать.

Любимый вопрос учителей и экскурсоводов, если кто-то в группе ведет посторонние разговоры: «Иванов, я тебе не мешаю?»

Если учитывать толкование слова, предлагаемое в толковых словарях («*Мешать*. Быть, являться помехой, препятствием в чем-л> — МАС), то в описываемой ситуации и ученики мешают учителю, и учитель ученикам, хотя это заведомо не так. Толкования не учитывают важный компонент значения глагола, касающийся общественного статуса («социальных ролей») описываемых лиц: лицо, обладающее более низким статусом, может мешать лицу с более высоким статусом, но не наоборот.

Мой.

(1) [Сенечка решил жениться на девушке с ребенком, но вдруг узнаёт, что слухи о ребенке вызваны недоразумением]. Сенечка. *Виноват* Как же так? Значит, реального дитяти нету? (...) *Ведь я по ночам, на себя глядя, умилялся, всхлипывал-Нету моего подвига. Обманули, обесчестили. Отдайте моего чужого ребенка!* (В. Шкваркин, Чужой ребенок, III).

(2) *На столе лежал человеческий череп. Я приблизился, бесцельно потыкал пальцем в пустую глазницу и рассеянно спросил: «Ваш череп?» «Конечно, мой. А то чей же». — Очень симпатичное лицо. Обаятельная улыбка. Скажите, он вам служит для практических целей или просто как изящная безделушка?*

—*Помилуйте! Это череп одного халдейского мага из Мемфиса.*

—*А вы говорите — ваш* (А Аверченко, Оккультные тайны Востока).

Мужественно:

Винифред поселилась в одной из бедных квартир беднейшей части Лондона. (...) Здесь сидела она на своем сундуке, мужественно строя планы будущего (Стивен Ликок, Неотразимая Винни, пер. С. Займовского).

Обыгрывается тот факт, что построение планов (даже самых смелых) не требует мужества.

Мы.

(1) *С трибуны: — Товарищи, в следующей пятилетке мы будем жить еще лучше! Из зала:—А мы?*

(2) *Жена, получив письмо, с досадой убирает его в стол.—Что это ты от меня скрываешь? Ведь мы обещали друг другу, что у нас все радости и печали будут общие.—Да, ты прав. Вот тут некая Катрин извещает нас, что мы стали отцом ее ребенка.*

Справедливо подчеркивается, что *мы* может включать говорящего (говорящих) и не включать адресата (адресатов) — пример (1), но возможно и обратное — пример (2). См. также **Наи;Я**.

Наверное:

Вот, значит, номеру ней муж. Она сначала, наверное, легко отнеслась к этому событию. «А-а,—думает,—ерунда!..» А потом видит —нет, далеко не ерунда!.. Женихи по свету не бегают пачками (М. Зощенко, Голубая книга. Деньги).

Наедине:

Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно, а теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец — а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром (А Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 20 авг. 1833).

В сочетании *Наедине сХ— Х* обычно человек (*наедине с любимой женщиной*), его мысли (*Он остался наедине со своими мрачными мыслями*), вряд ли животное (*Юж* *остался наедине с тигром (волком, собакой)*) и уж конечно не предмет.

Наличие; Отсутствие:

(1) *Всякие идеи, теории, философские убеждения хороши только при наличии их отсутствия* (Е. Венский, пар. на Л. Шестова, по: [Новиков 1989]).

Антонимы *наличие* и *отсутствие* могут, казалось бы, сочетаться с любым существительным, конкретным и абстрактным. Е. Венский показывает, что это не так Интересно, что в этом словосочетании антонимы перестановочны и равны по смыслу слову *отсутствие* (*наличие отсутствия — отсутствие наличия = отсутствие*).

«Странность» этого словосочетания неоднократно обыгрывали и другие авторы, в частности И. Ильф и Е. Петров:

(2) —*При наличии отсутствия пропитанных шпал—кричал Виктор Михайлович на весь двор—это будет не трамвай, одно горе!* (Двенадцать стульев, X).

(3) — *Наших в городе много?—спросил Остап напрямик—Каково настроение? —При наличии отсутствия-.*—сказал Виктор Михайлович и стал путано объяснять свои беды (Двенадцать стульев, XIV).

Намек:

Ваня пишет возлюбленной. «Танька, приходи вечером в сарай, буду в-ть». Таня отвечает: «Намек поняла, приду».

Аномальность — в отсутствии неясности, недомолвки, обязательной для намека. Подробнее о намеке см. в гл. Прагматика, с. 395—400.

Наследственность:

Она (раздраженно). *Никак не могу тебя понять. Иногда ты ведешь себя как истинный мужчина, а иногда как самая настоящая женщина В чем дело?*

Он (спокойно). *Дело, по-видимому, в наследственности: одна половина моих предков была мужчинами, а другая половина — женщинами.*

В МАС дается следующее определение слова *наследственность*: «Свойство живых существ передавать свои основные признаки и качества потомству». Видимо, в число этих признаков не входят признаки, обусловленные половой принадлежностью предков.

Начинаться:

Преступник, которого в понедельник ведут на казнь, говорит: «Ничего себе неделька начинается!»

МАС указывает, что глагол *начинаться* (*начаться*) имеет значение ‘начать совершаться, происходить’. Это правда, но не вся: не учтены некоторые важные элементы в значении этого слова и в правилах его употребления. На один из них наткнулся (случайно?) автор приведенной шутки. Комический эффект вызван здесь тем, что подобное высказывание естественно, только если говорящий рассчитывает дожить до конца этой недели. Интересно, что сказанное касается лишь небольших отрезков времени (день, неделя, месяц, может быть год), но не для больших, чем продолжительность человеческой жизни. Упомянутый преступник (а также и любой из нас) вполне мог бы сказать (не нарушая языковых норм): *«Ничего себе столетие (или тысячелетие) начинается!»*, хотя никто из нас не может рассчитывать дожить от начала столетия (или тысячелетия) до его конца. И еще один любопытный (а впрочем, довольно естественный) факт конструкции не допускает заполнения ее указаниями на слишком уж малые промежутки времени: плохо не только *Ничего себе секунда Счинута) начинается!*, но и *Ничего себе час начинается!*

Наш.

На балу муж показывает супруге гостей-

—Вон тому стойки —любовница Ивана Петровича,рыжая — любовница Пал Палыча, а та блондинка —моя~

*— Семен! Таки **наша** самая лучшая!*

Казалось бы, мы имеем здесь дело с резким нарушением нормы: обычно говорят *наше* о том, о чем каждый может сказать *и мое*. В действительности нарушение заключается не в этом — ведь мать ребенка может, например, сказать: *наша кормилица, наша*

учительница, хотя это — кормилица (учительница) ребенка, а не ее. Выражение *наша любовница* в устах жены аномально, видимо, потому, что здесь ущемлены интересы говорящего.

См. также Мы.

Не.

(1) *Джентльмен никогда не ударит женщину, не сняв шляпу.*

Добавление факультативных зависимых членов резко меняет смысл отрицательной конструкции. И это не обязательно деепричастный оборот, ср.: *Джентльмен никогда не ударит женщину при свидетелях.*

Чаще всего обыгрывается один тип оценочных конструкций — конструкции, где введение отрицания не меняет оценку на противоположную, ср. (2)—(4):

(2) *Редактор провинциальной газеты поместил разоблачительную статью под заголовком-. «Половина наших воротил—взяточники». Под давлением местных политиканов он вынужден был дать опровержение под заголовком: «Половина наших воротил не взяточники».*

(3) *Встречаются два друга.*

— *Ты знаешь, а я женился. Вот и фото есть с собой. Ну как?*

— *Бывает и хуже-*

— *Что?!*

— *Ой, извини, хуже не бывает!*

(4) — *Вы, милостивый государь, мне в подметки не годитесь!!*

— *Ну, это еще вопрос!!*

Невылазно:

Я знал, что она была невылазно богата, как никто в губернии (А. Чехов, Пустой случай)

— ср. допустимые сочетания типа *страшно (чудовищно, сказочно) богата. Незлопамятный-*

Он был незлопамятен: не помнил зла, которое причинял другим (Эмиль Кроткий). Обыгрывается важный компонент значения (недостаточно четко обозначаемый толковыми словарями): *незлопамятный*—‘не помнящий зла, причиненного ему’.

Немедленно:

[Андрей С., 3 тодг]:—*Включи, пожалуйста, неменено (= немедленно) пластинку.*

Словари не отмечают, что наречие *немедленно* употребляется обычно при обращении «сверху вниз» (отец—сыну, профессор — студенту, но не наоборот). От-

сюда аномальность примера, а также фраз типа •*Профессор, примите у меня (пожалуйста) немедленно экзамен*; нужно: *Профессор, примите у меня (пожалуйста) как можно скорее (прямо сейчас) экзамен*.

Не первой свежести.

(1) —*Петр,—говорят,—Антонович. Человек вы квалифицированный, не первой свежести, ну, мало ли в пьяном виде трюхнетесь об тумбу—разобьетесь же. Пейте несколько полегче* (М. Зощенко, *Сильное средство*).

(2) —*Как тебя зовут?*

—*Епигикой,—отвечал мальчик, вложив в рот палец не первой свежести* (А. Аверченко, *Актриса*).

(3) *Загорелый, жилистый, не первой свежести кулак закачался, как маятник, у самого моего глаза* (А. Аверченко, *Страшный мальчик*).

Сфера употребления конструкции *Р не первой свежести* весьма ограничена. Обычно *Р— 1*) пища (*рыба, котлеты, телятина*, но вряд ли допустимо *капуста, суп, ката не первой свежести*); 2) о д е ж д а (*майка, рубашка*), но не верхняя одежда —*плохо пальто, шуба не первой свежести*, вряд ли *брюки не первой свежести, шляпка не первой свежести*. При этом, однако, допустимо *панама не первой свежести*, видимо, *не первой свежести* бывает та одежда, которая нуждается в старке, а не в чистке. Употребление с существительными других групп (кроме двух указанных) производит, как мы видели, комический эффект. Ср. также *'теория Сженицина) не первой свежести*.

Непосредственно:

Он [Пашинцев] взял бутылку— с надписью «Смерть буржуям»— и перелил ее непосредственно в горло (А. Платонов, *Чевенгур*).

См. также с. 330.3—331.

Несколько:

л писал к тебе несколько раз или (чтоб не солгать) два раза — стихами и прозою, как бывало в старину (А. Пушкин — Н. С.

Алексееву, 26 дек. 1830).

Пушкин подчеркивает, что *два*— это еще не *несколько*.

Неуловимый:

В таверне один посетитель говорит другому, указывая на ковбоя, не спеша проезжающего мимо таверны:

—*Это неуловимый, Джо!*

—*Неужели его так трудно поймать?*

—*Поймать-то нетрудно, да кому он нужен?*

В смысл прилагательного *неуловимый* входит, видимо, представление о том, что уже были попытки поймать описываемое лицо (или животное) и что все они были неудачны. Ср. сомнительную фразу: *Это неуловимый Джо. Полиции только раз удалось поймать его.*

Ничего!:

О знаменитом русском *авось* много говорили и говорят как сами русские, так и иностранцы. Но есть слово (наверное, не менее точно отражающее особенности

русского национального характера), на которое обратил особое внимание именно иностранец — немецкий канцлер Отто Бисмарк (см., например, [Михельсон 1994, т. 1:700]). Говорят, что Бисмарк по пути в Петербург нанял ямщика, но усомнился, что его лошади (больше похожие на крыс, чем на лошадей) могут ехать достаточно быстро. «Ничего-о!» — отвечал ямщик и понесся так быстро по неровной дороге, что Бисмарк забеспокоился: «Да ты меня не вывалишь?» «Ничего!» — отвечал ямщик. Тут сани опрокинулись, и Бисмарк упал в снег, в кровь ободрав лицо о пень. В ярости он замахнулся на ямщика стальной тростью, а тот загреб ручищами пригоршню снега, чтобы обтереть окровавленное лицо Бисмарка, и всё приговаривал: «Ничего... ничего-о!» В Петербурге Бисмарк заказал кольцо из этой трости с надписью *Ничего!* и признавался, что в трудные минуты он испытывал облегчение, говоря себе: «Ничего!» Когда «железного канцлера» упрекали за слишком мягкое отношение к России, он отвечал: «В Германии только я один говорю “ничего!”, а в России — весь народ».

Затруднительно описать значение слова *ничего* в его предикативном употреблении. Это что-то вроде: ‘Нечто нежелательное произошло потому, что нам не повезло. Не нужно слишком огорчаться. Не нужно предпринимать особых усилий: жизнь непредсказуема, в

будущем нам может повезти', «авось пройдет» (В. Даль). Этот скорее пассивно-оптимистический смысл слова подтверждается новообразованиями типа *ничевошник* — «*кош* всё нипочем» (В. Даль), а также типичными контекстами, в которых оно встречается: *Ничего! Прорвемся! {Бог не выдаст, свинья не съест!, Никто, как Бог!, Перемелется, мука будет,!}* и т. п.). М. И. Михельсон пишет: «Это слово как бы пополняет собою не менее излюбленное: *авось, небось* и *как-нибудь*» [Михельсон 1994, т. 1:700].

Новость:

Мы прежде всего направляли стопы на Круглый рынок и спрашивали, нет ли каких новостей', оттуда шагали на Мытный двор и почти с гневом восклицали', «да когда же наконец белорыбицу привезут?» (М. Салтыков-Щедрин, Современная идиллия, II).

Щедрин обращает внимание на наличие в значении существительного *новость* смыслового компонента, не отмечаемого толковыми словарями: социальная значимость описываемого. Наличие или отсутствие белорыбицы — это *слух*, может быть — *известие*, но не *новость*.

НОЧЬ:

В Гренландии обвиняемого в убийстве эскимоса допрашивает судья:

— Скажите-ка нам, что вы делали в ночь с 1 октября на 31 марта?

Высказывание судьи полностью соответствует помещаемому в словарях толкованию слова *ночь*: «Часть суток от восхода до захода солнца, от вечера до утра» (МАС).

Нуль:

[Из лекции по противовоздушной обороне] *-дети от нуля до пяти уносятся в первую очередь* (В. Ардов, Почки).

В Древней Руси (и в русской народной культуре) числовой ряд не включал нуль, который и сейчас допустим в обыденной речи лишь в некоторых сочетаниях (*Температура от нуля до пяти градусов* и некоторые другие).

14-1789

Обитать:

— *Теперь можно узнать,—сказал бледный доктор, дрожа всем телам—пуст этот гроб или же~ он обитаем?* (А. Чехов, Страшная

ночь).

Обитать где-л. может лишь живое существо.

Обобратиться.

Светская женщина: — *Терпеть не могу мужнин и собак: от них потом детей и блох не оберешься.*L (Журн. «Новый Сатирикон»).

Шутка подчеркивает два смысловых компонента глагола *обобратиться* (употребляющегося, как справедливо отмечается в словарях, только с отрицанием *не*):

1) нежелательность объекта; 2) его множественность или обилие. Кроме этих (фиксируемых словарями) смысловых компонентов можно выделить еще один: объект—абстрактное понятие (*стыд, срам, грех, хлопоты, упреки*) или мелкое животное (*блохи, клопы, мухи, может быть, мыши*), но не растения, крупные животные, человек. Вряд ли допустимо: *В нашем лесу волков (ворон) не оберешься, В московском метро бомжей не оберешься.*

Обоего:

Ко мне хорошо относятся крестьяне обоего пола (И. Ильф, Записные книжки).

См. также гл. Синтаксис, с. 118.

Общее.

У него было кое-что общее с Бальзаком: он тоже женился в Бердичеве (Э. Кроткий).

Признак, общий для сопоставляемых объектов, обычно касается внешности, важных душевных или профессиональных качеств, ср. допустимые изменения приведенной фразы: *.joh* *тоже был грузен* (С *он тоже писал большие романы, он тоже был реалистом*). Иногда это очень редкий признак (фраза *У этого француза было кое-что общее с Бальзаком: он тоже женился в Бердичеве* менее аномальна, потому что для французов женитьба в Бердичеве — большая редкость). Видимо, сопоставление облегчается при равенстве социальных ролей обсуждаемых лиц: фраза *У меня есть кое-что общее с инженером Богатыревым: мы оба родились в Воткинске* допустима, тогда как фраза *У меня есть кое-что общее с композитором Чайковским: мы оба родились в Воткинске* — явно аномальна.

Обыкновенно; обыкновенный:

(1) *К даме, только что в третий раз овдовевшей, входит лакей и спрашивает: «Где поставить катафалк?»* Дама {после минутного

размышления): «Ах, да как обыкновенно, в темный зал» (Журн. «Сатирикон», 1908).

Первое естественное предположение — «трагическое не может быть *обыкновенным*» — отмечается, поскольку вполне естественны фразы типа: *Обыкновенно террористы подкладывают бомбы у передних дверей троллейбуса*. Возможно, дело в том, что наречие *обыкновенно* предполагает (точнее, не исключает) повторение описываемых событий **в будущем**, что в устах безутешной вдовы выглядит несколько странно.

(2) — *Кроме того, он [писатель Максудов] подражает..*

— *Кому? — спросил Рудольфы.*

— *Аверченко! — вскричал молодой человек, вертя и поворачивая книжку (...) — самому обыкновенному Аверченко (М. Булгаков, Театральный роман, 5).*

Прилагательное *обыкновенный* не сочетается с именами собственными. Отметим, что здесь вполне допустимо, например, прилагательное *гениальный* (*подражает гениальному Аверченко*), но не близкие ему по значению прилагательные *талантливый*, *способный*, *выдающийся* (ср. сомнительные фразы типа *подражает талантливому {способному, выдающемуся} Аверченко*).

Один:

(1) [Из показаний человека, обвиняемого в нарушении общественного порядка]

— *Слышу, кричат: «Пожар!» Ну, я и выскочил на улицу в одном презервативе.*

В этом значении лексема *один* сближается с частицей *только* (*выскочил на улицу в одном белье*). Тем самым, презерватив квалифицируется как одежда, что и производит комический эффект. Сходный смысл слово *один* имеет в след, примере:

(2) **Александр Миронович. Всё-таки чем-нибудь он занимается? Или просто работник кино, с одной бородой? (В. Шкваркин, Чужой ребенок, III) — двух бород у одного человека не бывает, один сближается здесь с частицей *только* (по значению!, синтаксические структуры совершенно разные).**

(3) *...ей [Лизе] кто-то сказал, что вообще как-будто писатели живут довольно недурно (...) И пусть она среди этой прослойки что-нибудь себе поищет. Но Лиза не знала, где ей этого искать. И потому*

она не без поспешности сошлась с одним первым попавшимся автором (М. Зощенко, Бедная Лиза).

**Один из первых см. Предпоследний
Одинокий.**

[Разговор мужчины и женщины]

—Зайдем лучше ко мне.

—jk одинокому мужчине я не пойду!

—Яне одинокий! У меня есть канарейка, граммофон и две рыбки в аквариуме.

Что ему было на это возразить? (А. Аверченко, Роковая гребенка).

Опираться.

Голое мокрое дерево поникло от горя. Пьяница расстегивает пальто, опершись лицом о забор (Т. Толстая, Милая Шура).

Оскорблять.

Жена, вся в слезах, жалуется вернувшемуся с работы мужу: «Сегодня твоя мать прислала тебе письмо, в котором жестоко оскорбляет меня». Муж читает письмо и не находит там ничего оскорбительного.—А ты посмотри на приписку к письму,— говорит жена.—Видишь, что там написано: «Дорогая Алиса, не забудь передать это письмо Джорджу».

В письме, действительно, содержится оскорбительный смысл («Алиса, ты читаешь чужие письма»), однако с п о с о б его передачи подтверждает его обоснованность, и тем самым оскорбление перестает быть оскорблением и становится констатацией факта.

Осторожность — трусость:

—Дети, кто мне объяснит, какая разница между осторожностью и трусостью?

— Осторожность—это когда ты сам боишься, а трусость — когда боится кто-то другой.

Оба слова включают оценку: осторожность — положительную (опасения признаются обоснованными), трусость — отрицательную (опасения признаются необоснованными или преувеличенными), но эти оценки, как и любые другие, достаточно субъективны, что и подчеркивается в приведенном примере.

Отдаваться.

Юность свою Нерон посвятил истреблению родственников. Затем *отдался* искусству и постыдному образу жизни (Тэффи, Древняя история).

Отгадывать:

—Я вижу каждый день вас с дочерью моей,
Усердно целый год вы дом наш посещали,
Жениться, что ли, вы желаете на ней,
Иль с целью другой?— **С другой, вы отгадали!**
(Журн. «Искра»).

Глаголы типа *отгадывать* допустимы в контексте общих вопросов, включающих дизъюнкцию (*Вы собираетесь | в Ярым или на Кавказ?—Да, вы угадали, в Крым*), но не в контексте дизъюнктивных вопросов (*Вы собираетесь в Крым | или на Кавказ?—*Да, вы угадали, в Крым*). Аномальность усиливается, если дизъюнктивную пару составляют единицы, резко различающиеся по смыслу (ср.: *Вы придете или нет?— *Выугадали, не приду*). Отсюда комический эффект приведенного примера из журнала «Искра».

Отец; Мать.

(1) На демонстрации робота, который отвечает на все вопросы, англичанин задает вопрос. — *Что сейчас делает мой отец? Замигали огоньки, и из машины выползла лента. «Сейчас ваш отец ловит рыбу на берегу Темзы». Торжествующе хохоча, англичанин уличает машину во лжи и показывает телеграмму от его секретаря: «Лорд Бартеля вылетел вчера на курорт в Ниццу». На повторный запрос машина ответила: «Лорд Бартеля вылетел вчера на курорт в Ниццу. А ваш отец ловит рыбу на берегу Темзы»* (Анекдоты от Никулина)

— подчеркивается приоритет биологической стороны отцовства над юридической (ср. также выражения *родной отец; настоящий отец*).

(2) —Гражданин, уступите место женщине. Видите, она собирается стать матерью!

—А я, может, собираюсь стать отцом! (К/ф «Операция Ы и другие приключения Шурика»).

Если при зачатии и при жизни ребенка роли отца и матери сопоставимы по важности, то при вынашивании ребенка и при

родах роль матери несопоставима по важности и трудности с ролью отца, и это находит отражение в языке.

Отечественный:

И потом, эти длительные поездки-побеги [Тургенева] в Париж (...) Издали, когда они не мешают, видимо, как-то легче воспевать отечественных женщин (Ф. Искандер, Сандро из Чегема, 21).

Правила сочетаемости этого прилагательного достаточно сложны: оно сочетается с названиями изделий (отечественные товары, телевизоры, колбасы), некоторых растений (отечественные тюльпаны, но не: *отечественные березы, ромашки), некоторых социальных групп (отечественные товаропроизводители, но не: *отечественные крестьяне, студенты). Ср. также сомнительные сочетания *отечественные реки, женщины, волки.

Отсутствие см. Наличие

Отходчивый.

Иван Грозный был не грозным, а милым,, добрым, отзывчивым человеком. Правда, он был вспыльчив, но отходчив, что видно из картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына» («Чукоккала».

3. Паперный).

Комментарий см. на с. 361.

Очередь.

—Мама! Поехал покойник, л за нгш идет большая очередь (К Чуковский, От двух до пяти).

Шутка иллюстрирует разницу в значении слов *очередь* и *процессия*, *очередь* за X-ом — это группа людей, желающая иметь X, строго упорядоченная (в соответствии со временем их фиксации как участников очереди) и именно в такой последовательности получающая X (продукты, жилье и т. п.); *процессия* — группа людей, движущаяся в одном направлении с определенной ритуальной целью (похороны, демонстрация и т. п.). *Процессия* движется в пространстве как целое, *очередь* как целое — неподвижна, передвигаются (от «хвоста» к «голове») лишь ее элементы.

Память см. Прощание

Пахнуть.

В конструкции X пахнет Y-ам или X пахнет ни в первой позиции (X), ни во второй (Y) не может стоять существительное,

обозначающее человека или животное. Ср.: *Ваши пальцы пахнут ладаном (А Вертинский), цветы почти не пахнут, цветами почти не пахнет но не: *Летя пахнет ладаном {табаком), *Крокодил почти не пахнет, *Крокодилом почти не пахнет (Нужно: От Пети пахнет ладаном <:табаком); От крокодила почти не пахнет). Нарушение этого сочетаемо-стного условия вызывает комический эффект и не раз подвергалось обыгрыванию. Ср. (1)—(3):*

(1) —*Да и вонь же у вас, синьор!—* сказал я, входя [в гостиницу] и кладя чемодан на стол. Смотритель понюхал воздух и недоверчиво покачал головой. «Пахнет, как обыкновенно—сказал он и почесался—*Это вам с морозу. Ямщики при лошадях дрыхнут, а господа не пахнут»(А Чехов, Ночь перед судом).*

(2) *Пришла Наташа. Где была?*

Небось, не ела, не пила~

И чует мать, черна как ночь:

Вином и луком пахнет дочь (О. Мандельштам).

(3) *...в тяжелом воздухе пахло щами, пеленками и Егорычем (А Чехов, Старый дом).*

Первый:

Молодой человек представляет гостям свою молодую супругу, с которой они только что провели медовый месяц:

—Познакомьтесь: это моя первая жена!

(А. Кнышев, Уколы пера).

Порядковое числительное *первый* предполагает, что есть (или будут) другие предметы или лица этого вида. В описываемой ситуации эта предпосылка выглядит странно.

Перепрыгивать:

Едет ковбой на лошади, видит, впереди лужа, думает вслух.

—Я— ковбой, я перепрыгну.

Перепрыгнул, едет дальше, впереди ручей, ковбой говорит:

—Я— ковбой, я перепрыгну.

Перепрыгнул, едет дальше, увидал ущелье и говорит.

—Я— ковбой, я перепрыгну.

А лошадь ему отвечает:

— Ты ковбой, ты и прыгай.

Говорящие отмечают два разных значения глагола *перепрыгивать*, одно из которых не фиксируется толковыми словарями: ‘с помощью

средства передвижения (лыжи, мотоцикл, лошадь и т. п.) через верх преодолеть преграду. Другое возможное решение — ввести в толкование глагола еще один (факультативный) компонент ‘возможно, используя какое-л. средство передвижения’.

Перечислять:

—Петров, сколько было в Греции муз?

—Девять, господин учитель.

— Так, а **перечислить** можешь?

—Могу. Первая, господин учитель, вторая, третья, четвертая,,,
(Журн. «Сатирикон», 1910).

Перечисление предполагает указание имен, а не порядковых номеров, поскольку номера ситуативно обусловлены и еще более условны, чем имена.

Петь:

Был я в Италии. Раз во Флоренции поехал на извозчике осматривать Фьезоле. Извозчик на козлах все время поет-заливается. Потом вдруг оборачивается ко мне и протягивает шляпу: «Я вам пел».—Да я вас вовсе не просил». Начинает скандалить, кипятииться. Дал ему две лиры. Едем дальше. Я начал во все горло петь. Попел, потом толкаю извозчика в спину и протягиваю ему шляпу: «Я вам пел!» Он изумленно взглянул, усмехнулся, достал кошелек и положил мне в шляпу лиру (В. Вересаев, Невыдуманные рассказы о прошлом).

Словари (МАС) различают пение профессиональное и «обычное», но не учитывают еще один важный компонент в значении глагола *петь* (который как раз и иллюстрируется приведенной комической сценкой): петь можно для собственного удовольствия, а можно для кого-то другого (и это последнее пение не обязательно профессионально, ср.: *Мать поет сыну колыбельную, Маша поет нам старинные романсы*, однако предполагается, что оно доставит X-у эстетическое наслаждение).

Питаться.

Хлебовводов вынес из личного опыта суждение, что комары питаются исключительно ответственными работниками, совершающими инспекционные поездки (А и Б. Стругацкие, Сказка о тройке).

X питается Y-ом. Конструкция содержит ограничения на соотношение величины X-а и Y-а: съедающий существенно

больше по размерам, чем съдаемый (*Волки питаются зайцами, кроликами, птицей; Удавы питаются мелкими млекопитающими; плохо: * Волки питаются коровами, лошадьми и, тем более: */Сомары питаются овцами (козами, коровами, людьми)'*), **нужно: кровью овец, коз, коров,людей).**

Плюнуть.

Тут Ипполит Матвеевич не выдержал и (...) смачно плюнул в доброе лицо отца Федора. Отец Федор немедленно плюнул в лицо Ипполита Матвеевича и тоже попал (И. Ильф — Е. Петров, Двенадцать стульев, IX).

Указание на успешный результат здесь излишне, поскольку в выражении *Плюнул в X-а* важно не столько прямое попадание в цель, сколько намерение оскорбить,— в отличие от многих других глаголов, обозначающих физическое действие. Выражение... *кинул камнем в лицо Ипполита Матвеевича и тоже попал, видимо, нейтрально.*

По.

Я очень люблю писателей, которые описывают старинные запущенные барские усадьбы, освещенные косыми лучами красного заходящего солнца, причем в каждой такой усадьбе, у изгороди, стоит по тихой задумчивой девушке, устремившей свой грустный взгляд в беспредельную даль (А Аверченко, Смерть девушки у изгороди).

Комический эффект вызван, главным образом, употреблением предлога *по*, задающего в этом значении строгое распределение (по одной, и только одной, тихой задумчивой девушке, но непременно на каждую старинную усадьбу). При замене предложной конструкции на беспредложную этот эффект существенно снижается: ...в каждой такой усадьбе, у изгороди, стоит тихая задумчивая девушка, устремившая свой грустный взгляд в беспредельную даль.

Подлизываться.

—Подлизывается музкружок к своему начальству: только два дня как загрипповал завклубом, а музыканты уже похоронный марш репетируют!

Подпись:

—*Это ваша подпись?*—спросил человеку Поротого, указывая на подпись на контракте (...)

—*Моя Только я не писал.*

—*Гм. Значит, она подложная?*

—*Подложная, бесовская*

(М. Булгаков, Черный маг).

**Подпись — «фамилия, собственноручно написанная под чем-л. (под каким-л. текстом, рисунком, картиной и т. п.)» (МАС).
Толкование явно не учитывает важ-**

ный компонент смысла — функцию подписи, то, что она удостоверяет принадлежность лицу X некоего текста или же его знакомство с текстом (ср.: *Подпись под письмом, в ведомости на получение зарплаты*). В приведенной шутке Булгакова дело, однако, не в этом. Она наталкивает нас на вывод о наличии у слова *подпись* еще одного значения, *подпись 2*, указывающего на класс *подписей 1*, имеющих некие общие графические особенности, присущие лишь данному лицу и недоступные для воспроизведения никем другим (ср. *Подпись человека многое говорит о его характере; У него красивая подпись*). Подложной, фальшивой может быть *подпись 1*, т. е. отдельная конкретная подпись, но не *подпись 2*.

Подснежник.

Работник «Водоканала» говорит: «Самое тяжелое время для нас весна — снег тает, подснежники появляются».

Е. А. Земская отмечает, что кроме общелитературного *подснежник 1* есть второе слово (*подснежник 2*), сохраняющее ту же внутреннюю форму, но имеющее совсем другой денотат, в жаргоне автомобилистов так называют тех, чьи машины простояли зиму без использования [Земская 1990: 160—161]. В приведенном примере фиксируется еще одно значение слова — *подснежник—3*, также сохраняющее его внутреннюю форму: по законам «черного юмора» так называют покойников, пролежавших зиму под снегом.

Пожилой.

С пожилой собакой шел молодой мужчина.

В МАС дается толкование: «начинающий стареть, немолодой», не учитывающее важный смысловой компонент—‘человек’, который и обыгрывается в данной шутке. Поэтому фразу можно понять скорее метафорически, как описание пожилой женщины.

Поздно:

Уребенка закатился мячик под кровать. Он просит достать его. Мать говорит: достань сам. Ребенок полез было, но отшатнулся— Ну, что же ты?—Ой, там под кроватью уже поздно! (В. Ардов, Почки).

С наречием *поздно*, указывающим на конечное время суток, связывается представление о темноте, что и привело к ошибочному употреблению наречия *поздно* вместо наречия *темно*.

Покойник си. Труп

Пол:

• *Существуют три пола: мужчины, женщины и священники* (С. Смит).

Шутка обнаруживает сложность, от которой с такой легкостью отмахиваются многие толковые словари; ср. толкования, предлагаемые в МАС'е: «МУЖЧИНА. Лицо, противоположное по полу женщине»; «ЖЕНЩИНА. Лицо, противоположное по полу мужчине».

Поровну:

[Разговор посетителя с хозяином ресторана):

— *Скажи правду, ты добавляешь еще что-нибудь в пирог с зайчатинной?*

— *Видите ли» Иногда я, ну, как вам сказать, добавляю конины»*

— *Ясно. И в каком соотношении?*

— *Поровну: один заяц на одну лошадь.*

Комический эффект сохраняется и при употреблении синонимических выражений типа *пятьдесят на пятьдесят*. Интересно, что при менее резких различиях по величине сравниваемого аномальность не ощущается (ср.: *один заяц на одну курицу {на одного кролика}*).

Посвящать.

*Юность свою Нерон **посвятил** истреблению родственников. Затем отдался искусству и постыдному образу жизни* (Тэффи, Древняя история).

В нейтральном употреблении глагол *посвящать* сочетается — в этом значении — с указаниями на важную, общественно полезную деятельность — *посвящать жизнь детям, науке, искусству, освобождению родины, борьбе за свободу родины* (но не *войне за свободу родины!*). Истребление родственников таковой не признаётся.

Однако фразу можно сделать корректной, ничего не меняя в общем смысле высказывания: *Юность свою Нерон посвятил истреблению врагов — своих родственников.*

Последний.

(1) *Секретарь спросил Рабиновича, почему он не б-ыл на последнем партсобрании—«Если бы я знал, что оно последнее!».*

В (1) говорящие обращают внимание на то, что прилагательное *последний* может указывать не только на максимальную близость к моменту речи, но и на завершающий элемент ряда, который не будет иметь продолжения.

(2) [Учительница с нетерпением ждет, когда ученик вымоет ноги] —*Ну, скоро ты?— Последнюю домываю.—Ты что, сороконожка?*

При употреблении прилагательного *последний* число элементов описываемого множества не может быть меньше трех.

Потому что; Так как.

(1) *...он [чубарый конь] положивши свою морду на шею своего нового приятеля, ка*

залось, что-то нашептывал ему в самое ухо, вероятно, чепуху страшную, потому что приезжий беспрестанно встряхивал ушами (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, V).

Гоголь обыгрывает одну особенность сложных предложений, на которую лингвисты обратили внимание лишь в XX в. Речь идет о предложениях типа: — *Что, ветерок в аллее?—Да, потому что листья дрожат* [Виноградов 1975: 267]. Дрожание листьев не может быть причиной ветра (как раз наоборот!), но этот факт может быть причиной утверждения о том, что есть ветер, делает это утверждение уместным. Точно так гоголевский Чубарый нашептывает чепуху не потому, что приезжий конь встряхивает ушами (как раз наоборот!). В обоих примерах сложное предложение объединяет не два факта, а факт (пропозицию) и речевой акт—точнее, иллокутивный показатель речевого акта (подробнее об этом см. [Падучева 1985: 46; Иорданская 1988]; на материале сочинительных конструкций — [Санников 1989]). Еще один показательный пример — из стихотворения Саши Черного «Русское»:

(2) *Пальцы тискают селедку~*

Водка капает с усов,

И сосед соседям кротко Отпускает «подлецов».

*(Те дают ему по морде,
Так каклицу пьяных нет)*

И летят в одном аккорде Люди, рюмки и обед.

Придаточное причины указывает не на причину события (начавшейся драки), и не на причину, по которой делается высказывание (*Те дают ему по морде*), а на причину того, почему автор употребляет бранно-просторечный синоним — *морда*. Это особый, кажется не отмеченный ранее, вид конструкций — метаязыковая причинно-следственная конструкция.

(3) *Грибы имеют форму зонта потому, что растут в дождливую погоду* (Эмиль Кроткий).

Почти; Гораздо.

(1) *«У ваших ног лежат, синьора,
Ия, и жизнь, и честь, имен!»*

—продекламировал «декадент», садясь у ее ног и восторженно глядя на нее белесоватыми глазками—*Это ваше?—Мм., Почти.—Что это значит-, «почти»?*—*Значит, что это стихотворение Толстого, но я его переврал,—мечтательно отвечал тот* (Тэффи, Забытый путь).

Наречие *почти* не сочетается с притяжательными местоимениями и прилагательными, хотя нетрудно представить себе множество ситуаций, где его употребление было бы вполне осмысленным, ср.: *Дом почти мой {почти мамин}-, осталось заплатить последний взнос.* С относительными прилагательными *почти* также не сочетается (**стержень почти железный*), если только при них нет уточняющего наречия типа *полностью, целиком-*, фраза *Стержень почти тцеликом железный*, видимо, допустима. Важно также, что *переврал нечто*, мы не делаем это нечто своим.

(2) *Разве можно было считать скучным человека (...), который из простой бумаги складывал пистолет—и пистолет этот стрелял почти не хуже настоящего!* (Б. Заходер).

(3) *Зураб Соткилава сказал по ТВ о концерте итальянцев-. «Мы можем гораздо не хуже»* («Неделя», № 14, 1998).

Ю. Д. Апресян отмечает, что слово *почти* «обозначает близость к пределу определенного свойства, состояния, процесса или действия, в частном случае — близость к полюсу какой-то шкалы» [Апресян 1995: т. 2, 624]. Именно это правило семантического согласования слова

почти (распространяющееся, видимо, и на слова типа *гораздо*) нарушено в (2)—(3): сочетание *не хуже* далеко от полюса ка-кой-л. шкалы.

См. также ***В присутствии.***

Появляться.

—*Вы знаете, когда я здесь появился, у меня даже приличной одежды не было!*

—*А когда я здесь появился, у меня вообще не было никакой одежды*

—*Да бросьте шутить!*

—*Какие шутки, дорогой друг, я просто здесь родился!*

Второе употребление глагола *появиться* следует, все-таки, признать не совсем корректным: обычно в значении ‘родиться’ употребляется фразема *появиться на свет*.

Правда:

Всё простое правда, а всё сложное—неправда (Григорий Сковорода, пример из: [Арутюнова 1988]).

Предаваться.

Аристид же предавался исключительно одной справедливости, но столь рьяно, что возбудил законное негодование в согражданах (Тэффи, Древняя история).

Предполагать:

Газетная рубрика происшествий. Перпиньян, 12 марта. *Прошлой ночью в Сен-Фе-лен-дАваль Лоране Ж, 54 лет, вылила кастрюлю кипящей воды на голову своего спящего мужа, после чего нанесла ему удары скалкой для белья. Предполагают, что между супругами не всё было ладно* [В. Г. 1994].

Нейтральным было бы опущение последней фразы (в силу ее неинформатив-ности) или хотя бы использование модальных слов типа *вероятно, несомненно*.

Предпоследний; Один из первых.

Матч по легкой атлетике СССР—США Бегут двое. Американец победил. Советские газеты сообщили: «В беге на 100 метров советский спортсмен пришел одним из первых. Американский бегун был предпоследним».

В нейтральном употреблении прилагательное *предпоследний* возможно там, где описываемое множество включает несколько

элементов (не менее четырех?). Что касается словосочетания *один из первых*, то для его корректного употребления необходимо, чтобы описываемое лицо (предмет) было не первым, но ближе к первому, чем к последнему, элементу множества.

Предсказывать.

—*Представляешь, моему другу точно предсказали будущее на семь лет вперед.*

—*И кто же был этот пророк?*

—*Судья, который читал приговор.*

В МАС'е глагол *предсказать* толкуется след, образом: «Заранее сказать о том, что будет, что должно случиться, исполниться». Шутка вскрывает неполноту толкования: оно должно указывать на то, что ни предсказатель, ни слушатель не имеют достоверных сведений о предмете предсказания. Этот компонент учитывается в [Нов. сл. син.], где общая часть значений глаголов синонимического ряда, включающего глагол *предсказывать*, имеет след, вид: 'имея знание о будущем, которое люди обычно не могут иметь заранее, сообщать им о том, что произойдет', и уточняется, что «*предсказывать* допускает как мистический, так и рациональный источник знания» [Нов. сл. син.: 268—269].

Привет! Да здравствует!:

(1) —*Да! Мы герои! — восклицал Талмудовский, протягивая вперед стакан с нарзаном.—Привет ним, строителям магистрали!* (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, ХХІХ).

Иногда эгоцентризм языка парадоксальным образом проявляется в «авторской скромности», которая запрещает не только конструкции типа *Привет мне!, Да здравствую я!*, прямо указывающие на говорящего, но и «более скромные» конструкции этого типа с местоимением *мы* (*тпъ Да здравствуем мы!*).

(2) *Разгулен, забыт и непрошен,*

Стихом я влечу в торжество.

Да здравствует Макс Волошин

И ножка и ручка его

(Г. Шенгели, пар. на Н. Языкова).

Здоровье человека складывается из здоровья отдельных его органов и частей тела, но указание на них в конструкции,##*здравствует*» производит комический эффект.

Пригодный.

[Отец—сыну Никите] —... *сегодня вам исполнилось десять лет, во исполнение чего имею вручить вам этот перочинный ножик с двенадцатью лезвиями, весьма **пригодный для морского дела, а также для того, чтобы его потерять*** (А. Толстой, Детство Никиты, Поднятие флага).

Конструкция *пригодный для* обычно сочетается с указанием на целесообразную деятельность.

Принимать.

В доме у Пушкиных, в Захарове, жила больная их родственница, молодая помешанная девушка. Полагая, что ее можно вылечить испугом, родные, проведя рукав пожарной трубы в ее окно, хотели обдать ее внезапной душой. Она действительно испугалась и выбежала из своей комнаты. В то время Пушкин возвращался с прогулки из рожи.

—*Братец,*—*закричала помешанная,*—*меня принимают за пожар!*

—*Не за пожар, а за цветов— отвечал Пушкин.*—*Ведь и цветы в саду поливают из пожарной трубы* (Рус. лит. анекдот).

Человека можно *сравнивать* с цветком и даже с пожаром, но не *принимать* за них

Пристрастный:

Чтобы не быть пристрастным, я никогда не читаю книгу, которую я рецензирую (Сидней Смит).

Беспристрастность оценки предполагает игнорирование внешних обстоятельств (таких как личные отношения с автором), но не сути оцениваемого.

Простой.

(1) *Кем собраны сокровища такие,
Которыми гордится вся Россия,—*

*Атлетов мысли, гениев простых Листки, стихи, шедевры
озорные?*

(«Чукоккала». 3. Паперный).

(2) *Я сам когда-то был мистикам-одиночкой и дошел до такого состояния, что меня можно было испугать **простым** финским ножом* (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, X).

В МАС прилагательное в этом значении толкуется: «обыкновенный, ничем не примечательный». В приведенных шутках

обращается внимание на то, что есть классы предметов, которые не могут быть *простыми* (гении, а может быть, и финские ножи).

Прощание; Память:

(1) [Выступают одесситы—участники КВН]:

Репортаж о прощании советского народа,, с балыком холодного копчения. В траурном убранстве торговый зал центрального гастронома. Нескончаемым потоком идут рабочие, служащие, колхозники, студенты — все те, кто так любил его, хотя и никогда с ним не встречался («Известия», 6 янв. 1989).

(2) [Гражданин, потерявший галошу]: *Галоша, говорю, конечно, не новенькая, но дорога, тьсятс **память о потраченных деньгах*** (М. Зощенко, Неприятности. Мелкий случай из личной жизни).

В нейтральной речи в конструкциях *прощание с X-ом\ память о X-е X* — нечто дорогое и социально значимое (*товарищ, любимая девушка, родина, Петербург, отчий дом, море, жизнь, мечта*, может быть *любимая кошка, собака*), но не *деньги, балык, коньяк*.

Работать.

— *Свидетель, вы знаете подсудимого?*

— *Да. Мы с ним работали в банке.*

— *Когда это было?*

— *Числа не помню, но дело было на рассвете, примерно в три утра,,*

В нейтральном употреблении глагол предполагает общественно полезную деятельность.

См. *Труд*.

Разбавлять:

БАС предлагает след, толкование глагола: «добавляя воду или какую-л. другую жидкость, делать менее насыщенным». Сходное толкование предлагается в МАС: «прибавив воды или др. жидкости, сделать более жидким, менее крепким, горячим и т. п.» Как это нередко бывает в русских толковых словарях, приводимый пример не вполне соответствует этому пониманию: *Старичок в газетовом кафтане поспешино допил третью свою чашку [чаю], значительно разбавленную ромом* (А. Пушкин, Капитанская дочка). Вряд ли напиток стал менее насыщенным, менее крепким после добавления рому. И все-таки приведенные толкования правильно ухватывают важный компонент значения глагола. Я бы скорее признал некоторую

необычность использования этого глагола Пушкиным: с точки зрения современного употребления сочетания типа *чай, разбавленный ромом, вода, разбавленная молоком, тоник, разбавленный джином*—не совсем корректны. Ясна причина, приведшая к этой некорректности^{TM},— наличие еще одного компонента смысла, вступившего в протаворечие с первым. Когда речь идет о разбавлении чего-то чем-то, существенно, что во что добавляется, что наливается вначале, а что добавляется потом. И эта тонкость, которой составители словарей, видимо, не заметили, ощущается и в примере из «Капитанской дочки», и (более отчетливо) в след, шутке:

[Разговор торговца молоком с новым работником]:

—Джонни, ты добавил утром воды в молоко?

—Но ведь вы сами приказали мне добавить воды в молоко.

—Да, но я сказал тебе, что **сначала** надо налить воды, а **потом** добавить туда молоко. Тогда мы могли бы со спокойной совестью отвечать покупателям,, что никогда **не разбавляем молоко водой**.

Разведчик; Шпион.

Армянское радио спрашивают. «Какая разница между разведчиком и шпионом?»

— «Разведчик—это наш, шпион—их».

Разыгрываться.

Бургомистр р... Не знаю, к дождю, что ли, но только сегодня ужасно **разыгралась моя проклятая шизофрения**. Так и брежу, гаятс «брежу.- Галлюцинации, «я-вязчивые идеи, то, сё (Зевает). Табак есть? (Е. Шварц, Дракон, И).

Реагировать.

— Это правда, что Мойша дал тебе пощечину, я ты никак не отреагировал?— Ничего себе «не отреагировал»! А кто же тогда упал?

Толкование, предлагаемое в МАС — «**Реагировать** — отвечать на какое-л. физическое раздражение (об организме и его частях)»,— видимо, требует уточнения: если речь идет о человеке, то глагол **реагировать** предполагает сознательный и адекватный ответ на некое событие.

Рекорд:

В больнице врач говорит знаменитому спортсмену:

—Дорогой, у вас очень высокая температура —39,7 градуса.

—Да? А каков мировой рекорд?

Робкий:

[Рассуждения гурмана]: — *От хорошего блина глаза выскочат. А вот я посмотрю на господ~ Какие они к блинам **робкие**: штуки четыре съест и сейчас отстанет_* (И. Горбунов, Широкая масленица).

В применении к людям прилагательное *робкий* характеризует отношение к другим людям (*ис: 'робкий (по отношению) к собакам, машинам, лесу, водке, русской морфологии*).

Родственник.

Муж (проезжая на машине возле осликов, разразившихся громким криком):—*Небось это тебя приветствуют твои родственнички!*

Жена (ласково улыбаясь): —*Да, со стороны мужа.*

Пример иллюстрирует различия между кровным родством и родством, возникающим в результате брака, и показывает неточность толкования, предлагаемого в некоторых из толковых словарей: «*Родство* — отношения между людьми, создаваемые наличием общих предков» (МАС). В [Ожегов 1990] учитывается наличие, кроме кровного (прямого) родства, также и родства, основанного на брачных отношениях. Приведенная шутка интересна для характеристики отношения между двумя видами родства: основным (и первым, которое приходит в голову при восприятии шутки) является все-таки понимание родства как родства кровного.

Сам.

(1) *Корней Чуковский* L О критик «Венский»!

К чему ты тронул Парнаса тонде?

Ведь я не Горький и не Каменский,

Не Лев Толстой я, а» сам Бальмонт!

(Евг. Венский, пар. на К Бальмонта).

(2) Судья. *Эту кражу вы совершили **сами**?*

Обвиняемый. *Да, ваша честь. Мы переживаем тяжелые времена — никому нельзя доверять.*

(3) — *Мне сам папа сказал»—Мне сама мама сказала»—Но ведь папа **самее** мамы» Папа гораздо **самее*** (К Чуковский, От двух до пяти).

Свежесть см. *Не первой свежести*

Сирота, круглый сирота:

*Как называется каннибал,, который пожрал своих отца и мать?
—Круглый сирота.*

В МАС отмечается: «Круглый (круглая) сирота — тот, кто не имеет ни отца, ни матери». Приведенный случай полностью укладывается в это толкование (у каннибала, действительно, нет ни отца, ни матери). Дело, видимо, в том, что выражение *круглый сирота* допустимо только в том случае, если человек лишился отца и матери не по своей воле (подробнее см. гл. Семантика, с. 359—360).

Скончатся.

»вдова отца протоиерея Савватия Дроздова, скончавшегося от антирелигиозной пропаганды, не опустила рук, а основала замечательнейшее куроводство (М. Булгаков, Роковые яйца, V).

Скончатся от X-а. Обычно X — обозначение болезни или сильных отрицательных эмоций (*скончался от рака, тоски по родине*)', вряд ли допустимо *скончался от радости, от коммунистической пропаганды* (нужно: *...от потрясений, вызванных коммунистической пропагандой*).

Славиться:

Индийское море славилось тайфуном, Вязьма—пряниками, Пампасы—лесами, Льяноссы—степями, Венеция —каналами, Китай—уважением к предкам. Все славилось! Хорошая славушка дома сидит, а худая по свету бежит — и даже Пинские болота славилась лихорадками (Тэффи, Экзамен).

Слава может быть не только добрая, но и худая, плохая, а глагол *ославить* (разг.—си. МАС) имеет то же значение, что и формальный его антоним — глагол *обесславить*. Ср.: *Ославили его пьяницей, а всё понапрасну, Сватался, да и отступился, только девку ославил* (В. Даль). Однако однокоренной глагол *славиться* употребляется только по отношению к чему-то ценному или величественному (*Наполеон славился стремительными маршами, но не:..."жестоким обращением с пленными*'), вряд ли: *■непомерным честолюбием*).

Смерть:

Смерть есть, меня нет, я есть, смерти нет (пример из [Арутюнова 1988]).

Собственноручно:

(1) *Поэтому опишу вам только за то, что глаза мои собственноручно видели* (И. Бабель).

(2) *Джентльмены,—говорил нам мистер Троттиберн,— помяните мое слово, детей надо делать **собственноручно*** (И. Бабель, Пробуждение).

Аномальность приведенных примеров связана с нарушением правил сочетаемости и одновременно — смещением значения. В нейтральном употреблении *собственноручно* значит (в полном соответствии с внутренней формой): ‘Х совершает некое физическое действие не через посредника (что было бы вполне обычно), а своими руками, и это делает действие более значимым, ибо социальный статус Х-а высок’. Ср.: *собственноручно подписал; президент собственноручно посадил дерево*, при невозможности: **При открытии стадиона президент собственноручно пробежал 500 м* и сомнительности фраз типа: *?Я собственноручно написал сыну курсовую работу, ¹Бомж (маленький Петя) собственноручно посадил дерево.*

Совесть.

*О совести ведутся разговоры
Спокон веков, днем, ночью, то и дело
Всё совесть, совесть- зло берет!
Смотри, её любимые глаголы.
Грызет. Терзает. Мучает. Заела.
Спать не дает. Жить не дает!*
(Ю. Ким, Профессор Фауст, 3).

Сорт:

*А положили меня в небольшую палату, где лежало около тридцати **разного сорта больных**. И некоторые, видать, были тяжелобольные. А некоторые поправлялись. Некоторые свистели. Другие играли в пешки* (М. Зощенко, История болезни).

Обычно по сортам делят артефакты (продукты питания, одежду), но не людей, животных, растения — если только они не рассматриваются как пища. Ср.: *В магазин поступили зайцы {помидоры} второго сорта*, но не: **В наших лесах водятся зайцы первого и второго сорта, *На грядках растут помидоры третьего сорта*. Еще более аномально употребление этого слова по отношению к людям (если, разумеется, речь идет не о трапезе людоедов). Ср.: [Кот Бегемот] — *Неужели, мес-сир, в праздничную ночь гостей за столом разделяют на два сорта? Одни — первой, а другие, как выразился*

этот грустный скупердяй-буфетчик, второй свежести? (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 24).

Сохранять.

Она не только сохранила свою девичью фигуру, но даже удвоила ее.

Шутка подчеркивает обстоятельство, не отмечаемое словарями: если для одних существительных глагол *сохранять* допускает увеличение (ср.: *Она не только сохранила отцовский капитал, но даже удвоила его*), то для других первоначальное состояние должно остаться неизменным.

Сплошной:

*И чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озера, гористый воздух и **сплошные французы*** (И. Бабель, Как это делалось в Одессе).

Нейтральное употребление: *сплошь французы* (при существенной перестройке синтаксической структуры фразы).

Сравнивать.

—*Моя жена постоянно сравнивает меня с Аленом Делоном.*

—*Да между вами нет ничего общего!*

—*Вот и она так говорит!*

Глагол *сравнивать* может обозначать сопоставление двух объектов по каким-то параметрам. Однако если сопоставляемые объекты резко различны по природе или социальному статусу, то *сравнивать* может иметь и другое значение — ‘наличие общих черт’⁵ (ср.: *Он сравнивает ее с лилией (Даташей Ростовой)*).

Старший см. Меньший

Стая; Группа:

У зайца в лесу юбилей. Все его поздравляют. Решили послать приветственный адрес и волки. Написали и думают как подписаться «стая волков» или «группа товарищей». Думали, думали и подписались: «Стая товарищей» (Анекдоты от Никулина).

Сочетаемость слов, обозначающих совокупность животных, идиоматична: *стая волков*, но: *свора собак, табун лошадей* и т.д. (см. [Апресян 1995, т. 1: 93]). Нарушение правил сочетаемости производит комический эффект.

Стрелять:

В госпиталь этот я не стрелял и не нападаю, чего и не могло быть (И. Бабель, Конармия. Измена).

В конструкции *стрелять в X* обычно X — единичный объект человек, животное или предмет, сопоставимый с ними по размерам (*стрелять в офицера (волка, мишень, дерево, окно, дверь)*). В случае крупных или множественных объектов используется предлог *по* {*стрелять по зданию, фасаду здания, госпиталю, вражеской цепи, коннице противника*). Много промежуточных случаев: можно *стрелять в окно, дверь, забор* и *по окну, двери, забору*. Эти последние употребления показывают также, что конструкции *стрелять в* и *стрелять по* — не полные синонимы: первая предполагает большую прицельность, между тем как вторая {*стрелять по*} значит ‘стрелять в направлении X-а без особой уверенности попасть’, ср.: *Он выстрелил в окно (окна) дома лучше, чем Он выстрелил по окну (окнам) дома*. Ср. также след. предложения:

{1} *Он стрелял во врага.*

, {2} *Он стрелял по врагу.*

Наиболее естественное понимание для предложения (1) — ‘прицельно стрелял в одного человека (с большой вероятностью попасть)’, для предложения (2) с предлогом *по* — ‘стрелял (без уверенности в попадании) в совокупность людей’.

15-1789

Стрястись::

я, наблюдателю было ясно, какое счастье над Смуровым стряслось — именно стряслось, — ибо есть такое счастье, которое по силе своей, по ураганному гулу похоже на катастрофу (В. Набоков, Соглядатай).

Набоков замечает важный компонент значения глагола *стрястись* (не отмечаемый толковыми словарями и сближающий глагол *стрястись* со словом *катастрофа*), — внезапность и значительность .описываемого нежелательного события.

Сын.

[У мальчика спрашивают] «*Это кто, сын Акулины?*» — «*Нет, он ей больше уж не сын.*» — «*Почему так?*» — «*С бородой, с усами, — какой же сын*» (В. Вересаев, Рассказы о детях).

Ошибка вызвана тем, что в жизни ребенок привык видеть в качестве сыновей незрелые* людей.

Тем более:

«процветали какие-то доряне. И они воевали тогда с афинянами. Но доряне, в общем,—тоже греки. И афиняне—греки. Уж об афинянах-то и говорить, конечно, нечего. Они тем более, конечно, греки. Это уже всем известно (М. Зощенко, Голубая книга. Неудачи).

Сочетание *тем более* предполагает наличие разных степеней признака, в то время как *греком* нельзя быть в большей или меньшей степени, им можно лишь быть или не быть. Нейтральным было бы в описываемой ситуации наречие типа *бесспорто*.

Только; токмо.

(1) *...он, живучи в свете, был добрый человек и (...) только за ним было всего порока, что во всю жизнь не имел ни совести, ни чести (Ф. Амин, Ведомости из ада).*

(2) *Легионы вообще состояли из храбрых воинов, которые приходили в замешательство только при виде врага (Тэффи, Древняя история).*

(3) [Разговор мальчиков]: — *Ты бы хотел быть пиратом?*

— *Хотел Мне не стыдно. (...) Что ж, пират такой же человек, как другие. Только что грабит (А. Аверченко, Рождественский день у Киндяковых).*

Все три шутки основаны на нарушении правила соотношения смыслов компонентов X и Y в сочетании X, *только Y*. нормально, когда Y указывает на нечто, ситуативно гораздо менее важное, чем X. Нарушено соотношение компонентов X и Y и во фразе протопопа Аввакума, содержащей частицу *токмо (=только)*, но здесь это нарушение имеет совсем другой характер, ср.:

(4) [О жизни в тюрьме, на цепи] *Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы!* («Житие протопопа Аввакума») — первая часть конструкции предполагает, что во второй речь тоже пойдет о людях.

И еще одна шутка,—где обыгрывается свойство частицы *только* указывать в некоторых контекстах на допустимый максимум (или допустимый минимум):

(5) — *Черт бы его побрал, этот лифт! Часто поднимаюсь пешком*

— *Что, не работает?*

— *Работает. Но на кабине надпись: << Только на 4 человека>>, н каждый раз приходится ждать еще троих.*

То-то:

(1) — Ты знаешь, *Гфазw* *Иваныч* умер!

— Как! *Иван Иваныч!*? Умер!? ***То-то*** я вижу, его вчера в гробу несут»

Конструкция (X). *То-то* (У) значит. ‘Г-щему сообщают о неизвестном ему событии X; Г догадывается, что именно X является причиной необычного события Y, которому Г не мог раньше найти правдоподобного объяснения или же прежнее объяснение оказалось ошибочным’. Между X и Y не должно быть строгой причинно-следственной зависимости. Этим объясняется странность диалогов типа:

Ты знаешь, Иванов заболел!— *То-то он врача вызвал?*— *Ты знаешь, Петя провалился на вступительных экзаменах!*— *То-то он в ВУЗ не поступил;*

?— Наш Костя влюбился!— *То-то он женился на прошлой неделе!*

То-то употребляется там, где описывается не совсем обычное событие, причина которого еще более необычна:

(2) — *К Иванову дочь приехала!*— *То-то он с работы вчера рано ушел!*’

(3) — *Иванова побили за передергивание за карточным столом.*

— *То-то он в карты никогда не играет!*

Тройня:

Сообщение. *Тройня* родилась у гражданина X. Все три матери чувствуют себя отлично!

Казалось бы, *отец* и *мать* симметричны. Говорящие подмечают (и обыгрывают) тот факт, что во многих отношениях это не так Ср. также ***Отец.***

Труд, трудовой, трудиться.

Основное значение этих слов определяется в МАС след, образом: «*трудиться* — заниматься каким-л. трудом, делом; работать; *труд* — целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения; работа». В языковом сознании *удовольствие* и *труд* — «две вещи несовместные». Поэтому деятельность проститутки не соответствует понятию труда, ср. фразы из заметки в «Известиях» (19 нояб. 1997), явно рассчитанные на комический эффект.

(1) *По самым предварительным подсчетам в Москве сегодня активно трудятся не меньше 32 тысяч профессиональных проституток» В Козицком переулке (...) в одной квартире трудились 13 проституток Они не знали отдыха»*

Спорт также расценивается как забава, а не труд—даже спорт профессиональный, требующий больших физических усилий, ср. сомнительную фразу: *«Он третий год трудится итангистом (футболистом) (при нормальном Он третий год трудится слесарем (учителем, врачом)). Работа поэта — вдохновенна и легка (отсюда шероховатость фраз *«трудится поэтом, Он трудился всё утро, но написал только одно стихотворение»*), деятельность писателя и художника уже больше соответствует в языковом сознании понятию труда (ср.: *Писатель трудился всё утро, но написал только половину главы*).*

15*

Приведенные шутки иллюстрируют указываемые в словарях компоненты значения слов *труд, трудовой, трудиться*. Но есть другая, более интересная, группа шуток, таких, которые помогают вскрыть очевидную неполноту этих толкований.

(2) *Хирург трудился весь день не покладая рук. К сожалению, все оперируемые умерли.*

Очевидно, в понятие труда входит представление об успехе, хотя бы частичном.

(3) [На пирушке] — *Саня, Саня! Ты совсем не занимаешься физическим трудом—налей!* (А Аверченко, Новогодний тост).

(4) *Деньги же эти—трудовые, в поте лица моего выпонтированные у нашего друга Полторацкого* (А. Пушкин — С. А. Соболевскому, 15 июля 1827).

Шутки (3)—(4) показывают, что в понятие труда входит представление о б общественной полезности деятельности. Деятельность киллера или взломщика сейфов, «медвежатника» требует немалого напряжения (не только физического, но и умственного), но фраза *Медвежатник напряженно трудился всю ночь, но сумел вскрыть только один из банковских сейфов* выглядит странно. Выращивание продуктов питания, их обработка, даже сервировка

стола может пониматься как труд, потребление этих продуктов, бдения за карточным столом, взламывание сейфов и заказные убийства — нет.

Но если даже мы внесем уточнения в толкования рассматриваемых слов, то остаются всё-таки употребления, не совсем обычные, хотя и удовлетворяющие этим уточненным толкованиям. В этих употреблениях нарушены ситуативные ограничения на употребление языковых единиц. Но о них мы будем говорить в главе Семантика (разд. 6).

Труп; Покойник; Покойный:

В отличие от слова *труп*, обозначающего мертвое тело человека или животного, слова *покойник*, *покойный* могут указывать и на живого человека. В соответствии с этим в МАС выделяются, в сущности, два значения слова *покойник*. Близкий подход встречаем и у Е. Урысон, которая различает *покойник 1* — тело неживого человека, но не сам умерший человек как личность (*На столе лежал покойник*), и *покойник 2* — «человек, который умер и о котором говорят, вспоминая его живым» (*Покойник любил французские романы*) [Нов. слов, син.: 350—351]. В статье Урысон содержится много тонких замечаний о значении и употреблении слова *покойник* (и его синонимов — *мертвец*, *мертвый*, *умерший*, *усопший*, *почивший*), однако выделение двух значений слова *покойник* представляется нам несколько искусственным; приводимые ниже примеры свидетельствуют о том, что говорящие не делят образ умершего на два—до и после смерти, но присваивают покойнику двойную ипостась, нечто вроде: ‘взрослый человек, который до недавнего времени был живым, но в момент речи мертв’ (компоненты ‘взрослый человек’ и ‘до недавнего времени’ объясняют затруднительность употреблений типа: **Пятилетний покойник лежал в некрашеном гробу* **0 моем прапрадеде ходят легенды. Покойник отличался необычайной физической силой*). На одно важное условие употребления слова *покойник* обратила мое внимание М. Я. Гловинская (устно): умерший входил в личную сферу говорящего. Фраза *Хрущев умер в 1971 году. Покойник был способен на необдуманные поступки* естественна в устах человека, лично знавшего Никиту Сергеевича. Говоря о прошлом, мы мыслим умершего человека живым, не забывая, что сейчас он мертв; говоря о настоящем, мыслим его мертвым, не забывая о том, что раньше он был живым. Единство слова, нерасчлененность его на несколько значений, делает

возможным совмещением двух временных планов в пределах одного высказывания, ср.: *Покойник и при жизни был отменно некрасив*. Интересная особенность слова *покойник*—неестественность множественного числа при упоминании конкретных лиц. Ср. странную фразу: *Мои дедушка и бабушка умерли в один год. Покойники не расставались ни на один день*.

Несмотря на невеселость темы, слова *покойник*, *труп* обыгрываются достаточно часто. Несколько примеров.

(1) [Разговор двух друзей]:

— *Она сказала, что я напоминаю ей покойного брата*.

— *Очень может быть. В тебе есть что-то от трупа* (А. Аверченко. Подходцев и двое других, ч. II, 3).

(2) [Поэт Бездомный пишет заявление в милицию] *«В милицию. Члена МАССОЛИТа Ивана Николаевича Бездомного. Заявление. Вчера вечером я пришел с покойным М. А. Берлиозом на Патриаршие пруды~»И сразу поэт запутался, главным образом из-за слова «покойным». С места выходила какая-то безлепица: как это так— пришел с покойным? Не ходят покойники!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 11).

Булгаков и его герой здесь слишком придирчивы: покойники, действительно, не ходят, но они *ходили*. И фраза Бездомного *Вчера я пришел с покойным Берлиозом на Патриаршие пруды* грамматически правильна. Так же, как фраза А. Чехова из рассказа «Дурак»:

(3) *Иду к покойнику, так и так, мол, папаша милый, слово дал венчаться хочу*.

Отметим, однако, одно интересное обстоятельство, свидетельствующее, как будто, в пользу понимания Е. Урысон. Есть временной интервал, когда умершего человека нельзя назвать *покойником* или *покойным* — это сам момент смерти. Фразы: *'Покойный умер в пятницу, в 2 часа дня, 'Дедушка-покойник умирал тяжело* выглядят странно (ср. допустимые фразы типа *Еще накануне, перед смертью дедушка-покойник был весел и оживлен*). И все же в целом для языковой интуиции в значение слова *покойник* входят (на равных правах!) две ипостаси описываемого существа — и до, и после смерти. Свидетельством (пусть косвенным) в пользу такого понимания являются некоторые примеры использования слова *труп*.

Слово *труп* обозначает, как мы уже указывали, тело умершего человека (ср. недопустимость: **Труп любил французские романы*). Это отражается и на сочетаемости этого существительного с другими словами, ср.:

(4) *Всё это дело вышло из-за, царствие ему небесное, мертвого трупа* (А. Чехов, Унтер Пришибеев).

В царствие небесное вхожи *умершие, покойные, покойники* (*Покойник-дядя, царствие ему небесное, говаривал*),— но не *трупы*. Показательна в этом отношении строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова: *Знакомый труп лежал в долине той*. В романе «Дар» В. Набоков пишет. *Вам никогда не приходило в голову, что лермонтовский «знакомый труп» —это безумно смешно, ибо он, собственно, хотел сказать «труп знакомого»,— иначе ведь непонятно, знакомство посмертное контекстом не оправдано* (знакомство посмертное — и нейтральное употребление сочетания *знакомый труп* — имело бы место, например, в устах служителя морга). Действительно, Лермонтов допустил неточность, но неточность эта очень показательна: даже в слове *труп* человек до смерти и после смерти может мыслиться как нечто единое. Тем более это справедливо по отношению к *покойнику*.

Трусость см. ***Осторожность***

Убивать.

(1) — *Учеными же доказано, что всякое растение есть живое существо, и если оно не может говорить, то это не доказывает,, что оно не чувствует. О, как я был жесток! Сколько огурцов я убил на своем веку!* (А. Аверченко, Апостол, И).

Пример (1) показывает, что толкование глагола, предлагаемое в словарях: *убить* 1. «Лишить жизни, умертвить» (МАС), не совсем точно. Ведь растения тоже *живут* (ср.: *У меня не живут цветы* (Н. Гумилев), *жизнь растений* и т. п.). Между тем (1) явно воспринимается как аномальное.

(2) [Разговор следователя с мужиком, отвинтившим гайки на железной дороге]:

— *Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов,людей бы убило! Ты людей убил бы!*

— *Избави господи,, ваше благородие! Зачем убивать? (...) век свой прожили и не токмо что убивать,, но и мыслей таких в голове не*

было... (А. Чехов, Злоумышленник).

В (2) Чехов тонко подмечает различие между каузацией прямой и каузацией не прямой, косвенной (см. [Булыгина — Шмелев 1997: 189]), и, в этой связи, разное понимание говорящими значения глагола *убивать*. Интересный пример обыгрывания разных видов каузации находим у В. Набокова:

(3) [Надежда Ильинична («одна из беднейших набоковских родственниц») наблюдает недоразумение между воспитателями Набокова — француженкой и одесским евреем]: *...при этом в Надежде Ильиничне, не жаловавшей Mademoiselle за сожжение Москвы, а Ленского за распятие Христа, злорадство боролось с сочувствием («Другие берега»).*

Необходимо отметить, что эта фраза грамматически правильна, но относительно другого смысла, согласно которому гувернантка и гувернер — н е п о -средственные участники сожжения Москвы и распятия Христа. Что касается описываемой ситуации, то если даже видеть здесь так наз. косвенную каузацию, то и тогда фраза (3) аномальна; нейтральными были бы громоздкие выражения типа... *не жаловала Mademoiselle за то, что она — француженка, а французы Москву сожгли.*

Интересное наблюдение, касающееся каузации события, содержится в след. анекдоте:

(4) *Бабушка спрашивает маленького Леву:*

— Кто это разбил окно?

— Мама. Но виноват папа. Он пригнулся, когда тарелка летела ему в голову. Уже.

В зоопарк пришла мама с ребенком, — Мама, это уже обезьяна? — Нет, сыночек, это еще кассирша (В. Ардов, Записные книжки).

В соответствии с детским пониманием, есть граница, за которой все встретившиеся живые существа — это звери.

Умирать.

Маня...как же играть, когда я роли не понимаю? (...) Хотела обратиться к автору — оказывается, он умер естественной смертью*, от недостатка гонорара

(В. Шкваркин, Чужой ребенок, I).

Умереть можно от сердечной недостаточности; можно умереть также от голода и лишений (вызванных недостатком гонорара!), но не

от самого недостатка гонорара непосредственно.

Участвовать:

[Иван Иванович) *сделает надпись над бумажкою с семенами*!. «Сия дыня съедена такого-то числа». Если при этом был какой-нибудь гость, то «**участвовал** такой-то» (Н. Гоголь, Повесть о том, как поссорился Иван Иванович...).

Можно участвовать в благовидных и неблаговидных мероприятиях (приготовлении обеда, постройке дома, праздничном ужине, демонстрации, драке, краже), но не в поедании арбуза.

Хамить.

Сконфуженная Торопецкая повесила трубку и сказала!. «Из-за вас я нахамила не тому, кому следует!» (М. Булгаков, Театральный роман, 10).

Подчеркивается недопустимость хамства —ни при каких обстоятельствах. Спровоцированное, ответное хамство называется уже не хамством, а *грубостью*.

Хвалить:

Почтения, любви и нежной дружбы ради Хвалю тебя, мой друг, и спереди и сзади

(А. Пушкин, Variantes en l'honneur de m-lle NN).

Хвалить можно за ч т о, но не г д е.

ХорОШО:

Хорошо, что даже плохо жить на белом свете хорошо (пример из [Арупонова 1988]). **Хотеть.**

— *Что за псих! Хотел ударить меня по лицу!*

— *Откуда ты взял, что он хотел?*

— *А если бы не хотел, то не ударил бы!*

В значение глагола *хотеть* входит представление о намерении, не достигшем к описываемому моменту или к моменту речи успешного результата.

Хотя (хоть) — союз:

(1) *Он славный человек, **хоть** и женится* (А. Пушкин—Л. С. Пушкину, 14 мар. 1825). В комических целях Пушкин использует свойство союза *хотя/хоть* (*X хотя*

Y ■ *хотяX—Y*) указывать на то, что сочетание X и Y—не нормально.

(2) — *Так вам нужно жениться—очень просто! Могу вам предложить девушку— пальчики оближете! (...) Хотя брат шарлатан, но она такая брюнетка, что даже удивительно* (А. Аверченко, Рыцарь индустрии).

В (2) аномально соединение с помощью союза *хотя* двух не связанных событий; нейтральным было бы продолжение типа: „*по (сама) она очень хороший человек.*

Хотя Схоть) — частица:

Пряхина [актриса) *приложила кулак ко лбу и закричала резким, высоким голосом: «Меня сжигают со свету! (...) Да взгляни же хоть ты, пречистая мать, что со мною делают в театре!»* (М. Булгаков, Театральный роман, 10).

Пример хорошо иллюстрирует основной смысловой компонент частицы *хотя (хоть)* в одном из ее значений — указание на тот минимум, которым согласен довольствоваться говорящий или описываемое лицо.

Храбрость:

— *Никогда не следует—сказал Джордж—смешивать безрассудство с храбро-стью. Храбрость— продолжал он есть мудрость зрелого возраста, а безрассуд*

ство-порок юности (Джером К. Джером, Мое знакомство с бульдогами, пер. М. Кол-пакчи).

Худший си. Лучший

Что (мест.):

Что посеешь, то и пожнешь. (Этим доказывается пустота и бессмысленность хлебопашеского занятия!) (Журн. «Сатирикон»).

Обычно конструкция *ЧтоХ, то и У* предполагает полное тождество элементов Х и У, в частности совпадение по количеству. Фраза *Что ему заплатят в бухгалтерии, то он и домой несет* означает, что он приносит домой все полученные деньги (а не какое-то их количество). Однако в некоторых условиях происходит отвлечение от количественных характеристик Так, буквальный смысл выражения *Что посеешь, то и пожнешь* — ‘Какую сельскохозяйственную культуру посеешь, ту и пожнешь’.

Шантаю.

Лакей похитил в доме ценную вещь и был уличен—Фердинанд — говорит ему хозяйка—если вы вернете то, что украли, я не буду

заявлять в полицию.—Мадам, но ведь это смахивает на шантаж.

В МАС отмечается: «*Шантаж*— запугивание, угроза разглашения позорящих, компрометирующих фактов или сведений с какой-л. целью». Более точное толкование предлагается в [Гловинская 1993]: '(1) X говорит Y-у, что сделает P, плохое для Y-а; (2) то плохое, что X собирается сделать Y-у,— это разглашение какой-то информации об Y-е, плохо его характеризующей, которую он предпочитает скрывать'. Приведенный выше пример полностью укладывается в это толкование — и, тем самым, указывает на его неточность. Не учтен важный компонент значения: позорящие шантажируемого обстоятельства не затрагивают шантажирующего, он и не сообщник, и не пострадавшее лицо (хотя его интерес — корыстный). Угроза выдать сообщников — не шантаж. И тем более не может квалифицироваться как шантаж угроза донести в полицию на ограбившего вас человека. Должно быть внесено уточнение во второй компонент предлагаемого М. Я. Гловинской толкование: '(2) то плохое, что X собирается сделать Y-у,— это разглашение какой-то информации, **не имеющей отношения к X-у**, но плохо характеризующей Y-а, который предпочитает ее скрывать'. Желательно и еще одно уточнение: речь идет об очень важной информации (вряд ли предметом шантажа может быть вчерашнее опоздание на работу).

Широкие массы.

— *Это похвально—сказал Остап—Широкие массы миллиардеров знакомятся с бытом новой,, советской деревни* (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, VII).

В конструкции *широкие массы X-ов* обычно X — крупные социальные группы (*широкие массы трудящихся (рабочих,, студентов)*); плохо: ?...*слесарей,* пенсионеров*).

Шпион* см. *Разведчик

Экземпляр.

[Американец] *мистер Кук крикнул.—Иван! Чаю! Бутерброд! Четыре экземпляр!* (В. Шишков, Угрюм-река).

Существительное *экземпляр* может обозначать печатную или письменную продукцию (*заявка в двух экземплярах*) или же биологическую особь (*редкий экземпляр водяного жука*).

Экономить:

—Дорогая, я сегодня сэкономил 20 пенсов потому, что не ехал на автобусе, а бежал за ним.

— Ну и дурень же ты! Почему же ты не побежал за такси, тогда ты мог бы сэкономить целых два фунта!

Фраза *Сэкономил 20 пенсов потому, что не ехал на автобусе, а шел пешком* нейтральна и не могла бы спровоцировать ответную реплику жены.

Я.

(1) **-Я-** я. а мне говорят, будто я—не я, а какие-то «мы». Но *позвольте—почему*

это? (А. Белый, Петербург, II).

(2) [Безенчук, владелец и единственный сотрудник похоронной фирмы «Милости просим»] ..я—*фирма старая. Основан в тысяча девятьсот седьмом году. У меня гроб — огурчик, отборный, любительский* (И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев, I) — нейтральное употребление: *Моя фирма—старая. Основана в-*

ЯвНО:

Кочергу встретила некая остроносая, с плутовскими, помышлоному бегающими глазками, личность, в старом, явно коричневом, крайне поношенном пиджачишке (А. Архангельский, пар. на А. Зорич).

ЯвноХ-овый. Обычно речь идет о некоем неафишируемом (иногда даже скрываемом), но достаточно очевидном для говорящего отрицательном событии или свойстве, ср.: *явно ненадежный, явно вчерашний (суп), явно неопытный, явно украденный, явно с чужого плеча, явно перешитый*, ср., с другой стороны, несколько странные сочетания: *^явно надежный, явно высоконравственный, ?явно от хорошего портного* (последнее сочетание возможно, но тогда речь идет о признаке, который говорящий считает отрицательным, например о склонности к щегольству).

2. Лексические синонимы

1. Комический эффект производит сочетание в одном высказывании разностильных **СИНОНИМОВ**, ср.:

(1) _ *Господи! — ахает торговка.—Личико-то! Личико-то. Харю-то* евонную посмотри! (Тэффи, Веселая вечеринка).

(2) — *Рази господа поверят? Сколько их видела,—все такие. Стану их личики* вспоминать, так, может, *рож* пятьсот вспомню, и все такие (Тэффи, Крепостная душа).

(3) —*Да вы всякого быка переживете, не то что мужа. Вон личность-то* у вас какая красная — *рожа*, тоись (Тэффи, Потаповна).

(4) [Девочка, басом]:

— *Баба мылом морду моет!*

— *У бабы не морда, у бабылицо.*

Пошла поглядеть опять.

— *Нет, всё-таки немножечко морда* (К Чуковский).

(5) [На гадании]

— *Уж теперь истинно тебе скажу, Дуська: твое дело в шляпе!*

— *В Какой такой шляпе?,,*

— *В божьей. То есть, безусловно, не в шляпе,—а в руке божьей. Одним словом, наладится у нас всё, как надо* (В. Ардов, Угодники перед судом).

(6) «*Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо*»,—некогда сказал греческий поэт Менандр (...) «*Ничто чужое нам не чуждо*»,—расширили этот тезис большевики, когда проводили обобществление (Л. Лилов. «Крокодил», дек. 1991 г.).

В романе А. Белого «Петербург» два разностильных синонима сталкиваются в аппозитивной конструкции:

(7) *У подъезда столкнулись они с хохлом-малороссом Липпанченко.*

2. Комическое впечатление производит повторение адресатом грубо-просто-речного синонима, употребленного говорящим:

(8) *Когда старушонка влезла на крыльцо [дома судьи], чупрастый мальчишка высунул голову и окрикнул строго: «Кто такова? Зачем прешь?» Старушка огляделась и сказала, таинственно приподняв брови: «По делу пру, батюшка. По делу пру». Она сразу поняла, что «прешь» есть выражение деловое, судебное* (Тэффи, Взятка).

3. Говорящие обращают внимание на различия в употреблении членов синонимической пары, ср.:

(9) По вокзалу ходит человек и кричит: «Инфекция! Инфекция!» К нему подходит милиционер: «Почему сеете панику?»—«А что же, я должен жену, как дома, **заразой** называть?»

(10) Две особы вели между собою грамматический спор. Одна полагала, что правильнее сказать: *налейте мне пить*, а другая — *дайте мне пить*. «Как вы думаете об этом?»—спросили они академика, —*будьте судьей!*» —«Вы обе не правы, потому что должны бы сказать: *сведите на водопой*» (Энцикл. весельчака).

(11) Мужчина спрашивает в автобусе девушку. «Девушка, вы выходите?» — «Выходят только замуж».—«Вы сходите?» — «Сходят только с ума!» —«А что же вы делаете?» — «Я вылажу».— «С днем рождения вас, девушка!»

(12) Кто-то спросил меня, глядя на X: «Как правильнее сказать: “осведомитель” или “доносчикV?”» (С. Лец, Непричесанные мысли).

4. Иногда авторы добиваются комического эффекта нагромождением синонимов, в том числе и окказиональных, ср.:

(13) У много (...) пишущего даже не *скоропись*, а *борзопись*, *резвопись*, *лихопись* (3. Па-перный, Глагол времен).

Этот прием любили, например, И. Ильф и Е. Петров. Вот два примера из их повестей:

(14) [Васисуалий Лоханкин говорит о своих соседях, которые ввели для него телесные наказания]:

— *Ведь в конце концов кто знает? Может быть, так надо. Может быть, именно в этом великая сермяжная правда.*

— *Сермяжная?—Задумчиво повторил Бендер.—Она же посконная, домотканная и кондовая? Так, так («Золотой теленок», XIII).*

(15) [Разговор Воробьянинова с гробовых дел мастером Безенчуком]:

— *Умерла Клавдия Ивановна,—сообщил заказчик*

— *Ну, царствие небесное,—согласился Безенчук—Преставилась, значит, старушка! Старушки, они всегда преставляются- Или богу душу отдают,—это смотря какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле,—значит, преставилась. А, например, которая покрупнее да похудее—та, считается, богу душу отдает-*

— *То есть как это считается? У кого это считается?*

— У нас и считается. У мастеров. Вот вы, например, мужчина видный, возвышенного роста, хотя и худой. Вы, считается, ежели, не дай бог, помрете, что в ящик сыграли. А который человек торговый, бывшей купеческой гильдии, тот, значит, приказал долго жить. А если кто чином поменьше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят: перекинулся или ноги протянул. Но самые могучие когда помирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что дуба дают. Так про них и говорят. «А наш-то, слышали, дуба дал».

Потрясенный этой странной классификацией человеческих смертей, Ипполит Матвеевич спросил:

— Ну, а когда ты помрешь, как про тебя мастера скажут?

— Я—человек маленький. Скажут, «гигнулся Безенчук». А больше ничего не скажут («Двенадцать стульев», II).

Языковой разноречивостью даже в оформлении вывесок в Киеве во время Гражданской войны обыгрывает М. Булгаков:

(16) Нужно, наконец, условиться, как будет называться то место, где стригут и бреют граждан: «голярня», «перукарня», «цирульня» или просто-напросто «парикмахерская» («Киев-город»).

5. Еще один способ обыгрывания синонимии строится на незнании синонима, причем, конечно, именно того, который принят в литературном языке:

(17) [Свидетель в суде]: «Иду, вижу, двое ехя». Судья поправляет: «Совокупляются»,—Я и сам сначала так думал, господин судья/А потом вижу нет, все-таки е.хя.

в. Иногда авторы обыгрывают квазисинонимию (неточную синонимию), в частности, градацию содержащихся в синонимах оценочных характеристик

(18) ..Кот выскочил к рампе и вдруг рывкнул на весь театр человеческим голосом: «Сеанс окончен! Маэстро! Урежьте марш!!»

(...) и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей, марш (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 12).

(19) [Разговор мужа с женой]: «Ты не права!» — «По-твоему, я говорю неправду! Значит^ вру! Брешу, так сказать что, собака? Мама! Он меня сукой обозвал!»

7. Частным случаем лексической синонимии является перифразирование.

Существуют два понимания термина перифраза: 1) равнозначное выражение;

2) описательное выражение, замещающее слово. Мы используем термин во втором значении, как замену слова, обозначающего предмет или явление, непрямым, описательным обозначением этого предмета или явления.

Узуальные, общепринятые перифразы типа *зеленый друг* (лес), *белая смерть* (соль) обыгрываются сравнительно редко. Комическое впечатление производит в фильме «Ирония судьбы, или С легким паром» недоуменная реплика пьяного героя, который неожиданно для себя оказывается в Ленинграде: *Неужели я в городе ни Неве?*

Гораздо чаще для создания комического эффекта используются перифразы индивидуальные, окказиональные. Примеры:

(20) *Ужасен небольшою*

Крылатой я змеей,,

Которая пчелою Зовется у людей

(Г. Р. Державин; пример из: [Никитина—Васильева 1996]).

(21) *Иван Тимофееч, которого в полночь я видел уже совсем готовым и который и после того ни на минуту не оставлял собеседования с графином, под утро начал постепенно трезветь* (М. Салтыков-Щедрин, Современная идиллия, XI).

(22) *На сытом рыле его написано корыстолюбие, в карманах позванивают плоды лихоимства* (А. Чехов, Лист).

(23) [Половому]: —*Дай-ка порцию главного мастера клеветы и злословия с картофельным пюре* (А. Чехов, Записная книжка I).

(24) *Вставка Котельникову о имуляхрискует быть ошикана: половина театра всегда у нас занята авраамами, исааками и саррами* (А. Чехов — А. С. Суворину, 28 дек 1888).

(25) *...что поделявает Жан? Всё еще насилует Мельпомену?* (А. Чехов—А. Н. Плещееву, 3 авг. 1889).

(26) *Кузьма показал на шамеса Абу.—Пускай поскулит,—проговорил дворник дружелюбно,—службе кишку напихать—слуэюка цельную ночь богу надоедать будет.* (И. Бабель, Первая любовь).

(27) — *У меня нет постоянного жилища,—застенчиво ответил арестант [Иешуа Га-Ноцри].—путешествую из города в город.*

— Это можно выразить короне, одним словом—**бродяга** —сказал прокуратор (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 2).

(28) ...обнаружилось, что ему надуло **фотографическую карточку**, и три недели он ходил с флюсом (М. Зощенко, Гости).

(29) [Остап Бендер, продавший американцам рецепт самогона — pergvatsch'a]: —...я не только не нарушил законов, но даже сделал приятное (-) **утолил духовную жажду** граждан страны, с которой мы, как-никак, имеем торговые связи (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, VII).

(30) Сцена из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова. На даче голодный инженер Брунс время от времени взывает к жене голосом шаловливого карапуза: «Мусик!!! Готов гусик?!» Вызовы гусика прерывает появление какого-то человека. Их встреча описывается так:

Человек приблизился и спросил приятным голосом:

— Где здесь находится инженер Брунс?

— Я инженер Брунс,—сказал **заклинатель гусика** неожиданным басом.

(31) Чтобы не осквернять слово «римлянин», Дюкло всегда называл современных римлян **«итальянцами из Рима»** (Шамфор).

Многие перифрастические высказывания имеют эвфемистическую природу (ср.: *Графиня, проснувшись поутру, полезла под кровать за известным предметом*^ «Графиня, не за то хватаетесь!» — *загремел под кроватью голос знаменитого сыщика*,,, («Чукоккала». А Толстой)), но они рассматриваются в дру-грй главе (см. с. 462—465).

3. Многозначность слов

Говоря о соотношении синонимии и омонимии, Ю. Д. Апресян отмечал отсутствие симметричности этих двух типов семантических отношений: «свойство иметь синонимы присуще всем предложениям естественного языка, а свойство иметь омонимы присуще лишь некоторым из них» [Апресян 1995: т. 2, 9]. Между тем, омонимия и многозначность слов обыгрывается гораздо чаще, чем противоположное явление — синонимия. И это естественно. Выше отмечалось, что в шутке есть две части, два смысла. Это двуликий

Янус. Понятно, что благодатным материалом для шутки оказались те слова, которые по самой своей природе дву- или многолики — омонимичные или многозначные слова-перевертыши типа слова *брак* (1. супружество; 2. недоброкачественность). Ср. шутку, обыгрывающую многозначность этого слова:

Ну, что сказать о браке? Хорошую вещь браком не назовут.

Ниже приводятся фразы, где обыгрывается многозначность слов. Обыгрываемые слова даются в алфавитном порядке. Некоторые замечания, касающиеся игры смыслов, возникающей в случае полисемии и омонимии, содержатся в Приложении И. Следует отметить, что мы не приводим ниже примеры, где обыгрывается регулярная полисемичность типа ‘фамилия писателя — его произведения’. Впрочем, такие примеры довольно редки. Приведем один из них:

Караулов (берет книгу). *Тургенев. «Завтраку предводителя» (...)*
(Бросает книгу). *Погибай, старая культура, L*

Маня (подняв брошенные книги, идет за Карауловым). *От этих книг мы никогда не откажемся!*

Ольга Павловна (с книгой). *Тургеневу, Ивану Сергеевичу, весь корешок ободрал* (В. Шкваркин, Чужой ребенок, II).

Алфавитный список обыгрываемых многозначных слов (с иллюстрациями)

Автомат

Как пользоваться автоматом для получения денег?

- 1. Зайти в отделение банка.*
- 2. Достать автомат.*
- 3. Получить деньги.*

Ангел

— Моя жена — настоящий ангел!

— Ты счастливеец! А вот моя всё еще жива, дрянь!

Бедный

— Богат ли молодой человек, который собирается жениться на твоей сестре?

— Нет, не очень. Каждый раз, как мама начинает разговор о свадьбе, папа говорит — бедный молодой человек! (Журн. «Крокодил»).

Белый

У палатки пьет морс дачник в белых, но совершенно голубых брюках. Сам он их, что ли, подсинивал? (И. Ильф, Записные книжки).

Бессмертный

[Бегемот и Коровьев пытаются мимо охраняющей вход гражданки проникнуть в Дом литераторов]:

— *Вы—не Достоевский,*—сказала гражданка, сбиваемая с толку Коровьевым.

—*Ну, почему знать, почему знать,*—ответил тот.

—*Достоевский умер,*—сказала гражданка, но как-то не очень уверенно. —*Протестую!*—горячо воскликнул Бегемот.—*Достоевский бессмертен!* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 28).

Бичевать

Когда, порок бичуя строго,

Нельзя уж оседлать людей,

Приятно с козел хоть немного Побичевать и лошадей (Журн. «Искра»).

Блюдо

Актер Доминик, любимец Людовика XIV, был удостоен чести присутствовать при королевской трапезе. Король (...) указал лакею на одно из яств и велел: «Передайте

это блюдо Доминику!» А блюдо, на котором было уложено кушанье, было великолепной работы, из вызолоченного серебра, и Доминик (...) быстро уточнил у короля: «Вместе с куропатками, ваше величество?» — «Вместе с куропатками!» — рассмеялся король (Музей остроумия).

Бой

Семейная жизнь подобна часам, с боем во выходным (Г. Малкин).

Болезнь

— *Чем болел мальчик?*—*Корью болел, коклюшем, за «Спартак» дел года болел, потом перешел на за «Динамо». И еще скарлатиной* (В. Ардов, Почки).

Болтать

Beau-frere Васенька болтал веслами, языком и ногами и кричал, что задел веслом рыбу (Тэффи, Из весеннего дневника).

Больше

Стало сердце покалывать скверно, стал ходить, будто ноги по пуду больше пить я не буду, наверно, лготь и меньше, конечно, «е буду (И. Губерман).

Братский; Плотский; Животный; Распутный

Если барышня любит не вас, а вашего брата, то это братская любовь (...) Если молодые люди объясняются в любви на плоту, то это плотская любовь. (...) Если старая дева любит собак, кошек и прочих животных, то это животная любовь. (...) Рас-путную жизнь ведут почтальоны и ямщики, когда ездят осенью в распутицу (А. Чехов, Словотолкователь для «Барышень»).

Брать

(1) Василий Иванович — своему бойцу.

— Петька, а «у скажи, кто взял Измаил?

— Да ну тебя, Василий Иванович! Как кто что сопрет—сразу на Петьку!

(2) #а вопрос какого-то любителя табачку, где Биевр берет такой славный табак, тот отвечал:—Это вы берете, а я не беру, а покупаю! (Всемирн. остроумие).

(3) «Возьмем к примеру» (изразговоров взяточника') (Эмиль Кроткий).

Бредни

— Петров! Знаешь «Полтаву» Пушкина?—Знаю^—Скажи, чем занимался Кочубей в тюрьме?—Рыбной ловлей.—?!?!? —Да- Там еще Орлик, когда приходит к нему в тюрьму, то говорит: «Старик! Оставь пустые бредши.» (Журн. «Новый Сатирикон»).

Бюст

Мимо прошла девушка с большим бюстом Аристотеля подмышкой (А. Кнышев, Уколы пера).

Валяться

Тряпка упала на пол и ну валяться!

Ваши

На столе лежал человеческий череп. Я приблизился, бесцельно потыкал пальцем в пустую глазницу и рассеянно спросил. «Ваши череп?» «Конечно, мой. А то чей же».—Очень симпатичное лицо. Обаятельная улыбка. Скажите, он вам служит для практических целей или просто как изящная безделушка?—Помилуйте! Это череп

одного халдейского мага из Мемфиса.—А вы говорите— ваш (А. Аверченко, Окултные тайны Востока).

Везти

Если не везет, то это такси (журн. «Крокодил», по: [Гридина 1996]).

Верность

— *Почему ты развелась с мужем?*— *Он относился ко мне, как к собаке—требовал от меня верности* (Журн. «Крокодил»).

Верный; Неверный

Переводы как женщины', если красивы, то неверны, если верны, то некрасивы (D. But tier).

Вешать

Грабитель (забравшийся в портретную галерею замка):

— *Вот разница между мною и аристократами: их предков повесили всех в одном месте, а моих предков вешали в разных местах* (Журн. «Новый Сатирикон»).

Видеть

(1) «Видеть — собственно дело глаз. Но мы пользуемся этим словом и для остальных чувств, если речь идет о познании (...) Мы не только говорим: *погляди, как светло*, о чем могут знать только глаза, но и говорим также: *смотри, как звучит, гляди, как пахнет, гляди, как вкусно, смотри, как твердо-*» (Исповедь Бл. Августина, по: [Арутюнова 1988]).

(2) — *Пушкин встретил гостей, держа в зубах булку с икрой, а в руках стакан красного вина. «Что вам угодно?» — спросил он вошедших. И когда последние сказали, что желали иметь честь видеть славного писателя, то славный писатель отчеканил им следующую фразу. «Ну, теперь **видели?**» До свиданья..»* (Разговоры Пушкина, 21).

(3) *Орлов обнял Пушкина и стал декламировать: «Когда легковерен и молод я был». В числе кишиневских новостей ему уже переданы были новые стихи. Пушкин засмеялся и покраснел. «Как, вы уже знаете?» — спросил он. «Как видишь»—отвечал тот. «То есть, как слышишь?»—заметил Пушкин, смеясь.* (Разговоры Пушкина, 25—26).

(4) *Резерфорд демонстрировал слушателям распад радия. Экран то светился, то темнел,—Теперь вы видите,—сказал Резерфорд,—*

что ничего не видно. А почему ничего не видно, вы сейчас увидите (Физики шутят).

Видеться

— У меня есть слепой брат, номы редко видимся (D. Buttler).

Виновник

Караулов [беременной дочери]: .Маня, хотелось бы знать, кто, так сказать, виновник?

Маня. Никто. Во всем виновата я одна.

Ольга Павловна. Одна? Этого не может быть!

(В. Шкваркин, Чужой ребенок, И).

Вкус

Кот сказал бедной мышке.—Знаю я понаслышке, что у вас очень тонкий, изысканный вкус, а живете вы в норке и глодаете корки. Так ведь вкус ваш испортиться может, боюсь! (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

Вода

(1) «У Державина есть ода “Ключ”, посвященная Хераскову. Вяземский пишет, цитируя ее:

Священный Гребеневский ключ!

Певца бессмертной Россияды Поил водой ты стихотворства,

— “Лучшая эпиграмма на Хераскова (...) Вода стихотворства, говоря о поэзии Хераскова, выражение удивительно верное и забавное!”» [Тынянов 1993: 372].

(2) **По прочтении романа И. Тургенева «Вешние воды»**

При чтенье этих «Вешних вод»

И их окончивши, невольно Читатель скажет в свой черед.

«Воды действительно довольно-»

(Д. Минаев).

Возбуждаться

70% бракоразводных процессов возбуждаются женищинами,, а 70% женицин — мужчинами (А. Кнышев, Тоже книга).

Волк см. Козел

Волновать; Греть; Заражать

[Ответ Маяковского на записку]:—*Ваши стихи не греют, не волнуют, не заражают!—Я не печка, не море, не чума!*

Волчий

[Герой ждет приема у капитана]: — *Сколько лет капитану?—спросил я у матроса»—В этом рейсе отмечали шестьдесят,—сказал матрос {...} —Старый полярный волк!» «Ладно. Спасибо. Идите»,—сказал я и принялся осматривать волчье логово (В. Конецкий, Последний раз в Антверпене).*

Ворочаться

Дверь ворочается на крючьях своих, а ленивец на ложе своем (Книга притчей Соломоновых 26,14).

Враг

Водка — наш враг. Но кто сказал, что мы боимся врагов?!

Вредность

На вопрос: «За что вашему главному бухгалтеру выдают бесплатное молоко?» — все сотрудники предприятия единодушно ответили «За вредность!» (М. Задорнов).

16-1789

Вскрытие

[Хирург]: —*Помогите бедному отставному фельдшеру, потерявшему место за неудачное вскрытие.—За какое вскрытие?—Больничной кружки- (Журн. «Сатирикон»).*

Встряхнуться

(1) *Миша—пророк [О Михаиле Слонимском]:*

Федин уехал в Крым за неделю до землетрясения. Слонимский сказал: — Федин уехал встряхнуться. Так и вышло (Е. Шварц, Чукоккала).

(2) ***Удовольствие москвичей.***—*Эх, и встряхнулся же я сегодня! —Что, покутил, что ли?—Нет, в автобусе проехался (Журн. «Крокодил»).*

Выбрасывать

— *Что это за очередь?—спрашивает иностранец.*

—*Масло дают.*

— *О, дают! А у нас только продают. А это что за очередь?*

—*Ботинки выбросили.*

—*Какие—вот эти? О да, у нас такие тоже выбрасывают!*

Выводить

(1) —*она сейчас—хватъ меня по наружности и отпечатала. «Вывесть ее!» — говорит лакею; очень просто — и вывели (...)*

— *И что ж вы изо всего этого, Домна Платоновна, выводите?*

—А что, батюшка, мне выводить! Немое дело никого **выводить**, когда меня самое **выводят** (Н. Лесков, Воительница, I).

(2) [Пьяный, выгнанный из ресторана]:

— Эх! Вывели- Вывели, как какое-нибудь ничтожное пятно на скатерти! (А. Аверченко, Новогодний тост).

(3) Выводим пятна и клиентов из себя (Журн. «Сатирикон»).

Выделяться

«Надо же хоть чем-нибудь выделяться!» — считала моча (А. Кнышев, Тоже книга). **Вызывать**

(1) — Сынок, тебя сегодня вызывали в школе?

— Да. Теперь вызывают тебя- (Анекдот—улыбка жизни).

(2) Автора пьесы неоднократно вызывали в Комитет по делам искусств, в дирекцию театра. Не вызывала только публика (Эмиль Кроткий).

Выкручиваться

Никто не знал, что говорить, что делать, и только Штопор (который умел выкрутиться из любого положения) весело крикнул: «Братцы, да ведь нужно отметить это событие! Пошли, яугощаю!» (Ф. Кривин).

Вылетать

И в нелетную погоду можно вылететь со службы (Эмиль Кроткий).

Вылупиться

Учитель. Составь предложение со словами «цыпленок», «желторотый», «вылупился». Ученик. Сережка вылупился на мой кроссовки, как желторотый цыпленок

Выносить

(1) Казенная лавка—Послушайте, что вы делаете! Здесь пить нельзя! Выносите на улицу и пейте на здоровье.—Милл., дарь., не могу „—Почему?—Принципиально не выношу спиртного! (Журн. «Новый Сатирикон»).

(2) Разговор на похоронах. —А ведь при жизни его не выносили (Эмиль Кроткий).

(3) Резолюция часто подобна покойнику: ее выносят и забывают (Эмиль Кроткий). **Выпускать**

— Знаешь, выпустили Майн Рида.—Да, теперь многих выпускают. **Высовываться**

Дети мои, следуйте трамвайному правилу—не высовывайтесь (Ю. Трифонов, Дом на набережной).

Выход:

—Никак не могу понять, как из банка выбрались грабители?— пожал плечами полицейский инспектор.—Ведьмы перекрыли все выходы.

— Сэр, а не могли ли они смотаться через вход?

Выходить

Грек спорил с венецианцем о превосходстве национальностей. Грек в доказательство, что его нация превосходила все прочие, говорил, что все ученые и философы вышли из Греции.— «Это справедливо,—отвечал венецианец,—потому-то их там более и нет» (Энцикл. весельчака, II).

См также с. 191 — 192.

Выше

„появился в Англии Шекспир. Это был хотя и знаменитый писатель, но рост имел очень маленький, почему о нем впоследствии и говорили.—Сапоги выше Шекспира! [обыгрывание известного выражения «Сапоги выше Пушкина») (А Аверченко, Новая история).

Глухой

В спальне свет. Готова ванна.

Ночь, как тетерев, глуха.

Спит, раскинув руки, донна Анна

И под нею прыгает блоха

(В. Буренин, Шаги командора).

Гнать

— Гоните, Штирлиц!— крикнул Мюллер, захлопнув дверь. Штирлиц включил мотор. Забулькало _ В носударг4л приятный запах капающего в кружку самогона.

Говорить

(1) Критик писал о статуе, что она «ничего не говорит зрителю» (Эмиль Кроткий).

(2) Она говорила немного по-французски и очень много по телефону (Эмиль Кроткий). Голова

«Голова голове головою голову пробил». Прошипит редактор. (А. Чехов, Комические рекламы и объявления).

Голос

На конкурсе (...) первую премию едва не получила совершенно безголосая певица, имевшая, впрочем, большие придворные связи. Позже председателя конкурсной комиссии Густава Малера спросили: «Правда ли, что госпожа Н. чуть не стала лауреатом конкурса?» Малер серьезно ответил: «Да, это чистейшая правда. Ей в самом деле не хватило только одного голоса — ее собственного» (Музыканты шутят).

Голый

—Приведите факты—Не могу, сэръ, они голые.

См. также **Нагой**.

Горизонт

Муж (отвечая по телефону). Я не знаю, позвоните в бюро погоды.

Жена. Кто это?

Му ж. Какой-то моряк, наверное. Он спрашивает, как там на горизонте.

Горько

— Он, видите ли, в парадном сиреневом костюме, от лососины весь распух, он весь набит валютой, а нашему-то, нашему-то?! Горько мне! Горько! Горько!—завыл Ко-ровьев, как шафер на старинной свадьбе (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 28).

Горячий

(1) Дружба и чай хороши, если они горячие, крепкие и не слишком сладкие (Эмиль Кроткий).

(2) Ему принесли горячую, слегка подгоревшую благодарность (Г. Лихтенберг, по: [Ларец острословов]).

Градусы

Разговор врача с больным капитаном. —Тридцать девять градусов, капитан — Какой широты? (D. Buttler).

Греть см. **Волновать**

Грянуть

Мужик сначала грянет, потом перекрестится [вм. «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится»] (В. Шишков).

Гулять

Чтоб мы всегда гуляли на именинах, а наши враги на костылях (М. Жванецкий, по: [Гридина 1996]).

Давать

(1) *Пенсионерский возраст крут! Мне за заслуги дали орден~
А дамы если и дают, то исключительно по морде* (В. Никифоров).

(2) *Разговор двух незнакомых дам в купе поезда.*

— *Сколько бы вы мне дали лет?*

— *Неужели вам своих мало?*

(3) — *Смею вас уверить, мне гораздо приятнее давать, чем получать.*

— *Выубежденный филантроп?*

— *Нет, профессиональный боксер.*

(4) *Удивляется народ.*

мало партия даёт.

Но ведь партия не б..., чтобы каждому давать!

Дама

Он умел обращаться с дамами: с карточными (Эмиль Кроткий).

Двор

Короли и дворники равно должны заботиться о блеске своего двора (Эмиль Кроткий). Делать

Будет /под /Маяковского делать.

Мокрые штанишки ручонками теребя,

Не ворота /мое / стопудовое тело!

Делай- /те / под / себя!

(М. Вольпин, пар. на В. Маяковского).

Дело

Не суй взнос не в свое дело (А. Кнышев).

Дерьмо

(1) — *Можно ли человека опустить в унитаз?*

— *Можно, если человек—дерьмо.*

(2) *Моча — единственное на свете, о чем нельзя сказать, что это — дерьмо.*

Дни

[Разговор врача с пациентом] —Дорогой мой, эта красotka сокращает ваши дни!—Да, но зато она продлевает мои ночи!

Добро

Уголовников тоже влечет к добру, но, к сожалению, к чуждому! (Н. Глазков). Доводить

[На улице] —*Пойдем за той маленькой брюнеткой. Интересно, куда это она нас доведет.—Несомненно, до больших расходов.*

Доезжать

...обоих вас благодарю и еду к вам и не доеду. Какой! меня доезжаютL (А. Пушкин — П. А. Вяземскому 1 дек. 1826).

Докторская

Встречаются два кандидата наук.

— Что это у тебя в портфеле — небось докторская?

— Нет, ливерная.

Дом

— Жена у меня умница! Она чувствует себя как дома в литературе, искусстве, науке. Короче говоря, везде~ кроме собственного дома.

Доносить

[В связи с политическим доносом Маркевича на Й. С. Тургенева]:

На днях, влача с собой огромных два портсака,

*Припелся он в вокзал, с лица струился пот-«Ему не донести.!»—
вкруг сожалел народ,*

*И только лишь какой-то забияка Сказал. «Не беспокойтесь —
донесетL»*

(Д. Минаев).

Дорогой

*(1) Хорошие фильмы нам дороги, но и плохие подчас дороговаты
(Эмиль Кроткий).*

*(2) В слове «дорогой» есть и нечто нежное, и низменное, оно
равно выражает любовь и скупость, как бы подразумевая, что
кошелек неотрывен от сердца (А. де Рива-роль, по: «Ларец
острословов»).*

Доходить

*До Штирлица не дошло письмо из центра. Он перечитал еще раз,
но всё равно не дошло.*

Драма; Трагедия

*Каждая его комедия была драмой для режиссера и трагедией для
зрителя (Эмиль Кроткий).*

Дробь

[На экзамене]:

— Кулебякин, Илья! Ну~ ты нам скажешь, что такое дробь?

—Дробью называется часть какого-нибудь числа.

—Да? Ты так думаешь? Ну, а если я набью ружье дробью, это будет часть какого числа? (...) Л вот если человек танцует и ногами дробь выделяет, это как же? По-твоему, не дробь? Видишь ли что, мой милый» Ты, может быть, и знаешь арифметику, но русского языка (...) ты не знаешь (А. Аверченко, Бельмесов, III).

Другой

Победоносов. Чудаков! Другой машины—не будет.

Чудаков. Хорошо. Но машина будет — другая (Ю. Ким, Баня во весь голос, I).

Дуб

[Офицер солдатам]:—Короткими перебежками от меня и до следующего дуба. Думать

(1) —Да ведь ты принадлежишь к тому незадачливому разряду людей, которых и в церкви бьют. Вот я и думал»

— Ты? Думал?! Может ли с тобой это случиться? (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. II, XI).

(2) —* Вы зачем полезли в кабинет? Разве вы не видели, что председатель не один?

—Я думал*.

— Ах, вы думали? Вы, значит, иногда думаете? Вы мыслитель. / Сяте ваша фамилия, мыслитель? Спиноза? Жан Жак Руссо? Марк Аврелий? (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, I).

(3) — По-моему, донка, ты выходишь замуж не подумав.

— Но ты же сама говорила, что мне рано об этом думать!

Обыгрывается предпосылка: прежде чем нечто сделать, человек подумает. Если рано о чем-то думать, то, тем более, рано это делать.

Дуть

(1) Ой-ли, так ли,—**дуй** ли, вей ли,—

Всё равно—

Ангел Мэри, пей коктейли,

Дуй вино!

(О. Мандельштам).

(2) [Американский инженер мистер Кук, любитель русских пословиц]:

— Рюська хорош пословиц говорит. Кто обжегся на молоке, дует водку~ Ну, живо, живо, живо, L Бутылка водки, L (В. Шишков).

Дух

*Байрон, и Шиллер, и Скотт совершенны и духом и телом,
Но безобразен Буренин, и дух от него нехороший* (Саша Черный,
Гармония).

Душа

[О суфлере Серебрякове, имевшем восьмерых детей]:

Из маленькой дыры глядит великий муж!

Хоть нет в самом души, но кормит восемь душ!

(П. А. Каратыгин, Закулисные эпиграммы).

Естественно

— *Знаешь, женщины красивей мужчин.*

— *Естественно!*

— *Нет, искусственно* (Журн. «Сатирикон»).

Есть

(1) *Педрилло, прося герцога Бирона о пенсии за свою долгую службу, приводил в уважение, что ему нечего есть. Бирон назначил шуту пенсию в 200 рублей. Спустя несколько времени шут опять явился к герцогу с просьбой о пенсии же. Жак, разве тебе не назначена пенсия,?»—«Назначена, Ваша Светлость! и благодаря ей я имею, что есть. Но теперь мне решительно нечего пить». Герцог улыбнулся и снова наградил шута* (Рус. лит. анекдот).

(2) *У нас кто не работает, тот ест~ тех, кто работает.*

(3) *Маша ела кашу,*

Мама ела Машу,

Папа маму ел,

Ела бабушка репку,

Лопал бабушку дедка,

Аж живот болел (И. Иртеньев).

См. также **Вилка**

Жарить

Бабушка сказала внучке• —А дождь так и жарит сутра. Внучка, трехлетняя Таня, тотчас же стала внушать ей учительским голосом,: —Дождь не жарит, л просто падает с неба. А ты жарить мне котлету (К Чуковский, От двух до пяти).

Жать

Гражданин, читая в метро советскую газету, бормочет:— Жмут, ну жмут, сволочи/ Сидящий рядом подозрительно заглядывает

в газету: —Кто, кто жмет?— Сапоги.—А вы не в сапогах!—Потому и не сапогах, что жмут.

Жгучий; Холодный

Если блондинка с холодным взглядом встретит жгучего брюнета, будет много воды и пара (А. Кнышев, Тоже книга).

Желтый

Сам он розовый, пиджак на нем серый, галстук красный, а пресса, в которой он работает, желтая (А. Аверченко, Желтая журналистика, I).

Животный см. Братский

Жизнь

Женщины хуже гангстеров. Гангстеры ставят перед выбором —«кошелек или жизнь», а женщины отнимают и то и другое.

За

—Гольдберг, за вами рубль!

-Где?!

Забывать

Умер миллионер. Нотариус зачитывает его родным и друзьям завещание: «..А Джонсу, которому я обещал не забыть его при составлении завещания, передаю свой сердечный привет!»

Заваливать

Пан Директор как бы ни был завален работой, ему всегда удается ее развалить (С. Мишулин, МК, 12 окт. 1998).

Заводиться

Из соседней комнаты слышится:

— Ну, чего вы заводитесь-то? А? Не заводись, я тебе говорю! Зачем без толку заводиться-то, ну?.,

— С кем это ты там разговариваешь?

—Да клопы, понимаешь ли, завелись- (А Кнышев, Уколы пера).

Заговорить

Совесть заговорила в нем нахальным голосом (А. Крыжановский).

Заикаться

Офицер пришел на прием к Ростовцеву, который был заикой, и ображается с просьбой. Ростовцев отвечает: «Нет, почтеннейший! Этого нельзя! Государь не согласится*». —«Помилуйте, Ваше Превосходительство. Вам стоит только заикнуться-». —«Пошел вон!»—загремел Ростовцев в бешенстве (Рус. лит. анекдот).

Закладывать

(1) После ужина Соня мыла тарелки, а он их вытирал, и одну разбил. «Сума сойти, все заложено,—сказала она,—и пояснила: «Да нет, не вещи, а у меня в носу. Вещи, впрочем, тоже». (В. Набоков, Подвиг, XXXIII).

(2) — Эй, Кузьма! Прикажи кучеру заложить лошадей!

— Гы! Да нетто, барин, их примут в заклад в ломбарде?— (Журн. «Сатирикон»).

(3) Лучшие заложить старую лошадь в маленькую повозку, чем новые часы в большой ломбард (Журн. «Сатирикон»).

Заключение; Ссылка

(1) «С товарищем Сталиным трудно спорить. Ты ему цитату, он тебе—заключение. Ты — выдержку, он — ссылку (Предполагаемый автор — К Радек, из выступления на съезде. Реакция на шутку общеизвестна.)

(2) Оптимистенко: ...У вас есть заключение?

Просительница: Нет, батюшка, нельзя ему заключение давать~ Можно, говорят, его на неделю заключить, а я чего, батюшка, кушать-то буду? (В. Маяковский, Баня).

Закрывать

Кассир закрыл дискуссию и окошечко кассы (D. Buttler).

Залеживаться

Трудящийся ждет открытия винного магазина, подбрасывает металлический рубль с Лениным, приговаривая: — У меня не в мавзолее, не залежишься!

Занимать

Как подразделяются гости?—На приятных, у которых можно занимать, и неприятных, которых надо занимать (Журн. «Стрекоза»).

Заниматься

Заря подобна прилежному ученику: она каждое утро занимается (Журн. «Сатирикон»).

Занятый

«Не видите—я занят!» — надменно произнес туалет (А. Кнышев). **Зарабатывать**

Два грабителя изучают витрину ювелирного магазина.

— Видишь вон тот большой алмаз справа? Сколько, по-твоему, на нем можно заработать?

— Всё зависит от судьбы-

Заражать см. **Волновать** **Затирать**

Корабль жаловался, что льды его затирают (Эмиль Кроткий).

Захватывать

Книга так захватила его, что он захватил книгу (Эмиль Кроткий).

Заходить

Солнце зашло, и вы заходите (М. Жванецкий).

Защита

Женщины подобны диссертациям: они нуждаются в защите (Эмиль Кроткий). **Защищать**

Бескорыстный человек:: защищал чужую диссертацию (Эмиль Кроткий).

Заяц

— Кроме того, мы имеем доход от стеариновых свечей и зайцев.

— Охотой занимаетесь?

— Нет-с, зайцами у нас называются безбилетные пассажиры (А. Чехов, Хороший конец).

Звезда

Я люблю смотреть на звезды — Но не те, что в горнем мире,

Мне милее те, что светят

На чиновничьем мундире

(П. Вейнберг, Взгляд на природу).

Зеленый

(1) *Два крестьянина остановились около одного предмета.*

— Это черная,—сказал один.

— Нет, красная!

— А почему же она белая?

— А потому что она зеленая, [о зеленой, недоспевшей смородине].

(2) *Крыловская лиса вошла в один*

Уральский ювелирный магазин.

Взглянув на цены, повздыхала тут И заявила:—Зелен изумруд!

(Н. Глазков).

Знать

— Твой муж выглядит умнейшим человеком. Я полагаю, он все знает.

— Не говори глупости, он даже ничего не подозревает.

Играть

(1) П. А Катенин, поэт и театральный деятель, был приглашен на репетицию спектакля, в котором дебютировал актер — протеже некоего петербургского мецената. Репетировалась сцена, в которой старая купчиха упрекает сына за

увлечение картами. «Не играй больше, прошу и заклинаю тебя! — патетически восклицала актриса, ображаясь к дебютанту, довольно бледно выглядевшему (...)— Не играй!1». «Я л тоже прошу,— присоединился с места Катенин— больше не играй!» (Музей остроумия).

(2) Концерт по заявкам.

«Играет ли оркестр по заявкам публики?» — спросил Бернард Шоу у дирижера шумного ресторанный оркестра.— Конечно, сэръ.— Отлично. В таком случае попросите его сыграть в домино (Музыканты шутят).

Идти

(1) Жизнь идет, идет и идет, а куда—неизвестно (А. Чехов — А С. Суворину, 27 дек. 1898).

(2) ...в хорошей легковой машине всегда есть Часы. Машина идет — и они идут, машина стоит — а они все равно идут (Ф. Кривин).

(3) Супруга, глядя в окно, задумчиво говорит: «Дождь идет». Муж, не отрываясь от газеты, бросает ей: «Скажи, что меня нет дома».

Изменять

Если жена тебе изменила, то радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству. (А. Чехов, Жизнь прекрасна!).

Изуродовать

— Ямогу любого изуродовать одним нажатием пальца!

— О, вы, наверное, мастер по джиу-джитсу?

— Нет, я — фотограф.

Икра

— Это что?

— Кабачковая икра.

— Гм. Любопытно, где же это кабачки мечут икру?

Имя

Страхов. А вдруг его [Зверева] напечатают (...) Имя будет, деньги.-

Мария Михайловна. Имя-то у него и так есть, а вот денег на его имя что-то не поступает (В. Шкваркин, Весенний смотр, I).

Испаряться

— Что случится с золотом, если оно полежит на открытом воздухе?—спрашивает учитель—Оно испарится!— ответил ученик (Анекдот—улыбка жизни).

Исправлять

— Когда ты, наконец, исправишь свою единицу?

— Что я могу сделать, папочка, если журнал хранится в учительской!- (Анекдот— улыбка жизни).

Исторический

Ноздрев **бьИЛ** в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории (Н. В. Гоголь, Мертвые души, т. I, IV).

Источник

[Разговор Аверченко с драматургом]:

— По источникам писали?

— Чего-с?

—Я говорю: когда пьесу писали — источниками пользовались?

—Помилуйте! Все лето на Кавказе провел.

— Разве,, там~можно,, найти?

—Дитя! Видно, вы никогда не бывали на Кавказе. эссентукские, железноводские, нарз- (А Аверченко, 1812).

Карманница

Объявление. Пошив брюк временно задерживается. Заболела карманница (Журн. «Крокодил»). Текст приводится в разделе «Нарочно не придумаешь». И напрасно: это нормальное специальное употребление, иллюстрирующее различия между общим и специальным употреблением.

Карты

Василий Иванович и Петька переплывают Урал:

— Бросай сумку, Василий Иванович, утонешь!

— Не могу, Петя, тут карты, две колоды штабных карт.

Козелу Волк

(1) Семеро козлят пинают волка. Тот кричит.—Вы что делаете, волки?!—Молчи, козел!

(2) Женищина любит четырех животных', соболя — на шее, ягуара — в гараже, тигра — в постели и козла, который оплачивает все это.

Конец

Конец — телу венец (В. Лагунов).

Конституция

У дам моих в купальне идут пренья О конституции~ их благородных тел (В. Буренин, В купальне, XI).

Красить

(1) *Не человек красит яйца, а яйца красят человека.*

(2) *Не место красит человека, а человек место. Посему не театр красит городского, стоящего у театрального подъезда, а городской красит театр* (А. Чехов, Не тлетворные мысли).

Крест

[А П. Ермолов —военному врачу, домогавшемуся награждения крестом]:—*Зачем, друг любезный, тебе этот крест, когда ты сам такой мастер оделять крестами других, с тою разницею, что твои кресты все на наших кладбищах¹* (Энцикл. весельчака, IV).

Крутой

Старик Маргулис зачастую Ест яйца всмятку и вкрутую,

Его враги нахально врут,

Что сам Маргулис тоже крут (О. Мандельштам).

Кухня

— *Был вчера на обеде у Ковальских.—Ну, и как у них кухня?—Не знаю, я шел через парадный вход* (D. Buttler).

Лагерь

Побеждаем ли мы, разбиты ли, в двух местах застает нас заря, либо в лагере победителей, либо там, где у них лагеря (С Лец).

Лаять

— *Какая разница между женщиной и собакой?*

— ??

— *Собака к своим ластится, а на чужих лает.*

Литература

-Ют толчка, данного Добролюбовым, литература покатилаь по наклонной плоскости с тем неизбежным окончанием, когда,

докатившись до нуля, она берется в кавычки: студент привез «литературу» (В. Набоков, Дар, IV).

Лицо

(1) «Крем для ответственного лица» (Эмиль Кроткий).

(2) Критиковать не взирая на лица лучше как следует в них всмотревшись (Г. Малкин).

(3) [Иван Безродный, потрясенный смертью Берлиоза, появляется в ресторане «У Грибоедова»]:

И лицо приятное, мясистое, лицо в огромных очках в черной фальшивой оправе, бритое и сытое, участливо появилось у Иванушкина лица.

— Товарищ Безродный,—заговорило лицо юбилейным голосом (...)

— Ты,—заговорил Иван и стукнул зубами,—понимаешь, что Берлиоза убил инженер! Или нет? Понимаешь, арамей?

— Товарищ Безродный! Помилуйте,—ответило лицо.

— Нет, не помилую,—тихо ответил Иван и, размахнувшись широко, ударил лицо по морде (М. Булгаков, Черный маг).

Ловля

Занимались они [древние славяне] ловлей невест, рыб и зверей (...). Рыбу славяне жарили и варили. С зверей снимали шкуру~ (О. Д'Ор, Русская история).

Любить

(1) — *Моя жена очень любит животных.*

— *А моя—вегетарианка.*

(2) — *Вы уверены, что этот щенок будет подходящим подарком моей дочурке?— Безусловно, мадам. Он очень добр и доверчив, ест всё подряд и особенно любит детей.*

(3) *Д в о й р а. # потом я хочу, чтобы вы меня любили, Боярский.*

Боярский. А что с вами делать, если не любить вас? На котлеты вас рубить? Смешно, ей богу! (И. Бабель, Закат, 8).

(4) — *Юбо мне написали бы в протоколе осмотра трупов так: «Труп- принадлежит мужчине двадцати семи лет. Он любил и страдал. Он любил деньги и страдал от их недостаткам (И. Ильф — Е. Петров, Двенадцать стульев, XXXV).*

Люди

[На аэродроме]

—А что, Григорий, видал, как люди нынче летать стали?

-Лю-у-ди? Где ж онылетают?

—Как где? Да вон, сейчас летел.

— Барин летел, а ты говоришь **люди**. Чего барину не полететь,— народ обеспеченный (Тэффи, Аэродром).

Малейший

—Перед свадьбой ты обещал исполнять малейшее мое желание.

—Яне соврал. Скажи, какое твое желание малейшее, и я его исполню.

Масло

[О деятельности шпионки Порции Уиски в СССР]: Подрывную работу среди творческой интеллигенции Порция Уиски вела в постели. В промежутках между поцелуями она успевала подсказать молодому поэту сомнительную рифму, уговорить художника писать не маслом, а маргарином, композитора—сочинять музыку только в тональности «ми минор» (С. Васильев «Чего же ты хохочешь?»; пар. на роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?»).

Материя

Материя бесконечна, но ее все время не хватает кому-то на штаны (Г. Малкин). **Мать**

Баян. Красота—это мать-

Шафер (мрачно и вскакивая). Мать! Кто сказал «мать»? Прошу не выражаться при новобрачных (В. Маяковский, Клоп, III).

Менять

В будуаре своей любовницы поручик Ржевский расстегнул китель и скинул сапоги. Даму передернуло:

— Фи, поручик, да вы когда-нибудь носки меняете?

—Иногда меняю, на водку.

Месяц

-меня приглашают в редакторы «Русской мысли». Значит, и для меня месяц будет лучше солнца, так как я за месяц буду жалованье получать (А. Чехов — М. П. Чеховой, 10 февр. 1899).

Молодой

(1) Молодая была уже немолода. Ей было не меньше тридцати пяти лет (И. Ильф— Е. Петров, Двенадцать стульев, XIV).

(2) Угощая Цицерона за ужином, хозяин настойчиво обращал его внимание на качество вина, уверяя, что ему сорок лет. «Скажите, пожалуйста!—заметил Цицерон,— а оно выглядит таким молодым для своих лет!» (Всемирн. остроумие).

Морщиться; Поморщиться

(1) Когда Чайник, окончив свою кипучую деятельность на кухне, появляется в комнате, (...) старая плюшевая Скатерть презрительно морщится и спешит убраться со стола, спасая свою незапятнанную репутацию (Ф. Кривин).

(2) Кто-то, желая смутить Пушкина, спросил его в обществе.— Какое сходство между мной и солнцем? Поэт быстро нашелся.— Ни на вас, ни на солнце нельзя взглянуть не поморщившись (Рус. лит. анекдот, 221).

Мочиться

[Из школьного сочинения]: Онегин каждое утро мочился духами.

Мочь

Если бы молодость знала, то в старости бы могла (А. Кнышев, Тоже книга). **Нагой**

Дай голой правды нам, и только!

Нагую истину, да-да!

Но обе, женичины поскольку, **нагие** лучше не всегда (И. Губерман).

Накачиваться

Воспоминание

Я в лодке сидел над рекою-,

Качалась на круче сосна,

Качались ракиты порою,

Качалась на речке луна. (...)

Качались тени ночные,

Качалась подлодкой вода,

Ия до зеленого змия **В** ладье **накачался** тогда!

(Журн. «Шут»).

Накрывать

Накрывая любимую женичину с другим типом — делаешь глупость-, пусть сами накрываются, если хотят (D. Buttler).

Неверный см. **Верный**

Несметный

Царь Ксеркс, преемник Дария Гистаспа, пошел на греков с несметным (тогда еще не умели делать предварительной сметы) войскам (Тэффи, Древняя история).

Нестись си. Яйца

Нуль

Не согласен с математикой. Считаю, что сумма нулей дает грозную цифру (С. Лец).

Облаивать

Дрессировщик собак жаловался, что рецензент облаял его номер (Эмиль Кроткий).

Обнаженный

— Финны—самые воинственные в мире мужчины.

—Почему так думаешь?

— Они даже спят с обнаженными финками.

Оборачиваться

[Разговор следователя Расплюева со свидетельницей О Силе Копылове, которого подозревают в том, что он оборотень]:

Расплюе в. Ты с ним жила?

Людмила. Жила.

Расплюе в. Ну что, он оборачивался?

Людмила. Всегда.

Расплюе в. Во что же он оборачивался?

Людмил а. В стену. (...) как я на постель лезу, так он,мошенник,рылом-то в стену и обернется (А. Сухово-Кобылин, Смерть Тарелкина, 3, V).

Обтесывать

*Петр уехал в Амстердам, где стал учиться плотничьему искусству. Теша бревна, он неоднократно думал. «Вот так я обтешу бояр». Впоследствии Петр должен был сознаться, что **обтесать бревно** гораздо легче, чем **обтесать боярина**- (О. Д'Ор, Русская история).*

Объегорить; Подкузьмить

Уж блещет свет иных светил.

Егор Чулков нас объегорил,

Кузмин нас крепко подкузьмил (А Измайлов, Новый век).

Овладевать

Овладел наукой, но не оплодотворил ее (С. Лец).

Одевать

Издатель «Энциклопедии» Панкук сконфуженно возражает против того, чтобы Дидро помогал ему одеваться, подобная услуга, мол, унижает такого известного человека. «Ничего, ничего,— успокоил его Дидро,—я не первый автор, который одевает издателя» (Музей остроумия).

Оказия

Мне объявши, что я должен прожить тут еще три дня, ибо «оказия» из Екатери-нограда еще не пришла и, следовательно, отправиться обратно не может. Что за оказия!-Но дурной каламбур не утешение для русского человека (М. Лермонтов, Герой нашего времени, IV, по карт. БАС).

Он, она

— «Кому ж ты жертвуешь душой?»

—Ах, ей!— «Ты скромн, друг сердечный!

Но почему ж ты столько огорчен?

И кто виной? Супруг, отец, конечно —Не то, л*ой друг!— «Но что ж?» —Я ей не он (А. Пушкин, Она).

Опускаться; Подтянуться

Ходики помедлили и стали,

Показав без четверти четыре.

Общее собрание деталей Обсуждает поведеньеГири, (...)

Все твердят, что Гирия опустила И что Гире нужно подтянуться (Ф. Кривин).

Освещение

В то время [время революции] Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала (А. Платонов, Чевенгур).

Оставаться

Учитель задал классу такую задачу—Если к вам на парту сядет пять мух и вы одну из них убьете, сколько останется? «Одна—закричал парнишка с задней парты—остальные улетят». (Американцы смеются).

Оставлять

Сегодня, в день своего 94-летия известный актер Шпендерецкий оставил, наконец, большую сцену в покое! (А. Кнышев, Уколы пера).

Отделывать

парадный белый китель, красиво отделанный вишневым крюшоном (А. Кнышев, Уколы пера).

Отравиться

Маня. Отец, скажи, пожалуйста, из-за тебя погибла хоть одна женщина? **Караулов.** Из-за меня? Из-за меня две чуть не погибли.

Маня. Что же они, застрелились, утопились?

Кар аул о в. Отравились. Еле спасли (...)

Маня. Как же они отравились?

Караулов. Рыбой. Я угощал.

(В. Шкваркин, Чужой ребенок, I).

Отрезвляющий

— Официант! Кажется, я хватил лишнего. Принесите что-нибудь отрезвляющее—Пожалуйста. счет.

Отступить

Старость отступает

Возвращаясь домой, пенсионер И. И. Иванов столкнулся в подъезде с хулиганом. И. И. Иванову пришлось отступить.

17-1789

Очередь

Мюллер и Штирлиц стреляли по очереди. Очередь медленно таяла.

Падать

(1) — Папа, барометр упал!—Намного?—Нет, два метра, поуже никуда не годится (D. Buttler).

(2) Возьмем хоть вот этот рубль к примеру~ Что он? **Падает** ведь, унижен, осрамлен, очернился паче сажь, потерял всякую добропорядочную репутацию, а люблю его! Люблю его, несмотря на все его недостатки, и прощаю- (А Чехов, Прощение).

Падение см. Повесить

Палка

Николай I подарил Клейнмихелю роскошную палку с рукоятью, усыпанную драгоценными камнями. Все, конечно, поздравляли его с монаршей милостью. Меньшиков тоже поздравил, но нашел награду малую. <<На месте государя,—говорил он,—я не пожалел бы для вас и ста палок» (Всемирн. остроумие).

Паразит

Обедал знатный римлянин, всегда весь окруженный паразитами. Этот отвратительный обычай укоренился в Риме и не лишал гостей аппетита (Тэффи, Древняя история).

Автор прикидывается невеждой, который не знает, что в Древнем Риме слово «парасит» могло называть *нахлебников-сотрапезников*, и именно они (а не насекомые) кишели вокруг обедающего патриции.

Партия

Есть такая партия!—замечательная партия наркотиков из Таиланда! (ТВ, 8 /VI—98 г.) — обыгрывание ленинского лозунга о партии большевиков, готовой взять власть.

Пахнуть

Человек с тонким обонянием. Едва взглянув на букет, определил! — Это пахнет полусотней (Эмиль Кроткий).

Пекло

По ошибке телеграмму человека, отправившегося в Африку, вручают жене недавно похороненного. Вдова читает: «Добрался благополучно. Жуткое пекло».

Перебить

Ольга Павловна (роняет чашку). *Не говори ничего, когда у меня посуда в руках.* (Зовет). *Серезжа, Сергей Петрович!* Входит Караулов со смычком в руках.

Караулов. *Ольга Павловна, ведь ты Чайковского перебила.*

Ольга Павловна. *Что Чайковского — я посуду перебила!* (В. Шкваркин, Чужой ребенок, I).

Переболеть

Между корью и сценой существует огромное сходство: тем и другим хоть раз в жизни нужно переболеть (А Аверченко, Мой первый дебют).

Переваривать

(1) *К 2-ну де Ла Реньеру ездят все: у него отличный стол, хотя сам он — человек смертельно скучный. М. не зря сказал о нем: «Его объедают, но не переваривают»* (СШамфор).

(2) *Стоит ли есть поедом подчиненного, если его не перевариваешь?* (Журн. «Крокодил»).

Передавать

— *Позовите к телефону Васю—Васи нет дома, а что ему передать?*—*Передайте ему три рубля.*

Переноситься

«Объявленный на сегодня спектакль переносится с большим трудом» (А. Кнышев). **Перспектива**

„перспектива умывания и бритья казалась столь же близкой и невозможной, как перспектива у мастеров раннего средневековья (В. Набоков, Дар, III).

Печатное слово

Ж., а обратилась в ООН с жалобой на свое невыносимое положение: 1) она, подобно Корею, поделена на две половины, 2) к ее голосу не прислушиваются; 3) печатное слово доходит до нее в последнюю очередь.

Пилить

Из какого же прочного материала сделаны мужчины! На работе с них снимают стружку, дома пилят, а они всё живы!

Пить

(1) Верно, что и курица пьет, но кто видел ее пьяной?! (Журн. «Сатирикон»).

(2) Разница между верблюдом и человеком: верблюд может целую неделю работать и не пить, а человек—целую неделю может пить и не работать.

Плавать

— Послушайте, стюард, в моей тарелке плавает муха!

— Не может быть, сэр. Мухи не умеют плавать.

Плевать

[Бендер — Воробьянинову о спрятанных сокровищах мадам Петуховой]:

— Выбор неплохой. Камни, я вижу, подобраны со вкусом. Сколько вся эта музыка стоила?

— Тысяч семьдесят — семьдесят пять.

— Мгу,, Теперь, значит, стоит полтораста тысяч.

— Неужели так много?— обрадованно спросил Воробьянинов.

— Не меньше. Только вы, дорогой товарищ из Парижа, плюньте на все это.

— Как плюнуть?

— Слюной,—ответил Остап,—как плевали до эпохи исторического материализма. Ничего не выйдет.

(И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев, VI).

Плотский см. Братский

Плохой

Нас было четверо (...) Мы сидели в моей комнате, курили и разговаривали о там,, как плох каждый из нас,—плох, я, конечно, в «ду, в медицинском смысле. Все мы чувствовали себя неважно (Джером К. Джером, Трое в лодке, не считая собаки; пер. М. Донского и Э. Линецкой).

Побить

Киевляне почесали затылки и робко сказали'. «Но хазары могут прийти и побить нас». Олег рассмеялся:«Эка важность,, что побьют. Побьют и устанут, а потом уйдут» (О. Д'Ор, Русская история).

Повесить; Падение

(1) ..лампа, без суда и следствия, была повешена — Как вы думаете, крепко держится?

Я высказал предположение, что ходьба по полу верхнего этажа может довести лампу до самого легкомысленного падения (А. Аверченко, Жалкое существо).

(2) Галя теперь убита, а Веру повесили на Доске почета (А. Иванов, Черная стая, пар. на Аркадия Адамова).

Подарить

«Что значит: королева подарила своему супругу сына?» — спросила маленькая Катя учительницу—«Это значит, что она родила ему сына». Через несколько дней Катя, сияя от радости, прибежала к учительнице: «Мария Петровна, вчера был мой день рождения!» — «Что же тебе подарили?» — «ТетяЛида родила мне маленькую таксу!»

Подвертываться

[Человек, который уверял, что он никогда не лжет, обещал прийти в гости в шесть]. А без десяти шесть от него принесли городскую телеграмму: «В отчаянии, что не могу быть. Случайность. На лестнице, когда поднимался к себе в гостиницу подвернулась нога. Лежу. Ваш Z». Другой гость рассказывает, однако, что видел посланного телеграмму на извозчике с очень красивой дамой. Обманщик так отвечает потом на упреки хозяина:

— Яне солгал!—упрямо сказал он.—Действительно, когда я поднимался по лестнице, впереди меня шла дама. На ходу она

кокетливо приподняла край платья, и я увидел такую ножку—каких до сих пор не было в природе. И вы сами понимаете, что раз мне подвернулась такая нога~

— Гм~ Но вы писали, что лежите больной?!

— Нет!—энергично вскричал он.—Слова «больной» я не писал! (...)

Он и тут был прав (А. Аверченко, Ложь высшего качества).

Подводить

[Реклама часов «Электроника»]: Эти часы вас не подводят, потому что вы их не подводите! («Юрмала», 14/VII—1988 г.).

Поддержка

— Когда мужчина нуждается в поддержке жены?

— Когда он возвращается из компании друзей.

Подъем

Высокий подъем бывает не только у поэтов, но и у башмаков (Эмиль Кроткий). **Поймать**

Неудачливый рыболов в рыбной лавке:—Прошу швырнуть мне несколько рыб покрупнее—Почему «швырнуть»?— Чтобы я мог с чистой совестью сказать жене, что я их поймал (D. Buttler).

Полететь

(1) Линда. Вчера вечером,, когда тебя не было, я слышала, как папа назвал мою нянечку ангелом. А когда она полетит?

Мать. Завтра утром, дорогая.

(2) Управляющий сказал мне:«Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно **полетели** ». Я ему ответил: «Вы слишком льстите мне, ваше превосходительство, полагая, что я умею летать» (А. Чехов, Моя жизнь, I).

Полный см. **Пустой**

Половина

(1) Крестьянин должен был отдать неприятельскому генералу четверть своего имущества в качестве реквизиции.—Мне хотелось бы лучше отдать вам половину!— сказал он,указывая на жену (Анекдоты англ.).

(2) Объявление. Продается полдома. К нему прилагается полсарая, полпогреба и **половина яблони** (Журн. «Крокодил»).

Полотно

Борис стоял бледный, как полотно железной дороги (О. Д'Ор, Русская история). **Полушарие**

За одним английским обедом часто пили, по обычаю, за здоровье дам.

Милорд Б. сказал: — «Я пью за прекрасный пол обоих полушарий».
— «Ля,-возразил маркиз В.—пью за два полушария прекрасного пола» (Энцикл. весельчака, I).

Поморщиться см. **Морщиться**

Поносить

На похоронах Н. А Полевого, в церкви Николая Морского, Ф. В. Булгарин хотел было ухватиться за ручку гроба; присутствовавший при этом П. А Каратыгин, оттолкнув его, сказал: — Уж ты его довольно поносил при жизни (Собр. анекдотов).

Попадание

[Зам. директора по АХЧ): — У нас лозунг: лифт для всех. Невзирая на лица. Лифт должен выдерживать прямое попадание в кабину самого необученного академика (А и Б. Стругацкие, Сказка о тройке).

Поражать

(1) — *От кого письмо?—Недоумеваю. Наверное, какая-нибудь графиня, увидя меня*

на прогулке, пишет, что я поразил ее до глубины души,— Возможно. Если она гуляла на огороде, а ты стоял в своей обычной позе—растопыряруки и скривившись на бок для наведения ужаса на пернатых(А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. II, XI).

(2) *Ассирийские цари были очень воинственны и жестоки. Врагов своих **поражали** более всего своими именами, из которых Ассур-Тиглаф-Абу-Хериб-Назир-Нипал было самым коротеньким и простеньким (Тэффи, Древняя история).*

Порядочный

(1) — *У меня **порядочная** дыра на локте.*

*— У такого порядочного человека даже дыра на локте должна быть **порядочная** (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. I, I).*

(2) *Среди идиотов есть много порядочных (А Кнышев, Уколы пера).*

Последний

(1) — *Читал недавно одно из Ваших стихотворений.*

— Последнее?

— Надеюсь! (D. Buttler).

(2) *Истерзала меня эта дума вконец
безысходностью многолетней: почему же последний подлец
к сожаленью, подлец не последний?!*

(СЛец).

Поступать

*«знамой сигналы он не реагировал,, а возражал и вступил в спор,
после чего мы разошлись, причем я побежал. И поступил в
Государственный ордена Трудового Красного Знамени медицинский
институт в травматологическое отделение, откуда с большим
успехом был выпущен 12 февраля 1911 года без ребра (М. Жванецкий,
Автобиография).*

Посылать

— Скажите, здесь посылают на Кубу?

— Здесь посылают нагана Кубу—этажом выше.

Потерять

(1) — *Что вы торгчите под моим балконом? Что вы там
потеряли?*

—*Два с половиной часа!*

(2) *Я потерял на одной неделе жену и зонтик.*

Потянуться

*Утро страны. Воскресенье. Егце прохладное. **Потянулась** в горы
молодая интеллигенция. **Потянулись** к ларьку люди среднего
поколения,~ Стада **потянулись** за деревни в зеленые росистые поля
Потянулись в своих кроватях актеры, актрисы, художники и прочие
люди трудовой богемы и продолжали сладко спать (М. Жванецкий,
Коротко о себе).*

Право

(1) *..Вы не имеете никакого римского **права** уезжать без ужина,
—говорил Иван Петрович (А. Чехов, Ионыч).*

(2) *...сила не есть еще **право**, как сказано в римском **праве** (Л.
Андреев, Прекрасные сабинянки, I).*

Предки

— *Ко мне сегодня нельзя —у меня дома предки.*

— *Обезьяны?!Как интересноL (А. Кнышев, Уколы пера).*

Привлекать

— *Тебя какая профессия привлекает?*

—*Милиция.*

—А почему?

— Не знаю. Привлекает и привлекает (Журн. «Крокодил»).

Принимать

(1) — Меня, брат, однажды целое лето **принимали** в семье одного статского советника.

— Ну да, но как **принимали**? Как пилюлю: сморщившись (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. II, IX).

(2) *Посетителей он принимал, как лекарства: неохотно и только по предписанию* (Эмиль Кроткий).

(3) [Юноши приходят к школьному товарищу и требуют у его матери Мотю]. *Ответ был самый аристократический: —Мотя не принимает.—Как не принимает?—удивились мы.—Чего не принимает?—Вас принять не может»—Может быть, он нездоров?—попытался смягчить удар деликатный Шаши-Здоров-то он здоров» Только у него, он говорит нервы не в порядке (...) Ведь он теперь уже помощник старшего конторщика. Очень на хорошей ноге» Нога, может быть, была и подлинно хороша, но нас она, признаться, совсем придавила: «Нервы, не принимает»» (А Аверченко, Молодняк).*

(4) *Ванну, хозяин, прими, но принимай и гостей* (О. Мандельштам).

Приславать

Кней все приславали, даже загар (Эмиль Кроткий).

Пробиваться

И траве приходится пробиваться (Эмиль Кроткий).

Проводить

(1) [Разговор Алисы со Шляпой]: *«иногда, особенно на уроках музыки, я думала—хорошо бы получше провести время»—Все понятно!— с торжеством сказал Шляпа—Провести время?! Ишь чего захотела! Время не проведешь!* (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

(2) *Губенко провел пресс-конференцию. И экурналистов.* («Коммерсантъ», № 42, 1991 г.).

Продавать

(1) — *Зато у моего народа—какие глаза! (...) Полное отсутствие всякого смысла,—*

но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят (Вен. Ерофеев,

Москва—Петушки).

(2) Туристские впечатления

Тяжко на Западе людям живется.

Всё покупается,, всё продается!

(В. Берестов).

Прозевать

—,а видели вымою последнюю драму?—Нет — Теперь ее давать уже больше не будут. Сами виноваты, прозевали,—Да не всели равно. Теперь я прозевал драму, а тогда прозевал бы в драме (Журн. «Искра»).

Прослушивать

По радгю: «Вы прослушали четыре маленьких пьесы для фортепьяно. Где вас черти носили?» (А. Кнышев).

Процесс

Александр Миронович. ...Уменя был процесс в легких, пускай теперь будет в Верховном суде (В. Шкваркин, Чужой ребенок, III).

Проявлять

(1) *Проявил себя? Закрети (А. Кнышев).*

(2) *Негативы и таланты надо проявлять (Эмиль Кроткий).*

Пустой;Полный

(1) *Природы странною игрой*

В нем двух начал раздор открытый;

Как может быть он человек пустой И вместе с тем дурак набитый?

(П. Вяземский).

(2) *«Хоть впрочем он поэт изрядный,*

Эмилией человек пустот.

— *«Да ты чем полон, шут нарядный?*

А, понимаю: сам собой;

Ты полон дряни, милый мой!»

(А. Пушкин, Эпиграмма).

(3) *Женщины бывают полные и пустые (А. Кнышев, Тоже книга).*

Пустота

Можно удивляться пустоте Путиловского порта, но удивляться пустоте модного франта—более чем странно (Журн. «Осколки»).

Раб

Какой-то философ, видя, как афинянин бьет своего раба, сказал про него: «Вот раб своего гнева бьет своего раба» (Всемирн. остроумие).

Разбойник

[Разговор Чичикова с Собакевичем]:

— *зато губернатор—какой превосходный человек' (...)—Первый разбойник в мире!—Как, губернатор разбойник! — сказал Чичиков, и совершенно не мог понять, как губернатор мог попасть в разбойники (Н. Гоголь, Мертвые души, т. I, V).*

Разгуливаться

[Приятели пытаются отвлечь хозяйку, пришедшую за квартирной платой, посторонними разговорами]:

— *Погодка сегодня разгулялась,—сказал Урываев, смотря в окно.*

— *Это ее дело. А когда человек разгуляется и тратит деньги на пьянство, это, извините-с!Извините-с! (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. I, XIII).*

Раздевать

Ах вы разбойник, ах злодей!

Ну как вы поживаете?

Вы раздеваете людей,

Когда их одеваете

(«Чукоккала». Обращение С. Маршака к своему «дорогому» портному).

Разносить

«Эк тебя разнесло-то!» —укорял Сидор Марфу, в которую угодил артиллерийский снаряд (А. Кнышев).

Распускаться; Сматываться

(1) *Мужчина—как клубок, когда женщина выпускает его из рук— он **распускается**, а когда забирает его в руки—он **сматывается** (ТВ-программа «Вокруг смеха», 9/XI-1991 г.);*

(2) *Каждый бутон подобен безобразнику ', с каждым днем он все более и более **распускается** (Тэффи).*

(3) *Острая на язык одна придворная дама так заметила увивавшемуся за ней в машкераде графу д'Артишок-Ливорнеде: «Ах, достолюбезный графи примечаю я, что вы напоминаете собою принесенные вами розы~» То расцветивший от тех слов д'Артишок вскричал: «О, достоин ли я слов сих?!» «Достойны,—отвечала та*

дама—Потолику и вы также, как сии розы—очень распуститься изволили!» (Журн. «Новый Сатирикон»).

(4) Дети — цветы жизни Не давай им, однако, **распускаться** (Эмиль Кроткий). **Расставаться**

Не расставался с книгой. Возьмет в библиотеке— и не вернет! (Эмиль Кроткий). **Растворяться**

— Скажи, в алкоголе растворяется сахар?

— О да,—отвечает старый пьяница.—В алкоголе растворяется также золото, каменные дома, лошади, счастье, любовь и вообще всё ценное.

Резать

Я лучше, чем Наполеон и Цезарь,
И эту истину признать пора:
Я никого на свете не зарезал,
Напротив, резали меня редактора!
(Н. Глазков).

Решать

Кадры решают все, но без нас (Г. Малкин).

Ржать

Кони ржут за Сулою,
Публицисты — в «Вести»,
Ял Яово и в Киеве
Все заржали вместе
(Д. Минаев, Слово о полку Игореве).

Рога

(1) Идеальное супружество

Жена—как лань со стройными ногами, муж тоже» бегают с рогами»

(СЛец).

(2) Желая подшутить над священником, один скептик обращается к нему: «Уменя неразрешимая проблема, влшо преподобие. Никак не могу представить себе, тслтс л буду надевать тунику через крылья, когда попаду в места вечного блаженства?» — «Это но ваша проблема. На вашем месте меня больше беспокоил бы вопрос,, как нахлобучить шляпу на рога».

(3) Муж кричит любовнику своей жены: —Если бы у меня был пистолет,, л застрелил бы тебя Если бы у меня был нож, л бы тобл

зарезал, L

Любовник: — Л ты меня забодай!

(4) Шалун, увидев человека,, несшего прекрасные олени рога, которые он только что купил для выделки ручек для ножей, крикнул ему: «Моё почтение вашей супруге!» (Энцикл. весельчака, I).

Рогоносец

[В фиктивную контору О. Бендера по приему рогов приходит посетитель и действительно приносит рога] ...товар пришлось купить {...}—Если Паниковский пустит еще одного рогоносца—сказал Остап, дождавшись ухода посетителя,—не служит больше Паниковскому (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, XV).

Рука

Человек с тремя руками: две своих и одна в тресте (Эмиль Кроткий).

Ручной

— Не бойтесь этой гранаты: она ручная (Эмиль Кроткий).

Рыться

Читал, выписывал, справлялся,

Я в книгах **рылся** и в грядках

(И. Крылов, Огородник и Философ).

Сажать; садиться

(1) Л вы, друзья, как «а садитесь, только нас не сажайте

(Е. Шварц о перемещениях в правительстве).

(2) — Как живешь?

— Как картошка: если зимой не сожрут, весной посадят!

(3) — С кукурузой опасно иметь дело: ее не посадишь — тебя посадят! Ее не удержишь — тебя уберут!

(4) Россия—странный садовод

и всю планету поражает, верша свой цикл наоборот: сперва растит, потом сажает (И. Губерман).

(5) — Солнышко село!

— Ну, это уже слишком!

См. также **Запускать**.

Свинья

(1) [Кошке, обнюхавшей заливное]:—Просили тебя нюхать!—сердится он, накрывая рыбу газетной бумагой.—Свинья ты после этого, а не кошка (А. Чехов, Накануне поста).

(2) *Все ее называли свиньей, но ели ее с удовольствием (Эмиль Кроткий).*

Связь

Первомайские призывы, для с вяз исто в: За связь без брака!

Сдавать

Чапаев ездил поступать в Военную академию.

—Василий Иванович, всё сдал?

— Нет, не всё, Петька. Кровь сдал, мочу сдал, а математику не смог.

Семейство

— Травчински, к какому семейству принадлежат пальмы?

— К богатому, пан профессор (D. Buttler).

Серебро

(1) *Годы обогатили его не только опытом: у него прибавилось и серебра в бороде, и золота — во рту (Эмиль Кроткий).*

(2) *Старик—это остров сокровищ, в волосах у него серебро, в зубах—золото, в кишечнике — газы, в костях—соли, а кроме того, масса строительных материалов. в желчном пузыре—камни, в моче—песок, в легких— известь~*

Сидеть

(1) *— Ведь не могла же я за одну неделю так растолстеть!— дрожащими губами говорила Вера Павловна—Неделю назад лиф так хорошо сидел. Верно, просто сел.*

— Сидел, сидел, да и сел,—шутил веселый муж Веры Павловны. Сидел да и сел! Ха-ха-ха! Вот так чудеса с твоими платьями (Тэффи, Письма).

(2) [Подходцев —Клинкову, который привел в их комнату «жрицу любви»]: *«По распущенности ты превзошел Гелиогабала!» «Да, пожалуйподтвердил самодовольно Клинков—Во мне сидит римлянин времен упадка».—Нечего сказать, хорошенькое помещение он себе выбрал (А Аверченко, Подходцев и двое других, чЛ, VIII).*

(3) *Вопрос. Где можно стоя сидеть?*

Ответ. В участке (А Чехов, Вопросы и ответы).

(4) *Телеграмма: Рабинович не лежит и не стоит.*

Скот

(1) *Носил ту шубу скот,*

И скот и ныне носит

(А П. Сумароков, «Соболья шуба», по: [Ходакова 1969]).

(2) *Будь членом общества покровительства животных, но не покровительствуй всяким скотам* (Журн. «Будильник»).

Скотина

Высокомерный помещик решил поиздеваться над ветеринаром и спрашивает: — Это вы доктор для скотины?

— Да, я — спокойно отвечает тот, — а что у вас болит?

Слабый

Есть пьесы настолько слабые, что не могут сойти со сцены (С. Лец).

Следствие

Не надо путать причину и следствие. Особенно не надо путать следствие (А Кнышев).

Слух

(1) — *Профессор, научите, пожалуйста, моего сына играть на скрипке.*

— А слуху него есть?

— Вы знаете, когда я его зову, он, как правило, откликается.

(2) *Не всякому слуху верь, — даже слуху музыкального критика* (Эмиль Кроткий). **Сматываться** см. **Распускаться**

Смеяться

Я глубоко уважаю этот анекдот за его почтенный возраст, но не в моих принципах смеяться над седидами

Снимать

(1) *Снимем квартиру, джинсы, ондатровую шапку* (А Крыжановский, Три холостяка).

(2) *Штирлиц и Мюллер выходят из кабака. — Может, девочек снимем? — предложил Штирлиц. — Да нет, пусть еще повисят»*

Сношения

[Из школьного сочинения]: *Маша Троекурова имела сношения с Дубровским через дупло.*

Собирать

[После аварии при демонстрации машины]: *Машины собрали» в мешок и привезли уже другие люди* (М. Жванецкий, В век техники).

Содержание; Форма

Каково соотношение между формой и содержанием? — Формы должны быть такими, чтобы их хотелось взять на содержание.

Сокращать см. *Дни*

Сохнуть

Любопытная, ветреная Форточка выглянула во двор-. «Интересно, во кеш это со-хнет Простыня?» (Ф. Кривин).

Сохранять

Она не только сохранила свою девичью фигуру, но даже удвоила ее.

Спать

(1) [Боря, тринадцати лет]: — АГяшя, когда Татьяна в «Евгении Онегине» вышла за гене

рала, это был ее второй муж?— Что за вздор ты говоришь! Первый, конечно!— Нет, второй. Вот послушай.

Мартын Задека стал потом Любимец Тани. Он отрады Во всех печалях ей дарит И безотлучно с нею спит (В. Вересаев, Рассказы о детях).

(2) *Женщина судилась с Насреддином, утверждала, что ее ребенок от Насреддина. Насреддин яростно отрицал это. Наконец судья спросил его-. «Скажи только одно-. спал ты с этой женщиной?» Насреддин ответил-. «Что вы, ваша милость, даже глаз не сомкнул».*

(3) *Исповедуясь доброму старому священнику, молодой человек спросил-. —Скажите, святой отец, разве это действительно великий грех— спать с девушкой?— «Конечно, нет,—улыбнулся священник.— Но дело в том, что вы, молодые люди, не спите-» (Когда улыбаются джентльмены).*

(4) *К министру пробивается женщина, требует себе квартиру-. —Я с вами спала, товарищ министр—Когда, где?—На XXIII съезде КПСС, в третьем ряду.*

Спешить

Не спешите выбрасывать ржавый металлический матрац старой кровати. Выбросьте его медленно, с удовольствием (А. Кнышев).

Спирать

В доме все было краденое, и даже воздух какой-то спертый (А. Кнышев). **Способный**

(1) — Хорошо, я приму вашего протеже, но он — человек способный?

— Конечно, пан директор. На всё (D. Buttler).

(2) Многие люди ни на что не способны и одновременно способны на всё. **Спотыкаться**

Н. Полевой пародирует гладкость стиха:

Они, как пеллощенный, гладки-

На мысли не споткнешься в них!

Средний

Века были так себе, средние (Эмиль Кроткий).

Старый

Операция I класса—новые инструменты, старые ассистенты, операция II класса — наоборот (D. Buttler).

Стоять

На дворе стоит эпоха, а в углу стоит кровать, и когда мне с бабой плохо, на эпоху мне плевать (И. Губерман).

Стрела

Боевой клич индейцев: <<Не стой под стрелой!>> (Г. Малкин).

Строчить

Муж в редакции строчит Обличения за плату,

А жена ему строчит На локтях заплату (Журн. «Осколки»).

Стукнуть

(1) — *Что это за стук в соседней комнате?*

— *Это моей сестре стукнуло 30 лет (Н. Сац).*

(2) **ЮБИЛЕЙ.** *Сегодня комитету госбезопасности стукнуло 70. Это на 5 человек больше чем вчера (А. Кнышев, Тоже книга).*

Судить

Если судить по зарплате, то можно судить (Г. Малкин).

Сука

Рабочие звонят своему мастеру.—Иван Петрович, поздравляем вас с Днем 8 марта!— Что я вам, баба, что ли?—Баба не баба, а сука ты хорошая!

Сходить

Новости техники. Вчера с конвейера Семеновского автозавода сошли три пьяных слесаря QI. Измайлов).

Творение

Пушкинианец

О н: — *Позвольте мне высказать мое чувство к вам в стихах. «Люблю тебя, Петра творенье.»*

Она:—*Какое же это имеет ко мне отношение?* L Он:—*Как же-с! Вас ведь Марьей Петровной зовут-с!*

(Журн. «Сатирикон»).

Обыгрывается совмещение двух значений существительного *творение*: 1) (с род. п.) «произведение, продукт творчества»; 2) устар. «живое создание, существо»:

Кошка тихое творение, она никому не сделает зла (Гоголь) [МАС]. Во втором значении употребление род. падежа аномально.

Темный

Б л а ж е в и ч... на голову рухнули тетки, дядьки и жена — светлая шатенка с темным прошлым! Мне не под силу такое приданое (В. Шкваркин, *Страшный суд*, 3).

Теряться

— *Скажите, а у вас мальчишки на экзамене не теряются?*

— *Иногда теряются. Одного, например, три дня не могли найти* (Журн. «Новый Сатирикон»).

Тонкий

[Дворянка Лукерья—сестре]: — *„природа недаром дала нам тонкие чувства и тонкий ум.*

[Горничная Даша]: — *Где тонко, тут и рвется!* (И. Крылов, *Урок дочкам*). *Тошнить*

Морская качка была изображена художником с таким сходством, что при одном взгляде на картину тошнило (Эмиль Кроткий).

Трагедия см. Драма

Трение

(1) *Спичкам жить на свете нелегко,*

Спички—беспокойные творения!

Даже с лучшим другом—коробком Не обходится у них без трения (Ф. Кривин).

(2) *Что ты скажешь на это, физика? В отношениях между людьми трения ведут к охлаждению* (С. Лец).

Трещать

Молодой человек Голова что-то- трещит.

Дама. Трещит? Неужели?- Нет, знаешь, ничего не слышно (А Аверченко, *Власть рока*).

Трогаться

Весна хоть кого сума сведет. Лед — и тот тронулся (Эмиль Кроткий).

Тройка

-дверь распахнулась, движимая властной рукой, и в комнате появилась Тройка в полном составе—все четверо (А и Б. Стругацкие, Сказка о тройке).

Удар

—Не ссорься с женой, чтобы не умереть- от удара (Журн. «Будильник»). *Уживаться*

В семейном альбоме мирно уживались родственники, ссорившиеся всю жизнь (Эмиль Кроткий).

Успевать

Если не успеваешь по математике, физике, химии, английскому, то успевай хотя бы пообедать («С утра пораньше», 17 /IX—1989 г.)

Утка

(1) *Лучше журавль в небе, чем утка под кроватью.*

(2) *Нам сообщают, что один репортер, будучи чл охоте, застрелил утку. Рассматривая убитую птицу, он узнал свою же собственную утку, выпущенную им в прошлом году* (Журн. «Осколки»).

/

Уход

Больной нуждается в уходе врача. И чем дальше уйдет врач, тем лучше.

Уходить

О, Ленка, ты, ушла~ на повышение~ (В. Вишневский).

Фамилия

Не расслышав порядочно имени одного из представлявшихся дворян, обратился он [император Александр] к нему.—Позвольте спросить, ваша фамилия?—Осталась в деревне, Ваше Величество, но, если прикажете, сейчас пошлю за нею (Рус лит. анекдот).

Фибра

Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу (И. Ильф, Записные книжки).

Форма см. **Содержание**

Хватать

Первую рюмку хватаешь ты, вторая тебя хватает (В. Катаев, Золотое детство). **Ходить**

(1) *Все ходят в передовиках, ватниках и сапогах* (по: [Береговская 1984]).

(2) *Часы ходят, но не идут* (D. Buttler).

Холодный см. Жгучий Хорошо

Хорошо стреляют в Черноморском флоте. То есть когда стреляют хорошо,—это у них считается плохо. Извините, но это не каламбур. Считается хорошо, когда стреляют отлично (И. Ильф — Е. Петров, Начало похода).

Хребет

Поэт фамильярно похлопывал Кавказ по его хребту (Эмиль Кроткий).

Хрен

(1) *Вот туту вас вменю: «поросенок с хреном». Подайте, только хрен—отрежьте.*

(2) *В купе поезда ехали англичанка, американка и русская. У англичанки пропала кофточка, она просит американку спросить у русской, не она ли взяла кофточку. Американка: —Не ты взяла у англичанки кофточку? Р у с с к а я:—Здра-*

а-сте, я ваша тетья Американка переводит.—Она утверждает, что она ваша родственница, Англичанк а:—Ну, хорошо, пусть она за нее тогда запла-титмне. Американк я.--Отдай за кофту англичанке деньги, Р у с с к а я,—Хрен ей, а не деньги. Американка: — Она говорит, что расплатится овощами.

(3) *Погода располагала к любви,, л «я огороде старый хрен заигрывал с молодой картошкой* (Эмиль Кроткий).

Цель

Плакат на артиллерийской академии: Наша цель — тсалшучшл*/

Чернить

Вакса чернит с пользой, л алой человек—с удовольствием (Козьма Прутков). **Черный**

(1) *«Американец» Толстой говорит о С. П. Жихареве'.«Кажется, он довольно смугл и черноволос, л б сравнении с душою его он покажется блондинкою»* (Рус. лит. анекдот).

(2) *И черными делами зарабатывают на белый хлеб* (Эмиль Кроткий).

(3) *Расисты! Не допускают черных мыслей!* (С. Лец).

Чистить

«Ваша жена чистит вам костюм?» — «Частично: карманы».

Чистый

[Вмагазине]: — Скажите, а эта майка из чистого хлопка?

— Из чистого~ была,, потя вы об' woo руки не вытерли (М. Задорнов).

Член

(1) [Разговор Михаила Светлова с вахтером Дома литераторов]:

Вахтер: — Член дома?

Светло в:—Нет, с собой.

(2) — Какая разница между стадом овец и Академией наук?

— Овец считают по головам, а академиков по членам.

Шалить

В общем и целом он уже не шалил. У него шалили только нервы (Эмиль Кроткий). **Шелковый**

[Отец — сыну]: — *Черт возьми! Я сделаю из тебя шелкового! Как человек со вкусом, отец из всех материй предпочитал шелк, и другой материал для меня казался ему неподходящим* (А. Аверченко, Автобиография).

Шик

[После бенефиса]

«Чья же пьеса нынче шла?»

«Александрова»—«Была С шиком сыграна, без шикали?»

«С шиком, с шиком: громко шикали»

(Ц. Минаев).

Шишка

Но шишка упала с большого сука И тотчас вскочила на нос барсука.

Шутить

Хрущев приезжает в колхоз и по-отечески разговаривает с колхозниками. «Ну, как живете?» — шутит Никита Сергеевич, «Хорошо живем!» — шутят в ответ колхозники.

Язык

В десять начинался урок русского языка—царь Иван IV ругал бояр. В одиннадцать—Иоанн Васильевич приступал к занятию

чужими языками: вырезывал языки у провинившихся приближенных, а оставшиеся части тела бросал в темницу (О. Д'Ор, Русская история).

Яйцо

(1) *В газетах (...) появились заголовки: «Массовая закупка яиц за границей» и «Господин Юз хочет сорвать яичную кампанию». Прогремел на всю Москву ядовитый фельетон журналиста Колечкина, заканчивающийся словами: «Не зарьтесь, господин Юз, на наши яйца—у вас есть свои!» (М. Булгаков, Роковые яйца, VII).*

(2) *— Что это такое, много голов, хвост длинный, глаза горят, а яйца маленькие и грязные? — Очередь за яйцами*

(3) *В чем разница между курицей и велосипедистом?—Курица сначала несется, а потом садится на яйца, а велосипедист наоборот.*

См. также Нестись, Красить.

4. Омонимия

А А Щербина справедливо отмечает, что абсолютные, или этимологические омонимы, возникшие в результате случайного совпадения, обладают (в силу разорванности своих значений) блестящими каламбурными возможностями, но полагает при этом, что такими омонимами «русский язык небогат, они буквально наперечет» [Щербина 1958: 44]. Приводимый ниже материал показывает, что это — сильное преувеличение (точнее, преуменьшение): «этимологические» омонимы обыгрываются не реже, чем омонимы «словообразовательные», возникшие в процессе словообразования (типа *замолчать*: ‘перестать говорить’ и ‘обойти молчанием, скрыть’).

Изучение омонимии («сдвигов») в поэтической речи натолкнуло А. Крученых на интересное наблюдение, касающееся различий между устной и письменной речью. Правда, Крученых преследовал совсем другую (на мой взгляд, малопочтенную) цель — «перетряхивание пушкинской тоги», обвинение Пушкина в невольных сдвигах, возникающих двусмысленностях, «незаконорожденных каламбурах» (типа *Проклятье, меч и крест и кнут* (На Фотия) [«Бедные меч и крест —они икают!» — замечает Крученых]; *Со сна садится в ванну со льдом* (Евгений Онегин) [«Сосна садится сольдом»]; *Он с трепетом к княгине входит* (Евгений Онегин) [входит стрепетом (птица)] и т. д.

При этом А Крученых вынужден признать, что двусмысленности эти (и многие другие, найденные им у Пушкина)

проявляются не в письменном тексте, а при прочтении вслух (именно его Крученых считает основным, без которого «звукового восприятия произведения нет, звучания нет» [Крученых 1924: 10]). Тем самым Крученых обращает внимание на резкие различия между речью устной и речью письменной в одном очень важном отношении — в отношении сдвигов: в устной речи они гораздо более вероятны и опасны, чем в речи письменной, где есть разделение на слова, нет редукции слов, нет нейтрализации согласных в конце слова и т. п.

Обыгрыванию подвергаются все виды омонимов. Приведем имеющийся у нас материал (в каждом из списков иллюстрации даются с учетом алфавитного порядка обыгрываемых омонимов).

Полные омонимы

Брак; Разводы; Плавки

(1) *Первомайские призывы.*

для транспортнико в: Дадим каждому пассажиру по мягкому месту!

для связистов. За связь без брака!

для шахтеров: Место коммуниста — под землей!

для ст ал ев аров: Ваша сила в плавках!

(2) *Вокруг только и видишь, что вместо счастливого брака получается один только брак~ (В. Ардов, Пособие для ораторов).*

(3) *Удивительная вещь: ткань с разводами, а брак (Эмиль Кроткий).*

(4) *Что сказать о браках?—Хорошую вещь браком не назовут.*

Вилка; Розетка

(1) [О шахматном матче]:

Вижу—он нацеливает вилку,

Хочет есть. Ия бы съел ферзя Под такой бы закусью—да бутылку!

Но во время матча пить нельзя.

(В. Высоцкий, *Честь шахматной короны*, 2).

(2) *Штирлиц сунул вилку в розетку, но ему тактично намекнули, что из розетки едят ложечкой.*

Вкалывать

«Вкалываю сутра до вечера!»—жаловался наркоман (А. Кнышев).

Гармония

[Луй]:—*На кого похож человек—на коня или на дерево (...)?*

— *На высшее!— выдумал Прокофий—На открытый океан, дорогой товарищ, и на гармонию схем!*

Луй не видел, кроме рек и озер, другой воды, гармонии же знал только двухрядки (А. Платонов, Чевенгур).

Граф

[О К И. Бабицком, который одним из первых использовал в лингвистике математическое понятие графа]:

18*

До этого мужика настоящего графа в лингвистике не было (А. Жолковский). [Перефразировка известного высказывания Ленина о Льве Толстом: «До этого графа настоящего мужика в литературе не было».]

Дача

— *Скажите, Гоша дома?*

— *Он на даче.*

— *Как, у вас есть дача?*

— *Нет, он на даче показаний в прокуратуре.*

Дичь

К картине «Битая дичь» Граверта

Здесь в указатель глядеть не приходится,

Можно здесь разам постичь,

Что на картинах пред нами находится Дичь, господа, только дичьL (Д. Минаев).

Дуб-,Липа

— *Как тебе работается?*

— *Как в лесу! Что ни начальник—дуб, что ни подчиненный—пень, что ни бумага-липа.*

Душить

Не душитесь сами — душите других!

Заниматься

Заря подобна прилежному ученику: она каждое утро занимается (Журн. «Сатирикон»).

Запускать

Пионерка спросила у Хрущева.—Дяденька, правду папа сказал, что вы запустили не только спутник, но и сельское хозяйство?—

Передай своему папе, что я сажаю не только кукурузу («Лит. газета», № 20, 1989).

Издавать

[Прятели предлагают Подходцеву издавать журнал]:

— Мысль такая: давайте, господа, **издавать** сатирический журнал.

— Я могу только издать удивленный крик,— признался Подходцев (...). Мухи будут дохнуть от ваших рисунков и стихов. (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. I, V)

Коса

Люблю речные отмели и косы;

Люблю, когда звенят лугами косы Но мне милей моей любимой косыL Ты не смотри на эту слабость косо (Н. Глазков).

Крепость

Чтобы взорвать /Иную крепость, /Нам надо знать, /В чем ее крепость (Ю. Ким, Профессор Фауст, 3).

Кулак

(1) [О Собакевиче]: *РодилсЯли ты уж так медведем или омедведила тебя захолустная жизнь, хлебные посеы, возня с мужиками, и ты через них сделался то, что называется человек-кулак? Но нет: я думаю, ты всё был бы тот же, хотя бы даже воспитали тебя по моде—Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь!* (Н. Гоголь, Мертвые души, I, гл. V).

(2) *«Добро должно быть с кулаками.А» — заблуждалось заз/ситочное крестьянство в конце 20-х* (А. Кнышев).

Лица си. Дуб.

Лук

[Покупатель—продавцу «художественно-комиссионного» магазина]:— *А фигур нет?*

— *То есть скульптуры? Очень есть одна стоящая вещь: Диана с луком».*

— *Садит, что ли?*

— *Чего?*

— *Лук-то.*

— *Никак нет. Стреляет. Замечательный предмет* (А. Аверченко, Косьма Медичис).

Люлька

Отрывок из одной лекции. *Запорожцы*, по Гоголю, были очень чадолюбивы. Так, напр, Тарас Бульба не расставался с люлькой (в которой было, очевидно, дитя) и во время битвы. Последняя битва с поляками была для него роковой, потому что, потеряв люльку с ребенком, он хотел ее найти- (Журн. «Сатирикон»).

Мат

(1) *Чтобы суше пяткам—/ пол / стелется, / извиняюсь за выражение, / пробковым матом* (В. Маяковский, Рассказ про литейщика Ивана Козырева).

(2) *Р е ж и с с е р...А вас, шахматист, я попрошу изобразить—ну, скажем, мат Каспарову. Не словами!лицом!* (Ю. Ким, Баня во весь голос, I).

Мешать

Те, кто нам мешает- коктейли («Неделя»).

Напастись

«На тебя не напасешься!»—жаловались коровы пастуху (А. Кнышев, Тоже книга). *Некогда*

Некогдаялюбил ее. А теперь — некогда (А. Кнышев, Уколы пера).

Печься

Даже на сковороде в преисподней каждый печется о себе (А. Кнышев, Уколы пера).

Плавки см. Брак

Пол

(1) *«Крашенный пол» (женский)* (Эмиль Кроткий).

(2) *Управдом говорил:—Меня беспокоит слабый пол* (Эмиль Кроткий).

(3) *Раньше носили платья до пола, а теперь — до признаков пола.*

(4) *Танцы—это трение двух полов о третий.*

Пороть

Верная Пенелопа ждала его [Одиссея], коротая время со своими женихами (...) Днем Пенелопа ткала, ночью порола сотканное, а заодно и сына своего Телемака. (Тэффи, Древняя история).

Почка

«Какая красота—твердил он \Жи\—Река точно серебро! Берега точно изумруд! Небо точно бирюза.L Горизонт — точно золото! А этот чудный аромат распускающихся почек!j> Beau-frere Васенька потянул носом и с уважением произнес: «Ну! и нюх же у тебя!

Действительно, на веранде кто-то почки в мадере уплетает»
(Тэффи, Из весеннего дневника).

Правый

[Прыгун, прыгающий неправильно — с правой ноги]:

„лучше выпью зелья с отравой,

Над собою что-нибудь сделаю,

Но свою неправую правую Я не сменю на правую левую (В.

Высоцкий, Прыгун в высоту).

Преданный

И у Иуды был преданный друг (А. Кнышев, Уколы пера).

Предложение

—Ну-с, госпожа Петрова, примемся теперь за разбор этого предложения.

—Не могу!

— Это почему же?

— А потому, что татап приказала нам принимать предложения без разбора (Журн. «Новый Сатирикон»).

Проваливать

«Проваливай!» — буркнул студент экзаменатору (А. Кнышев).

Прозябать

«..Ефим! Блюди особенно ты за растением сим,

Пусть хорошенько прозябает».

Зима настала между тем.

Помещик о своем растенье вспоминает,

И так Ефима вопрошает:

«Что? Хорошо ль растенье прозябает?»

«Изрядно,— тот в ответ,— прозябло уж совсем!»

(Козьма Прутков, пример из: [Арутюнова 1988]).

Проносить

(1) *Над полем появился вражеский аэроплан. Чапаев и Петька бросились в кусты. Летчик их не заметил и улетел—Пронесло!,— сказал Петька.*

—Меня тоже,—признался Василий Иванович

(2) *Штирлиц читает шифrogramму из центра. Вбегают Мюллер, вырывает кусок шифrogramмы и убегают.*

— Пронесло— подумал Штирлиц.

— Тебя бы так пронесло!— подумал Мюллер.

Пруссак

«Ну, что пруссаки?» — спросил однажды гуманный полковник молодого солдата, ему подчиненного (...)

— «Ничто не помогает, ваше высокоблагородие, уж мы сыпали, сыпали персидского порошку, совсем одолели, мерзкие» (Энцикл. весельчака, II).

Рабочий

«Кровавое воскресенье еще раз показало, что царь мог стрелять не только по рабочим, но и по выходным» (А. Кнышев).

Разваливаться

Он хотел развалиться в кресле, но кресло его опередило, оно развалилось (Эмиль Кроткий).

Развивать

Она была завита, как овца, и также развита (Эмиль Кроткий).

Расписываться

Костя. Когда будут расписываться?

Яков. Кто с кем?

Костя. Маня с Семеном Перчаткиным.

Яков. Пока расписался один Сенька. Расписался в своей глупости и ушел (В. Шкваркин, Чужой ребенок, III).

Расходиться

(1) —А издатель-то как разошелся! Книгу мою издал— Разошлась?—Нет. Но, зато я с ним на этой почве разошелся (Журн. «Сатирикон»).

(2) Не успел еще докладчик разойтись, как уже разошлись слушатели (Эмиль Кроткий).

(3) Поженились. На том и разошлись (А. Кнышев, Тоже книга).

Рвать

Штирлиц склонился над картой. Его неудержимо рвало на родину.

Розетка см. Вилка Русак

Этот зайчик—наш земляк—

Называется РУСАК (Б. Заходер).

В действительности существительное русак ('вид зайца⁵) — производное от прилагательного русый, и мы имеем дело с омонимией.

Свет

—Ах, дорогой, хорошо бы купить автомобиль и увидеть свет!

— *Тот или этот?* (Анекдот—улыбка жизни).

Смахивать

Едут два ковбоя по степи. Один курит сигару. Второй ему говорит:—Джо, ты смахиваешь на дурака.

—*Хорошо, я буду смахивать в другую сторону.*

Снести

(1) *Вчера курица снесла маме яйцо, а папе ветер—шляпу* (Журн. «Новый Сатириконт»).

(2) *Снес яичко поросенок,—*

снес его соседке,

Курочке-наседке.

(Яснов, по: [Береговская 1984]).

Согласный

КПСС—это набор глухих согласных.

Среда

Его заела не среда, а вся неделя в целом (Эмиль Кроткий).

Такт

Такт необходим не только в музыке (Эмиль Кроткий).

Тащиться

—*Я сейчас тащусь от Наташи,*

—*А я всегда ат нее тащусь—замечательная девушка!*

— омонимия глагола *тащиться* со значением «идти, ехать медленно, с трудом» (МАС) и грубого разговорного неологизма со значением «испытывать восторг, восхищение, наслаждение» [ТС к XX в.].

Фунт

—*Какое реальное соотношение между фунтом, рублем и долларом?*

— *Фунт рублей стоит доллар.*

Чайник

[Один из работающих на компьютере — другому]:—*Да ты, я вижу, совсем чайник, даже пар идет!*

Кроме общелитературного значения слова, Е. А. Земская отмечает другое, разговорное: ‘любитель чая’ [Земская 1990:16 1—162]. В приведенной шугае выступает третье, достаточно уже распространенное (но почему-то не вошедшее в [ТС к XX в.]) значение: ‘новичок в работе на компьютере’.

Шайка

-дворянские и купеческие бани, они, товарищи, были в распоряжении шайки эксплуататоров, и эта шайка не подпускала к своим шайкам широкие массы! (В. Ардов, Пособие для ораторов).

Шляпа

Сорвиголов и оторвиголов видал:

В глазах— огонь, во рту — ругательства и кляпы.

Но были, правда, среди них такие шляпы,

Что я на них и шляп не надевал (В. Высоцкий, Песня шляпника).

Штат

Новости. За рубежом. Администрация Соединенных Штатов Америки решила перенять наш опыт перестройки и тоже провести сокращение штатов. Первыми будут сокращены штаты Иллинойс и Флорида (М. Задорнов).

Ясли

Ольга Павловна. Что же, он (будущий ребенок] в беспризорные пойдет? Маня. Зачем? Есть детские дома, ясли.

Ольга Павловна .Ясли для телят хороши (В. Шкваркин, Чужой ребенок).

Омографы

Омографы (слова, которые пишутся одинаково, но различаются в произношении) встречаются (и обыгрываются) нечасто. Приведем примеры:

Ветреная (от ветреный и ветряной)

А во ржи дорога стелется,

Только знай себе — иди.

Очень ветреная мельница Показалась впереди (И. Исаковский, В дороге).

Гвоздики (от гвоздика и гвоздик)

[Винни-Пух — о цветах]: —Я их посадил, и у меня теперь возле двери будет настоящий цветник—коготки и гвоздики. Или винтики.

— Я думал, они называются коготки,—неуверенно сказал Пятачок (...) — а гвоздики! гвоздики—это, наверно, гвоздики!

(А Милн, Винни-Пух и все-все-все).

Наплачусь (от заплакаться и наплатиться)

Если не взяться за имя, то оно пропадет же даром, Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму, а

придется взять их мне же на руки, тогда-то наплачусь и наплачусь, а им и горя мало. (А Пушкин—Н. Н. Пушкиной 11 июня 1834).

Осип (от *Осип* и *осипнуть*.)

Осип охрип, а Архип осип.

Пайки (от *паёк* и *пайка*)

Не может быть / Надежной спайки,

Покуда есть / Пайки и пайки (В. Орлов).

Передохнем (от *передохнуть* и *передохнуть*)

Поглядет велит сам Бог нам На сирень перед окном,

Потому что передохнем,

Если не передохнём!

(Н. Глазков).

Плачу (от *платить* и *плакать*)

Я приехал в Москву, плану и плачу (П. Вяземский — В. Ф. Вяземской, 31 мая 1824)

Полками (от *полк* и *полка*)

Полками / по полкам книжным,

чтоб буквы / и то смяло

(В. Маяковский, Молодая гвардия).

Пяток (от *пятка* и *пяток*) \ *Сорок* (от *сорок* и *сорока*)

«Вопросмой прост и краток,—

Промолвил Носорог,—

Что лучше—сорок пяток Или пяток сорок?»

(А. Милн, Винни-Пух и все-все-все, в пер. Б. Заходера). *Сучка* (от *сучок* и *сучка*)

— Вовка меня по-деревянному сегодня обозвал—Как это?—Он сказал: сучка. (К Чуковский, От двух до пяти).

Толстого (от *Толстой* и *толстый*)

Превращусь /не в Толстого, так в толстого,

— ем, пишу, от жары балда

(В. Маяковский, Мелкая философия на глубоких местах).

Трусах (от *трусы* и *трус*)

На пляже и герой в трусах ходит (Эмиль Кроткий).

Трусил (от *трусить* и *трусить*)

Я не шагал, а семенял На ровном бруссе,

Ни разу ногу не сменил,

— Трусил и трусил

(В. Высоцкий, Дурацкий сон...).

Омофоны

Мы можем привести лишь один пример обыгрывания омофонов (слова, которые произносятся одинаково, но различаются в написании):

Обед — обет

*Мне нынче обед не в обед,,
Забыв воздержанья обет,
Я стал, по твоей лишь вине,
Топить свое горе в вине.*

(Д. Минаев).

Омоформы

Омоформы — слова, совпадающие в одной из форм, встречаются (и обыгрываются) довольно часто.

Банке (от банк и банка)

— *Да, кстати о сардинках,—сказал Деликатес—они- ты их видала, конечно?» <Да, на тарелке*—начала было Алиса, запнулась и поправила.—В банке!» <<В банке? Странно,—удивился Деликатес,—в мое время у них, помнится, не водилось лишних денег!» (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).*

Взятки (от взятка и взятки—‘добыча пчелы за один вылет’)

Листья еще крепко держатся на ветках деревьев и только чуть-чуть начинают буреть (...) везде жужжат мириады пчел, которые, как чиновники перед реформой, спешат добрать последние взятки (М. Салтыков-Щедрин, по: [Ефимов 1953]).

Вине (от вина и виноу, Стих (от стих и стихать)

*Я стал, по твоей лишь вине,
Топить свое горе в вине.*

И прежде служивший мне стих Струною оборванной стих (Д. Минаев).

Высек (от высекать и сечь)

Известный скульптор Зураб Елелия, работающий в мраморе, на днях высек свою жену.

Дам (от дама и давать)

Военную повинность и на дам Распространить — благой совет я дам-(В. Буренин, 1 января 1871 года).

Дуло (от *дуть* и *дуло*)

Из окна дуло. Штирлиц выстрелил, дуло исчезло.

Души (от *душа* и *душить*)

—Какую поэзию любит Андропов?

—Больше всего он любит Пушкина за его слова Души прекрасные порывы!»

Ели (от *ель* и *есть*)

(1) *На пикнике, под тенью ели*

Мы пили более, чем ели.

И зная толк в вине и в эле,

Домой вернулись еле-еле (Д. Минаев).

(2) *Уж солнышко на ели, амы еще не ели* (В. Даль).

Есть (от *быть* и *есть*)

(1) *Есть в Петербурге промотавшийся рыцарь, есть у него карета, и нечего есть* (П. Вяземский—А. И. Тургеневу, 1817 г., по: [Ходакова 1969]).

(2) Заздравный тост

У которых есть, что есть,— те подчас не могут есть,

А другие могут есть, да сидят без хлеба.

А у нас тут есть, что есть, да пра этом есть, чел* есть,

— Значит, нам благодарить остается небо!

(Р. Бернс, в пер. С. Маршака).

(3) *Брюхо-то есть, да нечего есть* (В. Даль).

(4) *Полозков. Наша партия была, есть и будет есть* («Капустфильм»).

(3) Андрей С. (3 года) спрашивает:— «Знаешь, как солдаты просят есть?» Приставляет руку к виску: «Есть!»

Задам (от *задавать* и *зад*)

Я вам Уйальдом задам-, по задам! (А. Белый, Начало века).

Знать (от *знать* — сущ. и *знать* — глаг.)

Народу полезно знать, что знать бесполезна народу (Журн. «Новый Сатирикон»). **Круп** (от *круп* и *круп*)

Ем ли суп из манных круп,

Или конский вижу круп—

Мне на ум приходит Крупн...

(Д. Минаев).

Мой (отмой и мыть)

Женищина перед свадьбой говорит: «Ты мой» и только после свадьбы уточняет, что именно мыть («Вокруг смеха», 9 /XI—1991 г.).

Оперу (от опера и опер — «оперуполномоченный»)

— Что делаешь, Василий Иванович?— Оперу пишу, Петя—Но ты же нот не знаешь?—Ничего, опер поймет.

Потолок (от потолок и потолочь)

Сужу по людям, по поступкам:

У каждого свой потолок,

А он взобрался по уступкам И воду в ступе потолок (Н. Глазков).

Пою (от петь и поить)

«Пою мое отечество!»—заявляла продавщица пивного ларька (А. Кнышев, Тоже книга).

Рысью (отрысь и рысью)

Плетется «рысью» из Пушкинского «Зима. Крестьянин, торжествуя,,» можно понять—плетется «какрысь» (как, кстати, и перевел какой-то из немецких переводчиков) (А. Измайлов, Пятна на солнце).

Сене (от Сена (река) и сено) \ Сени (от сень, Сеня (имя) и сени)

В полудневный зной на Сене Я искал напрасно сени,

Вспомнив Волгу, где ял сеяе Лежа,, слушал песню Сени:

«Ах вы, сени мои, сени!л (Д. Минаев).

Серою (от сера и серый)

Углем круги начерчу,

Надушусь я серою,

К другу сердца подкачу

Сколопендрой серою

(А. Измайлов, пародия на Э. Гиппиус).

Смотри (отсмотри (вводн.) и смотреть)

А если мы встретимся в церкви, смотри:

С подругой моей, не со мной говори,

Украдкой мне ласковый взгляд подари,,

И больше—смотри! — ял лхея яе смотри,

И больше—смотри J— на меня не смотри!

(Р. Бернс, в пер. С. Маршака).

Спали (от *спать* и *спадать*); *Спели* (от *петь* и *спеть*)

Растения под снегом спали,

Но с них покровы снега спали,,

Ям птичьи стаи песни спели,

Чтоб их плоды от зноя спели (Н. Глазков).

Стану (от *стля* и *стать*)

ТЫ грустно восклицаешь: «Талия?»

*В сто сантиметров моя талиям Действительно, такому **стану***

*Похвал я выражать не **стану*** (Ц. Минаев).

Стих (отстихи стихать) си.Вине

Сущ Сука (от сука и сук)

(1) *У сыра дуба, у суха сука привязана сука* (Сб. пословиц П. Симони XVII в.).

(2) *Б лесу Штирлиц напоролся на сук. Суки с визгам разбежались.*

Увольте (отувольте—вводн. и уволить)

—Прислуживаться к начальству? Нет уж, увольте-И его уволили

(Эмиль Кроткий). **Уаюе (отј/ж Нј/ае)**

Заговорили об уже,

А он уполз уже (Н. Глазков).

Шагала (от шагать и Шагала)

Жена моя шагала на выставку Шагала (А. А. Реформатский).

Омонимия слова и словосочетания

Встречается обычно в составе рифм (так наз. «составные рифмы»). Этот вид омоформ используется в каламбуре достаточно часто, однако, по справедливому замечанию А Щербины, это явление не семантики общенародного языка, а явление индивидуальное, сугубо контекстуальное [Щербина 1958:47]. В лингвистическом плане оно не очень интересно, и мы считаем возможным ограничиться небольшим количеством примеров.

Визиты — вези ты

Не ходи, как все разини,

Без подарка ты к Розине,

Яо, ей делая визиты,

Каждый раз букет вези ты (Д. Минаев).

Возражаете — воз рождаете

Что! Ну, вы, товарищ, возражаете, как будто воз рождаете» А вы, л вижу, ровно ничего не поняли» (В. Маяковский, по: «Ларец

острословов»).

Восхищенный — воз хищений
[Князеву — по поводу выхода его книги]
Твое творенье, милый друг,
Достойно всяких восхищений,
Недаром все кричат вокруг,
Что это целый воз хищений (А. Аверченко).
Вслепую — в слепую
Штирлиц выстрелил вслепую. Слепая упала.
Добраться — до братца *

Когда умер его старший брат, В. А Каратыгин во время похорон, усиливаясь протискаться до гроба покойного, не утерпел и сказал каламбур: Дайте мне, господа, добраться до братца!» (Всемирн. остроумие).

Естественно — есть, тещь, вино
Есть, тещь, вино?—Естественно (А. А Реформатский).

Запрут — заПрут
— Как ты здесь?— спросил Орлову Пушкина, встретясь с ним в Киеве.—Язык и до Киева доведет,—отвечал Пушкин.—Берегись! Берегись, Пушкин, чтобы не услали тебя за Дунай!—А может быть, и заПрут! (Рус. лит. анекдот, 225).

Илья — илия
Или я или Илья. Или — или (А Архангельский).
Колокол — кол о кол
Ударяйте кол о кол —Вот и будет колокол (Н. Глазков).
Курбеты —Курбе ты
Какие ни выкидывай курбеты,
А все-таки, друг милый, не Курбе ты (Д. Минаев).
Надев — на дев, Отдам — от дам
Парик на лысину надев,
Не уповаю я на дев И ничего не жду от дам,
Хоть жизнь подчас за них отдам (Д. Минаев).
Настоящий — на стоящий, наконец — на конец
День блаженства настоящий Дева вкусит, наконец,
Час пробьет и на...

Дева сядет на...
(А. Пушкин (?), по: [Крученых 1924]).

Настурции — нас Турции

Садовник изменник, когда он продает настурции (А. Чехов, Из записных книжек). *Невинная — невинная*

Бутылку судили за пьянство, а она оказалась невинной (Ф. Кривин).

Недоедают — недоедают

Письмо из Рязани в газету «Правда»: «Уважаемая редакция! Вы все время пишете, что в капиталистических странах люди недоедают. Так нельзя ли то, что они не доедают, прислать к нам в Рязань?»

Недосуг — не до сук

— Василий Иванович, почему на танцы не ходишь? Недосуг, что ли?

— Не до них, Петя.

Немнин — нев чин

То тебе не в чин, потому что ты Немчин (П. Симони, Поел. XVII в.).

Обком—обком

Глубинка

Хорошо тому, об ком Позаботился обком!

(В. Берестов).

Победам—по бедам

Иногда идешь по победам,

А на самом деле по бедам (Н. Глазков).

Погоду — по году

Чем в засуху /ждать дождя / по году,

Сам лучись лустраивать погоду (В. Маяковский).

Погреб — по гроб

Державин По гроб Держал вин Погреб (Н. Глазков).

Покалечить — покалечишь

Покалечишь—покалечишь (С. Кузьмина).

Поколочу—поколочу

«Вы, щенки, за мной ступайте!

Будет вам по калачу,

Да смотрите ж, не болтайте,

А не то поколочу»

(А. Пушкин, Утопленник).

Приспичилось — про спичи лось

Не слышал про спичи лось,

Да сказать приспичилось!

(«Литературные шушу(т)ки». В. Маяковский).

Свинцом — с винцом

В долине Драгестанна С винцом в груди Заснул отрадно я (Н. Лесков, Полунощники, VI).

Семья — семья, Стая — стая

Молчи, семья,

— Сказала стая-

— В тебе семь Я,

Во мне до ста Я!

— До ста, да,

Да стадо!

(Н. Глазков).

Списком — списком

Вед у щ а я. Я предлагаю голосовать списком.

Поросенок Хрюша .Ая без писка.

(«Праздники детства», 3 /X—1989 г.).

Сроками — с раками

— Василий Иванович! Там белые суп с раками жрут!

— Нет, Петя, это у них морды такие.

Стихия — стихия

Область рифт — моя стихия,

И легко пишу стихи я (Д. Минаев).

Талия — талия

Ты грустно восклицаешь'. «Тали я?

В сто сантиметров моя талиям (Д. Минаев).

Тоскуя — тоскуя; таз куя — таску я

Сказал раз медник, таз куя,

Своей жене, тоскуя:

«Задам-ка сыну тоскуя,

И разгоню тоскуя»

(Я. Козловский?).

Шуберта — шубе рта; Шумана — тут опт

Девушка пела Шуберта,

Девушка пела Шумана.»

*Зачем производит шум она,
Когда не раскрыть и в шубе рта* (И. Сельвинский, пар. на А. Блока).

Омонимия двух словосочетаний

(1) [Пушкин скороговоркой говорит графу' Ст который сам лежит на диване, а его дети—играют на полу]:

— «**Детина полоумный** лежит на диване». Граф обиделся. «Вы слишком забываетесь, Александр Сергеевич»—строго проговорил он.

— «Ничуть». Но вы, кажется, не поняли меня». Я сказал:—**дети на полу, умный на диване**» (Рус. лит. анекдот, 220).

(2) — Я иду **по коврау**, ты идешь, **пока врешь**,—говорил Иван Петрович, усаживая

дочь в коляску—он идет, **пока врет**. Трогай!Прощайте, пожалуйста! (А. Чехов, Ионыч).

(3) *Вез раздумья, без отсрочки*

Я бегу к строке от строчки,

Даже к финским скалам: бурым Обращаясь с каламбуром

(Д. Минаев).

Каламбуры этого типа редки, поэтому приведем и один достаточно смелый, услышанный мной от моего школьного друга Ни Шельзина:

(4) *Ах, у Веры, ах, у Инбер*

Что за глазки, что за лоб!

Всё глядел бы, всё глядел бы На нее б

(К Симонов?).

Омонимия имени собственного и нарицательного

Омонимия имен нарицательных и собственных (антропонимы, географические названия и т. п.) обыгрывается достаточно часто.

Омонимия имен нарицательных и антропонимов

Ада (от *Ада* и *ад*); *Рая* (от *Рая* и *рай*)

Жену звали Рая, тешу—Ада (А. Кнышев, Уколы пера).

Айсберг

[Разговор о полярнике, затерявшемся среди льдов]:

—*Вот статья. Видите? «Среди торосов и айсбергов».*

—*Айсберги!*— говорил Митрич насмешливо—*Это мы понять можем. Десять лет как жизни нет. Всё Айсберги, Вайсберги,*

Айзенберги, всякие там Рабиновичи (И. Ильф— Е. Петров, Золотой теленок, XIII).

Бедный

[О «поэте» Демьяне Бедном]

Собес! Дела твои бесплодны,

Какой неслыханный позор!

Поэт труда, поэт народный Остался Бедным до сих пор
(«Чукоккала»).

Глинка

Пой в восторге, русский хор,

Вышла новая новинка.

Веселися, Русь! наш Глинка—

Уж не Глинка, а фарфор!

(М. Виельгорский).

Гнут; Ломан

[О поэте Николае Ломане, который в 1860-х годах сотрудничал в «Искре» под странным псевдонимом—Гнут]:

Судьбой ты мало избалован—

Порою Гнут, порою Ломан (П. Степанов).

Кант

(1) *Воззри на Пруссию-, не Канты,*

Не Гегели на целый мир

Ее прославили, но канты,

Погоны, выпушки, мундир (В. Буренин, Голос патриота).

(2) *..раз кто-то сказал.—«Белый ходит с Кантом». Разумелся философ: Иммануил Кант; было понято.—«белый кант» студенческого сюртука (...) тсаламбур характерен для мозгов мещан*
(А. Белый, Начало века).

Лев

На уроке биологии Яша изо всех сил тянет руку.—Марьиванна, а у нас в доме лев живет!—После уроков, Яша, мы сходим и посмотрим на этого редкостного представителя тропической фауны.. Пришли, позвонили. Дверь открылась.—Лев Аронович, я вам бабу привел, как и обещал. С вас три рубля.

Мак; Лук

[О фургоне с крупными буквами на борту]: *Фургонауже не было. (...)А как было имя перевозчицъей фирмы? Мах Лух. Что это у тебя,*

сказочный огородник? Мак-с. А то? Лук-с, ваша светлость (В. Набоков, Дар, I).

Роза; Маргарита; Гиацинта

(1) В одном семействе было три сестры—Роза, Маргарита и Гиацинта. У Софии Арну спросили мнение о них. «Ах, какой цветник!»—отвечала остроумная актриса (Энцикл. весельчака, И).

(2) **В альбом спекулянтке Розе**

Печален мир. Всё суета и проза.

Лишь женщины нас тешат да цветы.

По двух чудес соединение ты.

Ты женщина! Ты Роза!

(О. Мандельштам).

Сережка

Молодые люди подходят на улице к двум дамам и спрашивают: —
Сережки не нужны?—Нужны. А какие?— Один —я, а другой Сережка
—вот, мой товарищ.

Талия

При одном взгляде на нее становилось ясно, что сценическим успехом своим она обязана не столько Мельпомене, сколько Талии (Эмиль Кроткий).

Яков

[Воспоминания детства]: ...он в постели молился перед сном (сначала коротенькая молитва по-английски — <<Иисусе нежный и кроткий, услышь маленького ребенка»,— а затем «Отче наш» по-славянски, причем какого-то Якова мы оставляли должникам нашим) (В. Набоков, Подвиг, II).

Омонимия имен нарицательных и названий (газет, книг и т.п.)

(1) [О консервативном писателе В. Аскоченском]:

Не трогал сердца ничьего Застоя добровольный пленник.

Проходит мимо «Современник»,

Едва взирая на него-,

«Пчела» в него впускает жало,

Костыль заносит «Инвалид»,

И «Время» грозное шумит Косой звенящего металла

Гудеть собирается «Гудок»,

«Свисток» неугомонно свищет —

И тщетно он опоры ищет И робко смотрит на восток

(В. Курочкин, Печальный рыцарь тьмы крошечной...).
[Обыгрываются названия российских газет и журналов 60-х годов XIX в.]

(2) *Мои книги печатайте в каком угодно количестве. Не забудьте «Капитанку». Пора уже ее спустить с цепи* (А. Чехов—А. С. Суворину, 13 апр. 1891).

(3) *«Камень» в витринах есть, но есть и в печени камень:*

Знай, рассосаться, мой друг, трудно обоим камням

[«Камень* — сборник стихов О. Мандельштама.]

(4) *Оставил Пушкин оду «Вольность»,*

А Гоголь натянул нам «Нос»,

Тургенев написал «Довольно»,

А Маяковский «.Хорошо-с»

(Ю. Тынянов).

Омонимия двух собственных имен

Встречается сравнительно редко:

(1) *Война кончилась отнятием у турок Азова.*

Последний вскоре научился говорить и писать по-русски

Впоследствии он совершенно растуречился и начал писать фельетоны в русских газетах, подписываясь полным именем: «ВлАз'ов».

Петр очень гордился победой над турками и отнятием у них Азова (О. Дор, Русская история).

[Обыгрывается фамилия одного из журналистов начала XX века Вл. Азова.]

(2) *Изящная корма «Анны Карениной» колыхалась в волнах На носу «Анны Карениной» развевался трехцветный российский флаг* (И. Виноградский).

5- Паронимия

Некоторые исследователи противопоставляют **паронимию** (сближение однокоренных сходно звучащих слов) **парономасии** (сближение сходно звучащих слов разных корней) (см., например, [Северская 1988]). Вслед за 'В. П. Григорьевым мы используем

широкое понимание термина **паронимия**, относя к паронимам любые слова, близкие по звучанию (см. [Григорьев 1979:262-263])-

Наиболее глубокое исследование паронимии принадлежат В. П. Григорьеву. Он дает следующее формальное определение паронимии: «Степень звуковой близости, позволяющую говорить о паронимии, мы в основном ограничим миниму

мом в виде двух тождественных согласных (...) Совпадение гласных не является необходимым: в подавляющем большинстве случаев гласные могут варьировать в максимально широких пределах... Обычно, но совсем не обязательно совпадение порядка следования согласных» [Григорьев 1979: 264]. В. П. Григорьев отмечает особую роль «будетлян» в том «паронимическом взрыве», который характерен для поэзии XX в., но истоки которого надо искать в фольклоре (*Сила соломѹ ломит, Никола с колоском, а Петр со снопом* и т. д.) [Григорьев 1979: 267]. Что касается типов паронимии, то их, согласно В. П. Григорьеву, четыре: 1) **вокалический** (*платок—пилотка*, квазикорень ПЛТК + орфографические чередования #/и, а/о, о/#); 2) **метатетический** (*ропот —топору*, 3) **эпентетический** (внутри «корня» включается еще один консонант *просек—проспекты*), 4) **консонантный** (расподобление части консонантов: *хоронить — короновать, отрада — отравя*) [Григорьев 1979: 280—282]. Следует, может быть, выделить еще один, более сложный тип паронимии, где наблюдается звуковая близость слова и словосочетания или двух словосочетаний, ср. фразы из романа «Дар» В. Набокова: *темы и ноты темнот, Ужу, уму — равно ужасно умирать*.

О. И. Северская справедливо отмечает, что для формулировки условий возникновения паронимической аттракции необходим анализ многих примеров [Северская 1988]. В связи с этим мы считали полезным привести (в алфавитном порядке) достаточно большое число примеров, обыгрывающих разные типы паронимии. Кроме того, большое число шуток, построенных на использовании паронимии в устойчивых словосочетаниях и устойчивых фразах, приводится в след. разделе главы («Фразеологизмы»), см. особенно пункт «Обыгрывание пословиц, поговорок, устойчивых фраз».

Аврелий — еврей ли

Марк Аврелий

Не еврей ли?

(«Литературные шушу(т)ки». И. Ильф).

Алиби — Али-баба

Алиби и 40разбойников (А Кнышев, Уколы пера).

Апостол — остолоп

Вот и дело с концом,—в райских куцах покушаю яблок,

Подойду не спеша—вдруг апостол вернет, остолоп (В. Высоцкий, Райские яблоки).

Барана — барона

Поговори с ним [бароном Дельвигом] об этом. А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона (А Пушкин — П. А Плетневу 9 дек. 1830).

Босым—боссом

Был разутым, босым,

Стал раздутым боссом (Н. Глазков).

Бытие — битие

Битие определяет сознание.

Вавила — у виллы; Прокопий — про копи — про опий

Я плавал по Нилу,

Я видел Ирбит.

Верзилу Вавилу бревном придавило,

Вавила у виллы лежит.

Мне сладко блеск копий И шлемов следовать.

Слуга мой Прокопий про копи,, про опий,

Про морфий любил говорить (А. Измайлов, пар. на К Бальмонта).

Воду— ‘водку

Нам слица не водку пить- (Г. Малкин).

Вороне — Воронеж

В 60-е — 70-е гг. родился новый вариант басни Крылова:

В Воронеж как-то Бог послал кусочек сыру.

Гонор — гонорар — гонорей

(1) *Ну, Гусев, надевай штаны и иди в «Петербургскую» газ{ету}» за гонорейей. Счет: №252 —312 строк-* (А. Чехов—Ал. П. Чехову, 25 сен. 1887).

(2) *6 каждым годом суетней планета,*

с каждым днем кишение быстрее, губят вырастающих поэтов гонор, гонорар и гонорей

(И. Губерман).

Гостей — костей
Звал гостей, накупил костей (П. Симони, Поел. XVII в.).
Гурии — фурии
От гурии до фурии один шаг (В. Ардов, Почки).
Делу см. телу Дивчины — дурачины
Секс без дивчины—признак дурачины [вм. *Смех без причины — признак дурачины*] (А. Кнышев, Тоже книга).
Души — уши — туши
Спасите наши тушиц Спасите наши уши (КО АП) [вм. *Спасите наши души*].
Едешь — уедешь
Тише будешь — дальше уедешь [вм. *Тише едешь —дальше будешь*] (А. Кнышев, Тоже книга).
Заведующий — завидующий
На всякого заведующего есть свой завидующий (Эмиль Кроткий).
Канифолью — канителью
—А ты знаешь, чем скрипачи натирают смычки?
— Кани» телью, кажется,—сказала Алиса без особой уверенности (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).
Кузнец — кузнечик .
Каждый человек — кузнечик своего счастья (М. Задорнов).
Культуры —халтуры Министерство Халтуры (D. Buttler).
Малюты —малютки
Не так страшен черт, как его малютки.
Медальон —мордальон (А. Аверченко).
Мило —мыло
Мыло немило, коли лицо сгнило (П. Симони, Поел. XVII в.).
Мороз —маразм
Маразм крепчал [перекличка с избитым началом рождественских рассказов: «Мороз крепчал»].
Мочи —мечи
Анализ мочи —на стол мечи (И. Ильф, Записные книжки).
Неученье — неученых
Ученье—свет, неученых—тьма (Эмиль Кроткий).
Овладевает — обалдевает
[Ослик Иа-Иа на вопрос о занятиях Кристофера Робина]:

— Что делает Кристофер Робин по утрам? Он учится. Он получает образование. Он обалдевает — по-моему, он употребил именно это слово, но, может быть, я и заблуждаюсь,—он обалдевает знаниями (А Милн, Винни-пух и все-все-все, в пер. Б. Заходера).

Охрип —Архип

Осип охрип, а Архип осип.

Пили — били

У Фили пили, да Филю же били (П. Симони, Поел. XVII в.).

Победителей — повелителей

Повелителей не судят [вм. победителей].

Поживем — пожуем

Лев обрацается к Тигру : —Ну, как новый укротитель?

— Пожуем —увидим» (Анекдот—улыбка жизни).

Полковник—покойник

Сегодня полковник, завтра покойник (В. Даль).

Посеешь—посмеешь; пожнешь — пожмешь

Что посмеешь, то и пожмешь.[вм. Что посеешь, то и пожнешь].

Пробили — пропили

Часы пропили ровно в полночь (Г. Малкин).

Разногласие — разноглазые

[Оппоненту, во время ученого спора]:

— У нас с вами не разногласие, а разноглазые! (А. А. Реформатский).

Рапорт — ропот — рупор

Один певец подготавливает рапорт.

Другой рождает приглушенный ропот.

А третий знает, что он сам лишь рупор

(И. Бродский, Одной поэтессе — пример из: [Нов. слов. син.]).

Ревматизмом — рифматизмом

Во мне талант врачами признан, во мне ночами дух не спит и застарелым рифматизмом в суставах умственных скрипит (И. Губерман).

Саночки—Санечку

Любишь кататься —люби и Санечку возить [вм. саночки].

Сантехника — санкт-техника

Чтили сантехника, как санкт-техника (З. Паперный, Птичка голосиста). Скотоводов — скоттоведов

Советский знатный чабан приехал в Лондон на конгресс скотоводов.—У вас опять напутали—говорят ему.—Не скотоводов, а скоттоведов—исследователей творчества Вальтера Скотта.

Смеши —спеши

Не смеши языком, смеши делом! [вм. спеши] (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

Телу—делу

(1) Своя бумажка ближе к делу [вм.: Своя рубашка ближе к телу] (В. Меламед, по: Новиков 1989).

(2) Конец—телу венец (В. Лагунов).

Ума-разума—маразма

Жизнь человеческая

Набирался ума-разума И скончался от маразма!

(«Литературные шушу(т)ки». Ю. Олеша).

Умеренно —у мерина

Живу я более, чем умеренно,

Страстей не более, чем у мерина (И. Губерман).

Учение — мучение

Чтение—вот лучшее мучение.

Хронометр — хренометр (В. Лагунов).

Цапли — цапали

Зачем

Такой носище Цапле?

Затем,

Чтоб цапли Рыбок цапали!

(Б. Заходер).

6. Фразеологизмы

1. Общепринятого понимания и общепринятой классификации фразеологизмов пока нет. Показательно, что, признавая аномальный характер идиом в языке, Т. З. Чердынцева отмечает однако: «Если мы зададим себе вопрос, является ли нормой существование идиом в языке, то ответ на этот вопрос будет однозначным: да, является» [Чердынцева 1990: 273]. В русистике наиболее распространено восходящее к В. В. Виноградову деление фразеологизмов по

уменьшению степени семантической спаянности компонентов: фразеологические сращения (у *чёрта на куличках, сидеть на бобах*), фразеологические единства (*держат камень за пазухой*), фразеологические сочетания (*потупить взор {взгляд, глаза}*), *беспросыпное пьянство, беспросыпно пьянствовать*), фразеологические выражения, или устойчивые фразы (*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*) (см. [Виноградов 1977]).

Обыгрыванию чаще всего подвергается природа фразеологизма, его вторичный, производный характер. Значение фраземы невыводимо из значения составляющих его единиц, однако первичное, несвязанное значение «слабо мерцает» во фразеологизме и может «реанимироваться» говорящими для создания комического эффекта. Приведем два примера, где разложение фразеологизмов — основной структурный элемент.

Интимное

Хотел бы я нектар прохладный Черпать из Стиксовой реки.

Хотел бы я носить чулки Из тонких нитей Ариадны.

Испечь хотел бы я пирог Из нежных яблоковраздора,

Хотел бы изобильярог

Узреть на телке, у забора.

Роскошный дом хотел бы я Сложить из камня преткновенья,

И чтоб пред ним, струи лия,

Журчали волны вдохновенья,

Чтоб красноречия фонтан Играл брильянтами налево,

А справа высился титан —

Генеалогическое древо (И. К Прутков).

Говард Пауль перечисляет преступления, которые могут быть совершаемы без страха ответственности:

Убивать—время Отравлять—воздух Пронзать—сердца Душить — смех Бить — баклуши Красть — поцелуй (Анекдоты англ.).

Примеры такого типа будут приведены (в алфавитном порядке) в основной части раздела в пункте 2. Но сначала будут рассмотрены более редкие случаи обыгрывания некоторых свойств фразеологизмов. И, наконец, в последнем пункте, пункте 3, рассматриваются случаи обыгрывания пословиц, поговорок, устойчивых фраз.

1. Обыгрывание некоторых свойств фразеологизмов

1. От внимания говорящих не ускользнуло то обстоятельство, что единицы, входящие в состав фраземы, ведут себя в предложении не так, как эти же единицы в составе свободных словосочетаний. В частности, по сравнению со словами, фраземы характеризуются ограниченной сочетаемостью с другими элементами текста, обычно не могут иметь зависимых и не могут заменяться анафорическими местоимениями, ср.:

(1) *...крепость, на которую он [Ноздрев] шел, никак не была похожа на неприступную. Напротив, крепость [Чичиков] чувствовала такой страх, что душа ее спряталась в самые пятки* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, V).

(2) *Можно сказать. <<Я друг этого дома», но нельзя сказать. <<Я друг этого деревянного дама»* (А. Чехов).

(3) *Фемистокл прославился тем,, что лавры Мильтиада не давали ему спать (483 г). Злые афинские языки уверяли, что просто он прогуливал все ночи напролет и сваливал всёналавры* (Тэффи, Древняя история).

(4) *О, ты не дура, далеко не дура, губа моя!* (В. Вишневский).

(5) [Рассказ подставного председателя многих жульнических предприятий, который отсиживал срок после их разоблачения]: —*Я должен только сидеть, в этом моя профессия. Я сидел (...) и при нэпе, до угара нэпа и во время угара, и после угара* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XV) — нейтральное употребление: *...сидел до нэпа, во время нэпа и после нэпа.*

(6) *Много было крику, упреков и слез. Генеральша к вечеру захворала; весь дом повесил нос* (Ф. Достоевский, Село Степанчиково..., ч. 1, VI) — фразема *повесить нос* не сочетается с указанием на совокупного субъекта; «обычные» сказуемые здесь вполне допустимы, ср.: «...*весь дом не спал*».

(7) *...голос его прервался, беднягу душили рыдания, и душили они его добрых минуты две. (...)*

— *Всё бы ничего, но вот Герцогиня, Герцогиня! Она придет в ярость, если я опоздаю. Она именно туда и придет!* (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. За-ходера).

2. Элементы фразеологизма неохотно заменяются другими словами, даже если это синонимы и когипонимы (видовые понятия того же рода). Ср.:

(8) *Россия—гордиев санузел*

острейших нынешних проблем (И. Губерман).

(9) [Разговор Воланда с буфетчиком] — *Осетрину прислали второй свежести,— сообщил буфетчик—Голубчик, это вздор!—Чего вздор?—Вторая свежестъ — вот что вздор! Свежестъ бывает только одна —первая, она же и последняя* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 18).

Воланд и Булгаков не совсем правы: осетрина может быть также и не первой свежести.

(10) *Дородный бык мычал в недоуменье.*

«Ярмо~ Труд в поте морды- О, Эдем!

Я яблок ведь не ел от сотворенья.~

(Саша Черный, Несправедливость).

(11) *Джентльмены подумали и (...) громко засмеялись.*

— *С кем я имею честь смеяться, сэръ?—спросил Лунд лысого джентльмена* (А. Чехов, Летящие острова, И).

(12) — *Терпеть надо,—решил Бог.—Я терпел и вам велел* (А. Иванов, Ключкин и Горе-мыкушкин).

(13) *Пораскинем кто чем может!*

3. За фраземой обычно закреплена определенная синтаксическая функция. Ее изменение необычно и производит, как правило, комический эффект. Ср. пример, где фразема-предложение *Уши вянут* трансформировано Владимиром Соловьевым в обстоятельственную группу, что приводит к оживлению старой, стершейся фраземы:

Призраклъдины огнедышащей В ярком сумраке погас,

И стоит меня не слышащий Гиацинтовый Пегас.

Мандрагоры имманентные Зашуршали в камышах,

А гиершаво-декадентные Вирши—в вянущих ушах.

4. Усечение фразеологизма, использование лишь части его компонентов также аномально, ср. письмо, поступившее в редакцию журнала «Сатирикон», и ответ на него:

(14) [Письмо, сопровождающее рукопись]:—*«Посылаю я стишки-Куда конь с копытом,ту да и рак с клешней. Ее пригодятся ли?»*

А. Аверченко отвечает. *«Сблагодарностью ждем вашу клешню, но стишки не подойдут»* (Почтовый ящик «Сатирикона»).

5. Интересный пример разложения «чужого» фразеологизма встречается в романе Саши Соколова «Между собакой и волком»:

*Между собакой и волком Время для частных бесед:
Пусть незатейлив обед,
Всё вы обсудите толком Вместе с собакой и волком.
За его основу взяты известные строки Пушкина:
Люблю я дружеские враки И дружеский бокал вина Порою той,
что названа Порамеж волка и собаки.*

2. Алфавитный список обыгрываемых фразеологизмов *Бить* ключам

Жизнь бьет ключом—и всё по голове.

Большое сердце

«..Большого сердца был человек!» — услышал я в чаще беседу.

Кто это там? Отодвинул ветвь...

Говорил людоед людоеду (СЛец).

Бракно расчету

Брак по расчету на скорый развод (Эмиль Кроткий).

Брать ноги в руки

Как это принято у змей,

Кусают за ногу гадюки,

А потому при встрече с ней Берите, дети, ноги в руки!

(Б. Заходер).

Быть в форме

— Что вы делаете, чтобы быть в форме?

—Я ее надеваю.

Быть на высоте

Я вошел под своды Большого театра. Дирижер Л. Штейнберг был на высоте. Он возвышался над оркестром и был виден всему зрительному залу (Е. Петров, Нюрнбергские мастера пения).

Быть (оставаться) с носом

(1) Лечись—иль быть тебе Панглосом,

Ты жертва вредной красоты —

*И то-то, братец, **будешь** с носом, %*

Когда без носа будешь ты (А. Пушкин, Эпиграмма).

(2) Как ни неприятно быть иногда с носом, но все-таки сноснее, нежели быть совсем без носа (Альманах «Картины света», 1836 г. по: [Виноградов 1976]).

*(3) [Пасхальные поздравления]: —Христос Воскресе! Моцелуемся.
—А вы мне не откусите носа?—Не беспокойтесь!Вы останетесь с*

носом (Журн. «Сатирикон»).

См. также **Водить за нос**.

Вечный Жид

Если б не был Создатель наш связан милосердием, словно веревкой,

Вечный Жид мог быть жутко наказан сочетанием с Вечной Жидовкой (И. Губерман).

Вешать нос

— Я, господа,, поднимаю этот стакан за людей, которые не вешают носа!

— За что ж его вешать (...)? Это было бы жестоко. Мой нос, во всяком случае, этого не заслуживает (А Аверченко, Подходцев и двое других, ч. I, III).

Взобратся на своего конька

Вы взобрались на своего конька, барон, а ведь пеший конному не товарищ (А А Бес-гужев-Марлинский, Ревельский турнир, III).

В ногах правды нет

Каждому, кто подходил, мы говорили: «Садись, товарищ, с нами — в ногах правды нет», и каждый оставался стоять, бряцал оружием и повторял условную фразу, из Антонио Сальери: «Но правды нет и выше». Шаловлив был этот пароль и двусмысленен~ (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки).

Водить за нос

(1) *При коронации Анны Иоанновны она, подойдя к князю Василю Лукичу Долгорукову, взяла его за нос («нос был большой батюшка»)— пояснял очевидец) и повела по Грановитой палате, а потом, остановившись, сказала: «~ вас семеро дураков собиралось водить меня за нос» я тебя прежде провела, убирайся сейчас в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло»* (Рус., лит. анекдот).

(2) *— Не такой она человек, чтобы водить за руку. Она за нос водит* (А. Аверченко, Шутка Мецената, XII).

См. также **Быть (оставаться) с шахиц** **Вешать нос**.

Волчий аппетит

Кто лучше зайца знает, что такое волчий аппетит?

В объятиях (в царстве) Морфея

Очнувшись от своей игры, Орфей застал свою жену в объятиях Морфея (Ф. Кривин).

В первую голову

«В первую голову надо поесть!1» — просил Змей Горыныч (А. Кнышев, Тоже книга).

Впыхипрах

Курица хвасталась, что ее цыплята разодеты в пух и прах (Эмиль Кроткий).

В чем мать родила

Любительница точных выражений.—Приезжаю это я к ней и застаю, в чем мать родила*—Голую?!—Нет, одетую. Но в постели (Журн. «Сатирикон»).

Где попало

Не стой где попало—попадет еще!

Генеалогическое древо (дерево)

Я знаю графов, которые не очень бы ушиблись, если бы упали со своего генеалогического древа.

Давать в морду

Во дни чрезвычайного упадка наших денег совершенно несправедливый русский человек встретился с Салтыковым [Щедриным] в Париже и горько жаловался ему на низкий курс. «Яэтого не нахожу—патриотично заметил Михаил Евграфович» (...) — <<Помилуйте,!— воскликнул собеседник — ведь нам дают всего только полтинник за рубль»—«Так ведь все-таки дают полтинник, это превосходно! Вот когда за наш рубль будут давать в морду, тогда курс будет плохой».

Дарить жизнь

Шах. Мы дарим тебе жизнь, презренный! И иди отсюда.

Иван второй. Жизнь! Спасибо, у меня есть. Своя

(Ю. Ким, Иван-царевич, II).

Деньги на бочку

Подойдя к бочке [где жил философ Диоген], мы постучали и услышали внутри возню и чертыханье.

—Вы не могли бы на досуге немного подумать для нас вот на эту тему—мы просунули в дыржу свергнутую фантиком бумажку.

Послышалось шуртианье, кряхтенье и после некоторой паузы ответ-. «Деньги на бочку!» (А. Кнышев, Уколы пера).

День и ночь

—Профессор, я готовился к экзамену день и ночь!

— Ну, дорогой! Что же можно выучить за одни сутки?!

Держать язык за зубами

Разве удержишь язык за зубами, если зубы уже на полке? (А. Бакиев).

Дозарезу

При рассмотрении дела человека, зарезавшего свою жертву с целью ограбления, известный адвокат, с трудом сдерживая смех, сказал своему коллеге. «Я подумал, что деньги подсудимому действительно нужны были до зарезу!»

Допускать к столу

И свинью допускают к столу, но только в виде ветчины (Эмиль Кроткий).

Драть семь шкур

— Сидит себе на престоле какой-то человек, ну, и пусть сидит. Лишь бы не драл семи шкур с жителей, а довольствовался двумя-тремя (А. Аверченко, Новая история).

Душа болит

Знал, что душа—предрассудок, а все-таки она у него болела (Эмиль Кроткий). **Есть поедом**

Стоит ли есть поедом подчиненного, если его не перевариваешь? (Журн. «Крокодил»). **Закусить удила**

Лошадь любила выпить и закусить удила (Эмиль Кроткий).

Заложить за галстук

Лучше заложить галстук, чем—за галстук (Журн. «Новый Сатирикон»). **Зарывать в землю**

Всякий талант в конце концов зарывают в землю (Эмиль Кроткий).

Играть с огнем

Бестактно предлагать профессиональным жонглерам не играть с огнем (С Лец). **Идти на всё**

Студент ради зачета идет на всё, даже на занятия.

Из ряда воц выходящий

— Знаете, вы иногда бываете человеком, из ряду вон выходящим!

Молодой человек {расплывшись в довольную улыбку): —Да? Мерси- Когда же это?—Да вот в театре, например,—когда не на свое место без билета усядетесь (Журн. «Новый Сатирикон»).

Иметь зуб

Расстелим внизу / комплименты ковровые, если зуб на кого—/ отпилим зуб; розданные /Луначарским / венки лавровые— сложим / в общий / товарищеский суп (В. Маяковский, Послание пролетарским поэтам).

Как безрук

Майя Плисецкая

Большой театр без ваших ног Буквально как без рук (А Иванов).

Камень преткновения

Улица была вымощена камнями преткновения (Эмиль Кроткий).

Кашу не варишь

Плохо, если о поваре говорят, что с ним каши не варишь (Эмиль Кроткий). **Колесо фортуны**

Над городом слышался скрип колеса фортуны (И. Ильф, Записные книжки). **Крик стоит**

—Я спала, а баба ушла, а тут такой крик стоял—Кто же кричал?

—Да я

В ситуации, описываемой сочетанием *крик стоял*, говорящий не может быть единственным субъектом действия (допустимы ответы: *Да мой брат!*, *Да мы с братом!*).

Легкая связь

Нет ничего тяжелее легких связей (Эмиль Кроткий).

Летающая тарелка

—Почему у тебя голова забинтована?

—Видишь ли, я столкнулся летающей тарелкой.

—Не может быть! Где же?

—Дау себя дома.

Ложиться (спать) с курами

—Мыложимся вечером спать вместе с курами А вы?

—А у нас нет кур.

Ложиться с петухами

Спрашивают его [мальчика] о сестре'.

—Что же твоя Иришка с петухами ложится?

—Она с петухами не ложится—они клюются, она одна в свою кроватку ложится (К. Чуковский, От двух до пяти).

Лопнуло терпение

Затем произошла битва у города Платеи Оракулы предсказали поражение тому войску, которое первое вступит в бой. Войска стали выжидать. Но спустя десять дней раздался характерный треск Это лопнуло терпение Мардония (479 г.), и он начал сражение и был разбит на голову и на прочие части тела (Тэффи, Древняя история).

Львиная доля

(1) Лев жаловался, что львиную долю его рациона присваивает себе укротитель (Эмиль Кроткий).

(2) Львиная доля чаще достается шакалам (Г. Малкин).

Мания преследования

Страдал манией преследования- других (Ю. Шанин).

Махнуть рукой

На запачканной жердочке сидит полинялый старик-дрозд сощипанным хвостом (...) На свою неволю он давно уже махнул лапкой и на голубое небо давно уже смотрит равнодушно (А. Чехов, В Москве на Трубной площади).

Меньшее из зол

Жена Д'Акости была очень малого роста, и когда шута спрашивали, зачем он, будучи человек разумный, взял за себя почти карлицу, то он отвечал:—Признав нужным жениться, я заблагорассудил выбрать из зол, по крайней мере, меньшее (Рус. лит. анекдот).

Мертвый час

После обеда у нас мертвый час~ или два (С. Альтов, Мир дому твоему).

Министр без портфеля

Этот портфель Штирлиц узнал бы из тысячи. Он принадлежал известному ему министру без портфеля (ТВ-программа «КВН», 10/IV — 1989 г.).

На все сто

В помощь начинающему мужчине. Не следует также желать женщине «выглядеть на все сто/» (А. Кнышев, Тоже книга).

На сердце кошки скребут

*(1) Маруся ждала и худела от ожидания.. **Кошки, не обыкновенные, а с длинными желтыми когтями, скребли ее за сердце** (А. Чехов, Цветы запоздалые, II).*

(2) У мыши всегда на сердце кошки скребут (Эмиль Кроткий).

Набитый дурак

Большинство дураков читает мало. Но есть особая разновидность, которая всю жизнь учится. Это—дураки побитые. Название это, впрочем, очень неправильное, потому что в дураке, сколько он себя ни набивает, мало что удерживается (Тэффи, Дураки).

Наделать шуму

(1) — *Моя последняя повесть наделала шуму,,—Ну?/—Ей-Богу. Когда я принес рукопись в редакцию, редактор прочел ее, закричал, ударил меня стулом, а потом выбросил из окна (Журн. «Сатирикон»).*

(2) *Пьеса наделала шуму, во всех ее действиях стреляли (Эмиль Кроткий). Наломать дров*

Зачем ты ломаешь дрова?

Любимая, ты не права (Современная песня).

Невольный комизм вызван тем, что фраза *наломать дров* требует употребления совершенного вида (*Ну, наломала ты дров/*), несовершенный вид оживляет прямое, несвязанное значение словосочетания и вызывает (вопреки воле автора и исполнителя) комический эффект.

Наш брат

(1) *Один эгоман, или по-русаси «самолюб», патетически воскликнул.*

— *Тяжело нашему брату-писателю/ Его собеседник ядовито заметил.*

— *Я даже не знал, что у вас есть брат писатель (З. Паперный, Глагол времен»).* 20- 1789

(2) *«Ох, не любят нашего брата!..» — говорили Дмитрий, Анна и Мария Ульяновы*

(А Кнышев, Уколы пера).

Не в своей тарелке

Муха всегда не в своей тарелке (Эмиль Кроткий).

Недвижимое имущество

Н. Н. говорит, что сочинения К—недвижимое имущество его: никто не берет их в руки и не двигает с полок в книжных магазинах (Рус. лит. анекдот).

Не клицу

—Маяковский, зачем вы носите кольцо на пальце? Оно вам **не к лицу**.

—Вот потому, что не к лицу, и ношу на пальце, а не в носу (Ларец острословов).

Не на своем месте

Писатель сидел в вольтеровском кресле и был явно не на своем месте (Эмиль Кроткий).

Не от мира (сего)

Был не от мира Велимир,

Но он открыл мне двери в мир (Н. Глазков).

Не поддаваться описанию

Король [ткачам, которые пришли наниматься на работу]: .Арекомендации есть? Христиан. Мы работали год у турецкого султана, он был так доволен, что это не поддается описанию. Поэтому он нам ничего и не написал (Е. Шварц, Голый король, И).

Не рыть яму

«Герой другому яму» — принцип не для могильщиков (Эмиль Кроткий).

Нести вздор

Он нес вздор, но нес его в журналы (Эмиль Кроткий).

Нести дичь

Когда вокруг несут дичь—звереешь (А Сегедюк).

Нечист на руку

Руки мыл ежечасно и все же оставался нечист на руку (Эмиль Кроткий).

Ни пуха, ни пера

[Стихи начинающего поэта]:

Лети, голубь мира! Лети, голубьмира!

Ни пуха тебе, ни пера!

(Е. Евтушенко).

Ногине будет

—Я говорю вам—идите к хироманту! Ни за что не пойду,—увесисто возра

зил я—Ноги моей не будет, или вернее—руки моей не будет у хироманта (А Аверченко, Оккультные тайны Востока).

Одним глазкам

«Хоть одним глазком взгляну на Париж»,—мечтал Кутузов (А. Кнышев). **Отбиваться от рук**

Моя голова совсем отбилась от рук и отказывается сочинительствовать (А. Чехов — Н. А. Лейкину, 12 янв. 1887).

Отдать (последний) долг

(1) Говорят, что Нарышкин, умирая, произнес.—Первый раз я отдаю долг — природе! (Исторические рассказы...).

(2) И некредитоспособные люди отдают последний долг покойнику (Эмиль Кроткий).

(3) — Когда же похороны?—Я бы тоже пришел **отдать последний долг**.—Да зачем же вам беспокоиться? Отдайте через меня.—Что?—Вы говорите, должны ему что-то?—Нет, это вообще такое выражение (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. II, XX).

Отдавать честь

рассказала, что нанялась юнгой на пароход, идущий в Японию (...), что капитан отдавал ей честь, а помощник капитана — отбирал (Т. Толстая, Огонь и пыль).

Отец России

[Император Николай I на смотре обратил внимание на правофлангового кадета.]— Как твоя фамилия? — спросил он.— Романов, Ваше Величество — Ты родственник мне?—пошутил Государь — Точно так, Ваше Величество (...) Ваше Величество — отец России, а я сын ее,—отвечал находчивый кадет. И Государь изволил милостиво расцеловать своего находчивого внука (Анекдоты из жизни рус. Имп.).

Отнимать (отбирать) честь см. **Отдавать честь**

Открывать рот

—Что такое гласность?

— Это когда рот открывать уже можно, а положить в него еще нечего~ **Отправлять на тот свет**

Фридрих II спросил у ганноверского лейб-медика Циммермана, сколько людей он отправил на своем веку на тот свет. Циммерман ответил: «Не так много, как ваше величество, инее такой славой».

Отправляться в рай

Редактор провинциальной газеты дает целую серию бюллетеней о состоянии здоровья известного в городе человека — дьякона Джонса:

10.00 — Состояние дьякона Джонса не улучшилось.

11.00 — Дьякон Джонс потерял сознание.

12.30 — Семья дьякона Джонса собралась у его постели.

15.10 — Дьякон Джонс умер и отправился в рай.

Это объявление увидел коммивояжер и добавил внизу:

16.10 — Переполюх в раю. Дьякон Джонс все еще не прибыл.

Отрываться от земли

Летчику не ставят в вину, что он «оторвался от земли» (Эмиль Кроткий). **Отряхнуть прах с ног**

— Извините меня, Хацкин, но мне в настоящее время даже разговаривать с вами неудобно. Вы приверженец старого строя, и я дою/сен отряхнуть ваш прах с моих ног.

— Что мой прах!—уныло усмехнулся Хацкин—Пусть мой прах пропадает. Я и не претендую, чтобы он находился на ваших ногах (Тэффи, Монархист).

Использование общего фразеологизованного суждения в конкретной ситуации (с заменой множественного числа на единственное) необычно и вызывает комический эффект.

Палец в рот не клади

(1) Пальца ему в рот не кладите—не потому, что он его откусит, а вообще—не заслуживает он этого (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. II, I).

(2) [Разговор «пикейных жилетов»]: «Сноуден—это голова! Слушайте, Валиадис — обращался он тс. старику в панаме.— Что вы скажете насчет Сноудена?» — «Я скажу вам откровенно—отвечала панаме—Сноудену пальца в рот не клади. Я лично свой палец не положил бы». И, нимало не смущаясь тем, что Сноуден ни за что на свете не позволил бы Валиадису лезть пальцем в свой рот, старик продолжал,, (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, XIV).

Палец о палец не ударит

[Пес Трезор корове Рохле]: — Только твоей и заслуги, что молока полведра в день из тебя надоят, а, по-настоящему, какая же это заслуга! (...) Копыта об копыто ты не ударишь, чтоб хозяину заслужить, а вот тебя как награждают! (М. Салтыков-Щедрин, Сказки. Верный Трезор).

Питать отвращение

Пожарский (...) освободил Москву от поляков. Большую помощь оказал ему при этом голод, любезно согласившийся поселиться в Москве во время осады. Поляки, питающие с малых лет отвращение к голоду, отдали Москву русским (О. Д'Ор, Русская история).

Плохой стих

Едва на него находил плохой стих, как он тотчас сдавал его в журнал (Эмиль Кроткий).

Победа за нами

Как плохо, что победы всегда за нами! (Г. Малкин).

По вкусу

— Марианна, мне эта твоя шляпка совсем не по вкусу.

— Что же делать, дорогой, не могу же я надеть на голову бутылку с виски.

Подложить свинью

*О, подложите мне свинью,
Чтоб мог я прокормить семью!
(Журн. «Крокодил»).*

Поднять на ноги

СЕМЬЯ И ШКОЛА. 20 детей подняла на ноги Варвара Осиповна Алпатова, Войдя в класс, она скомандовала: «Встать, сукины дети!» (А. Кнышев, Тоже книга).

Полезать в петлю

Пуговица жаловалась: «Хоть в петлю полезай!» (Эмиль Кроткий).

Поставить к стенке

[Разговор русского эмигранта с сыном]:

— Только что въехал в самую Совдепию — возьмут тебя и поставят к стенке.

— Ну, что ж, что поставят. А я постою и уйду.

— Да, уйдешь, как же. Они в тебя стрелять будут

(А. Аверченко, Дюжина ножей в спину революции).

Поставить наместо

Он [Васенька] стал что-то очень глупо острить насчет моего зонтика, но Жан сразу поставил его наместо {конечно, Васеньку, а не зонтик}, ими поехали наслаждаться воздухом (Тэффи, Из весеннего дневника).

Постоять за себя

Лифтер был настойчив, но и лифт умел постоять за себя (Эмиль Кроткий).

Потерять нить

— Ты не слушаешь,—ни с того ни с сего сердито взвизнула Мышь (...) вот я по твоей милости потеряла нить!

— Потеряла нить? Она, наверно, в траву упала!— откликнулась Алиса (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

Пригвоздить к позорному столбу

Внимание, господа!— продолжал Голендухин.—Я предлагаю пригвоздить поступок Гадюкина к позорным столбцам какой-нибудь видной влиятельной газеты (А Аверченко, Кипящий котел).

Приказать долго жить

— Товарищ полковник! Товарищ генерал приказал долго жить!

— Выполняйте приказание! (А Ковалев).

Приковать к постели

Гостья (собирается уходить): «Уменя мать к постели прикована!»

Митя А. (3 лет), с негодованием:—Галина Ивановна, почему вы приковали свою мать к постели?

Приносить жертвы Вакху

Говорили они все как-то сурово, таким голосом, как бы собирались кого прибить-, приносили частые жертвы Вакху, показав таким образом, что в славянской природе есть еще много остатков язычества-, приходили даже подчас в присутствие, как говорится, нализавшись (Н. Гоголь, Мертвые души, т. I, XI).

Проводить время

[Разговор Алисы со Шляпой]:...иногда, особенно на уроках музыки, я думала —хорошо бы получше провести время—Всё понятно!—с торжеством сказал Шляпа.— Провести время?! Ишь чего захотела!Время не проведешь! (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

Промочить горло

Лучше промочить горло, чем промочить ноги (Джером К. Джером, Трое в лодке, не считая собаки, в пер. М. Донского и Э. Линецкой).

Просить каши

Повесть о бедном студенте

Забросив все дела свои Пришел он вечером к Наташе

*Он у нее просил любви,
А сапоги просили каши-QA. Исаковский).*

Просить слова

*Слов ему явно не хватало: он поминутно просил слова у
председателя (Эмиль Кроткий).*

Работать с огоньком

Пожарный всегда работает с огоньком (Эмиль Кроткий).

Разбить наголову

*-лопнуло терпение Мардония Q479 г!), и он начал сражение и был
разбит на голову и на прочие части тела (Тэффи, Древняя история).*

Разгонять скуку

Не следует разгонять скуку силами полиции (С. Лец).

Разделать под орех

*Луначарский говорит, выступая: <<Боюсь, присутствующий
здесь Маяковский разделает меня под орех>>.*

Маяковский из зала: «Я не древообделочник!»

Раскидывать мозгами

*Штирлицу угодила в голову пуля. «Разрывная»,—раскинул
мозгами Штирлиц. ***Ронять достоинство****

*Уронив свое достоинство, сделайте вид, что это не ваше (Г.
Малкин). ***Рубаха-парень****

(1) —А вы, видно, рубаха-парень?!

*— Совершенно верно. Многие до вас тоже находили у меня
поразительное сходство с этой частью туалета (А. Аверченко,
Подходцев и двое других, ч. I, XIV).*

*(2) Это был, что называется, рубаха-парень, и рубаха довольно
грязная (Эмиль Кроткий).*

Садиться на шею

*„когда такие [советские] учреждения упрекали, что они влекутся
на хвосте революции, тогда учреждения переходили с хвоста и
садились на шею революции (А. Платонов, Чевенгур).*

Свобода совести

*У нас свобода совести,: хочешь, имей совесть—хочешь, (А.
Кнышев, Уко
лы пера).*

С глазу на глаз

Кривой К. после долгого разговора с кривым О. сказал: «Я очень люблю беседовать с ним с глазу на глаз» (Рус. лит. анекдот, 240).

Сделать имя

Главное—сделать себе не имя, л отчество (Г. Малкин).

Сдирать шкуру

Занимались они [древние славяне] ловлей невест, рыб и зверей (...) Рыбу славяне жарили и варили. С зверей снимали шкуру,, Невесты же в свою очередь сдирали шкуру с славян и отсылали своим родителям. Последний акт назывался вено (О. Д'Ор, Русская история).

Семенной фонд

[Из школьного сочинения о романе М. Шолохова «Поднятая целина»]

Давыдов был прожженный коммунист,, но бабы растащили весь его семенной фонд.

Сидеть на столе

В Киеве на столе сидел Всеволод I, который, как все Всеволоды, никаким умом и талантом не отличался. Киевляне давно уже хотели снять Всеволода со стола и посадить на стул,, но не сделали этого из уважения к его сыну Владимиру Мономаху (О. Д'Ор, Русская история).

Смотреть сквозь пальцы

Кредо советского человека. —Лучше смотреть на всё сквозь пальцы, чем сквозь решетку.

Снимать стружку см. Пилить

Из какого же прочного материала сделаны мужчины! На работе с них снимают стружку, дома пилят, а они всё живы!

Собаку съесть

Когда он [ребенок] услышал, что пришедшая в гости старуха «собаку съела» на каких-то делах, он спрятал от нее своего любимого пса (К Чуковский, От двух до пяти).

Собачья погода

—Почему ты не взяла с собой Шарика?

—Как, в такую собачью погоду?! (D. Buttler).

Спустить семь шкур

Да что мне Лев?

Да мне ль его бояться?

Да я семь шкур с него спущу И голым в Африку пущу!

(С. Михалков, Заяц во хмелю).

Спустя рукава

Девушка в безрукавке работала спустя рукава (Эмиль Кроткий).

Срывать лавры

Срывать лавры! Но не с чужой головы (С. Лец).

Стоять на краю пропасти

Перед революцией Россия стояла на краю пропасти, но после революции она сделала большой шаг вперед.

Строить куры

Раз архитектор с птичницей спознался»

И чтсьж? в их детище смешались две натуры:

Сын архитектора, он строить покушался,

Потомок птичницы, он строил только куры (А. К Толстой).

Сукин сын

(1) А это, рекомендую, мать моих сукиных сынов.

(2) — Он, господин мировой судья, обозвал мою собаку так. сукин сын (А. Чехов, Из записных книжек).

Сходить сума

[Мальчик подслушивает разговор взрослых]:

— Настасья Петровна! Десять минут» Мы так с вами редко видимся, и то все на людях» Я сума схожу.

Мишка, лежа за ширмами, похолодел Офицер сходит с уМа.Л Это должно быть ужасно. Когда сходят сума, начинают прыгать по комнате, рвать книги, валяться по полу и кусать всех за ноги!

(А. Аверченко, Человек за ширмой).

Терять голову

(1) Молодость теряет голову, старость — только волосы» (Журн. «Сатирикон»).

(2) Французская революция наглядно показала, что проигрывают те, кто теряет голову (С. Лец).

Терять самообладание

Я не так легко теряю самообладание, но если потеряю, его не найдешь даже с ищейкой (Марк Твен, Из записных книжек, по: «Ларец острословов»).

Тонкая материя

Дамы говорили о «тонких материях» — крепдешине и маркизете (Эмиль Кроткий).

Тюрьма плачет

Белведонский [художник].—*Восхитительно! (...) Товарищ Победоносиков, разрешите мне продолжить ваш портрет и запечатлеть вас как новатора-администратора, а также распределителя кредитов. Тюрьма и ссылка по вас плачет, журнал, разумеется. Музей революции по вас плачет,—оригинал туда—оторвут с руками* (В. Маяковский, Баня, И).

Тяжел на подъем

Она была тяжела на подъем, но легка на падение (Эмиль Кроткий).

Тянуть жилы

Когда она [жена] не спала и не ела, она играла, когда не играла, то пела. Гаммы вытянули из меня веемой бедные жилы (я теперь без жил) (А. Чехов, Мои жены).

Убивать время

(1) *Мы убиваем время, а время убивает нас* (Эмиль Кроткий).

(2) *Любовь помогает убить время, время помогает убить любовь.*

Ударить в голову

— *Что это у тебя голова завязана?*

— *Да вчера мы пили, ну~ и вино ударило мне в голову.*

— *Неужели до такой степени ударило?*

— *Да~ Вместе с бутылкой*

(Журн. «Сатирикон»).

У Христа за пазухой

[Пошляк прокурор Щеголев]:— *Ну-с, давайте, не откладывая долгов в ящик, покажу вам апартамент (...) За комнату будем у вас по знакомству брать столько же, сколько у мадам Абрамовой, притеснять не будем, будете жить, как Христос за пазухой* (В. Набоков, Дар, И).

Финансовая пропасть

— *Вы, конечно, стоите на краю финансовой пропасти? (...) Финансовая пропасть — самая глубокая из всех пропастей, в нее можно падать всю жизнь* (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, И).

Хватать звезды с неба

Если бы все хватали звезды с неба, не было бы звездных ночей (Эмиль Кроткий).

Хвататься за соломинку

Утопающий в удовольствиях хватается за соломинку в коктейль-холле (Эмиль Кроткий).

Хлеб отнимать

[Об актере П. А. Каратыгине, славившемся своим остроумием]:
Раз на сцене император Николай Павлович разговаривал с Каратыгиным. Великий князь Михаил Павлович вставил свое острое слово (великий князь также отличался остроумием). Государь сказал. —Заметил, Каратыгин? Брат у тебя хлеб отнимает—Ничего, Ваше Величество, только бы соль при мне осталась,—ответил Каратыгин (Собр. анекдотов).

Цветы жизни

Дети—цветы жизни. Не давай им, однако,распускаться (Эмиль Кроткий).

Чем бог послал

(1) Тарелкин (ставит вино и водку). *Чем бог послал.*

Расплюев (рассматривая с удовольствием закуску). *Он недурно послал (А. Су-хово-Кобылин, Смерть Тарелкина, 2, II).*

(2) Застенчивый Александр Яковлевич тут же, без промедления, пригласил пожарного инспектора отобедать **чем бог послал**. В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки, домашние грибки, форшмак из селедки, украинский борщ с мясом первого сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок (И. Ильф — Е. Петров, Двенадцать стульев, VIII).

Чинить препятствия

*Починочная мастерская чинила только препятствия заказчикам (Эмиль Кроткий). **Чтоб ты сдох***

*Утром за завтраком.— Сёма, пей кефир, чтоб ты сдох, тебе нужно поправляться! **Чувство локтя***

Я хорошо усвоил чувство локтя,

Который мне совали под ребро (В. Высоцкий, Летела жизнь...).

Язык до Киева доведет

Говорят, что язык до Киева доведет. Это правда, до Киева доведет. Мне даже известно, когда язык до сибирских тундр доводил.... (О. Д'Ор).

3. Обыгрывание пословиц, поговорок, устойчивых фраз

1. Далеко не всеми исследователями признаётся включение в число фразеологизмов устойчивых фраз, в частности афоризмов,

пословиц, поговорок. Их считают сокровищами народной мудрости. Это и обоснование той или иной линии поведения, иногда далеко не бесспорной: *Пьян да умен — два угодыя в нем, Стыд не дым, глаз не ест, У бабы волос долог, а ум короток* и т. п. Пословицы и поговорки — это сокровища не только и, может быть, не столько, литературы, сколько сокровища языка. Став общеупотребительными, устойчивые фразы становятся единицами языка. Совершенно очевидно, что они должны быть включены в толковые словари и снабжены там соответствующими толкованиями. Для рядового носителя языка выражение сложной мысли довольно затруднительно. Каждый из нас много раз был свидетелем того, как человек (иногда совершенно равнодушный к литературе) употребляет пословицы и поговорки для выражения своей мысли. Попроси его выразить ту же мысль «своими» словами, и он окажется в явном затруднении, а то и вообще не сможет этого сделать. И это понятно. Устойчивые фразы передают достаточно сложный смысл. Вот несколько примеров (с самыми предварительными толкованиями):

Любишь кататься—люби и саночки возить («Приятное часто сочетается с неприятным. Поэтому не пытайся уклониться от неприятных следствий приятного занятия»);

Семеро одного не ждут («Опоздавших гораздо меньше, чем нас, пришедших вовремя. Поэтому предлагаю, в соответствии с общепринятыми нормами поведения, приступить к тому, ради чего мы собрались»);

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней («Обсуждаемое лицо не обладает свойствами, необходимыми для участия в ситуации наравне с другими лицами, и, претендуя на это участие, ставит себя в смешное положение»).

Эти пословицы (как, разумеется, и другие) позволяют выразить сложную мысль и способствуют развитию языка и мышления. Мысль становится общим достоянием, если она получила четкое словесное выражение. Афоризм — форпост мысли.

2. Как все фразеологизмы, фраземы-предложения сохраняют свою форму (вернее, ее «каркас») и с трудом поддаются переделкам, синонимическим заменам:

(1) [Чичиков] — *О, это справедливо, это совершенно справедливо! (...) Не имей денег, имей хороших людей для обращения,*

сказал один мудрец [вм.: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*] (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, II).

(2) ...*Ивсякий сверчок да познает соответствующий его званию шесток* [вм.: *Всяк сверчок знай свой шесток*] (М. Салтыков-Щедрин, Устав о благопристойном обывателей в своей жизни поведении).

Затруднителен (и потому редок) также перевод на иностранные языки пословиц, содержащих оценочные характеристики и национально обусловленные коннотации. Ср. приводимые Б. Норманом [1987] шуточные переводы русских пословиц:

Леди с дилижанса—пони легче [вм.: *Баба с возу—кобыле легче*].

Не по Хуану сомбреро [вм.: *Не по Сеньке шапка*].

3. Напротив, весьма распространена минимальная замена (чаще всего — замена одного слова другим, созвучным). Примеры:

(3) *Лучше нету того свету* (вместо: *цвету*).

(4) [Журналист, провожающий своих коллег на открытие Турксиба]:

Я, конечно же, все вы по вечерам будете петь в вагоне «Стеньку Разина», будете глупо реветь. «И за борт ее бросает в надлежащую волну» (И. Ильф — Е. Петров, > Золотой теленок, XXVI).

(5) *Dura sex, sed sex* (D. Buttler) [*«Суров секс, но секс»*] переделка лат. поговорки *Dura lex, sed lex* (*«Суров закон, но закон»*).

(6) Переделки бодрой советской песни «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Одна из этих переделок принадлежит Г. Малкину:

Мы рождены, чтоб сказку сделать пылью, автор другой нам неизвестен:

Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью.

Вспомним также остроумные (пусть достаточно вольные) переделки пушкинских и лермонтовских строк:

Что в вымени тебе моем?-

...в долине Драгестанна С винцом в груди Заснул отрадно я (Н. Лесков, Полунощники, VI).

(7)

(8)

Этот прием изменения пословиц для достижения комического эффекта широко использует В. Шишков в романе «Угрюм-река» (устаами своего героя — американского инженера мистера Кука, любителя русских пословиц):

(9) *Без рубашка—ближе к телу... Оччень лютиий русский пословисс-. [вм.: Своя рубашка ближе к телу]*

(10) На пожаре:

— *Фено-ме-нально-. Коллосаль, коллосаль- О!— воткнул мистер Кук палец в небо (...) Но почему такой совсем глупыйрюсска пословиц,:«Огонь не туши?»*

— *Согнем не шути—снисходительно улыбаясь, поправил отец Александр.*

(11) *Личная жизнь каждого гражданина страны есть святыня! И сор в чужую избу мести не надо, как говорит рюсский хорош пословиц.*

(12) *Мужик сначала грянет, а потом перекрестится [вм.: Пока гром не грянет, мужик не перекрестится].*

(13) *На чужую кровать рта не разевать, как говорит рюсский, оччень хорош пословиц [вм.: На чужой каравай рот не разевай].*

(14) *Придет великий пост, а коту дадут маслица [вм.: Не все коту масленица', придет и Великий пост].*

Приведем еще несколько примеров переделки устойчивых фраз для создания комического эффекта:

(1) *Кто старое помянет, того историком назовут (Журн. «Сатирикон»).*

(2) *...еще в Писании сказано'. «Вперед батьки в петлю не суйся» [вм. в пекло) (А. Чехов —А. С. Лазареву, 26 июня 1888).*

(3) *Спасите наши туши; Спасите наши уши (КО АП) [вм. Спасите наши души).*

(4) *Для отца не пожалеешь и свинца [вм.Для громкого словца не пожалеешь и отца].*

(5) *Советское здравоохранение работало под девизом «Тяжело в лечении—легко в раю!» (обыгрывание суворовского девиза: «Тяжело в учении — легко в бою»).*

(6) *Ничто не ценится окружающими так дорого и при этом не дается нам так дешево, как хотелось бы (А Кнышев, Уколы пера).*

(7) *Девиз советских людей. Где бы ни работать, лишь бы не работать, а работать не прикладая рук.*

(8) *Учись, мой сын! Наука сокращает Нам дни быстротекущей жизни (вм.: Нам опыты»—переделка обращения пушкинского царя Бориса к сыну Федору).*

(9) [Продавец-нэпман без всяких карточек отпускает хлеб старушке]:

—*Дождались: Ленин взял, Ленин и дал (вм.: Бог дал, Бог и взял)* (А. Платонов, Чевенгур).

(10) *Любишь кататься—катись к чертовой матери!* (А. Кнышев).

Всё новое—это нехорошо забытое старое (А. Кнышев).

Клан кланом вышибают (А. Кнышев).

Есть еще песок в песочницах [вм.: *Есть еще порох в пороховницах*].

Не боги на горшках сидят [вм.: *Не боги горшки обжигают*].

Звание—сила.

Приступим к телу!

Пока семь раз отмеришь, другие уже отрежут.

Пораскинем кто чем может.

4. Противоположный случай — формальный состав устойчивой фразы остается неизменным, но меняется (благодаря особенностям говорящего или особенностям описываемой ситуации) ее смысл. Ср.:

(1) *Н. И. Тургенев, быв у Н. М. Карамзина и говоря о свободе, сказал «Мы на первой станции к ней».—«Да—подхватил молодой Пушкин—в Черной Грязи». («Разговоры Пушкина», 11) [Черная Грязь — станция на дороге из Петербурга в Москву.]*

(2) *Один из князей Давид, не вытерпел и, пригласив к себе в гости Василька, выколол ему глаза.— Теперь ступай!—сказал Давид, отпуская Василька— не поминай лихом. Кто старое помянет, тому глаз вон»* (О. Д'Ор, Русская история).

(3) — *С приездом, дорогая тетушка. Мама говорит, что только тебя нам не хва*

тало—достаточно редкий случай, когда в основу фраземы положена ирония, когда смысл фраземы прямо противоположен буквальному смыслу элементов, ее составляющих.

(4) — *Я говорю вам — идите к хироманту! (...)*

— *Ни за что не пойду,—увесисто возразил я.—Ноги моей не будет... или вернее— руки моей не будет у хироманта* (А. Аверченко, Окультурные тайны Востока).

(5) *Два преподавателя, один одноглазый, другой одноногий, принимают письменный экзамен. Одноногий говорит одноглазому. «Я*

тут отойду на минуту, а ты смотри в оба!» — «Хорошо, но ты давай одна нога здесь, другая там~» (Журн. «Компьютерра», 6 нояб. 1995).

Глава VII Семантика

Как уже отмечалось во Введении, семантика «пронизывает» все языковые уровни, «растворяется» в них (подробнее см. с. 39). Поэтому в главу Семантика мы выносим лишь те достаточно общие семантические явления, которые трудно было бы привязать к каким-то определенным языковым единицам, а иногда — и к одному какому-то уровню языка. Эти явления описываются в шести разделах главы:

1. Наивная языковая картина мира: боги — люди — животные — мертвые — растения — предметы; 2. Возможность/невозможность; 3. Приблизительность. Неопределенность; 4. Время; 5. Семантическое согласование элементов фразы; 6. Ситуативные ограничения на употребление языковых единиц.

1. Фрагмент наивной языковой картины мира: боги — люди — животные — мертвые — растения — предметы

Вводные замечания

1. Известно, что в языке зафиксирована наивная, «донаучная» картина мира. Наивная, «донаучная» — не значит примитивная. Ю. Д. Апресян справедливо отмечает, что наивные представления во многих случаях «не менее сложны и интересны, чем научные (...) Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир» [Апресян 1995: т. II, 351]. В языке воплощены наивная геометрия, физика, психология и т. п. В данном разделе рассматривается отражение в языке представлений, которые можно определить как наивную философию. Это представления, касающиеся основ миропорядка, соотношения идеального и материального, человека и вещи и т. д. «В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка» [Апресян 1995: т. II, 629].

2. Приводимые нами наблюдения крайне отрывочны: наивные философские представления рассматриваются нами исключительно на

основании языковых данных, даже еще уже — на основании данных языковой игры. Рассматриваемые ниже группы соответствуют понятию «лексикографического типа». По определению Ю. Д. Апресяна, это «группы лексем, имеющих хотя бы одно общее свойство (семантическое, прагматическое, коммуникативное, синтаксическое, сочетаемое, морфологическое, просодическое и т. п.)» [Апресян 1995: т. II, 349].

21 - 1789

3. Вот в двух словах картина, которая вырисовывается на основании изучения языковой игры. Всё окружающее делится на «живое» (человек, собака, воробей) и «неживое» (дерево, камень, вода). Вероятно, основной признак, по которому проводится это разделение, — не наличие/отсутствие души (как предполагается самими лингвистическими терминами «одушевленность/неодушевленность»), а способность к свободному перемещению в пространстве. Души нет ни в мухе, ни в сосне, но сосна не может передвигаться, и существительное *сосна* является, в отличие от существительного *муха*, неодушевленным. Говорящие сознают и иногда обыгрывают некоторую условность этого разделения, наличие промежуточных случаев. Так, отчетливо осознается (и подтверждается языковыми данными) двойной статус умерших: они были (и помнятся) живыми (отсюда возможность вхождения соответствующих существительных в конструкции, обозначающие живых (ср.: *Покойника* (не: *покойник*) *положили в гроб*), но в данный момент они мертвы (отсюда нежелательность вхождения соответствующих существительных, например, в конструкцию с дательным «предназначенности», ср.: *Купил отцу лекарство*, но не: **Нанял отцу похоронную колесницу*). Особое место среди «живого» занимают люди, противопоставленные животным, а среди людей — вездесущие, вечные и всемогущие боги.

4. По справедливому замечанию Т. В. Булыгиной, существенность выделения тех или иных категорий «определяется в первую очередь (...) целым рядом собственно языковых ограничений — лексического и грамматического характера» [Булыгина — Шмелев 1997: 29]. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают далее: «можно заранее предполагать, что всякая мыслительная категория должна получить то или иное языковое отражение — хотя бы в частных сочетаемостных ограничениях, свойственных данной единице» [Булыгина — Шмелев

1997: 27]. Дело, однако, в том, насколько языковое отражение той или иной мыслительной категории лингвистически существенно. Важно, чтобы это была «именно “языковая” (а, например, не литературная, не общесемиотическая или общекультурная, не философская) картина...» [Апресян 1995: т. 2,349]. Так, может быть выделена логическая категория «белые предметы» («снег», «молоко», «мел» и т. п.), она получает языковое отражение в сравнительных конструкциях типа *белый как снег {молоко, мел}*, но этим лингвистическая существенность этой категории исчерпывается (см. [Булыгина — Шмелев 1997: 28]). Лингвистическая существенность рассматриваемых нами категорий подтверждается наличием целого ряда языковых ограничений, не только морфологических или синтаксических, но и лексических. Исследования последнего времени показали ошибочность представления, что в грамматике следует непременно «отвлекаться» от любых лексических различий (см. [Булыгина — Шмелев 1997: 16], а также [Арутюнова 1976: 217]). Языковая игра хорошо иллюстрирует (а иногда помогает обнаружить) некоторые из ограничений на сочетаемость каждой из выделенных групп. Среди ограничений, которые мы будем рассматривать, есть ограничения лексические и (более важные и интересные) грамматические. Выделялись семантические категории, наиболее часто подвергающиеся обыгрыванию (что очевидным образом указывает на их существенность). Обыгрывание чаще всего проявляется в том, что об одном объекте (напр., о человеке) говорится с использованием тех средств, которые приняты при описании другого объекта (животных, растений, неодушевленных предметов). Подобные скрытые сравнения разнотипны: человек сравнивается с животным, растением, предметом; «очеловечивается» животное, растение, неодушевленный предмет, животное сравнивается с растением или предметом и т. д.

5. Раздел состоит из двух подразделов. В подразделе 1 рассматривается противопоставление одушевленного неодушевленному, которое Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев справедливо считают «одним из наиболее грамматичных» для русского языка. Однако в каждой из этих двух основных групп есть семантические классы, характеризующиеся некоторыми специфическими ограничениями. Это, например, *люди* в противопоставлении

животным,; *растения* в противопоставлении *предметам*. Эти классы будут рассмотрены в подразделе 2. Здесь же рассматривается класс *умерите* — промежуточный между группами *одушевленное* и *неодушевленное*. Есть языковые особенности, которые ломают намеченные границы и предполагают другое разбиение на группы и классы. Животные «ближе» к людям, чем неодушевленные предметы (в том числе и растения), однако существуют языковые особенности, сближающие человека с растениями и некоторыми другими неодушевленными предметами. Обыгрывание некоторых из этих особенностей рассматривается также в подразделе 2.

1. *Одушевленное vs. неодушевленное*

Наиболее существенно для русского языка — грамматическое противопоставление одушевленному неодушевленному. Оно обязательно должно быть выражено, даже там, где желательно было бы обобщенное название, включающее как одушевленный, так и неодушевленный предмет. Ср.: ...*сначала он* [Саша] *искал подобие своему поступку, а затем уже поступал, но не по своей необходимости, а из сочувствия чему-нибудь или кому-нибудь* (А. Платонов, Чевенгур). «Лингвистическая существенность выделения категории одушевленности/неодушевленности (в частности для русского языка) определяется в первую очередь не той несовместимостью названий неодушевленных предметов с некоторыми предикатами, которая является отражением реальной несовместимости соответствующих представлений, а целым рядом собственно языковых ограничений — лексического и грамматического характера» [Булыгина — Шмелев 1997: 29]. Языковая игра хорошо иллюстрирует некоторые проявления противопоставления одушевленному неодушевленному (это, в первую очередь, местоимение *кто*, категория одушевленности). В ряде случаев языковая игра позволяет выделить некоторые не отмеченные ранее особенности этого противопоставления.

Об одушевленном как о неодушевленном

1. Аномально использование местоимения *что* и его производных по отношению к людям, ср.:

(1) — *Садитесь, я не люблю, если передо мной стоит что-нибудь большое* (А. Чехов, Тина, I).

(2) *На следующий день начались занятия. Кроме Васьки-оболтуса, за учебным столом оказалась еще какая-то девочка постарше, потом мальчик поменьше и еще что-то совсем маленькое, стриженое, не то мальчик, не то девочка* (Тэффи, Репетитор).

(3) [О женщине, которая искала богатого мужа] ...*ей кто-то сказал, что вообще как будто писатели живут довольно недурно (...)* И пусть она среди этой прослойки **что-нибудь** себе поищет (М. Зощенко, Бедная Лиза) — нейтральное употребление: *кого-нибудь себе поищет*.

2. В конструкциях с глаголами передвижения (*ехать, уезжать, отправляться, приезжать, возвращаться* и т. п.) творительный падеж существительного указывает способ передвижения (*Я еду поездом*), а временное определение при нем — время (*Я еду вечерним поездом*), однако это существительное не может быть указанием на живое существо (*# *еду рикшей*) — хотя функционально они совпадают. Это различие обыгрывается в целом ряде шуток. Ср.:

(4) *Уехал поездом, вернулся ослом.*

(5) *Сегодня вечерней лошастью я возвращаюсь в мою милую Одессу* (К/ф «Неуловимые мстители»).

3. Храскалывает нечто Y-ом.

(6) (Давка в помещении) *А меня вдруг стиснуло, как севрюгу и понесло вправо. «Батюшки,—думаю,—дверь бы не расшибить».—Граждане,—кричу,—легче, за ради бога! Дверь, говорю, человеком расколоть можно* (М. Зощенко, Кинодрама).

Анна Вежбицка в универсальном определении «инструментального падежа» предполагает «намеренность (т. е. желание)» X-а («X хотел, чтобы нечто произошло с Y-ом») или же ненамеренность, случайность, произвольность X-а [Вежбицка 1985а: 317—319]. А. Д. Кошелев показал, что здесь возможен и неодушевленный агенс (и, тем самым, отсутствие намеренности/ненамеренности): *Вода своими каплями долбит камень, Вулкан покрыл город пеплом* (см. [Кошелев 1996: 152]). Аномальность в приведенном примере из рассказа Зощенко вызвана не отсутствием намеренности, а чем-то другим. Дело, видимо, в том, что инструментом может быть предмет (*Иван убил Петра молотком*), «непредметная сущность»

(Иван убил Петра взглядом /мыслью / своим равнодушием / коронным ударом справа) [Кошелев 1996: 152], часть тела (Расколлот дверь головой), но не человек или животное «в целом». Плохо: *расколлот дверь (разбить стекло) человеком, собакой, Петей.

Еще одно близкое по смыслу ограничение обыгрывается в след, шутках:

(7) [Лозунг]

*Одернут немедленно должен быть всякий,
Кто кусает прохожих посредством собаки*

(В. Ардов, Лозунгофикация).

(8) *Мужчина забивает гвоздь при помощи молотка, а женщина при помощи мужчины* (Ф. Кривин).

Как мы уже указывали, в качестве инструмента может использоваться часть тела, но не человек или животное «в целом». Любопытно при этом, что предложные образования (типа *при помощи X; посредством X*) здесь все-таки менее аномальны, чем творительный инструментальный, который предполагает непосредственный контакт инструмента с объектом: фразы *...кусает прохожих собакой, женщина забивает гвоздь мужчиной* совершенно недопустимы при указании инструмента. Если они и могут быть употреблены, то в другом значении, в сравнительной конструкции ('кусает как собака').

4. Сходные явления наблюдаются на материале самых разных языковых уровней, в частности на материале пространственных отношений.

[Рассказ Семена Семеныча об ужасном происшествии]: *Наконец, глотнув окончательно, крокодил вобрал в себя всего моего образованного друга и на этот раз уже без остатка. На поверхности крокодила можно было заметить, как проходил по его внутренности Иван Матвееч со всеми своими формами* (Ф. Достоевский, Крокодил, необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже).

Поверхность X-а. X —неживые материальные объекты (*поверхность воды, океана, земли, горы, ствола, листа*), не человек или животное, не *'поверхность Егора Кузьмича {крокодила}* и даже не **поверхность слона {кита}*).

(9) *Снаружи это был человек маленького роста, с кривыми ногами, бледными, грязноватого цвета глазами и большими красными руками. Это было снаружи. А внутри Химиков имел сердце*

благородного убийцы, аристократа духа и обольстителя прекрасных женщин (А. Аверченко, Страшный человек, I).

Подобные обстоятельственные конструкции обычны при описании предметов и растений (ср.: *Снаружи это был патефон, а внутри — радиопередатчик, Снаружи дерево здоровое, а внутри — гнилое, Снаружи рука здоровая, а внутри — несколько переломов*) — но не людей и животных. См. также след, примеры:

(10) *В позабытой стороне,*

В Заболоцкой волости,

Эх, понравилась ты мне Целиком и полностью (М. Исаковский).

(11) *Он симпатичный, если бы не одежда (...)* Все на нем «Скороход», «Красный богатырь», «Кемеровский промкомбинат». Но если эту кирзу и дерюгу содрать, он **там** симпатичный (М. Жванецкий, Он — наше чудо).

Ср. нормальную фразу: *Если редиску почистить, она там белая.*

5. Приведем еще некоторые примеры обыгрывания противопоставления одушевленного неодушевленному, точнее — использование при описании людей или животных языковых средств, применяемых обычно при описании неодушевленного.

(12) — *Обо что ты оцарапался?*

— *Об кошку* (К. Чуковский, От двух до пяти).

(13) — *Миссис Джоунс, пожалуйста, не отдадите ли вымою стрелу?*

— *Конечно, мой милый,—отвечает старушка.—А где же она?*

— **Я думаю, она застряла в вашей кошке.**

(14) *Самым старым лицом здесь была утлая бабушка Норк. Ей было уже восемьдесят три года* (Н. Лесков, Островитяне, 4).

В основе этого приема лежит сравнение: употребляя вместо выражения *дряхлая бабушка* выражение *утлая бабушка*, Лесков вызывает в представлении читателей сравнение бабушки со старыми, пришедшими в негодность предметами (напр., с утлой лодкой).

(15) [После бомбежки] *Она очнулась —где Сережа? (...) Кто-то видел, как тушили горевшего мальчика* (Т. Толстая, Спи спокойно, сынок).

Тушить горящий столб, дерево, манекен — можно; горящее животное или человека — нельзя: допустимы лишь описательные формулировки типа *сбивали пламя*.

(16) [Письмо хана Наср-Эддина о присылке ему невесты] «Свет очей моих, господин аблакат Балалайка! Докладываю вам, что присланную при письме девицу Людмилу мы **в сохранности получили и всё, что, по описи, той девице при-надлежит** — всё оное **оказалось исправно**» (М. Салтыков-Щедрин, Современная идиллия, V).

(17) *Дети от 0 до 5 лет* (В. Ардов).

Столь же странно выглядят выражения типа *Моей дочери 5 лет, а сыну 0 лет*, тогда как сочетания типа *Температура от 0 до 5 градусов; Вчера было 5 градусов, а сегодня 0; Расстояние от 0 до трех метров* вполне допустимы.

(18) *Гадкие, низкопробные мальчишки* (И. Ильф, Записные книжки).

(19) *...появились также на Невском беспокойные выкрики **противоправительственных мальчишек**, несшихся что есть дух от вокзала к Адмиралтейству и махавших красного цвета журнальчиками* (А. Белый, Петербург, II).

(20) *Водолаз Филиппов (...) был ужасно здоровый дьявол. А студент был, конечно, **мелковатый, непрочный субъект*** (М. Зощенко, Рассказ о студенте и водолазе).

(21) [Об Айседоре Дункан]:

Куда Есенина унес аэроплан?

*В Афины древние, **к развалинам Дункан.***

(22) *Как старик свою старуху*

Поменял на молодуху.

Это не чудачество,

А борьба за качество.

(23) *Прошли века; и пруд заглох,*

и поросли травой аллеи,

*но всё торчит там пара ног и **остов** бедной Доротеи* («Парнас дыбом»)

[— история про утонувшего в пруду Веверлея и про Доротею, окаменевшую при виде торчащих из воды ног любимого].

(24) [Городничий Вальяжный — обывателю, который не хочет с женой «жить»]:—*Я баба-то какая» Давеча пришла» печь-печью! Да с такой бабой» конца-краю такой бабе нет! А ты! Ах ты, ах!* (М. Салтыков-Щедрин, Сказки. Игрушечного дела людишки).

(25) *Идет мужик по кладбищу. Смотрит, другой мужик занимается любовью с двумя женщинами. Он к нему. Дай хоть одну!»* — «*Возьми лопату да сам **накопай!***»

Накопать можно глины, картошки, червей, но не животных (напр., кротов), и тем более не людей.

(26) *И цепные собаки / **довоенного качества**
У дубовой калитки / встречаются тебя* (М. Исаковский, Поэма ухода).

(27) — *Как вам нравится мой новый муж?*

— *Вам **всё идет.***

О неодушевленном как об одушевленном

«Оживление» неживого встречается сравнительно редко.

(1) *Собаки залаяли, и ворота, **разину** вшишь, **наконец, проглотили,** хотя с большим трудом, это неуклюжее дорожное произведение* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, IX)/

(2) *На остров обрушилась **буланая** открытая машина* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 21).

(3) *Осень вошла к дяде Паше и ударила его по лицу. Осень, что тебе надо?* (Т. Толстая, «На золотом крыльце сидели...»).

(4) *По её [дороги] сторонам, в желтеющих, оскверненных травах, валяются **скелеты телег и замученные, издыхающие автомобили*** (И. Ильф— Е. Петров, Золотой теленок, VI).

(5) *Автомобильные трупы лежали штабелем, давя друг друга и **выпучив** фары, как глубоководные рыбы на палубе траулера* (В. Конецкий, Квазидурак Елпидифор Пескарев).

(6) *Раз шли (...) арбатским районом', вырос стройный, эластичный мужнина в **карей широкополой шляпе,** в зеленоватосером пальто* (А. Белый, Начало века. Эмилий Метнер).

(7) (Из объяснительной) *После того, как Станецкий ударил меня в челюсть, у меня начался массовый **падёж зубов*** (Журн. «Крокодил»).

Существительное *падёж* сочетается с названиями животных (*падёж свиней, крупного рогатого скота*), но не названиями неодушевленных предметов, растений, людей («падёж» людей обозначается, как и падёж животных, словом *мор*, но оно, по указаниям словарей, является «устар. и прост.»).

Части тела

Названия частей тела человека или животного ведут себя как неодушевленные существительные, в частности, возможны в качестве творительного инструментального {разбил окно локтем, а дверь ногой), невозможны в конструкции с дательным «предназначенности» (Окупил носу крем, а зубам зубную пасту) однако, существуют некоторые сочетаемостные ограничения, отличающие обозначения частей тела от прочих неодушевленных существительных. Ниже приводятся примеры, где о частях тела говорится **как о человеке** — см. ниже (1)—(2) или же **как о предмете** — (3)—(9). И то и другое производит комический эффект. Ср.:

(1) Подошла к трамвайной остановке женщина. **Лицо совсем раздетое**: как ругалась в кухне с соседками из-за коптящего примуса, таким лицо и осталось. Нужно же **одевать лицо**, когда выходишь на люди! (В. Вересаев, Невыдуманные рассказы о прошлом).

(2) Он сел Семену Ивановичу на голову, другой—на ноги, третий заголил штаны и ремнем стал полосовать **ягодицы Невзорова, вопиющие к чужим, равнодушным звездам** (А. Толстой, Похождения Невзорова, или Ибикус, IV).

(3) Вагон мой налетел на катафалк, гроб с покойником летит на рельсы (...) гроб на куски, а покойнику колесом **кусочек ноги отхватило**~ (А. Аверченко, Случай из жизни) — нужно: часть ноги.

(4) у баронессы Гаубиц большая грудь, находящаяся в **полужидком состоянии** (И. Ильф, Записные книжки).

(5) У Паниковского оказалось морщинистое лицо со множеством старческих **мело-чей**: мешочков, пульсирующих жилок и клубничных румянцев (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, VI).

(6) Я сижу и охаю~

Та ли я? Не та ли?

Мажет солнце охрою Веемой **детали**..

(«Литературные шушу(т)ки». Ю. Олеша).

(7) И был тот помещик глупый, читал газету «Весть» и тело имел мягкое, белое и **рассыпчатое** (М. Салтыков-Щедрин, Сказки. Дикий помещик).

(8) Хоть ты лопни, д:оть ты тресни—

Хорошо сидеть вот так:

Дух витает в поднебесье,

Оболочка пьет коньяк¹ (Ю. Ким, Волшебный сон).

(9) [О кокетничающей старой женщине] ...она игриво толкнула меня *полуразрушенным локтем* (А. Аверченко, Галантная жизнь Константинополя).

2. Боги — люди — животные — мертвые — растения — предметы

Мертвые

1. В отношении собственно языковых ограничений особую группу составляют наименования умерших. «Двойной статус» покойника (он — человек, но он уже и неодушевленный предмет) обыгрывается, несмотря на невеселость темы, довольно часто.

Переход от одушевленности к неодушевленности резче всего проявляется в существительном *труп*, морфологически неодушевленном (*Вижу труп-*, не: *трупа*). На это существительное распространяются и достаточно жесткие сочетаемостью ограничения, характерные для неодушевленных существительных. Ю.Д. Апресян отмечает (со ссылкой на Анну Вежбицку), что преобразование типа: *Иван поцеловал руку Елены — Иван поцеловал Елену в руку* невозможно для слов *ящик*, *труп* (нельзя **Иван поцеловал ящик в крышку (труп в руку)*), см. [Апресян 1995: т. 1,34]. Интересно, что для слова *покойник* и для «обычных» существительных, относящихся к умершему (так же, как и для наименований животных) такое преобразование возможно, ср.: *Иван поцеловал покойника (лежащего в гробу отца) в руку (в лоб)!*, *Иван поцеловал собаку в морду*. Употребление этих слов связано с меньшим числом ограничений, чем употребление слова *труп*. Но все-таки и здесь они имеются. Рассмотрим некоторые из этих ограничений (естественно, лишь те, которые подвергаются обыгрыванию).

2. Умершие не *живут*, они даже и *ехать* не могут—их, как неодушевленные предметы, *везут*. Ср. след, шутки, где игнорирование этого факта вызывает комический эффект:

(1) [Не могут похоронить умершего] *Тут происходят разные семейные сцены. Ребенок, не привыкший видеть неживых людей,, пугается и орет благим матом. И нянька отказывается служить этой семье, в комнате которой живет покойник* (М. Зощенко, Рассказ о беспокойном старике).

(2) *Какой-то господин, участник похоронной процессии, обратился с вопросом к соседу.—Вы не скажете, кто покойник?—Точно не знаю. Думаю, что как раз тот, что едет в передней карете* (Жюль Ренар, по: [Ларец острословов]).

(3) — *Мама! Поехал покойник, а за ним идет большая очередь* (К Чуковский, От двух до пяти).

(4) *У нашего дома было много преимуществ (...)—а для моего детского, болезненно впечатлительного ума одним из главных достоинств было то, что задние окна нашей квартиры выходили на старинное и густонаселенное кладбище* (Джером К. Джером, Как мы писали роман, пер. Е. Полонской и В. Давиденковой).

Противопоставление мертвых и живых, о котором мы не раз уже говорили, проявляется и в сочетаемости прилагательного *густонаселенный, густонаселенный район, густонаселенная квартира*, но не: *густонаселенное кладбище, густонаселенный морг*.

3. В отличие от одушевленного, неодушевленное существительное не может употребляться в дательном «предназначенности» (*купить бифитекс отцу /для отца {кошке/для кошки}*) но не: **купить чехлы машине <•удобрения кактусу>*) (см. [Булыгина — Шмелев 1997:29]).

Языковая игра позволяет внести тут некоторые уточнения.

Возможно в специальных целях употребление дательного «предназначенности» с неодушевленными существительными, ср.:

(5) [На кладбище] *Дванов поднял крестеш свою руку, чтобы они передали его сочувствие мертвым в могилы* (А. Платонов, Чевенгур).

Мифологические существа в отношении дательного «предназначенности» мыслятся как одушевленные, фразы типа *принести жертвы Юпитеру, поставить свечу святому Николаю* вполне нормальны. Однако существительное *покойник* (морфологически одушевленное, ср.: *покойника положили в гроб*), а также другие одушевленные существительные, обозначающие мертвого человека (ср.: *Похоро-нили отца*), при выражении «предназначенности» приравниваются к неодушевленным. Именно на осознании этого (довольно тонкого) различия основан словесный комизм сценки из рассказа М. Зощенко, описывающей трудности заказа похоронной колесницы и лошадей:

(6) *Жена говорит:*

— *Я так и знала. Ты с моим отцом завсегда при жизни царапался и теперь не можешь ему сделать одолжение—не можешь ему лошадей достать* —по отношению к умершему следовало бы сказать: для него.

В [Булыгина — Шмелев 1997: 29], видимо, считаются синонимичными выражения *пойти за лекарством отцу /для отца, купить бифштекс кошке / для кошки*. Выражения *достать кому* и *достать для кого* близки по значению и, однако, как показывает (6), не всегда взаимозаменяемы.

4. Вводные слова и словосочетания типа *видишь ли, понимаешь* и т. п., казалось бы, уместны при любом обращении на *ты*. Однако, их использование на похоронах приводит к комическому эффекту:

(7) — *Спи спокойно, дорогой товарищ! Память о тебе, видишь ли, надолго сохранится в наших сердцах. Понял, нет?*

5. Интересны в рассматриваемом отношении глагол *нуждаться* и его синоним — сочетание *испытывать недостаток*. Ср. след, шутку:

(8) [Об умершей жене] — *Анджела ни в чем не испытывает недостатка. Я имею в виду памятник, мессы, надгробные цветы* (И. Тердзоли и Э. Вайме, *Ночь в Венеции*).

Глагол *нуждаться* и сочетание *испытывать недостаток* вполне допустимы при описании животных (*Кошки нуждаются в витаминах*), растений (*Огурцы нуждаются в поливе*), предметов (*Земля нуждается в удобрениях, Часы нуждаются в ремонте, Солнце нуждается в дополнительных исследованиях*). Даже могила нуждается в уходе. Только умершие ни в чем не нуждаются — умершие, но не трупы. Поскольку *труп* — существительное неодушевленное (ср. *вижу труп*, не: *трупа*), оно может сочетаться с глаголом *нуждаться*. Фраза *Трупы нуждаются в погребении*, видимо, допустима.

Люди vs. боги

1. Есть шутки, основанные на противопоставлении мифологических персонажей и людей: отношение к мифологическим персонажам как к людям производит комический эффект.

Многие ограничения при описании мифологических существ являются отражением реальной несовместимости соответствующих представлений. Более интересны для нас собственно языковые ограничения—лексического и грамматического характера, противопоставляющие одни лексические классы другим. Боги не

казнят, а наказывают, они не обоняют, не осязают, не решают, не считают, не полагают, не думают, а видят и знают — причем только в наст. времени (ср.: *Бог видит, что я невиновен*, не: **Бог (у)видел тогда, что я невиновен*, *'Бог хорошо {точно} знал, что я невиновен*).

2. Даже в языке художественной литературы (нарративе), где текущие события описываются обычно с использованием прош. времени, постанова в прош. времени глагола со значением зрительного восприятия выглядит странно при описании мифологических существ, ср.:

(1) *Винифред Клэр (...) выброшенная на улицу, упала в обморок на крыльце. Но в этот момент провидение, всегда бдящее над невинными и беззащитными, **обратило свой взор прямо на Винифред*** (С. Ликок, Неотразимая Винни..., пер. С. Займовского).

Аномальность в (1) усилена конкретностью описания, создаваемой обстоятельственными группами (*в этот момент, прямо*).

3. Сходным образом наречие *непосредственно* выглядит странно при описании общения с мифологическими существами, ср.:

(2) *...декадент помолчал минуту и затем стал **обращаться непосредственно к Богу**. «Господи! — восклицал он, хватаясь за голову.—За что? За что мне такая пытка?!»* (Тэффи, Забытый путь).

Обычно *обращаются непосредственно* к кому-то, чей социальный статус существенно (обычно на две или более ступени) выше. *Лаборант обратился непосредственно к директору* лучше, чем *Директор обратился непосредственно к лаборанту* ср. также несколько странную фразу: *Рабочий обратился непосредственно к своему бригадиру*. Однако, как показывает (2), при использовании наречия *непосредственно* существует верхний предел: можно *обращаться непосредственно к губернатору, президенту, даже к царю*, но не к Богу.

(3) *Пряхина [актриса] приложила кулак ко лбу и закричала резким, высоким голосом: «**Меня сжигают со свету!** (...) Да взгляни же **хоть ты, пречистая мать, что со мною делают в театре!**»* (М. Булгаков, Театральный роман, 10).

Частица *хоть* (*хоть*) в одном из ее значений указывает на минимум, которым согласен довольствоваться говорящий или

описываемое лицо. Странность (3) состоит в том, что в качестве этого минимума указывается Богородица.

(4) *Она останется всегда
Артисткой, нужною для сцены.*

И хоть не очень молода,

Но всё ж моложе Мельпомены (Д. Минаев).

Сравнительная степень прилагательного *молодой* применима при описании людей, животных (*Моя кошка моложе твоей на полгода*), возможно, растений (*Мой кактус моложе твоего на полгода*), но не предметов и абстрактных понятий (ср.: **Мое пальто на полгода моложе твоего*; впрочем, кажется, допустимо: *Римская цивилизация на несколько столетий моложе греческой*). А как с богами? По многим параметрам (уму, красоте, хитрости, даже силе и таланту) люди могут сопоставляться с богами. Ср.: *Эта артистка не уступает по красоте и таланту самой Мельпомене*. Однако сравнение артистки с богиней по возрасту ставит говорящих в затруднительное положение. С одной стороны, какой-то возраст боги имеют, в нашем представлении Зевс — пожилой мужчина, Аполлон — среднего возраста, Эрот — шаловливый мальчик, и этот возраст, казалось бы, не меняется за последние тысячелетия (высказывания *Зевсу около 3000 лет, Мельпомене далеко за 2000* выглядят странно). Однако время всемогуще и не может не накладывать свой отпечаток и на богов: за последние тысячелетия Мельпомена должна была несколько постареть, и сравнение с ней современной артистки заставляет усомниться в молодости артистки. Сопоставление по возрасту людей и литературных героев возможно (ср. *женщина бальзаковского возраста*, т. е. возраста героинь его романов), но только в том случае, если автор прослеживает лишь небольшой отрезок их жизни (можно сказать *Он погиб в возрасте Ленского*, но не: *в возрасте Евгения Онегина*).

4. В отличие от людей, Бог — адресат, который может одновременно выслушивать многих людей, ср.:

(3) *Нянька поставила детей на молитву. И что ж вы думаете? Братишка молится, а она, Любочка, значит, стоит и ждет чего-то: <<А ты, говорю, что ж не молишься, чего ждешь?>> — <А как же, говорит, я буду молиться, когда Боря уже молится? Ведь Бог сейчас*

его слушает~ Не могу же я тоже лезть, когда Бог сейчас Борей занят!» (А Аверченко, Дети).

(6) Делия, где ты была?—Я лежала в объятьях Морфея.

Женщина, ты солгала,—в них я покоился сам

(О. Мандельштам).

Подобно тому как мифологическое существо может одновременно слушать многих людей, оно способно одновременно «держать в объятьях» многих людей.

5. Приведем еще несколько случаев обыгрывания рассматриваемого противопоставления:

(7) П о э т. *Моя муза помогла мне изыскать пятьсот восемь пар великолепнейших рифм, ваше величество.*

Король. *Что же, вы одни рифмы будете читать? А стихи где?*

П о э т. *Ваше величество! Моя муза едва успела кончить стихи на вашу разлуку с правофланговой фрейлиной-*

Король. *Ваша муза вечно отстает от событий. Вы с ней только и умеете что просить то дачу, то домик, то корову. Черт знает что/ Зачем, например, поэту корова?*

(Е. Шварц, Голый король, И).

(8) *Теперь едва-едва дышу,*

От воздержаньямуза чахнет,

И редко, редко с ней грешу (А. Пушкин, Дельвигу).

(9) *Занимаюсь я своим Сахалином и в промежутках, чтобы не уморить свое семейство голодом,, ласкаю музу и пишу рассказы* (А. Чехов — М. В. Киселевой, 20 июля 1891).

(10) *Ничего не происходило. Не являлся Василию Михайловичу ни шестикрылый серафим, ни другое пернатое с предложением сверхъестественных услуг* (Т. Толстая, Крут).

(11) [К художнику Лугину является привидение] *..дверь отворилась настежь, в ней показалась фигура, в полосатом халате и туфлях, то был седой, сгорбленный старичок (...) он селу стола против Пугина, вынул из-за пазухи две колоды карт (...) «Что вам надобно?» — сказал Пугин с храбростью отчаяния. **Под халатам вздохнуло*** (М. Лермонтов, Штосс).

(12) *Естественно, Дуся торопилась (...) поставить свечу святому Пантелеймону, а также Иоакиму и Анне, Сергею, двум Василиям,*

двум Иоаннам и, как говорят у нас, <рядом других товарищей> (В. Ардов, Угодники перед судом).

Люди vs. животные

1. Выше мы говорили о признаках, противопоставляющих «одушевленное» (людей и животных) «неодушевленному». Не менее важно, однако, противопоставление внутри класса одушевленных предметов, противопоставление людей всему остальному, в том числе и животным (антропоцентризм языка): «для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета» [Апресян 1995: т. 2,648]. В. Н. Топоров видит проявление связанности макрокосма и микрокосма в «антропоморфном моделировании не только космического пространства и земли в целом, но и бытовых сфер — жилища, утвари, посуды, одежды, разные части которых на языковом и на надъязыковом уровнях соотносимы с названиями человеческого тела (ср. *подножие горы, ножка стола, рюмки* и т. п....)» [Топоров 1988а: 162].

А Д. Шмелев отмечает, что «уникальность человека, отличающую его от животного мира, язык видит не столько в его интеллектуальных или душевных качествах, сколько в особенностях его строения и в функциях составляющих его частей, в частности в строении тела» [Булыгина — Шмелев 1997: 523]. Исследование языковой игры позволяет согласиться с этим утверждением, но мы не видим в этом факте ничего парадоксального: просто о внутреннем мире животных люди знают настолько мало, что при сопоставлении животных с людьми предпочитают судить о внешней стороне (строение тела и т. п.).

2. Мир животных — мир более низкий по сравнению с миром человека. Правда, животных, как и человека, ожидает конец жизни, но, как отмечается в [Нов. слов, син.: 380], только неестественная смерть обозначается у людей и животных одинаково — словом *гибель* (ср. *гибель Спартака {товарища, любимого кота}*). Слово *смерть* применимо не только к человеку, но и к животному, — в том случае, если «имеет место внимательное отношение к этому животному» (ср.: *смерть любимой болонки, кошки*) (там же). Но даже в этом случае применимо слово *смерть*, но не *кончина*, не *уход в мир иной* и т. п. (фраза *Безвременная кончина нашего любимого кота* выглядит странно); люди *умирают*, а собаки *подымают, околевают* (фразы

Вчера умерла наша собака и особенно Я видел, как умирала какая-то сорока выглядят странно). Мы говорим о *ногах, лице, волосах человека*, но о *лапах, морде, шерсти кошки*-, о *труп* бродяги, о *покойнике-дяде*, но о *тушке собаки, кошки* (ср. аномальные фразы *Вон труп кошки*-, *Покойница-кошка любила гулять со мной в парке*). Приведем несколько случаев обыгрывания противопоставления мира животных миру человека.

3. Как мы уже отмечали, сравнение человека с животными (даже положительно оцениваемыми) требует большой осторожности, ср. след, шутку из «Записных книжек» А Чехова: *Девочка с восхищением про свою тетю\ она очень красива, красива, как наша собака*. По этой же причине лишь немногие человеческие имена применимы и к животным (обстоятельство, обыгрываемое во многих шутках), ср.:

(1) — *Лучшая моя пестрая свинья, которую из почтения к покойной нашей родительнице (ты знаешь, что я всегда был сын почтительный) прозвал я ее именем, Аксинья, скончалась от заушницы* (Д. Фонвизин, Письмо Тараса Скотинина к родной его сестре госпоже Простаковой).

(2) — *Мама, давай назовем нашего котенка Из ей!*

— *Нельзя, сынок, это человеческое имя Назовем его Васька*.

4. Т. В. Булыгина [1980: 125] отмечает, что нулевое подлежащее 3-го лица мн. числа приложимо только к человеку; использование его с референцией к неодушевленному субъекту необычно: *Я понимаю, что трудно не обижаться, когда вас бьют по лицу, суют за ворот снег, толкают в сугроб, но ведь буря это делает без всякой злобы, нечаянно* (Шварц), и комический эффект усиливается при р е -ференции к жив о тн о му: *Княжна же во всё время визита неукротимого бульдога кричала, как будто бы ее уж съели* (пример из: [Шмелев 1961: 56]). Весьма показательна в этой связи, что, как отметила (в докладе) Е. С. Яковлева, в подобных случаях переносное значение слова оказывается (в нейтральном контексте!) сильнее прямого: *Когда мы проходили по поселку, нас **облаяли*** (субъект действия, очевидно, люди, а не собаки; *облаяли* = ‘обругали’).

5. Для сферы животных характерна наиболее нейтральная лексика — в отличие от сферы человека, наиболее богатой и включающей как нейтральную или положительно окрашенную, так и бранную лексику.

Возможность синонимических замен бранного характера крайне ограничена при описании растений и животных. На этом основывается, например, комический эффект след, примеров:

(3) — *Он, ваше благородие, цигаркой ей [собаке] в харю для смеха, а она — не будь дура и тягни...* (А Чехов, Хамелеон)—у человека может быть харя, у собаки — нет.

(4) *Скалы, утесы, леса, тысячи уток, цапель и всяких носатых каналов, и сплошная пустыня* (А Чехов—А С. Суворину, 27 июня 1890).

(5) *Белые куры бродят у ее тяжелых ног, индюки высунули из лопухов непристойные лица* (Т. Толстая, «На золотом крыльце сидели...»).

6. В толковых словарях глаголы *забыть* и *запамятовать* считаются синонимичными, и различия между ними признаются чисто стилистическими: глагол *запамятовать* снабжается пометами *устар.* и *прост.*, (см. БАС, МАС). Однако между ними есть еще одно существенное различие: глагол *запамятовать* неприменим при описании животных, фраза *Кошка запамятовала, где стоит ее миска с едой* выглядит странно.

7. *Бросаться* (чем, кем):

— *Вы только поглядите, старичок какой! Фигура какая самобытная, интересная! Как это мы будем такими старичками бросаться?* (А и Б. Стругацкие, Сказка о тройке).

В конструкции *бросаться X-ом* (в значении ‘не дорожить, пренебрегать X-ом’) Хуказывает на человека, чаще всего на его социальный статус (профессия, звание и т. п.) — *бросаться опытными специалистами, учителями, женихами*, но не названия животных (**бросаться кошками*).

8. Противопоставление человека животным проявляется и в сфере словообразования. Впрочем, обыгрывание этого явления встречается достаточно редко.

В главе Словообразование мы уже приводили случаи обыгрывания суффиксов, используемых в наименованиях женщин. Показательно, что многие из этих суффиксов (такие как *-щица / -щица, -тельница* и, тем более, *-иня* и *-есса*) даже в шутку не используются для наименования самок животных. Здесь употребляются для образования неологизмов и окказионализмов лишь суффиксы *-иц(а)*,

-к(а) и особенно продуктивный -их(а). Приведем два примера (оба из: [Земская 1992]):

(6) Там, в муравьином городе,
Взволнована весьма,
Ждет муравья гордая Далекого письма

(В. Шульжик, Отважный муравей).

(7) **..мамонтиха** «одна во всем свете» принимает гудок самосвала за рев самца (Лит. газета, 1975).

Использование здесь суффиксов, именующих женщин (*муравьяня, * мамон -тыня, *мамонтесса), вряд ли возможно даже в шутку.

9. Приведем еще несколько примеров, где о людях говорят как о животных или, наоборот, о животных, как о людях, т. е. с использованием лексем, фразеологизмов, синтаксических конструкций, употребляемых обычно при описании людей:

О людях как о животных

(1) В высоковольтных проводах

Недолго мучилась старушка,,

И до сих пор лежит в кустах Ее обугленная **тушка**.

(2) Предатель Потапов застрелился в глаз, чтобы не попортить себе **шкурку** (А Кнышев, Уколы пера).

(3) Скифы были очень храбры и жестоки,. После сражения устраивали пиршества, во время которых пили и ели из черепов **свежеубитых** врагов (Тэффи, Древняя история).

(4) Первый дачник пришел с запада (...) На второе лето он вернулся опять. Принес с собой две удочки и привел четырех **детенышей** на тоненьких ножках, в беленьких кепи (Тэффи, Дача).

(5) Лишь горелки привлекли

Взоры жителей столицы:

Чуть касался земли,

Пробежали две девицы.

«Знаешь, что я предложу?

Дернем ставку небольшую —

Я за рыжую держу».

— Ну, а я за- **вороную** (Журн. «Шут»).

(6) Она [принцесса] пережила большую душевную драму. Дипломаты ее родины задумали выдать ее замуж за

абиссинского негуса, а она, понимаете, не может переносить черного цвета- Это, кажется, называется дальтонизм. Или еще проще— идиосинкразия! (А Аверченко. Шутка Мецената, X).

(7) — Да, скажите, гм- вам, конечно, очень жалко покойника?— Сына-то?— Да, да-сына- конечно. Я это понимаю. Ну, а скажите', у вас **осталось еще немного детей?** (А. Аверченко, Желтая журналистика, I).

(8) — Много у вас, сударыня, детей? — О, нет, *сущие пустяки!* Трех даже не наберется («Новый Сатирикон»).

В ситуациях, описываемых в примерах (7)—(8), любое выражение приблизительности аномально. Отметим, что фразы типа *У вас осталось еще немного свиней (коров, лошадей)?*, видимо, допустимы. Особенно неуместны выражение *сущие пустяки* (вообще неприменимое по отношению к человеку) и сочетание с числительным *трех даже не наберется* (допустимое лишь в контексте несчетных существительных типа *вино, картофель*, ср.: *вина трех литров (картошки трех ведер) даже не наберется*).

(9) *Сколько мне лет — секрет (...)* Имею я две пары брюк, одну пару детей, одну жену и один письменный стол (О. Д'Ор).

По отношению к людям слово *пара* как счетное существительное не употребляется, нейтральное выражение: *имею двоих детей, жену...*

О животных как о людях

(1) [В зоопарке] «Папа, эта обезьяна мужчина или женщина?» — «Это самец» — отвечает отец. Переходят к следующей клетке. Сын снова спрашивает'. «А это мужчина?» — «Запомни, мальчик, мужчина тот, у кого деньги! А это — самец!»

В (1) указывается частный, внешний признак вместо основного: человеческая особь мужского или женского пола может в некоторых случаях обозначаться словами *самец* или *самка*, между тем как животные никогда не обозначаются словами *мужчина* и *женщина*.

(2) *Я никогда не забуду того талера, которым вы спасли от голода меня и мою покойную обезьяну!* (А Чехов, Признательный немец). Нужно: *сдохшую итумершую*.

(3) *И лежит в сельдерее, убитый злодейским ножом,*

Поросенок с бумажною розой, покойник-пижон (А Галич, Новогодняя фантазмагория).

(4) *Сколько раз воры сговаривались. «Поднесемте Трезорке альбом с видами Замоскворечья»'*, но он и на это не польстился (М. Салтыков-Щедрин, Сказки. Верный Трезор).

(5) *Она [Федератовна] помнила всех выдающихся коров в совхозном поголовье, а быков знала лично каждого* (А. Платонов, Ювенильное море).

(6) *После него [Пизистрата] унаследовали власть сыновья его Гиптий и Гиппарх, названные так в честь знакомых лошадей (526 г. до Р. Х.)* (Тэффи, Древняя история).

Странность в (6) заключается не только в именовании людей в честь лошадей, но и в определении лошадей как *знакомых*. Прилагательное *знакомый* применимо по отношению к людям, растениям, предметам (*знакомый продавец, дуб, дом, вальс*), но не к животным.

(7) *Будочник (...) поймал у себя на воротнике какого-то зверя и, подошед к фонарю, казнил его тут же у себя на ноге* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, IX).

(8) *Изобилие медведей, соболей, диких коз и всякой дикой всячины, которая занимается тем, что живет в тайге и закусывает друг другом* (А. Чехов — Н. А. Лейкину, 20 июня 1890).

(9) *На Сахалине много медведей и беглых, так что в случае, если мною пообедают господа звери или зарежет какой-нибудь бродяга, то прошу не поминать лихом* (А. Чехов — Н. М. Линтваревой, 5 мар. 1890).

(10) *И кошка, мрачному предавшись пессимизму, Трагичным голосом взволнованно орет* (Саша Черный, Обстановочка).

(11) —*Я вот лошадям своим пачпорт опоздал выправить. Им уж давно совершеннолетие вышло*» (П. Романов, Дым).

(12) *Верблюд угрюм, неразговорчив, Стоит, насмешкой губы скорчив* (В. Хлебников, Хаджи-Тархан).

(13) *С колокольни посыпались галки, помитинговали над площадью и унеслись* (И. Ильф — Е. Петров, Двенадцать стульев, I).

(14) *Лошадь белая выходит, Бледным личиком вертя* (Н. Заболоцкий, Цирк).

(15) *Ирочка была премиленькая — молодая, загорелая. Комары ужинали на ее голой спине* (Т. Толстая, Сомнамбула в тумане).

(16) ...ехала она в телеге, лошадь чего-то испугалась, бросилась **изо всей силы бежать** (Свящ. Георгий Чистяков, Размышления с Евангелием в руках).

(17) Монморанси [фокстерьер] пригласил двух знакомых собак **проводить его**, и они коротали время, **грызясь у крыльца** (Джером К Джером, Трое в лодке, не считая собаки, в пер. М. Донского и Э. Линецкой).

См. также гл. Лексика, слова *Пожилкой* (с. 216), *Стая* (с. 225).

В басенном мире животные очеловечиваются, и, тем самым, этот мир занимает промежуточное положение между миром человека и миром животных. Это сказывается и на языке: многие грамматические и лексические единицы, принятые лишь при описании мира человека, становятся в баснях и сказках допустимыми при описании животных. Это, например, многократные глаголы; ср. странность фразы *Моя собака хаживала даже на медведя* и уместность выразительной крыловской фразы:

Какой-то муравей был силы превеликой И даже хаживал один на наука.

В баснях и сказках возможны многие типично «человеческие» фраземы, иногда соответствующим образом переделанные, ср.:

(18) [Пес Трезор корове Рохле]: — *Только твоей и заслуги, что молока полведра в день из тебя надоют, а, по-настоящему, какая же это заслуга! (...) Копыта об копыто ты не ударишь, чтоб хозяину заслужить, а вот тебя как награждают!* (М. Салтыков-Щедрин, Сказки. Верный Трезор).

(19) — *У меня скорее лапы отсохнут, чем я прикоснусь к чужому,—напыжившись, воскликнул кот* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 24).

(20) *Дородный быкмычал в недоуменье'.*

«Ярмо~ Труд в поте морды» О, Эдем!

Я яблок ведь не ел от сотворенья-

(Саша Черный, Несправедливость).

Человек и неодушевленное vs. животные

Есть языковые особенности, которые ломают намеченные границы и предполагают другое разбиение на классы. В ряде случаев о предметах говорят как о растениях, ср.:

У бревенчатого дома, на крыше которого **росла сучковатая и кривая радиомачта**, собрался народ (И. Ильф — Е. Петров, Золотой теленок, VI).

22- 1789

Не следует, в частности, думать, что животное всегда ближе к человеку, чем растения. Так, прилагательное *мрачный* охотнее сочетается с названиями растений и неживой природы, чем с названиями животных. Ср. допустимые сочетания: *мрачный дом*, *холм*, *лес*, *дуб*, *фильм* — при несколько странном *мрачный кот*, *дельфин*, *покойник* Приведем один пример обыгрывания этого ограничения:

Никакого /Нетрезона У себя /Держать БИЗОНА,

Так как это жвачное—

Грубое и мрачное

(Б. Заходер, Мохнатая азбука).

Показательно также, что, судя по интересному исследованию Н. А. Кожевниковой, прослеживающей развитие тропов в русской поэзии XX в., чаще всего в поэзии этого периода используются именно смысловые связи *человек—растение*¹. прямые, отражающие дальнейшее развитие антропоморфизма (*Лес хандрит...* (Паст.) ...*Словно воины*, встали вокруг кипарисы (Заб.) „*грудь берез* (Ес.)), или п е-ревернутые (*человек—дерево*, *цветок*, *злак* (...)) И стоит Степан — ровно *грозный дуб* (Цв.) ...*Дева — нежный цветок* (Кузм.) ...*Стебли чьих-то рук воздеты* (Брюс.) [см. Кожевникова 1995:70—78].

О предметах как о людях

(1) *При сем письмо к Жуковскому в треугольной шляпе и в башимаках* (А. Пушкин — П. А Плетневу, 7 мар. 1826).

(2) *..меня можно было бы отлично ограбить и утопить в Иртыше. Изба — солистка на берегу, свидетелей нет,*» (А. Чехов — М. В. Киселевой, 7 мая 1890).

(3) *Пишу сие, сидя на берегу Байкала и ожидая, когда пароход смилостивится и повезет мою особу дальше* (А Чехов — Ф. О. Шехтелю, 13 июня 1890).

(4) *...остальные 5 р. распределил так 3 рубля в фонд, который я учреждаю (...); оставшиеся 2 рубля лежат у меня в столе и ничего не делают* (А. Чехов — А С. Суворину, 13 июля 1891).

(5) *Фонари не горели, так как по календарю полагалась луна, почему-то в этот день на небесное дежурство не явившаяся* (Тэффи, Веселая вечеринка).

(6) *...они совершали велосипедную поездку в страну бежеевых каннибалов или катались на проглотившем аршин красном автомобиле тех времен (около 1906 года)* (В. Набоков, Другие берега).

(7) *Софья Дмитриевна жила в то время [1918 г.] с сыном под Ялтой: городок примерял то одну власть, то другую и всё привередничал* (В. Набоков, Подвиг, I).

(8) *Спи, станочек, мой сынок,*

Спи сыночек мой, станок (...)

Мой станочек дорогой,

Что ты дрыгаешь ногой!

(А Архангельский)

(пар. на стихи А Безыменского: *С грязью каверзной воюя, /Песню новую спюю я. / Дорогой станочек мой, /Не хочу идти домой,.)*

(9) *И ушли корабли — мои братья, мой флот.*

Кто чувствительней — брызги сглотнули.

Без меня продолжался великий поход,

На меня ж парусами махнули

(В. Высоцкий, Баллада о брошенном корабле).

2. Возможность / невозможность

1. Немало шуток основано на тонкостях соотношения двух типов возможности: 1) возможность (или невозможность, или необходимость) реальная (так наз. алетическая) и 2) возможность (или невозможность, или необходимость), связанная с долженствованием, с поведенческими требованиями (так наз. деонтическая), напр., разрешение и запрет. В логике эти разновидности независимы. Т. В. Булыгина пишет, что языковое сознание тоже их различает, хотя основные средства выражения обеих разновидностей во многом совпадают (это, напр., слова *мочь, можно*) — в силу чего одно высказывание можно понимать по-разному: *Здесь можно купаться* =1) существует реальная возможность (достаточная глубина и чистота воды и т. п.) и 2) разрешено (см. [Булыгина — Шмелев 1997: 216—

220]). Ср. также след, шутки, где прилагательное *должен* и наречие *можно* употребляются в двух смыслах:

(1) — *Владек должен очень любить Касю!*

— *Ох, должен, должен!* (D. Buttler).

(2) *Андрей Андреич слышал от одного француза, что большевики падут в сентябре, а Сергей Николаич знал сам от себя, что они должны были пасть еще в про-шломмарте, но по небрежности и безалаберности, конечно, запоздали* (Тэффи, Атмосфера любви).

(3) *Человек» Чего добился? Добился, что его самого от окружающей среды спасать пора. В водоемах можно купаться? Нельзя. Полной грудью можно вдохнуть? Можно, но врачи не советуют* (А. Трушкин).

2. В языке, в отличие от логики, две разновидности возможности не независимы: деонтическая возможность (разрешение или запрет) предполагает наличие алетической, т. е. реальной, возможности. Иначе разрешение или запрет не имеют смысла. Ф. Кривин пишет в путевых заметках: «О том, что пройти нельзя, пишут только там, где пройти можно (...) Почему в театре пишут “Не курить” и не пишут “Не стрелять”? Потому что сигареты у зрителей есть, а патронов нет, так что они стрелять все равно не будут» (цит. по: [Булыгина — Шмелев 1997: 216]). Этот пример хорошо иллюстрирует еще одно положение: не всё то, что не запрещено,— разрешено.

3. Положение о связи двух разновидностей возможности Т. В. Булыгина иллюстрирует еще одним высказыванием (мы его несколько модифицируем): *Во всё время Рождественского поста разрешается вкушение черной икры*. Это высказывание «едва ли актуально в тех случаях, когда адресат не имеет реальной возможности воспользоваться данным разрешением. Фон Вригт называет подобные деонтические высказывания “разрешениями-насмешками”» [Булыгина — Шмелев 1997:216]. Отметим, что это — всё-таки разрешения: если в советские времена ко-22* му-то удавалось купить икру, он действительно мог ее есть. Аномальны (и нередко обыгрываются) случаи, когда разрешением нельзя воспользоваться— даже когда для этого есть реальная возможность. Эти разрешения можно бы назвать «разрешениями-запретами», или «разрешениями-издевательствами». Ср.:

(4) В советской юридической консультации человек спрашивает: — Скажите, я имею право—Имеете—Нет, вы не поняли. Я имею право—Имеете.—Значит, я могу—Нет, не можете.

4. Иную природу имеет аномальность след, известного высказывания:

(5) Во Франции разрешено всё, даже то, что запрещено, в России запрещено всё, даже то, что разрешено.

В (5) в терминах деонтической возможности (*разрешено—запрещено*) говорится главным образом об алетической, т. е. реальной. В этом случае можно говорить о неискренности разрешения или запрета. Еще пример неискренного запрета:

(6) В советском молочном магазине вывешено объявление. «Сегодня евреям сметана не продается». Возмущенная покупательница подступает к директору магазина-. «Почему нам не продается сметана?! Вы антисемит!» «А вы пробовали сегодняшнюю сметану?» —отвечает директор — совет не покупать некачественную продукцию дается в виде запрета.

5. Определение алетической (реальной) возможности/невозможности иногда затруднительно. Отсюда высказывания типа *И невозможное возможно, Дорога дальняя близка-* (А Блок), лишь внешне парадоксальные. «На практике мы часто сталкиваемся с тем, что люди отвергают очевидные факты, основываясь на своих априорных представлениях о невозможности соответствующей ситуации» [Булыгина—Шмелев 1997: 218]. Реакция «не верю глазам своим» довольно естественна для человека, пораженного неожиданным событием, но на посторонних наблюдателей производит комическое впечатление. Вот три показательные в этом отношении сценки.

(7) *Вы сочинили и напечатали (...), что будто бы на самом величайшем светиле, на солнце, есть черные пятнушки. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда* (А. Чехов, Письмо к ученому соседу).

(8) [Плисов] *взял документику и покатыл в Париж, как раз в то время, как пришло известие о кончине Герасима Николаевича (...)* Видит, за столиком, в смокинге, в петлице бутоньерка, сидит **покойный** Герасим Николаевич, и с ним какие-то две француженки,

причем последние прямо от хохоту давятся. А перед ними на столе в вазе со льдом бутылка шампанского и кой-что из фруктов.

Плисов прямо покачнулся у притолоки. «Не может быть! — думает,—мне показалось. Не может Герасим Николаевич быть здесь и хохотать. Он может быть только в одном месте, на Ново-Девичьем!» (М. Булгаков, Театральный роман, 13).

(9) Оля С. (4 года) долго смотрит на дворника, сгребającego громадной лопатой снег, говорит. *Нет, таких лопат не бывает!* и, не оборачиваясь, уходит.

6. В аспекте соотношения разновидностей возможности интересен след, анекдот

Спикер Государственной Думы делает выговор лидеру одной из фракций (Жириновскому), снявшему во время заседания пиджак и галстук: «Владимир Вольфович, Вы в государственном учреждении!» «А мне сама английская королева разрешила сидеть в таком виде!» — ответил Жириновский, и не солгал: в Англии, на заседании парламента, где Жириновский также начал раздеваться, королева сказала: «Мистер Жириновский! Вы можете в Государственной Думе сидеть в таком виде, а здесь, в английском парламенте, извольте вести себя прилично!»

3. Приблизительность. Неопределенность

1. Вообще говоря, любые указания на количество, на пространственные или временные промежутки приблизительны, в том смысле что любое из них допускает уточнения (ср. диалог: — *Сколько вам лет?—41 год.—А точнее?—41 год и два месяца—А еще точнее?* и т. д.). Эта приблизительность зачастую эксплицитно не выражена, она подразумевается, игнорирование этого факта приводит к аномальности, ср.:

(1) *Посетитель античного зала музея долго рассматривает древний клинок и наконец спрашивает у смотрителя, кто и когда его изготовил?— «Кто изготовил—не знаю— бодро ответил смотритель —а вот что ему уже четыре тысячи лет и три месяца, так это как пить дать!» «Но как вы могли так точно вычислить время?» — удивился посетитель. «..тот джентльмен, который принес его сюда,*

сказал, что ему четыре тысячи лет. С тех пор прошло ровно три месяца. Ясно?»

В наивной картине мира приблизительность пропорциональна описываемому временному промежутку. Во фразе *Мезозойская эра началась 235 миллионов лет назад* приблизительность измеряется сотнями тысяч (или даже миллионами лет), во *дррззо. Лекция началась 2 минуты назад* — секундами, однако и та и другая допускает уточнения. Но масштаб этих уточнений — совершенно разный. Естественно, что разнородные временные интервалы (в примере (1) — интервал между изготовлением древнего клинка и его поступлением в Национальный музей и интервал между поступлением клинка в музей и описываемым моментом) имеют разный масштаб и не могут суммироваться. Это та ситуация, когда время как бы останавливается: клинку сегодня 4000 лет, как и три месяца назад.

(2) «Позвольте узнать, сколько Вам лет?»—«Недавно исполнилось двадцать семь».— «Сколько лет назад?»

Наречие *недавно* (см. выше пример (2)) допустимо в случае, если от описываемого события до момента речи прошло существенно меньше половины некоей единицы времени, устанавливаемой контекстом или ситуацией. В приведенной шутке эта единица — год (поскольку точно указан возраст — *27 лет*), и эта фраза была бы нейтральна в устах женщины, которой исполнилось менее 27 с половиной лет. В ситуации юбилея масштаб увеличивается, интервал между днем рождения и моментом речи растет (фразу *Я недавно отмстила 50-летний юбилей* может произнести женщина в возрасте 51 и, может быть, даже 52 лет).

2. Неопределенно-количественные, или аппроксимативно-количественные конструкции, отличающиеся от соответствующих количественных порядком слов (ср.: *человек десять* vs. *десять человек*), необычны в случае достаточно точного указания количества:

Попросилась в кружок и Валя Миронова. Это было белокурое существо лет двенадцати с половиной (А. Алексин, Очень страшная история). Нейтральное употребление: *существо лет двенадцати*; *существо двенадцати с половиной лет*.

3. Специальные показатели приблизительности (типа *около*, *свыше*, *приблизительно*) неохотно сочетаются с именами собственными, ср.:

(3) Бельведонский. *Восхитительно! Свыше пятнадцати Людовиков было, а до этого додуматься не могли, а вы сразу, по-большевицки, по-революционному!* (В. Маяковский, Баня, II).

(4) Ч в а н к и н (запальчиво).—#£т, я спрашиваю', как же он смел? Да знает ли он, кто я? а? Да я~ я сам власть имею, а? Я помещик Чванкин!! Да у меня в Саратовской губернии двести душ! да у меня в Симбирской губернии двести душ! **Да у меня черт знает где черт знает сколько душ!** (А Сухово-Кобылин, Смерть Тарелкина, д. 3, VI).

Фраза *черт знает* в сочетании с вопросительными местоимениями (*кто, где* и т. п.) указывает: 1) на отсутствие у говорящего точных сведений и 2) на его досаду по этому поводу (этот компонент в толковых словарях не отмечается), ср.: *Черт знает где его искать!*, *Черт знает когда нам выдадут зарплату!*; *Черт знает когда я напишу эту книгу!*. В (4) аномальна неосведомленность говорящего в вопросах, касающихся его имущественного положения.

(3) *Коктебель! (...) Вот на этих грядках работал на уборке укропа и инжира еще А. С. Пушкин (...) Каких-нибудь 4—5 тысяч верст не дошел сюда Пржевальский со своей приживалкой* (А Кнышев, Тоже книга).

В (5) Кнышев обыгрывает способность неопределенных местоимений указывать на небольшое количество. Ср. три след, примера:

(ба) *От места взрыва его отделяли целых десять метров* (= 'взрыв—далеко').

(бб) *От места взрыва его отделяли каких-нибудь сто метров* (= 'взрыв произошел поблизости').

(бв) *От места взрыва его отделяли десять метров* (расстояние от взрыва никак не оценивается).

Этот же компонент смысла обыгрывается в другом, еще более интересном отрывке:

(7) *Вы, вероятно, представляете себе так. вот встал миллионер утром, позанимался сколько следует своими делами, отдохнул (...) Потом обед из каких-нибудь семисот тридцати пяти блюд* (Тэффи, Два Вилли).

В (7) интересна оценка числа блюд: для субъекта действия (миллионера) 735 блюд — это немного (точнее, в пределах нормы), для Тэффи и для нас, читателей,— очень много.

4. Нагнетание показателей неопределенности снижает информативную ценность высказывания (иногда до нуля), ср. (8)—(10):

(8) *...ужасно заразное слово это «где-то», его у меня вдруг обнаружилось в рассказах— как вшей на покойнике. Ия его давлю* (Ю. Казаков—В. Конечкому, 16 мая 1961).

(9) *...от каждого ее [трагедии] стиха веет (...) «духАрагонии и обеих Кастилий», как сказал кто-то где-то, рассуждая о чем-то* (В. Буренин, Литературные чтения и собеседования в обществе «Бедлам-модерн»).

(10) — *«Моя кузина вчера разрешилась от бремени». —«Мальчиком или девочкой?»— «Да~ что-то в этом роде»* (Журн. «Сатирикон», 1908).

Неопределенное выражение *что-то в этом роде* означает приблизительно следующее: ‘одно из перечисленных или предмет из того же класса’. Аномальность последнего примера проявляется и в том, что о человеке говорят как о неодушевленном предмете. Ср. также след, пример из детской речи:

(11) Андрей С. (3,5 г.)—*Галина Ивановна, а у тебя есть какая-нибудь детишка?*

5. По справедливому замечанию Т. М. Николаевой [Николаева 1983: 344], то-местоимения могут указывать на «несоответствие, отклонение от некоторой нормы, от позитивного сценария событий» (ср.: *С какой-то грустью уезжал я оттуда*). Комический эффект примеров (12)—(14) (первый взят из указанной работы Т. М. Николаевой) вызван тем, что в них-то как раз описывается (вопреки этому значению то-местоимений) полное соответствие норме:

(12) *С какой-то грустью смотрел я на покойника.*

(13) *Сидел на лекции. Что-то не спалось.*

(14) *Давно я не видал гадюки*

И что-то не скучал в разлуке (Б. Заходер).

Это наблюдение справедливо, видимо, и в случае некоторых других неопределенных местоимений. Необычно, напр., употребление *почему-либо* в стихотворении Н. Олейникова:

(13) *Неприятно в океане*

Почему-либо тонуть.

Рыбки плавают в кармане,

Впереди—неясен путь.

в. Весьма распространенный вид ЯИ — невежественное (или шутовское) употребление неопределенных местоимений по отношению к общеизвестным предметам или лицам, ср. (16)—(18):

(16) *Раньше /уважали / исключительно / гениев.*

Уму от /массы / какой барыш?

*Скажем, / такой /Иван Тургенев Приезжает / в **этакий** Париж,,*
(В. Маяковский).

(17) [Купец третьей гильдии узнаёт, что встретившееся ему триумфальное шествие— в честь Достоевского]—*Боже ты мой, если **какого-то Достоевского** толико почитают, что же это будет, когда господин Гейнце помрут?* (А. Измайлов, Плутарх Российской, или Ридикюль остроумия).

(18) *Я пришел к тебе с приветом, я прочел твои тетради:*

*в прошлом веке **неким Фетом** был ты жутко обокраден* (И. Губерман).

7. Говорящие любят играть в неопределенность, «поддразнивая» адресата:

За обедомматушка прочла [Никите] письмо. Оно было от отца.

— *«Милая Саша, я купил то, что мы с тобой решили подарить **одному мальчику**, который, по-моему, вряд ли заслуживает того, чтобы эту прекрасную вещь ему подарили»*(А. Толстой, Детство Никиты. Тайнственное письмо).

8. Еще несколько примеров обыгрывания неопределенности:

(19) [Начальник Уголовного розыска]:—*Мне жалко ваших крошечных детей, которые, хватаясь ручонками за~ за **что попало**, будут кричать: «Где наш папа?»* (Е. Петров, Гусь и украденные доски).

(20) —*Да мне почти всёравно {...}лишь бы попасть куда-нибудь,—*
пояснила Алиса.

— *Не беспокойся, **куда-нибудь** ты обязательно попадешь,—*
сказал Кот,—конечно, если не остановишься на полпути (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

(21) *Леля хотела побежать домой, чтоб принести еще **что-нибудь из калош**, но в этот момент раздался мамин голос* (М. Зощенко, пример заимствован из: [Кузьмина 1989]).

Аномальность в приведенном примере (21) связана с полной однородностью описываемых предметов (см. [Селиверстова 1964]). Фразы типа *принести что-нибудь из обуви, из продуктов* нейтральны.

4. Время

Время, как важный и чрезвычайно сложный фрагмент русской языковой картины мира, рассматривается в целом ряде исследований (см., например, интересную работу Е. С. Яковлевой [1994], где описывается также и богатая литература вопроса). Наша задача предельно скромна: привести некоторые примеры игр с временем, встречающиеся в русской художественной литературе. Обычно это более или менее остроумное совмещение разных временных планов. В юмористической «Всеобщей истории, обработанной “Сатириконом”», встречаются любопытные примеры перевертывания отношения между художественным текстом и подлинными историческими событиями, легшими в их основу, перенесение элементов современности в прошлое (в котором они никак не могли оказаться). Особенно часто и успешно этот прием использовали А. Аверченко и О. Л. Д’Ор (Оршер):

(1) *Это произошло при короле Карле IX— слабой, безвольной душонке. Летописец того времени характеризует его так.*

— *Это второй зять Мижуев из «Мертвых душ»* (А. Аверченко, Новая история).

(2) *Из прозаических сочинений Древней Руси) к нам дошли превосходные сказки, в которых говорилось о первой русской авиаторше Бабе-Яге, летавшей на аппарате, который был тяжелее воздуха,—в ступе* (О. Д’Ор, Русская история).

(3) *Борис отпустил Шуйского и велел созвать бояр. Бояре пришли, Борис вышел и обратился к ним белыми стихами’.*

— *«Достиг я высшей власти!»*

Бояре переглянулись. Послышался шепот:

— *У Пушкина украл!¹ У Пушкина украл!*

Борис сделал вид, что ничего не слышит, и продолжал:

— *«Седьмойуж годя царствую,,»*

Тут чей-то негодующий голос резко прервал Бориса:

— *Это грабеж! Своего же поэта грабить!*

(О. Д'Ор, Русская история).

(4) *В то время прославился новгородский князь Александр.*

— *С татарами нам не справиться!*—сказал этот воинственный князь.—*А бить кого-нибудь надо. Начнем бить шведов и Ливонских рыцарей.*

— *На безрыбьи и рак рыба! На бесптичьи и Бальмонт соловей!*—согласилась дружина (О. Д'Ор, Русская история).

(5) *В его [Петра I] царствование был заложен первый камень русской письменной словесности—по приказу Петра был рожден Вячеслав Иванов, прославившийся в то время под фамилией Тредиаковского* (О. Д'Ор, Русская история).

Сходным образом еще М. Салтыков-Щедрин помещал того же Тредьяковского (а также и Ломоносова) в художественный текст, текст басен о животных (т. е. из реального мира в вымышленный):

(6) *...у орла во дворне начался «золотой век». Скворцы разучивали гимн «Науки юношей питают» (...) самого старшего скворца определили стихотворцем, под именем Василия Кирилловича Тредьяковского, и отдали ему приказ, чтоб на завтра же был готов к состязанию с соловьем («Орел-меценат»).*

В языковом отношении более интересны случаи, где смешение временных планов проявляется в необычном употреблении языковых единиц:

(7) *Народ [римский] был тогда неприхотлив, и на сердца слушателей действовали даже такие **избитые фразы**, как» «O tempora, o mores» (Тэффи, Древняя история).*

Тэффи тонко чувствует различие между временем данной речи и временем события (лишь сравнительно недавно осознанное лингвистами): прилагательное *избитый* ориентировано на момент речи; аномально (и производит комический эффект) использование его при описании древнего Рима, где фразы, ощущаемые нами как *избитые*, только возникали и таковыми отнюдь не являлись.

(8) [Манилов—о своем сыне]: —*Я его прочу по дипломатической части. Фемисток-люсL хочешь быть **посланникам?***

— *Хочу,*— отвечал Фемистоклюс, жуя хлеб и болтая головой направо и налево.

*В это время стоявший позади лакей утер **посланнику** нос и очень хорошо сделал, иначе бы канула в суп препорядочная посторонняя*

капля (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1,11).

В (8) — намеренное смешение времен: о предполагаемом будущем говорится как о настоящем (менее аномальным было бы сочетание „*утер будуи^ему посланнику нос,,*“).

Однако даже постановка этого прилагательного не устраняет аномальность в грустной шутке И. Губермана:

(9) *Налей нам, друг! Уже готовы
стаканы, снедь, бутылъ с прохладцей, и наши будущие вдовы
охотно с нами веселятся.*

(10) *..эта дама только что соскочила со старого режима и бгяла
в свое время замужем за одним **убитым** штабс-капитаном* (М. Зощенко, Последний рассказ).

Аномально совмещение в (10) двух событий в прошлом, следующих друг за другом: 1) брак дамы со пггабс-капитаном (не убитым!), 2) его убийство. Интересно, что, при своей аномальности, этот способ описания вполне понятен и экономен: нейтральным было бы более громоздкое выражение типа: „*эта дама только что соскочила со старого режима и была в свое время замужем за одним, впоследствии убитым, штабс-капитаном.*“

Сходную природу имеет аномальность уже приводимого нами примера из стихотворения Н. Гумилева «Мой час»:

(11) *А где-то пляшет океан,
Над ним белесый встал туман,
**Как дым из трубки моряка,
Чей труп чуть виден из песка***
(Н. Гумилев, Мой час).

У Гумилева совмещены два временных плана — момент в прошлом, когда моряк покуривал трубку, и описываемый момент, когда он мертвым лежит на песке. Аномальность смягчается при замене в сравнительном обороте настоящего времени прошедшим: *...каким был (когда-то) дым из трубки моряка, чей труп чуть виден из песка.*

(12) *Жить будущим—это, в сущности, жить прошлым своих
потомков* (Эмиль Кроткий).

В (12) подчеркивается возможность по-разному понимать точку отсчета во времени и, в соответствии с этим, квалифицировать одно и то же время как будущее и как прошлое.

Интересна игра со временем в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя:

(13) *Манилов увел своего гостя в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попробуем, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома* (Н. Гоголь, *Мертвые души*, т. 1, II).

5. Семантическое согласование элементов фразы

В главе Синтаксис мы рассматривали некоторые случаи обыгрывания нарушений синтаксической сочетаемости компонентов предложения. Здесь мы остановимся вкратце на ограничениях, имеющих, на наш взгляд, скорее семантическую природу.

Согласование по оценке или по числу

Язык—большой формалист. Он требует не только реальной смысловой, но и формальной согласованности единиц текста.

(1) *Еще при Ольге стал княжить ее сын Святослав. Это был очень храбрый князь: он потерпел поражение от самого Цимисхия, императора Византийского* (О. Д'Ор, *Русская история*).

Поражение (от кого бы то ни было) не согласуется с храбростью. Интересно, что, внеся во фразу формальные, но не смысловые изменения, мы снижаем ано-

мальность высказывания: *Это был очень храбрый князь: он воевал с самим Ци-мисхием, императором Византийским, хотя и {правда} потерпел поражение.*

(2) *Все уже было, в общем-то, решено, и не сегодня завтра он собирался стать ее ' четвертым мужем* (Т. Толстая, *Сомнамбула в тумане*).

Обратим внимание на то обстоятельство, что фраза *Не сегодня завтра он стал бы ее четвертым мужем* нейтральна. Казалось бы, дело в лексическом значении глагола *собираться*: именно употребление этого глагола делает фразу аномальной. Однако фраза *...не сегодня завтра она собиралась в четвертый раз выйти замуж*—нейтральна! Это яркое проявление требования **оценочной**

согласованности элементов фразы. Если для женщины выйти замуж — событие со знаком плюс и порядковый номер брака не имеет большого значения, то для жениха вступление в брак — тоже событие со знаком плюс, но богатое прошлое невесты расценивается в русской языковой картине мира как явление отрицательно е. А такая противоположность оценочных характеристик должна эксплицитно выражаться в языке: нейтральной была бы фраза типа *Он собирался стать ее мужем, пусть четвертым.*

(3) *Тут, под молодым дубом, лежит мертвое тело, покрытое с головы до ног новой белой холстиной. На груди большой деревянный образок* (А Чехов, Мертвое тело) — обыгрывается рассогласование по размеру (ср. лексическое значение прилагательного *большой* и уменьшительный суффикс в слове *образок*).

Некоторые конструкции предполагают множественное число входящего в них существительного — носителя признака, которое лишь в шутку может быть заменено на единственное. Поясним сказанное примерами.

(4) *При Александре I в официальных придворных объявлениях приглашались на приемы люди таких-то званий, а также знатные особы обоего пола. Жуковский не имел определенного звания по службе при дворе. Он шутил, что в торжественно-праздничные дни и дни придворных выходов он был знатною особою обоего пола* (Рус. лит. анекдот).

(5) [На пожаре] — *Пожжаррные, приготоввь! Рразойдитесь! Господин Оптимов, разойдитесь, ведь вам же плохо будет!* (А Чехов, Брожение умов).

(6) [Атрепренер Гуськин говорит об организуемом им концерте]:
— *~послезавтра у них концерт. Такой концерт, что я бы сам валом валил на такой концерт. Событие в анналах истории* (Тэффи, Воспоминания).

(7) *Если молодой человек обоего пола полюбил лицо обратного пола, то нехорошо, когда он (м. ч-к об. пола) разлюбит его (л. обр. пола)* (В. Ардов, Слова-паразиты и лектор-паразит).

(8) [Профессор Преображенский] *Если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха* (М. Булгаков, Собачье сердце, III).

(9) *И не раз в пути привычном,*

*У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен* (А Твардовский, Василий Теркин)

— обыгрывается известный штамп военных лет: *Противник был частично истреблен, частично рассеян* (или: *Войска противника были..*).

(10) [Разговор с проигравшим] — *Под стол! Ничего не знаю! (...)*

— *Нет же, нет, нет! Почему?! Я человек, звучу гордо, не полезу, хоть убейте!** (Т. Толстая, Сомнамбула в тумане)

— общие высказывания типа обыгрываемого здесь горьковского *Человек—это звучит гордо!* недопустимы по отношению к конкретному лицу.

Единицы измерения

1. Известно, что в обстоятельственных группах семантика единиц, входящих в группу, может не соответствовать ее функции (*Две или три остановки я читал газету*). В языковой шутке эта возможность усиливается для создания комического эффекта, ср.:

(1) *Как жаль, чтояне встретился с этой женщиной 20 килограмм тому назад.*

В качестве единицы времени в (1) берется килограмм, и тем не менее, высказывание далеко не бессмысленно, оно передает смысл, который в нейтральной речи можно было бы передать громоздким выражением типа *Как жаль, что я не встретился с этой женщиной, когда она весила на двадцать килограмм.меньше.*

Еще примеры:

(2) *На одном из приемов к светской даме подходит галантный мужчина,:*

— *Мадам Валуа, если не ошибаюсь?*

— *Вы опоздали, мосье. Мадам Валуа я была четыре мужа тому назад.*

(3) Сто тысяч сигарет тому назад

таинственно мерцал вечерний сад, а нынче ничего нам не секрет под пеплом отгоревших сигарет (И. Губерман).

(4) *...та самая «нелегкая», которая понесла меня к Федоровым, (...) заставила меня снять пальто, понесла в гостиную, забила в мягкий угол дивана (...) и сунула в руки альбом с хозяйскими тетками. **На девятой тетке** раздался звонок, и влетела оживленная, раскрасневшаяся хозяйка (Тэффи, Нелегкая).*

(5) *Я стремился /за 7000 верст вперед, (а приехал /на 7 лет назад* (В. Маяковский, Небоскреб в разрезе).

2. В романе Саши Соколова «Между собакой и волком» есть интересные строчки, указывающие на то, что существительные типа *жизнь* не могут (в нейтральном употреблении) служить единицей измерения времени:

*И граммофон наяривал за речкой,
И пахло репами, как **жизнь** тому назад.*

Фраза *пахло репами, как двадцать (тридцать, сорок,...) лет назад* была бы нейтральной.

(6) [Налетчик Беня Крик] *...попросилу Эйхбаумаруки его дочери Цили Старика хватил легкий удар, но он поднялся. **В старике было еще жизни лет на двадцать*** (И. Бабель, Король).

3. Необычный выбор единицы измерения используется для создания комического эффекта довольно часто — и не только для выражения временных и пространственных отношений. Еще несколько примеров:

(7) *Это был изумительный сыр, острый и со слезой, а его **аромат мощностью в двести лошадиных сил** действовал с ручательством в радиусе трех миль и валил человека с ног~* (Джером К. Джером, Трое в лодке, не считая собаки, в пер. М. Донского и Э. Линецкой).

(8) [Железнодорожный служащий спрашивает у знаменитого тенора]:

— *И сколько же Вам платят?*

— *Одна нота, вот такая, ’—невец взял один из высоких звуков, которые принесли ему славу,—стоит пятнадцать фунтов стерлингов.*

— *Маэстро, а я в год зарабатываю **четыре ноты!***

(9) — *Фаничка провезла большущий бриллиант, так вы не поверите—в собственном носу.*

— Ну, ей хорошо, когда у нее **нос на пятьдесят карат**. Не всякому такое счастье (Тэффи, Воспоминания, 3).

(10) В СССР был объявлен конкурс на лучший политический анекдот. Первая премия—двадцать пять, вторая—десять, третья—пять лет.

(11) Молодой человек входит в большой ювелирный магазин на улице Риволи.

— Сколько стоит это кольцо?

— Десять тысяч.

— Черт! А вот это кольцо?

— Два чёрта, месье!

(12) Мужчина собирается познакомить своего друга с женщиной. Юна некрасивая, но если ты выпьешь побольше, ты перестанешь это замечать». Друг соглашается, но увидав женщину, в ужасе кричит: «Нет! Мне столько не выпить!»

Анафорическое местоимение *столько* соотносится в (12) с указанием не на конкретное количество потребляемого вещества (типа: бутылка, литр, два стакана и т. п.), а на воображаемое, с учетом ситуации, с учетом степени безобразия обсуждаемого лица.

4. Одно и то же существительное может сочетаться с разными квантификаторами. Так, *кукуруза* может измеряться акрами (гектарами), килограммами, мешками, тарелками и т. д. Ср.:

Как-то у нас была страшная засуха и кукуруза совсем не уродилась. Мы приготовили себе немного каши из нового урожая, и мой отец съел четырнадцать акров кукурузы за один присест.

Несколько подробнее остановимся на одном виде семантического согласования в русской фразе, который, кажется, не привлек внимания лингвистов, хотя говорящие давно его заметили и нередко используют для создания комического эффекта.

Согласование по масштабу

И Батюшкова мне противна спесь: Который час, его спросили здесь,

А он ответил любопытным: вечность!

О. Мандспыштам

В этих стихах удивляет многое. Во-первых, *здесь* — значит ли: в нашем мире, а не в каком-то другом? Не странно ли, далее, что Батюшкова упрекает в «противной спеси» Мандельштам, поэт, который сам привык к космическим масштабам, сам «дышал звезд млечной трухой, колтуном пространства дышал», и которому принадлежат строки:

*И покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, **пространством и временем полный.***

С тем же, что у Батюшкова (и Мандельштама), космическим масштабом мы встречаемся в сказке П. Ершова «Конек-горбунок»:

Против неба, на земле

Жил старик в одном селе.

Вспоминается в этой связи и стихотворение С. Орлова:

Его зарыли в шар земной,

А был он лишь солдат,

Всего, друзья, солдат простой,

Без званий и наград.

Зарыть в X. Обычно X — материал типа: земля, песок и т. п., не *в холм, поляну, степь, Украину и тем более не: *в восточное полушарие, * в земной шар.

Аномальность приведенных примеров вполне оправданна (так, космический масштаб, заданный Ершовым с первых строк сказки, передает ощущение неразрывной связи жизни крестьянина со Вселенной), однако она отчетливо ощущается. Ее причина — нарушение правила семантического согласования, не привлекавшего внимание исследователей,—согласования по масштабу. На материале языковой игры укажем некоторые виды нарушения согласования по масштабу в русской фразе.

Казалось бы, в приведенных и в приводимых ниже примерах мы имеем дело с гиперболой, преувеличением. Сходство, действительно, есть. Важнее, однако, принципиальное отличие: гипербола действует в пределах некоторой системы измерения, в наших же случаях — меняется сама система измерения. Сравним наши примеры с высказыванием, содержащим гиперболу:

— *Ваня! Ты абсолютно ничего не делаешь по дому, зарабатываешь копейки,, вечно пьяный,, только и знаешь, что бегаешь по бабам.*

— Тысячу раз тебе говорил, сотни тысяч раз говорил и в миллионный раз повторяю: не смей преувеличивать!

Известно, что в отличие от логики, где высказывание может быть либо истинным, либо ложным, в языке эта граница расплывчата, много промежуточных случаев. Так, с любым обвинением в адрес Вани можно согласиться (*Да, он палец о палец не ударит, единственное его занятие — преследование юбок!* и т. д.), а можно его отвергнуть (*Неправда, он иногда помогает по дому*). В наших же примерах авторов нельзя обвинить не только во лжи, но и в преувеличении, нельзя сказать: *Ну, Ершов преувеличивает, говоря, что его старик живет против неба на земле!*. Ершовский старик действительно живет против неба, на земле, а орловского солдата действительно зарыли в шар земной. Аномальность заключается не в преувеличении, а в нарушении масштаба изображения.

Каждый класс ситуаций имеет пространственные и временные границы — верхние и нижние. Говорящие интуитивно ощущают эти границы, но иногда намеренно переходят их для достижения определенного (чаще всего комического) эффекта. И это позволяет нам, лингвистам, более определенно провести сами эти границы. Поясним сказанное несколькими примерами, снабдив их самыми краткими комментариями. В пункте 1 приводятся случаи нарушения пространственных границ описываемого, в пункте 2 — временных, и, наконец, в пункте 3 приводятся более сложные случаи семантического рассогласования.

1. Нарушение масштаба пространства

(1) *Генрих* (саксонский король) **отправился в кабинет папы** (...) *В лютую зиму, в вьюгу и холод пришлось переправляться через Альпы — потому что кабинет папы находился по ту сторону Альп* (О. Дымов, Средняя история).

Вообще говоря, приведенное высказывание истинно и абсолютно точно: конечная точка движения короля Генриха — именно кабинет папы римского. Однако точность (обычно желательная) оказывается здесь неуместной именно из-за резкого несовпадения масштаба пространственных характеристик событий — длительности пути (через заснеженные Альпы) и мизерности конечного пункта (кабинет папы). Увеличение масштаба (напр.: *Генрих отправился во дворец папы*;) делает фразу менее аномальной. Еще лучше—указание

родового наименования (*врезиденцию папы*), города (*вКаноссу*), страны (*в Италию*).

(2) *...пароход <Дир>, на котором мы плыли летом в Потти и терпели муки, приказал долго жить\ разбился о южный берег Крыма* (А. Чехов—А. С. Суворину, 17 дек. 1888).

(3) В Варшавском университете (факт). На экзамене профессор анатомии спрашивает студента: *«Где помещается сердце?»*—*«В грудной клетке»*.— *«Нет!»*—*«На диафрагме»*.—*«Нет!»*—*«Другого ответа не знаю»*. Профессор поясняет: *«Сердце помещается в сердечной сумке»*. Студент (нервно): *«Позвольте,*

г. профессор, если меня спросят, где вы, г. профессор, находитесь теперь,—то как, по-вашему, я должен ответить: “в своем кабинете” или—“в своих штанах?” (Журн. «Сатирикон», 1913).

(4) — *А почему у вас две кровати?*—*осведомился гость.*

— *Эта комната так велика, что мне иногда, когда я бываю по делам в южной ее стороне, трудно достигнуть северной стороны, в особенности если хочется спать. Поэтому я поставил на каждой стороне по кровати* (А Аверченко, Подходцев и двое других, ч. 1,3).

(5) *Иван Кузьмич /Коренной москвич,*

А его подруга Дарья /Из другого полушарья (С. Маршак).

(6) *Офицер. Перед тобой север, справа—восток, слева—запад. Что сзади тебя?* Новобрание и. — *Ранец, ваше-скородие!* (Журн. «Сатирикон», 1908).

Глаголы, обозначающие физические действия конкретных существ (*Коля бежит {идет, гуляет}*), неохотно сочетаются с обозначениями крупных географических единиц, и чем крупнее единица, тем сильнее ощущается аномальность. Нормальны фразы типа *Коля идет, гуляет по улице, нормально идти, гулять по городу, по Москве*, но фразы *бежать по городу, бежать по Москве* уже ощущаются как несколько необычные. Еще более аномальными являются фразы типа *Он идет {бежит, гуляет} по Московской области* и, тем более, *Он идет {бежит, гуляет} по России {по Европе, по северному полушарию}*. (Фраза, начинающая известную песню *Гулял по Уралу Чапаев-герой, Он соколом рвался с врагами на бой*, не аномальна, но глагол *гулять* имеет здесь другое значение. Использование здесь глагола *гулять* в его основном значении необычно: *Однажды Чапаев с роскошной блондинкой гулял по Уралу*.)

Приведем примеры обыгрывания этого явления в художественной литературе:

(7) *Но папочка и мамочка уснули вечерком,
А Танечка и Ванечка—в Африку бегом*

(...)

*Вдоль по Африке гуляют,
Фиги-финики срывают* (К. Чуковский, Бармалей).

(8) *Ожила Мартышка!*

Не узнать Мартышку—

Как она по Африке Носится вприпрыжку!

(Б. Заходер, Мартышкин дом).

(9) *А в отчаявшемся том государстве—*

Как войдешь, так сразу наискосок,—

*В бесшабашной жил тоске и гусарстве Бывший лучший
королевский стрелок* (В. Высоцкий, Про дикого вепря).

(10) *Узлы пересыпанной пухом ноши,*

Треск подмытых водой ворот»

Кто-то ругался, что забыл калоши,

А самому Нева забиралась в рот (В. Горянский, Наводнение).

(11) *Из-за перелома стети, на урезе неба и земли, показались
телеги и поехали поперек взора Копенкина, увозя на себе маленьких
деревенских людей мимо облаков* (А. Платонов, Чевенгур).

(12) *Марий был очень свиреп, любил простоту обихода, не
признавал никакой мебели и сидел всегда прямо на развалинах
Карфагена* (Тэффи, Древняя история).

*Любоваться развалинами Карфагена можно, а сидеть можно
лишь на рухнувшей карфагенской колонне, но не на развалинах
Карфагена.*

2. Нарушение масштаба времени

Приведем теперь несколько примеров нарушения временных масштабов изображаемого.

(1) *В кашне, ладонью заслонясь,*

Сквозь форточку крикну детворе.

Какое, милые, у нас Тысячелетье на дворе?

(Б. Пастернак, Про эти стихи).

В стихотворении Пастернака задается космический масштаб (но не пространственный, как в п. I, а временной).

(2) *В августе бобыль пошел в тень, лег животом вниз и сказал-*

— *Захар Павлович, я помираю, я вчера ящерицу съел* (А Платонов, Чевенгур).

(3) *Ровно в шестнадцать часов сорок минут Васисуалий Лоханкин объявил голодовку. Он лежал на клеенчатом диване, отвернувшись от всего мира (...) Поголодав минут двадцать в таком положении, Лоханкин застонал, перевернулся на другой бок и посмотрел на жену* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, ХНІ).

(4) *Молодцеватый кварталный, проходивший мимо крыльца,, поглупел и вытянулся в струнку, когда Аполлон Аполлонович Аблеухов (...) с каменным лицом, напоминающим пресс-папье, быстро вышел из подъезда* (А Белый, Петербург, I).

(3) *«Надо,—думаю,—в самом деле пить бросить». Взял и бросил. Не пью и не пью. Час не пью, два не пью. В пять часов вечера пошел, конечно, обедать в столовую* (М. Зощенко, Лимонад).

В конструкциях типа *Голодать (не есть) некоторое время X; Не пить (спиртные напитки) некоторое время X* для каждого глагола есть своя минимальная единица измерения времени («временной квант»). Для ситуации голодания это день, неделя, может быть месяц (разумеется, без перерывов!), для ситуации «поглупение» — годы, может быть месяцы, для ситуации «бросить пить» — год, месяц, неделя, может быть день,— но никак уж не минуты и не часы.

(6) — *Лиза, пойдем обедать!—Мне не хочется, я вчера уже обедала* (И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев, XVII).

В ситуации «обед» частица *уже* действует в интервале суток, нейтральное высказывание — *Я сегодня уже обедала*.

(7) — *Где твоя жена?*

— *Ты спрашиваешь про Аярову или Гридину?*

— *Про Ковровскую.*

— *Не знаю, что с ней. Позавчера в 7 с половиной вечера 5/сила еще с Зенитовым* (Журн. «Сатирикон», 1911).

В ситуации «жить с кем-то» временной квант для нейтральных высказываний — год, сезон, может быть месяц.

Интервал между просьбой или предложением и реакцией на них — разный для разных ситуаций, но не может быть слишком большим, ср.:

(8) [Переписка двух приятелей] *«Прости, дорогой Аркадий, что я долго не отвечал тебе. Дело в том, что когда мы в прошлом году встретились случайно в театре Корша, ты спросил у меня, не могу ли я тебе одолжить сто рублей (...) К сожалению^ меня тогда не было таких денег, а теперь есть и, если тебе надо, я могу прислать».*

Я ответил ему.—«Три года тому назад однажды в ресторане Малоярославец ты спросил меня, который час? К сожалению, у меня тогда часы стояли. Теперь я имею возможность ответить тебе на твой вопрос. Сейчас четверть второго» (А Аверченко).

(9) *Санитары везут на каталке больного.*

— *Куда вы меня везете?*—спрашивает больной.

— *В морг.*

— *Но ведь я же еще не умер!*

— *Но ведь мы егце и не доехали!*

23 - 1789

В шутке (9) повторное использование частицы *еще* подчеркивает несопоставимость масштабов человеческой жизни и езды по больничному коридору.

(10) *Хозяйка.Л это капитан Бланк, он только что возвратился из Арктики. Хорошенькая гостья. О, подходите тогда поближе к камину, капитан, вы, должно быть, здорово озябли.*

Возвращение из Арктики — длительное событие, и временной интервал, обозначаемый сочетанием *только что*, тоже растягивается настолько, что ощущение холода давно должно было пройти. Этого и не учитывает сердобольная гостья.

(11) *Двое осужденных водворяются в тюремную камеру.*

— *Тебе сколько дали?*— спрашивает один.

— *Десять лет. А тебе?*

— *Пять лет.*

— *Значит, ты выйдешь первым. Занимай тогда койку поближе к двери.*

3. Другие случаи нарушения согласования по масштабу

В заключение — еще несколько примеров обыгрывания семантического согласования по масштабу, более сложных.

(1) Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него растет, а у меня не растет»,—частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав (Д. Хармс. Анекдоты из жизни Пушкина).

Ситуация показывания одним человеком на кого- или что-либо предполагает какое-то орудие {указкой, палкой} или часть тела (рукой, пальцем), но «уменьшение масштаба», упоминание здесь ногтей или суставов пальца нарушает согласование по масштабу.

Частным случаем рассогласования по масштабу является, на мой взгляд, нарушение согласования между действием и его участниками по величине или по конкретности/абстрактности. Указания на социальные группы (социальные слои, организации, профессии, даже временные коллективы) несопоставимы по масштабу с указаниями на конкретные физические действия и могут сочетаться с ними только при наличии специального стилистического задания, ср.:

(2) В секретарскую спокойной деловой походкой **входила милиция** в числе двух человек Увидев их, красавица [секретарша] зарыдала (...), тыча рукою в дверь кабинета (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 17).

(3) ...ударил знаменитый грибоедовский джаз. Покрытые испариной лица как будто засветились, показалось, что ожили на потолке нарисованные лошади, в лампах как будто прибавили свету, и вдруг, как бы сорвавшись с цепи, **заплясали оба зала, а за ними заплясала и веранда** (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 3)—ср. допустимое: ..Я зал встает, и зал поёт, /И в зале дышится легко~ (К Симонов).

(4) Поднимаясь в три часа ночи по лестнице, **редакция журнала «Апельсин»** делала не совсем уверенные шаги ихором пела следующую, не совсем складную песню:

Мать и брат, отец и сын,

Все читают «Апельсин».

Нищий, дворник, кардинал—

Все читают наш журнал (А Аверченко, Подходцев и двое других).

Отметим, что сходные по структуре фразы, освещающие профессиональную деятельность, нейтральны. Ср.: *Просиживая*

иногда до трех часов ночи, редакция журнала «Апельсин» успевала рассмотреть все присланные материалы.

Сравнительная сила элементов текста

Обычно омонимы, а также разные значения одного слова существуют как бы в разных измерениях и потому соседствуют в словарях, но не в текстах. Каламбур — уникальный случай взаимодействия омонимов (или разных значений слова) в пределах одного высказывания.

Изучать семантико-синтаксическое окружение, контекст слова мы можем и по «нейтральным» текстам. Однако в некоторых видах текстов роль контекста проявляется особенно отчетливо. Сюда В. П. Григорьев по справедливости относит поэтический язык (см. [Григорьев 1979:100—105]). Но еще в большей степени это относится к каламбурным высказываниям, где омонимы и разные значения слова, по выражению А. А. Щербины [1958], «сталкиваются лбами», и, что особенно важно, это не просто столкновение двух созвучных слов с разными значениями, а «столкновение двух команд», кончающееся либо победой одной из них, либо ничьей, когда оба смысла представлены в результирующем высказывании. Тем самым, каламбур предоставляет уникальную возможность наблюдать борьбу и оценить силу игроков той и иной команды, то есть (переходим на язык лингвистики) сравнить силу тех или иных текстовых единиц. Напомню старый анекдот:

[Василий Иванович и Петяка переплывают бурную реку]:

— *Бросай сумку, Василий Иванович, утонешь!*

— *Не могу, Петя, здесь штабные карты, две колоды штабных карт!*

Прилагательное *штабной* индуцирует одно понимание существительного («военно-тактические карты»), однако последующий ввод в игру более сильного «игрока» — существительного *колода* — приводит к конечной победе понимания «игральные карты», что способствует дискредитации прославленного героя Гражданской войны.

Каламбуры, где обыгрываемые слова «мирно сосуществуют», с точки зрения семантико-синтаксической сочетаемости наименее интересны: «играющие команды» без борьбы соглашаются на ничью. Ср.:

*Сказал раз медник, таз куя Своей жене, тоскуя.
«Задам-ка сыну тоскуя И разгоню тоску я'»
(Я. Козловский?).*

Более интересны в рассматриваемом отношении каламбуры, характеризующиеся сложным смысловым взаимодействием обыгрываемых слов (о семантиче-

23*

ских типах каламбуров см. ниже). Каждый из них — арена бескомпромиссной борьбы двух смыслов, оканчивающейся победой одного из них. Вот несколько беглых замечаний о силе отдельных элементов каламбурного (и, видимо, любого другого) высказывания.

1) Распространенный контекст оказывается сильнее простого. Обычный прием создания (и моментального снятия) каламбурной многозначности—добавление зависимых слов (дополнений, определений, обстоятельств, уточнений, вводных слов). Ср.:

(1) *Машину собрали~ в мешок и привезлиуже другие люди* (М. Жванецкий).

(2) *Кадры решают всё, но без нас* (Г. Малкин).

(3) *Нравственно ограниченный контингент войск* (Г. Малкин).

(4) *Меня окружали милые, симпатичные люди, медленно сжимая кольцо* (А. Кнышев).

(3) *Рина Зеленая изобрела прекрасное средство от бессоницы: надо считать до трех. Максимум—до полчетвертого* (ТВ-программа «С утра пораньше», 2 дек. 1992 г.)

(6) *Василий Иванович говорит своим бойцам: «Гласность, ребята, это вот что такое. Вот вы меня критикуете, критикуете, и ничего вам за это не будет—ни валенок, ни шинелей, ни портянок».*

2) Ситуация играет важнейшую роль и может приводить даже к победе нового, индивидуального значения слова над общепринятым. Ср.:

(1) *Убийство было сделано топорно* (А. Кнышев, Уколы пера).

(2) [Некая дама (рябая), будучи недовольна пьяным Пушкиным, говорит ему]:

— У вас, Александр Сергеевич, в глазах двоит?

— Нет, сударыня,— отвечал он,— рябит! (Рус. лит. анекдот).

3) Текст оказывается сильнее заголовка. Например:

Старость отступает

Возвращаясь домой, пенсионер И. И. Иванов столкнулся в подъезде с хулиганом. И. И. Иванову пришлось отступить (Лит. газета).

4) Рисунок, в свою очередь, оказывается сильнее текста. Иллюстрацией может послужить помещенное в журнале *Крокодил* «житае» одного молодого человека, который: *...ночи просиживал за классиками* (на рисунке: Ночь. Луна. За памятником Пушкина герой и его собутыльники «содвигают стаканы»); *...когда видел старших, снимал шапку* (герой срывает шапку с трепещущего старичка); *...дня не сидел без дела* (герой, застенчиво потупившись, стоит перед столом следователя, поглаживающего папку с надписью «Дело № *»); *...и вообще далеко пошел* (герой под конвоем отправляется в «места не столь отдаленные»).

5) Слова, обозначающие конкретные предметы или физические действия, сильнее слов оценочных или абстрактных и побеждают в ситуациях, казалось бы, безнадежных. Вот пример из рассказа А. Аверченко «Жалкое существо»:

...лампа, без суда и следствия, была повешена.

— *Как вы думаете, крепко держится?*

Я высказал предположение, что ходьба по полу верхнего этажа может довести лампу до самого легкомысленного падения.

Конструкции «X без суда и следствия был повешен» и «X дошел до самого легкомысленного падения», казалось бы, не допускают никакого переосмысления, они однозначны: «X был казнен», «X совершил аморальный поступок». Однако упоминание материального предмета (лампа) — фактор настолько сильный, что переосмысление все-таки происходит. Точно так же упоминание материала оказывается решающим в понимании отрывка из стихотворения В. Маяковского:

Чтобы суше пяткам—/ пол стелется,

извиняюсь за выражение, / пробковым матом

(В. Маяковский, Рассказ литейщика Ивана Козырева).

Речь идет не о брани, а о подстилке, и извинение автора — кокетливая сверхщепетильность.

6. Ситуативные ограничения на употребление языковых единиц

В более ранней работе [Санников 1989] я, вслед за другими исследователями, утверждал, что языковая шутка — это всегда некоторая языковая неправильность (или неточность). Это хорошо согласуется с восходящим к Аристотелю пониманием комического как чего-то уродливого или аномального,—но не совсем согласуется с фактами. Вряд ли можно видеть неправильность или хотя бы неточность во всех примерах, приводимых в данном разделе главы. Достигаемый в этих примерах комический эффект имеет совсем другую основу. Он связан с тонкостями соотношения языковых единиц с действительностью.

В последнее время резко возрос интерес к референциальному аспекту языковых высказываний. По определению Н. Д. Арутюновой, «референция — это отношение актуализированного, включенного в речь имени или именного выражения (...) к объектам действительности..., способ “зацепить” высказывание за мир» [Арутюнова 1982: б, 18]. Из работ последнего времени референциальный подход к анализу языковых значений наиболее аргументированно развивается в обстоятельной работе А. Д. Кошелева [1996].

В ходе изучения русского языка по данным языковой игры мы столкнулись с целым рядом случаев, когда, на наш взгляд, не спасают существующие способы устранить сложности во взаимоотношении языковой единицы с теми ситуациями, которые она описывает, в частности понятия прототипа и инварианта (см. о них выше, с. 181—183). При всей разнородности описываемых ниже фактов, не вполне укладывающихся в существующее понимание соотношения между языковым значением и действительностью, в них достаточно отчетливо проявляется нечто общее, что и послужило для нас основанием для совместного их рассмотрения. Во всех рассматриваемых случаях описываемая ситуация, казалось бы, полностью соответствует значению неких языковых единиц, и тем не менее, она не допускает для своего описания нейтрального употребления этих единиц. Примечательно, что эти факты замечены не лингвистами, а самими говорящими, которые вообще гораздо раньше лингвистов стали экспериментировать с языком, обыгрывая

«странности» языка для достижения комического эффекта (подробнее см. [Санников 1994]). Наше исследование строится на достаточно ограниченном и специфическом материале — материале языковой игры и ни в коей мере не может претендовать на широкие обобщения. Не исключено, однако, что за «несерьезным» материалом скрываются некоторые достаточно интересные общие закономерности строения и функционирования языка.

1. Начнем с примеров относительно простых. В них обыгрываются слова *труд*, *трудоу*, *трудиться*. Основное значение этих слов определяется в МАС след, образом: трудиться — заниматься каким-л. трудом, делом; работать; труд — целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения; работа. В гл. Лексика мы отмечали, что в значение этих слов входит 1) представление об успехе, хотя бы частичном, ср.: ? *Хирург трудился весь день, но, к сожалению, все оперируемые умерли* 2) представление об общественной полезности деятельности, ср.: ? *Медвежатник напряженно трудился всю ночь, но сумел вскрыть только один из банковских сейфов*.

Но если даже мы внесем соответствующие уточнения в толкования рассматриваемых слов, то остаются всё-таки употребления не совсем обычные, хотя и удовлетворяющие этим новым, уточненным толкованиям. Именно они-то и будут представлять для нас особый интерес.

(1) [Осужденному] *Не верти головой, не дергайся—уважай труд палача* (Журн. «Соло»).

Тот же самый призыв был бы вполне уместен в ситуации «врач — пациент»: *Не верти головой, не дергайся —уважай труд врача*. Гробокопатель — *трудится*, палач — *казнит*. Общество признаёт необходимость палачей, но язык отказывается называть деятельность по умерщвлению людей трудом — как (возможно, по несколько иным причинам) и деятельность военных. Фраза *После артподготовки немедленно подымайтесь в атаку, уважайте труд артиллеристов* и особенно фраза *Он трудится в кавалерии уже пятый год* выглядят странно. Любопытна также дифференцированность в оценке разных видов деятельности священника. Фразы *Священник трудился все утро и окрестил десятерых младенцев (обвенчал пять пар)* лучше, чем: *Священник трудился все утро и отпел десять усопших*. Ср. также

след, шутеу: *«Частенько трудитесь, батюшка?»* — спросил врач священника на похоронах.— *«По вашей милости»,—* отвечал с поклоном священник.

Подобно тому как деятельность палача не может быть названа трудом, сам объект его деятельности только в шутку может быть назван клиентом:

Он [палач] мне поведал назначенье инструментов.

Всё так нестрашно—и палач как добрый врач.

— Но на работе до поры всё это прячь,

Чтоб понапрасну не нервировать клиентов (В. Высоцкий, Когда я об стену...).

Самоубийство — сознательный поступок и, тем самым, может квалифицироваться, как целенаправленная деятельность, однако, в силу трагизма ситуации, многие выражения, описывающие эту «целенаправленную деятельность», выглядят странно, ср.:

(2) *Омуту Сэндфордской запруды, сразу же за шлюзом,— настоящая находка для всякого, кто ищет подходящего местечка, чтобы утопиться. Здесь необычайно сильное подводное течение, стоит лишь вам туда попасть—и дело в шляпе* (Джером К. Джером, Трое в лодке, не считая собаки, пер. М. Донского и Э. Ли-нецкой).

2. В приведенных примерах ограничения на употребление языковых единиц связаны с особенностями ситуации, это ситуативные ограничения. Рассмотрим несколько примеров, где это не так очевидно.

(3) *Как называется каннибал, пожравший своих отца и мать?— Круглый сирота* [по: Фрейд 1925].

Может создаться представление, что здесь нарушены принципы номинации, поскольку в основу наименования положен не основной признак (то, что описываемое лицо — убийца), а второстепенный, сопутствующий. Однако это, видимо, не так. Переделав шутку (*Этот новозеландский юноша — круглый сирота, недавно он пожрал своих отца и мать*), мы все равно не получим нейтрального высказывания, комический эффект все равно сохранится. Он требует иного объяснения. Толковые словари отмечают, *«круглый (круглая) сирота — о том, кто не имеет ни отца, ни матери»* (МАС). Это значение следует признать прототипическим, описывающим «идеальную», типичную ситуацию, но не ситуации менее типичные (корректно ли, например,

выражение *Он — круглый сирота* по отношению к ребенку, который еще в младенчестве был усыновлен новыми родителями?). Кроме этой основной (ассертивной) части, в толкование должны быть включены еще два компонента (они указываются словарями в толкованиях слова *сирота*): 1) ‘несовершеннолетний’; 2) ‘человек’. Эти компоненты не входят в основную (ассертивную) часть толкования словосочетания *круглый сирота* и составляют его так наз. презумптивную часть. Это становится очевидным при введении отрицания: говоря *Нет, он не круглый сирота*, мы не отрицаем презумпцию, не отрицаем ни того, что описываемое лицо — человек, ни того, что он — несовершеннолетний; отрицается ассерция—то, что это лицо не имеет ни отца, ни матери (фраза *Нет, он не круглый сирота, у него есть отец* — нормальна). Ситуация с каннибалом, описываемая в приведенном примере, казалось бы, полностью соответствует толкованию, его презумптивным и ассертивным компонентам: каннибал — 1) человек, 2) несовершеннолетен, 3) у него нет ни отца, ни матери. Почему же нейтральное употребление недопустимо? Правдоподобно предположение, что словосочетание *круглый сирота* включает указание на **нежелательность** ситуации, на **обездоленность, беззащитность, одиночество**. Подобные компоненты смысла (так наз. *коннотации*) не входят непосредственно в семантику слова, но представляют для нее первостепенный интерес, поскольку отражают связанные со словом культурные представления и традиции и определяют и употребление слова, и появление переносных значений (см. [Апресян 1995: т. 1,67—68]). Именно коннотации лежат в основе словосочетания *казанская сирота* или в употреблениях типа *Грех обижать сироту*. Возвращаясь к нашему примеру, можно предположить, что именно коннотации **обездоленности, беззащитности, одиночества** препятствуют нейтральному употреблению словосочетания *круглый сирота* по отношению к описываемой ситуации. Этого, однако, недостаточно. Вряд ли, говоря слово *сирота*, мы вообще думаем о причинах, приведших к отсутствию отца и матери. Однако говорящие наткнулись (видимо, случайно) на необычную ситуацию, когда человек сам является причиной своего несчастья, и заметили, что в этом случае нейтральное употребление слова недопустимо,— хотя по значению оно полностью соответствует описываемой ситуации. Значит ли это, однако, что в

толкования слова *сирота* и словосочетания *круглый (круглая) сирота* входит компонент 'не по своей воле'? Вряд ли. Подобным образом пришлось бы расширять толкование и многих других языковых единиц, где мы встречаемся с подобной же ситуацией. Видимо, все единицы, описывающие нежелательное положение дел, недопустимы, если описываемое лицо само является виновником создавшейся ситуации.

Еще несколько подобных примеров.

(4) *Женщина, обвинявшаяся в убийстве своего мужа, была оправдана благодаря стараниям одной присяжной заседательницы, которая объяснила свою позицию следующим образом: «Мне так жаль ее, ведь она—вдова!1»*

(5) *Хоронят двоих молодых людей. Очевидец рассказывает:*

— *Они поспорили, кто дальше из окна трамвая высунется.*

— *И что же?*

— *Тот, что в правом гробу, выиграл.*

(6) *5 автобусе пьяного вырвало на кофточку стоявшей рядом девушки. «Свинья,!»— кричит возмущенная девушка. «Да ты посмотри на себя-я!»—отвечает пьяный.*

(7) *В фильме «Соблазненная и покинутая» [Пьетро Джерми, 1964] адвокат покинутой девушки уговаривает совратителя жениться на ней. «Неужели вы думаете, что я женюсь на обещанной?»— отвечает тот.—«Но ведь это сделали вы!?»—«Если это сделал я, значит, она уже не обещанная? Хорошенькая у вас логика, господин адвокат!»*

(8) *Водитель автобуса каждое утро наблюдал, как к автобусу спешит и последней втискивается в него пожилая женщина. Но вот однажды водитель закрыл перед ней дверь. «Не успела!»—подумал он, отъезжая.*

Во всех приведенных примерах: 1) описывается нежелательное положение дел, 2) эти высказывания необычны и производят комический эффект. Между приведенными примерами есть также и существенные различия. В ситуации, описываемой в примерах (3)—(5), слова *сирота*, *вдова*, *выиграть* не могут быть употреблены ни описываемым лицом («сиротой», «вдовой»), ни кем-либо другим. В остальных примерах соответствующие языковые единицы (*Да ты посмотри на себя,!* *обещанная, не успела*) недопустимы **в устах**

говорящего (поскольку именно он является виновником создавшегося нежелательного положения дел), но вполне уместны в устах третьего лица.

3. Рассмотрим теперь другой ряд — фактов более сложных, но родственных приведенным выше в том аспекте, который анализируется в данном разделе: описываемая ситуация, казалось бы, полностью соответствует и значению некой языковой единицы, и правилам (синтаксическим и семантическим) ее сочетаемости, но, тем не менее, что-то препятствует нейтральному употреблению этой единицы.

(9) *Петька кричит командиру. «Василий Иванович, сзади белые!»—«Вне-е-ред!»*

Словари (см., например, МАС; БАС) отмечают среди прочих следующее значение наречия *вперед*: «в направлении перед собой, по направлению поступательного движения» (МАС). Есть употребления, с трудом укладывающиеся в это толкование. Можно ли сказать *Вперед!*, нажимая кнопку в лифте, чтобы подняться, и тем более, чтобы спуститься вниз,— ведь в обоих этих случаях мы движемся не «в направлении перед собой, по направлению поступательного движения»? В приведенном анекдоте комический эффект имеет другую природу, он связан, видимо, с тем, что в обстановке военного противостояния обычным является обращение лицом к врагу и призыв *Вперед!* равносителен призыву *На врага!*. Необычность описываемой ситуации в том, что враг находится сзади, и здесь призыв *Вперед!* звучит странно. Слово «не рассчитано» на столь необычную ситуацию, оно поставлено в условия острого эксперимента. Согласно одному пониманию нужно двигаться в направлении первоначального движения, согласно другому—в противоположном направлении. И побеждает первое значение, которое можно, видимо, признать прототипическим.

(10) *Иван Грозный был не грозным, а милым, добрым, отзывчивым человеком. Правда, он был вспыльчив, но отходчив, что видно из картины Ретина «Иван Грозный убивает своего сына» («Чукоккала». 3. Паперный).*

В БАС'е отмечается, что *отходчивый* — это «способный быстро успокаиваться после раздражения, забывать обиду». Компонент ‘способный забывать обиду’⁵ явно ошибочен: вряд ли можно,

например, говорить об **обиде** отца на маленького сына — в силу асимметрии социальных ролей участников ситуации; более правильным представляется толкование прилагательного, предлагаемое в МАСе: «Быстро приходящий в спокойное состояние после гнева, раздражения и т. д., неспособный долго сердиться». Приведенная шутка показывает, что правильное употребление слова *отходчивый* предполагает важное ограничение, которое мы склонны также считать ситуативным: это прилагательное недопустимо в случае, если жертве раздражения, гнева нанесен существенный вред.

4. Шутки, подобные приведенным выше,— это результат случайного обнаружения несовершенства того или иного элемента языка (за которым может возникнуть его изменение). Несовершенство может быть следствием того, что языковая единица с самого начала не предусматривала всех ситуаций, для описания которых она предназначена.

Наивный концептуальный «раскрой» действительности вряд ли предусматривает создание одновременно целого гнезда единиц, образующих четкую, национально обусловленную систему. Эти единицы появляются постепенно и стихийно, по мере потребности в описании конкретных ситуаций и лишь постепенно складываются в систему, которая к тому же никогда не является законченной и подвергается бесконечным изменениям по мере осознания своеобразия некоторых уже существующих или же вновь возникающих ситуаций, нуждающихся в описании. Ситуативное пространство бесконечно расширяется с развитием и усложнением материальной и культурной жизни. Появляются всё новые типы ситуаций, не учтенные в концептуальном пространстве, развитие и расширение которого не поспевает за развитием и расширением пространства ситуативного. К тому же сам «раскрой» концептуального пространства далеко не совершенен: некоторые зоны имеют несколько «хозяев», несколько возможных способов обозначения, другие же остаются вообще неосвоенными, и говорящие испытывают немалые затруднения при их обозначении. Еще несколько примеров.

(11) *Коммуниста вызывают в партбюро: «Ваша жена жалуется нам, что вы не выполняете супружеских обязанностей! Объясните свое безобразное поведение!»— «Видите ли~ Я—импотента—«Ты прежде всего коммунист!!!»—загремел секретарь партбюро.*

Выражение *Ты прежде всего коммунист!* было в большом ходу в партийной среде. В приведенной шутке выделяется такая ситуация, где оно неприменимо.

(12) *Джентльмены—говорил нам мистер Троттиберн—помяните мое слово, детей надо делать собственноручно~* (И. Бабель, Пробуждение)

— не всякая целенаправленная деятельность допускает характеристику *собственноручно*.

5. *Долго ли умеючи*. В смысл выражения входит представление (общее, видимо, для всех выражений, описывающих целенаправленную деятельность), представление, что целенаправленная деятельность среди прочих параметров (успешность, завершенность и т. п.) включает как желательный параметр 'быстроту осуществления'. Именно представление «чем скорее, тем лучше» заделано в выражении *Долго ли умеючи*. Оно уместно во множестве ситуаций, когда человек хочет похвастаться тем, что не только успешно, но и быстро справился со своим делом—приготовлением обеда, рытьем ямы, решением математической задачи и т. д. и т. п. Говорящие отмечают, однако, ситуации (видимо, достаточно редкие), когда быстрое достижение конечного результата как раз нежелательно, и обыгрывают эти случаи, ср:

(13) Мужчина, вставая с ложа любви, молодцевато говорит: *Долго ли умеючи!*».

Женщина: «*Умеючи—долго!*»

6. Необходимо соблюдать осторожность, ругая людей, связанных с вами,— особенно если это родственные связи. Ругательные формулировки могут обратиться на самого бранящегося. Если ты называешь сына *поросенком*, то кто ты сам? Такие ругательства-бумеранги любил обыгрывать молодой Гоголь (вспомним голову из «Ночи перед Рождеством», который в гневе говорит сыну: *Невареный кисель твоему батьке в горло!*). Ср. также след, анекдот *Хорошенько погуляв, красотка возвращается домой в шесть утра. Отец, проснувшись, спрашивает: —Это ты, чертова дочь?—Да, папочка.*

(14) *Преступник, которого в понедельник ведут на казнь, говорит. «Ничего себе неделяка начинается!»*

МАС указывает, что глагол *начинаться* (*начаться*) имеет значение 'начать совершаться, происходить'. Это определение

игнорирует некоторые важные элементы в значении этого слова и в правилах его употребления. На один из них наткнулся автор приведенной шутки. Комический эффект вызван здесь тем, что подобное высказывание естественно, если говорящий рассчитывает (как это обычно бывает) дожить до конца недели. Интересно, что сказанное касается лишь небольших отрезков времени (день, неделя, месяц, может быть год), но не для больших, чем продолжительность человеческой жизни. Упомянутый преступник вполне мог бы сказать, не нарушая языковых норм: *«Ничего себе столетие (или тысячелетие) начинается!»*, хотя никто не может рассчитывать дожить от начала столетия (или тысячелетия) до его конца.

(15) *Перед прыжком с парашютом инструктор напутствует учеников'.*

— *Чтобы не совместить два прыжка в одном, точно выполняйте мои указания.*

— *А как можно совместить два прыжка?*

— *Очень просто. Первый и последний.*

Автор шутки (15) отмечает случай, когда антонимичные прилагательные *первый* и *последний* референциально тождественны, т. е. им соответствует одно и то же реальное событие.

7. Фраземы типа *Он оторвался от земли, С ним кашу не сварииш* *Не рой яму ближнему* допустимы, казалось бы, по отношению к любому человеку. Каламбуристы заметили, однако, те (исключительно редкие) конкретные ситуации, где первичное, несвязанное значение, которое легло в основу фраземы (и которое «слабо в ней мерцает») вдруг оживает и усиливается настолько, что это препятствует нейтральному употреблению фраземы. Ср.:

(16) *«Не рой другому яму»—принцип не для могильщиков.* Автор (Эмиль Кроткий) выбирает ту (едва ли не единственную) профессию, где известное выражение «Не рой яму ближнему» понимается буквально.

(17) *Иду по улице. Вижу, деньги лежат. Ну, думаю, деньги на дороге не валяются. Взял, разумеется.*

(18) [Стихи начинающего поэта]:

Лети, голубь мира!

Лети, голубь мира!

Ни пуха тебе, ни пера!

(Е. Евтушенко).

Много шуток, обыгрывающих разложение фразем, превращение их в свободные сочетания находим у Эмилия Кроткого:

(19) *Летчику не ставят в вину, что он «оторвался от земли».*

Плохо, если о поваре говорят, что с ним каши не сварить».

8. Ситуативные ограничения касаются употребления не только так наз. «однозначных слов», но и слов служебных, в частности союзов. Ограничимся краткими замечаниями, касающимися двух сочинительных союзов (которые мы уже рассматривали ранее [Санников 1989], правда, в несколько ином аспекте).

1) В общем случае союз *и* (как и союз *или*) не определяет соотношение компонентов сочинительной конструкции, говорящий вообще о нем не задумывается. Рассмотрим след, пример: *В работемного нового и интересного*. Типичная ситуация — значительная часть положений работы интересны и новы одновременно. Тем не менее, употребление союза допустимо и в том случае, когда интересное и новое совпадают (ср. продолжение: *...буквально всё новое интересно, а интересное—ново*), и в том, когда пересечение нового и интересного не так уж велико (ср. продолжение: *...многое из нового интересно', а из интересного — ново*). Однако ситуация, когда «новое» и «интересное» полностью не совпадают, «не предусмотрена». Отсюда шутка: *В работемного нового и интересного. К сожалению, то, что ново,— неинтересно, а что интересно — не ново*.

2) В случае союза *но* доминирующим по смыслу является второй компонент, вводимый союзом *но*. Смысловое различие между фразами *Он лентяй, но умница* и *Он умница, но лентяй*, особенно ощутимо при расширении фразы, ср.: *С заданием он справится — он лентяй, но умница*, но не: **С заданием он справится — он умница, но лентяй, *С заданием он не справится — он лентяй, но умница* (подробнее см. [Санников 1989:151—152]). Язык заставляет выбрать один из противопоставляемых компонентов как доминирующий. Ситуация смыслового равенства компонентов «не предусмотрена», при ее возникновении говорящий испытывает трудности. В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» французский офицер рассказывает Пьеру о полковнике наполеоновской армии:

(20) *Он немец; но славный малый, несмотря на это. Но немец.*

Говорящий, чувствуя, что в его речи получилось доминирование второго компонента {славный/малый} над первым (немец), пытается уравновесить их вторичным напоминанием о национальности полковника (*Но немец*).

Обыгрывание этого смыслового компонента союза *но* находим в юмористической сценке М. Жванецкого:

(21) *Вчера раков давали. Большие, но по пять рублей. Но большие. Но по пять рублей. Но о-очень большие* и т. д.

Герой никак не может решить, какой из двух признаков описываемой ситуации (величина раков или их цена) важнее, и без конца меняет их местами, нанизывая всё новые «но».

9. В ряде случаев ситуация препятствует употреблению даже того или иного типа речевых актов в целом. Так, пожелания (напр., пожелания успеха) уместны, казалось бы, по отношению к любой общественно полезной деятельности. Это, однако, не так. И неуместны они не только, например, по отношению к преступной деятельности, но и по отношению к некоторым видам деятельности общественно полезной, к некоторым разрядам «честных тружеников»:

(22) *Прихожане не очень охотно откликнулись на призыв нового священника давать пожертвования для церкви, но один из них расщедрился и положил на блюдо 10 фунтов. «Да благословит тебя Господь, сын мой,—промолвил священник —и да процветают дела твои!» Тут церковный служаха потянул его за рукав и, наклонившись, тихо прошептал: «Ваше преподобие, это местный гробовщик!»*

10. Запреты могут касаться целых жанров или видов текстов. М. Салтыков-Щедрин тонко подмечает, например, что не всякий вид человеческой деятельности допускает рекламу. Ср. след. объявление:

ПОЛКОВОДЕЦ!!!

«Делает рекогносцировки, берет хитростью и приступом большие и малые укрепления, выигрывает большие и малые сражения, устраивает засады, преследует неприятеля по пятам, но, в случае надобности, и отступает. В особенности может быть полезен во время междоусобий (...) Трезвого поведения. Спросить Полкана Редедю, Забалканский проспект, дом № 4—105, на дворе, в палатке. Комиссионерам не приходите» (М. Салтыков-Щедрин, Современная идиллия, XIII).

11. И, наконец, даже краеугольные камни общения — постулаты общения, о которых мы говорили выше,— ситуативно ограничены. Вряд ли на похоронах даже недоброжелатель покойного, который при жизни выносить его не мог, будет следовать **постулату истинности** Грайса («Говори правду»). При объяснении в любви ограничения еще жестче: здесь, как правильно подмечает Джером К. Джером, недопустимы даже нейтральные, «средние» оценки:

...представьте себе человека, который, объясняясь в любви, принципиально ни на шаг не отступает от правды, не говорит ни одного комплимента, не позволяет себе никакого преувеличения и щепетильно придерживается фактов. Представьте себе, что он восхищенно смотрит в глаза своей возлюбленной и тихо шепчет ей, что она далеко не безобразна, не хуже многих других девушек. (...) Прижимая девушку к своему сердцу, он объясняет ей, что носик у нее хотя и пуговкой, но симпатичный, и что ее глаза,—насколько он может судить,—кажутся ему соответствующими среднему стандарту, установленному для органов зрения.

Может ли подобный поклонник выдержать сравнение с человеком, который скажет той же девушке, что лицо ее подобно только что распустившейся пунцовой розе, что волосы ее сотканы из залетного солнечного луча, плененного ее улыбкой, и что глаза ее—две вечерние звезды? («О суете и тщеславии»).

Глава VIII Прагматика

Это молодая область языкознания, исследующая «отношения знаков к их интерпретаторам» [Моррис 1983: 42], т. е. отношение говорящего и адресата к описываемым объектам и друг к другу. Мы будем использовать достаточно широкое понимание прагматики, включающее как прагматику «высшего уровня» (теория речевых актов, таких как вопрос, утверждение, просьба, приказ и т. п.), так и прагматику «низшего уровня» (изучение прагматических элементов значения языковых единиц, в частности лексем). Оказалось, что языковые шутки «с прагматической подоплекой» вряд ли уступают по частоте даже каламбуру. О некоторых явлениях, рассматриваемых в данной главе, многие лингвисты предшествующего этапа и даже некоторые современные лингвисты могут сказать: «Это не лингвистика». Мы разделяем точку зрения, которую можно, видимо, считать сейчас господствующей: «Всё, что имеет отношение к

существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик 1992:20].

1. Об отношении описываемой ситуации и ситуации общения

1. Языковое высказывание понимается, в первую очередь, как высказывание о действительности, а не высказывание о самом высказывании или составляющих его единицах (так наз. автонимное). На этом основан комический эффект особого рода загадок Вот две из них (обе взяты нами из: [Булыгина — Шмелев 1997]):

(7) *Чего в январе, феврале, марте, апреле, мае, июне, июле, августе не найдешь, зато найдешь в сентябре, октябре, ноябре и декабре, что у Бога есть, а у царя нет, в небе есть, а в земле нет, у бабы две, а у девки ни одной, у Бориса спереди, а у Глеба сзади?*— Буква «б».

(8) *Чем кончаются и ночь, и день?*—«мягким знаком».

2. Вслед за логиками, лингвисты отдали дань проблеме парадоксальных высказываний, известных под названием «парадокс лжеца», типа: *Все утверждения ложны; Не слушай ничьих советов*. На протяжении веков оживленно дискутируется проблема понимания этих высказываний. Однако для лингвистики эта сложная логическая проблема достаточно надуманна: обычной, естественной для говорящих является так наз. «рестриктивная» интерпретация этих (и других) высказываний, при которой ситуация общения не включает в описываемую ситуацию: *Все утверждения ложны* = «все, кроме данного...»; *Не слушай ничьих советов* = «Ничьих, кроме моего...» (детальное и глубокое обсуждение проблемы содержится в [Булыгина — Шмелев 1997:453 и сл.]).

3. В действительности же сложности начинаются дальше, и касаются они отношения самих беседующих к описываемой ситуации (и к ее участникам). Обсуждая некоторую ситуацию, участники диалога могут включать себя в число ее участников, а могут, как боги, быть выше описываемого («не о нас речь»), и тогда это абстрактный, не имеющий к ним отношения разговор. Отсюда множество недоразумений (особенно в понимании достаточно общих высказываний) и множество попыток обыграть неопределенность

объема класса описываемых предметов или лиц (в частности, включение/невключение в этот класс говорящего и /или слушающего). Несколько примеров.

(1) *Муж говорит своей жене. «По чести говоря, я думаю, что во всём нашем городе есть только один человек, которому не наставили рога».—«Кто же это?»—спросила жена. «Но, '—возразил супруг,—ты его знаешь».—«Право—отвечала жена,—сколько ни думаю, не могу догадаться» (Энцикл. весельчака).*

(2) — *Я заметил, что вы не ходите в церковь, и сожалею об этом.*

— *Святой отец, я не хожу в церковь потому, что туда ходит много лицемеров.*

— *О, пусть это вас не смущает: в нашей церкви всегда найдется местечко еще для одного.*

(3) *Генрих IV и Сюлли прогуливались по Монмартрским холмам. Поворотясь спиной, король смотрел между ног на Париж. «Посмотри, Сюлли, сколько домов рогоносцев!» Сюлли принял такое же положение и сказал. «Государь, я увидал Лувр!» (Энцикл. весельчака).*

(4) **И з и н т е р в ю:**

— *Как вообще вы относитесь ключам?*

— *Я не в восторге от нас*

(А. Кнышев, Уколы пера).

(5) — *Много у вас в городке жуликов?*

— *Незнаю-До **вашего приезда** я не видывал ни одного (Журн. «Сатирикон»).*

Обстоятельство времени может быть чисто хронологической *вехой* (и тогда высказывание (5) имеет смысл «до такого-то времени») или же оно' указывает на изменение ситуации, связанное с лицом, упоминаемым в обстоятельственной группе (т. е. включение собеседника в число жуликов).

(6) — *Удивительное дело,—прошипел вдруг Громов, отворачиваясь к стене и показывая всем своим видом, что дальнейшее созерцание Клинкова и Подходцева для него невыносимо—**Как много на свете паразитов***

На это Подходцев возразил:

— Ты не настолько знаменит, чтобы отнимать у нас время своей автобиографией (А. Аверченко, Подходцев и двое других, ч. 1, XV).

В (6) Громов использует общее суждение *Как много на свете паразитов-*, имея в виду конкретных лиц — собеседников. При этом, однако, у него сохраняется возможность «пойти на попятную» (*Я не вас имел в виду!*), а у слушателей — возможность переадресовать оскорбление самому говорящему,— что они и делают.

2. Смешение художественной и обыденной речи

Стирание грани между художественным текстом и реальной жизнью

1. Иногда обыгрыванию подвергается необычное употребление языка, то, которое Остин и Стросон называли паразитическим, пустым, «стертым»—язык актера на сцене, язык поэтических произведений [НЗЛ 1986: 37,130]. Так, в «Мастере и Маргарите» Булгакова обыгрывается неумение невежественного домуправа Никанора Ивановича отличить декламацию от обычной нейтральной речи:

(1) *Без всяких предисловий он [артист Куролесов] скроил мрачное лицо, сдвинул брови и заговорил ненатуральным голосом, косясь на золотой колокольчик: «Как молодой повеса ждет свиданья с какой-нибудь развратницей лукавой-»И Куролесов рассказал о себе много нехорошего. Никанор Иванович слышал, как Куролесов признавался в том, что какая-то несчастная вдова,, воя, стояла перед ним на коленях под дождем, но не тронула черствого сердца артиста.*

Сходную природу имеет рассказ Стивена Ликока «Ответ поэту», где читатель советует поэту, как преодолеть основные его (поэта) затруднения:

(2) *Вы часто спрашиваете, где ваши друзья юных лет, и настаиваете, чтобы вам их вернули. Насколько мне известно, те из них, которые сейчас не в тюрьме, по-прежнему живут в вашей родной деревне (...) вы имеете возможность к ним присоединиться и быть с ними в час их веселья. (...)*

Как-то раз вы выразили недоумение по следующему поводу:

*Путь держит за море любовь моя.
Как же случилось это?*

Полагаю, что всё было очень просто: она купила билет и ехала в отдельной каюте. Вряд ли она путешествовала третьим классом или на палубных местах. И т. д.

Обыгрывание смешения художественной и обыденной речи встречается у М. Булгакова и в авторской речи, ср.:

(3) [Секретарь Комиссии зрелищ, загипнотизированный Коровьевым, поет «Славное море священный Байкал»] *...секретарь и сам бы отдал что угодно, чтобы перестать петь, да перестать-то он не мог и вместе с хором донес до слуха прохожих в переулке **весть о том, что в дебрях его не тронул прожорливый зверь и пуля стрелков не догнала!*** («Мастер и Маргарита», 17).

Еще примеры шуточного установления связи между содержанием художественного произведения и реальным миром:

(4) *Некий композитор посвятил П. С. Федорову куплеты:*

*Что ты ходишь за мной,
Так уныло глядишь?
Ненавижу твой взор,
Ненавижу тебя!*

Федоров сказал. «Я вам очень благодарен за музыку, а уж стихи-то вы могли бы посвятить кому-нибудь другому» («Исторические люди...»).

(5) (Директор театра—автору пьесы] *«Почему бы вам не сделать положительную девушку метростроевкой?»—«К сожалению, нельзя. Она у меня уже вузовка».—«Простите за нескромный вопрос, какого вуза?»—«Медичка. На доктора учиться» (В. Катаев, Парадокс).*

(6) Актер. *Слушайте, режиссер! Во втором акте мне нужно по пьесе пить вино. Так поставьте не чаю, а настоящего вина!*

Режиссер. *Можно. А в четвертом—вы должны отравиться. Так уж я и яду вам настоящего дам (Журн. «Сатирикон», 1909).*

(7) [Покупатель заказал Уистлеру пейзаж с церковью] *Покупатель заметил, что безлюдный пейзаж его угнетает. «Хотя бы пару человеческих фигур»,— обратился он к мастеру. «Люди находятся на богослужении»,—попытался уклониться Уистлер. «Хорошо. В таком случае я приобрету это полотно лишь после того, как они выйдут из церкви» (Музей остроумия).*

О месте автора и читателю в художественном тексте

Сложные вопросы о месте, которое автор отводит в художественном произведении самому себе и читателю, об отношениях между автором и читателем в художественной речи выходят за рамки нашего исследования. Удовлетворимся лишь несколькими беглыми замечаниями, основанными на изучении данных языковой игры.

1. Иногда автор для создания комического эффекта оставляет привычную позицию всеведущего и играет роль наблюдателя-невидимки:

(1) *Он [чичиковский ящик для денег] всегда так поспешно выдвигался и задвигался в ту же минуту хозяином, что наверно нельзя сказать, сколько было там денег* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, III).

(2) [Разговор автора с читателем]: *«А где воротник?»—спросите вы. «А я-то почему знаю,—отвечу я — Он отдан был прачке, с нее и спрашивайте»* (Тэффи, Жизнь и воротник).

(3) *Потом уж очевидцы, присутствующие при начале пожара в Торгсине на Смоленском, рассказывали, что будто бы оба хулигана взлетели вверх под потолок и там будто бы лопнули оба, как воздушные детские шары. Это, конечно, сомнительно, чтобы дело было именно так, но чего не знаем, того не знаем* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 28).

(4) *Воробушек же тем временем сел на подаренную чернильницу, нагадил в нее (я не шучу), затем взлетел вверх, повис в воздухе-* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 18).

Отметим, что в устном рассказе о подлинных событиях реплика *Я не шучу* вполне нейтральна.

2. В отличие от обычного речевого общения, где говорящий и слушающий активно взаимодействуют, в художественной литературе обращения автора непосредственно к читателю не часты и, как правило, серьезны, ср.:

(3) *Кстати, читатель, заметили ли вы, что человек, необыкновенно рассеянный в кружке подчиненных, никогда не бывает рассеян с лицами высшими? Отчего бы это? Впрочем, подобные вопросы ни к чему не ведут~* (И. Тургенев, Рудин).

Подтрунивание над читателем— явление достаточно редкое, требует полной раскованности мысли и технической изощренности. Поэтому, как правило, это позволяли себе лишь такие мастера, как Пушкин, ср.:

*Она казалась верный снимок *Di somme й faut*~ {Шишков, прости-
Не знаю, как перевести).*

(А Пушкин, Евгений Онегин, 6, XLIV).

Мечты, мечты! где ваша сладость?

Где, вечная к ней рифма, младость?

Ужель и вправду наконец,

Увял, увял ее венец?

(А. Пушкин, Евгений Онегин, 6, XLIV).

Однако даже у Пушкина этот прием удивлял, а то и возмущал читателей и охотно использовался пародистами. Вот еще строки из «Евгения Онегина» (гл. 4, XLII):

И вот уже трещат морозы И серебрятся средь полей..

(Читатель ждет уж рифмы розы;

На, вот возьми ее скорей!)

Пушкин подшучивает над читателями (и, разумеется, над поэтами, довольствующимися избитыми рифмами). Но при этом Пушкин использует смелый прием, делающий его самого легкой добычей пародиста:

Обилие стихов и прозы Завбибов делает бодрей.

(Читатель рифмы ждет: колхозы!

На, вот возьми ее скорей!)

(А. Архангельский; завбиб— заведующий библиотекой).

Впрочем, Архангельский пародирует здесь не столько Пушкина, сколько советских поэтов, с языка которых не сходило слово *колхозы*.

3. Еще несколько примеров игры с читателем — из произведений других авторов:

(6) *Я дал Соне сто рублей и вексель на столько же, взвалил на плечи чемодан и пошел на вокзал.*

Нет ли, господа, у кого-нибудь займы ста рублей?

(А Чехов, Из воспоминаний идеалиста).

(7) *Ну, а в комнате белой как прялка стоит тишина.*

Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.

Помнишь, в греческом доме, любимая всеми жена—

Не Елена—другая—как долго она вышивала?

(О. Мандельштам, Золотистого меда струя...)

В (7) — необычный, «отрицательный» способ задания имени. Мандельштам делает вид, что он забыл имя Пенелопы. В обыденной речи подобные обороты нередки (ср.: *Приходил товарищ Пети — не Антон — другой, тот, который с длинной шеей*).

24*

4. Еще одно отличие спонтанной разговорной речи от языка художественной литературы (нарратива) — возможность автокоррекции, поправок (*Я видела его вчера —нет, позавчера*) (см. [Падучева 1996а: 309]). Обыгрывание этого приема, автокоррекция в художественной (авторской) речи производит сильный эффект (который иногда можно назвать чисто комическим — (8), а иногда это способ добиться правдоподобия описываемого — (9):

(8) [О картине «Сапожник» Кочетова]:

Сюжет по дарованью и по силам Умея для картины выбирать,

Художник хорошо владеет~ гуилом—

ТЬфу!— кистью —я хотел сказать (Д. Минаев).

(9) [Федор Константинович наблюдает за прохожими на улице]:

*Немедленно затем пересек улицу Александр Яковлевич,—нет, ошибка,
—даже не очень похожий на него господин (В. Набоков, Дар, III).*

5. Иногда обыгрывается стирание грани между художественным текстом и способом его создания, как это делается в пародии А. Иванова на Давида Самойлова «Ужин в колхозе», где пародист и пародируемый как бы меняются местами: рассказ ведется от лица пародируемого автора — Самойлова:

«Ну, наконец-то!— думал я — Чичас!

Закусим, выпьем, эх, святое дело!»

(В графинчике проклятая белела!),

Лафитник выпить требовал тотчас!

Я сел к столу.. Смотрела Цыганова,

Как подцепил я вилкой огурец.

И вот когда, казалось, всё готово,

Тут Иванов (что ждать от Иванова?!)

Пародией огрел меня, подлец.L

Предметом обыгрывания может стать сам состав участников разговора или используемый канал связи.

Говорящий

1. Комическое впечатление производит в ряде случаев речь, приписываемая умершим животным, растениям и особенно неживым предметам:

(1) [Алкивиад] *бегал как сумасшедший, развивая невероятную скорость и сокрушая все на своем пути. Бесхвостая собака еле поспевала за ним и на пятнадцатом перегоне сдохла (у! 12 г. до Р. Х.). Над ней стоит памятник, на котором Спартанцы начертали лаконически: <Странник, я сдохла> (Тэффи, Древняя история).*

(16) Эпитафия. *Прохожий! Я дома, ты—в гостях!*

(2) Рисунок: лев показывает носорогу на легковую машину с туристами:—*Открой-ка мне эту жестянку с мясными консервами!*

(3) [В «Книге о пародии» В. Новикова упоминается эпизод из жизни поэта Ивана Мятлева, который, желая обезопасить себя от пропажи шляпы, вложил внутрь шляпы стихи, написанные от ее имени]:

*Я Мятлева Ивана,
А не твоя, болвана.
Свою ты прежде поищи!
Твои, я чай, пожсиже щи.*

(4) *...ему [Николаю Аполлоновичу] принес посыльный записочку; неизвестный по-черк ему назначал свидание в Летнем саду. А подписано было «С» (А. Белый, Петербург, 4).*

В целом, подобные случаи все-таки достаточно редки. Даже существительные, обозначающие средства и каналы связи, в роли говорящих необычны. Ср.:

(5) *Позвонила взволнованная дама, стала требовать Римского, ей посоветовали позвонить к жене его, на что трубка, зарыдав, ответила, что она и есть жена и что Римского нигде нет (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 17).*

Телефон (и телефонная трубка) могут молчать, звонить, хрюкать, шипеть, но не рыдать и не говорить.

2. Для придания большего веса своим словам говорящий называет свое имя или напоминает о своем положении (хотя и то и другое слушающему прекрасно известно). Ср. диалог Пилата с первосвященником Каифой:

(6) *Так знай же, что не будет тебе, первосвященник, отныне покоя! Ни тебе, ни народу твоему,—и Пилат указал вдаль направо, туда, где в высоте пылал храм—это я тебе говорю—Пилат Понтийский, всадник Золотое Копье!* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 2).

При этом статус говорящего (его социальное положение, авторитет и т. п.) должен быть достаточно высок. В противном случае его высказывание произведет комический эффект.

(7) [Паниковский успокаивает Бендера]: *«Честное, благородное слово (...) Мы с Шурой» не беспокойтесь! Вы имеете дело с Паниковским».*— *«Это меня и печалит»*,— *сказал Бендер*» (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XII).

3. Обычно в каждый момент речевого общения бывает один говорящий, тогда как количество слушающих не ограничивается. Есть, однако, минимум один случай (мы о нем уже упоминали в гл. Семантика), когда это соотношение меняется на обратное,— общение с богом, который может слушать одновременно многих. Ср. комический эпизод, вызванный непониманием этого:

(8) *Нянька поставила детей на молитву. И что ж вы думаете? Братишка молится, а она, Любочка, значит, стоит и ждет чего-то: <А ты, говорю, что ж не молишься, чего ждешь?>—<<А как же, говорит, я буду молиться, когда Боря уже молится? Ведь Бог сейчас его слушает~ Не могу же я тоже лезть, когда Бог сейчас Борей занят!>* (А. Аверченко, Дети).

4. В заключение — несколько примеров, где обыгрывается эгоцентризм языка, противопоставление *я — другие*. «Каноническая ситуация высказывания эгоцентрична в том смысле, что говорящий приписывает себе роль “ego” и соотносит всё остальное с собой, своим “ego”» (Дж Лайонз, по: [Иоанесян 1989]).

(9) [Винни-Пух]: *«Надо привязать веревку к Пятачку (...) мы потянем изо всех сил за этот конец, а Пятачок потихоньку подыметя вверх на том конце, и дело в шляпе (...)*—*Если, конечно, веревка не оборвется.—«А если она оборвется?»—спросил Пятачок с*

неподдельным интересом (А. Милн, Винни-Пух и все-все-все, в пересказе Б. Заходера).

С неподдельным интересом, с любопытством спрашивают о ком-то постороннем, интерес к своим делам — всегда неподдельный.

Еще примеры:

(10) *Свирепый английский судья Джеффрис однажды, подняв трость, указывал на человека, который сидел перед ним на скамье подсудимых. «У конца моей трости сидит бестия и каналья,, каких свет не видел».— «У которого же конца, милорд?»—спросил подсудимый (Всемирн. остроумие).*

Хотя у трости, действительно, два конца, однако в силу эгоцентризма языка в нейтральном употреблении имеется в виду конец, дальний от говорящего.

(11) *На экзамене студент обращается к профессору: «Товарищ профессор!»—«Гусь свинье не товарищ»—прерывает профессор —«Ничего, гусь птица не гордая, он еще раз придет сдавать».*

В нейтральном употреблении «гусь» — это говорящий, т. е. приводящий поговорку профессор.

Слушающий

Довольно строгие требования предъявляются также к адресату (слушающему).

Мы довольно часто обращаемся к животным, но эти обращения (если они достаточно развернуты) зачастую производят комический эффект. Ср., например, обращение Селифана к чубарому коню:

(1) *...он опять обратил речь к чубарому:—Ты думаешь, что скроешь свое поведение. Нет, ты живи по правде, когда хочешь, чтобы тебе оказывали почтение (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, III).*

Необычным выглядит обращение к кому-то отсутствующему. Ср.:

(2) [Разговор мужа и жены об исчезновении Марка Ивановича Кляузова]:

— *Зачем следователь приезжал?*—спросил муж.

— *Приезжал сказать, что Кляузова нашли. Вообрази, нашли его у чужой жены!*

— Эх, Марк Иванович, Марк Иванович!— вздохнул становой, поднимая вверх глаза.— Говорил я тебе, что распутство не доводит до добра! Говорил я тебе,—не слушался! (А. Чехов, Шведская спичка).

(3) — Омой друг Азazelло!—простонал кот, истекая кровью,—где ты?—Кот завел угасающие глаза по направлению к двери в столовую,—ты не пришел ко мне на помощь в момент неравного боя. Ты покинул бедного Бегемота, променяв его на стакан—правда, очень хорошего—коньяку! (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 27).

В обоих случаях имеются слушатели, однако высказывания предназначены, главным образом, не им — это, скорее, удовлетворение настоящей внутренней потребности в диалоге с кем-то отсутствующим. (Во втором примере к этому добавляется актерское притворство.)

Сложности определения истинного адресата сообщения обыгрываются, например, в след, шутках:

(3) В кинотеатре во время сеанса громкий женский шепот: «Немедленно уберите руку! Да не вы—вы!»

(4) О, раздевайся! (Это я не вам!) (А. Кнышев).

(5) Отец читает сказку маленькому сынишке. Через некоторое время воцаряется молчание. Мать осторожно открывает дверь и спрашивает шепотом: «Ну как, заснул?»—«Да»—вздыхает малыш.

Совмещение в одном лице говорящего и адресата:

(6) У сумасшедшего спрашивают. «Кому письмо пишешь?»—«Себе»—«А о чем?»— «Получу — узнаю».

Аномально в (6) не столько совмещение в одном лице говорящего и адресата (в принципе оно возможно, напр., в жанре дневника, который пишется для себя), аномально незнание пишущим содержания своего письма.

Канал связи

1. **Каналы связи** различаются по их престижности, и это оказывает влияние на оценку самой передаваемой через их посредство информации. В рассказе А. Аверченко «Золотой век» ничем не примечательный провинциал Кандыбин становится знаменитым благодаря тому, что в столичных газетах, в отделе «Новости искусств»

его приятель, репортер Стремглавов, помещает краткие сообщения типа: *Здоровье Кандыбина поправляется, Кандыбин уехал в Крым* и т. п.

Жанр рекламы предполагает указание на достоинства рекламируемого. Это позволяет не только скрывать недостатки (например, отсутствие музыки на ужине в рождественскую или новогоднюю ночь), но и выдавать их за достоинства:

(1) *Недавно, смотрю, какой-то паршивый ресторанчик огромный плакат вывесил: «Единственный парижский ресторан, в котором во время ревелюна не будет музыки»* (Тэффи, На новый, 1927 год).

2. Использование в качестве канала связи переводчика имеет ряд особенностей. Чаще всего в шутках обыгрывается неточность перевода (вольная или невольная), ср.:

(2) *Один немец, член нашей Академии наук, переводя что-то с русского на немецкий, фразу «он женился на Красной горке» перевел таким образом: «Er heiratete die m-lle Krasnaja Gorka»* (А. Чехов, Красная горка).

(3) *Понятие о загробной жизни было у греков весьма смутное. Тени грешников отсылались в мрачный Тартар (по-русски—в тартарары)* (Тэффи, Древняя история). Перевод неточен: русское тартарары отрицательно окрашено и означает не подземное царство мертвых, а преисподнюю, ад.

(4) *В Риме итальянка, разгневанная равнодушием проходящего по улице советского туриста, кричит. «Кастрато! Импотенто!»* Переводчик переводит. «Уходи, я тебя больше не люблю!»

(5) *Русские мафиози за границей хватают местного жителя, знающего, где зарыто сокровище. Через местного переводчика они говорят ему: «Говори, где зарыт клад, шш тебя расстреляем!»* Он отвечает: «Бон от того дерева двадцать метров на юг, л потом десять метров на восток». Переводчик переводит бандитам: «Он говорит, что ни за что не скажет. Лучшие, говорит, расстреляйте вон под тем деревом».

(6) *Ял съезде советских писателей поднимается казахский акын и что-то говорит. Как из-под земли возникает бойкий молодой человек, переводит: «Акын благодарит родную коммунистическую партию за счастливую жизнь». Акын продолжает речь, переводчик тотчас*

переводит: «Акын передает привет писателям СССР от писателей Казахстана». С видимым волнением акын говорит что-то еще. Переводчик переводит: «Акын счастлив побывать в столице нашей Родины Москве». И тут сзади слышится голос: «Акын третий раз спрашивает, где у вас туалет!»

О социальных ограничениях в семантике и прагматике языковых единиц

Соотношение социальных ролей участников ситуации

Н. Д. Арутюнова [1980: 245] отметила, что существуют два типа значений имен: симметричный (*собутыльник*) и несимметричный (*врач—пациент*). Л. П. Крысин убедительно показал, что более существенным является здесь не чисто лингвистический, а социальный фактор — соотношение социальных ролей участников ситуации: отец, например, не может *дерзить* или *грубить* сыну, а сын *благоволить* к отцу (см. [Крысин 1989: 133 и сл.; 145—164]). Вот сценка, комизм которой вызван нарушением этого правила:

[Разговор 5-летнего Арсения Л. с отцом]:

— *А ну, вставай немедленно!*

— *Что-то ты меня сегодня мало радуешь, папа. Грубый очень.*

Приведем еще несколько примеров, где обыгрывается соотношение социальных ролей участников ситуации:

(1) *Начальни к. Яс вами, любезнейший, больше служить не могу!- Подчиненный. Но что же, ваше-ство, мы будем делать без вас?!-*

В нейтральном употреблении первая реплика (*Я с вами больше служить не могу*) имеет в устах начальника и подчиненного разный смысл: в устах начальника — «Я вас уволю»; в устах подчиненного — «Я от вас уволюсь».

(2) *Надпись в тюрьме. Милиционер и уголовник, будьте взаимно вежливы (3. Паперный, Не хлебом единым).*

(3) *В суде мужчина обосновывает свое желание развестись с женой тем, что она «не устраивает его как женщина». Возмущенный выкрик с места: «Ишь какой! Всех устраивает, а его, видите ли, не устраивает!»*

Комический эффект примеров (2)—(3) вызван тем, что в (2) незаконно уравниваются социальные роли милиционера и уголовника, а в (3) — мужа женщины и всех остальных мужчин города.

(4) — *Вот, Лева, когда я был такой, как ты, семилетний мальчик, у лгекя не было ни отца, ни матери. Я рос у чужих и часто не было чего есть,,*

— *Дя, но зято с тах пор, теш; ты у нас живешь, тебе, папа, ведь хорошо: тебя кормят три раза в день~*

— снова несимметричность социальных ролей: малолетнего сына кормят, его родителей — нет.

Обыгрывание соотношения социальных ролей участников ситуации наблюдается (хотя и не очень часто) и в других случаях, при изучении разных языковых уровней. Так, в главе Лексика мы отмечали, что *отходчивым* может быть отец, профессор, врач, но не сын, студент, пациент, в главе Прагматика отмечается, что «Пушкин-вопрос» (Л в магазин за тебя Пушкин ходит?) вряд ли допустим в ситуации ‘снизу вверх’, например при обращении сына к отцу.

Говорящий и слушающий должны учитывать различия в их положении (социальном, национальном и т. п.), «переводить ситуацию» на свой язык и в свою обстановку — и реагировать соответствующим образом:

(5) *Спросили нашего и японского рабочего, сколько часов в день они работают. Японец ответил.*

— *Шесть: два часа я работаю на Японию, два часа на хозяина и два на себя.*

Наш рабочий сказал:

— *Ая работаю только два часа на себя, потому что хозяев у нас нет, а на хрена мне еще работать на Японию (Анекдоты от Никулина).*

Особенности женской речи

Интересные наблюдения над особенностями мужской и женской речи содержатся в статье [Земская — Китайгородская — Розанова 1993]. Наше описание крайне фрагментарно: в соответствии с принятым в данной работе подходом, мы остановимся лишь на тех особенностях, которые часто подвергаются обыгрыванию.

1. Женщинам приписывают, прежде всего, многословность. В статье «Лингвисты тоже шутят» [В. Г. 1994] приводится след, заметка

из газетной рубрики происшествий:

Штутгарт. Житель этого города Н. подал в суд иск, требуя развода на том основании, что жена не дает ему возможности говорить. В качестве вещественного доказательства суду была предъявлена магнитофонная пленка с записью беседы супругов, которая длилась четыре часа. В течение всего этого времени беспрерывно говорила одна жена; мужу удалось вставить только десять слов. Суд удовлетворил иск о разводе.

Русских женщин также никто не упрекает в излишней молчаливости. Рассказывают, что киноактер Борис Андреев попросил знакомого букиниста: «Дай мне такой детектив, чтобы жена три дня молчала» («Неделя», № 14, 1998). Ср. также след, шутку:

(1) — Папа, какая разница между винтовкой и автоматом?
— Очень большая! Вспомни, как говорю я и как твоя мама.

2. Нередко обыгрывают также большую эмоциональность женской р-чии склонность к преувеличениям:

(2) [Разговор мужа с женой]: <<Ты не права!>>—«По-твоему, я говорю неправду! Значит, я вру! Брешу, так сказать? Я что, собака? Мама! Он меня сукой обозвал!»

Л. П. Крысин отмечает в русской речи конца XX столетия уменьшение влияния половых различий между говорящими на использование грубых слов и выражений: «эти слова, включая матерные (...), употребляются и мужчинами, и женщинами» [Крысин 1996б: 385]. Однако и сейчас (и, тем более, в предшествующие периоды) различия между мужчинами и женщинами в этом отношении все-таки сохраняются: женщины гораздо реже, чем мужчины, употребляют грубые слова и выражения.

Женской речи не свойственна также так наз. «инвертированная оценка» типа пушкинского восклицания после завершения работы над «Борисом Годуновым»: *Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын* (А Пушкин — П. А Вяземскому, окт. 1825) (об этом виде оценок см. в след, разделе главы). В исследовании [Земская — Китайгородская-Розанова 1993:132], справедливо отмечается, что использование для выражения положительной оценки (похвалы, восхищения) отрицательно-оценочной, бранной лексики более свойственно мужской речи.

3. Женщины чаще прибегают к эвфемистическим высказываниям. В языковой игре нередко обыгрывается неоправданное и неумеренное

использование эвфемизмов в женской речи. Примеры эвфемизмов будут приведены в гл. 9. Ограничимся здесь двумя:

(3) ...дамы города *N* отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась, я вспотела, я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет»; и даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведет себя», или что-нибудь вроде этого (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, VIII).

(4) Некая девица покаялась на исповеди: «Святой отец, я очень уважала одного молодого человека». — «Уважала? Сколько раз?» — спросил исповедник (С. Шамфор).

4. Женщинам приписывается склонность к уклончивости и неопределенности (эта черта роднит их с дипломатами), ср. известную шутку:

(5) Если дипломат говорит «да», это значит «может быть», если он говорит «может быть», это значит «нет», а если он говорит «нет», то какой же он дипломат? Если женщина говорит «нет», это значит «может быть», если она говорит «может быть», это значит «да», а если она говорит «да», то что же она за женщина?

5. Самое серьезное обвинение в адрес женщин, часто встречающееся в шутках, — отсутствие в их речи логики, ср.:

(6) — Но знаете ли, какая разница между ошибкою нашего брата [мужчины] и ошибкою женщины? Не знаете? Вот такая: мужчина может, например, сказать, что дважды два — не четыре, а пять или три с половиною', а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка (И. Тургенев, Рудин, II).

(7) Жен а. Если тебе ночью захочется воды, то вон на столе стакан молока.

Муж. *Фт. LA* если тебе ночью захочется вина, то вон под столом жестянка с керосином (В. Вересаев, Невыдуманные рассказы о прошлом).

Рассмотрение этого интересного и сложного явления в данной главе спорно. Квалифицируя оценку как явление прагматическое, мы руководствовались тем обстоятельством, что оценка — это оценка говорящего, отношение говорящего к изображаемому.

Ю. Д. Апресян отмечает, что лексикографически «наиболее интересны следующие три типа оценок: общая оценка, оценка по параметру количества, оценка по параметру желательности/нежелательности» [Апресян 1995: т. II, 136]. Обыгрыванию чаще всего подвергаются оценки третьего типа, оценки по параметру желательности/нежелательности.

1. Оценка — это, повторяем, оценка говорящего. Отступления от этого принципа редки и производят комический эффект, как, например, в отрывке из былины об Илье Муромце, приводимом Б. А. Успенским [1995:26]:

*Говорил **собака** Калин царь да таковы слова:*

— Ай же старья казак да Илья Муромец! (...)

— Не служи-тко ты князю Владимиру.

*— Да служи-тко ты **собаке царю Калину**,*

Аномальность последней строки этого текста Е. В. Падучева объясняет тем, что «пейоративная номинация Калина-царя попадает в прямую речь самого Калина-царя, и он оказывается автором номинации» [Падучева 1996а: 262].

Сходную природу имеют и другие аномальные случаи, когда говорящий всё (в том числе и себя самого) оценивает с точки зрения собеседника:

(1) Лобасто в. *Я жаловаться не буду, а собственными своими руками рыло твое в один момент в решето превращу» я, брат, не побрезгаю!*

Прокофий Иваны ч. *Допустим ли мы себя до того, чтоб ваше превосходительство **ручки свои беспокоили!*** (Кланяется).

Прокофий Иваныч указывает на недопустимость того, чтобы Лобастов «ручки свои беспокоили», игнорируя то обстоятельство, что и его, Прокофия Иваныча, «рыло» было бы при этом несколько «обеспокоено».

2. Анна Вежбицка отмечает, вслед за другими исследователями, что русские эмоциональны и склонны к крайностям при выражении морального восторга и особенно морального осуждения (см.

[Вежбицкая 1996: 79—86]). Русские и сами это осознают. Л. А. Капанадзе, исследуя русскую разговорную речь, приводит следующие (не все!) ответы, касающиеся оценки книги говорящими: *Блеск! Сверх! Отличная, прекрасная вещь! здорово, настоящая, не оторваться, что надо; среднее, так себе, не очень, ничего, читать можно, во!, заезжено, нуда, заумь, серятина, мешанина, никуда, нудно, нудятина, совершенно невозможно, дрянь, глупая, подлая, ерунда, ерундятина, балда, такая гнусь* [PPP 1983*. 161].

Анна Вежбицка приводит данные Частотного словаря русского языка [Засори-на 1977], согласно которым в русском языке имеется по крайней мере три широко употребительных нетабуированных имени для выражения категорического морального осуждения (*подлец, мерзавец, негодяй*) с суммарной частотой 75 на миллион словоупотреблений (в английском — одно слово *scoundrel* с суммарной частотой 2 на миллион словоупотреблений) [Вежбицкая 1996: 80—81]. Еще одна интересная особенность русского языка: слова, выражающие обычно моральное осуждение, чаще, чем в других языках, используются для выражения морального восторга. В разговорной речи мне не раз приходилось быть свидетелем дружеских объяснений в любви типа: «Колька, скотина, люблю я тебя, черт!» Такое экзотичное употребление бранных слов нередко и в художественной речи. Говорящие обыгрывают тот факт, что в языке нет оценок абсолютно положительных или абсолютно отрицательных: универсально отрицательная оценка, передаваемая конкретными оценочными лексемами, может в определенных контекстных условиях смениться на противоположную, положительную. Приведем несколько примеров подобной «инвертированной оценки»:

(2) *Перовский показывал мне Взятие Рима Гензериком (которое стоит Последнего дня Помпеи), приговаривая: заметь, как прекрасно **подлец этот** нарисовал этого всадника, **мошенник такой**. Как он умел, **эта свинья**, выразить свою **каналъскую**, гениальную мысль, **мерзавец он, бестия**. Как нарисовал он эту группу, **пьяница он,мошенник**. Умора (А. Пушкин—Н. Н. Пушкиной, 11 мая 1836).*

(3) *Забористее всего пахнет молодой лук, когда, знаете ли, начинает поджариваться и, понимаете ли, шипит, **подлец**, на весь дом (А. Чехов, Сирена).*

(4) -*У такая, прямо сказать, к нему [встречному мальчику] нежность наступила, такое чувство—дышать нечем.*

— *Мальчишечка,—говорю,—сукин ты сын! Не чувствуешь, говорю, подлец, небось полного своего счастья? (М. Зощенко, Счастливое детство).*

(5) — *А помните Яр московский? (...) Храм! Шесть холуев несут осетра на серебряном блюде. Водочка в графинчике, и сам графинчик инеем зарос, подлец (А. Толстой, Похождения Невзорова, или Ибикус, III).*

(6) «*Ну, наконец-то!— думал я.— Чичас! Закусим, выпьем, эх, святое дело!» (В графинчике проклятая белела!), Лафитник выпить требовал тотчас! (А. Иванов, пар. на Д. Самойлова).*

3. Интересны случаи, когда отрицательная по форме оценка парадоксальным образом превращается в положительную при введении уточнений, ср. \ *Демократия — наихудшая форма правления, если не считать всех остальных («Правда», 15 фев. 1990).* Нейтральным было бы высказывание: *Демократия — плохая форма правления, но все остальные еще хуже.*

Напротив, положительно-оценочная лексика может использоваться для выражения отрицательной оценки:

(7) *С у д ь я:—Это преступление было совершено настоящим мастером своего дела, и проведено оно было очень умно и тонко.*

Покрасневший от смущения подсудимый:—Не надо, господин судья, вы мне льстите.

(8) *Людвик XIV пригласил Буало и показал ему стихи собственного сочинения, спросив при этом его мнение. «Ваше величество,—отвечал Буало,—для вас нет ничего невозможного', вы хотели написать плохие стихи, и вам это полностью удалось» (Музей остроумия).*

(9) — *Скажите, егерь, я убил зайца?*

— *Никак нет-с, ваше превосходительство изволили его помиловать (Журн. «Сатирикон», 1909).*

4. Одна и та же оценка может выражаться словами-антонимами и антонимическими выражениями или же конверсными выражениями, где участники ситуации меняются местами:

*аппетит ужасный = аппетит прекрасный;
ужасная красавица - замечательная красавица,;
Я тебе попою! (угроза)= Ты мне попоешь.*

5. Многие шутки подчеркивают субъективность оценок: одно и то же явление может получать противоположные оценки — в зависимости от темперамента воспринимающего субъекта (ср. многочисленные шутки о различии между оптимистом и пессимистом), от роли субъекта оценки в описываемой ситуации и от особенностей самой этой ситуации. Ср.:

(10) Врач, осмотрев хорошенькую пациентку, говорит.

— Мадам Дюбуа, хочу сообщить вам приятную новость.

— Простите, доктор, но я мадемуазель Дюбуа!

— 0/5 таком случае, мадемуазель Дюбуа, я хочу сообщить вам плохую новость: вы беременны.

(11) Речные дома в те дни еще не достигали размера пароходов, плавающих по Миссисипи, а были совсем маленькими (...) Хозяин арендованного нами домика называл его «компактным». Тот, кому мы в конце первого месяца пытались переуступить его, охарактеризовал его как «курятник» (Джером К. Джером, Как мы писали роман, в пер. Е. Полонской и В. Давиденковой).

(12) [Женщина рассказывает подруге о своих детях]—Сын женился, да так неудачно! Жена такая лентяйка! Утром он встанет, кофе ей в постель несет. А она развалится, как корова! А вот дочери повезло. Муж такой хороший, такой заботливый. Утром кофе ей в постель несет. А она лежит, как куколка!

В (12) и некоторых других шутках обыгрывание субъективности заключается в доведении ее до абсурда, когда двум тождественным событиям (а то и одному событию) даются противоположные оценки. Интересна в этом отношении след, старинная восточная притча:

(13) Однажды восточный властитель увидел страшный сон, будто у него один за другим выпали все зубы. В волнении он призвал толкователя снов. Тот выслушал властителя и сказал с тревогой: «Владыка, я должен сообщить тебе печальную весть. Ты потеряешь, подобно зубам во сне, одного за другим всех своих близких». Разгневанный повелитель приказал бросить в тюрьму злополучного толкователя снов и позвать другого. Тот выслушал сон и сказал: «Я счастлив сообщить тебе радостную весть ты переживешь всех»

своих родных». Властелин обрадовался и щедро наградил толкователя. Недоумевающим придворным толкователь объяснил. «Мы оба одинаково истолковали сон. Но важно не только то, что сказать, но и то, как сказать».

в. Говорящие справедливо указывают на связь оценки с профессией и социальным статусом, ср.:

(14) [Разговор о только что вышедшей книге]—*Нет, Патрик, ты не можешь по-настоящему оценить ее. Ведь ты лично не написал ни одной книги.—«Ну и что!— парировал Патрик.—Я яиц тоже не несу, но могу лучше судить о качестве омлета, чем любая курица!»*

В отличие от научной работы, произведение искусства предполагает две оценки, причем профессиональная, писательская оценка не может считаться более правильной, чем оценка читателя.

7. Ранее мы (точнее, говорящие) отмечали, что одно и то же событие может получать противоположные оценочные характеристики. Иногда, наоборот, одна оценочная характеристика может, в зависимости от контекста, получать разный

СМЫСЛ:

(15) Триолет Лизете

«Лизета чудо в белом свете,—

Вздыхнув, я сам себе сказал,—

Красой подобных нет Лизете)

Лизета чудо в белом свете)

Умом зрела в весеннем цвете».

Когда же злость ее узнал—«Лизета чудо в белом свете!»—

Вздыхнув, я сам себе сказал (Н. Карамзин).

(16) *Угощая Цицерона за ужином, хозяин настойчиво обращал его внимание на качество вина, уверяя, что ему сорок лет. «Скажите, пожалуйста!—заметил Цицерон,— а оно выглядит таким молодым для своих лет!» (Всемирн. остроумие).*

В разных значениях слово может иметь прямо противоположную оценку: когда моложе своих лет выглядит взрослый человек — это хорошо, когда ребенок — сомнительно, когда вино — плохо.

8. Временные недостатки лучше постоянных:

(17) *Член английского парламента Бэсси Брэддок крикнула Уинстону Черчиллю'. «Уинстон, вы пьяны!» Черчилль ответил: «А вы, Бэсси, уродливы. Я-то завтра буду трезв-» (Суэта сует).*

9. Ситуативная оценка может не совпадать с универсальной:

(18) *Об Яковлеве имею печальные известия. Он в Париже. Не играет, к девкам не ездит и учится по-английски* (А. Пушкин—М. О. Судиенке, 22 янв. 1830).

(19) *Пэт предстал перед судьей за пьянку и безобразное поведение. Когда его спросили, как он все это может объяснить, Пэт ответил, что попал в плохую компанию.*

— *А что это была за компания?*— стал уточнять судья.

— *Четверо трезвенников.*

— *Лучшей компании невозможно представить!*

— *Но у меня была с собой бутылка виски, и я был вынужден выпить ее один.*

(20) — *Хуже быть нельзя- острог! (...)Двух старцев теперича ко мне приставили для наставления. Один-то еще ничего- пьет, а другой, окромя кровоочистительных капель, ничего не трогает* (И. Горбунов, Нана. Рассказ купца). Для говорящего единственный критерий оценки—отношение к спиртному.

(21) [На собрании сообщества преступников]:

— *Мошенниками мы были, мошенниками, надеюсь, и умрем!*

— *Приятно видеть таких стойких негодяев!*—одобрительно сказал председатель

— *Да! И в особенности под руководством такого мерзавца, как ты.*

— *Господа, господа! Мы здесь собрались не для того, чтобы расшаркиваться друг перед другом и отвешивать поклоны и комплименты. К делу!* (А. Аверченко, Кипящий котел).

(22) [На операции] — *А где марля? Я катушки что-то не вижу. Куда она закатилась?*— *Куда, куда! Старая история. И что это у вас за мания—оставлять у больных внутри всякую дрянь—Хорошая дрянь!Марля, батенька, денег стоит* (А Аверченко, Резная работа).

(23) Митрофан. *Я теперь как шальной хожу. Ночь всю такая дрянь в глаза лезла.* Простаков а. *Какая же дрянь, Митрофанушка?*

М и т р о ф а н. *Да то ты, матушка, то батюшка* (Д. Фонвизин, Недоросль, 1).

(24) [Мальчик подслушивает разговор влюбленных]— *Ах, Настасья Петровна.... Вы жестокая, злая женщина. «Ого!»—подумал Мишка.—Это она-то злая? Ты бы мою маму попробовал—она б тебе*

показала».— «Почему ж я злая? Вот уж этого я не нахожу»,—«Не находите? А мучить, терзать человека—это вы находите?» Мишка не понимал этих слов, потому что в комнате всё было спокойно', он не слышал ни возни, ни шума, ни стонов—этих необходимых спутников терзания (А Аверченко, Человек за ширмой, II).

(25) *Бернард Шоу написал для начинающего актера письмо такого содержания: «Искренне рекомендую Вам молодого актера. Он играет Гамлета, Шейлока, Цезаря, на флейте и в бильярд. Лучшие всего он играет в бильярд»* (Музыканты шутят).

(26) *Всё на свете имеет свою оборотную сторону, как сказал один человек, когда у него умерла теща и пришлось раскошелиться на похороны* (Джером К. Джером, Трое в лодке, не считая собаки, в пер. М. Донского и Э. Линецкой).

10. Ограничение множества субъектов оценки ослабляет оценку (положительную или отрицательную):

(27) *Кременчуг. Товариществом артистов будет поставлена пьеса «Отелло» Вильяма Шекспира, любимца кременчугской публики («Новый Сатирикон», 1916).*

11. Оценка зачастую содержится даже в высказываниях, казалось бы, нейтральных:

(28) *Жили тогда славяне, следуя строго обычаям предков—в вечной ссоре и непрерывной драке между собой* (О. Л. Д'Ор, Русская история). Вторая часть фразы противоречит положительной оценке, неявно содержащейся в первой части, и тем самым вскрывает ее.

12. Аномально наличие в одном высказывании разных степеней желательности:

(29) *Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно—даже ради Христа, сделайте* (к. Пушкин—Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу, 15 мар. 1825).

(30) *Шлю вам большое, громадное, шестиэтажное спасибо за вашу милую телеграмму* (А. Чехов—А. Л. Вишневному, 26 дек. 1898).

13. Говорящие обращают внимание на наличие нескольких разных шкал одного и того же признака и нескольких точек отсчета, на возможность в процессе речи переключаться с одной шкалы на другую, в результате чего оценка того или иного явления меняется (иногда резко, иногда даже на прямо противоположную). Отрицание какой-то оценки (положительной или отрицательной) не обязательно

означает утверждение противоположной оценки: это может быть высшая степень той же самой (формально отрицаемой) оценки. Строятся подобные шутки достаточно однообразно: говорящий сначала толкает слушателя на выбор наиболее обычной, максимально широкой шкалы, а потом внезапно ограничивает ее, берет только часть шкалы (положительную или отрицательную). Ср.:

(31) *Последний год бедно окивем, на будущий год побираться пойдём* (В. Даль).

Первая часть шутки (*Последний год бедно живем*) провоцирует понимание 'В дальнейшем будем жить богато (или нормально)', однако вторая часть шутки зачеркивает это наиболее вероятное понимание и ограничивает шкалу оценки одним отрезком — отрезком «бедность»: противопоставление настоящего и будущего сводится к противопоставлению бедности и нищеты. Тем самым, оптимистическое на первый взгляд высказывание оказывается пессимистическим. Еще подобные примеры:

(32) *Однажды (...) император [Нерон] читал в узком кругу отрывок из своей «Тройки», и, когда он закончил чтение и смолкли хвалебные возгласы, Петроний, отвечая на вопросительный взгляд императора, сказал: «Плохие стихи, они достойны того, чтобы бросить их в огонь». Присутствующие замерли от страха—Нерону с детских лет ни от кого не доводилось слышать подобного приговора (...) Медоточивым голосом, чуть дрожавшим от глубоко уязвленного самолюбия, Нерон спросил: «Что же ты находишь в них плохого?» И тут Петроний дал себе волю. (...)— Ты спрашиваешь, что плохого в твоих стихах? Если хочешь знать правду, скажу: они хороши для Вергилия, хороши для Овидия, даже для Гомера хороши, но не для тебя. Тебе такие стихи непростительны (...) Кому боги дали столько, сколько тебе, от того можно больше требовать* (Г. Сенкевич, Куда идешь? в пер. Е. Лысенко).

Оценка Петрония *стихи плохие* помещает стихи в отрицательной части широкой шкалы «хорошее — плохое», а потом шкала ограничивается, берется положительная часть, точнее — ее крайняя часть, отведенная льстецом Петронием для Нерона и закрытая даже для Гомера и Овидия. И вот внутри этой крайней положительной зоны обсуждаемые стихи характеризуются как плохие. Под маской хулы здесь скрывается беспардонная лесть.

Приведем еще несколько примеров сужения шкалы оценок:

(3 3) *Вписавшись, в цех зоилов строгих,*

Будь и к себе ты судия:

Жуковский пишет для немногих,

А ты для одного себя (П. Вяземский).

(34) [Женщина рассказывает о провинившемся сыне] — *А жилец, Петр Дмитрич-то, очень заступает. Прямо горой за Лешку. Полно вам, говорит, Марья Васильевна, он, говорит, не дурак, Лешка-то. Он, говорит, форменный адепт, его и ругать нечего. Прямо-таки горой за Лешку* (Тэффи, *Выслужился*).

14. Говорящие отмечают еще один тип оценочных конструкций, где введение отрицания не меняет оценку на противоположную — ср. (35)—(36):

(35) *Редактор провинциальной газеты поместил разоблачительную статью под заголовком: «Половина наших воротил — взяточники». Под давлением местных политиканов он вынужден был дать опровержение под заголовком'. <<Половина наших воротил не взяточники».*

Утверждения о наличии некоего признака у половины какого-л. множества имплицитно содержат также утверждение об отсутствии этого признака у другой половины множества: *Половина наших воротил — взяточники* - ‘половина воротил — взяточники; другая — не взяточники’. Поэтому добавление отрицания в рассматриваемом примере лишь переключает внимание с одной половины местных «воротил» на другую, не меняя общий смысл высказывания.

(36) *Встречаются два друга.*

— *Ты знаешь, а я женился. Вот и фото есть с собой. Ну как?*

— *Бывает и хуже,»*

— *Что?!*

— *Ой, извини, хуже не бывает!*

С другой стороны, замена отрицательной конструкции на утвердительную также не всегда меняет отрицательную оценку на положительную, ср.:

(37) — *Вы, милостивый государь, мне в подметки не годитесь!!*

— *Ну, это еще вопрос!!*

15. Повторение чужих выражений или оценочных характеристик (участником диалога или автором текста художественного произведения) может неожиданно приводить к комическому эффекту:

(38) *(Прохожий—встречному, которому он под дождем безуспешно пытается дать прикурить): «Черт! Промок из-за тебя, как- как. На коробок и иди к» И неудачник машинально берет пустой коробок и идет к~ (В. Конецкий, Невезучий Альфонс).*

(39) *Извозчик категорически заявил, что считает ее чертовой куклой, а госпожа Спандикова высказала соображения, что извозчик мерзавец- (А. Аверченко, День госпожи Спандиковой).*

(40) *[Разговор эксцентричной дамы с кавалером] —Едем в церковь, дорогой мой, едем в церковь, скорее, скорее, скорее. Я хочу молиться и рыдать, пока еще не взошла заря. Церковь ночью заперта.*

Любезный кавалер предлагает рыдать прямо на паперти (Тэффи, Демоническая женщина).

16. Резкая смена положительной оценки на отрицательную в пределах одного высказывания характерна не только для каламбура (см. ниже), но и для некоторых других ВИДОВ ЯЗЫКОВОЙ шутки, ср.:

(41) *Нет сомнения, что христианство будет существовать даже через тысячу лет (в виде чучела в музее) (Марк Твен, Из записных книжек).*

17. Говорящие отмечают интересные случаи, когда сфера действия оценки одного предмета или лица может неожиданно распространяться на другой предмет или лицо, если они как-то связаны между собой:

(42) *Однажды Педрилло [придворный скрипач] был поколочен кадетами Сухопутного Шляхетного корпуса. Явившись с жалобой к директору этого корпуса барону Люберасу, Педрилло сказал ему. «Ваше Превосходительство! Меня обидели бездельники из этого дома, а ты, говорят, у них главный. Защити же и помилуй!» (Рус. лит. анекдот).*

25 - 1789

(43) *[Брюллов в мастерской рекомендует своего ученика Н. А. Рамазанова]:*

— Рекомендую—пьяница.

*Рамазанов, указывая на Брюллова, прехладнокровно ответил'.
—А это—мой учитель (Ист. рассказы).*

18. Чем больше хорошего, тем лучше; чем больше плохого, тем хуже. Это соображение, несмотря на свою крайнюю тривиальность, обыгрывается достаточно часто. Примеры:

(44) *Что милее ста рублей?—Двести.* (В. Даль).

(45) *— Ничего не может быть лучше стакана вина!—сказал кто-то в одном берлинском обществе, в присутствии знаменитого профессора Энгеля. Энгель ответил. «Ну нет!Бутылка вина, по моему,лучше».*

(46) *В игре «Секретарь» задан был вопрос. «Что может быть неприятнее полученной пощечины?»—«Две»,—сказано в ответ (Рус. лит. анекдот).*

(47) *Если грустишь, что тебе задолжал я одиннадцать тысяч,
Помни, что двадцать одну мог я тебе задолжать
(О. Мандельштам, В альбом спекулянтке Розе).*

5. Постулаты общения

Особенно часто обыгрываются так наз. «постулаты общения Грайса» [Грайс 1985] —общие закономерности общения, которыми бессознательно руководствуются все говорящие, на каком бы языке они ни говорили. **Общий принцип кооперации** гласит: «Добивайся взаимопонимания с собеседником». Этот принцип конкретизируется в четырех коммуникативных постулатах: **1) постулат информативности** («Сообщай что-то новое»); **2) постулат ясности** («Говори ясно, избегай неоднозначности»); **3) постулат связности** («Не отклоняйся, не теряй нить»); **4) постулат истинности** («Говори правду»). В сущности, последний постулат ориентирован только на один вид высказывания — утверждение. По отношению к другим типам речевых актов (таким как вопрос, побуждение, обещание и др.) правильнее говорить не об истинности, а об **искренности**. «Искренность и истинность в определенной мере покрывают друг друга» [Арутюнова — Падучева 1985: 28]. В связи с этим постулат 4 предпочтительнее формулировать как **постулат истинности или искренности** («Говори правду, говори искренне»).

Нарушение любого из этих постулатов затрудняет общение, приводит к недоразумениям, а иногда дает комический эффект.

Обыгрывание постулата информативности

Постулат информативности предписывает: «Твое высказывание должно быть достаточно информативным»; «оно не должно содержать лишней информации» [Падучева 1996а: 237]. Постулат нарушается (и обыгрывается) в трех типах высказываний: 1) недостаточно информативные высказывания; 2) излишне детализированные высказывания; 3) «пустые», неинформативные высказывания или элементы высказывания.

Недостаточно информативные высказывания

Этот способ обыгрывания постулата информативности встречается не так уж часто. Вот пример недостаточно информативных высказываний — толкования слов в «Пособии для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей», написанном Остапом Бендером:

АЗИАТСКИЙ ОРНАМЕНТ ПЛОВ (пища)

БАЙ (нехороший человек)

БАСМАЧ (нехороший человек)

ШАКАЛ (животное)

ТВОЯ—МОЯ НЕ ПОНИМАЙ, МАЛА-МАЛА и т. д.— выражения.

Впрочем, Остап прав*, подобных толкований, пожалуй, было вполне достаточно для советских писателей, терзаемых муками творчества и ожидающих, когда их окатит «потный вал вдохновения».

Аномально ограничиваться неточной информацией, если есть возможность сообщить точную, ср.:

Секретарь входит в кабинет шефа:

— *Мсье, один из ваших сотрудников хочет поговорить с вами о надбавке.*

— *Скажите, что меня нет.*

— *Невозможно, этот человек точно знает, что вы на месте.*

— *Кто же он?*

— *Это я, мсье.*

Следствием постулата информативности является требование учитывать **информативную важность** описываемого и отдельных его частей. Ненормально говорить о несущественном или обычном, а о важном или необычном говорить вскользь, «между прочим» или вообще умалчивать, ср.:

(1) *У меня всё в порядке, всё, кроме одного пустяка—здоровья* (А. Чехов—О. Л. Книп-пер, 26 апр. 1901).

(2) — *Что за псих! Хотел ударить меня по лицу!*

— *Откуда ты взял, что он хотел?*

— *Л если бы не хотел, то не ударил бы!*

Аномальность высказывания заключается именно в упоминании неглавного (намерения ударить) и в замалчивании того, что для обоих участников ситуации является основным,— претворения намерения в жизнь.

(3) *Тонем, не допускающим возражений, он [старший мальчик] велит остальным детям убираться. Они и не думают возражать; в гробовой тишине они все как один бросаются на него. С кровати вам виден лишь клубок тел, напоминающий сильно нетрезвого осьминога»* (Джером К. Джером, Трое на четырех колесах, пер.

А. Ливерганта).

В нейтральном употреблении выражение *Они и не думают возражать* означает полное согласие.

Эпически повествовательные начальные конструкции с историческим настоящим очерчивают нормальный, естественный фон события, о котором пойдет речь в дальнейшем. Именно нарушением этого принципа, использованием дан-25* ной начальной формулировки при описании чего-то из ряда вон выходящего объясняется комический эффект след, сценки:

(4) *Вернувшийся с работы муж догадывается, что у жены был любовник. Выглянув в окно, он видит убегающего мужчину и в ярости сбрасывает на него стоящий у окна холодильник, где как раз и прятался любовник. Сильно пострадавший случайный прохожий вызывает ревнивец в суд и объясняет судье, как в него, спешившего на работу, ни с того ни с сего запустили холодильником. Потом в качестве свидетеля вызывают любовника, тоже порядком помятого, и тот дает показания: «Сижу это я в холодильнике»»*

(5) — *Паниковского бьют!*—закричал Балаганов, картинно появляясь в дверях.— *Уже?*—деловито спросил Бендер (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XII).

(6) — *Почему я больше не вижу с тобой ту очаровательную блондинку?*—Врач запретил мне с ней встречаться —*Ты что, заболел?* —*Нет, просто этот врач— ее муж* (Журн. «Чаян», окт. 1990).

(7) — *Что* сказала твоя жена, когда застала тебя целующимся с соседкой?

— *Представь себе, ничего. А те два передних зуба мне и так давно пора было удалить.*

(8) [Капитан—о своих помощниках]—*Как-то этих моих голубчиков столичный корреспондент пытал о причине их огромной любви к морской профессии. Чиф сказал'. «Уменя кожа слабая, а в море комаров нет!» Другой: «Когда плаваешь на пароходе, так на работу не надо в трамвае ездить!»* (В. Конецкий, Последний раз в Антверпене).

(9) *Дирак женился на сестре другого знаменитого физика Вигнера. Вскоре к нему в гости заехал знакомый, который еще ничего не знал об этом событии. В разгар их разговора в комнату вошла молодая женщина, которая называла Дирака по имени, разливала чай и вообще вела себя как хозяйка дома (...) Дирак заметил смущение гостя и, хлопнув себя по лбу, воскликнул: «Извини, пожалуйста, я забыл тебя познакомить—это... сестра Вигнера!» («Физики продолжают шутить»).*

(10) *Наталья Петровна (Верховскому). Да, я должна вам отдать книги (Передавая книги): Синяя мне понравилась, а желтая—нет.*

Верховский.# буду носить только синие (В. Шкваркин, Весенний смотр, I).

Внешний несущественный признак (цвет книги) принимается в (10) за основной.

Говорящие подмечают, что при делении признаков на несущественные и существенные, в первую очередь заслуживающие упоминания, важна их исключительность, необычность, ср.:

Любопытно: что если бы Гаррис вдруг возродился к новой жизни, сделался бы выдающимся и порядочным человеком, стал бы премьер-министром и потом умер,— появились бы на вывесках трактиров, к которым он благоволил, надписи вроде следующих. «Здесь Гаррис

выпил кружку светлого»', «Здесь летом 1888 г. Гаррис пропустил два стаканчика холодного шотландского»; «Отсюда в декабре 1886 г. вывели Гарриса»? Не думаю. Таких надписей было бы слишком много! Скорее прославились бы те питейные заведения, куда он ни разу не заглядывал. «Единственная пивная в Южной части Лондона, где Гаррис не выпил ни одного глотка!»—и толпа повалила бы туда, чтобы поглазеть на такое диво (Джером К. Джером, Трое в лодке, не считая собаки, VI, в пер. М. Донского и Э. Линецкой).

Излишне детализированные высказывания

С другой стороны, детализация описываемого может оказаться не только излишней, но и аномальной, вызывающей комический эффект, ср.:

(1) *Гражданин Сидоров осужден на 15 суток за то, что после 11 вечера осквернял тишину песнями советских композиторов (Л. Измайлов).*

Все элементы высказывания (1) истинны, и тем не менее детализация в этом случае недопустима, она делает возможной неправильную интерпретацию, согласно которой пение каких-то других песен после 11 вечера ненаказуемо. Нейтрально было бы: *осквернял тишину пением.*

Точная датировка в случае отсутствия знаменательных событий или же при описании ничтожных бытовых событий необычна и потому производит комический эффект.

(2) *Выдающиеся события, метеорология, пророчества (...) В сей день в 132 г. в Португалии ничего особенного не произошло (А. Чехов, Календарь «Будильника» за 1882 год).*

(3) *Однажды, рассердившись на мужа, Ксантиппа вылила ему на голову ведро с помоями (397 г. до Р,Х) (Тэффи, Древняя история).*

Аномальным представляется также упоминание несущественных деталей при описании событий, особенно важных:

(4) *Что за ассамблею дал городничий! Позвольте, я перечту всех, которые были там: Тарас Тарасович, Евпл Акинфович, Евтихий Евтихиевич, Иван Иванович— не тот Иван Иванович, а другой, Савва Гаврилович, наш Иван Иванович, Елевфе-рий Елевфериевич, Макар Назарьевич, Фома Григорьевич,- (Н. Гоголь, Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем).*

(5) *Уже крокодил*

*У Фомы за спиной.
Уже крокодил Поперхнулся Фомой.
Из пасти у зверя Торчит голова»*
(С. Михалков, Фома).

В книге М. В. Панова «И все-таки она хорошая» приводится извещение Академии наук о заседании комиссии по вопросу о русском правописании, «имеющем быть 12 апреля 1904 года в 2 часа дня, в малой конференц-зале Академии наук Форма одежды — сюртук», и отмечается далее: *В назначенный день, 12 апреля 1904, они собрались (в сюртуках), чтобы решить судьбу русского письма.* Комическое впечатление производит вторичное упоминание детали, совершенно несущественной для судеб русской орфографии.

Индивидуальные особенности говорящего (возраст, профессия, уровень образования, характер и т. п.) накладывают отпечаток на определение сравнительной важности отдельных сторон действительности. Отсюда реакции, не соответствующие нашему представлению о ситуации и потому производящие комический эффект. Ср.:

(6) Девочка — Арсению Л. (5 л.):

— Дура,, ты же упадёшь!

— Во-первых, я не дура, а дурак!

(7) Разговор в автобусе. Мужчина обращается к женщине, стоящей впереди него:

— Сударыня, вы что встали на дороге как телка недоеная?

— Какая я вам сударыня?

(8) На экзамене в музыкальную школу пожарника спрашивают. «Какая разница между скрипкой и роялем?»—«Рояль дольше горит»(Анекдоты от Никулина).

«Пустые», неинформативные высказывания или элементы высказывания

Львиная доля случаев обыгрывания постулата информативности приходится именно на высказывания этого типа.

1. Классические образцы обыгрывания постулата информативности — стихотворение Пушкина «В альбом Павлу Вяземскому» и название одной из глав «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя (и то и другое совершенно неинформативно):

(1) *Душа моя Павел,
Держись моих правил:*

Люби то-то, то-то,

Не делай того-то.

Кажись, это ясно.

Прощай, мой прекрасный,

(2) ГЛАВА VI, из которой читатель легко может узнать всё то, что в ней содержится. Еще несколько примеров:

(3) *...слушал отец; и, улыбку в усы затаив, соглашался: «Тут знаете ли — мысль: ну, и, так сказать, там»»* Что «так сказать» — неизвестно (А. Белый, Начало века).

(4) *Назвался кой-чем — полезай кой-куда* [шутливая переделка пословицы *Назвался груздём — полезай в кузов*].

(3) [Вересаев спрашивает у маленького Глеба, вернувшегося с прогулки] — *Солнышко есть? — Нету. Только небо* (В. Вересаев, Рассказы о детях).

Упоминание о небе неинформативно, поскольку все знают, что небо (в отличие от солнца, луны, звезд, облаков) есть всегда.

(6) *Богатые персы сидят на персидских коврах, а бедные — на колах, причем первые испытывают гораздо большее удовольствие, чем вторые* (А. Чехов, К характеристике народов).

(7) *Пожарский (...) освободил Москву от поляков. Большую помощь оказал ему при этом голод, любезно согласившийся поселиться в Москве во время осады. Поляки, питающие с малых лет отвращение к голоду, отдали Москву русским* (О. Д'Ор, Русская история). Отвращение к голоду питают все, и потому мотивирующая часть высказывания неинформативна.

(8) [Мальчик думает об умершей бабушке] *До своей смерти она была жива и носила с базара мягкие булочки, посыпанные маком, теперь же она спит, спит* (А. Чехов, Степь, I).

(9) У ч и т е л ь: — *Я вас спрашиваю: кто был Людовик Пятнадцатый? Варя смотрит испуганно (...) — Ну-с!? — Людовик Пятнадцатый был*» *Вздыхнула. — Был мужчина* (Тэффи, После праздников).

(10) [Репортаж журналиста-халтурщика]: *Вот идет П. Я. Милюков. «Здравствуйте, Павел Николаевич!» — говорит ему молодой симпатичный кадет. ^Здравствуйте! Здравствуйте!» — приветливо*

отвечает ему лидер партии народной свободы и пожимает его правую руку своей правой рукой (Тэффи, Карьера Сципиона Африканского).

(11) — *Что новенького?*

— *Ты знаешь, жена мне изменяет.*

— *Ты меня неправильно понял. Я спросил. «Что новенького?»*

(12) Караулов. *Кого же она [дочь Маня] любит?*

Ольга Павловна. *^ догадываюсь~ Какого-нибудь мужчину* (В. Шкваркин, Чужой ребенок, I).

Впрочем, в эпоху расцвета сексуальных меньшинств последняя реплика не столь неинформативна, как это было во времена Шкваркина. Да и многие другие «неинформативные» высказывания достаточно информативны, ср.:

(13) *Однажды, подслушивая, получил такой удар двери в голову, что схватил сотрясение мозга (у него был мозг) цумер* (А. Чехов, На кладбище).

Сообщая о наличии мозга у описываемого лица, Чехов намекает, что были основания в этом усомниться.

(14) [Придворный скрипач Педрилло] *спросил толстого немца-трактирщика. «Скажи-ка,, любезный, сколько здесь, в Риге, свиней, не считая тебя?» Взбешенный немец замахнулся на Педрилло. — «Постой, братец, постой! Я виноват, ошибся. Хотел спросить: сколько здесь, в Риге, свиней с тобою!»* (Рус. лит. анекдот).

Формально первая реплика Педрилло в (14) не оскорбительна (он исключает собеседника из множества свиней): оскорбительна сама постановка вопроса о принадлежности / непринадлежности к этому множеству.

2. Комический эффект производит псевдоинформативность, ложная основательность суждений, ср.:

Мы категорически должны опровергнуть утверждение некоторых историков, которые производят имя великого Бонапарте от его военных подвигов на поле брани (На-поле-он) ..Корсиканцы по-русски не говорят, почему назвали бы Наполеона по-французски (L est sur le champ); кроме того, имена, обыкновенно, даются еще при рождении, когда самый проницательный человек не может определить размера будущих ратных подвигов ребенка (А Аверченко, Новая история).

Интересны случаи обыгрывания громких и внешне значительных, но, в сущности, совершенно неинформативных высказываний. Вспомним, как остроумно издевался А. Аверченко над знаменитой исторической фразой Наполеона:

Предположим, кто-нибудь из читателей попал со своим войском в Египет. Предстоит упорная битва (...)—Солдаты!—кричите вы.—Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!

Простодушные солдаты поражены —Так много!—шепчут они.—Бросимся же, братцы, в бой!

Если разобраться в сказанной вами фразе—в ней не найдется ничего существенного. Но закаленный в боях воин нетребователен. Ему много не надо.«Сорок веков» его восхищают. Если вблизи нет пирамид, можно придаться к чему-нибудь другому (...) Например, кругом пусто, а сверху светит обыкновенное солнце.

— Солдаты!—торжественно говорите вы—Это то самое солнце (как будто есть еще другое), которое светило во время побед Людовика XII.

Не нужно смущаться тем, что злосчастный Людовик XII не имел ни одной победы—всюду его гнали без всякого милосердия» («Новая история»).

Еще пример ложной многозначительности —речь «демонической женщины» у Тэффи:

Начнет закусывать простая женщина, скажет:

—Марья Николаевна, будьте добры, кусочек селедки. Люблю лук.

Демоническая широко раскроет глаза и, глядя в пространство, завопит.

— Селедка? Да, да, дайте мне селедки, я хочу есть селедку, я хочу, я хочу. Это лук? Да, да, дайте мне луку, дайте мне много всего, всего, селедки, луку, я хочу есть, я хочу пошлости, скорее» больше» больше, смотрите все» я ем селедку!

В сущности, что случилось? Просто разыгрался аппетит и потянуло на соленькое. А какой эффект!

— Вы слышали? Вы слушали? Не надо оставлять ее одну сегодня ночью («Демоническая женщина»).

Комический эффект усиливается в случае, когда ложное глубокомыслие сочетается с абсурдностью, ср.:

Творчество Шекспира. Прежде всего следует остановиться на сонетах, которые, как утверждает профессор Мэтьюз, были написаны, весьма возможно, еще при жизни Шекспира, уж во всяком случае не после его смерти (С. Ликок, Очерки обо всем, пер. С. Займовского).

Язык позволяет делать неинформативные высказывания и вести неинформативные диалоги. Впрочем, разные языки для этих целей, видимо, не одинаково удобны. Вот любопытный эпизод из жизни Пушкина:

Спросили Пушкина на одном вечере про барыню, с которой он долго разговаривал, как он ее находит, умна ли она?—«Не знаю,— отвечал Пушкин очень строго и без желания поострить (в чем он бывал грешен):—ведь я с ней говорил по-французски» (П. Вяземский, по: [Разговоры Пушкина]).

3. Нарушение постулата информативности находим в тавтологических высказываниях. Обычно это двухчастные высказывания, где одна из частей избыточна:

(1) —*Давно ль не видались?*—*Да как расстались* (В. Даль).

(2) *Кабы знал, так бы ведал* (В. Даль).

(3) «*Пройдет ли мой недуг?*» —*леву осла спросил
Осел ответствовал. «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был»—
Два раза два—четыре*

(А. Пушкин, Нравоучительные четверостишия).

(4) — *Летом дни длиннее.*

— *Нет, ночи короче.*

(5) *Они, как говорится, полюбили друг друга. Петр женился на Марии, а она в свою очередь вышла за него замуж* (З. Паперный, Тарелка).

(6) *Не зарвемся, так прорвемся,*

Будем живы—не помрем,

Срок придет, назад вернемся,

Что отдали—всё вернем

(А. Твардовский, Василий Теркин).

(7) Андрей С. после долгого спора соглашается с отцом: *Ну, ладно, папа. Давай сделаем так. Я буду делать по-своему, а ты будешь делать по-моему.*

4. Иногда обыгрывается авторами не только тавтологичность предложений,

но и избыточность членов предложения или членов словосочетания (плеоназм), ср.:

(8) *Они (германцы) одевались в звериные кожи, любили пить пиво и в мирное время,, большей частью, не воевали* (О. Дымов, Средняя история).

(9) *Все греки прославляли имя Мильтиада. Тем не менее, жизнь свою пришлось Мильтиаду окончить смертью* (Тэффи, Древняя история).

(10) *...перейдя мостик, усмотрен мною без всяких признаков жизни повесив-шийся труп мертвого человека* (А. Чехов, Донесение).

(11) *Всё это дело вышло из-за, царствие ему небесное, мертвого трупа (...)* Разгоняю я народ, а на берегу на песочке *утопый труп мертвого человека* (А Чехов, Унтер Пришибеев).

(12) *Говорили о случаях, случайно случившихся на той или другой линии* (А Чехов, Рыцари без страха и упрека).

(13) *...потом простуда перешла к нему на грудь, и температура вдруг поднялась до плюс сорока градусов выше нуля* [избыточен уже первый элемент—плюс (человеческое тело имеет всегда плюсовую температуру); тавтология усиливается введением еще одного избыточного элемента—*выше нуля*].

(14) *Некоторые из публики говорят: «В этой бане каждый день кражи воруют»* (М. Зощенко, Рассказ о банях и их посетителях).

(15) *Но, между прочим, как он кормился—для автора неясная тайна* (М. Зощенко, О чем пел соловей, 2).

(16) *Ты, говорит, сразу мне приглянулся наружной внешностью, и беру я тебя в свои компаньоны* (М. Зощенко, Гиблое место).

(17) *«Наверное, это очень трудно—выдумывать всё из головы?»—мило спросила она меня. «Трудно,—ответил я,—но думаю, что из ноги было бы еще труднее»* (С. Лец).

Избыточны иногда отдельные смысловые компоненты слова:

(18) *Будучи выпивши, племянник этого дяди пришел ко мне и, утирая рукавом слезы, рассказал мне об этой своей мелкой неприятности* (М. Зощенко, Последняя неприятность).

(19) *Я хочу поговорить (...) о родителях наших детей. Счастливы ли они, родители наших детей, дети наших родителей, братья наших сестер?*

(М. Жванецкий, Коротко о себе).

В (18)—(19) избыточно вторичное указание на степень родства.

Следует, однако, подчеркнуть, что в определенных объемах избыточность в

тексте не только возможна, но и необходима.

б. Требование избыточности. Квалифицируются как отступление от нормы и прямо противоположные случаи, случаи, когда богатое содержание выражается предельно простыми (иногда морфологическими) средствами. Дело в том, что принцип информативности ограничен **требованием избыточности**. Любое высказывание должно иметь некоторый «запас прочности», обеспечивающий понимание даже при наличии помех (посторонний шум, ослышки, непонятливость слушателя и т. п.). Вот пример нарушения этого требования — из «Театрального романа» М. Булгакова (гл. 8):

Между слушателями произошел разговор, и хотя они говорили по-русски,, я ничего не понял, настолько он был загадочен (...)

— Осип Иванович?— тихо спросил Ильчин, щурясь.

-Ни-ни—отозвался Миша (...)

—Вообще старейшины«— начал Ильчин.

—Не думаю— буркнул Миша.

Дальше слышалось'. Да ведь на одних Галиных да на подсобляющем не очень-то~» (Это—Евламния Петровна).

— Простите—заговорил Миша резко и стал рубить рукой,—я давно утверждаю, что пора поставить этот вопрос на театре!

—А как же Сивцев Вражек? (Евламния Петровна).

—Да и Индия, тоже неизвестно_ и т. д.

Еще несколько примеров необычно большой компрессии текста:

(1) *Во время Пелопонесской войны афиняне, уверенные в своем превосходстве, заявили в послании спартанскому полководцу Лисандру. «Если мы войдем в Спарту, то все предадим огню и кроет, на чтоЛисандр ответил-. «Если».*

(2) *Студентка на экзамене по анатомии человека описывает кости скелета. «..Здесь реберные кости, тут были внутренние органы*

—сердце, легкие~ Здесь тазовые кости, тут был половой член~»
«**Бывал**»,—поправил ее профессор.

(3) *Все в квартире держу—картошечка, лучок, мучка (...)* Примус. Помните? У всех был, ауменя есть (М. Жванецкий, Колебаний у меня нет). Нейтральным было бы высказывание типа: *Примусы все выбросили, ауменя сохранился.*

(4) *..мог бы отчет написать о седении мосье Реттере (...)* чернявом, проседом, седом (в Новодевичьем—крест) (А. Белый, Начало века. Эмилий Метнер).

Аномально в примере (4) столь скупое, в нескольких словах, изображение всех этапов жизни человека — от чернявого молодого человека до креста на Новодевичьем кладбище.

(5) *Увы, за неимением Тебя_т* (В. Вишневский, Итальянский дневник возвращенца).

Вместо события указывается причина, его вызвавшая. Однако она позволяет однозначно восстановить само событие. Точно так же мимоходом брошенное замечание о месте действия в (6) позволяет восстановить основное смысловое звено в следующей шуточной сентенции Г. Малкина:

(6) *Джентльмен всегда поправит галстук, если мимо канавы проходит женщина.*

(7) *Французженку спросили: какие у нее три самых больших удовольствия.—«Кофе— до и сигарета—после»—*третий (и основной) компонент опущен.

(8) *Два товарища ловят рыбу. Один поймал русалку, снял с крючка и бросил обратно в воду. Второй удивился:*

— *Но почему?*

— *Но как?*

(9) [О советских моряках в Аргентине] *Мы продолжали прогулку по Рио, то есть по магазинам* (В. Конецкий, Путевые портреты с морским пейзажем)—описание круга интересов советских моряков за границей дается в предельно простой форме—в виде дискредитирующего уточнения.

(10) [Бендер приходит снять комнату по объявлению] —*Это у вас «Сд. пр. ком. в. уд. в. н.м. от. ин. хол.»? А она на самом деле «пр.» и имеет «в. уд.»?* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XIII)—

подробнее о случаях обыгрывания графических сокращений см. главу II.

Говорящие обращают внимание и на то, что в некоторых конкретных ситуациях неинформативные, «пустые» слова и словосочетания оказываются вполне уместными и точно передают нужный смысл, ср.:

(11) *Вечерняя лампа бросает свет.*

В комнате я и жена.

— *Сю-сю, дорогая, ты слышишь—сю-сю!*

— *Сю-сю,—отвечает она. (Вариант.—Гав-гав,—отвечает она).*

Требования к информативности всех элементов высказывания снижаются также в общеизвестных текстах, например, в пословицах. Отсюда игра, заключающаяся в замене некоторых лексем в пословицах на неопределенные местоимения, напр.:

(12) *Пусти кой-кого кой за что, так он и кой-что на кой-что* («Пусти свинью за стол, так она и ноги на стол»).

Обыгрывание постулата ясности

В случае нарушения **постулата ясности** возникает неоднозначность или двусмысленность. Языковая шутка, особенно каламбур, о котором мы уже говорили (и еще будем говорить в Приложении II), строится как раз на сознательном нарушении этого постулата. **В** данном разделе мы рассмотрим другие случаи нарушения постулата ясности.

Это, в частности, витиеватые высказывания и формулировки, ср.:

[Разговор с человеком, упавшим со второго этажа]:

— *Не ушиблись ли вы?*

— *Чтобы сказать вам—да, так—нет. Чистейшей воды пустяк*

(А. Аверченко, Рыцарь индустрии).

Намек

Намек также представляет собой сознательное нарушение постулата ясности. Истинная цель высказывания скрыта, важные смысловые звенья намеренно пропущены говорящим. Казалось бы, намек можно квалифицировать как вид языковой демагогии (см. с 423—431) —и там, и там внушаемое слушателю завуалировано, не

сообщается прямо. Однако принципиальное отличие намеков от демагогических высказываний заключается в том, что демагогическое высказывание рассчитано на «некритическое восприятие со стороны адресата» [Булыгина — Шмелев 1997: 477], и говорящий предпочел бы, чтобы адресат не пошел дальше прямого смысла, тогда как намек рассчитан, наоборот, на то, что адресат, не удовлетворившись прямым смыслом, восстановит основной, глубинный смысл. В этом отношении намек родственен загадке. Вот несколько шуток с намеками — на женское непостоянство и опрометчивость женитьбы:

(1) *Что такое идеальный муж?—Слепой, глухонемой капитан дальнего плавания.*

(2) — *Невеста в день свадьбы одевается во все белое, потому что это для нее самый радостный день.*

— *Тогда я понимаю, почему жених одевается во все черное— говорит Рабинович.*

(3) — *Папа, скажи, пожалуйста, а как ловят сумасшедших?*

— *С помощью пудры, красивых платьев и милых улыбок, сын мой.*

Герои Аверченко от любой жизненной ситуации переходят с помощью намека к дискредитации собеседника. Наибольший эффект производят случаи, когда это делается за минимальное количество шагов, и при этом сохраняется видимость объективности или даже доброжелательности. Вот несколько примеров из повести А. Аверченко «Подходцев и двое других».

(4) — *Я не могу найти себе женщины, душа которой звучала бы в унисон с моей душой.*

— *Не там ты ищешь такую душу (...)*

— *А где же искать?*

— *В женской пересыльной тюрьме.*

(5) — *Я думаю, вас приглашают ради меня,— заметил Клинков, пытая от важности.*

— *Возможно,—согласился Подходцев,—как болгарина с обезьяной —пускают во двор ради обезьяны.*

(6) [В ресторане посетитель говорит официанту, указывая на своего приятеля]:— **Свинные котлеты**—ему! Ибо сказано: кесарево—кесарюL

Неясность высказывания (6) позволяет завуалировать оскорбительный смысл (нечто вроде: «Кесарево — кесарю, а свинское

— свинье»).

Языковые приемы создания намека весьма разнообразны и недостаточно изучены, поэтому мы считали полезным привести примеры на разные структурные типы намека:

(1) Наврана

*Что ты лечил меня, слух этот, верно, лжив,—
Я жив* (Д. Хвостов).

(2) *Е. К. Воронцова молча проходит мимо Пушкина и обращается к кому-то с вопросом: «Что нынче дают в театре?» Не успел спрошенный раскрыть рот для ответа, как подскочил Пушкин и, положив руку на сердце (что он делал, особенно когда отпускал свои остроты), с улыбкою сказал: «Верную супругу, графиня»* (Рус. лит. анекдот).

(3) — *Как это случилось? Ты никогда красавцем не был, а дочь у тебя такая красавица!*

— *Это бывает,—отвечал немедленно [Соллогуб].—Попробуй-ка, женись! У тебя, может быть, будут очень умные дети* (Рус. лит. анекдот).

Подобный намек на ограниченные умственные способности собеседника содержится также в след, шутке, помещенной в том же сборнике:

(4) *...какой-то придворный утверждал, что сам видал дважды при лунном свете человека без головы, который должен быть не что иное, как привидение одного зарезанного старика. «А я убежден, что этот человек без головы—просто ваша тень, господин гоф-юнкер»—сказал [придворный скрипач] Педрилло.*

(5) *Князь Горчаков, участвуя однажды в игре в вопросы, на заданный вопрос. «Что такое постель?» отвечал: «Таблицаумножения». (Всемирн. остроумие).*

(6) *Кто-то напечатал стихотворение) «Тенденциозный Антон», где я назван ветеринарным врачом, хотя никогда не имел чести лечить автора (А. Чехов— Ал. П. Чехову, 21 окт. 1887).*

(7) — *Неужели он не понимает, что тебе нужны деньги?*

— *Да я ему уже пробовала намекать.. Спрашиваю: читали вы роман Золя «Деньги»? А он мне говорит: Нет, но я теперь читаю книгу «Бережливость» Смайльса! (Журн. «Сатирикон», 1908).*

(8) *Леди Астор сказала Уинстону Черчиллю: «Если бы вы были моим мужем, я бы подсыпала вам яд в кофе». Черчилль ответил: «Если бы вы были моей женой, я бы этот кофе выпил».*

(9) — *С тех пор как запретили объявления о натурщицах, я сдаю туда такое объявление: «Блондинка роскошного телосложения предлагает карборунд, листовую сталь и фрезерные станки» (Журн. «Новый Сатирикон», 1917 г.).*

Намек возникает в (9) благодаря описанию внешности особы, дающей объявление. Оно настолько не имеет отношения к делу, что не может оказаться случайным и заставляет пересмотреть основной смысл объявления.

(10) *Возвращаясь с ловли лягушек, он [некий любитель поострить] спросил у часового: «Платят ли лягушки за вход?»—«Милостивый государь, лягушки не платят за вход, жабы тоже—проходите» (Энцикл. весельчака).*

(11) *Посетитель (плешивый, волосы не растут выше ушей у.— Постричься! Снять воротник?*

Цирюльни к—О, нет, зачем беспокоиться! Можете остаться даже в котелке, если хотите (Журн. «Сатирикон», 1909).

(12) *Утрилло присутствовал на премьере спектакля. В антракте к нему подошел автор пьесы и стал выспрашивать его мнение о сыгранном акте.*

— *Послушайте,—отозвался художник,—на улице, видимо, сильный ливень. (...) Никто не покидает театр! (Музей остроумия).*

(13) *Павел Иванович. Хоть ты, Марья, собери все банки-жестянки, да и неси в утиль. Только смотри, чтобы тебя самое там не оставили. Извините—дружеский шарж (В. Шкваркин, Весенний смотр, III).*

(14) *И неприятности любви*

В лесу забавны и милы:

Её кусали муравьи,

Меня кусали комары (Н. Глазков).

(13) *Они (рыболовы) говорили, что у меня поразительно точный бросок, и за глаза хватит сообразительности, и что я в достаточной мере лодыр от природы. И всё же они считали, что я никогда не добьюсь успеха в рыбной ловле (Джером К Джером, Трое в лодке, не считая собаки, в пер. М. Донского и Э. Линецкой).*

(16) *Один английский пианист,, отправившийся в гастрольную поездку по Ближнему Востоку, внезапно вернулся на родину. По возвращении он объяснил дирижеру Бичему, что уехал, потому что дважды был обстрелян арабами. «Что ты говоришь?—удивился Бичем,—Никогда не предполагал, что арабы так хорошо разбираются в музыке!» (Музыканты шутят).*

(17) [Вопрос армянскому радио]:—*Есть ли выход из безвыходного положения?—На вопросы по сельскому хозяйству не отвечаем («Лит. газета», 1989, № 20).*

(18) *Расстроенная певица сказала после неудачного концерта своему аккомпаниатору. «Вы самый плохой пианист в мире!»—«Не думаю. Это было бы слишком редким стечением обстоятельств» (Музыканты шутят).*

(19) Судья—подсудимому:

— *Почему вы не взяли себе защитника?*

— *Все адвокаты отказываются вести мое дело, как только узнают, что я действительно не брал этих пяти миллионов.*

(20) *Объявление: «Мужчина средних лет ищет спутницу жизни. Первые и последние этажи не предлагать».*

(21) *О концерте хора врачей он [Бернард Шоу] отозвался кратко: «Вчера пели медики. Им надо еще раз напомнить об их врачебном долге, хранить молчание». Намек на плохое качество исполнения и требование воздержаться от публичных выступлений. Профессиональный принцип распространяется на сферу увлечений.*

(22) *Лондонский врач, доктор Жеб, получив от одного больного лорда две гинеи вместо ожидаемых трех, нарочно уронил обе гинеи. Их подняли и подали ему, но он продолжал шарить глазами по ковру и на вопрос лорда отвечал: «Я ищу третью гинею». Лорд понял намек и велел платить доктору по три гинеи (Энцикл. весельчака).*

(23) *Кавалер, ведущий откровенную атаку на красавицу, для пущей убедительности вынимает монету в сорок франков и вставляет ее себе в глаз, на манер стеклышка. Дама, за которую он ухаживал, поняла его жест, но заметила: «Любовь, милостивый государь, не крива, а слепа»—намек на удвоение гонорара (Все-мирн. остроумие).*

(24) *На экзамене профессор спрашивает нерадивого студента:*

— *Что такое экзамен?*

— Это беседа двух умных людей.

— А если один из них идиот?

— Тогда второй не получит стипендию (Анекдоты от Никулина).

(25) Жена говорит мужу в гневе.

— Лучше бы я вышла замуж за черта!

— Что ты, дорогая! Браки между кровными родственниками запрещены.

(26) «Внешность обманчива!»—сказал ёж, слезая с сапожной щетки.

(27) Армянское радио спрашивают: «Что такое телеграфный столб?» Армянское радио отвечает: «Это хорошо отредактированная сосна».

(28) В магазине женщина придирчиво и очень долго выбирает метлу. Продавец взмок Наконец выбрала: «Вот эту».—«Мадам, вам завернуть или так полетите?» (Анекдоты от Никулина).

(29) — Жан, зачем ты выкопал в парке эту ямку?!

— У меня здесь назначено свидание с горбатой Нинон.

(30) [Полицейский—парню, ведущему двух ослов]: «Эй, послушай, никак ты своих братьев вывел на прогулочку? Зачем же ты так крепко держишь их на поводу?»—«Боюсь, как бы они не сбежали и не поступили в полицию».

(31) — Что это у тебя с рукой?

— Пустяки, вчера, когда я домой возвращался, какой-то пьяница мне на руку наступил (Журн. «Сатирикон», 1911).

(32) Медведь, волк и лиса сели играть в покер. Перед началом игры медведь сказал: «Предупреждаю сразу: если кто-нибудь из вас будет жульничать, повторяю, если хоть кто-нибудь будет жульничать, тот сразу же получит по морде~ по этой хитрой, нахальной рыжей морде» (Анекдоты от Никулина).

(33) На званом вечере актриса подходит к писательнице, которую не переносит, и говорит: «Хочу поздравить тебя с твоей последней книгой, мне она очень понравилась. Кто тебе ее написал?»—«Дорогая,—отвечает писательница,—я очень рада, что она тебе понравилась. Только вот кто тебе ее прочитал?»

(34) Машина писателя столкнулась с грузовиком, и водитель грузовика откровенно высказал писателю все, что он о нем думает. Когда он на секунду замер, чтобы перевести дух, писатель промолвил:

«Я не могу, молодой человек, прибегнуть к той живописной терминологии, которую применяете вы. Но вот что я вам скажу: надеюсь, что когда вы сегодня вернетесь домой, ваша мать выскочит из подворотни и вас как следует искоусает».

(35) *Дама с грудным ребенком входит в вагон метро. Никто не уступает места. Она обращается к мужчине. «Вы не могли бы поддержать ребенка?»—«Почему именно я?»—«На вас непромокаемый плащ».*

(36) — *Ты слышал: Жан-то, оказывается, двоеженец.*

— *Сума сошел. Значит, у него две тещи?*

(37) *Жена—мужу:—Сегодня 20-я годовщина нашей свадьбы. Как мы ее отметим?— Минутой молчания.*

(38) *Жена кричит мужу: «Жизнь с тобой становится невыносимой!»—Тогда проваливай к своей матери!—Но ты же знаешь, что она умерла!—Конечно!*

(39) — *Чего это у тебя все лицо исцарапано?*

— *А ты что—холостой?*

— *Нет~*

— *Почему же задаешь глупые вопросы?*

(40) — *Милый, чем больше я читаю сказок, тем больше убеждаюсь, что заяц очень глупое животное.*

— *Совершенно верно, зайчик ты мой!*

Интересный вид намека — это псевдотолкования слов. По форме — это толкования, в действительности — сентенции, содержащие намеки Ср.:

(1) *Арифметика — Искусство богатому считать свое, а бедному чужое [= ‘Мир делится на богатых и бедных’];*

Брак — Панихида по любви [= ‘После брака наступает охлаждение’];

Яма — Место, куда прилежные лекари прячут плоды своего искусства [= «Плохи наши лекаря» (М. Лермонтов). Яма—лишь способ оформления этой мысли];

А х! — Затычка стихотворцев слабых и любовников охолоделых;

Шпага — Висячая храбрость, которая иногда прицепляется к ходячей трусости (Я. Княжнин, Отрывок Толкового словаря).

(2) *Вопрос: Что есть число?*

Ответ: *Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно* (Д. Фонвизин, Всеобщая придворная грамматика).

(3) Вопрос: *Что есть придворный падеж?*

Ответ: *Придворный падеж есть склонение сильных к наглости, а бессильных к подлости. Впрочем, большая часть бояр думает, что все находятся пред ними в **винительном падеже**; снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно **падежом дательным*** (Д. Фонвизин, Всеобщая придворная грамматика).

(4) *Лекарь—квартирмейстер вечности* («Опыт вещественного Российского словаря», XVIII в.)—намеки на профессиональную непригодность большинства докторов.

Хотя были приведены примеры из литературы XVIII в., это отнюдь не означает,

что этот прием вышел из употребления, ср.:

(5) *Что такое доктор? Доктор есть предисловие гробокопателя— вот что-с!* (А. Чехов, Двадцать девятое июня).

(6) *Ссор а —разговор между мужем и женой* (Журн. «Шут»). Намек на то, что разговоры супругов часто заканчиваются ссорой.

(7) *Людоед—муж Люды* («Бестолковый этимологический словарь»—«Лит. газета», по: [Гридина 1996]).

(8) *Сверхшум—свидание двух скелетов на железной крыше.*

(9) *М у ж—заместитель любовника по административно-хозяйственной части.*

Иносказание

Иносказание, условное — ситуативно обусловленная однодневка. Говорящих удивляют случаи, когда условное оказывается жизнеспособным и допускающим развитие (включать новые члены и т. п.).

(1) *Бисмарк направил королю в подарок только что вышедшую свою книгу. Тот решил отблагодарить автора следующим оригинальным способом: в роскошную папку были вложены пачки банкнот, которым предшествовал титульный лист. <<Сочинения короля Вильгельма>>. Получив королевский <труд>, канцлер написал в ответ: <<Сочинения вашего величества весьма ценные. Жду следующего тома>>* (Музей остроумия).

(2) Анекдот периода антиалкогольной кампании в СССР. Двое приятелей договорились называть в телефонных разговорах водку «книгой», вино—«журналом», а пиво—«газетой». Один звонит другому: «Знаешь, я книгу не достал. Журнал? Нет, тоже не нашел. Даже газет нет. Но ты все-таки приходи: ко мне тетка из деревни приехала, рукопись привезла» (= самогон).

(3) Уезжая в Париж, Василий Иванович уговорился с Петькой называть походы к девочкам **охотой**. Петька систематически получал сообщения типа: «Часто хожу на охоту», «Вчера опять с удовольствием поохотился», но вот пришло сообщение: «На охоту пока не хожу, чиню ружье».

(4) Звонит телефон. Трубку поднимает отец трех дочерей. Не успел он открыть рот, как голос в трубке ласково спросил: «Это ты, моя лягушечка?»—«Нет, это говорит владелец пруда».

(5) Сильно расстроив свое здоровье, Людовик XV однажды советовался со своим врачом Ламартиньером и, выслушав его, грустно заметил: «Вижу, что становлюсь стар, пора, видно, притормозить карету!»—«Лучше бы вовсе распрячь ее, государь!»—ответил врач (Всемирн. остроумие).

(6) Приходит пьяный летчик домой. Стучит в дверь. Жена спрашивает: «Кто там?»—«ИЛ—62 просит посадки».—«Не пушу, ты пьян».—«Тогда я полетел на запасной аэродром». Утром летчик возвращается, стучит в дверь: «ИЛ—62 просит посадки».—«Вам придется подождать, взлетная полоса занята—еще не взлетел ЯК—40».

(7) Разговор старика с немолодым холостяком:

— Не остаься бы тебе, мой друг, с носом! Женись, пока не поздно.

— Ну, знаете, уважаемый,—ухмыльнулся холостяк,—в море плавают еще много славных рыбешек!

— Так-то оно так,—покачал головой старик—А как обстоит дело с наживкой? Не потеряла бы она свежесть.

На нарушении постулата ясности строится эзоповская манера, неизбежно возникающая в некоторых социальных условиях, например в условиях тоталитаризма. М. Е. Салтыков-Щедрин пишет «Создалась особенная, рабская манера писать, которая может быть названа эзоповской,— манера, обнаруживавшая замечательную

изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обманных средств (...) Ввиду общей рабьей складки умов аллегория все еще имеет шансы быть более понятной и убедительной и, главное, привлекательной, нежели самая понятная и убедительная речь. Ясная речь уместна там, где уже народился читатель, которого страшными словами не удивишь» [по: Виноградов 1980:168].

Загадка

Есть даже особые литературные жанры, построенные всецело на нарушении постулата ясности, намеренно вводящие в заблуждение. Это, в частности, загадка— «иносказательное поэтическое воспроизведение какого-либо предмета или явления, испытывающее сообразительность отгадывающего; жанр фольклора, (...) основанный на метафорическом сближении далеких областей предметно-вещественного мира (“Висит сито, не руками свито” — паутина)» [ЛЭС: 109]. Для нас интересны шуточные загадки — загадки «с двойным дном» (как правило, они малоприличны). Два примера (услышаны мной от А. Ф. Журавлева):

Волос на волос, тело на тело—и пошло большое дело (Сон).

Туда, сюда, обратно—тебе и мне приятно (Качели).

Интересны загадки, имеющие более сложную семантическую структуру: для неприличной по форме загадки предлагается невинный («приличный») ответ, который на поверку оказывается еще более неприличным, ср.:

26- 1789

*Что ужалила оса, влетевшая под юбку тетушки Салтанат?—
Руку дядюшки Баграта.*

Любопытное обыгрывание постулата ясности встречаем в «Предсказаниях» Леонардо да Винчи. Вот одно из них:

О морские города! Я вижу ваших граждан, как женщин, так и мужчин, туго связанных крепкими узами по рукам и ногам людьми, которые не будут понимать ваших речей, а вы сможете облегчать ваши страдания и утрату свободы лишь в слезных жалобах, вздыхая и сетуя про себя, ибо тот, кто связал вас, вас не поймет, яш вы их не поймете.

По форме здесь — мрачное пророчество о судьбе Италии, в действительности — шутливая загадка о спеленутых младенцах. Не

могу отказать себе в удовольствии привести еще одну загадку Леонардо да Винчи:

Много будет таких, что встанут друг против друга с острым железом в руках, но они не причинят друг другу иного вреда, кроме усталости, ибо насколько один будет подаваться вперед, настолько другой отклонится назад. Но горе тому, кто окажется между ними, потому что он будет разрезан на куски (Пильщики).

«Заумный язык»

Но пожалуй наиболее резким нарушением постулата ясности является «заумный язык» (термин В. Хлебникова) — поэтические опыты русских футуристов 1920-х гг., попытка создать особый поэтический язык, над которым не тяготело бы «бытовое значение слова» [см. ЛЭС: 111].

Несколько примеров:

Пускай сифонит небо

Устроим здесь веселый и пьяныйразгалдайГ

Рядышком

В зыбке играл

И рыбкой брыкался

Их бордюрный эпюз;

Вителю золотой звучало солнце,

И паутица села на окняк.

Резвийцамуха прожужжала билинтряс«

(А. Крученых, Вороная осень).

Заклятие смехом

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеянстеуют смеяльно,

О, засмейтесь, у смеяльно!

О, рассмешиц надсмеяльных—смеху смейных смехачей!

О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!

Смейево, смейево,

У смей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики.

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

(В. Хлебников).

Любахари, блюдахари Губайте вин сонливое соненье
Вот крепкий шишидрон И сладкий наслаждец!
А раньше чем пройтись по хересом,
Закуски—
Жареный зудац,
Средь моксы корчатся огромные соленые зудацы и агарышка с
луком!

(А. Крученых, Весна с угощением).

Его зиятельство Зударь земли Вождь заумцев Алексей Крученых

3-3-3-3.L

(И. Терентьев, О зудеснике).

А. Крементаина!

Уважь ат места!

Твой черный кворум Горит якмисто!

Диваньеморе

Уваетмарем

Играэзвает

О

К

Марэм Чарам.L

(О. Розанова, Превыше всего).

Заумная

Кробато корбато Конц 4PBIL Каучук у-уртL В за-ззудо
карчизны~

(А. Крученых).

К занятию Палестины англичанами

Сойнека жынэйра Липитароза куба Вейда лейдэ

Цюбэ

Тука стука вэй

ОйоккйокЭбь

Хэтиуп

Уп

Пи

(И. Терентьев).

Нетрудно заметить, что заумные стихи сильно отличаются по «степени заумности». Они были приведены нами в порядке нарастания этого признака. Любопытно, что эти сверхавангардистские стихи

имеют параллели не только в западной, но и в старой русской поэзии. Вот строки из «Сказаний русского народа» И. Сахарова, вышедшей в 1836 г. (цит. по: Юрий Анненков. «Дневник моих встреч. Евгений Замятин»):

*А а.а—о. о. о — и. и.и.—э.э.э.—у.у.у — е. е. е. ио,иа—о ио, иа, цок,
ио, иа, паццо!ио, иа, пипаццоГ* (Песня ведъм на Лысой горе).

*Эшохомо,лаваса, гииббода Зоокатема, зоосуома Чикодам,
викгаза~*

Обыгрывание постулата связности

На важность следования постулату связности указывают многие авторы. Хорошо сказал об этом «добродетельный Музаффар Юсуп Раджаби»: «Не уподобляйся в рассказе щенку, что визжит и крутится, пытаюсь схватить самого себя за кончик хвоста» (Л. Соловьев. Очарованный принц, IV).

Нарушения этого принципа обыгрываются многими авторами. Вот отрывок из письма А Пушкина П. А Вяземскому (II пол. марта 1830):

*Наше эюлтъе-бытье сносно. Дядя жив, Дмитриев очень мил.
Зубков член клуба. Ушаков крив.*

В. В. Виноградов пишет, «...в русской литературе принципы композиции, рассчитанной на разрушение логического сцепления частей и прямолинейного течения сказа, получили особенно широкое распространение со времени перевода романа Стерна “Жизнь и мнения Тристрама Шенди”» [Виноградов 1976: 248]. В романе Стерна мы находим не только образцы «околесной» речи, но и ее обоснование: «Историк не может так гнать свою историю, как повозчик гоняет лошаков,— всё вперед... Он принужден раз пятьдесят сворачивать с прямой дороги за тем или за другим, чего ни под каким видом пропустить нельзя...» [цит. по: Виноградов 1976: 249]. Начало «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» стало классическим примером «околесной» речи в русской литературе и неоднократно пародировалось. Приведем его — см. (1) и пародию на него — (2):

(1) *Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты, пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю, Бог знает что, если у кого-либо найдутся такие! Взгляните, ради Бога, на них—особенно, если он станет с кем-нибудь говорить—взгляните сбоку: что за объядение! Описать нельзя, бархат! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай Чудотворец, угодник Божий! отчего же это у меня нет такой бекеши! Он сшил ее тогда еще, когда Агафья Федосеевна не ездила в Киев. Вы знаете Агафью Федосеевну? Та самая, что откусила ухо у заседателя.*

(2) *Иван Прохорович Сучковатый- Вы знаете Ивана Прохоровича Сучковатого? Неужели вы его не знаете? Ах! Боже мой, да его вся Коломна знает, спросите в Канонерской, в Торговой, на Козьем Болоте—ей Богу! его все там знают! Я однажды шел даofсе от Прачешного- Нет, как бишь он, вот этот мост, ну—тот, что там через Пряжку по Мясной улице—вот, мимо рта суется.- Нет! не припомню! Еще подле него будка полосатая, а подле будки всегда располагается на лавочке будочник, который однажды- Ох, господа! Это презабавное происшествие—об нем вся Коломна очень долго твердила, и все думали, что это шутки, выдумки Фомы (Филипповича, известного своим остроумием во всей Коломне, не менее Вольтера в Европе во время оно- Ну, так, видите, ей-богу правда—иду я, идет и Иван Прохорович Сучковатый, так себе идет, еще и в шинель завернулся—у него прекрасная шинель пьюсового цвета—сукно сам он выбирал в Гостином дворе- и т. д. (по: [Виноградов 1976:244]).*

Этот стиль (по выражению М. Слонимского, «кунсткамера словесных уродств») был характерен не только для писателей «натуральной» школы, но и для советских писателей 20—30-х годов (в первую очередь, для М. Зощенко), ср. отрывок из рассказа «Происшествие»:

И едет, между прочим, в этом вагоне среди других такая вообще бабешечка.

У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет.

Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе. Вот она к нему и едет.

И вот она едет к мужу. Всё как полагается: на руках у ней малютка, на лавке узелок и корзинка. И вот она едет в таком виде в Новороссийск.

Едет она к мужу в Новороссийск. А у ней малютка на руках очень такой звонкий.

Показательно, что элементы этого стиля проникают и в тексты, не имеющие целью создание комического эффекта. Ими не брезговали даже такие литераторы, как Георгий Чулков и В. Шкловский. Их «поток сознания» остроумно высмеивается в след, пародиях А. Измайлова («История русской критики»):

(1) Мистический анархизм. L Анархический мистицизм!. Александрrrr Блок!. Алек-сандррр Блок. L Дайте попочке сахару!. Неприятие мира- Нетленная красота-Та-та-та! Соборный индивидуализм L Внутренний кризис L Внутренний врзис!. Александрrrr Блок!. Александрrrr Блок!. Александрrrr Блок!. Мейерхольд!- Космическое освобождение. Умиленность и покорность. Вячеслав Иванов-Христианский ренессанс. Роковая цепь истории- Александрrrr Блок!. Внутренний кризис!. Дайте попочке сахару!.

(2) Мой друг Рома Якобсон сказал мне-

— Если бы я не был филологом, я был бы кассиром

Мы растрачиваем золото времени, накручивая кадры забракованного сценария. Лев Толстой сказал мне.

— Если бы не было Платона Каратаева, я написал бы о тебе, Витя.

Толстой ходил босиком

Босяки Горького вгрызаются в сюжет.

Госиздат грызет авторов.

Лошади кушают овес.

Волга впадает в Каспийское море.

Вот и всё.

Постулат связности обязателен не только для отдельного высказывания или монологической речи: он должен соблюдаться и в диалогах. Зачастую нарушение этого принципа определяется желанием уйти от ответа, ср.:

(1) В Армянское радио пришел вопрос из Америки*. «Сколько получает советский инженер?» После долгого молчания Армянское радио ответило*.— А у вас негров линчуют.

В ответе, казалось бы уклончивом, содержится признание, что зарплата советского инженера — очень низкая.

(2) *Известная артистка на вопрос: «Сколько вам лет?»— ответила «наивно и стыдливо, опустив глаза»*. «В Брюнне».*

Соблюдая формально принцип кооперации, артистка отвечает не по существу. Сходным образом поступает и другая артистка — Пряхина из «Театрального романа» М. Булгакова:

(3) *Торопецкая вписала три слова в анкету и спросила*.*

— *Когда вы родились?*

Этот вопрос произвел на Пряхину удивительное действие (...):

— *Пресвятая богоматерь! Что же это такое? Я не понимаю, кому это нужно знать, зачем? Почему? Ну, хорошо, хорошо. Яродилась в мае, в мае! Что еще нужно от меня? Что?*

— *Год нужен— тихо сказала Торопецкая.*

Еще один пример намеренного нарушения постулата связности:

(4) [Брат невесты Левка пытается объяснить сватам ее несколько странное поведение]: Левка. *Наша Вера сегодня немножко угорела от утюга.*

Боярский. *Угореть от утюга может всякий, но быть хорошим человеком— это не всякий может* (И. Бабель, Закат, I).

В (4) сват (Боярский) не оспаривает объяснения странного поведения невесты, но делает общее утверждение, казалось бы, совершенно невпопад. Его, однако, можно понять и как завуалированное сомнение в том, является ли невеста хорошим человеком.

В связи с нарушением постулатов Грайса можно вспомнить сцену кражи гуся в «Золотом теленке»:

(5) [Паниковский с гусем под мышкой убегает от разгневанных жителей и кричит Бендеру, проезжающему мимо на «Антилопе-гну»]: *«Возьмите меня, я хороший!» «Возьмем гада?»—обращается Остап к своим спутникам.* Нарушаются сразу два постулата Грайса— истинности и связности. Реплика Паниковского *Я хороший* явно противоречит истине (уворованный-то гусь—под мышкой!), а в реплике Бендера нарушена связность диалога, поскольку Бендер не считает нужным даже обсуждать вопрос о достоинствах и недостатках Паниковского. Нейтральным ответом было бы нечто типа: *Гад он! Но, может, все-таки возьмем?* Легко заметить, что комический эффект при этом полностью утратился бы.

Длительное молчание среди малознакомых людей воспринимается как тягостное или невежливое. Даже неинформативные реплики (типа *Отличная сегодня погода*, *О*, даже несвязность диалога, немотивированный переход от одной темы к другой считаются допустимыми. Но все-таки до определенных пределов*.

Наташа Ростова танцует с поручиком Ржевским:

— *Наташа, вам по балде веслом доставалось?*

— *Нет, а к чему это вы?*

— *Да так, для поддержания разговора-*

В связи с постулатом связности определенный интерес представляет один жанр устного народного творчества — частушка, где две первых и две последних строки зачастую связаны лишь сравнительной связью, напр.:

*Хорошо траву косить,
Котора сама косится,
Хорошо девку любить,
Котора замуж просится*

— а то и вообще не связаны. На этом основана шутка о профессоре-филологе, который в лекции по фольклору сказал, что частушка—жанр устного народного творчества, где две первых строки никак не связаны по содержанию с двумя последними, и подкрепил свое утверждение примером:

*Умово миленка в ж,,
Поломалась клизма.
Призрак бродит по Европе,
Призрак коммунизма.*

Обыгрывание постулата истинности или искренности

Что такое истинность?

Понимание этого постулата, казалось бы, не связано с особыми трудностями: говорящий должен в случае утверждений говорить то, что соответствует действительности, а случае других речевых актов (побуждений, обещаний, вопросов и т. п.) — быть искренним. Однако в классической работе З. Фрейда, на которую мы неоднократно

ссылались [Фрейд 1925], приводится любопытный пример, показывающий, что проблема сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Речь идет о след, анекдоте:

Два еврея встретились в вагоне поезда. На вопрос первого: <<Куда едешь?>> второй отвечает «В Лемберг», и когда он в Лемберге собирается выходить, первый кричит. «Какой же ты лгун! Ведь ты сказал, что едешь в Лемберг, чтобы я подумал, что ты едешь в Краков, а ты, оказывается, едешь в Лемберг! Зачем ты меня обманул?»

Этот анекдот наталкивает на размышления о сущности постулата истинности. «Будет ли правдой, если человек описывает вещи такими, какими они суть, и не заботится о том, как слушатели воспримут сказанное? Или это только иезуитская правда? И не состоит ли истинная правдивость скорее в том, чтобы принять во внимание слушателя и способствовать тому, чтобы он получил верное отображение того, что знает сам рассказывающий?» [Фрейд 1925: 156]. В этой связи интересно замечание Тэффи («Игрушки и дети»):

— *Н-честное слово, это не я!*

<<Н-честное» слово было у нас в большом ходу при вранье. Солгать на честное слово считалось невысказанным, а если скажешь «н-честное» (сокращенное «не честное»), то греха тут нет, а обвинителю всегда слышится «честное».

Говоря «н-честное слово», дети, очевидно, ориентируются одновременно на двух слушателей — собеседника и некую высшую силу, Бога. Всеведущий Бог знает, конечно, что сказано: «не честное слово». Что же касается собеседника, то вольно же ему не расслышать сказанное!

Примеры нарушения постулата истинности

1. Обычно говорящие соблюдают постулат истинности или искренности и полагают, что их собеседники придерживаются того же правила. Нарушение этого постулата можно проиллюстрировать след, примерами:

(1) [Разговор Безенчука, гробовых дел мастера, с зятем умирающей женщины]:—«*Как здоровье тещеньки, разрешите узнать?*»—«*Мр-мр-мр*»,—неопределенно ответил Ипполит Матвеевич (...)—«*Ну, дай Бог здоровычка*,— с горечью сказал Бе-

зенчук,—одних убытков сколько несем, туды его в качель!» (И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев, I).

(2) Александр Македонский при осаде Лампсака увидел направлявшегося к нему его учителя Анаксимена, родившегося в этом городе и желавшего спасти родной город. Он тут же раздраженно предупредил: «На этот раз, наставник, я клянусь, что не выполню твоего требования».—«Хорошо,—сказал Анаксимен,—прошу тебя, разори Лампсак до ила!» И Александру, чтобы не прослыть клятвенным преступником, пришлось отступить от города (Музей остроумия).

(3) Мистер Ричардсон попросил дать объявление в газете о награде в 1 000 фунтов за пропавшую кошку его жены. «Такая награда за какую-то кошку?»—удивились в отделе рекламы — «Да никто этой награды не получит! Эту кошку я вчера собственноручно утопил в канале. Но зато как я подымусь в глазах жены!»

А вот пример, где оба собеседника не искренни, и их упреки и оправдания — игра:

— Почему ты, Клинков,—переворачиваясь на живот, с упреком сказал Подходцев,— не предупредил меня, что мы живем в России?

— Совсем у меня это из головы вон (А Аверченко, Подходцев и двое других, ч. 1, VIII).

2. Из постулата истинности вытекает истинность второй части предложений типа *X говорит, что Y*. *Y* в естественном языке можно считать правдой (если специально не утверждается обратное). Если я делаю (без каких-либо комментариев) высказывание *Петя говорит, что Маша вернулась вчера из Вильнюса*, то это значит, что я верю, что так оно и есть на самом деле. А. Д. Шмелев справедливо отмечает, «верить поступающей информации естественнее, чем не верить: язык в этом смысле вообще относит веру к норме, а неверие — к аномалии» [Булыгина — Шмелев 1997: 403], см. также [Арутюнова 1987]. О таком понимании предложений типа *X говорит, что Y* свидетельствует и след, анекдот

— Доктор, за последнее время я сильно сдал как мужчина. А вот моему соседу Рабиновичу под 70, а он говорит, что может три раза за ночь.

— А вам что мешает? Вы тоже говорите!

По отношению к естественному языку вряд ли можно согласиться с утверждением Г. Фреге, что в предложениях «X говорит (полагает), что Y» Y — не истина и не ложь, вопрос об истинности Y вообще не ставится. С другой стороны, нельзя отрицать, что в примерах Фреге *Колумб полагал, что Земля круглая, Колумб полагал, что Земля плоская* вопрос об истинности второй части, касающейся формы Земли, действительно не ставится. Дело, видимо, в том, что в примерах Фреге обсуждаются общие утверждения, относящиеся к прошлому. Вера в истинность чужого высказывания может в подобных случаях ослабляться до нуля.

3. Следуя постулату истинности (искренности), говорящие в то же время осознают, что в ряде случаев это требование может или даже должно быть нарушено. Вся шутка в целом характеризуется о с л а б л е н и е м требований к истинности высказывания. По справедливому замечанию Бомарше, «в шутках не то важно, соответствуют ли они истине, а хороши они или нет» (цит. по: [Щербина 1958:23]).

4. Есть целый вид комического, который строится именно на нарушении постулата истинности. Это ирония и ее более едкий и мрачный брат — сарказм. Их суть заключается как раз в том, что «кому-нибудь или чему-нибудь приписывается та черта, которая отсутствует, и тем самым ее отсутствие только подчеркивается» [Дземидок 1974: 80]. Этот прием широко использовался уже в Древней Руси, в частности у Ивана Грозного и протопопа Аввакума, ср.:

...присланы к намъ гостинцыг повесили на Мезени в дому моемъ двухъ человековъ, детеймоихъ духовныхъ (Житие протопопа Аввакума).

Приведем примеры иронии (обращаем внимание на то обстоятельство, что одним из языковых приемов создания иронии, может быть, самым распространенным, является использование перифраз, в частности ситуативных):

Я пришел к тебе с приветом, я прочел твои тетради: в прошлом веке неким Фетом был ты жутко обокраден (И. Губерман).

[О поэте] *-между нами говоря, этот инженер человеческих душ, как нарочно, оказался на редкость несостоятельным и ограниченным субъектом* (М. Зощенко, Бедная Лиза).

Ирония, как правило, дискредитирует описываемое (ср. все приведенные выше примеры). Однако возможно и обратное:

описываемый объект возвеличивается, а дискредитации подвергаются его хулители. Так, в полемическом стихотворении Василия Курочкина возвеличивается Чернышевский и его роман:

Нет, положительно, роман «Что делать?» нехорош!

Не знает автор ни цыган,

Ни дев, танцующих канкан,

Алис и Риголбош.

Жена героя—что за стыд!—

Живет своим трудом-,

Не наряжается в кредит

И с белошвейкой говорит—

Как с равным ей лицом.

Нет, положительно, роман «Что делать?» нехорош!

Истина и полуправда

В логике истинностные оценки приложимы только к высказыванию в целом и принимают только два значения — истина или ложь. Нам уже приходилось отмечать в связи со значением союза *или* и других разделительных союзов, что в случае высказываний типа *Стекло разбил Коля или Петя*, *В Каспийское море впадает Волга или Днепр* можно говорить о неполном соответствии правде, о полуправде (подробнее см. [Санников 1989: 137—142]). Обобщая это наблюдение, можно утверждать, что в отличие от логики, где высказывание может быть либо истинным, либо ложным, в естественном языке мы имеем дело со шкалой, где правда и ложь — полюса, между которыми находится множество промежуточных точек. Истинностная оценка приложима не столько к высказыванию в целом, сколько к отдельным элементам высказывания. Если я делаю утверждение *Вчера Петя ходил в кино с Катей*, то собеседник оценивает правильность каждого компонента моего высказывания, а в случае ошибочности одного из них он, внося уточнение, может оценить высказывание в целом и как истинное (*Да, ходил, но не с Катей, а с Машей*), и как ложное (*Нет, он ходил в кино не с Катей, а с Машей*). Определяющим при этом является количественное соотношение истинных и ложных элементов. Игнорирование этого правила воспринимается как аномальность. Ср. след, шутку:

— *А это правда, что Иван Иванович выиграл машину в лотерею?*

— *Правда. Только не машину, а тысячу рублей. И не в лотерею, а в преферанс, и не выиграл, а проиграл*~

Противоречие

С нарушением постулата истинности (искренности) мы сталкиваемся в высказываниях, содержащих противоречие. Н. Д. Арутюнова максимально широко понимает противоречивость, включает сюда следующие явления: логическую контрадикторность — недопустимость соприсутствия в тексте как единовременном продукте одного говорящего утверждения и отрицания одной мысли, несовместимость семантических компонентов, несоответствие синтаксических связей семантическим отношениям, разлад между коммуникативными целями говорящего и смыслом или presuppositionами высказывания, одновременная соотнесенность с разными точками отсчета или даже разными точками зрения (например, при неявной цитации), эмпирическую невозможность интерпретировать предложение применительно к устройству нашего мира и т. д. (см. [Арутюнова 1990:3]).

Нарушением принципа истинности является также парадокс, который «выражает мысль на первый взгляд абсурдную, но, как потом выясняется, в известной мере справедливую» [Дземидок 1974: 88]. Разграничение противоречия и парадокса довольно затруднительно, нередко между ними ставят знак равенства (см., напр., [ФЭС]). Приведем несколько шуток, обыгрывающих разные типы противоречивости и парадоксальности текста:

(1) *Везде старается он поспеть. **Всегда занят и никогда ничего не делает***

(И. Крылов, Похвальная речь науке убивать время).

(2) *Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихий век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит*

И над экспромтами недели не сидит!

(А. Пушкин, К другу стихотворцу).

(3) *Но стали ж мы пятою твердой И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,*

И равен был неравный спор

(А. Пушкин, Бородинская годовщина).

(4) ...чем нам и жить, душа моя, **под старость нашей молодости**—как не воспоминаниями (А. Пушкин—А. А. Дельвигу, 23 мар. 1821).

(5) Я отдаю товар, каков он есть, лицом-.

Осла ослом зову, Бибриса—подлецом.

За то гоним, забыт, в несчастной самой доле,

Богат лишь бедностью, скитался в Петрополе

(А. Бестужев-Марлинский, Подражание первой сатире Буало).

(6) Один только и есть **порядочный человек**—прокурор, да и тот, если сказать правду, **свинья** (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, V).

(7) — Нет, твой отец, **не говоря дурного слова, большая скотина**, извини — ведьмы на ты (Н. Гоголь, Игроки, XVI).

(8) Да я за то, батюшка, вам плюну в лицо, коли вы честный человек. Да **вы после этого подлец коли вы честный человек** Осрамить перед всем миром деуши ку! (Н. Гоголь, Женидьба, д. 2, XXV).

(9) Портной был сам **из Петербурга** и на вывеске выставил. **Иностранец из Лондона и Парижа** (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 2).

(10) Беседа беседе тоже розь, друзья! **Иная беседа такая бывает, что от нее никакого вреда, кроме как воняет.** Какой же, значит, от этого вред? (М. Салтыков-Щедрин, Современная идиллия, XI).

(11) А я ему честно и благородно.- **по-божески.** <<Проходи, говорю, мимо, **пьяница этакая**» (А Чехов, Ты и вы).

(12) Жена кричит мужу, который наставил пистолет на ее любовника:

— Остановись, несчастный! Ты что, хочешь убить отца твоих детей?

(13) Денег ваших я **никогда** у вас не брал, а ежели брал **когда-нибудь**, то по надобности (А Чехов, Суд).

(14) Девуца Подзатылкина **замечательна** только тем, что **ничем не замечательна** (А Чехов, Перед свадьбой).

(15) Бестия, я вам скажу! **Честнейший человек, благороднейший, но мерзавец в своем роде, архаровец,,,** (А Чехов, Рыцари без страха и упрека).

(16) Знакомый доктор, милый человек, всегда дававший ей работу, разводил руками-.—Ничего, голубчик, d/м еле <<?га. Настала

самая злокачественная эпидемия здоровья (Тэффи, Из тех, которым завидуют).

(17) Посаженная. Бы оскорбляете мое достоинство как матери и как девушки.. Пустите~ Сукин сын!!! (В. Маяковский, Клоп, III).

(18) ...они оба склонялись над географической картой империи, в пылала мечтами *молодая такая их старость* (А. Белый, Петербург, IV).

(19) Б. Гиппиус, точно оса в человеческий рост (...) с лобика, точно сияющий глаз, евл-елл камень: «л черной подвеске; с *безгрудой груди тарактел* черный крест (А. Белый, Начало века)

(20) Подпоручик *ничего себе, но—сволочь* (М. Зощенко, Виктория Казимировна).

(21) *Боже, боже, которого в сущности нет, до чего ты, которого на самом деле-то и нет, довел пешехода!* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, I).

(22) — *Вы, я вижу, бескорыстно любите деньги. Скажите, какая сумма вам нравится?* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, II).

(23) *Во время налета, в ту грозную ночь (...) факелы плясали, как черные девы, и бабы-молочницы шарахались и визжали под дулами дружжелюбных браунингов* (И. Бабель, Король).

(24) *Налицо вымогательство, порочащее и без того высокое звание советского официанта* (С. Альтов, Мир дому твоему).

(25) *Теперь—чуть что чего—за нож хватаюсь,
Которого, по счастью, не ношу*
(В. Высоцкий, Летела жизнь...).

(26) *Издалека доносились тишина, а изредка какое-то дружное тоскливое пение* (М. Булгаков, Театральный роман, 9).

(27) «Что же вы делаете с этими,, с убитыми котами?»—«На польты пойдут,—ответил Шариков,—из них *белок* будут делать на рабочий кредит» (М. Булгаков, Собачье сердце, IX).

(28) *Мы не умрем мучительной жизнью—
Мы лучше верной смертью оживем!*
(В. Высоцкий, В дорог)⁷ живо...)

(29) *Старожилам особенно памятно цунами 1929 года, после которого никого из них в живых не осталось* (А. Кнышев, Тоже книга).

(30) *Нужно безжалостно отрывать бабку всякому, кто порочит высокое звание гуманиста* (А. Кнышев, Уколы пера).

(31) *Ничто так часто не отсутствует, как присутствие духа* (А. де Ривароль, по: Ларец острословов).

(3 2) *У меня не было времени написать короткое письмо, и я написал длинное* (Г. Лессинг).

В фильме «Свидетель обвинения» адвокат обвиняемого в убийстве говорит, что свидетельница не может быть объективной, поскольку она «относится к его подзащитному отрицательно». На это свидетельница возражает так: «Нет, я всегда знала, что он — негодяй и подлец, но никогда не относилась к нему отрицательно». Противоречие вызвано здесь неграмотностью, незнанием значения слова.

Особый вид противоречия — иронические сравнения:

Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги

В комедиях, сатирах Шутовского Находим мы веселость псалтыря Затеиловость месяцеслова И соль и едкость букваря

(П. Вяземский).

Он у нас осьмое чудо—

У него завидный нрав.

Неподкупен—как Иуда,

Храбр и честен—как Фальстаф (Н. Некрасов, <На Ф. В. Булгарина>).

Чудак он, право, своенравный!

Его ввести не можно в толк!

На разговор он рыбе равный,

А вежлив, как сердитый волк

(А. Грибоедов и П. Вяземский, Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом).

Нейтральными были бы высказывания, содержащие отрицание обсуждаемых качеств: *неразговорчив, как рыба, невежлив, как сердитый волк* и т. п.

Противоречие становится не столь заметным, если противоречащие друг другу элементы текста разобщены, относятся к разным предложениям. Этот прием любили И. Ильф и Е. Петров, ср.:

— Вы знаете, Шура,—зашептал Паниковский,—я очень уважаю Бендера, но я вам должен сказать Бендер—осел! Ей-богу, жалкая, ничтожная личность! («Золотой теленок», XX).

Противореча сам себе, говорящий пытается создать здесь видимость объективности. Между тем в одном высказывании возможны противоположные частные оценки некоего лица (напр.: *Остан умен, но неопытен*), но недопустимы противоположные общие оценки.

Преувеличения

Есть хороший анекдот, иллюстрирующий еще одно (может быть, самое существенное) отступление от постулата истинности:

— Ваня! Ты абсолютно ничего не делаешь по дому, зарабатываешь копейки, вечно пьяный, только и знаешь, что бегаешь по бабам.

— Тысячу раз тебе говорил, сотни тысяч раз говорил и в миллионный раз повторяю: не смей преувеличивать!

Самое интересное заключается в том, что высказывание жены первоначально воспринимается нами как нейтральное. Делая высказывания типа *Вечно ты опаздываешь, Хорошо бы сейчас глоток вина, Она гибкая как змея* и даже: *Я сбегая к соседке на минутку, а ты помешивай кашу каждые полчаса*, мы обычно даже не осознаем, что наше высказывание — преувеличение, не вполне соответствующее истине. А осознав, можем высветить его и использовать в языковой игре:

Хозяин харчевни выскочил навстречу гостям (...)

— Не мешало бы нам перекусить хоть сухой корочкой,—сказала лиса.

— Хоть коркой хлеба угостили бы—повторил кот (...)

— Эй, хозяин,—важно сказал Буратино,—дайте нам три корочки хлеба.

— Веселенький, остроумненький Буратино шутит с вами, хозяин,—захихикала лиса (А. Толстой, Золотой ключик).

Между тем Буратино не шутил, его слова полностью соответствуют постулату Грайса об истинности (искренности).

Слушающий склонен недооценивать сообщаемое. Поэтому для адекватной реакции слушающего говорящему приходится прибегать к преувеличениям. И. Мандельштам писал: «Гиперболы живут с тех пор,

как живет язык, с тех пор как человек ищет выражения необычных чувств восторга, ужаса, горя, отчаяния» [Мандельштам 1902: 306]. Добиваясь соответствия формы и содержания, говорящий ищет неповторимой формы для выражения своих чувств, представляющихся ему неповторимыми. Другой причиной преувеличений является стремление добиться комического эффекта или погоня за выразительностью текста. Примеры:

(1) *...гомеопатическими, говоря высоким слогом, ножками* (Ф. Достоевский, Двойник; по [Виноградов 1976]).

(2) *«Умрем, но напакостим!»—восклищаешь ты, автор золотушных фельетонов-реклам* (М. Салтыков-Щедрин).

(3) — *Читаешь его [писателя Распрокислого] высокохудожественные рассказы, точно тряпку грязную сосешь* (В. Буренин, Литературные чтения...).

(4) *На столе около лампы и пепельницы лежал альбом. Шмахин миллион раз уже видел этот альбом, но от скуки притянул его к себе и в миллион первым раз стал рассматривать карточки* (А. Чехов, Безнадежный).

(5) *Прическа, как и подобает образованной девице, скромная: **два-три пуда волос**, зачесанных кверху, и на волосах маленькая лестница для причесывающей горничной* (А Чехов, Брак через 10— 15 лет).

(6) *Можно не то что дам, но и земной шар пропить* (А. Чехов, Святая простота).

(7) *Во всем, что касалось ее [жены] принципов, она старалась быть беспощадной.»— Нечестно,—говорила она мне,—носить бороду, когда из нее можно сделать подушку для бедного!* (А Чехов, Мои жены).

(8) [Об уральцах] *Здесьние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами, Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик* (А Чехов—Чеховым, 29 апр. 1890).

(9) *Эти духи могут свести сума даже **Эйфелеву башню**. На мулщин они действуют неотразимо* (Н. Евреинов, Кухня смеха).

(10) *Перевозчик **пьян, как бочка**,
Заменя-ка старика!*

(Саша Черный, На пароме).

(11) Двое молодых людей ожесточенно ухаживали за дамой,, которая отличалась необычайной худобой. Какой-то остряк говорил про них. «Вот две собаки, которые грызутся за кость».

(12) [Римлянин—о похищенных сабинянках]:—Они все царапаются,, как кошки! Я был в сотне сражений: меня били мечами, палками,, камнями,, стенами и воротами,, но ен<£ ни разу мне не было так скверно (Л. Андреев, Прекрасные сабинянки, I).

(13) Цыганята бегают, грязные—смотреть страшно. Взять такого цыганенка, но-мыть его мылом, и он тут же помирает, не может вытерпеть чистоты (А. Толстой, Похождения Невзорова, или Ибикус).

(14) Умолкли все. И в мертвой тишине

Стучали слезы в грязные тарелки («Чукоккала». Е. Шварц).

(15) /Соля Шварц привел с собой жену в фиолетовой шали с бахромой, женищину, годную в гренадеры и длинную, ш стель, о мятым, сонливым личиком на краю (И. Бабель, Ди Грассо).

(17) Что такое клиент? — Червь!

• Что такое бумажка?—Гранит! (Е. Петров, Сильная личность).

(18) Москвич любил пиво, Маховик-Датский, кроме водки, ничего в рот не брал (И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев, XIII).

(19) [О команде, которая лишь чудом избежала поражения] Московские динамовцы в матче с новороссийскими футболистами буквально ходили по лезвию ножа (ТВ «Время», 8 апр. 1996).

(20) Автомобилист, сбивший семерых прохожих, разбивший три машины и врезавшийся затем в витрину магазина, через три дня приходит в себя в госпитале и видит склонившегося над ним врача в белом халате.

— Ну как, доктор, мои дела?—еле слышно спрашивает он.

—А вот как, любезный: мне принесли анализы, в вашем алкоголе почти нет крови.

(21) [Нерон] ухитрился сострить по поводу театра в тот самый момент, когда представлял собой только футляр для собственного меча (А. Бухов, О древних остряках).

(22) Воздух в зале [суда] был до такой степени сгущен, что многие дамы, любительницы уголовных дел, совершенно спокойно клали на него свои легкие шляпки (В. Буренин, Мертвая нога, I).

(23) ...в дворницкой сидело, пило чай и откровенно любовалось Гришиной мягкой бородой убогое существо не толще вилки—черная юбка до пят,, (Т. Толстая, Поэт и муза).

Казалось бы, приведенные примеры (не говоря уж о хрестоматийных гоголевских шароварах, в которых «можно бы поместить весь двор с амбарами и строением») убеждают в безграничности преувеличений. Это, однако, не так И. Мандельштам [1902], кажется, первый подметил, что и гипербола должна знать меру. По его мнению, в примерах из Сервантеса и Рабле «юмор почти исчезает вследствие крайности преувеличения: “если бы не несколько глотков хорошего вина, взятые мною, желудок высох бы до такой степени, что как нитку меня можно было бы продеть через иголку”»; «Рабелэ завидует господам, не нуждающимся в портных; “у них уши так велики, что одно можно превратить в панталоны, сюртук и жилет, а из другого легко сделать шинель”. Смеха это место не вызовет, вследствие преувеличения искажения» [Мандельштам 1902: 309]. Где же проходит граница допустимого? Почему приводимые Мандельштамом гиперболы действительно трудно признать удачными, если допустимы даже «шаровары шириной в Черное море»? Дело, видимо, в том, что приведенные нами гиперболы имеют количественный характер, это количественные преувеличения, тогда как гиперболы Сервантеса и Рабле включают действие — настолько фантастическое, что его трудно себе представить.

Е. А. Земская одна из первых обратила внимание на проблему гиперболизации в русской речи [Земская 1959; РРР 1983]. Интересные наблюдения, иллюстрируемые примерами, приводились также в работах других авторов (см. о них [Крысин 1988]). Однако специальное рассмотрение этого вопроса началось в русистике только в конце 80-х годов, в работах Т. В. Шмелевой [1987] и Л. П. Крысина [1988].

В работе Т. В. Шмелевой рассматриваются специальные показатели преувеличения и непреувеличения — около двух десятков единиц.

Наиболее детально вопрос о гиперболизации рассматривается в интересной упомянутой работе Л. П. Крысина. Автор полагает, что «гипербола — явление в высшей степени характерное для непринужденного неподготовленного устного общения» (с. 95), что

она «составляет специфику РР (разговорной речи.—Я С.), отличающую ее от различных жанров кодифицированного литературного языка» (с. 111).

С этим высказыванием, пожалуй, трудно согласиться. Ясно как день, что художественная проза (особенно поэтическая речь) содержит массу гипербол — и это касается не только речи персонажей (сближающейся, как известно, с РР), но и авторской речи. А что уж говорить о речи с комической установкой, представляющей собой сплошные преувеличения! От преувеличений не свободны даже деловая и научная речь (обратите внимание: в данном небольшом абзаце их минимум три: *ясно как день, масса гипербол, сплошные преувеличения!*). В некоторых ситуациях (таких как похороны, объяснение в любви) отступления от правды, сильные преувеличения даже обязательны (см. ниже). Л. П. Крысин справедливо отмечает, что стремление создать у окружающих преувеличенное представление об описываемом предмете «вообще в природе человека, и даже не человека как такового, а говорящего. Рассказчик (...) постоянно усиливает и “расцвечивает” свою речь с помощью разнообразных приемов...» [Крысин 1988:99]. Автор детально анализирует эти приемы — **морфологические, лексические, фразеологические средства** [Крысин 1988: 102—104]. Укажем еще несколько, представляющихся нам достаточно интересными.

1) Сравнения. Большая часть сравнений (кроме таких как *Коля такой же высокий, как его отец*) являются в большей или меньшей степени преувеличениями, ср.:

Маша гибка как змея.

На душе было так тяжело, как будто на тебя взвалил кто дохлую корову

(Н. Гоголь, *Мертвые души*, т. 1).

Один из известных видов преувеличения — это *метаморфоза*. Ср.:

...он обратился весь в слух и зрение-

„обратить в ветошку г. Голядкина (по: [Виноградов 1976]).

В. В. Виноградов [1976] отмечает клаузулы у Н. Гоголя и Ф. Достоевского: *...платье, больше похожее на воздух, чем на платье* («Записки сумасшедшего»); *...дам, более похожих на фей, чем на дам* («Двойник»);

...вином, более похожим на божественный нектар, чем на вино («Двойник»).

2) Сочинительные конструкции с союзом *а не* (*не... а*).

(1) *Всем козам коза, мать, а не коза.*

Обыгрывание значения основного заместительного союза *не- а* (*а не*) настолько распространено, что подобные случаи его использования стали уже фигурой речи и не осознаются как языковая игра, хотя первоначально примеры типа (1), без сомнения, были языковой игрой: говорящий (буквально) уверяет нас, что описываемое животное не является козой, а является матерью (противоречия первой части своего же высказывания — о том, что это типичная коза, «всем козам коза»). Разумеется, оба — и говорящий, и слушающий — понимали, что это — игра. Предложения типа (1) близки к сравнительным, но отличаются от них большей категоричностью и экспрессивностью: чтобы убедить адресата в том, что X в каком-то отношении похож на Y, говорящий идет на крайнее преувеличение — утверждает, что это вообще не X, а Y. Еще несколько примеров:

(2) *Это просто старый бабий башмак, а не человек, насмешка над человеком, сатира на человека!* (Н. Гоголь, *Женитьба*, д. 2, XIX).

(3) *...да посмотрите вы на графа—конфетка, а не человек* (А. Толстой, *Похождения Невзорова, или Ибикус*).

(4) *...такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место* (М. Зощенко, *Аристократка*).

3) Глагольная категория времени:

(5) *Вы наступаете вдоль железной дороги.,* (= ‘будете наступать’).

(6) [Прятели вспоминают только что уехавшего Клинкава]:

—*Любил покойничек чистоту,—уныло улыбнулся Громов (...)*

—*Да-А как он любил покушать! Бывало, когда ни спросишь: «Клиночек, хочешь пожевать чего-нибудь?», всегда приходил в восторг* (А. Аверченко, *Подходцев и двое других*, ч. 1, XVI).

В (6) оставшиеся, пусть в шутку, называют уехавшего Клинкава «покойничком» и, естественно, говорят о его любви к еде в прошедшем времени, хотя и на новом месте Клинкав вряд ли потерял аппетит.

(7) — *Медаль даже обещался [Воробьянинов] мне представить. «Я, говорит, хочу, чтобы дворнику меня с медалью был».* Так и

говорил: «Ты, Тихон, считай себя уже с медалью-» (И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев, V).

Значение стативного путативного глагола *считать* в императиве Ю. Д. Апресян определяет след, образом: «Считай, что P = несмотря на некоторую недостаточность оснований, говорящий готов считать, что P ; говорящий сообщает, что адресат может считать, что $P \setminus Sp$. Считай, что тебе повезло {что мы поладили на этом}» [Апресян 1995: т. II, 150]. Приведенная шутка показывает, что при описании событий в будущем выражение *считай, что X* — явное преувеличение полной неотвратимости X -а. В действительности предполагаемое событие далеко не всегда реализуется (как это случилось и с тихоновской медалью).

27 - 1789

(8) *Завтра—еду в Москву*—предполагаемое высоковероятное событие принимается за свершившееся.

(9) *Ну, я пошел*—делается вид, что действие уже началось, говорящий не сомневается, что оно осуществится.

Как известно в подобных случаях говорят обычно об особых значениях соответствующих временных форм («прошедшее в роли будущего» и т. п.). По нашему мнению, эти и некоторые другие конструкции следует квалифицировать как частный случай преувеличения —подобно тому, как это делается по отношению к высказываниям типа *Ходят тут всякие, Что вы людей толкаете?; Набросали тут книг*, где речь идет об единичном объекте [ср. Крысин 1988: 102]. Если мы не видим в этих высказываниях особое значение множественного числа («множественное в значении единственного»), то почему мы объявляем *еду* в (8) или *пошел* в (9) «настоящим (или прошедшим) в роли будущего»?

4) Преувеличение, которое уже не ощущается говорящими, содержится в целом ряде синтаксических конструкций, в частности в конструкции типа *не ус-пел,, как. Ср.: Через два дня, не успел мистер Миллер явиться домой, как супруга объявила ему~*. Совершенно очевидно, что мистер Миллер все-таки успел явиться домой; нейтральным было бы высказывание типа: *...как только мистер Миллер явился домой,...*

Элементы преувеличения содержат многие из переносных слов и выражений. Это становится особенно заметно при столкновении

антонимичных выражений:

Не закаменеть, но и не размякнуть, оставаться на посту, но не стоять на месте, быть гибким, но несгибаемым, быть львом, но не звереть, не быть ни односторонним, ни двуличным—как всё это трудно! (С. Лец).

Подчеркнем, что при замене этой лексики нейтральной комический эффект пропадает *Не потерять способность к совершенствованию, но и не стать вялым, неизменно делать свое дело, но и совершенствоваться* и т. д.

Указание минимума или максимума

Нарушением постулата истинности является прием, родственный рассмотренному только что преувеличению, но все-таки существенно от него отличающийся. Видимо, в языке существует соглашение, согласно которому указание о существовании, наличии чего-л —это, при некоторых условиях, указание допустимого **минимума или максимума**. Подобные высказывания содержат оператор типа ‘хотя бы’, ‘по крайней мере’. Когда говорят. «Имеется X», то в ряде случаев, вопреки буквальному пониманию, имеется в виду: «X или больше (меньше)», «не менее (не более) X-а». На этом основан след, анекдот

(1) — *Черт бы его побрал, этот лифт! Часто поднимаюсь пешком.*

— *Что, не работает,?*

— *Работает, Но на кабине надпись: «На 4 человека, и каждый раз приходится ждать еще троих.*

Любопытен также анекдот об англичанине-двоеженце:

(2) *В Англии одного человека обвинили в двоеженстве и он был спасен своим адвокатом, который доказал, что его клиент имел трех жен* (Г. К. Лихтенберг, по: «Ларец острословов»).

Е. В. Падучева [19826] указывает интересную особенность англ. *like* и его русского переводного эквивалента — прилагательного *равный*:

— *Когда тебе дурно, всегда ешь сено,—сказал Король, усиленно работая челюстями,—В таких случаях нет ничего равного сему.*

— *Ая думала, брызнуть холодной водой или понюхать нашатырю будет лучше,— сказала Алиса.*

— *Я же не сказал, что нет ничего лучше,—возразил Король—Я сказал, что нет ничего равного* (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в

пер. Б. Заходера).

Е. В. Падучева полагает, что в контексте отрицания у прилагательного *равный* появляется значение ‘равный или больший’, которое и отрицается. Падучева справедливо отмечает, что толкование слова *равный*, предлагаемое в БАС (*равный* — ‘одинаковый — по величине, качеству или силе’), неудовлетворительно для таких приводимых там примеров, как *И то сказать в Полтаве нет Красавицы Марии равной* (= ‘нет красавицы хуже или лучше Марии’?!). Мне кажется, что мы имеем дело не с особенностью прилагательного *равный* (и, может быть, некоторых других), а с некоторым общим соглашением в языке, согласно которому в некоторых контекстах появляется указание на некий минимум. Приведенная пушкинская фраза имеет приблизительно такой смысл: ‘нет красавицы, хотя бы равной Марии’.

Еще несколько примеров, обыгрывающих эту особенность и подтверждающих, как будто, предлагаемое объяснение.

(3) *Перед свадьбой ты обещал исполнять малейшее мое желание.*

— *Яне соврал. Скажи, какое твое желание малейшее, и я его исполню.*

Высказывание *Обещаю исполнять малейшее твое желание* в нейтральном употреблении значит: ‘Обещаю исполнять даже малейшее, и тем более, важные желания’.

(4) *Она встала с видом разгневанной королевы: «Вы нахал! Неужели вы думаете, что я могу в личной жизни иметь двух любовников?!» Это неопределенное возмущение я понял впоследствии, когда простак сообщил мне, что у нее на этом ампула бывало и по четыре человека (А. Аверченко, Мой первый дебют).*

(5) — *Ничего не может быть лучше стакана вина!*—сказал кто-то в одном берлинском обществе, в присутствии знаменитого профессора Энгеля. Энгель ответил. «Ну нет! Бутылка вина, по моему, лучше».

(6) [Путевые заметки из Португалии] *..здешние женщины очень красивы, за исключением, конечно, тех, которые некрасивы. Одеты люди богато, но чаще—бедно* (В. Ардов, Литературная штамповка, или Пиши как люди).

Общие утверждения оценочного характера, касающиеся больших совокупностей, указывают на правило и не только допускают, но,

пожалуй, и предполагают исключения. Фраза *Здесь женщины красивы* имеет приблизительно такой смысл: 'В целом здесь женщины красивы' или: 'Абсолютное большинство здесь женщин красивы'. Тем самым, первое из приведенных утверждений (*здесь женщины очень красивы, за исключением, конечно, тех, которые некрасивы*) тавтологично. Аномальность второго утверждения (*Одежды люди богато, но чаще — бедно*) связана с тем, что исключений, естественно, должно быть существенно меньше, чем правильных случаев.

27*

Саморазоблачение

С точки зрения постулата истинности (искренности) представляют интерес случаи, на которые обратил внимание З. Вендлер. Он отметил, что высказывания типа *Он намекает, что-*; *Он голословно заявляет, что-* становятся недопустимыми в случае 1-го лица *Я намекаю, что-*; *Я голословно заявляю, что-*; *Идет дождь, но я в это не верю* (так наз. парадокс Мура); *Я приказываю тебе пойти, но, пожалуйста, не ходи* [Вендлер 1985]. Вендлер отмечает, что в подобных случаях говорящий совершал бы «иллокутивное самоубийство», подрывал бы веру в собственное высказывание, «разрушая левой рукой то, что построил правой» [Вендлер 1985: 243]. А Д. Шмелев справедливо отмечает, что подобные высказывания (он называет их самофальсифицируемыми) нередки в повседневной речевой практике, некоторые из них превратились в своего рода языковые клише (*Я не буду даже упоминать о-*; *Яни слова не скажу оГ*) [Булыгина — Шмелев 1997: 455—460]. Эта фигура речи (так наз. *praeteritio*) нередка в художественной литературе, ср.:

Не стану описывать кушаньев, какие были за столом! Ничего не упомяну ни о мнишках в сметане, ни об бутрибке, которую подавали к борщу, ни об индейке со сливами и изюмом, ни о том кушанье, которое очень походило видом на сапоги, намоченные в квасе (Н. Гоголь, Повесть о том, как поссорился...).

Постоянные употребления этой фигуры В. В. Виноградов отмечает в «Двойнике» Достоевского (*я ничего не скажу, но молча, что будет лучше всякого красноречия — укажу вам, ~ *, я не скажу ничего, хотя не могу не заметить,; я не буду описывать.~* [Виноградов 1976: 119]). А Д. Шмелев отмечает, что обороты такого

типа нередки и в научной речи (*В своем докладе я не буду говорить о том, что.-*). Следует, однако, иметь в виду, что обороты такого типа связаны с разной степенью самофальсификации. В высказываниях типа *В своем докладе я не буду говорить {ни слова не скажу} о синтаксических свойствах рассматриваемых единиц* самофальсификации нет, об этих свойствах, действительно, ничего не говорится. В других случаях она в научных текстах присутствует, но редко бывает полной. Это обычно «формальная» самофальсификация, ограничение темы последующего сообщения (пусть даже при этом даются некоторые оценочные характеристики). Комментируя фразу Н. А Струве *Мы не будем здесь говорить о попытках Рима — шеечных, начиная с крестоносцев XIII в. и кончая орденом иезуитов в XX-м,— распространять свое влияние, а если можно и власть на Россию*, А Д. Шмелев говорит, «...утверждая, что эти слова не будут сказаны, Н. А Струве как раз сказал их» [Булыгина — Шмелев 1997: 457]. На наш взгляд, Струве ничего конкретного и ничего нового о попытках Рима **не сказал**, он лишь напомнил о том общеизвестном, о чем он решил не говорить подробно. Вряд ли можно видеть са-мофальсификацию и в приводимых А Д. Шмелевым примерах типа *Не слушай ничьих советов; Никогда не говори «никогда»; Не смей командовать!* (Ленин). Ср. также древний парадокс: *Можно быть уверенным только в одном, что ни в чем нельзя быть уверенным. Если это утверждение истинно, оно тем самым и ложно.* Это, видимо, проявление эгоцентричности языка, в силу которой сам говорящий и его высказывание имеют особый статус: слушающий не должен относить сказанное к говорящему («Все высказывания, кроме данного..» и «все субъекты, кроме говорящего...»). Полная самофальсификация встречается не так уж часто, главным образом в шутках, например в призывающем детей к бдительности стихотворении 30-х гг. (С. Михалкова):

*Вы, может быть, даже разведать хотите,
Стоит ли у нас звуковой усилитель?
Нет, если узнают об этом секрете,
То лучше уж вовсе не жить мне на свете.*
Еще несколько примеров:

(1) [Гринев и Савельич в очередной раз помилованы Пугачевым]:

—■ *Спасибо, государь, спасибо, отец родной!*—говорил Савельич усаживаясь.— *Дай Бог тебе сто лет здравствовать (...)* Век за тебя буду Бога молить, а о заячьем тулупе и упоминать уж не стану (А Пушкин, Капитанская дочка).

(2) *Что делал я, когда я был богат,
О том упоминать я не намерен:*

В молчании добро должно твориться (А. Пушкин, О бедность!).

(3) [Разговор подруг]

—*Аязнаю кого-то, кто от вас просто без ума.*

—*Ая даже знать не хочу. Кто это? Синицын?*

—*Нет, не Синицын.*

—*А кто же? Ну, голубушка,, кто?* (А Аверченко, Фат).

(4) *Из скромности я остерегусь указать на тот факт, что в день моего рождения звонили в колокола и было всеобщее народное ликование. Злые языки связывали это ликование с каким-то большим праздником, совпавшим с днем моего появления на свет, но я до сих пор не понимаю, при чем здесь еще какой-то праздник?* (А Аверченко, Автобиография).

(5) — *Позвольте быть вам проводимой мной. Где вы живете?*

—*Ишь, чего захотели. Никогда я не скажу вам, хотя бы вы проводили меня до самого дома на Московской улице, номер семь... Ах, что я сказала! Я, кажется, проговорила*(А Аверченко, Страшный человек, V).

(6) *Паниковский, пригнувшись, убежал в поле и вернулся, держа в руке теплый кривой огурец. Остап быстро вырвал его из рук Паниковского, говоря. «Не делайте из еды кюльта». После этого он съел огурец сам* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, VI).

(7) *Ничего я на это не ответил. Только побледнел ужасно и говорю:*—*Мне, говорю, товарищ деверь, довольно обидно про морду слушать. Я, говорю, товарищ деверь, родной матери не позволю морду мне арбузом разбивать (...)* *Ничего я на это не ответил, только говорю:*—*Тьфу на всех, и на деверя, говорю, тьфу* (М. Зощенко, Стакан).

(8) — *Ваша жена ревнивая?*

— *О, нет. Совсем почти не больно!* (Журн. «Сатирикон», 1911).

(9) [Пациент—психиатру]—*Спасибо, доктор, что вы излечили меня от мании величия. Сколько миллионов я вам за это должен?*

(10) В известной песне М. Исаковского девушка заявляет, «что, конечно, возражает» против того, чтобы юноша ее поцеловал, а потом говорит ему, огорченному и собравшемуся уходить:

*Я в глаза ему смотрю,
Раз такое положение,
Ну, уж ладно, говорю,
Поцелуй~ без разрешения².*

(П) — Свидетель, давайте показания,—сказал Король,—и не волнуйтесь, не то я велю казнить вас на месте (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера) — угроза, содержащаяся во второй части высказывания, вряд ли может успокоить собеседника.

(12) — Гейдар Алиев (1992 г.): *Весь советский народ знает меня как исключительно порядочного, честного и скромного человека~*

Подобный прием используется иногда как основной структурный элемент некоторых жанров художественной речи, чаще всего эпиграмм. Ср.:

Невозможность эпиграммы

Тумба, щетка ильухват Да Владимир Майков с ними И с твореньями своими Эпиграммы не внушат.

*И перо бы Ювенала Не придумало остроум И тебя б не покарало,
Петербургский идиот!*

(Н. Щербина).

Особый и очень интересный вид саморазоблачения — опережающее высказывание-запрет:

Не говори, что молодость сгубила Ты, ревностью измучена моей.

Предупреждая упреки, говорящий сам излагает их суть.

Одним из условий, в которых может быть нарушен **постулат истинности или искренности**, является поэтическая (и — шире — художественная) речь. В «Книге о пародии» Вл. Новикова приводятся шуточные стихи А. К. Толстого, перекликающиеся с пушкинской «Царскосельской статуей»:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой'.

Дева над вечной струей вечно печальна сидит.

А вот шутка Толстого:

Чуда не вижу я тут. Генерал-лейтенант Захаржевский,

В урне той дно просверлив, воду провел чрез нее.

Здесь высмеивается не наивно-поэтическое удивление Пушкина, а правдолюбец, режущий «правду-матку» и не понимающий условностей поэтического языка, не понимающий, что Пушкин не хуже его знал о строителе фонтана и о технической стороне дела.

Языковая демагогия

Прогресса столпы и титаны труда,—

Я с гордостью это признаю всегда!—

Свое мне вниманье дарили _

Автора этих стихов Анкудина Козодоева из пародии А. Измайлова нельзя обвинить во лжи: ему действительно уделили внимание такие люди, как Некрасов и Тургенев: Некрасов — написал две записки (*одна говорит, «не подходит рассказ», другая. — «стихи не годятся»*), Тургенев — *«при встрече случайно задев, чуть слышно сказал: «Извините»*. Это — пример демагогических высказываний, находящихся в сложных отношениях с истиной.

«Счастливая особенность лингвистики — в объекте, язык умеет манипулировать, он умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать (...) “Лингвистическая демагогия” — это воздействие посредством оценки, осуществляемое не прямым, “лобовым” способом» [Николаева 1988: 154—156]. Наиболее детально этот вопрос рассматривается в работе [Булыгина — Шмелев 1997]. А. Д. Шмелев след, образом определяет это явление: «Под языковой демагогией понимаются приемы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами» [с. 461], и далее: «...языковая демагогия как таковая предполагает некритическое восприятие со стороны адресата. А навязываемые ему мнения подаются как данность, обсуждать и тем более отрицать которую просто глупо. Именно этот механизм и лежит в основе всего разнообразия приемов языковой демагогии» [с. 477].

Шмелев отмечает, что подлинный расцвет языковой демагогии имеет место сейчас, «в условиях относительной свободы», что языковая демагогия использовалась и в советское время, но «инвентарь демагогических приемов был относительно небогат

прежде всего это было использование двух разных рядов лексических единиц в зависимости от того, идет ли речь о “своем” или о “чужом”» [Булыгина —Шмелев 1997:461]. С этим высказыванием трудно согласиться: не только советская пропаганда, но и «простые советские люди» владели большим набором демагогических средств. Несколько примеров, почерпнутых мной из личного опыта:

(1) *Восхищаясь импортными бритвами, старый коммунист говорит. «Чего только эти капиталисты не придумают для наживы!»*

(2) *На американской выставке в Москве в конце 50-х американец спрашивает у русского, посетителя выставки, сколько костюмов тот может купить на свою зарплату. «Такой, как у меня,—один, таких, как у Вас —два».*

(3) *Сотрудница Института русского языка АН СССР, побывавшая в 60-х годах в Англии, писала в институтской стенгазете о своих впечатлениях. «Магазины задыхаются от изобилия товаров, ибо покупательная способность населения очень низка» (читателю становилось жаль не себя, а задыхающиеся английские магазины и нищих англичан).*

Неискренними, разумеется, могут быть не только слова, но и поступки, однако противоречие между поступками и глубинными намерениями выходит за рамки языка, хотя и вскрывается иногда языковыми средствами. Ограничимся поэтому одним примером:

Старый петух преследует курочку. Что они при этом думают?

Он: Не догоню, так согреюсь.

Она: Не слишком ли быстро я бегу?

Существует множество способов языковой демагогии. Из приемов языковой демагогии, указываемых в упомянутой работе А. Д. Шмелева, в языковой игре чаще всего обыгрываются три (в помещаемом ниже перечне способов языковой демагогии они приводятся первыми):

1. Ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию

Ассерция (утверждение), маскирующаяся под пресуппозицию (т. е. под бесспорную и не нуждающуюся в обсуждении предпосылку):

(1) *Дайте простой и ясный ответ на следующий рыбацкий вопрос. «Что, рыбалка делает из человека вралю или рыбачат одни только вралю?»*

Мысль: «Все рыбаки —• ввали» маскируется в (1) альтернативным вопросом, выдается за нечто само собой разумеющееся.

(2) *Да ведь за такие деньги не то что жениться, в Сибирь пойти можно!* (А Чехов, Трагик). Внушается мысль: «Женитьба— дело нехорошее (хотя и лучше Сибири)».

(3) *Экскурсовод останавливается у огромной вольеры орла:— Внимание, граждане. Перед вами орел-стервятник. Питается исключительно стервами. Гражданочка, поберегитесь!* (Журн. «Крокодил»).

(4) *Я так долго живу, что еще помню порядочных людей* (Раневская).

(5) — *Я человек немногословный.—Я тоже женатый.* («Женитьба располагает к не-многословию: неинтересно говорить? говорит всё время жена?»).

(6) *Чтоб утонуть в реке, в нем сердце слишком робко,
К тому же, господа, в воде не тонет пробка*
(Д. Минаев, Опровержение).

(7) — *Что же ты, дурак, намерен предпринять?*
— *Жениться!*—твердо сказал Журочка.

— *Ну, и женись, если, конечно, тебя привлекает именно этот не особенно удобный способ самоубийства* (Е. Петров, Проклятая проблема).

(8) *Все друзья хотят меня женить, потому что люди не выносят, когда кому-нибудь хорошо* (М. Жванецкий, Для вас, женщины).

(9) «*Клуб кинопутешественников*». *На этот раз побываем с вами в Сибирском этнографическом музее, где посмотрим избу крестьянина-бедняка прошлого века на четыре комнаты с коровником, курятником, конюшней, гаражом на две телеги и темным сырым погребом, где бедняк вынужден был хранить сало, колбасы, молочные и другие продукты, которые ежедневно спасали его от голодной смерти* (М. Задорнов).

2. Игра на референциальной неоднозначности

Нередка игра на референциальной неоднозначности, на возможности соотнести языковое выражение и с конкретным объектом, и с целым классом объектов.

(1) Сеня. *Вы кто, святая? (...) кто же еще согласится выгораживать негодяев?*

Аня. *Вы так говорите о моем муже?*

Сеня. *Извините, я хотел сказать, выгораживаете вашего мужа и другого негодяя* (В. Шкваркин, Весенний смотр, I).

(2) — *Мы ищем бухгалтера.*

— *Как? Вы же взяли на работу бухгалтера неделю назад!*

— *Да, а теперь мы его ищем* ³.

(3) *В веймарском парке критик, отрицательно относившийся к творчеству Гёте, демонстративно загородил дорогу поэту и гневно произнес.*

— *Я не уступаю глупцам!*

— *А я, наоборот, всегда это делаю*—спокойно ответил автор «Фауста» и вежливо сошел с тропинки (Музей остроумия).

В обеих репликах в форме общего высказывания преподносится оскорбление («Ты — глупец!»), однако реплика Гёте более весома: если слова критика еще можно (формально!) интерпретировать как общее высказывание, сделанное при случайной встрече на тропинке и не имеющее отношения к Гёте, то слова Гёте не допускают двойного понимания — поскольку они сопровождаются конкретным физическим действием.

3. Возражение под видом согласия

1. А. Д. Шмелев относит сюда (на наш взгляд, без достаточных оснований) высказывания для «снятия сомнений», включающие выражения типа *действительно, в самом деле*, он пишет «...действительно, казалось бы, предназначенное для выражения согласия, в реальных текстах чаще всего используется для полемики, когда, соглашаясь с какой-то частностью, говорящий возражает против существа мысли оппонента» [Булыгина — Шмелев 1997: 307]. Приводимые в этой работе примеры типа: «“*Это коньяк,— сказал он. — Коньяк великолепный*”. *Коньяк в самом деле оказался очень хорошим*» (А. Чехов) трудно квалифицировать как «возражение под видом согласия» и даже как «снятие сомнений у гостя» (ср. возможное расширение: *Коньяк действительно (в самом деле) оказался, как всегда, очень хорошим*, когда нет ни возражений, ни сомнений).

Интересны наблюдения А. Д. Шмелева над «согласиями с оговорками» (типа *Действительно (в самом деле), ~но (однако):*

Проблема эта действительно суи^с-твует, однако зачастую не там, куда указывают оппоненты) (см. [Булыгина — Шмелев 1997: 466—467]). Нам представляется, однако, что «согласие с оговорками» индуцируется здесь не словом *действительно* и не сочетанием *действительно~но (правда)* (точно так, как в высказывании *Проблемы этой не существует, но скоро она возникнет* «согласие с оговорками» индуцируется, понимается, не отрицанием *не*). В высказываниях с *действительноно~* и возражение, и «согласие с оговорками» индуцируется общим смыслом высказывания, преимущественно второй его части, вводимой словами *но* или *однако*, которая всегда является доминирующей по смыслу (см. [Санников 1989: 151—152]). К тому же смысл второй части, вводимой союзом *но*, может быть самым разным, в результате чего сочетание *действительно-_v но~*, полемическое использование которого

АД Шмелев считает «близким к конвенциональному», может содержать даже полное согласие (ср.: *Коньяк действительно оказался очень хорошим, но я спешил домой*]¹ *Проблема эта действительно суи^с-твует, но я знаю об этом уже давно*).

2. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев относят к формулам, выражающим возражение под видом согласия, также «уступительно-противительные фразеосхемы» (термин Д. Н. Шмелева [1960]) типа *Знать-то он знает, да не говорит, Ничего не обвиваю, но попытаться попытаюсь; Успокоить не успокоила, а все-таки развлекла, развеселила немного* (А. Островский); *Нарожать нарожала, а научить не научила* (см. [Булыгина — Шмелев 1997: 309—315]). Показательно, однако, что во всех типах этих конструкций авторы выделяют наряду с «областью несогласия» также и «область согласия». Они предлагают чрезвычайно тонкий анализ семантического соотношения этих двух областей, и наше возражение — скорее терминологического свойства: квалификация этих конструкций как «возражений под видом согласия» не только огрубляет картину, но вводит в заблуждение. Может быть, правильнее было бы говорить о «частичном согласии».

3. На наш взгляд, более «чистыми» образцами возражений под видом согласия являются конструкции с подчинительными союзами типа: *Хорошо, приходи, если тебе жизнь не дорога, Да, сделает, когда рак на горе свистнет* и т. п. Ср. также след, диалог:

—... хочешь, мы завтра приволокем тебе Веру Дулову?

— **Конечно**,—отвечает,—если вы хотите, чтобы я ее, вашу Веру Дулову, удавил струною от арфы,—тогда, **пожалуйста, волоките** (Вен. Ерофеев, Москва —Петушки).

Добавление *если* делает ответ, по форме положительный, резко отрицательным.

4. Иногда с этой же целью используется гиперболизированное согласие. Ср. «согласие» матери Никиты на то, чтобы ему дарили лошадь:

<(Ах, в таком случае делайте всё, что хотите, садитесь на беших лошадей, ломайте себе головы»,—у матушки налились слезами глаза. (А Толстой, Детство Никиты).

5. Зачастую подтверждение слов собеседника в действительности является опровержением, ср.:

(1) *Оглянулся; вижу, из крепости скачет казак, держа баширскую лошадь в поводья (...): «Ваше благородие! Отец наш [Пугачев] вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан овчинный тулуп). Да еще,—промолвил запинаясь урядник,—жалует он вам- полтину денег.- да я растерял ее дорогою', простите великодушно». (...) Добро,—сказал я—Благодари от меня того, кто тебя прислал', а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку» (А Пушкин, Капитанская дочка).*

(2) [В редакции]—*Так это вы написали эти стихи: <<Я помню чудное мгновенье>>?— Да.Я-с.—Очень рад познакомиться. Василий! Стул господину Пушкину! (Журн. «Сатирикон», 1909 г.).*

Чаше всего это достигается доведением до абсурда:

(3) *Две дрессировщицы собак хвастаются:*

—*Моя Джильда читает газеты.*

—*Знаю, мне про это говорил мой Шарик (Анекдоты от Никулина).*

(4) *Поручик Ржевский утром кричит денщику:*

— *Иван! Ты почистил мою одежду? А то вчера в офицерском собрании капитан Ивановский упился как свинья,. Весь мундир мне облевал!*

— *Он Вам, Ваше благородие, еще и в штаны насрал!*

(5) [Меценат удивляется просьбе Клинкова внести в ломбард деньги за часы]

— *Опять деньги на часы? Да ведь ты у меня вчера взял на выкуп часов?!*

— *Не донес! Одной бедной старушке дал (...)*

— *Как теперь быстро стареют женщины,*—печально сказал Кузя сверху.—*В двадцать два года—уже старушка* (А. Аверченко, Шутка Мецената, I).

Опровергающее высказывание (типа: *Неправда! Ты истратил деньги на девушку!*) заменяется общим высказыванием, заведомая ложность которого как раз и является способом разоблачения ложного утверждения. Сходным образом построена следующая сценка:

(6) [Об известном фантазере графе Красинском] *Однажды занесся он в рассказе своем так далеко и так высоко, что, не умея как выпутаться, сослался для дальнейших подробностей на Вылежинского, адъютанта своего, тут же находившегося. «Ничего сказать не могу (заметил тот): вы, граф, вероятно, забыли, что я был убит при самом начале сражения»* (Рус. лит. анекдот).

В (6) адъютант не уличает своего командира во лжи и даже не отказывается подключиться к его рассказу, но делает при этом нелепое утверждение о своей смерти, в свидетели которой призывает командира. И это заставляет слушающих усомниться в правдивости обоих рассказчиков.

(7) [Разговор двух соперников] *«Сегодня опять было письмо?»— строго спросил Мартын. «От моего портного»,—ответил Дарвин (...)* *«У Сони неважный почерк»,—заметил Мартын. «Отвратительный»,—согласился Дарвин* (В. Набоков, Подвиг, XIX). Нейтральной в этой ситуации была бы реплика Мартына: *Неправда, это письмо от Сони.*

(8) — *Позвольте узнать, сколько Вам лет?*

— *Недавно исполнилось двадцать семь.*

— *А сколько Вам было, когда Вы родились?*

(9) *Девушка на улице спрашивает встретившуюся ей женщину.*

— *Вы не скажете, где живет Анатоль?*

— *А кто Выему?*

— *Я его сестра.*

— *Очень приятно. А я—его мать.* (Вообще говоря, последняя реплика может быть нейтральной—в ситуации сводных брата и

сестры.)

(10) В почтовом ящике журнала «Новый Сатирикон» Аверченко отвечает незадачливому автору под псевдонимом Сигизмунд:

«Если хотите,—пишет Сигизмунд,—можете начало и конец рассказа сделать другие». Исполнено. Сделана также другая середина. Всё это подписано «Арк. Аверченко» и помещено в настоящем номере. Довольны?»

4. Согласие под видом возражения

Реже встречается противоположный случай — когда возражение или несогласие (полное или частичное) на деле является подтверждением или согласием:

(1) *«Прекрасная Галатея! Говорят, что она красит свои волосы в черный цвет?»*— *«О, нет: ее волосы были уже черны, когда она их купила»* (Г. Лессинг).

(2) [В цирке, трансформатор—помощнику]—*Эй, Мишка. Дай шпагу. Я ее проглочу на глазах почтеннейшей публики. Голос из-за кулис. Больше нету. Трансформатор. Как нету? Голос из-за кулис. Так и нету. Вчера последнюю шпагу проглотили. Больше не осталось. Трансформатор. Извините, господа. Придется этот номер отложить. Все шпаги уже проглочены* (А. Аверченко).

(3) Жен а. *Я уверена, ты женишься на следующий же день после моей смерти!*

Муж. *Нет, дорогая! Сначала несколько дней я отдохну!*

(4) [Разговор молодоженов]:

—*Если ты мне еще раз возразишь, я тебя поцелую.*

—*Нет, не поцелуешь,«*

Интересный случай замаскированного согласия приводится К. Чуковским:

(3) *Едет в поезде человек. Сосед спрашивает, как его фамилия. Он говорит: Первый слог моей фамилии то, что хотел дать нам Ленин. Второй то, что дал нам Сталин. Вдруг с верхней полки голос: «Гражданин Райхер, вы арестованы»* (К. Чуковский. Дневник 1930—1969. Запись анекдота, рассказанного Казакевичем, 4 марта 1956).

Правильное решение загадки чекистом доказывает, что он, в сущности, так же оценивает советскую действительность, как и арестованный им пассажир.

5. Демагогическое сравнение

Хорошо известно, что «сравнение (...) является одним из основных приемов познания и освоения мира, окружающей человека действительности» [Очерки истории..., с. 114]. Менее обращает внимание на то обстоятельство, что этот «один из основных способов освоения мира» является в то же время одним из основных (по-моему, основным) приемом «языковой демагогии». Сравнение склонно в меру доверчивости (скептицизма, образованности) собеседника сближать по смыслу компараты и сами ситуации, которые описываются с их использованием. Как мы уже отмечали (см. гл. Синтаксис), при сравнении происходит некоторое уравнивание, оценочная нивелировка компаратов — обычно с целью дискредитации описываемого или для самодискредитации, ср.:

(1) — *Эх! Вывели- Вывели, как какое-нибудь ничтожное пятно на скатерти* (А. Аверченко, Новогодний тост).

(2) *«Пушкин вообще любил читать мне свои вещи,—заметил князь [А. М. Горчаков] с улыбкой,—как Мольер читал комедии своей кухарке»* (Пушкин в жизни, т. 1,277).

Это уравнивание компаратов и дискредитация описываемого происходит даже там, где сравнение не связано с оценкой, а является, казалось бы, совершенно объективным, например в случае сравнения по количеству, ср.:

(3) *Молодой защитник выступал в суде по делу одного фермера, предъявившего иск железнодорожной компании за то, что принадлежащий ей поезд раздавил двадцать четыре его свиньи. Стараясь произвести впечатление на присяжных размером нанесенного ущерба, адвокат заявил: <Двадцать четыре свиньи, джентльмены! Двадцать четыре! В два раза больше, чем вас!>*

В трех приведенных примерах нет ничего «демагогического», и может возникнуть сомнение в правомерности рассмотрения сравнения как одного из способов построения демагогического высказывания. Дело, однако, в том, что сравнение, представляя собой некоторую неточность, «натяжку», тем не менее в ряде случаев демагогически используется в качестве аргумента, обоснования некоторой точки зрения. Оно обладает внешней убедительностью (если, конечно, есть хоть какое-то сходство между сравниваемыми объектами). Вот несколько примеров демагогических сравнений:

(1) *На бракоразводном процессе женщина просит оставить дочку ей, поскольку она ее родила. Мужчина категорически не согласен: «Ваша честь! Если вы опустили монету в автомат для продажи воды, то кому принадлежит стакан воды —вам или автомату?»*

(2) — *Как ты живешь со своей женой?! Она тебе изменяет с половиной города!*

— *Рабинович, как человек деловой, ты должен знать, что лучше 10 процентов в хорошем деле, чем 100—в плохом.*

(3) *Что такое экономическая реформа в СССР?—Это инъекция в протез.*

(4) *Дидро сказал однажды императрице Екатерине: <<Иметь столицу на краю государства—всё равно что держать сердце на ладони>>.*

(5) *Один из остроумнейших наших поэтов, говоря однажды о скупом богаче, сказал: «Богатство его приносит точно такую же пользу, какую бы приносило мне одеяло в три версты длиною. Я покрылся бы одним его уголком, а остальное лежало бы понапрасну» (Энцикл. весельчака).*

(6) — *Стоит ли молодой девушке выходить замуж за старика?*

— *Когда вы берете деньги, вы же не смотрите, в каком году они напечатаны.*

(7) *Один француз пошутил: «Мрачное лицо у живого человека так же противостоит, как улыбающееся у покойника».*

6. Неравноценность альтернатив

Еще один, сходный со сравнением, демагогический прием — поставить собеседника перед выбором из двух заведомо неравноценных вариантов: чтобы добиться согласия на нечто, собеседнику предлагается выбирать между этим «нечто» и чем-то совершенно неприемлемым. Ср.:

(1) [Спор родителей Никиты о продаже лошади]: *«В таком случае, —отец даже расшаркивался,—я прямо заявляю: или эта проклятая кобыла в хозяйстве или я!» В конце концов матушка, как и догадывался Никита, предпочла отца» (А. Толстой, Детство Никиты).*

(2) —*Девочка, ты хочешь на дачу или чтобы тебе оторвали голову? (К/ф «Подкидыш»).*

7. «Сильное» высказывание вместо «слабого», и наоборот

Нарушение в демагогических целях постулатов общения Грайса чаще всего проявляется в том, что вместо «более сильного» высказывания говорящий делает «слабое», ср.:

(1) [Финал рассказа А. Чехова «Шведская спичка»—разговор станового со своей женой об исчезнувшем и вновь «обретенном» помещике Кляузове]:

— *Зачем следователь приезжал?*

— *Приезжал сказать,, что Кляузова нашли. Вообрази, нашли его у чужой жены/*—говорит становиха, и говорит чистую правду, умалчивая лишь о том, что чужая жена, у которой в баньке обретался Кляузов, это она сама, становиха.

(2) [Жильцы «Вороньей слободки» говорят о соседе, полярном летчике Севрюгове]:

— *Ведь это герой Ведь он сейчас на восемьдесят четвертой параллели/*

— *Что еще за параллель такая смутно отзывался Митрич— Может, такой никакой параллели и вовсе нету. Этого мы не знаем. В гимназиях не обучались. Митрич говорил суцую правду. В гимназии он не обучался. Он окончил Пажеский корпус (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XIII).*

(3) — *Чем закончилась вчера твоя ссора с женой?*

— *Она стала передо мной на колени.*

— *И что же она сказала?*

— *Вылезай из-под кровати, подлый трус!*

(4) — *Что сказала твоя жена,, когда заметила тебя целующимся с соседкой?*

— *Представь себе, ничего. А те два передних зуба мне и так давно пора было удалить.*

В сборнике «Физики продолжают шутить» (М., 1968) приводятся некоторые традиционные общеупотребительные выражения в научных текстах и их глубинный **СМЫСЛ**:

«Хорошо известно, что»» (Я не удосужился найти ссылку на работу, в которой об этом было сказано первый раз).

«Имеет огромное теоретическое и практическое значение» (Мне лично это кажется интересным).

«Эта работа была выполнена четыре года тому назад (Нового материала для доклада у меня не было, а поехать на конференцию

очень хотелось).

«Для детального исследования мы выбрали три образца» (Результаты, полученные на остальных двадцати образцах, не лезли ни в какие ворота).

«...был случайно слегка поврежден во время работы»» (Уронили на пол).

«...ображались с исключительной осторожностью»» (Неуронили на пол).

«На этот счет существует единодушное мнение»» (Я знаю еще двух ребят, которые придерживаются того же мнения).

8. Другие средства

С демагогическими целями могут использоваться, кроме основных, перечисленных выше, также и некоторые другие языковые средства, ср.:

(1) *Матч по легкой атлетике СССР—США Бегут двое. Американец победил. Советские газеты сообщили. «В беге на 100 метров советский спортсмен пришел одним из первых. Американский бегун был предпоследним».*

В нейтральном употреблении быть одним из *первых* можно, если есть большая группа «не первых», а *предпоследним*—если есть большая группа «первых».

(2) — *Л что, Куколка?—спросил Новакович — Что если переложить эти стихи на*

музыку? Я бы и переложил.

—Да разве вы композитор?

-Я-то? Вы оперу «Майская ночь» слышали?

— Но ведь это вещь Римского-Корсакова?!

— Вот я и говорю—знаете «Майскую ночь» Римского-Корсакова? Так я могу написать в десять раз лучше! (А. Аверченко, Шутка Мецената, III).

В описываемой в (2) ситуации при нейтральном употреблении реплика *Вы оперу «Майская ночь» слышали?*—это ответ в форме вопроса, уместный только в устах автора «Майской ночи».

9- Пример языковой демагогии («Клеветникам России» Пушкина)

Рассмотренные выше приемы языковой демагогии используются и в «серьезной» художественной речи, в том числе в поэзии. Только один пример — стихотворение А. Пушкина «Клеветникам России»,

где приемы языковой демагогии являются основным структурным элементом. Оправдывая присоединение Польши к России, Пушкин использует прием сравнения: кровавое подавление восстания 1831 г. он сравнивает с домашним спором (в который, понятное дело, не должны вмешиваться посторонние!), Россию — с морем, а другие славянские народы — с ручьями. Следующий примененный Пушкиным прием — д е м а-гогическая альтернатива: *Оъавянскиель ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос*. Пушкин даже не допускает третью возможность — возможность того, что и славянские народы будут независимыми, и Россия не погибнет (хотя и во времена Пушкина немало было примеров того, как близкородственные народы не сливались в «едином море» — Испания и Португалия, немецкие княжества и Австрия). И, наконец, концовка стихотворения: *Иль нам с Европой спорить ново? Иль русский от побед отвык?*, которую даже друг Пушкина П. Вяземский определил как нелепость и фанфаронаду: «Неужели Пушкин не убедился, что нам с Европою воевать была бы смерть?» Любопытно, что и сам Вяземский в этой своей заметке о стихотворении Пушкина не свободен от преувеличений и демагогических сравнений, напр.: «...курам насмех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить лапу на мышь» (Кн. П. А. Вяземский. «Старая записная книжка», по: В. Вересаев, Пушкин в жизни).

Принцип вежливости

Н. Д. Арутюнова отмечает, что существует еще один принцип, регулирующий отношения между «я» и «другими», не менее важный, чем постулаты Грайса. Это **принцип вежливости**, который может заблокировать любой из четырех указанных ранее постулатов общения: чтобы быть вежливым, говорящий зачастую недостаточно информативен, отказывается от связности речи, ее ясности и однозначности и нередко даже грешит против истины. Вот три шутки, построенные на столкновении принципов истинности и вежливости.

(1) — *Какая разница между джентльменом и истинным джентльменом? Джентльмен, открыв не ту дверь и увидев голую*

женщину, говорит: «Простите, мисс», а истинный джентльмен: «Простите, мистер!»

(2) Дама почтенного возраста обращается к известному журналисту.

—Вы не могли бы дать автограф пожилой женщине?

—Пожалуйста, но где она?

(3) Адмирал В. Я. Чичагов на приеме у Екатерины II, описывая решающее сражение, увлекся, ругал трусов-шведов, обратившихся в бегство, причем употреблял весьма крепкие выражения. «Я их-. я их-.»—кричал адмирал. Вдруг старик опомнился, в ужасе вскочил с кресел, повалился перед императрицей.—Виноват, матушка, Ваше императорское Величество—Ничего— кротко сказала императрица, не дав заметить, что поняла непристойные выражения,—ничего, Василий Яковлевич, продолжайте', я ваших морских терминов не разумею (Рус. лит. анекдот).

Зачастую говорящие, стремясь быть вежливыми, не опускаются до лжи, а смягчают отрицательную оценку, чтобы не слишком огорчить собеседника:

(4) [Разговор Андрея С. (3 лет) с М. Г., угостившей его пирожками]

—Андрюша, тебе понравились мои пирожки?

— Не чересчур.

Ответ *Не чересчур* вежливее прямого *нет*, поскольку, по справедливому замечанию Е. М. Вольф [1981], всякое *слишком*, *чрезмерно*, *чересчур*, *пере-* создает отрицательную оценку. Отрицание наречия *чересчур* не приводит к замене в (4) отрицательной оценки на положительную, но смягчает отрицательную оценку.

(5) [Медвежонок Пух застрял, уходя из норы Кролика после обильного угощения]:

— *Всё из-за того,—сердито сказал Пух,—что выход слишком узкий!*

— *Нет, всё из-за того, что кто-то пожадничал!*—строго сказал Кролик.—*За столом мне всё время казалось, хотя из вежливости я этого не говорил, что кто-то слишком много ест! И я твердо знал, что этот «кто-то»—не я!* (А Милн, Винни-Пух и все-все-все; пересказ Б. Заходера).

Пример иллюстрирует особое употребление неопределенного местоимения, связанное с желанием смягчить упрек собеседнику,— «кто-то вежливости». Иногда из соображений вежливости не допускается резкая смена темы:

(6) [Разговор русских эмигрантов] — *Что это не видно моего кузена Гриши?—Разве вы не знаете?На прошлой неделе от сыпняка кончился—Ах, вот что! То-то я смотрю-.А булки почему покупали?* (А. Аверченко, Кипящий котел).

Е. А. Земская выделяет два типа невежливости — намеренная и непреднамеренная [Земская 1994: 133]. Обыгрыванию подвергается чаще всего невежливость непреднамеренная.

Общее высказывание может оказаться невежливым, если говорящий не учел, что оно может быть отнесено к адресату:

(7) [Жена местного воротилы, застигнутая ливнем, укрылась в магазине]—*Сегодня у вас так тихо,—заметила она недавно поступившему сюда продавцу—Обычно здесь столько народа.*

— *О да, мадам! Но взгляните на улику! Какой дурак захочет выйти из дому в такую погоду?*

(8) [На концерте]

— *Какой неприятный голос! Вы не знаете, кто поёт?*

— *Моя дочь.*

— *Прошу прощения. Дело, разумеется, не в голосе, а в песне. Прямо вам скажу— никуда не годная песня. Интересно, кто ее написал?*

-*Я.*

Иногда обратный эффект может вызвать даже стремление быть вежливым:

(9) *Дама, шутя, спросила молодого человека, будет ли он на ее похоронах.—«Без сомнения, сударыня, с величайшим удовольствием!»*

В действительности ложь, нарушение принципа истинности (искренности) вызвано зачастую не соображениями вежливости, а достаточно корыстными соображениями:

(10) [Покупатель—коммивояжеру]:

— *Чем можно объяснить ваши успехи в торговле?*

— *Теми первыми пятью словами, которые я произношу, когда женщина открывает мне дверь: «Скажите, мисс, ваша мать дома?»*

В ряде случаев осмеивается не нарушение постулата истинности (или искренности), а именно тупое следование этому принципу, когда человек в ущерб правилам вежливости выкладывает всю правду Ср.:

(11) *На официальном обеде королева одного из европейских государств производит неприличный звук. Вскрикивает французский дипломат. «Извините, пожалуйста. У меня острое желудочное заболевание. Еще раз прошу меня простить». Обед продолжается. Но —повторяется то же самое~ И тогда, расталкивая всех, вскрикивает советский дипломат и громогласно заявляет: «Второй неприличный звук, произведенный ее высочеством, советская делегация имеет честь взять на себя!»*

Е. А Земская справедливо отмечает, что иногда принцип вежливости блокирует не только правила прагматики, но и правила грамматики и лексики. *«Так говорить не принято — слышим мы в таких случаях (...); местоимения он, она свободно употребляются для называния человека, но говорить он, она о лице присутствующем при разговоре невежливо»* [Земская 1994:131—134].

Одним из проявлений вежливости является лесть — соединение вежливости, неискренности и преувеличения. Приведем два примера высказываний, содержащих лесть, где возвеличение адресата сочетается с самоуничижением:

(12) [Начало письма Петра I матери] *Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражай-гцей матушке царице Наталье Кирилловне, недостойный сынишка твой Петрунь-ка, в работе пребывающий,—благословения прошу* (А Толстой, Петр I, кн. 1, гл. IV, 5).

(13) — *О владыка!—ответил Ходжа Насреддин.—О свет нашей области, и солнце ее, и луна ее, и податель счастья и радости всему живущему в нашей области, выслушай своего презренного раба, недостойного даже вытирать своей бородой порог твоего дворца* (Л. Соловьев, Повесть о Ходже Насреддине, 8).

6. Типы речевых актов

Активные и пассивные речевые акты

Н. Фоушен выделяет в дискурсе два типа речи — направляющую (вопрос; требование ответа; приказ; предложение сделать сообщение) и подчиненную (кон-28-1789

тролируемую): «первый тип задает программу, второй ее осуществляет» (цит. по: [Арутюнова 19906]). Н. Д. Арутюнова относится к этому делению несколько настороженно: «Н. Фоушен как бы исходит из незыблемости прав “хозяина” и его посланцев. Между тем адресат волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, согласиться или возразить, пойти на уступку или перейти в наступление, выполнить просьбу или отказаться» [Арутюнова 19906: 176]. Нам выделение направляющей и подчиненной речи представляется вполне оправданным. По отношению к речевым актам можно говорить об активных и пассивных. Говорящие отчетливо ощущают (и обыгрывают) это различие. Активная роль принадлежит всегда спрашивающему или выдвигающему некое требование. Это отчетливо проявляется в диалогах типа: — *Ты меня уважаешь?* — *А ты меня?* — *Я первый спросил.* И тут уж крыть нечем: приоритет спросившего первым выдерживается довольно строго. Перехват инициативы спрашиваемым, конечно, возможен, но он требует определенных усилий и даже некоторой ловкости. Ср. след, диалог из повести А. Аверченко «Подходцев и двое других»:

(1) [Квартирная хозяйка требует у жильца квартплату]:

— *Вы на сегодня обещали.*

— *Неужели сегодня?*_т Гм- *Что это у вас, новая кофточка?*

Прехорош енькая.

— *Новая. Позвольте получить, Константин Петрович.*

— *Что получить?*

— *Да деньги же! Пожалуйста, не задерживайте, мне на кухню нужно.*

— *Хозяиничаете все? Хлопочете?*—ласково спросил Клинков—
Хе-хе.

— *Может, вам разменять нужно? Я пошлю.*

— *Сколько там с меня?*

— *20 рублей!*

— *Деньги, деньги-задумчиво прошептал Клинков.—Шесть букв- а какая громадная сила в этом коротеньком словце! Вы читали, Анна*

Марковна, роман Золя «Деньги»?

*— А вы читали когда-нибудь повестку о выселении?—
любопытствовала хозяйка.*

Жилец многократно пытается перехватить речевую инициативу. В обычном диалоге собеседник в таких случаях возвращает к теме (репликами типа *Не об этом речь, Вы мне не ответили*). У Аверченко хозяйка поддерживает игру, тоже отвечает вопросом на вопрос, облекая угрозу выселить жильца в оболочку светской болтовни.

В споре приоритетной считается последняя реплика, последнее слово. Тут необходимо, однако, существенное уточнение, и сделать его позволяет след, шутка:

(2) — Так ты хочешь меня уверить, что оставляешь за собой последнее слово во всех спорах со своей женой?

— Конечно. Я всегда говорю: «Да, дорогая!»

Выражение *Последнее слово в споре осталось заХ-ом* корректно только в случае, если точка зрения Х-а восторжествовала.

Из различных типов речевых актов в языковой игре чаще всего используются утверждения, а также вопросо-ответные высказывания и побуждения. Они рассматриваются в след, разделах главы.

Гипотетические высказывания

Примеры обыгрывания **утверждений** в большом количестве приводились выше (см., например, первую часть данной главы), поэтому ограничимся примером обыгрывания одного типа утверждений — гипотетических высказываний:

[Наставления артиста Бомбардова автору пьесы, который в первый раз идет к режиссеру театра]:—*Как пройдет большой серый дом,—говорил Бамбардов—повернете налево, в тупичок. (...) С улицы входа нету, а поверните за угол во дворе. Там увидите человека в тулупе, он у вас спросит. «Вы зачем?»—а вы ему скажите только одно слово: «Назначено».*

— Это пароль?—спросил я.—А если человека не будет?

— Он будет,—сказал холодно Бамбардов и продолжал.—За углом, как раз напротив человека в тулупе, вы увидите автомобиль без колес на домкрате, а возле него ведро и человека, который моет автомобиль (...) Напротив же как раз человека с ведром—дверь (...) А напротив беленькие колонны и черная-пречерная печка, возле которой

сидит на корточках человек в валенках и топит ее» (М. Булгаков, Театральный роман, 12).

В приведенном примере нарушен принцип организации гипотетических высказываний (см. [Булыгина — Шмелев 1997: 294]). Нейтральным было бы включение в текст показателей гипотетичности типа *вероятно, наверно, скорей всего*. Впрочем, и в обыденной речи опущение показателей гипотетичности не редкость, ср. след. диалог: — *Он завтра будет в Институте.*—*А если не будет?*—*Ну, если не будет, тогда ты~* Первая реплика (в сущности, гипотетическое высказывание) не содержит показателей гипотетичности. Поскольку эти показатели факультативны, само выделение гипотез как особого, отличного от утверждений, типа речевых актов, предлагаемое в [Булыгина — Шмелев 1997: 294], представляется недостаточно оправданным.

Ответ — особый тип речевых актов?

Некоторые исследователи (см. особенно [Гловинская 1993: 203—204]) справедливо отмечают, что ответ индуцируется не только вопросом, но и речевыми актами других типов, например побуждениями, и на этом основании выделяют ответ в особую группу речевых актов. Нам кажется, что структура ответа настолько зависима от структуры предшествующего речевого акта, что это препятствует выделению его (ответа) в качестве особого, «автономного» типа речевого акта. Ответ настолько «спаян» с предшествующим речевым актом, что правильнее, может быть, говорить о «вопросо-ответных..», «побудительно-ответных..» и т. д. «...соответствиях».

Чаще всего обыгрываются вопросо-ответные соответствия.

Вопросо-ответные соответствия

Вопросы и ответы, разные стороны их взаимоотношений — неисчерпаемая база для создания шуток Укажем лишь некоторые из них.

Активная роль принадлежит, как мы уже отмечали, спрашивающему, отсюда естественное стремление у спрашиваемого «перехватить инициативу», например, в следующих шутках:

28*

(1) *На вопрос жены: «Ты гулял сегодня с собакой?» ни в коем случае нельзя отвечать «Нет», потому что она скажет: «Так погуляй же!» Нужно отвечать: «Нет. А ты?»*

Степень заинтересованности спрашивающего

1. Одним из требований, которым должен удовлетворять вопрос, является требование (или условие) искренности (см. [Падучева 1985: 25]). Однако говорящие тонко чувствуют различия в степени заинтересованности спрашивающего в получении ответа. Здесь — широкий спектр: глубокая личная заинтересованность — праздное любопытство — полная незаинтересованность (когда вопрос задается, например, из простой вежливости). Эти различия обыгрываются в след, анекдоте:

(1) *На вокзале пассажир спрашивает у служащего:*

— *Скажите, здесь вход для депутатов парламента?*

— *Да, проходите, пожалуйста.*

Его спутница: «Разве вы депутат парламента?»—«А я и не говорил, что я депутат. Я просто спросил, здесь ли вход для депутатов».

(2) — *Элен, скажите, Вы могли бы выйти замуж за полного идиота, если у него есть дача и шикарный автомобиль?*

— *Н-не знаю~ Ваше предложение так неожиданно~*

Противоположный случай:

(3) *Кто-то спрашивает должника: «Когда же заплатите вы мне свой долг?»—«Я и не знал, что вы так любопытны»,—отвечает тот.*

2. Особый вид вопроса — **вопрос-участие**, предполагающий, что спрашивающий в случае необходимости постарается помочь собеседнику. Ср. шутку, построенную на ошибочной установке на вопрос-участие:

(4) *В кинотеатре:*

— *Тебе хорошо видно, дорогая?*

— *Да, спасибо.*

— *И тебе никто не мешает?*

— *Нет, никто.*

— *А кресло удобное?*

— *Да, все в порядке.*

— *Может, поменяемся местами?*

3. Один и тот же (по форме) вопрос может содержать прямо противоположные дополнительные компоненты — просьбу и предложение — (5), просьбу и опасение — (6), просьбу и упрек — (7):

(5) *Мужик ловит рыбу, выходит из леса ежик:*

— Мужик, у тебя изолента есть?

— Нет»

Ежик молча уполз. Через час он возвращается:

— Мужик, держи изоленту!

(6) *В гостинице, где «всё для клиента».*

— У вас клопы есть?

— Нет, но если желаете—можем запустить.

(7) — Ну, теперь все ясно,—сказал Боланд и постучал длинным пальцем по рукописи. — Совершенно ясно,—подтвердил кот (...) Что ты говоришь, Азазелло?—обратился он к молчащему Азазелло.

—Я говорю,—прогнусил тот,—что тебя хорошо было бы утопить (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 24).

В плане прагматическом в последнем примере интересен и вопрос кота, и ответ Азазелло. Вопрос нарушает презумпцию вопроса ('кот что-то сказал'). По существу это не вопрос, а то ли упрек (за молчание), то ли побуждение высказаться (с задней мыслью поставить неразговорчивого Азазелло в затруднительное положение). Нейтральный ответ на подобные вопросы—опровергающее высказывание типа *Ничего я не сказал', Тебе послышалось* и т. п. Азазелло же не опровергает высказывание кота, отвечает на вопрос, вкладывая в свой ответ дискредитирующее кота содержание.

4. Ответ на заданный вопрос —обязателен. Молчание хуже, чем самый грубый ответ. Ср. след, диалоги:

— Почему?—Потому! (с особой интонацией раздражения), или: По кочану! или: Потому что потому кончается на -у.

В приведенных примерах собеседник не хочет отвечать по существу и выражает (с разной степенью грубости) недовольство спрашивающим за ненужный вопрос. Более того. Даже заведомо ложный ответ все-таки вежливее, чем молчание. Рассказывают, что какой-то почитатель преследовал Вольтера своими письмами до такой степени, что философу стало наконец невтерпеж и он отправил своему истязателю такую записку: *М. Г., я умер, и таким образом, впредь уже не в состоянии отвечать на ваши письма.*

Интервал между вопросом и ответом не должен быть слишком большим, долгое молчание воспринимается как нежелание отвечать, ср.:

(8) [Разговор молодоженов]—«Скажи, дорогая, сколько у тебя было мужчин до меня?» Молчание.«Обиделась!»—решил муж. Через час он спросил: «Ты все еще сердисься?» —«Нет, я все еще считаю».

Нейтральным речевым поведением жены был бы ответ. «Подожди, сейчас посчитаю».

Общие, альтернативные и специальные вопросы

1. Н. К. Рябцева отмечает «Представление о том, что такое вопрос, целостно и едино. Это следует уже из того, что носители языка не осознают многозначность данного слова» [Рябцева 1991:73]. Говорящие, однако, хорошо осознают функционально разные типы вопросов и обыгрывают их.

2. Общие, альтернативные и специальные вопросы существенно отличаются, в частности, по возможности постановки модальных слов типа *наверное*, *возможно* и т. п. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев утверждают, что эти модальные слова, как показатели гипотетичности, несовместимы с показателями иных иллокутивных типов, например вопросительности (см. [Булыгина — Шмелев 1997: 294]). Это утверждение нуждается в уточнении. Слова типа *наверное* допустимы в некоторых видах общих и альтернативных вопросов (*Это, наверное, мрамор?; Это, наверное, мрамор или гранит?*), но не в вопросах специальных. Ср. след, пример нарушения этого принципа в детской речи:

(1) Андрей С. (2,5 года), привыкший к неуверенным ответам матери на его вопросы, спрашивает, указывая на мрамор: «Мама, это наверно что?»

Пример (1) интересен и с точки зрения вопроса-ответного соответствия: вопрос строится с учетом индивидуальных особенностей речевого поведения спрашиваемого, он уже включает высоковероятный элемент ответа — модальное слово *наверно*.

3. Говорящие отмечают, далее, что есть способы еще определеннее выразить согласие и несогласие, чем с помощью стандартных формул *да* и *нет*, ср.:

(2) [Разговор двух приятелей] — Ты знаешь, она мне вчера, судя по всему, отказала.— Ерунда! Когда женщина говорит «нет», это значит «может быть».—Но она мне сказала: «Что? Тьфу!»

4. Говорящие тонко чувствуют неудовлетворительность общего вопроса, включающего отрицание. На такой вопрос нельзя ответить, и

это подчеркивает приводимая ниже шутка. Она иллюстрирует и еще одну важную особенность вопроса-ответного диалога, касающуюся трактовки молчания. Ср.:

—*Я не мог не жениться на ней. Ведь как она поставила вопрос. «Ты женишься на мне? У тебя нет возражений?» Тут уж я никак не мог выкрутиться. Скажи «да» или «нет», ее устроил бы любой ответ.*

—*Почему же ты не промолчал?*

—*В том-то и дело, что промолчал. Тогда она сказала: «Молчание — знак согласия!», и на этом все было кончено (Смех на каждый день).*

5. Говорящие отмечают еще одну важную особенность общего вопроса. Иногда ответа *Нет* недостаточно (в случае, если альтернативы, содержащейся в общем вопросе, в действительности не существует), ср.:

(3) [Разговор покупателя с продавцом]—*У вас есть мясо?—У нас нет рыбы, а мяса нет в магазине напротив (З. Паперный, Птичка голосиста).*

Нейтральный ответ в вопросах типа (3) — не просто: *Нет*, а нечто типа *Нет, и быть не может-, Мы мясом не торгуем.*

6. Нередко обыгрывание альтернативных вопросов:

(4) *Что более вам нравится? запах розы или резеды?—Запах селедки (А. Пушкин—П. А. Вяземскому).*

В (4) обыгрывается свойство альтернативных вопросов задавать область (цветы) и даже ее наиболее вероятные элементы (роза, резеда). Аномалия возникает не при нарушении исходного предположения о вероятных элементах (ответ *Запах фиалки* не аномален), а при нарушении задаваемой вопросом области— как это имеет место в (4), где область «цветы» заменяется совсем другой областью — «продукты». Интересно, что область вопроса может задаваться не только альтернативными элементами, содержащимися в самом вопросе,—она может быть задана предшествующим текстом или самой ситуацией:

(5) *..муж бережно освобождает жену из своих объятий и, глядя на ее неестественно полный живот, спрашивает меня:*

—*Как ты думаешь, что у нас будет?*

Этот вопрос муж Митя задавал мне много раз, и я каждый раз неизменно отвечал:

— Окрошка, на второе голубцы, а потом крем. Или:—Завтра? Кажется, пятница (А. Аверченко, Здание на песке, I).

При ответе на альтернативный вопрос спрашиваемый может отвергнуть обе альтернативы:

(6) Филиппу на его вопрос, как желают спартанцы встретить его в своей стране— врагом или другом?—они отвечали. «Ни тем, ни другим» (Всемирн. остроумие).

Другой необычный ответ на альтернативный вопрос дается в след, шутке, где не только принимаются обе альтернативы, но к ним добавляется еще одна:

(7) — Что будете пить, вино или водку?

— И пиво!

Псевдовопросы

1. Многие вопросы (недоуменные, риторические и т.п.) не являются, собственно говоря, вопросами. Они не содержат компонента 'незнание', который

Н. К. Рябцева считает прототипическим [Рябцева 1991: 76], и, естественно, не требуют ответа. Е. В. Падучева отмечает, что вопрос *Кто может объять необъятное?* (Козьма Прутков) равнозначен отрицательному суждению *Никто не может объять необъятное* (см. [Падучева 1996а: 306]). Буквальное понимание подобных псевдовопросов вызывает комический эффект:

(1) [Влюбленный в телефонистку Обуялов]: «*Слушайте. Клянусь вам, что я погибаю. Что у вас в груди—сердце или камень?*» Обуялов прислушался. Ответа не было. Его больше не слушали. **Вопрос о содержимом грудной клетки телефонистки так и остался невыясненным** (Е. Петров, Беспокойная ночь).

(2) Князь N (хозяин за ужином).—И тсяя; вал* кажется это вино?

Пушкин (запинаясь, но из вежливости).—*Ничего, кажется, вино порядочное.* Князь N.—*А поверите ли, что, тому шесть месяцев, нельзя было и в рот его брать?*

Пушкин.—*Поверю* (Разговоры Пушкина).

(3) После похорон генсека КПСС Черненко раздается телефонный звонок в Политбюро:

— *Здесь записывают в Генеральные секретари?*

— *Ты что, дурак?*

—Ага. Еще и больной, и старый.

(4) [Бендер и Воробьянинов обсуждают стоимость сокровищ, спрятанных в стульях]:

— Теперь, значит, стоит полтораста тысяч.

— Неужели так много?—обрадованно спросил Воробьянинов.

— Не меньше. Только вы, дорогой товарищ из Парижа, плюньте на все это.

— Как плюнуть?

— Слюной,—ответил Остап,—как плевали до эпохи исторического материализма. Ничего не выйдет (И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев, VI).

Вопрос Воробьянинова *Как плюнуть?*-по форме специальный вопрос, по существу—выражает недоумение. Между тем ответ Бендера (*Слюной!*) ориентирован именно на буквальный смысл вопроса. Интересно, что так наз. коммуникативного провала, тем не менее, не происходит, собеседники отлично поняли друг друга.

(5) [На похоронах] —*Кого мы хороним?!—воскликнул я, обведя присутствующих горестным взглядом. На этот вопрос любой из присутствующих мог бы ответить, что «хороним мы Игнатия Фомича Зябкина, а если я не знаю такой простой вещи, то лучше бы мне и не взбираться на могильный холм»-. Но все промолчали, потому что поняли: такая фраза говорится ораторами для разгона.—Кого мы потеряли?!—взывал я (промолчали и на этот вопрос)—Игнатия Зябкина мы потеряли—вот кого!* (А. Аверченко, Пантеон советов молодым людям).

(6) *Молодого прокурора упрекнули за слишком строгое обращение с подсудимыми. На очередном судебном процессе он восклицает, увидав вводимого в зал подсудимого'. «А кто это к нам пришел?!А кто это ба-абушку убил?!»*

Вот еще пример, из рассказа А. Аверченко «Здание на песке», где описывается разговор новобрачных, прерываемый репликами их приятеля:

(7) [Муж—жене Липочке]:

—А чьи это губки?

Из угла я говорю могильным голосом:

— Могу заверить тебя честным словом, что губы, как и все другое на лице твоей жены, принадлежат именно ей!

—Друг мой.- я тебя не понимаю~ Он, Липочка, кажется, сегодня нервничает. Не правда ли?-А где твои глазки?

— Эй— кричу я—Если ты нащупаешь ее нос, то полевой и правой стороне, немного наискосок, можешь обнаружить и глаза! Не советую даже терять времени на розыски в другом месте!

В эмоциональных вопросах такого типа нарушаются все без исключения условия успешности вопроса (см. о них, напр., [Падучева 1985: 25]): говорящий знает ответ и, тем самым, не нуждается в получении информации от слушающего. Еще примеры обыгрывания вопросов этого типа:

(8) *Одинокий мужчина каждый вечер слышит, как за стеной кто-то спрашивает: «А чья это у нас попка?» Однажды он не выдерживает: «Выясните вы, наконец, чья тому вас жопа, и не мешайте людям спать!»*

(9) *Матушка [попадья] поняла только одно: отец Федор ни с того ни с сего остригся, хочет в дурацком картузе ехать неизвестно куда, а ее бросает.*

— Не бросаю,—твердил отец Федор,—не бросаю, через неделю буду назад. Ведь может же быть у человека дело? Может или не может?

— Не может,—говорила попадья (И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев, III).

(10) *Окончив сообщение, Дирак обратился к аудитории: «Вопросы есть?»—«Я не понимаю, как вы получили это выражение»,—спросил один из присутствующих. «Это утверждение, а не вопрос,—ответил Дирак—Вопросы есть?» (Физики продолжают шутить).*

В (10) физики обращают внимание лингвистов на существование особой, довольно распространенной категории вопросов, формально близких к утверждениям и вводимых сочетаниями типа *я не понимаю, как*.

Экзаменационные вопросы

Интересны так наз. **экзаменационные вопросы**. В отличие от других вопросов, они задаются лицом, знающим ответ, а между тем требуют полного ответа и не допускают ссылок на чужое мнение, ср.:

(1) *Учитель. Семенов, что вы скажете о центробежной силе?*

Ученик. Совершенно согласен с мнением автора учебника физики, господин учитель.

Экзаменационные вопросы различаются между собой по степени сложности: альтернативные сложнее, чем общие (требующие ответа *да* или *нет*), но легче, чем специальные (включающие вопросительное местоимение). Эти различия подчеркиваются в след, шутке:

(2) *Три студента—американский, английский и русский—обсуждают, где легче сдавать экзамены. Американец говорит.*

— *У нас просто сдают. На экзамене задают вопросы типа: в каких единицах измеряется сила тока?*

Англичанин:—*У нас еще легче. Дают вопрос—в каких единицах измеряется сила тока, и к нему три ответа, кг, ампер, литр. Тут и выбираешь.*

— *Лу нас приходишь на экзамен,—говорит русский,—и тебя спрашивают, а не в амперах ли измеряется сила тока?*

Пушкин-вопрос

Особый и достаточно интересный вид вопроса —* вопрос типа «А уроки за тебя отец будет делать?» Его можно было бы назвать «Пушкин-вопрос», поскольку он зачастую принимает форму «А уроки за тебя Пушкин делать будет?» Он выражает одновременно и возмущение тем, что адресат до сих пор не совершил некое действие, и грубое требование это сделать. Обычно социальная роль говорящего выше социальной роли слушающего (об асимметричных ролевых отношениях см. [Крысин 1989:147 и след.]), но допустимо, видимо, и обратное: призыв к отцу *И игрушку мне Пушкин купит?* груб, но возможен. Обыгрывание «Пушкин-вопроса» встречаем у Булгакова и Вен. Ерофеева:

Никанор Иванович (...) совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет.?» или «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?», «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?» (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 15).

...как немножко напьюсь, так сразу к нему (возлюбленному) подступаю: «А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?» (Вен. Ерофеев, Москва—Петушки).

Уклончивые ответы

Существует множество способов уклониться от ответа на неприятный вопрос. Вот как Остап Бендер избегает полного

разоблачения, занимая активную позицию упрекающего:

(1) [Разговор председателя Исполкома с посетителем (О. Бендером), назвавшимся сыном героя революции—лейтенанта Шмидта]:

— *Простите, а как ваше имя?*

— *Николай, ~ Николай Шмидт.*

— *А по батюшке?*

— *«Ах, как нехорошо!»—подумал посетитель, который и сам не знал имени своего отца.*

— *Да-а—протянул он, уклоняясь от прямого ответа,—теперь многие не знают имен героев. Угар нэпа (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, I).*

(2) [Разговор пассажира поезда с проводником]—*Скажите, постель должны убирать пассажиры или вы, проводники?—Вообще-то мы, но если Вам трудно, я могу убрать сам.* Нейтральным было бы высказывание типа: *Вообще-то мы, но если Вам не трудно, помогите мне, пожалуйста.*

Для изучения вопросо-ответных соответствий очень интересны также «ответы не по существу»:

(3) *Известная артистка на вопрос: «Сколько вам лет?»—ответила, «наивно и стыдливо, опустив глаза»: «В Брюнне» [Фрейд 1925].*

Соблюдая формально принцип кооперации, артистка, в сущности, отказывается отвечать, но отказ не прозвучал резко: артистка продемонстрировала готовность к общению, к ответу на вопросы — кроме совсем уж невозможных. Она делает вид, что не совсем правильно поняла вопрос.

Неуверенный ответ на общий вопрос в некоторых ситуациях может быть наилучшим подтверждением, ср.:

(4) *Когда кучера графа Сен-Жермена, иллюзиониста и шарлатана, спросили, верно ли, что графу четыреста лет от роду, тот ответил. <<Не знаю точно, но за те сто тридцать лет, что я у него служу, граф нисколько не изменился» (А. Вадимов и М. Тривас, От магов древности до иллюзионистов наших дней, М., 1979).*

Неуверенный отрицательный ответ на общий вопрос можно также истолковать и как положительный: *пожалуй, нет почти равно пожалуй, да:*

(5) — *Вы коньяк пьете?*

— *Да~ собственно, не пью~*

— *Ага! Ну, значит, выпьете* (А. Аверченко, Подходцев и двое других, I).

Отказ отвечать, объясняющийся незнанием ответа, может парадоксальным образом оказаться правильным ответом:

(6) Профессор. *Какие три слова самые распространенные среди студентов нашего университета?*

Студент. *Я не знаю-Профессор. Точно!*

Иногда вполне информативны мимика и жесты отвечающего на вопрос, ср.:

Клеопатра [одна из похищенных римлянами сабинянок]:— *Я прошу вас, милостивый государь, как честного человека, сказать прямо и открыто: чего вы от нас хотите?* (Сципион скромно потупляет глаза; но, не выдержав, фыркает в кулак. Фыркают все римляне, и среди женщин негодование). Клеопатра (краснея). *Фыркать не значит отвечать! Это гнусно. Я вас спрашиваю: чего вы от нас добиваетесь?* (Л. Андреев, Прекрасные сабинянки, I).

Клеопатра не права: она получила ответ на свой вопрос.

Обычные ответы на вопрос или просьбу—частицы *да* и *нет*, а также единицы типа *конечно, непременно, возможно, вряд ли*, включающие вероятностные характеристики. Очень часты уклончивые ответы, ср.:

Троглодитов. *А вы инородец?*

Юдельсон. *Как вам сказать? Чтобы нет, так да-* (Н. Евреинов, Кухня смеха).

Интересный тип вежливого несогласия приводит А. Аверченко в рассказе «Оккультные тайны Востока»:

[Разговор хироманта с клиентом]:

— *Итак, вот передо мной ваша левая рука,, Ну, что ж я вам скажу?,, Вам пятьдесят два года.*

— *Будет (...)* Пока только двадцать четыре.

Вот еще примеры вежливого уклончивого ответа-отказа:

(7) *Иноземный господин, навестив Вольтера в его замке в Ферне, был польщен оказанным ему приемом и вознамерился провести в этом восхитительном убежище несколько недель. «Месье,—со смехом сказал ему Вольтер— вы, я вижу, изо всех сил не желаете походить на*

Дон-Кихота: тот принимал трактиры за замки, а вы принимаете замки за трактиры» (Музей остроумия).

(8) — *Рабинович, дай сотню займы.*

— *После возвращения из Парижа.*

— *Ты едешь во Францию?*

— *И не думаю.*

Коммуникативная неудача в вопросо-ответном диалоге

Недопонимание (или видимость недопонимания) в вопросо-ответном диалоге обыгрывается довольно часто. Некоторые примеры коммуникативных неудач этого типа приводились выше. Укажем еще несколько:

(1) *Одна настойчивая дама спросила Шоу, как лучше писать, чтобы стать известным писателем.*

Слева направо,— ответил Шоу.

(2) В купе поезда:

— *Позвольте представиться—Иванов. А вы?*

— *Ая—нет.*

(3) Судья. *Почему вы ударили свою жену?*

Подсудимый. Видите ли, ваша честь, она стояла ко мне спиной, рядом лежала сковородка, дверь во двор была открыта, и я сказал себе: «Билл, у тебя никогда не будет больше такого удобного случая!»

В (3) подсудимый считает, что вопрос судьи касается времени события («Почему именно в этот момент?»), само же событие считает естественным.

Побуждения и просьбы и ответы на них

Если для утверждений важнейшими признаками речевого акта являются истинность и информативность, то для других типов речевых актов — вопросов, побуждений, обещаний — на первый план выступает искренность/неискренность. Ср. след, анекдот, подчеркивающий возможную неискренность просьбы:

Ответы армянского радио. *Товарищ Карапетян просит исполнить сонату си-минор Листа. Отвечаем: Не выпендривайтесь, товарищ Карапетян.*

В ряде случаев нарушаются условия успешности побуждений, в частности то, которое Е. В. Падучева [1985:25] формулирует, вслед за Серлем, след, образом: «Ни для Г, ни для С не очевидно, что С, при нормальном ходе событий, сам по себе совершит Д»:

(1) *Когда получишь письмо от сестры насчет денег, то надень штаны и сходи в книжный магазин «Нового времени»: тут получи деньги за мой книги и вышли их сестре полностью* (А. Чехов—Ал. П. Чехову, 5 июня 1890).

Очевидно, брат Чехова «при нормальном ходе событий» и сам по себе, не побуждаемый Чеховым «совершил бы действие Д» — надел бы штаны, выходя на улицу. Еще подобный пример:

(2) *Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив, во-первых, потому что он мне должен; 2) потому, что я надеюсь быть ему должен...* (А. Пушкин—А. Н. Береговскому, 2-я пол. нояб. 1830).

В побуждениях условие искренности нарушается гораздо реже, чем в других типах речевых актов — в утверждениях, вопросах, обещаниях, но все-таки подобные нарушения встречаются, ср.:

(3) *Идя на вокзал, не берите с собой зонтика-, он у Вас такой, будто Вы им кого-то долго били, и я его, откровенно говоря, боюсь* (А. Чехов—А. А. Хотяинцевой, 3 апр. 1898).

(4) *Когда гроб опускали в могилу, жена даже крикнула-. «Пустите меня к нему!», но в могилу замужем не пошла, вероятно, вспомнив о пенсии* (А. Чехов, Оратор).

Иногда нарушение принципа искренности связано с заведомой неосуществимостью просьбы или побуждения — (5)—(7):

(5) *Буду очень, очень рад, если Вы меня встретите на вокзале; пусть приходят девицы в белых платьях, как Вы обещаете, и—нельзя ли еще также голеньких младенцев с крылышками?* (А. Чехов—А. А. Хотяинцевой, 3 апр. 1898).

(6) *Во время официальных торжеств некий оратор подошел к гробнице Петра Великого и, коснувшись её, воскликнул. «Восстань теперь, великий монарх, отечества нашего отец! Восстань теперь и воззри на любезное изобретение своё!» Среди общих слез и восторга Разумовский вызвал улыбку окружающих его, сказав им потихоньку-. «Чего вин его кличе? Як встане, всем нам достанется»* (Рус. лит. анекдот).

(7) После кораблекрушения петух и лиса плывут по морю, и вдруг лиса говорит-. «Петя, не пыли, пожалуйста». Петух отплыл подальше, но лиса всё еще недовольна-. «Петя, я еще раз тебя прошу, пока по-хорошему-, не пыли». Петух подплыл к лисе и закричал-. «На, ешь, только душу не тяни!»

Основная причина нарушения постулата искренности в побуждениях всё та же — вмешательство принципа вежливости, желание сделать приятное собеседнику. В рассказе А. Аверченко «Тихое помешательство» взрослые просят мальчика показать, «как птички летают»:

(8) — Ну, покажи же, Петенька... Дяде хочется посмотреть, как птички летают. Полет птиц, и даже в гораздо лучшем исполнении, мне известен был и раньше, но я считал долгом тоже монотонно тянуть вслед за кухаркой:

— Покажи, Петенька» покажи»

Интересный вид пожеланий — косвенные пожелания, стыдливо маскирующиеся, например, общими суждениями, сонным бредом и т. п.:

(9) Альфред. Она спит! Как грациозно! Верно, видит меня во сне. Фанни (бредит). Альфред, милый Альфред— не правда ли- ты не забудешь- к святкам- синюю бархатную мантилью! (Энцикл. весельчака).

Интервал между просьбой или предложением и реакцией на них разный для разных ситуаций и не может быть слишком большим, ср.:

(10) [Переписка двух приятелей] «Прости, дорогой Аркадий, что я долго не отвечал тебе. Дело в том, что когда мы в прошлом году встретились случайно в театре Корша, ты спросил у меня, не могу ли я тебе одолжить сто рублей (...) К сожалению, у меня тогда не было таких денег, а теперь есть и, если тебе надо, я могу прислать». Я ответил ему. — «Три года тому назад однажды в ресторане Малоярославец ты спросил меня, который час? К сожалению, у меня тогда часы стояли. Теперь я имею возможность ответить тебе на твой вопрос. Сейчас четверть второго» (А. Аверченко).

Отказ выполнить требование или приказ не всегда говорит о смелости или независимости:

(11) Трусливый муж спрятался от сердитой жены под кровать. «Выходи!»—«Не выйду!»— «Выходи, я тебе приказываю!»—«Сказал

не выйду, значит, не выйду! Кто в доме хозяин?»

Упреки и оскорбления

М. Я. Гловинская след, образом определяет общую идею глаголов речи этой группы: 'X считает, что ситуация Р либо свойство или действие Y-а Р — плохое' [Гловинская 1993:196].

1. У п р е к, в отличие от утверждения (сообщения), требует точного определения адресата, ср.:

Плац-майор, назначивший сбор, застал на месте одного трубача и воскликнул. «Ах, сволочи, почему выявились в единственном числе?»

Упрек целому неуместно высказывать той его части, которая как раз явилась исключением из общего правила и этого упрека не заслужила.

2. Оскорбление включает, видимо, презумпцию превосходства (постоянного или ситуативного) оскорбляющего над оскорбляемым. Это становится очевидным из следующей шутки. Вновь приходящий просит присутствующих потесниться: *Раздайся, грязь! Говно плывет!* Первая часть высказывания, бесспорно, была бы понята как оскорбление, однако добавление второй части, касающейся самого говорящего, меняет тип высказывания: это уже не оскорбление, а отрицательная характеристика всех присутствующих, особенно самого себя.

Примеры обыгрывания упреков и оскорблений приводятся также в след, разделе главы.

Косвенные речевые акты

Любимый вид языковой шутки — обыгрывание так называемых **косвенных речевых актов**, таких, которые «прикидываются» одним, а на поверку оказываются чем-то совсем другим.

Вот сценка из рассказа А. Чехова «Майонез»:

Петербургский репортер Z, обозревая мануфактурную выставку, остановил между прочим свое внимание на одном павильоне и начал что-то записывать.

— *Это не вы обронили четвертную?*—обратился к нему хозяин павильона, подавая ему бумажку.

—*Яуронил две четвертные!*—нашелся репортер.

Реплика хозяина — предложение взятки в виде вопроса, реплика журналиста — просьба (увеличить сумму) в виде утверждения.

Рассмотрим некоторые наиболее употребительные способы обыгрывания косвенных речевых актов.

Утверждение, побуждение или требование под видом вопроса

Вопросы типа *Вы не могли бы открыть окно?* по существу являются побуждениями. И все-таки они, как справедливо отмечается в [Падучева 1985], «сохраняют нечто от семантики вопроса». Это «нечто» может усиливаться и обыгрываться говорящими. На этом строится целый рассказ М. Зубкова:

(1) *Вот подходит недавно один*

— *Слушай, ты не мог бы одолжить трешку?*

— *Мог бы,—говорю. И иду своей дорогой.*

— *Куда ты?*—спрашивает.

— *В булочную* — отвечаю.

— *Мне трешка нужна,*—говорит.

— *Мне тоже,*— говорю.

— *Так ты не можешь одолжить, что ли?*—спрашивает.

— *Почему? Могу*— отвечаю.

— *Так чего же не одалживаешь?*—спрашивает.

— *Так ты же не просишь*— отвечаю.

Говорящий в (1) не понимает (или делает вид, что не понимает), что высказывание *Ты не мог бы одолжить трешку?*— не вопрос, а высказывание *Мне трешка нужна* — не утверждение: и то и другое — просьба.

Высказывание, по форме являющееся вопросом, может иметь и другие (противоречащие друг другу!) значения — побуждения или запрета:

(2) *Жена в ярости бьет пьяного мужа:*

— *Будешь пить, скотина? Будешь пить, скотина?*

— *На-ли-ва-ай» Уговорила..*

(3) *Двое, сойдя на полустанке, идут лесополосой. Вдруг один выхватывает нож и грозно спрашивает:*

—*Деньги есть?*

—А тебе зачем?—отвечает другой, достав из-за пояса топор.

—Да разменять думал

В (3) первый вопрос (*Деньги есть?*) — это, в сущности, требование, а второй (*А тебе зачем?*) — отказ его удовлетворить. Однако, именно то обстоятельство, что в обоих случаях все-таки остается нечто от семантики вопроса, позволяет грабителю перестроиться и выдать свое требование за невинный вопрос.

(4) — *Слушай, если человек родился в 1946 году, сколько ему сейчас лет?*

—*Мужчине или женщине?*

Под видом альтернативного вопроса предлагается (как нечто само собой разумеющееся) утверждение (точнее: ассерция выдается за пресуппозицию): «Все женщины убавляют себе возраст».

Запрет под видом разрешения

Запрет (сопровожаемый иногда угрозой) может облекаться в форму любезного приглашения:

(1) [Разговор тещи с зятем]:

— *Какое маленькое деревцо ты высаживаешь, Джон!*

— *Когда Вы приедете в следующий раз, мы уже сможем сидеть в его тени!*

(2) *Михаил Светлов—случайному собеседнику в кафе, который стал звать его «Мишей»:—Ну, что за церемонии! Зовите меня просто: Михаил Аркадьевич.*

(3) *На просьбу Эстонии утвердить решение о написании Таллинн с двумя н ЦК КПСС отвечает: «Пожалуйста, можете писать Таллинн с двумя н, можете даже писать Колыма с двумя а — Колымаа.*

(4) *А когда свертывал папиросу, увидел на калитке объявление: «Сдается комната для одинокого. Женскому полу не тревожьшья» (М. Зощенко, Коза, 2).*

В (4) пожелание *не тревожиться* герой справедливо понимает как запрет: «*А женскому-то полу плюха какая (...) Не лезь, дескать, комар тебе в нос, здесь его величество мужчина требуется...*» Ср. привившуюся в советские годы «деликатную» формулировку отказа от заграничной командировки: «*Можете располагать своим временем.*»

Завуалированное порицание или оскорбление

Порицание или оскорбление часто облекается в форму нейтрального, а то и доброжелательного высказывания:

(1) *Женщина-водитель после столкновения с другой машиной говорит:*

— *Это моя вина!*

— *Нет, мадам,—галантно отвечает водитель второй машины— это целиком моя вина. Я видел, что за рулем—женщина, и должен был переехать через кювет и подождать, пока вы проедете—в виде раскаяния и самообвинения—обвинение в адрес всех женщин вообще.*

(2) [Один из собеседников другому—не дождавшись благодарности за оказанную услугу] *«Что ты говоришь?»—«Ничего» — «Амне-то послышалось, что ты спасибо сказал. Прислышится же такое!»—осуждение под видом ослышки.*

Несколько примеров осуждения под видом похвалы:

(3) [Одна гостя говорит другой—мадам Сердюковой] — *«Какое прелестное это ваше платье! Сейчас видно, что из хорошего дома. И какая вы в нем тоненькая».* (...) *Но хозяйка дома не дремлет. «Огонь!»—командует она сама себе и говорит Сердюковой восторженно: «Да, замечательно удачное платье. Я всегда на него люблюсь». Убила. «Всегда!»* (Тэффи, Жильцы белого света).

(4) Отзыв на пьесу

Хвалю я пьесу вашу, сэр,

Особенно вторую часть.

#о яочсл/у бы, например, w начало не украсть?

(У. Оден, пер. С. Маршака).

(5) *Известный итальянский певец после концерта сказал своему аккомпаниатору, который играл слишком громко: «Спасибо, маэстро, за то, что Вы дали мне возможность сопровождать Вашу чудесную игру своим пением»—упрек под маской благодарности.*

(6) *По время спектакля в оперном театре вложу вошел военный в сапогах со шпорами, которые издавали громкий звон. Известный композитор, находившийся в ложе, встал и поблагодарил его. Человек со шпорами удивленно спросил, за что его благодарят.—Я благодарю вас за то, что вы не привели с собой своего коня. В форму благодарности облечено порицание со значением: ‘от вас можно было ждать и худшего’.*

Интересный вид оскорбления — завуалированное, «трусливое» оскорбление. Оно может иметь, например, форму предположения — см. ниже (7) или предложения альтернативы — (8):

Модальность предположительности не снимает оскорбительного смысла высказывания, но смягчает его и позволяет «оскорбляемому» сделать вид, что оскорбление могло бы б ы т ь, но его не было.

(7) — *Эх, кабы не статья об оскорблении словами, обозвал бы я вас мерзавцем и подлецом!*

— *Отсиюлвать не нравится? Хо-хо!*

— *Конечно, скажешь вам: «Вы—прохвост и каналья», а потом и сиди!* (Журн. «Сатирикон», 1908).

(8) В ответ на колкие замечания кавалериста и артиллериста Фауст спрашивает: «Кого из вас назвать ослом?», на что кавалерист и артиллерист в один голос отвечают: «Меня!!!» и выхватывают шпаги (Ю. Ким, Профессор Фауст).

Как мы уже говорили, завуалированное оскорбление может пониматься оскорбленным по-разному: оно может пониматься как гипотетическое, не имевшее места в действительности (ср. (7)), а может пониматься как нанесенное и требующее немедленного ответа — (8).

Еще примеры завуалированных оскорблений:

(9) *Кто-то спросил меня, глядя на X. «Как правильнее сказать: «осведомитель» или «доносчик»?»* (С. Лец, Непричесанные мысли).

Под общим высказыванием на лингвистические темы в (9) скрывается трусливое оскорбление. Актуализирует его обстоятельственная группа: *глядя на X*.

(10) — *А я тебе говорю, что эта девушка все время смотрела на меня!*

— *Это ничего не доказывает! В паноптикумах публика больше всего рассматривает не красавицу Клеопатру со змеей, а душительницу детей Марианну Скублинскую!*

— *Проси прощения.*

— *Ну ладно. Прости, что я тебя назвал идиотом.*

— *Постой, да ведь ты меня не называл идиотом!*

— *Я подумал, но это все равно* (А. Аверченко. Подходцев и двое других, ч. 1, V).

(11) Журналист был привлечен к суду за то, что обозвал в своей статье некую баронессу «коровой». Дело он проиграл, но в конце заседания спросил судью:

— Сказ/сите, ваша честь, значит, в тfydyz^ew л нвлюгу называть баронессу коровой, тах?

— Да, тах.

Яу, а если я назову корову баронессой?

— Это будут неостроумно, но не подсудно.

— Благодарю вас, ваша честь—сказал журналист а, обернувшись к истице, произнес:—Привет, баронесса!

Похвала под видом порицания

Случай, прямо противоположный рассмотренным в предыдущем пункте,— подобострастная похвала под маской нелицеприятного суждения из комедии Е. Шварца «Голый король»:

Первый министр. Баше величество! Вы знаете, нто я старик честный, отарах прямой. Я прямо говорю правду в глаза, даже ес/ш она неприятна (...) Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски, вы великий человек, государь! (...) О.х, король! (Грозит пальцем). Охумница!

Король. Поди сюда, правдивый старик. (Растроганно). Дай я тебя поцелую. И никогда не бойся говорить мне правду в глаза.

Джером К. Джером отмечает, что многим людям «нравится лезть, поданная как оскорбление, например: *Послушай, нельзя же быть таким непроходимым дураком. Ведь ты способен отдать последние шесть пенсов любому голодному нищему!*» («О суете и тщеславии», пер. М. Колпакчи).

Другие случаи

(1) [Петроний—гостям, после того как они пролили, по обычаю, несколько капель в жертву бессмертным богам]:—*Друзья мои! Простите, что я на пиру обращаюсь к вам с просьбой пусть каждый возьмет от меня в дар тот кубок, из которого пролил вино в честь богов, за мое благополучие* (Г. Сенкевич, Куда идешь?, в пер. Е. Лысенко). Разрешение, предложение подарка (очень ценного) облекается в форму просьбы.

(2) Экскурсово д—*Если бы уважаемые дамы минутку помолчали, мы услышали бы ужасающий рев Ниагарского водопада* (Из

иностранный юмор). Просьба помолчать (с элементами упрёка)—в виде предположения.

(3) [Разговор Паниковского с Шурой Балагановым о способе ограбления Корейко]: —*Поезжайте в Киев!*—сказал он [Паниковский] неожиданно (...) *Обязательно поезжайте в Киев!*

— *Какой там Киев!*—пробормотал Шура.—*Почему?*

— *Поезжайте в Киев и спросите там, что делал Паниковский до революции. Обязательно спросите!*

— *Что вы пристаёте?*—хмуро сказал Балаганов.

29 - 1789 — *Нет, вы спросите!*—требовал Паниковский.—*Поезжайте и спросите! И вам скажут, что до революции Паниковский был слепым* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XII).

Побуждение используется в (3) вместо утверждения, точнее, вместо условия, сопутствующего утверждению. Нейтральным было бы высказывание типа *Если бы вы поехали в Киев, то вам сказали бы, что до революции Паниковский был слепым*.

Противоположный случай —совет, побуждение в виде утверждения. В качестве примера можно привести след, сценку из «Театрального романа» М. Булгакова:

...нужно было идти на репетицию, и дальнейшие наставления он [артист Бомбардов) давал сокращенно—Мишу Панина вы не знаете, родились в Москве,—скороговоркой сообщал Бомбардов,—насчет Фомы скажите, что он вам не понравился. Когда будете насчет пьесы говорить, то не возражайте. Там выстрел в третьем акте, так вы его не читайте» (...) *Выстрела не читайте! И насморка у вас нет!* (М. Булгаков, Театральный роман, 12).

Часть советов излагается в виде утверждений, что подчеркивает их категоричность (*Мишу Панина вы не знаете, родились в Москве*)—и то и другое — заведомая неправда, о чем знают оба собеседника).

Рекламное объявление под видом эпитафии:

Надпись на могиле:«Здесь покоится прах Юджина Джерома Смита, чья безутешная вдова держит отличный ресторанчик на 94-й авеню, который всегда к вашим услугам с шести утра».

Замечательный образец тонкой словесной игры — беседа прокуратора Пилата со своим заведующим тайной службой Афранием, где приказ убить Иуду маскируется опасением за его жизнь. В начале беседы прокуратор говорит, что он получил сведения о том, что Иуду

зарезут этой ночью, а деньги, полученные за предательство, подбросят первосвященнику с запиской: «Возвращаю проклятые деньги!» Афраний отвечает, что у него этих сведений нет. Прокуратор настаивает, что сведения такие имеются, и просит «принять все меры к охране Иуды из Кириафа». *«Приказание игемона будет исполнено,— заговорил Афраний,—но я должен успокоить игемона: замысел злодеев чрезвычайно трудно выполним»* (...) — *«И тем не менее его зарезжут сегодня,—упрямо повторил Пилат,—у меня предчувствие, говорю я вам!»* (...) *«Слушаю»,— покорно отозвался гость, поднялся, выпрямился и вдруг спросил сурово: «Так зарезжут, игемон?» — «Да,— ответил Пилат,— и вся надежда только на вашу изумляющую всех исполнительность»* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 25). Основным структурным средством передать нужный смысл является здесь многократное употребление глагола в форме будущего времени (*зарезжут*) — без указания на предположительность (*могут зарезать, попытаются зарезать*).

И наконец, приведем отрывок из рассказа А. Бухова «Шаблонный мужчина», построенного целиком на игре речевыми актами. Флиртующая женщина свои пожелания провожающему ее мужчине облекает в форму обличений низменных мужчин:

— *Именно самцы, и ничего больше» Я вас всех как насквозь вижу»*
Дай-ка, мол, провожу, может, что-нибудь и выйdet»

— *Ну, помилуйте» Ничего, ничего» Я провожу»*

— *Я и говорю~ Сейчас наймете извозчика, сядете ко мне чуть ли не на колени... Сидите, наверное, и обдумываете, какой бы найти ресторан подешевле. Только имейте в виду, что я в скверный ресторан поехать не могу (...) Если уж так не можете от меня отстать~ Извозчик, «Рим» знаешь?*

И т. д. до логического конца.* *«Яу что, добились? Эх вы... Плотоядные...»*

Описанная особенность носит явно интернациональный характер. Вспомним стихи Р. Бернса, где женщина также излагает свои пожелания (даже, пожалуй, требования) в виде опасений:

— *Тебя попробуй лишь пусти.»*

— *«Пусти!»—сказал Финдлей.*

— *Уснуть не дашь ты до зарш.*

— *«Не дам!»—сказал Финдлей.*

Коммуникативная неудача

Коммуникативная неудача, или провал коммуникативного акта — это «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Ермакова — Земская 1993: 31].

Показательный пример — разговор Иудушки с сыном Петенькой о женитьбе другого сына, Володеньки, из романа М. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (гл. III):

— *Никогда я не позволял! Он мне в то время написал. «Хочу, папа, жениться на Лидочке». Понимаешь', «хочу», а не «прошу позволения». Ну, и я ему ответил, коли **хочешь** жениться, так женись, я препятствовать не могу! Только всего и было.*

— *Только всего и было,—поддразнивает Петенька.—А разве это —не позволение?*

— *То-то, что нет,, Я что сказал? Я сказал: не могу препятствовать—только и всего. А позволяю или не позволяю—это другой вопрос. Он у меня позволения не просил-, он прямо написал: «**хочу**, папа, жениться на Лидочке»—ну, и я насчет позволения умолчал.*

О. Н. Ермакова и Е. А. Земская справедливо отмечают неудовлетворительность принятого разделения коммуникативных неудач в зависимости от того, кто является «виновником» неудачи — говорящий или слушающий: в подавляющем большинстве случаев «вина» «в равной мере относится к обоим коммуникантам», а иногда ее разделяет с ними сам язык, его устройство (см. [Ермакова — Земская 1993: 32—33]). Материалы языков ой игры подтверждают это наблюдение.

Коммуникативная неудача вызвана чаще всего разным пониманием цели высказывания или описываемого действия. Несколько примеров:

(1) *На состязании по водному поло тренер кричит своему игроку, завладевшему мячом и рвущемуся к воротам противника: «Отдай мяч Гиви!» Игрок, видя, что Гиви далеко позади, а ворота соперника близко, устремляется вперед, забивает гол и торжествующе кричит тренеру. «Вот видите, я гол забил!» Тренер отвечает: «Гол-то ты*

забил, а Гиви утонул!» Коммуникативная неудача вызвана здесь разным пониманием цели действия.

(2) Умирает старый еврей. Тут жена стоит, дети. «А Моня здесь?»—еврей спрашивает еле-еле. «Здесь».—«А тетя Брана пришла?»—«Пришла».—«А где бабушка? Я

ее не вижу».— «Вот она стоит».— «А Исак?»—«Исак тут» — «А дети?»—«Вот все дети»—«Кто же в лавке остался?!» (И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев, IV). Налицо непонимание домочадцами глубинной цели вопросов умирающего.

(3) [Мать—дочери-пятикласснице]: —Доченька, пора бы нам с тобой поговорить на сексуальную тему—Да, мама, что бы ты хотела знать?

(4) Опаздывающий на вокзал постоялец гостиницы.

— Тьфу ты, пропасть! По-моему, я что-то забыл в номере. Эй, мальчик, сбегай в мою комнату и посмотри, не оставил ли я там своей пижамы и бритвенного прибора. Беги скорее, у меня осталось всего пять минут.

Через четыре минуты вернулся запыхавшийся мальчик.

— Да, сэр, они лежат там.

(5) — Вы видели, как преступник задушил вашу тешу?

— Видел, господин судья.

— Почему же вы не бросились на помощь?

— Я хотел, но когда увидел, что он и сам справится, решил не вмешиваться.

(6) Жертву дорожного происшествия доставили в госпиталь.

В приемном отделении, записывая его данные, сестра спрашивает.

— Женаты?

— О нет, нет! Я попал под автомобиль.

(7) Учительница биологии объясняет ребятам строение обезьяны. Вовочка не слушает и она делает ему замечание.

— Вовочка, смотри внимательно на меня, а то ты не будешь иметь никакого представления об обезьяне.

(8) — Кума, почему ты не поставишь в огороде пугало?

— А зачем? Я и так целый день в огороде.

(9) «Пора поливать сад»—говорит непререкаемым тоном жена мужу —«Но ведь дождь льет как из ведра»—робко возражает он

—«Ну и что? Надень плащ».

(10) [В темном переулке] «Гражданин, вы не видели поблизости милиционера?»— «Нет».—«Тогда снимайте пальто».

(11) Техасец рассказывает о размерах своего ранчо-.

— У меня уходит два дня, чтобы проехать из конца в конец на машине.

— Раньше у меня тоже была дрянная машина,—сочувственно говорит его собеседник

(12) В отделение скорой помощи звонит мужчина и сообщает, что один из его гостей проглотил штопор.

— И что же вы делаете?

—Да вот, бутылки вилкой открываем.

(13) Две мышки прогуливаются по двору. Вдруг одна из них хватается другую за лапку-. «Смотри, черная кошка!»—«Вы суеверны, милая?»

(14) —Я все знаю! Полиция подобрала тебя в три часа ночи, когда ты обнимал фонарный столб!

—Дорогая, надеюсь, ты не будешь ревновать меня к фонарному столбу?

Иногда причиной коммуникативной неудачи, причиной недопонимания является различие жизненных установок или разная информационная база, ср.:

(1) Молодой человек допоздна сидел в гостиной со своей девушкой. Внезапно открылась дверь, и появился ее отец: «Гм» а сколько сейчас времени?» Молодой человек что-то промямлил и выскочил вон. «Что это с ним? У меня часы остановились, а он так и не сказал, который час!»

(2) [Разговор Алисы с птицами] — «Дина—это наша кошечка! Она так здорово ловит мышей, вы себе просто не представляете! Она даже птиц ловит, да еще как! Только увидит пташку—и готово дело!» Эта восторженная речь произвела на присутствующих должное впечатление. Несколько птиц немедленно снялись с мест и улетели. Пожилая Сорока поспешно начала кутаться в шаль. «Я непростительно тут засиделась»,—объяснила она (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес, в пер. Б. Заходера).

(3) Грузин спрашивает у русского: «Сколько ты зарабатываешь?»—«Когда 140, когда 160, когда 150».—«Понятно—

день на день не приходится»»

(4) На улице.

— *Дядь, дай закурить?*

— *А волшебное слово?*

— *Ав глаз?*

В этом анекдоте («от Никулина») за просьбу ошибочно принимается требование (которое, как известно, пренебрегает «волшебными словами»).

(5) — *Фредди, ты получишь пять долларов, если принесешь мне локон твоей сестры.*

— *Чего уж там! Давай четвертак, я тебе весь парик притащу.*

(6) — *Тетя Сара,—кричат пацаны,—ваши Борька опять из помойки ест»*

Тетя Сара выглядывает из окна:

— *Борис! Сколько раз я тебе говорила: не наедайся перед обедом.*

(7) *Мимо кладбища идет ночью девушка. Страшно трусит. Вдруг ее нагоняет какая-то фигура. «Бойтесь?»—спрашивает, поравнявшись. «Боюсь».—«Я, когда живой был, тоже боялся» («Крокодил», 1991, № 26).*

(8) *Врач—пациентке: «Раздевайтесь!»—«А вы, доктор?»*

(9) *В р а ч. Слушаю вас, мистер Джеймс. Почему у вас перевязана правая сторона лица?*

Джеймс. Потому, доктор, что у меня жена левша!

Иногда сама ситуация провоцирует коммуникативную неудачу, ср.:

Б психиатрическую клинику к ведущему специалисту привели прибывшую в Америку с официальным визитом румынскую королеву Марию. Представляя почетную гостью профессору, ректор сказал: «Доктор, это королева Румынии».—«Да,—ответил профессор,—очень интересно. Значит, эта старушка мнит себя королевой, а?»

Парадоксальным образом коммуникативная неудача может быть вызвана именно точностью, живостью и яркостью сообщения. Прекрасный пример — рассказ А. П. Чехова «Без заглавия». Настоятель монастыря, вернувшийся из города, с ужасом и проклятиями говорит о соблазнах города — о безгранично свободных, бодрых и счастливых людях, о нестерпимо сладком и пахучем вине, о

пленительной грации отвратительного женского тела. Наутро в монастыре не осталось ни одного монаха.

7. Языковая игра и представление говорящих об устройстве языка

Языковая игра — это некоторая неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим. И за этой оценкой довольно отчетливо прослеживается представление говорящих о норме, об общих принципах устройства языка и об отступлениях от этих принципов, о «странностях» языка.

1. Одно из основных требований, предъявляемых говорящими к языку, — строгое соответствие формы и содержания. У говорящих есть четкое представление, что один и тот же смысл должен выражаться единообразно. Отсюда шутки, обыгрывающие нарушение этого принципа:

(1) *Выдумали же люди такое отвратительное слово — «эвакуация». Скажи — отъезд, переселение или временная, всеобщая перемена жительства — никто бы не стал, вылупив луковицами глаза, ухватив узлы и чемоданы, скакать без памяти на подводах и извозчиках в одесский порт, как будто сзади за ним гонятся львы* (А. Толстой, Похождения Невзорова, или Ибикус, III).

(2) — *Дети, кто мне объяснит, какая разница между осторожностью и трусостью? — Осторожность — это когда ты сам боишься, а трусость — когда боится кто-то другой.*

(3) *В чем разница между идеей и затеей? **Идея**, овладевшая массами, становится материальной силой. **Затея**, овладевшая массами, приносит неисчислимые материальные убытки* («Чукоккала». 3. Паперный).

2. Напротив, разные смыслы должны иметь разную форму. Один из самых распространенных и никогда не надоедающих видов языковой игры — обыгрывание омонимии и многозначности слов и словосочетаний (примеры в большом количестве приводились выше, в гл. Лексика).

В каламбуре нас удивляет соединение двух разных смыслов, выражаемых одинаковым или сходным образом. Это забавная ненормальность.

3. Еще более «максималистским» является представление говорящих о пропорциональности смысловых и формальных различий в языке: если два слова сходны по звучанию, они и по смыслу должны быть сходны. На этом строится, например, шутливое определение слова *врач* в «Отрывке толкового словаря» Я. Княжнина (XVIII в.): «*Врач* — от слова *враг* часто отличается только переменою буквы *г* на *ч*» (намекается, что и по своей сути врач мало отличается от врага).

Напротив, если два слова (или словосочетания, или предложения) резко различаются по смыслу, то они и по формальному составу должны сильно различаться. Математика вряд ли рассмежит то, что изменение одного символа в математическом выражении резко изменит его значение. Говорящих, между тем, удивляет и забавляет, когда минимальные изменения (иногда замена одного звука) резко меняют смысл. Ср.:

В юности ждал я радости от суеты и свиста, а превращаюсь к старости в домосексуалиста (И. Губерман).

Еще примеры: *инайс-капитан* (А. Чехов); *ПамятникПерюоопечатнику* (И. Ильф); *От гурти до фурти один шаг* (В. Ардов); *От космического до комического один шаг* (В. Набоков); *Что посмеешь, то и пожмешь* и т. д.

Не перестает удивлять говорящих «хрупкость» языка: казалось бы, несущественное изменение может приводить к неправильности. Так, фразы *Осетрина второго сорта*; *Осетрина не первой свежести* нейтральны, между тем как фраза *Осетрина второй свежести* из «Мастера и Маргариты» производит комическое впечатление. В парах близких по смыслу, «симметричных» выражений одно оказывается вполне обычным, а второе — аномальным, производящим комический эффект. Ср.:

(4) *Женщина выше-среднего возраста* (Л. Леонов, по: [Земская 1959])—при нормальном *Женщина выше-среднего роста*;

(5) *Мой любимый размер!* (А. Милн, Винни-Пух и все-все-все, в пересказе Б. Заходе-ра)—при нормальном *Мой любимый цвет!*

4. Еще одно проявление несоответствия между формой и содержанием — несоответствие между значением слова и его внутренней формой, ср.:

(6) — *Вы подождите немного. Пятиминутка длится у нас не более сорока минут* (Эмиль Кроткий).

(7) *Я сбегаяю к соседке на минутку, а ты помешивай кашу каждые полчаса.*

(8) — *Он совсем не художник, он очень хорошо нарисовал* (К. Чуковский, От двух до пяти).

5. Говорящие отчетливо ощущают, что соответствие между формой и содержанием нарушено во фразеологизмах. Нормально, когда значение целого (напр., словосочетания) равно сумме значений составляющих его слов. Говорящих не перестают удивлять случаи отступления от этого принципа во фразеологизмах: формально это — сочетание нескольких единиц, по значению — одна единица, причем ее значение не равно сумме значений составляющих ее слов. Еще одна «странность»: исходные значения не исчезают полностью, они «слабо мерцают» во фразеологизме и потому могут быть усилены и обыграны в каламбуре. Несколько примеров.

(9) — *Что у тебя с головой?*

— *Мне моча в голову ударила.*

— *А почему такой синяк?*

— *Она в горшке была.*

Исходные значения как будто ждут малейшего повода, чтобы усилиться и выйти на первый план. Ср. след, анекдот:

(10) [Клиент—своему адвокату]: *«Обвиняемый не оплатил мой счет, и послал меня к черту».*—<<Ну, и что же вы после этого сделали?»—<<Пришел к вам».

в. Иногда говорящий не ограничивается ролью критика «странностей» языка, берет на себя (шутливо) роль блюстителя порядка и устанавливает более строгое соответствие формы и содержания. Это может быть достигнуто двумя способами:

1) Форма приводится в соответствие с содержанием. Ср. многочисленные случаи так наз. «народной этимологии»:

у Н. Лескова — *мелкоскоп, гульвар, долбицаумножения* и т. д.; переделки фамилий у А. Пушкина: *Флюгарин, Фиглярин* (Булгарин); у В. Буренина: *Вакс Калошин* (Макс Волошин), *Невмерович-Вральченко* (Немирович-Данченко), *Кузьма Расйрогорький* (Максим Горький).

Часто блюстителями порядка выступают дети:

..Почему кормилица? Надо поилица. Ведь не котлетами же будет она нашего Зюзьку кормить! (К Чуковский, От двух до пяти).

2) Содержание изменяется и приводится, по мнению говорящего, в большее соответствие с формой. Ср., например, ошибочные или шуточные переосмысления значения слов:

(1) *Когда Ляле было два с половиною года, она гордо заявила своей матери*

— *Мама, я такая **распутница!** И показала веревочку, которую удалось ей распутать* (К Чуковский, От двух до пяти).

(2) — *Бабушка! Ты моя лучшая **любовница.***

(3) *Я **посланник.** Каждое утро жена посылает меня на рынок за провизией (...) Я **городовой,** потому что я живу в городе, а не в деревне. Я **дворянин**—это несомненно. По вечерам я прогуливаюсь по двору, летом люблю спать на дворе, часто беседую с дворником и собаки мои называются дворняжками {..} Я **кавалер,** потому что имею Анну на шее—и какую Анну! Толстую, краснощекую, строптивую (...) Я **целовальник,** потому что люблю целоваться* (А. Чехов, Мои чины и титулы).

(4) *В Ялте, где живет теперь А. П. Чехов, обретается, по словам <<Саратовского листка>>, целая армия бестолковых, но невыносимо горячих поклонниц его художественного таланта, именуемых здесь «**антоновками**»* (А. Чехов—О. Л. Книп-пер-Чеховой, 27 дек. 1901).

Сюда же относятся шуточные окказиональные толкования слов, основанные на переосмыслении внутренней формы слова:

(5) *забрало*—милиционер, *всадница*—медсестра, *ханыга* — дочь хана (М. Задорнов);

(6) *речушка*—небольшой доклад, *доходяга*—процветающий бизнесмен, *напасть*—намордник, *рубильник*—палач, *выкидыш*—парашютист, *выдающаяся личность*—невеста, *заводи́ла*—Иван Сусанин (А. Кнышев);

(7) *колун*—фехтовальщик, *вареник*—повар, *рыло*—лопата, *людоед*—муж Люды, *колокол*—добывание огня трением двух колышков, *краснобай*—феодал, перешедший на нашу сторону, *столбовая дворянка*—дворняжка, привязанная к столбу, *бракодел*—работник загса, *дорогуша*—икра, *неваляшка*—трезвенник, *застенок*—сосед, *домовой*—управдом, *зубочистка*—боксерский ринг, *завалинка*—экзаменационная сессия («Бестолковый этимологический словарь»—«Лит. газета»; примеры заимствованы из: [Гридина 1996]);

(8) *автомат*—грубая самокритика, *жрец*—клиент столовой, *самовар*—холостяк (Л. Крысин);

(9) *близлежащий*—муж, *нахлебник*—масло, *судак*—сплетник, *столяр*—тамада (Ада Китагава);

(10) *положить зубы на полку*—снять вставные челюсти (В. Лагунов).

Глава IX

Стилистика. Структура текста

Вводные замечания

Г. В. Степанов писал: «Анализ языка художественных произведений показывает, что писатели (и не только писатели.—В. С.) нередко прибегают к таким языковым средствам, которые либо перестали уже быть общепринятой нормой (архаизмы), либо не стали еще общепринятой нормой (неологизмы), либо оторвались и не связаны больше с общепринятой нормой (жаргонизмы), либо вообще не были связаны с национальным языком (иноязычные вкрапления), либо общеупотребительны в отдельных местностях, но не характерны для общенационального языка (слова и формы из территориальных диалектов), и т. д.

Появление всех этих элементов речи, лежащих по существу вне литературной нормы, может рассматриваться как закономерное использование языковых средств в целях художественного воздействия, при условии если все основные задачи разрешаются писателем на базе общенародного литературного языка его эпохи» [Степанов 1952:34].

Низкое vs. высокое

Часто обыгрывается несоответствие между формой и содержанием: «низкое» содержание и «высокий» (в частности, «библейский») стиль или, наоборот, «высокое» содержание и разговорная или даже просторечная манера повествования.

(1) *Слепые прозрели, чающие движения воды взяли под мышку одри на рысях побежали в кабак* (М. Салтыков-Щедрин, по: [Ефимов 1953]).

(2) *Первый дачник пришел с запада (...) На второе лето он вернулся опять. Принес с собой две удочки и привел четырех детенышей на тоненьких ножках, в беленьких кепи И образовался вокруг него зеленый заборчик, переносный ледник и кудрявые березки, которые дачник подрезывал и при помощи срезанных ветвей воспитывал своих детенышей (...) И стал первый дачник плодиться, размножаться, наполнять собой Озерки, Лахту, Лесное, Удельную и все Парголово. И стало так* (Тэффи, Дача).

(3) *Я же во всю мою жизнь (...) ни словом, ни делом, ни помышлением, ни в рассказах, ни в водевилях не пожелал жены ближнего моего, ни раба его, ни вала его, ни всякого скота его-* (А. Чехов—И. Л. Леонтьеву (Щеглову) 22 мар. 1890).

(4) *Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что аудиенция закончена* (М. Зощенко, Ночное происшествие).

(5) — *Матушка-заступница, милиция троеручица!*— воскликнул Остап, переводя дыхание—*Что за банальный, опротивевший всем бюрократизм!* (И. Ильф— Е. Петров, Золотой теленок, XVIII).

(6) *Серебряный стучался молоток
полбу того, кто обречен, как зебра тцетою лба,
несовершенством зева
не просто пить, но совершать глоток.*

Высокопарности был чужд мой дух, я потянулась к зябкости сифона, а рядом с ним четыре граммофона звучанием мой утруждали слух (А. Иванов, пар. на Б. Ахмадулину).

(7) [Из записок школьника] *Судьбе было угодно, чтобы я родился в семье инженерно-технического работника, в самом начале второй половины нашего века (...) Родители наши сумели дать своим детям хорошее образование: Костя (...) студент, и я тоже учусь* (А. Алексин, Очень страшная история).

(8) —*Дежурный, напитай меня, ибо я изнемогаю от любви к пище.*

Хороший пример использования сказового стиля при описании современной

жизни приводится (правда, для иллюстрации другого явления) в работе Е. А. Земской [1992]:

(9) *Бабка шепчет. «Трава цветет волшебная, мать-и-матрица! Кто ее сорвет, тот, сказывают, большой научный вклад внесет». А Валерка мается. «Вдруг травка из красной книги?» Но тут из чиста полюшка вышла ему навстречу красна девица, Нюра-экологинюшка. «Не кручинься, Валера-свет,—говорит,— вот тебе лицензия на срыв травы в научных целях»* (Лит. газета, 1985).

Грубо-просторечные слова

Противоположный по характеру способ создания комического эффекта —

употребление грубых и просторечных слов и выражений:

(1) *Пускай тебя нахалы*

Ругают, не любя,—

Маруся из Магд алы,

Я втюрился в тебя!

(А Архангельский, Магдалиниада, пар. на А. Жарова).

(2) *...обознаться трудно—морда у нее такая, что очень глубоко в душу западает* (М. Зощенко, Голубая книга. Деньги).

(3) *И вот утром, в выходной день, наш артист, получше принарядившись, **попорол** на это свидание* (М. Зощенко, Забавное приключение).

(4) *Нынче, граждане, в народных судах всё больше медиков судят. Один, видите ли, операцию **погаными** руками произвел, другой—с носа очки обронил в кишки и найти не может* (М. Зощенко, Медик).

(5) *Ободрял, **подначивал**, **брякал по башкам**, **чебурахал по затылкам**, **дрызгал по хайлам** и, в конце концов, добился своего* (А Архангельский, пар. на Ф. Гладкова).

Нередки подобные слова и в «серьезной» поэтической речи, ср.:

(6) *Греки сбондили Елену*

По волнам,

Ну, а мне соленой пеной По губам!

(О. Мандельштам).

А Измайлов одной из основных черт поэтики Блока считал «вторжение в по-этические сны будничного, обыкновенного, серенького, придающего им такой колорит жизненной уютности и правды. “Уключина”, “котелок”, “золотящийся крендель булочной”, “кочерыжка” — эти слова, может быть, в первый раз введены им в стих, претендующий на лиризм, а не юмор» (цит. по: [Рус. лит. XX в.]).

Наибольший комический эффект разговорная (или просторечная) манера повествования производит в научных (или научно-популярных) текстах. В этом плане широко известна «Голубая книга» М. Зощенко. Несколько примеров:

(7) [Нерон нанимает убийц, чтобы избавиться от матери]:

— *Ну, уж вы там как хотите,—говорил Нерон,—но только чтоб —раз!—и нет маменьки.*

— *Не извольте тревожиться. Считайте, что ваша маменька уже как бы не существует на этом свете. Не успеют они на днях проснуться, как на них потолок—кувырк!*

(8) [О римском диктаторе Сулле, назначившем премию за головы своих врагов]:

— *Клади сюда голову. А эту забирай к черту. Ишь, зря отрезал у кого-то»*

— *Извиняюсь.- подвернулся.*

— *Подвернулся.» Это каждый настрижет у прохожих голов—денег не напасешься («Деньги»).*

(9) [О приезде к Ивану IV герцога Голштинского с матримониальными намерениями] *И вот он приехал. Наверное, расфуфыренный. В каких-нибудь шелковых штанах. Банты. Ленты. Шпага сбоку. Сам, наверное, длинновязый. Этакая морда красная, с рыжими усищами. Пьяница, может быть, крикун и рукосуй (...) Ну, суетня, наверное, мотня. Мамочка бегает. Курей режут. Невесту в баню ведут. Жених с папой сидит. Водку хлещет. Врет, наверно, с три короба. Дескать, у нас, в Германии» Дескать, мы герцоги, и всё такое («Любовь»).*

В этой же книге Зощенко обосновывает свою манеру исторического повествования, полемизируя с историками: «...историки пишут без всякого, можно сказать, воодушевления, таким вялым канцелярским тоном, как о самых пустых, примелькавшихся

предметах. Историки даже не добавляют от себя никаких восклицаний, вроде там: “Ай-яй!”, или “Вот так князь!”, или “Фу, как некрасиво!” или хотя бы “Глядите, еще одним подлецом больше!”» Зоценко ничего не говорил (да, наверное, и не мог в те годы сказать) о том, что подобная манера повествования при описании исторических событий была широко распространена в России еще в начале века, например в произведениях сотрудников юмористического журнала «Сатирикон», уехавших после октябрьского переворота за границу. Вот несколько примеров из их «Всеобщей истории»:

(10) *Затем стали прямо торговать тронами и продавали его тому, кто больше даст. В Римском Вестнике («Nuntius Romanos») сплошь и рядом печатались объявления:*

«Отдается дешево хороший трон, малодержанный за сходную цену».

Или: «Ищу трон здесь или в провинции. Имею залог. Согласен в отъезд».

На воротах римских домов пестрели билетки:

«Сдаеця трон для одинокова. Спросить унтера Мардарьяна» (Тэффи, Древняя история).

(11) *Когда вдали показывался какой-нибудь город, крестоносцы спрашивали:*

— Послушайте, это Иерусалим?

— Нет.

— Нет? А евреи в нем есть?

— Есть.

— А можно их перебить?

— Да сделайте ваше одолжение (О. Дымов, Средние века).

(12) *Когда колонисты победили и выгнали англичан, те пожали плечами и обиженно сказали:*

— И не надо. И без вас проживем (1783).

— Ступайте, ступайте,—поощрили их колонисты,—пока вам еще не попало,, Ишь! (А. Аверченко, Новая история).

(13) *Победив кого следует, Петр задумал прорубить окно в Европу. «Пора,—сказал он,—на людей посмотреть и себя показать!»—«Окно, государь, вещь опасная. Прорубишь окно, а в него швед влезет»—«А мы ему в шею накладем!»—смеялся Петр:—Он и уйдет» (О. Д'Ор, Русская история).*

Эвфемизм

Гораздо чаще, чем обыгрывание употребления бранных слов, встречается отступление от нейтральной речи в другом, противоположном направлении. Мы имеем в виду использование эвфемизмов. Эвфемизм — слово или словосочетание, употребляющееся вместо наименований прямых и более точных, но признаваемых в условиях общения неприличными или грубыми. Л. П. Крысин отмечает, что в современной русской речи тенденция к эвфемизации речи уживается с противоположной тенденцией—тенденцией к огрублению речи [Крысин 1996б 384]. Обыгрывание этого приема заключается в его гиперболизации (когда замена производится там, где в ней нет необходимости) — ср. ниже (1)—(4) или же в его неузульности, индивидуальности — ср. (5)—(18).

(1) *Никогда он [Чичиков] не говорил: «Вы пошли», но «вы изволили пойти; я имел честь покрыть вашу двойку»* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1,1).

(2) *Ни за что, бывало, она в гостиной не скажет, как другие, что «была, дескать я во всенародной бане», а выразится, что «имела я, сударь, счастье вчера быть в бестелесном маскарадео беременной женщине ни за что не брякнет, как другие, что она, дескать, беременна, а скажет: «она в своем марьяжном интересе», и тому подобное* (Н. Лесков, Воительница, II).

(3) *А в предбаннике пальто вешали. Мороз был -жуткий. Висел там её [Айны Ахматовой] лапсердак—вытертое нечто, линияе в проплешинах, этакий енот, который лает у ворот* (В. Конецкий, Последняя встреча).

(4) [Отец—о сыне] **Витаминрэ** ему нужен, вот что ему нужно (вм. «ремень»).

(5) *А завтра к вере Моисея*

За поцелуй я не робея

Готов, еврейка, приступить—

*И даже **то тебе вручить,***

Чем можно верного еврея От православных отличить (А. Пушкин, Христос Воскрес).

(6) Такса (компенсация за оскорбление) *За вымазание лица дегтем, салом, тестом и т. п.—4 р• То же, **веществами, коих вывоз в***

дневное время воспрещается^{5р.} (М. Салтыков-Щедрин, Современная идиллия).

(7) *Ноги растут из того места, ради которого природа березу придумала*

(А Чехов, Краткая анатомия человека).

(8) *Милая Маша, посылаю тебе набросок северного фасада. Окон почти нет, стена глухая, потому что север. Круглые окошечки—это запасной бак над ванной и **ватерлоо*** (А Чехов—М. П. Чеховой, 2 дек. 1898).

(9) *Потом я чертил в тишине*

По милому бюсту орнамент,

А Алла нагнулась ко мне:

*«Большой ли у вас **темперамент,**?»*

(Саша Черный, Прекрасный Иосиф).

(10) — *Жизня, братцы, пришла бекова: есть у нас свобода, есть **Херенский**, а греть нам некого* (Артем Веселый, Россия, кровью умытая).

(11) *...со свечою в руке Аполлон Аполлонович пробежал в одну ни с чем не сравнимую комнату, чтоб предаться,, газетному чтению* (А Белый, Петербург, III).

(12) *..запел тонким голосом французскую песню, что он—ран-рон—нашел в лесу девицу и стал ее щекотать, всё дальше и больше, а потом ее и совсем **ран-рон*** (Ю. Тынянов, Восковая персона, 1,7).

(13) [Обучение танцам] Баян. *...Так, так! Да не шевелите вы **нижним бюстом**, вы же не вагонетку, а мадмуазель везете. Так, так! Где рука? Низко рука!* (В. Маяковский, Клоп, II).

(14) *Некий сельский священник воззвал к прихожанам во время проповеди,: «Дети мои, помолимся за владельца этого замка, который скончался в Париже **от тяжких увечий**»* (Его там колесовали) (Шамфор).

(15) *Ярасширял им [рабочим] кругозор по мере сил, и им очень нравилось (...) особенно во всем, что касается Израиля и арабов. Тут они были в совершенном восторге {...}Абба Эбан и Моше Даян с языка у них не сходили. Приходят они утром с бля-док, например, и одну другого спрашивает: «Ну как? Нинка из 13-ой комнаты даян эбан?» А тот отвечает с самодовольною усмешкою:«Куда ж она, падла, денется? Конечно, даян!»* (Вен. Ерофеев, Москва—Петушки).

(16) *Это была облувленная беседочка, «л полу ее, издали,, виднелось то, шо ос таетя от человека, когда он посидит* (А Толстой, Похождения Невзорова, или Ибикус, I).

(17) *О, оторви недвижимость от стула!*- (В. Вишневский).

(18) *зчяю лучших я затей
среди вселенской тихой грусти, чел* в полусумраке—детей
искать в какой-нибудь капусте* (И. Губерман).

Нередко в эвфемистических высказываниях используются единицы со значением неопределенности (типа и так далее, неопределенных местоимений):

(1) *Не стремимся мы в дальнюю дали
Ни в пустыню, ни к полюсу холода,,
катере—к этакой матери!*

(А. Галич, Старательский вальсок).

(2) *Генерал, проезжая мимо озера, видит купающуюся белотелую женщину с длинными волосами и приказывает денщику.*

— *Иван, сплавай к этой даме и спроси ее, как она насчет поездки со мной в город, гостиницы, вина, картишек и так далее.*

Денщик, вернувшись:—Ваше превосходительство, насчет поездки в город, гостиницы, вина, картишек онимогут-с, а насчет так далее -никак-с, они поп-с (Ю. Никулин).

(3) — *Вы говорите-говорите, да не заговаривайтесь!*

— *Скажите пожалуйста!*

— *Три буквы!*

— *Сам пять букв!*

(А Кнышев, Уколы пера).

(4) *Кой-кому кой-что не кой-что, Пусти кой-кого кой за что, так он и кой-что кой на что,—шутливая эвфемистическая замена пословиц «Дураку закон не писан»; «Пусти свинью за стол, так она и ноги на стол».*

Интересный пример эвфемистического использования неопределенных местоимений, вызванного цензурными ограничениями в СССР, приводится в работе С. М. Кузьминой [1989:231]. Вл. Волин в фельетоне под названием «И шестикрылый кое-кто» («Лит. газета», 1983 г.) пишет, как в книжке стихов А Блока о русской природе, выпущенной в свет издательством «Детская

литература», в стихотворении «Летний вечер» «крамольное» слово *ангел* было заменено на *кто-то*:

*Свирель запела намосту,
И яблони в цвету,
И кто-то поднял в высоту Звезду зеленую одну,,*

Автор фельетона шутливо предлагает произвести сходные замены и в других случаях:

«Вот, к примеру, «Демон», адаптированный для малышей:
*«Печальный кто-то, дух изгнанья,
Летал над грешною землей-.»*

Пушкинский «Пророк» ДЛЯ ДОШКОЛЯТ:

<<И шестикрытый кое-кто На перепутье мне явился~>

Известный (и наименее интересный) вид эвфемизма — опущение середины слова — синкопа (*нас., л*) или конца слова — апокопа (*ж...; г...*), а также умолчание или (в письменной речи) замена слова многоточием. Ограничимся одним примером, приписываемым Пушкину:

На К. Дембровского

*Когда смотрюсь я в зеркала,
То вижу, кажется, Эзона,
Но стань Дембровский у стекла,
Так вдруг покажется там...*

В поэтической речи нередки единицы, которые можно характеризовать как псевдоэвфемизмы: грубое или неприличное слово заменяется другим, совершенно не связанным с ним по смыслу, но рифма с легкостью изобличает подделку:

*Тому удивляется вся Европа,
Какая у полковника обширная шляпа.*

Комментарий полковника: «Чему удивляться? Обыкновенная, с черным султаном. Я от формы не отступаю. Насчет неправильной рифмы, отдать аудитору, чтобы приискал другую» (Козьма Прутков, Военные афоризмы). Любопытный прутковский полковник и дальше не оставляет попытки подыскать рифму к заинтриговавшему его слову:

*Если ищешь рифмы на-. Европа,
То спроси у Бутенопа.*

Комментарий полковника: «Кстати подвернулся Бутенюп. Ну, а если бы его не было? Приказать аудитору, чтоб подыскал еще рифмы к Европе, кроме...» (Козьма Прутков, Военные афоризмы. *Бутенюп* — офицер полка).

Эта рифма и сейчас волнует умы, ср.:

*Если едешь на Кавказ,
Солнце светит прямо в глаз.
Возвращаешься в Европу—
Солнце светит- тоже в глаз.*

Еще пример псевдоэвфемизма:

*Серп и молот, молот—серп.
Это наш советский герб.
Хочешь—жми, а хочешь—куй,
Всё равно получишь- деньги.*

Интересны случаи вторичной эвфемизации:

— *А вы бы уходили, Герасим Алпатыч (...)* Вы назюзюкались, и в вашем **интересном положении** самое лучшее теперь сидеть дома (А. Чехов, Скорая помощь)

— узуальный, общеизвестный эвфемизм *быть в (интересном) положении* (быть беременной) используется для описания другой ситуации — при обращении к пьяному.

«Обыденное» vs. специальное

Весьма распространенный прием использования стилистических возможностей языка — столкновение в одном тексте элементов разного стиля, смешение регистров и стилей речи. И чем резче межстилевые различия, тем сильнее комический эффект. Своего максимума он достигает при столкновении высокопарных или сугубо научных выражений с выражениями просторечными или диалектными. Вкрапление специальной терминологии: спортивной — (1)—(1а), военной — (2)—(5), научно-технической — (6)—(7), финансово-экономической —

(8)—(11) и т. п. в описание обычных бытовых ситуаций — распространенный прием создания комического:

(1) *Когда мне исполнилось пятьдесят лет, я оставил большой секс и перешел на тренерскую работу* (М. Жванецкий).

(1а) *На свадьбе спортсмена женщина обращается к молодому человеку:*

— *Простите, это Вы жених?*

— *Нет, я выбыл в четвертьфинале.*

(2) *Эй, славяне, что с Кубани,*

С Дона, с Волги, с Иртыша,

Занимай высоты в бане,

Закрепляйся не спеша!

(А. Твардовский, Василий Теркин. В бане).

(3) — *Всё кутите?*

— *Да еще как В четыре часа утра установили связь с моряками.*

*Они покрыли нас таким коньяком, что у нас **выбыло пятьдесят процентов состава.***

Сейчас едем на ослах на гору—смотреть вид (А. Толстой, Похождения Невзорова, или Ибикус, IV).

(4) *Да что ж это, граждане, происходит на **семейном фронте?** Мужьям-то ведь форменная труба выходит* (М. Зощенко, Муж).

(5) [О дачном конфликте] *Соседи замкнулись: они укрепили металлическую сетку на железных столбах, насыпали в **стратегически важных пунктах** битого стекла, протянули стальной прут и завели страшного желтого пса* (Т. Толстая, «На золотом крыльце сидели...»).

(6) [Признание в любви студента-математика]:

Наташа, родная, желанная!

*Изранил меня **треугольник страстей** Заела любовь **многогранная***

(М. Исаковский, Формула любви).

(7) *Новости техники. Вчера с **конвейера** Семеновского автозавода **согили** три пьяных слесаря* (Л. Измайлов).

(8) ***Кредитом страсти*** *изнывая,*

Красавица! У ног твоих

Горю тобой, о кладовая Всех мук и радостей моих!

*Тебе слезюльть хочу и буду **Я** всем балансом сил моих,*

*Лишь выдай мне с рукою в ссуду **Всю сумму прелестей твоих!***

(И. Мятлев, Признание в любви чиновника заемного банка).

(9) — *У меня всегда так—сказал Бендер, блестя глазами,— миллионное дело приходится начинать при ощутительной нехватке денежных знаков. Весь мой капитал, основной, оборотный и запасный, исчисляется пятью рублями.,* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, II).

(10) —*Я чту Уголовный кодекс. Я не налетчик, а идейный борец за денежные знаки* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XIV).

(11) — *Вы, конечно, стойте на краю финансовой пропасти?—спросил он [Бендер] Балаганова.*

— *Это вы насчет денег?—сказал Шура—Денег у меня нет уже целую неделю* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, II).

Штампы

Широко распространено обыгрывание штампов (в частности, канцеляризм), например, приверженность к замене глаголов словосочетаниями с отглагольными существительными, ср.:

(1) [О «Правилах пользования лифтом»]: *Запрещалось (...) всем без исключения производить шалости, заниматься сном и совершать подпрыгивания* (А. и Б. Стругацкие, Сказка о тройке).

(2) [Из милицейского протокола] *...по старости Сниткина не смогла убежать с дороги, а посему и понесла убытки на почве разбития, сминания и сплюсну-тия, а также полного смешения продуктов в сумке* (В. Ардов, Примета, которая оправдалась).

(3) [Гадалка]:—*Безусловно, эта бубновая дама на вас подала заявление в червонную организацию за трэфовое разложение* (В. Ардов, Приворотное зелье).

Е. Петров в рассказе «Великий порыв» отмечает, что сама канцелярская среда непреодолимо заражает тягой к штампам. Журналист Терпейский, ненавидящий бюрократию и бюрократическое косноязычие, назначается заведующим и через год пишет. *«Сим имею известить вас на предмет появления помянутого фельетона, каковой таковой*

Еще несколько примеров обыгрывания канцеляризм:

(4) — *А! Пролетарий умственного труда! Работник метлы!—воскликнул Остап, завидя согнутого в колесо дворника* (И. Ильф—Е.

Петров, Двенадцать стульев, VI).

(3) *Вероятно, он [Паниковский] вспомнил, что его часто били отдельные лица и целые коллективы и что при этом ему бывало очень больно* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XII).

(6) *Припаяли ему внушение,*

Что вошел с кулакам в сношения,

*Что в июньскую полночь синюю **Искавил комсомольскую линию***

(М. Исаковский, У Ванюши не пахана пашенка...).

А. Т. Твардовский писал, что в пародийной окраске примеров использования Исаковским протокольно-газетных оборотов (типа (6)) «не содержится сатирических оттенков. Это мягко иронический, ни для кого не обидный тон, подрывающий, однако, магическую, заклинательную силу претенциозно-казенных штампов речи, выводящий их из строя» [Твардовский 1978: 20].

(7) *С маленькими детьми я принимаю всегда преглупый тон.*

—Я читаю, дитя мое, о тактике жирондистов.

Она долго смотрит на меня.

—Л зачем?

— Чтобы бросить яркий луч аналитического метода на неясности тогдашней конъюнктуры (А. Аверченко, Вечером).

(8) *С богатой добычей вернулся в родное стойбище охотник Черттезнаев. Каково же было удивление 60-летнего охотника, когда оказалось, что мех двух из убитых им лисиц—искусственный! Это уже не первый случай отстрела в Якутии лисиц с искусственным мехом* («Лит. газета», 16-я страница).

В (8) нелепость содержания подчеркивает особенности газетного стиля, в частности его склонность к штампам и претензию на достоверность и точность информации.

Еще несколько примеров.

(9) **ГИПОТЕЗЫ, ОТКРЫТИЯ.** *Любопытную версию выдвинул Сысой Свиридович Сидоров для объяснения тайны загадочной улыбки Моны Лизы. Не исключено, считает исследователь, что она просто была душой* (А. Кнышев, Тоже книга).

(10) *..Каждый из нас почитал святой обязанностью с опасностью для фасада и тыла воровать горячие пироги для всей компании (...)* У Шашиного отца—рыжебородого пьяницы—была прескверная манера **лупить** своего отпрыска, где бы он его ни

настигал, а так как около него всегда маячили и мы, то этот прямолинейный демократ бил и нас, на совершенно равных основаниях (А. Аверченко, Молодняк).

(11) Комментируя статью «Правды Русской»: «Если убьют купчину немца в Новегоро-де, то за голову десять гривен», М. Зоценко пишет: *Столь унижительно низкая цена за голову иностранного специалиста в дальнейшем, правда, была доведена до сорока гривен, и убийство, интуристов, видимо, стало не всем по карману и не всем доступно* (Голубая книга. Деньги).

Может быть, самый яркий пример — не высмеивания штампов, а отказа, отталкивания от штампов (почти обязательных!) — сочинения протопопа Аввакума, который парадоксальным образом сочетает сверхконсервативные взгляды на общественную и религиозную жизнь с поразительной новизной языка и стиля художественной речи. Вместо застывших сочетаний с религиозной тематикой в его произведениях «торжественно-книжные слова окружаются реалистически-повседневным ореолом» [Виноградов 1980:15]:

Держись за Христовы ноги!

А я, на небо глядя, кричу,,

Полны сьти напехаль Богъ рыбы.~

Ия су~ ко Богородице припаль\ Владычице моя, Пресвятая Богородице, уйми дурака тово, и таке спина болитъ!

Долгое время дальнейшее использование, воспроизведение не только штампов, но и вообще актов индивидуального творчества (в том числе и языковой игры) оценивалось отрицательно как «повторы», «перепевы», «плагиат», «штамп» (языковой или литературный), как признак эпигонства. Затем наиболее внимательные исследователи с удивлением (почти с изумлением) обнаружили подобные «штампы», привычные словосочетания в стихах больших поэтов и не сразу дали правильную оценку этому явлению. «Если М. О. Гершензон еще относился к явлениям такого рода как к неожиданному курьезу (отсюда вызывающее название его недописанной статьи “Плагиаты Пушкина”), то В. Виноградов ощущает их уже саморазумеющимися и в “Стиле Пушкина” приводит такие заимствования Пушкина из своих предшественников десятками» [Гаспаров 1986: 183]. И, наконец, в последнее время начинает осознаваться тот факт, что без этого невозможно дальнейшее развитие языка и поэтической речи, что иначе

и быть не может. «Художественный текст, состоящий из индивидуальных выразительных знаков, перестает быть художественным и становится экспериментальным»,—писал Л. В. Щерба (цит. по: [Бакина 1995]). М. Л. Гаспаров справедливо отмечает, что «мышление готовыми словосочетаниями характерно и для больших поэтов. (...) на самом деле ничего зазорного в употреблении ритмико-синтаксических стереотипов нет: если поэт пользуется готовыми словосочетаниями языка, то это так же естественно, как и то, что он пользуется готовыми словами языка» [Гаспаров 1986: 197]. В еще большей степени сказанное относится к обыденной речи, где так часты «формульные выражения» — сравнения (*злой как собака*), метафоры (*свежий ветер, железная воля*), генитивные конструкции (*реки крови*), которые стали уже общеязыковыми.

Диалектизмы и жаргонизмы

(1) [Начало повести крестьянского писателя-среднячка из группы «Стальное вымя»] *Инда взопрели озимые. Рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, VII).

(2) *Ворога вокруг пообъявились,
Знай снуют, орясины, твистя.
И откуль она, скажи на милость,
Привзялась такая напастя?*

(А. Иванов, пар. на Ивана Лысцова).

(3) [Старушка—парню]

— *Милок, как пройти на улицу Горького?*

— *Научись сначала разговаривать по-человечески! Не милोक, амен\ не пройти, а бросить кости; не улица Горького, а Пешков-стрит.*

Бабка подходит к другому парню и, наученная горьким опытом, спрашивает.

— *Мен, как кинуть кости на Пешков-стрит?*

— *Хипнуешь, плесень?*

(4) «Стариками» можно называть друзей, родителей, шефов, детей. Например, жену. «Старик, ты уже давала грудь Алешке?» (Физики продолжают шутить).

(5) [Капитан—боцману, который ударился «репкой» (головой)]: «~~У~~?го с репкой?— спросил я—Держишься за нее».— «/(то сказал?— радостно загоготал боцманю-га.—Яне репкой, я лопухом треснулся!» Он показал на ухо. Оно немного распухло (В. Конечкий, Последний раз в Антверпене, 4).

Воровской жаргон часто используется в произведениях писателей 20—30-х гг.— см. (6); он нередок даже в поэзии — (7):

(6) *А комендант сучара развалился в мягкой кресле и языком ледве-ледве» Мотнулись в порт.*

Чур не хлопать. Ногой на суденышко—кока за свисток, лапой в котел.- Ну-ну. Охолостим бачка два, штобпузяко трегцало (Артем Веселый).

(7) *Вышел на арапа. Капает буржуй.*

А по пузу—золотой бамбер.

— Мусью сколько время? Легко подхожу Дзззызь промежроги!! и амба!

(И. Сельвинский, по: [Крученых «Заумный язык у...»]).

В литературе послевоенной воровской жаргон редок и встречается в штыки «блюстителами порядка» — пародистами. Один пример — пародия А. Иванова на стихи Касмынина:

Всё путём!

**Льды на реке ломает март. Апрель как вор в законе,
И льдины стаей битых карт Разбросаны в затоне.**

Геннадий Касмынин

В свои права вошла весна,

Вокруг светлей и чище.

Истай воробьев, шпана,

Спешат на толковище.

Ворона, словно человек,

Разинула едало.

Сорока, падла, будто век Свободы не видала.

Всех обогрел весенний свет,

Длинные, как сроки, тени«

И вот уже сидит поэт И ботает по фене.

Лексическая ошибка

Очень распространенный способ языковой игры—лексическая ош и б -к а, неумелое (в детской речи) или невежественное (в речи взрослых) использование вместо одного слова другого, обычно близкого по звучанию. Не владея ни одним из двух созвучных слов, говорящий употребляет одно вместо другого, ср.:

(1) ...*один соляной пристав (...)* писал в прошении: «*Двадцатьлет служил я при магазине с величайшим эгоизмом и прошу за это пенсии*» (вм.: *с энтузиазмом*') (Музей остроумия).

Обычно этот прием используется писателями для дискредитации описываемых лиц, особенно если это лица с претензией на образованность. В лингвистическом плане описываемое явление не очень интересно, поэтому мы ограничимся лишь несколькими примерами:

(2) *Кавказский князь в белом шерботе ехал в открытом фельетоне* (А. Чехов, Из записных книжек).

(3) А н к а: «*Я произвела в Париже настоящий фужер!*»

Петька: «*Не фужер, а фураж! Василий Иванович, как правильно?*»

Василий Иванович: «*Ребята, я в этих вопросах не Копенгаген*».

(4) [Отрывок из произведения писателя Ниагарова] *Митька стоял на вахте. Вахта была в общем паршивенькая, однако, выкрашенная свежей масляной краской, она производила приятное впечатление. Мертвая зыбь свистела в снастях среднего компаса. Большой красивый румб блистал на солнце медными частями. Митька, этот старый морской волк, поковырял бушпритом в зубах и весело крикнул: «Кубрик!»* (В. Катаев, Мой друг Ниагаров).

(5) [Из произведений Никифора Ляписа] *Страдал Гаврила от гангрены, Гаврила от гангрены слег, Волны перекатывались через мол и падали вниз стремительным домкратом* (И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев, XXIX).

(6) *Когда, говорит, по мне враги стрельнули и вдарила меня пуля прямо в лоб, я упал, как скошенный, и потерял сознательность* (М. Шолохов, Поднятая целина, 2; пример из: [Земская 1959]).

(7) *Барахло у ребятишек пооборвалось, рубашонки такие, что половой зрелости не достигают* (И. Бабель, Конармия. Конкин).

1. Сильный комический заряд содержится в макаронической речи, где слова и формы своего языка смешиваются с чужими. Иноязычные слова воспринимаются «всеми коллективом говорящих или его частью (...) как более престижные (по сравнению с исконными)» [Крысин 1996а: 147]. В. Вересаев отмечает в своих воспоминаниях, что, начитавшись «Мертвых душ», где Чичиков говорит: «*это полезно даже в геморроидальном отношении*», и восхищенный звучным и красивым словом, он при гостях на вопрос матери: «*Витя, хочешь макарон?*» ответил: «*О да, пожалуйста! Это полезно даже в геморроидальном отношении*». А. Крученых рассматривает как содержащие заумные слова след, отрывки из А. Сей-фуллиной: «*...Трудом и знанием побеждена стихия*». Любил Гришка эту надпись (...) Слово-то какое. *Стихия*. И не объяснишь, а как услышишь — богатырем охота стать. *Стихия!* (...) Лучше всего был *Интернационал*. Хорошее слово, непонятное. И на больших похоже. Это, брат, тебе не про елочку!» А. Крученых считает, что здесь «обычные слова взяты в заумном значении, заумистые» [Крученых 1922].

Л. П. Крысин отмечает, вместе с тем, двойственность в отношении говорящих к иноязычным словам — в чужой речи они нередко раздражают [Крысин 1996а: 147].

2. Иногда авторы подчеркивают, что иноязычные слова, даже, казалось бы, полностью освоенные, все-таки по многим параметрам существенно отличаются от слов родного языка, ср.:

(1) *В Средней Азии (...) выпить ничего нет, но жратвы зато много: акыны, саксаул Так он так и питался почти полгода: акынами и саксаулом* (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки).

Аномальность фразы быстрее вскрывалась бы и ощущалась более резко, если бы фраза включала слова родного языка {*„выпить ничего нет, но жратвы зато много: народные певцы, кустарник*

3. Раздражение, вызываемое иногда иноязычными словами, сильнее всего проявляется в обыгрывании макаронической речи. Вышучивание злоупотребления иноязычными словами, естественно, требует (не только от автора, но и от читателей) владения

иностранными языками. Неудивительно поэтому, что после октябрьского переворота, с общим падением культуры, этот прием создания комического используется всё реже и реже, и, в основном, в эмигрантской литературе. Приведем примеры макаронической речи в литературе XIX—XX вв.:

(2) *Amour, exil*—

Какая гиль! (А. Пушкин).

(3) *Около него была целая плеяда седых волокут и esprits forts, всех этих Масальских, Санти и tutti quanti* (А. Герцен, Былое и думы, ч. 1, V).

(4) *И вот этих дез испанцев,*

И карлист и кристинос,

Кучей, право, набралось!

А уж английских фамилий,

*У которых столько **филий,***

И гарсонов, и парти,

Пропасть, господи прости!

(И. Мятлев, Сенсации и замечания г-жи Курдюковой).

(5) —*Я даже, говорит— «пар сет оказиен» и стихи написал: вот,, «экутэ», пожалуйста* (Н. Лесков, Жидовская кувырколлегия, 9).

(6) *Если ты достиг возмужалости и кончил науки,, то ресире: инат и приданого quantum satis* (А. Чехов, Два романа, I).

(7) *Этот Ескимосов парвеню и моее-жанр, свинья в ермолке и моветон, но папаше с дочкой манже и буар хочется, так что тут некогда рассуждать омо-ве-жанрах* (А. Чехов, Тапер).

(8) *В Туле инапс-тринкен, легкое опьянение и шляфен. Спал, скрючившись в 3 погибели* (А. Чехов—Чеховым, 7 апр. 1887).

(9) — *В Самарской губернии голод»*

— *«Да, слышал я, слышал» как жаль!**

Какого прикажете супу puree a la reine, imperial?»

(В. Буренин, Menu).

(10) *Зима! Пейзанин, экстазу я,*

Ренувелирует шоссе,

И лошадь, снежность ренифлуя,

Ягуарный делает эссе (Г. Е., пар. на И. Северянина).

(11) *Вланишит вуаль солютидитный*

В обскуре моря голубом»

*Что шершит он в стране лонгитной,
Что обронил в краю родном?*

(Mіxtіx. Стихотворения Лермонтова. Подражание новым поэтам).

(12) *Лунный свет на Колизее*

Видеть (стоит una lira),

Хорошо для/orestieri

И скитающихся мисс (М. Кузмин, Колизей).

(13) — *Как условлено, так и сделано. Доне му а того кельк-шозу,
который в той железной щикатулке лежит!* (А. Аверченко,
Спермин).

(14) *Пардон, еще пардон (И. Ильф, Записные книжки).*

(15) *А если / стриткара набита, / около*

можете взять / подземный трен.

*Возьмите / с меняньем пересадки тикет и прите спокойно, /
будто в телеге*

(В. Маяковский, Американские русские).

(16) *Ардальон Панкратьевич (нос свеклой, глаза—тусклые) вошел
в палату и (кислым голосом):*

— *Мать, поднеси чарочку.*

*Ардальоновы девы всполохнулись, закивали туловищами, учиняли
политес с кон-верзационом:*

— *Пуркуа, фатер, спозаранку водку хлещете?* (А. Флит, пар. на А.
Толстого, цит. по: [Новиков 1989]).

Комический эффект усилен в (16) смешением трех языков —
русского просторечия с немецким и французским.

(17) *И не то чтобы в Бразилии «маде»,*

А написано ж внизу на наклейке,

Что, мол, «маде» в СССР, в маринаде,

В Ленинграде, рупь четыре копейки!

(А. Галич, О том, как Клим Петрович восстал...).

(18) *Я подхожу до портье [гостиницы] и говорю ему ломаным
языкам:*

— *Ейн шамбер-циммер, говорю, яволь?*

Портье говорит:

— *Батюшки-светы, никак иностранец к нам приперся.*

И сам отвечает тоже ломаным языком:

— *Яволь, яволь. Она, шамбер-циммер, безусловно яволь. Битте-дритте, сию минуто. Сейчас выберу номер, какой получше и где поменьше клопов (...)*

— *Яволь, говорю, битте-цурбитте. Несите, говорю, поскорей чемодан в мою ну-мерулю* (М. Зощенко, История с переодеванием).

4. Особый интерес представляет в (18) наблюдение Зощенко, касающееся речи п о р т ь е: он, вслед за «иностранцем», тоже начинает говорить ломаным языком (проявление прагматического принципа кооперации?). Сходный пример приводится в комедии Карло Гольдони «Семья антиквария, или Свекровь и невестка» (пер. А. В. Амфитеатрова). Обманщик Арлекин задорого сбывает графу Ансельмо кучу хлама, выдавая его за антикварные редкости. При этом себя он выдаёт за заезжего армянина, хотя из армянского языка знает только «-янци», которым он и оканчивает каждое слово. Любопытно, что одураченный Ансельмо также переходит на «армянский язык» (цит. по: [Новиков 1989]):

(19) Ансельм о. *Я если будянци еще~ еще редкостьянци, обязательно приносянци.*

А р л е к и н. *Да, да, приносянци, приходянци, обставьянци.*

5. Особенно силен комический эффект в случаях, когда слово иностранного языка «русифицируется»: получает русское окончание или предлог, к нему присоединяется русская частица, оно вводится в типично русскую синтаксическую конструкцию — см. ниже (1)—(5), или же, наоборот, русское слово оформляется «на западный манер», например снабжается артиклем — (6)—(7):

(1) *Это английская миса*

Прежеманная] актриса Тут немецкая сидит,

С ней французик говорит

(И. Мятлев, Сенсации и замечания г-жи Курдюковой).

(2) *Я знаю, что у них секретов много.*

Поговорить бы с йогом тет-на-тет (В. Высоцкий, Про йогов).

(3) *...Ивышел русский генерал-беженец на Плас де ла Конкорд, посмотрел по сторонам, глянул на небо, на площадь, на дома, на пеструю говорливую толпу, почесал переносицу и сказал с чувством:*

— *Всё это, конечно, хорошо, господа! Очень даже хорошо. А вот,, ке фер? Фер-то ке?* [От фр. «que faire?»—что делать?] (Тэффи, «Ке фер?»).

(4) *О'кэй-то нажми!* (Из разговора работающих на компьютере).

(5) [В багажном отделении вокзала]: *«Да что же вы,—говорю,—делаете, арапы?» Весовщик говорит. «Что пардон, то пардон! Извиняюсь!»* (М. Зощенко, Голубая книга. Коварство).

(6) *Берег весь кипит народом*

Перед нашим пароходом,:

Де мамзель, де кавалье,

Де попы> дез офисье,

Де коляски, де кареты,

Де старушки, де кадеты,—

Одним словом, всякий сброд

(И. Мятлев, Сенсации и замечания г-жи Курдюковой).

(7) — *Читаешь его* [писателя Распрокислого] *высокохудожественные рассказы, точно тряпку грязную сосешь. А мне что шлёпать? Я не этуаль из шато де-кабака!* (В. Буренин, Литературные чтения...).

И в переписке, и в спонтанной речи охотно использовал немецкие слова, и особенно часто — галлицизмы, замечательный лингвист А. А. Реформатский, ср.: *Аскольд und могила* (ьм. *Аскольдова могила*: по типу *Тристан und Изольда*)', *Получаю письма от элевов* (примеры из: [Язык и личность 1989]).

Битекстуальность

1. Многие авторы любят играть не отдельными словами или сочетаниями слов, а целыми текстами. Простое соединение двух текстов (вполне нейтральных или даже поэтически-возвышенных!) может привести к двусмысленности и производить комический эффект:

(1) *Люди! Будьте взаимно вежливы до последней капли крови!* (Журн. «Огонек»).

(2) — *Пушкин, по его же собственному признанию, был вдохновлен нянькой на свои лучшие произведения. Вспомните, как отзывался о ней Пушкин: «Голубка дряхлая моя~ голубка дряхлая моя* сокровища мои на дне твоём таятся-»*

— *Pardon*,—вмешался молодой человек (...)—это как будто к чернильнице~ (Тэффи, Нянькина сказка про кобылью голову).

2. Художественная и особенно поэтическая речь непроницаема и не допускает при воспроизведении вставок и комментариев, «болезненно» реагирует на пересказ. Нарушение правила, вкрапление прозаизмов дискредитирует текст и (в гораздо большей степени) самого цитирующего — даже если он восхищается цитируемым текстом. Ср.:

(3) *...в свое время прекрасно выразился наш славный поэт (...) Вот его слова:*

Жизнь моя,—воскликнул он,—иль ты приснилась мне!

Словно, говорит, я весенней, гулкой ранью

Проскакал на розовом коне

(М. Зощенко, Голубая книга. Неудачи).

(4) [Пересказ «Травиаты»] *.три всем том я вас очень люблю!*
Вот вам мой патрет на память, а я, между прочим, помереть должна-. (И. Горбунов, Травиата. Рассказ купца).

Вот еще два примера — обыгрывание текста «Евгения Онегина»:

(5) [Онегин читает письмо Татьяны, «в письмо вставляя целый ряд / непозволительных цитат»]

Кто ты? мой ангел ли хранитель?

(Я ваш, сударыня, сосед)

Или коварный искуситель?

(Вас искушать охоты нет)

Никто меня не понимает (Кому понятна ерунда!) и т. д.

(Д. Минаев, Евгений Онегин нашего времени).

(6) *Как это /у вас / говаривала Ольга?*

Да не Ольга!/из письма /Онегина к Татьяне.

—Дескать, /мужу вас / дурак / и старый мерин, я люблю вас,/ будьте обязательно моя,

я сейчас же /утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я (В. Маяковский, Юбилейное).

Цитация

1. Чрезвычайно распространено цитирование широко известных текстов, зачастую неточное. Постановка их в новом контексте кардинально меняет их смысл и производит комический эффект. Вслед за С. Походней [1989] и другими исследователями мы понимаем цитацию достаточно широко, объединяя ее с аллюзией — ссылками на «эпизоды, имена, названия и т.д. мифологического, исторического или собственно литературного характера» [Походня 1989: 48]. Возможно, Походня излишне категорична, утверждая, что невозможно декодировать текст, включающий аллюзию, если не имеешь соответствующих фоновых знаний, но бесспорно, что при отсутствии таких знаний художественный эффект будет значительно ослаблен. Приведем несколько примеров цитации:

(1) *И дикий тунгуз, и сын степей калмык— все будут говорить: майора Топтыгина послали супостата покорить, а он, вместо того, Чижика съел!* (М. Салтыков-Щедрин, Сказки. Медведь на воеводстве).

(2) [Немец-служащий Фридрих Шульц]—*ведь я, говорю, господа, немец, шпрехензи-дейч, Иван Андрейч, колбасник* (Н. Лесков, Островитяне, 5). [Цитата из Гоголя.]

(3) [Товарищ прокурора о даме легкого поведения Папильоткиной] *Убитая была не простая дама, а дама приятная во многих отношениях (...)* Она никому не делала зла, она, напротив, всем и каждому, по мере сил своих, стремилась доставить удовольствие. К ней, говоря словами поэта прошлого времени, «*шел воин, купец и пастух*» (В. Буренин, Мертвая нога, IX). [Цитаты из Гоголя и Лермонтова.]

(4) *У частного поверенного Зельтерского слипались глаза. Природа погрузилась в потемки. Затихли ветерки, замолкли птичек хоры, и прилегли стада.*

Жена Зельтерского давно уже пошла спать (А. Чехов, Гость).

(5) *Этот Жан—здоровнейший мужчина, говорящий хриплым басом, пахнувший уксусом и вечно ищущий по свету, где оскорбленному есть чувству-рюмка водки и рубль взаймы* (А. Чехов, Визитные карточки).

(6) *Море шушукалось о любви до гроба, о счастье без возврата, о муках сердца и тому подобных неактуальных мелочах. Звезда говорила со звездой по азбуке Морзе, зажигаясь и потухая* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XII).

(7) — *Бездарный старик! Неталантливый сумасшедший! Еще один великий слепой выискался—Паниковский! Гомер, Мильтон и Паниковский! Теплая компания! А Балаганов? Тоже—матрос с разбитого корабля. Паниковского бьют, Паниковского бьют! А сам—Идемте в городской сад. Я вам устрою сцену у фонтана* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XII).

(8) *Чувствую, знаю—в правом кармане шубы у него колбаса (...) А в сущности—зачем она вам?Для чего вам гнилая лошадь? Нигде кроме такой отравы не получите, как в Моссельпроме* (М. Булгаков, Собачье сердце, I).

(9) — *Слава?—перебил Кончеев.—Не смешите. Кто знает мои стихи? (...) В будущем,, может быть, отыграюсь, но что-то уж очень много времени пройдет, потея тунгус и калмык начнут другу друга вырывать мое «Сообщение», под зя-вистливым оком финна* (В. Набоков, Дар, V).

(10) *Не стесняйся, пьяница,, нося своего, он ведь с нашим знаменем цвета одного* (И. Губерман)
— переключка со стихами С. Михалкова о красном пионерском галстуке:

*Как наденешь галстук,, береги его,
Он водь с нашим знаменем цвета одного.*

(11) *...он собирался стать ее четвертым мужем, не потому что, тсятс говорится,, от нее светло, я потому что с ней не надо света. При свете она говорила без умолку и что попало* (Т. Толстая, Сомнамбула в тумане)—переключка со стихами И. Анненского.

(12) *Я Федин, и Замятин, и Каверин,
Полонская известная,, Гацкевич,
И Харитон (которые дрожали Благоговейно)—вес они Чукоккалу пытались обесчестить.*

Мне не смешно, когда маляр негодный Мне пачкает Мадонну Рафаэля!

(Е. Шварц о юмористическом журнале К Чуковского «Чукоккала»).

(13) *Я думая Будкеев, лше челюсть кроша.
«И жить хорошо, я жизнь хороша'»*

(В. Высоцкий, О сентиментальном боксере).

(14) *Выхожу я как-то на дорогу*

*В старомодном ветхом шушуне,
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
Впрочем, речь пойдет не обо мне* (И. Иртеньев).

(15) [О современной манере пения эстрадных певцов]:

Этот стону них песней зовется!

2. При цитации обращение с первоисточником может быть достаточно вольным (это может даже обеспечить дополнительный комический эффект), ср. переключку (а по существу — полемику) А. Аверченко с гоголевской птицей-тройкой:

(16) Эл: *ты, русский народ! Кто тебя выдумал, как говорит незабвенный Гоголь~*

3. Прием цитации, как и многие другие приемы создания комического, используется, как мы неоднократно отмечали, и в «серьезных» текстах. Вл. Новиков приводит, напр., «трагическую вариацию на темы русской классической лирики» у В. Сосноры (цит. по: [Вл. Новиков 1989: 330]):

(17) *Я вас любил. Любовь еще—быть может,
Но ей не быть.*

Лишь конский топ на эхо нас помножит да волчья сыть.

Ср. также строки из стихотворения А. Галича «Песня о Тбилиси»:

(18) *На холмах Грузии лежит ночная мгла[^]

И как еще далеко до рассвета!

4. Из известных мне художественных текстов максимально насыщен цитацией рассказ Т. Толстой «Сюжет». В рассказе рассматривается другой возможный исход дуэли Пушкина; убит на дуэли Дантес, а Пушкин — опасно ранен в грудь, но выздоравливает. Бред раненого Пушкина — сплошные аллюзии, интересные не только чрезвычайной концентрацией, но, главным образом, своей «вневременно-стью»: в грезы Пушкина Толстая вплетает не только образы окружающих раненого реальных людей (его врача Даля) и не только цитаты из Пушкина и его современников, но и (что особенно интересно и —достаточно ли оправданно?) цитаты из литературы послепушкинской, даже из литературы XX века (Блок, Брюсов, Мандельштам, Пастернак, Хармс, советские песни). Не иллюстрация

ли это неоднократно высказанной мысли, что вся наша литература «вышла из Пушкина»?

*Пушкину грезятся огни, стрельба, крики, Полтавский бой, ущелья Кавказа, поросшие мелким и жестким кустарником, один в вышине, топот медных копыт, карла в красном колпаке, Грибоедовская телега, ему мерещится прохлада пятигорских журчащих вод—кто-то положил остужающую руку на горячий лоб—Даль?—Даль. Даль заволакивает дымом, кто-то падает, подстреленный, на лужайке, среди кавказских кустиков, мушмулы и каперсов; это он сам, убит,—к чему теперь рыдания, пустых похвал ненужный хор?—шотландская луна льет печальный свет на печальные поляны, поросшие развесистой клюквой и могучей, до небес, морошкой; прекрасная калмычка, неистово, туберкулезно кашляя,—тварь дрожащая или право имеет?—переламывает над его головой зеленую палочку—гражданская казнь, что ты шьешь, калмычка?—Портка.—Кому?—Себя. Еще ты дремлешь, друг прелестный? Не спи, вставай, кудрявая! Бессмысленный и беспощадный мужичок, наклонившись, что-то делает с железом, и свеча, при которой Пушкин, трепеща и проклиная, с отвращением читает полную обмана жизнь свою, колеблется на ветру. Собаки рвут младенца, и мальчики кровавые в глазах. Расстрелять,—тихо и убежденно говорит он,— ибо я перестал слышать музыку, румынский оркестр и песни Грузии печальной, и мне на плечи кидается анчар, но не волк я по крови своей', и в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть. Встал, жену убил, сонных зарубил своих малюток. Гул затих, я вышел на подмости, я вышел рано, до звезды, был, да весь вышел, из дому вышел человек с дубинкой и мешком. Пушкин выходит из дома босиком, подмышкой сапоги, в сапогах дневники Так души смотрят с высоты на ими сброшенное тело. Дневник писателя Записки сумасшедшего. Записки из Мертвого дома. Ученые записки географического общества. Я синим пламенем пройду в душе народа, я красным пламенем пройду по городам. Рыбки плавают в кармане, впереди неясен путь. Что ты там строишь, кому? Это, барин, дом казенный, Александровский централ. И музыка, музыка, музыка вплетается в пенье мое. И назовет меня всяк суций в ней язык Еду ли ночью по улице темной, то в кибитке, то в карете, то в вагоне из-под устриц, *icb sterbe*—не тот это город, и полночь не та. Много*

разбойники пролили крови честных христиан! Конь, голубчик, послушай меня.» Р, О, С,—нет, я букв не различаю~ И понял вдруг, что я в аду.

5. В исследовании «Русская разговорная речь» описывается интересный прием псевдоцитации, когда высказывание приписывается известному лицу, заведомо не имеющему к нему никакого отношения:

(19) Еще Гёте считал что валенки нельзя сушить на плите.

Бытие определяет сознание /как говорил Шекспир.

Кто не рискует /шампанского не пьет /как сказал Гомер.

Была не была / как говорят англичане несколько неточно цитируя Шекспира

(см. [Земская — Китайгородская — Розанова 1983:205]).

6. Комический эффект производит цитация в обыденной речи, ср.:

(20) Раз как-то ухватил меня за икры и спрашивает: «Мой чудный взгляд тебя томил?» Я говорю: «Ну, допустим, томил,,» А он опять за икры: «В душе мой голос раздавался?» Тут он схватил меня в охапку и куда-то поволок (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки).

7. Высшей степенью проявления битекстуальности справедливо признаётся пародия (ср., напр., [Походня 1989*. 104—105]). Может быть, в случае пародии правильнее говорить даже не о битекстуальности, а о политекстуальности, поскольку пародия нередко высмеивает сразу несколько произведений пародируемого автора, а то и целое литературное направление (так, О. Б. Кушлина отмечает, что пародии Вл. Соловьева — это «пародии не на символистов, а на символизм» [Рус. лит. XX в.: 35]). Вряд ли есть необходимость давать здесь примеры пародий: они неоднократно приводились нами в разных частях работы. К тому же эта тема (находящаяся несколько в стороне от основной линии нашего исследования) детально анализируется в целом ряде работ, в частности, в неоднократно упоминавшейся «Книге о пародии» Вл. Новикова [1989].

Приложения

Приложение I

НЛО (неопознанные лингвистические объекты)

Следует подчеркнуть, что речь идет не о неких непознаваемых кантовских «вещах в себе», а всего-навсего об объектах, которые затрудняется однозначно определить и интерпретировать автор данной работы. Для многих читателей подобное определение, возможно, не вызовет никаких затруднений. В данный раздел (представляющий собой некую «свалку») включены также примеры, где использованы сразу несколько приемов создания комического и которые, тем самым, затруднительно включить в какой-то один из выделяемых нами разделов. Несмотря на некоторые сложности интерпретации (а, может быть, благодаря им!), приводимый ниже материал может представить для исследователя-лингвиста значительный интерес.

Порядок подачи примеров — обычный для данной книги (в основном — хронологический).

(1) *Ныне люди таковы: унеси что с чужого двора—вором назовут* (В. Даль, Пословицы русского народа).

(2) [Пушкин о Д. В. Давыдове]: *Военные уверены, что он отличный писатель, а писатели про него думают, что он отличный генерал.*

(3) *Прочие тоже были, более или менее, люди просвещенные, кто читал Карамзина, кто «Московские Ведомости», кто даже и совсем ничего не читал* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1).

(4) *Потом бгяли показаны турецкие кинжалы, на одном из которых, по ошибке, было вырезано: Мастер Савелий Сибиряков* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. 1, IV).

(5) *По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих имил~
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!*

(Д. Минаев, В. П. Буренину).

(6) «Лес» (И. Шишкина)

*Правдиво так написан лес,
Что все невольно изумляются.*

зг

В таком лесу насмешки бес И эпиграмма заплутаются (Д. Минаев).

(7) *Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявили прогресс, то он стал и **пошел перед прогрессом**—так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади! (А. Сухово-Кобылин, Смерть Тарелкина, д. 1, XV).*

(8) *Не испугались и сохранили присутствие духа одни только пожарные, которые в это время крепко спали, что мы и спешим удостоверить (А. Чехов, Злоумышленники).*

(9) *А вот какова дою/сна быть и моя невеста: Вдова или девица (это как ей угодно будет) не старше 30 и не моложе 15 лет (А. Чехов, По-американски).*

(10) *Вы можете застать меня в усадьбе ежедневно от 9 часов утра до 9 часов утра. Милости просим! (А. Чехов—А. Н. Плещееву, 17 апр. 1988).*

(11) *Sire! Когда вы вернетесь из Петрограда, я и мощи Лины Саламонской будем уже сидеть на крылечке и слушать, как кричат соловьи и лягушки (А. Чехов—Н. Н. Оболенскому, 23 апр. 1889).*

(12) *Меня пишет Враз. Мастерская Сижу в кресле с зеленой бархатной спинкой. En face. Белый галстук. Говорят, что я и галстук очень похожи (А. Чехов—А. А. Хотяинцевой 3 апр. 1898).*

(13) *Нет такого слабого человека, который не был бы в состоянии перенести чужого несчастья (Журн. «Сатирикон»).*

(14) *Они [спартанцы] с детства приучились говорить лаконически, то есть коротко и сильно. На длинную витиеватую ругань врага спартанец отвечал только: «От дурака слышу» (Тэффи, Древняя история).*

(15) — *А мне фершалрвал [зуб]—вдруг вдохновенно воскликнула нянька—Этакий был подлец! Ухватил щипцом, да в одну минутку и вырвал. Я и дыхнуть не успела. «Подавай,—говорит,—старуха, полтинник». «Ловко,—говорю.—Я и дыхнуть не успела!» А он мне в*

ответ: «Что ж вы— говорит,—хотите, чтоб я за ваги полтинник четыре часа вас по полу за зуб волочил?» (Тэффи, Арабские сказки).

(16) А тягучие, нудные [годы], как они противны! (...) И события в такие года такие же затяжные, нудные. Если кто в такой год заболит—так на три месяца. Женится—такна всю жизнь (Тэффи, На Новый, 1927 год).

(17) —А! И ты здесь. И уж сутра апельсин жрешь. Проворный. А зачем шкурки на пол бросаешь?—Что вы, Анна Матвеевна! Я, собственно, бросал их не на пол, а наоборот, в потолок, но земное притяжение,, сами понимаете! Деваться некуда (А. Аверченко, Подходцев и двое других, I).

(18) После третьего плавания в Америку Колумб стал уже подумывать о тихой спокойной жизни без тревог и приключений~ В этом ему пришел на помощь сам испанский король Фердинанд: он заковал Колумба в цепи и посадил в тюрьму (А. Аверченко, Новая история). Хотя жизнь в тюрьме тиха, спокойна, размеренна, исключает какие бы то ни было приключения, Колумб мечтал, видимо, о другой жизни. Каков, однако, лингвистический механизм шутки?

(19) -Л смог сразу осмотреть весь ипподром, по которому спокойно ездили на лошадях люди, одетые в куски самых разнообразных материй (А. Бухов, Первый опыт, II).

(20) [На бегах приятель советует герою поставить на черную лошадь]:

— Черная. Пятый истер. На нее и ставь. Выиграет.

— Именно эта? Черная? Ты это верно?

Я посмотрел на лошадь. У ней был простодушный вид, совершенно не подчеркивающий ее желания оказать мне небольшую денежную услугу (А. Бухов, Первый опыт, II).

*(21) Кстати о нянях. Я очень много читал и слышал об этих трудолюбивых женищинах, которые удачным подбором незамысловатых рассказов и сказок (...) умело готовили из простого незатейливого ребенка **автора полного собрания сочинений** (А. Бухов, Канва для биографа).*

(22) [О русских воеводах] Это были люди веселого и неуживчивого характера, с таким широким размахом и неиссякаемым интересом к чужому имуществу (А Бухов, История взятки).

Данное сочетаемое ограничение на употребление существительного *интерес* не предусмотрено ни одним из толкований, предлагаемых в толковых словарях, но и мы затрудняемся его объяснить.

(23) *Было начало пятидесятых годов. В воздухе уже носились шестидесятые годы* (О. Д'Ор).

(24) Рассудительная мать

— *Мама, дай конфет!*

— *Нельзя—съедите.*

(25) *Прасковья Ивановна. И вдруг она меня про политику спросит? Как отвечать? Ведь я марксизм только по портретам знаю* (В. Шкваркин, Весенний смотр, III).

(26) *Наталья Петровна. Твоя сестра с мужем мне тоже не понравились. А у их сына никакого сходства с отцом, и носу него— вылитый нос какого-то постороннего мужчины* (В. Шкваркин, Весенний смотр, III).

(27) *Насмешливый, высокомерный, всегда с цианистым каламбуром наготове (...) этот мнимый весельчак действовал неотразимо на мелких млекопитающих* (В. Набоков, Весна в Фиальте).

(28) *«Что это? Дом отдыха или~» Он не окончил, так как признавал фм, что это давно уже не дом отдыха, а это самое «или» и есть* (И. Ильф, Записные книжки).

(29) *Приглашено было на рождество человек пятнадцать самых разнообразных гостей. Были тут и дамы и не дамы. Пьющие и выпивающие* (М. Зощенко, Гости).

(30) *Они [инквизиторы] приговоренных к сожжению передавали светской власти с таким елейным заключением'. «Наказать с возможной кротостью, без пролития крови» (М! Зощенко, Голубая книга. Коварство).*

(31) *Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и предложил его Бездомному. «Наша марка» (...) Тут литераторы подумали разное. Берлиоз: «Нет, иностранец,!»», а Бездомный: «Вот черт его возьми! А?» (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, 1).*

(32) *..я чувствовал, что самоубийство, прерванное на самом интересном месте, теперь уж не состоится, и, следовательно, с*

завтрашнего же дня я опять окажусь в пучине бедствий (М. Булгаков, Театральный роман, 4).

(33) После долгой разлуки с друзьями он увидел, что они поседели, а их жены стали блондинками (Эмиль Кроткий).

(34) Два сапога—пара, если они одного номера и фасона (Эмиль Кроткий).

(33) Режиссер долго ко мне присматривался и вдруг сказал: «Из вас, по-моему, выйдет незаурядный подлец». И вот—роль моя (А. Вампилов, Успех).

(36) Довели

Директор нажимает кнопку. Появляется секретарша.

Директор. Попросите ко мне Семенова.

Появляется Семенов.

Директор. Семенов?

Семенов. Да.

Директор. Вон отсюда! (М. Жванецкий).

(37) После революции дом, в котором позже родился Андрей, был оставлен его родителям по распоряжению самого Нестора Аполлоновича Лакоба. К молчаливому удивлению [росшей у дома] старой липы, которая там его никогда не видела, Лакоба объявил, что до революции он долгое время прятался в нем (Ф. Искандер, Сандро из Чегема, 21).

(38) Не знаю, что наш парторг думал о Флобере, но то, что это человек не с улицы, он, конечно, понимал (Ф. Искандер, Сандро из Чегема, 21).

(39) —Выуже дрались на дуэли?

— Нет, но я уже получил пощечину (Жюль Ренар, Из дневника).

(40) Верующий ли я? Одному Богу известно (С. Лец).

(41) Если человек мертв, то это надолго, если он глуп, то это навсегда! (Т. Толстая, Соня).

(42) Как приятно было плыть и струиться сквозь время—а время струится сквозь тебя и тает позади (Т. Толстая, Огонь и пыль).

(43) И тут я сказал себе: «Стой, Сигизмунд. Она чудная женщина со всеми удобствами, с горячей водой, в прекрасном районе, но умна угнетающе (М. Жванецкий, Для вас, женщины). Атрибуты квартиры перенесены на ее владелицу.

(44) — *Я так намучилась с наследством своего мужа,, что мне иногда кажется, лучше бы он не умирал.*

(45) *Валерина—это женщина, выражающая ногами всё, что накипело на душе (Г. Малкин, Максимы и минимы).*

(46) [Советская патриотка Лера Васильева вернулась домой «из итальянской глуши»]. *Взволнованная она ходила по московским улицам.—Ну и что с того, что в магазинах нет товаров (...), но ведь нету наших советских товаров, а не их показной трухи (З. Паперный, Чего же он кочет?—пар. на роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?»)*

(47) — *Не будем судить о моем голосе,—говорил певец. Все согласились:—На нет и суда нет (М. Тенин).*

(48) *Истина в последней инстанции—философ в морге (А. Кнышев, Уколы пера).*

(49) *У нас каждый новый политический лидер вначале радуется, что вошел в историю, а после понимает, что он в нее влип (А. Кнышев, Уколы пера).*

(50) *Эту страну я люблю, когда в ней нет гражданских войн, голода, грязи, хамства, очередей и меня (А. Кнышев, Уколы пера).*

(51) *Краткость—сестра таланта, но мачеха гонорара! (А. Свободны).*

(52) *После этой операции Машка стала оживать и вытянулась в такую даму, что не дай бог! (А. А. Реформатский, по воспоминаниям дочери).*

(5 3) — *То ли это место, где герцог Веллингтон произнес эти слова?*

—*Да, это то место, но этих слов он никогда не произносил (по: [Фрейд 1925]).*

(54) *Н. Н. говорит: «Я ничего не имел бы против музыки будущего, если не заставляли бы нас слушать ее в настоящем» (Рус. лит. анекдот).*

(5 5) — *Тебе повезло на охоте за тиграми?*

— *О да, страшно повезло! Я не встретил ни одного.*

(56) *Крестьянин приехал в город покупать корову. Торговец велосипедами уговаривает его- «Купите лучшие велосипед! Подумайте, как глупо Вы будете выглядеть, когда въедете в деревню верхом на корове!»—«Да, но я боюсь, что еще глупее я буду выглядеть, когда буду доить велосипед!»*

(57) *Бернард Шоу; показывая свой портрет одному из приятелей, как-то заметил:*

— *Странная вещь: с течением времени этот портрет становится всё моложе и моложе.*

(58) *...однажды Гаррис оскорбил патриотические чувства Джорджа, предложив ввести в Англии гильотину. «Это гораздо гигиеничнее»,—заметил Гаррис. «А мне плевать,—вспылил Джордж— Я англичанин и хочу умереть на виселице» (Джером К Джером, Трое на четырех колесах, VI).*

(59) — *Мама, Марь Иванна, наша учительница, не знает кто такая лошадь, никогда ее не видела.*

— *Откуда ты это взял?*

— *Как же, я нарисовал лошадь, а она спрашивает: «Это кто?»*

(60) *Гражданин, читая в метро советскую газету, бормочет.— Жмут, ну жмут, сволочи! Сидящий рядом подозрительно заглядывает в газету.—Кто, кто жмет?—Сапоги—А вы не в сапогах!—Потому и не сапогах, что жмут.*

(61) *Бабушка, а кто такой Карл Маркс?—Деточка, Карл Маркс был экономистом — Как наш дедушка Изя?—Нет.Дедушка Изя старший экономист.*

(62) — *У вашей собаки хорошая родословная?*

— *У нее? Да если б она умела говорить, она бы не стала разговаривать ни с вами, ни со мной!*

(63) *На военном смотре генерал спрашивает.*

— *Хватает ли вам еды, солдаты?*

— *Хватает! и даже остается!*

— *А что с остатками делаете?*

— *Съедаем! и даже не хватает!*

(64) — *Доброе утро, госпожа Бланк. Как ваша головная боль?*

— *Ушел играть в карты.*

(65) *Айк и Пэт, хорошо погуляв на вечеринке, расходятся. «О ревуар»,—говорит Айк, стараясь показать свою ученость. «Что это значит?»—спрашивает Пэт.—*

«Это по-французски—до свидания»—«Чудесно,—говорит Пэт,—цианистый калий».—«А это еще что?»—«До свидания на любом языке».

(66) *Первые двадцать лет мы с женой были очень счастливы.*

—А что же случилось потом?

— Мы встретились»

(67) Мужик пошел в лес пописать,увиделмедведя—заодно и покакал.

(68) —Вчера я встретила твоего мужа, и он рассказал мне такой анекдот, что я так хохотала, так хохотала—чуть с кровати не свалилась.

(69) Один джентльмен написал из командировки письмо своей жене: «Дорогая, лучше тебя нет ни одной женщины! Вчера я опять в этом убедился!»

(70) Разговор двух официантов:—А ты не знаешь, почему это бутерброд с маслом всегда падает на пол вниз маргарином?

(71) —Ты читал в сегодняшней прессе, как критик Томпсон разнес в пух и прах мой последний фильм?

—Не обращай на него внимания, он просто повторяет как попугай то, что говорят другие.

(72) — Господин Браун, вы заболели?

— С чего вы это взяли?

—Я видел, как вчера вы выходили из аптеки, и подумал,,

— Интересно, что бы вы подумали, если бы я выходил с кладбища?!

(73) Мужчина и женщина легли спать в купе поезда.

— У меня дома остался неверный муж.

—А у меня ненадежная жена. Отомстим?

Отомстили. Мужчина начал засыпать. А женщина все ворочается.

— Что вы не спите?Ведьмы отомстили?

—Ая хочу мстить, мстить, мстить _

—Ая не злопамятный.,,

(74) — Этот галстук стоит 80 крон?!Да за эти деньги я куплю пару туфель!

—Да, конечно, но не будете ли вы глупо выглядеть с парой туфель на шее?

(75) — У Вашей оперы есть будущее,—сказал критик, когда композитор кончил играть.—Уверяю Вас, что ее поставят тогда, когда уже не будут ставить ни «Лоэнгринна», ни «Кармен», ни «Пиковую даму».

— О, я Вам очень благодарен,—промолвил композитор.

— но не раньше!—закончил свою мысль критик

(76) Настоящий джентльмен—это тот, кто кошку всегда называет кошкой, даже если он о. нее споткнулся и упал.

(77) Старый профессор рассказывает коллегам:—Недавно мне приснилось, что я читаю лекцию студентам. Просыпаюсь, и что же? Я действительно читаю им лекцию.

(78) Супруга знаменитого киноартиста находит в его корреспонденции послание молодой особы, в котором написано:

«Если вы возьмете меня к себе в качестве секретарши, я готова делать для вас все, что вы захотите. И если я говорю «всё, что захотите», то я имею в виду «всё, что захотите»/

Жена немедленно послала ей такой ответ: <Дорогая незнакомка! Сообщаю вам, что у моего мужа уже есть секретарша, и довольно компетентная. £с<? же остальные обязанности с удовольствием выполняю я. И если я говорю «все остальные», то л имею в виду «все остальные».

(79) — Ты сколько здесь просидишь?—спрашивает старый заключенный вновь прибывшего.

— Около месяца.

— За кражу?

— Нет, я убил трех человек.

— И получил всего месяц тюрьмы?

— Нет,, через месяц меня повесят.

(80) Внуки не причина, чтобы мужчина чувствовал себя стариком. А вот сознание того, что он спит с бабушкой, вот это да!

(81) — Звонок будильника всегда действует на меня как выстрел.

— Тотчас вскакиваешь?

— Нет, лежу как убитый.

(82) Преподаватель спрашивает студента. «Этот вопрос вас не смущает?»—«Нет, совсем нет, мне он ясен. А вот что меня действительно смущает, так это мой ответ».

(83) Учительница пения вызывает Вовочку. «Каких ты знаешь композиторов?» Вовочка не знает, и его товарищ берет книгу и стучает ею по парте. «Бах»,—сказал Вовочка. «Правильно. А еще?» Друг вырывает из тетради листок и показывает Вовочке. «Лист»,— говорит тот. «Правильно. А еще?» «Членников»—говорит Вовочка. А

учительница ему. «Не Членников, а Хренников, а ты, Петров, спрячь подсказку».

(84) — Патрик! Как ты мог украсть у бедной вдовы поросенка и съесть его! Когда тебе придется встретиться с вдовой и поросенком в день Страшного суда, что ты сможешь сказать в свое оправдание? — Вы говорите, что и поросенок будет там, ваше преподобие? — Конечно. — Я скажу вдове, ваше преподобие', вот вам ваш поросенок^f

Приложение

О каламбуре⁴

И
Область рифм — моя стихия,
И легко пишу СТИХИ Я;
Без раздумья, без отсрочки Я бегу к строке от строчки, Даже к
финским скалам бурым Обращаясь с каламбуром.
Д. Минаев

Определение каламбура

Происхождение слова *каламбур* (франц. *calembour*) неясно. Часть этимологов объясняет его (не очень, впрочем, убедительно) из анекдота о некоем попе из Ка-ленберга (австрийские Альпы) (см. [Фасмер 1964—1973]). Каламбур — это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию. Это забавная ненормальность, вроде двухголового теленка в кунсткамере.

Из определения следует, что формальные приемы создания каламбура весьма разнообразны.

1) Самый распространенный вид каламбура—каламбур, основанный на многозначности слов. Примеры:

(1) [Разговор жениха и невесты]:

Д в о й р а. *И потом я хочу, чтобы вы меня немножко любили,*
Боярский.

Боярский. *Л что с вами делать, если не любить вас? На котлеты вас рубить? Смешно, ей богу!* (И. Бабель, Закат, 8).

В примере (1) обыгрываются два разных значения глагола «любить», соответствующие двум сторонам любви — духовной и физической.

Обращение С. Маршака к своему *дорогому* (тоже каламбур!) портному:

*Ах вы разбойник, ах злодей!
Ну как вы поживаете?
Вы раздеваете людей,
Когда их одеваете («Чукоккала»).*

[Обыгрываются два значения глагола раздевать: 1) снимать одежду; 2) разорять.] Для достижения комического эффекта могут сталкиваться значения:

— прямое и переносное:

(2) *У нас кто не работает, тот **ест** тех, кто работает.*

(3) *У насекомых из гусеницы получается бабочка, а у людей наоборот, из бабочки гусеница* (А. Чехов, Из записных книжек).

(4) *Пожарный всегда работает с огоньком* (Эмиль Кроткий).

(5) [Ответ Маяковского на записку]:—*Ваши стихи не греют, не волнуют, не заражают!—Я не печка, не море, не чума!*

(6) *Когда у Фонтенеля спросили, что такое красавица, он отвечал! «Рай для глаз, ад для души и чистилище для кошелька».*

— собственное и нарицательное:

(7) *«Камень» в витринах есть, но есть и в печени камень Знай, рассосаться, мой друг, трудно обоим камням*

(«Кофейня разбитых сердец») [«Камень»—сборник стихов О. Мандельштама].

(8) [Разговор о полярнике, затерявшемся среди льдов]:

— *Вот статья. Видите? «Среди торосов и айсбергов».*

— *Айсберги!*—говорил Митрич насмешливо.—*Это мы понять можем. Десять лет как жизни нет. Всё Айсберги, Вайсберги, Айзенберги, всякие там Рабиновичи* (И. Ильф—Е. Петров, Золотой теленок, XIII).

— специальное (напр., философское, лингвистическое) и общеупотребительное:

(9) *Материя бесконечна, но ее все время не хватает кому-то на штаны* (Г. Малкин).

(10) *Задымились голубые трубы, застукотели маховики, забарахололи цилиндры печей, загрохотали бремсберги, и колеса электропередачи закружились в разных пересечениях, наклонениях, спряжениях, числах и надеждах* (А. Архангельский, пар. на Ф. Гладкова).

— диалектное (или жаргонное) и литературное:

Лучше заложить галстук, чем—за галстук (Журн. «Новый Сатирикон», 1913).

— свободное и фразеологически связанное:

(11) *Я хорошо усвоил чувство локтя,
Который мне совали под ребро* (В. Высоцкий).

(12) *Что у тебя с головой?*

— *Мне моча в голову ударила.*

— *А почему такой синяк?*

— *Она в горшке была.*

— общеупотребительное и индивидуально создаваемое:

(13) *Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории.* (Н. Гоголь, Мертвые души, т. I, IV).

(14) *«Чувствую себя вполне сносно»—говорил дом* (А. Кнышев).

Еще пример — из книги З. Фрейда [1925]:

двуспальная женщина—односпальный церковный стул (намек на женское непостоянство и на «усыпительное действие проповедей») (Г. Лихтенберг).

2) Второй по употребительности вид каламбура — обыгрывание сходства в звучании слов или словосочетаний (так наз. *парономазия*, или *паронимия*)'.

(15) *Анализ мочи—на стол мечи.* (И. Ильф, Записные книжки).

(16) *От гурии до фурии один шаг.* (В. Ардов, Почки).

(17) *Хоть вы и Валтасар,*

Хоть выи Навуходоносор,

Но вы балда, сэр,

Вам в ухо дано, сэр!

(М. Светлов, С. Кирсанов. «Литературные шушу(т)ки»).

Распространенный прием каламбурной игры — изменение звучания существительных (нарицательных или собственных) с целью их переосмысления.

Сюда относится, например, народная этимология, мастерски обыгрываемая

Н. Лесковым. Приведем некоторые из его каламбурных этимологий:

*А телица, которым курьер **нимфозорию** сдал, сию же минуту ее рассмотрели в самый сильный **мелкоскоп** и сейчас в **публицейские** ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие **клеветой** вышел (...) Подали ему англичане ихнего приготовления горячий **студит** в огне (...)—Мы на **буреметр** — говорят — смотрели. буря будет., потонуть можешь («Левша»).*

— Ко всему память и соображения хорошие, а к ученью нет— долбицу умножения сколько ни долбила, а как, бывало, зададут задачу на четыре правила сложения— плюсовать, или минусовать, или в уме составить, например, пять из семи—сколько в отставке?—то я и никаких пустяков не могу отвечать (...) Сначала он более всего мимоноски строил, и в это время страсть как распустился кутить с морскими го-лованерами («Полунощники»).

*...я могу все эти **кляверзы** уничтожить (...) лежал я все время в обложной болезни с нутренностями в киевском **вогипитале** (...)— пускай себе что хотят едят, хоть свой рыбный суп, хоть даже говяжий **мыштекс**— что им угодно («Жидовская кувыр-коллегия»).*

Народная этимология встречается (правда, не в такой концентрации) и у других авторов, ср.:

***И физиомордия**, знаешь, этакая тово., внушительная (А Чехов, Староста).*

...пролетарий и есть тот, кто, значит, пролетит по всем пунктам, то ись вылетел в трубу (А. Белый, Серебряный голубь).

...работать с таким малокультурным компаньоном, как вы, из сорока процентов представляется мне абсурдным. Воленс-неволенс, но я должен поставить новые условия (И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев, XXV).

Каламбурному обыгрыванию могут подвергаться имена собственные. Ср. след, грустную, но удачную шутку Горького:

Один из посетителей Горького в последние годы его жизни спросил его, как бы он определил время, прожитое им в Советской России.

Максим Горький ответил-

—*Максимально горьким*

(Ю. Анненков, Дневник моих встреч).

Иллюстрацией каламбурного изменения собственных существительных может служить эпиграмма А. Пушкина на писателя Фаддея Булгарина:

*Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин-.
Беда, что скучен твой роман.*

Вспомним также злые и остроумные переделки фамилий типа *Бесстыжеев-Рюмкин* (вм. *Бестужев-Рюмин*)-.

Кузьма Распрогорький—Максим Горький, *Невмерович-Вральченко*—Немирович-Данченко, *Вакс Калошин*—Макс (Максимилиан) Волошин, *Владимир Искариото-вичКоротенко*—Владимир Галактионович Короленко (В. Буренин);

Лебедев-Подлянский—Лебедев-Полянский, *Смердюченко*—Сердюченко (А. А. Реформатский—по воспоминаниям дочери [Язык и личность 1989:191]).

А. Белый в книге «Начало века» описывает встречу с Валерием Брюсовым, который в то время ходил «с раздутой скулой»: *...помню, как мне на фразу показал, не обижаясь шаржем-.* «*Борис Николаевич, стоит тут у вас —“Флюсов, Броне-лий”*»; — *совал карандаш в корректуру —«поставим-ка “Брюсов, Валерий”*».

Иногда обыгрывается каламбурное сходство неологизмов — иностранных фамилий с соответствующими словами, не являющимися именами собственными:

Ученый Дайфонд видит в мечтах совет директоров в составе-, д-р Плиз, м-р Отдала, м-р Роздали и м-р Рискнула-, в действительности его встречают-, д-р Скупоу, м-р Физгам и м-р Г. де-Гарантия (Физики продолжают шутить).

3) Каламбурному обыгрыванию подвергаются все типы омонимов:

— полные омонимы (слова, совпадающие во всех формах по звучанию и написанию), например:

(18) *Разговор после бала:—Как тебе понравились туалеты?—Не знаю, не был* (D. Buttler).

(19) Из какого же прочного материала сделаны мужчины! На работе с них снимают стружку, дома пилят, а они всё живы!

(20) Молодые люди подходят на улице к двум дамам и спрашивают:

— Сережки не нужны?

— Нужны. А какие?

— Один—я, а другой Сережка—вот, мой товарищ.

— омофоны (слова, совпадающие по звучанию, но не по написанию):

Все говорят, он Вальтер Скотт,

Но я, поэт, не лицемерю.

Согласен я. он просто скот,

Но что он Вальтер Скотт,—не верю («Лицейские эпиграммы»).

Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот (Козьма Прутков, Мысли и афоризмы).

— омографы (слова, имеющие одинаковое написание, но различное ударение)

Не может быть Надежной спайки,

Покуда есть Пайки и пайки (В. Орлов).

— омоформы (слова, совпадающие лишь в некоторых из своих форм):

— *Что делаешь, командир?*

— *Оперу пишу, Петя.*

— *Но ты же даже нот не знаешь!*

— *Ничего, опер поймет!*

[обыгрывается совпадение формы вин. падежа существительного *опера* и формы дат. падежа существительного *опер* — «оперуполномоченный»].

Сужу по людям, по поступкам:

*У каждого свой **потолок**,*

А он взобрался по уступкам

И** воду в ступе **потолок

(Н. Глазков) [от *потолок* и *потолочь*].

*Из окна **дуло**.Штирлиц выстрелил: **дуло** исчезло* [от *дуть* и *дуло*].

— омонимия слова и словосочетания или омонимия двух словосочетаний:

(21) *Парик на лысину надев,*

*Не уповаю я на дев
И ничего не жду от дам,
Хоть жизнь подчас за них отдам* (Д. Минаев).

(22) *Звуки плыли, таяли,
Колыхалась талия.*

Ты шептала: «Таяли?!»

Повторяла: «Талия?!»

(И. К Прутков, «Та ли?!»).

(23) — *Я иду по ковру, ты идешь, пока врешь,—говорил Иван Петрович, усаживая дочь в коляску,—он идет, пока врет~ Трогай! Провьцайте пожалуйста!* (А. Чехов, Ионыч).

(24) *Пьяный Василий Иванович с шашкой вваливается в хату и орет:*

— *Порублю, гады!*

Петька с печи спрашивает:

— *Л может, по два, я то на пол-литру не хватит?*

(25) [Разговор Михаила Светлова с вахтером Дома литераторов]:

Вахте р.— Член дома?

Светло к—Нет, с собой.

— случайное совпадение (или сходство) русских и иноязычных СЛОВ:

(26) *Один женатый этимолог уверял, что в русском языке много сходства и созвучий с итальянским. Например, итальянец называет жену свою mia сага, и я про свою говорю моя кара* (Рус. лит. анекдот) [итал. mia сага—‘моя дорогая’].

(27) *Белла донна по-итальянски—красивая женщина, на всех же других языках—отрава.*

(28) — *Никогда не следует спрашивать женщину о годах. Важно, какую она сама себя чувствует. Если чувствует себя тридцатилетней, то и может сказать, что ей тридцать лет (...). Это еще один король французский сказал: «Лета—с’эмуа».* [Государство—это я (от франц. l’etat c’est moi)]. Героиня путает франц. l’etat (государство) с русск. лета (в смысле—годы) (В. Вересаев).

(29) [Воспоминания детства]: *юн в постели молился перед сном (сначала коротенькая молитва по-английски—«Иисусе нежный и кроткий, услышь маленького ребенка»,—а затем «Отче наш» по-славянски, причем какого-то Якова мы оставляли должникам нашим).*

(В. Набоков, Подвиг, И) [вм. *Яко же и мы оставляем должникам нашим*].

(30) *«Преизрядной стихотворец» Балтрушайтис подошел в ресторане к Куприну и представился.*

— *Балтрушайтис!*, на что *«оный сочинитель, Куприн, отвечивал:*

— *Я уже»*

(по: А. Измайлов, Плутарх Российской, или Ридикюль остроумия).

(31) *Воленс-неволенс, а я васуволенс* (И. Ильф, Записные книжки).

Два уточнения

Имеющиеся определения каламбура (в том числе определение, приведенное выше) нуждаются в двух существенных уточнениях.

1) Определения подчеркивают звуковую близость обыгрываемых слов или словосочетаний. В большинстве случаев это действительно так. Однако иногда каламбур базируется не на формальной, звуковой, а на смысловой близости слов. Это псевдосинонимы или псевдоантонимы (то есть слова из разных синонимических рядов или из разных антонимических пар). Ср. подчеркнутые слова в следующих примерах:

(1) *В доме все было краденое, и даже воздух какой-то спертый* (А. Кнышев).

(2) *Б л а ж е в и ч: ...на голову рухнули тетки, дядьки и жена— светлая шатенка с темным прошлым* (В. Шкваркин, Страшный суд, III).

Ср. также принадлежащую А. Пушкину конечную каламбурную строку стихотворения В. А. Соллогуба:

Коль ты к Смирдину войдешь,

Ничего там не найдешь,

Ничего ты там не купишь,

Лишь Сенковского толкнешь,

Иль в Булгарина наступишь

[ни одно из известных наименований субстанции, в которую боится наступить Пушкин, не созвучно с фамилией *Булгарин*].

2) В определениях подчеркивается, что языковая игра имеет целью создание комического эффекта. Между тем многие из рассматриваемых в работе технических элементов (в первую очередь,

многозначность, омонимия, звуковое сходство слов и словосочетаний) часто используются и с другими целями. Ср.:

Что там услышишь из песен твоих?

Чудь начудила, да Меря намерила

Гатей, дорог, да столбов верстовых (А Блок).

Не прелюды он и не вальсы И не Листа листал листы»

(О. Мандельштам, Рояль).

Чтоб нежил—кто стар,

*Чтоб **нежил**—кто юн!*

(М. Цветаева).

Особенно часто рифмы такого типа использует Велимир Хлебников:

Чтоб путник знал о старожиле,

Три девы степи сторожили («Ночь в окопе»).

Разве вы

От холода не были Вдвоем в землянке?

И от усталости не падали?

Не спали сытые на теплой падали?

(«Настоящее»).

В последнем примере Хлебникова соединяются в одном тексте омоформы (прош. время глагола *падать* и существительное *падать*)— как это часто делается в каламбуре. Но эти трагические строки невозможно назвать каламбуром.

Много, разумеется, промежуточных случаев. Вот, например, стихи О. Мандельштама:

Ах, матовый ангел на льду голубом.

Ахматовой Анне пишу я в альбом.

Это — каламбур? Вряд ли, но минимальное изменение могло бы перевести приведенные стихи в ранг каламбура:

Ах, матовый ангел на льду голубом.

Ахматовой Анне кропаю в альбом.

Е. А. Земская отмечала, что «комическое или “серьезное” звучание тропа зависит от намерения автора» [Земская 1959:218]. Можно добавить: оно зависит (и это неоднократно отмечалось) и от «настроения» слушателей. В рассказе «Публика» Тэффи описывает случай, когда юморист и профессор перепутали свои аудитории. Пришедшие на юмористическую лекцию хохотали уже заранее над

каждым словом серьезной лекции, а юморист лез из кожи вон, но не добился улыбки на сосредоточенных благоговейных лицах своих серьезных слушателей. Действительно, принадлежность или непринадлежность к языковой шутке определяется в значительной степени общей (юмористической, сатирической, трагической и т.д.) окрашенностью текста, создаваемой другими средствами. В значительной степени, но не целиком. Можно указать два важных структурных различия между шуткой и «серьезным» текстом.

В шутке крайне желательна резкая оценочная противопоставленность обыгрываемых элементов. Ср. каламбур Н.Глазкова, где одно из обыгрываемых слов—*товарищ* положительно окрашено (во всяком случае так было до недавнего времени) и резко противопоставлено бранному слову *тварь*:

*Я думал, что он товарищ,
А он презренная тварь лишь.*

Этим же примером можно проиллюстрировать и другое, не менее важное структурное различие между каламбуром и его «серьезным братом», так наз. *сил-лепсом*. Для каламбура характерен строгий порядок элементов: сначала слово, положительно окрашенное, потом — отрицательно окрашенное. Попробуем изменить порядок частей в приведенном двустишии Глазкова:

*Я думал,: «Презренная тварь лишь!»
А он настоящий товарищ*

Игра слов сохранилась, каламбур — исчез. Как и языковая шутка в целом, каламбур — судья, насмешник, но не льстец и комплиментщик И это справедливо не только в отношении каламбура, но и в отношении других видов языковой шутки. Общим правилом (чрезвычайно редко нарушаемым) является жесткое оценочное соотношение двух осмыслений: первоначальное нейтральное или положительное понимание внезапно сменяется отрицательно окрашенным. Ср.:

общезнание, интертрепация,, оперативка, однозаразовые шприцы (примеры из: [Гридина 1996]); *инайс-капитан* (А. Чехов) [прототип—*штабс-капитан*]; *памятник Первопечатнику* (И. Ильф) [прототип—*Первопечатнику*]; *перепалочный пункт* (журн. «Крокодил») [прототип—*перевалочный*); *ерундация\ филолух, «Почему это на защите диссертации бгыло человек пятнадцать, а на банкете*

*после—чуть не сто?»—«Стололазы» [прототип—скалолазы];
Отношение ревизора к делу было откровенно предвзятым (журн.
«Крокодил», пример из: [Земская 1992]).*

Резюмируя сказанное, можно дать следующее определение каламбура: каламбур — это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо

1) разных значений одного слова, либо 2) разных слов (словосочетаний), тождественных по звучанию (омонимов), либо 3) разных слов (словосочетаний), сходных по звучанию (паронимов), либо 4) псевдосинонимов, либо 5) псевдоантонимов.

Предлагаемое определение и связанная с ним классификация русского каламбура учитывают формальные признаки строения каламбура и близки имеющимся классификациям, в частности, классификации, предлагаемой в [Щербина 1958]. Развивая и распространяя на русский язык классификацию немецкого каламбура Л. Райнера, А. А. Щербина предлагает следующую «схему классификации семанто-звуковых основ каламбура в русском языке: 1) многозначность слова (включая переносные значения); 2) омонимия; 3) смежные общезыковые и контекстуальные явления (созвучие и контаминация, мнимая этимология, разрушение фразеологии)» [Щербина 1958:14].

Поскольку, однако, ядром каламбура является смысловая связь между обыгрываемыми словами, то желательно наметать, кроме формальной, также семантическую классификацию каламбура.

Семантические типы каламбуров

Сделаем несколько замечаний о семантике каламбура — самых предварительных, и к тому же «суммарных», то есть не разделяющих строго семантику языка и семантику искусства, которые причудливо переплетаются в каламбуре.

Возьмем слово *ПОЛ*. Оно весьма «перспективно», поскольку за ним закреплены в языке два омонимичных значения: 1) ‘нижний настил в помещении’; 2) ‘признаки организма, обеспечивающие размножение’. Это — общеизвестно, но этого знания еще недостаточно для создания каламбура, самое трудное заключается в

объединении этих далеко отстоящих смыслов каким-то общим смыслом, общей идеей, как это делается, например, в следующей шутке:

Раньше носили платья до пола, а теперь—до признаков пола.

Или в другой, более удачной:

Танцы—это трение двух полов о третий.

В этом псевдонаучном определении происходит шутливая дискредитация танца и танцующих — сведением танца к чисто физическому явлению трения. Что и производит комический эффект.

Е. В. Падучева полагает, что каламбурное высказывание, «допускающее два или несколько осмыслений, которые все “имеются в виду” (в особенности осмыслений, далеких между собой), следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающего на игру смыслов друг с другом» [Падучева 1982:85]. По сути дела, она отрицает наличие в каламбуре другого смысла, кроме «игрового». С этим трудно согласиться. Если мы видим смысл в общих высказываниях типа *Раньше носили платья чрезмерно длинные, а сейчас-чрезмерно короткие*, то почему не видеть его в каламбуре *Раньше носили платья до пола, а теперь — до признаков пола?* В каламбуре выражается, по сути, та же мысль, но выражается гораздо ярче, и, что особенно важно, появляется некий дополнительный смысл. Выше мы сравнили каламбур с двухголовым теленком, поскольку в нем объединяются два значения, выражаемые одинаково или сходным образом. Теперь мы видим, что дело еще сложнее и интереснее: в результате этого объединения появляется некий дополнительный (третий!) смысл. Каламбур — это «трехголовый теленок».

Если смысловой «увязки» созвучных слов или словосочетаний нет—комический эффект пропадает

(1) *Слышен свист и вой локобилей,*

Дверь лингвисты войлоком обили.

(2) *Угар и чад В огне ведро мадеры.*

«Уга!»—рычат во гневе дромадеры.

(3) *Далеко в Ригу поезд летит,*

Дали ковригу—поест ли Тит?

Приведенные строки (они взяты нами у Л. Тимофеева, Н. Романовой и А. Филиппова) — это весьма изощренная рифма (так наз. *панторифма*, или *голориф-ма*), но не каламбур, поскольку во всех этих случаях созвучные строки никак не связаны по смыслу (усилия лингвистов, видимо, не связаны с воем локобилей, аппетит Тита — с рижским поездом, и уж тем более, мадера — с дромадерами).

Поскольку ядром каламбура являются обыгрываемые слова (обычно тождественные или сходные по звучанию), то в основу семантической классификации каламбура естественно положить характер семантических связей между обыгрываемыми словами. И тогда с достаточной определенностью выделяются три больших группы каламбура (некоторые из них делятся, в свою очередь, на подгруппы): 1) «соседи», 2) «маска», 3) «семья». (Разумеется, эти наименования—лишь ярлыки, метки, удобные при рассмотрении достаточно сложного вопроса.)

1) «Соседи». Часто (особенно на ранних стадиях развития каламбура) авторы ограничиваются простым суммированием смыслов созвучных слов. По такому типу строятся, например, многие каламбуры Д. Минаева. Вот один из них:

*На пикнике, под тенью ели Мы пили более, чем ели.
И зная толк в вине и в эле,
Домой вернулись еле-еле.*

В каламбурах этого типа нет богатого добавочного смысла, обыгрываемые слова «мирно сосуществуют», мера удачности каламбура связана, главным образом, с его технической сложностью. Ср. приведенный каламбур с каламбуром

Н. Глазкова, относящимся к этому же типу, но более технически сложным и интересным:

На пир в ауле Отцы нам дали Напареули И цинандали

Снова обращаем внимание читателя на то, что без «каламбурной упаковки» стихи Минаева, да пожалуй, и стихи Глазкова были бы заурядным описанием заурядной пирушки.

Однако и в каламбурах этой группы есть добавочный метаязыковой смысл. Нечто вроде: «А еще обратите внимание, что в языке разные слова имеют иногда сходное звучание, и на то, что я, автор, это подметил и сумел объединить их в одном связном тексте». И этот метаязыковой смысл есть в любом каламбуре (в том числе и в

более семантически сложных каламбурах двух других групп), и мы не будем более обращать на него внимание читателя, сосредоточившись на других компонентах, тех, которые входят в смысл самого высказывания.

2) «Маска». Для каламбуров этого типа характерно резкое столкновение обыгрываемых слов: первоначальное понимание внезапно заменяется другим, ср:

Он любил и страдал. Он любил деньги и страдал от их недостатка (И. Ильф—Е. Петров, Двенадцать стульев).

В каламбурах этого типа сущность комического, о которой мы говорили во Введении, отражена наиболее ярко, в ее классическом виде. Здесь отчетливо проявляется свойственная шуткам двуплановость, двухчастность, а также характер отношений между частями шутки.

Отношения между частями каламбуров-«масок» бывают двух типов:

а) Обманутое ожидание. Именно по этому типу строится большинство ка-ламбуров-«масок»: слово «прикидывается» одним, а оказывается чем-то другим, агущатель заманивается на проторенный, но ложный путь:

«Не видите—я занят»—надменно произнес туалет (А. Кнышев).

Хорошие фильмы нам дороги, но и плохие подчас дороговаты (Эмиль Кроткий).

Галя теперь убита, а Веру повесили на Доске почета (А. Иванов).

б) Комический шок. Здесь отношения между частями — прямо противоположны описанным выше: явление внешне удивительное оказывается естественным и понятным. Для каламбура-«маски» комический шок менее характерен, чем обманутое ожидание, но все-таки он иногда используется и здесь. Приведем два примера:

...сочинения К—недвижимое имущество его\ никто не берет их в руки и не двигает с полки в книжных магазинах (по: Рус. лит. анекдот).

...снес яичко поросенок,

— снес его соседке,

Курочке-наседке (Яснов, по: [Береговская 1984]).

Каламбуры двух описанных подгрупп («обманутое ожидание» и «комический шок») близки по смыслу: первоначальное понимание внезапно заменяется другим. Этот тип каламбура («маска») в

наибольшей степени соответствует, как мы уже говорили, классическому пониманию комического. Однако в эстетическом (и в лингвистическом!) аспекте не менее интересны каламбуры третьей группы, к рассмотрению которой мы переходим.

3) «Семья». Этот тип каламбура совмещает признаки двух рассмотренных выше групп. Как в каламбуре-«маске», обыгрываемые слова резко сталкиваются друг с другом, однако в этом столкновении нет победителя, второе значение не отменяет первое, и это роднит каламбур-«семью» с каламбурами первой группы (группа «соседи»).
Примеры:

(1) *Один репортер, будучи на охоте, застрелил утку. Рассматривая убитую птицу, он узнал свою же собственную утку, выпущенную им в прошлом году* (журн. «Осколки»).

(2) *И в нелетную погоду можно вылететь со службы* (Эмиль Кроткий).

(3) *Если не успеваешь по математике, физике, химии, английскому, то успевай хотя бы пообедать* (ТВ «С утра пораньше»).

(4) *Гости подразделяются на приятных, у которых можно заниматься, и неприятных, которых надо заниматься* (Журн. «Стрекоза»).

(5) *Разница между верблюдом и человеком: верблюд может целую неделю работать и не пить, а человек—целую неделю пить и не работать.*

(6) *Я никого на свете не зарезал,
Напротив, резали меня редактора!*
(Н. Глазков).

(7) *Объявление. Выводим пятна и клиентов из себя* (Журн. «Сатирикон»).

(8) *Лучше заложить старую лошадь в маленькую повозку, чем новые часы в большой ломбард* (Журн. «Сатирикон»),

(9) — *Командир, в лесу белые!*
— *Не до грибов, Петя, не до грибов!*

Каламбуры этой группы с достаточной отчетливостью делятся по своей семантике (а также и по синтаксическим особенностям) на две подгруппы. В первой подгруппе (см. выше (1)—(3)) обыгрываемые единицы «неравноправны» семантически и синтаксически разнофункциональны.

Во второй подгруппе (см. (4) — (9)) обыгрываемые единицы «равноправны». Это симметричные члены — (4); члены сочинительной конструкции — (5)—(6); в том числе стянутой (так наз. *зевгма*) — (7); компараты — (8); противоречащие друг другу реплики (часто — результат недоразумения) — (9). Эти разные синтаксические способы оформления каламбура семантически близки и зачастую могут заменять друг друга без резкого изменения смысла. Ср. приведенные выше (4) и (8) с (4а) и (8а):

(4а) *Гости, у которых можно занимать, приятнее тех, которых надо занимать.*

(8а) *Он заложил старую лошадь в маленькую повозку и новые часы в большой ломбард.*

Есть еще одна большая группа каламбуров, которая, на первый взгляд, резко отличается от всех рассмотренных выше. Это ошибки и намеренные переделки слов (ср: *приматонна, генерал-от-инфарктерии, лживопись*), а также переделки устойчивых выражений и «устойчивых текстов» — пословиц, поговорок, известных стихов, песен и т. п.:

Нам с лица не водку пить (Г. Малкин).

Без рубашки ближе к телу (В. Шишков).

Легко заметить, что эти каламбуры обычно допускают развертывание в сочинительную конструкцию (ср.: *Это не примадонна, а приматонна, не живопись, а лживопись; Нам с лица не воду пить, и не водку* и т. п.).

Тем самым, эти каламбуры, на вид особые, представляют собой, в сущности, эллиптический вариант каламбура-«семьи», где один из обыгрываемых элементов опущен — в силу своей общеизвестности. Подспудно он присутствует и вступает в игру с основным, эксплицитно выраженным смыслом.

В отличие от каламбуров первой группы («соседи»), каламбуры второй и третьей групп кроме метаязыкового смысла, о котором мы говорили выше, содержат во многих случаях дискредитацию описываемого. Особенно характерна она для каламбура-«маски», ср.:

Бескорыстный человек! Защищает чужую диссертацию (Эмиль Кроткий);

У дам моих в купальне идут пренья О конституции- их благородных тел (В. Буренин).

[Переход от первоначального понимания, уводящего в мир политических дискуссий, к окончательному пониманию особенно подчеркивает бездуховность и самовлюбленность дам].

И наконец, каламбур-«маска» и особенно каламбур-«семья» содержат множество других добавочных смыслов, обогащающих буквальный смысл высказывания и нередко возводящих его в ранг философского обобщения. В «шутливой упаковке» непристойность становится допустимой шалостью, старомодная назидательность-мудростью, грубость — подтруниванием, тривиальность — любопытным соображением и, наконец, откровенная чушь — загадочным глубокомыслием. Почему это возможно? Видимо, потому, что кроме прямого, буквального, шутка включает богатый дополнительный смысл, который отвлекает читателя и усыпляет его критику. «Мысль ищет остроумной оболочки, так как благодаря ей мысль обращает на себя наше внимание, может показаться нам более значительной, более ценной, но прежде всего потому, что эта оболочка подкупает и запутывает нашу критику» [Фрейд 1925:178]. Один пример:

Верная Пенелопа ждала его [Одиссея], коротая время со своими женихами (...) Днем Пенелопа ткала, ночью порола сотканное, а заодно и сына своего Телемака (Тэффи, Древняя история).

Любопытно, что снижение требовательности касается не только смысла приведенного высказывания, довольно странного, но и его грамматической правильности. Ведь вообще говоря, *сотканное не порют, а распускают*, и мы это отметили бы, не будь концовки... *а заодно и сына своего Телемака*, которая развлекает и отвлекает нас.

Анализировать тонкую игру смыслов в каламбуре—дело сложное, почти безнадежное. Кажется, Анатолий Франс сравнил исследователя художественной речи с человеком, который ест апельсин, а потом на ладони рассматривает разжеванное, пытаюсь понять, почему ему было так вкусно. С подобной же трудностью мы сталкиваемся, исследуя каламбур и пытаюсь понять, почему «нам было так смешно». И все-таки попытаемся это сделать, хотя бы на нескольких конкретных примерах.

Смысловое взаимодействие обыгрываемых слов.

Возникновение добавочных смыслов

1. Начнем с примеров относительно простых.

(1) *Она была завита, как овца, и так же развита* (Эмиль Кроткий).

Читатель сталкивается с видимым противоречием— *завита* и *развита* (стадия «комического шока», о котором мы уже говорили). Ища выход из противоречия, он понимает, что на самом деле слово *развита*, в отличие от слова *завита*, определяет не состояние прически, а низкий интеллектуальный уровень описываемого субъекта. В результате описываемое лицо дискредитируется, а читатель испытывает удовлетворение оттого, что он лишен (как он полагает) этого недостатка,— подтверждением чего является правильное решение лингвистической задачи, содержащейся в каламбуре.

(2) — *Какую музыку любит Андропов?*
— *Камерную.*

Прилагательное *камерный* употреблено один раз. Откуда возникает двусмысленность? Первый смысл ('камерный = предназначенный для исполнения несколькими музыкантами') — индуцируется самой конструкцией («Какую музыку любит некто?»), и он оставался бы единственным, если бы речь шла об Иванове, Петрове, Сидорове, но поскольку речь идет об Андропове — председателе КГБ, возникает дополнительно второе осмысление прилагательного *камерный*, связанное с атрибутами его деятельности. Соотношение этих двух смыслов какое-то очень неопределенное, вряд ли это простое сложение: «Андропов любит камерную музыку, причем когда она звучит в тюремной камере». Цель говорящего не в этом. Его цель — выбрав тему высокого искусства, сделать особенно конкретным напоминание о причастности Андропова к репрессиям, дискредитировать его.

2. Приведем несколько примеров более сложных —с самыми краткими комментариями.

Ученье — свет, неученых—тьма. Автор, Эмиль Кроткий, устраняет тавтологичность пословицы *Ученье —свет, неученье — тьма*, дополняя ее смысл пессимистической характеристикой современного уровня образования.

Поэт фамильярно похлопывал Кавказ по его хребту [сверхфамильярность и самовлюбленность, граничащая с манией величия].

Морская качка была изображена художником с таким сходством, что при одном взгляде на картину тошнило. Затрагивается вопрос о соотношении искусства с действительностью. Сходство с реальностью считается зачастую достоинством, однако не всегда реальная жизнь и произведение искусства должны вызывать одинаковую реакцию. Под похвалой здесь искусно скрыто порицание.

Три приведенных и кратко прокомментированных каламбура принадлежат Эмилю Кроткому. Если Д. Минаев — признанный король каламбура XIX в., то королем каламбура советской эпохи следовало бы признать Эмиля Кроткого. Среди его каламбуров множество удачных — кратких и богатых по содержанию. Вот несколько примеров:

Она была тяжела на подъем, но легка на падение.

Дружба и чай хороши, если они горячие, крепкие и не слишком сладкие.

Он хотел развалиться в кресле, но кресло его опередило: оно развалилось.

Весна хоть кого сума сведет. Лед—и тот тронулся.

Однако даже у Эмиля Кроткого есть менее удачные каламбуры, семантически недостаточно богатые или недостаточно мотивированные, ср:

Писать надо кровью сердца. Своего, конечно, а не чужого.

Автора пьесы неоднократно вызывали в Комитет по делам искусств, в дирекцию театра. Не вызывала только публика.

Жег сердца глаголами и другими частями речи.

Допускаю, что мои оценки могут и здесь, и в других подобных случаях не совпадать с мнением читателя. До это говорит о богатстве значения каламбура и о непредсказуемости результата каламбурного обыгрывания слов. Каламбур — это экспериментальная мастерская по выработке и оформлению необычных смыслов. Каламбурист никогда не может быть уверен в успешности своего эксперимента. Он оказывается в положении алхимика, который имеет определенный набор исходных элементов (многозначные или омонимичные слова или словосочетания), но не в состоянии предвидеть, какой сплав получится в результате эксперимента. В семантическом плане наиболее интересным представляется нам каламбур-«семья». Он таит в себе богатейшие возможности для выработки самых разнообразных смыслов. Но возможность не есть еще действительность: по своему

качеству каламбуры этого типа наиболее разнородны. Как мы видели, даже у одного автора наряду с блестящими находками встречаются и каламбуры довольно слабые.

Вот еще показательный пример — два каламбура Козьмы Пруткина:

Легче держать возжжи., чем бразды правления.

Болтун подобен маятнику', того и другой надо остановить.

В первом каламбуре смысловое сходство обыгрываемых слов (*возжжи — бразды*) удачно подчеркивает основную мысль: легче управлять лошадьми, чем людьми. Второй каламбур семантически менее мотивирован: необходимость остановить маятник далеко не так очевидна, как необходимость остановить болтуна.

3. При одном и том же составе обыгрываемых слов добавочные смыслы (и, соответственно, качество каламбура) могут существенно меняться. Вот два каламбура на одну тему, причем здесь и «камни» одни и те же (омонимичные слова *брак* «супружество» и *брак* «плохое качество»), различие лишь в «оправе»:

Вокруг только и видишь, что вместо счастливого брака получается один только брак- (В. Ардов, Пособие для ораторов).

Ну, что сказать о браке? Хорошую вещь браком не назовут.

Оба высказывания о браке — пессимистически-дискредитирующие, но второе короче и богаче по содержанию. Подтверждение собственному отрицательному отношению к браку автор шутки ищет в этимологии слова *брак*, случайное совпадение звучаний двух слов (славянского *брак* («супружество») и германского *brak* («изъян»)) объявляется намеренным, выражающим исконное отрицательное отношение народа к этому социальному установлению.

Иногда малосущественное, казалось бы, изменение «оправы» (при сохранении самих обыгрываемых слов!) может коренным образом изменить — обогатить или обеднить — содержание каламбура. Поэкспериментируем с каламбуром О. Мандельштама:

Ванну, хозяин, прими, но принимай и гостей.

Оформим его в виде зевгмы (которая, как мы уже отмечали, по смыслу и по структуре близка развернутой сочинительной конструкции):

Прими, хозяин, ванну и гостей!

Каламбур сохранился, но смысл его обеднелся. О. Мандельштам в своем каламбуре шутливо предлагает не ставить прием гостей в зависимость от неких водных процедур, как бы полемизируя с принципом «Всего в меру!», согласно которому прием одного ограничивает возможность приема чего-то другого. И вот этот обобщающий смысл зевгма утратила полностью.

4. Сказанное не означает, однако, что смысл каламбура-«маски» и тем более каламбура-«семьи», совершенно непредсказуем. Уже сейчас для этих достаточно сложных типов каламбура можно наметить некоторые закономерности.

Вот несколько самых предварительных соображений по этому вопросу.

1) В тех из каламбуров этой группы, которые представляют собой сочинительную или сравнительную конструкцию, синтаксическое равенство элементов приводит и к некоторому их смысловому уравниванию, к некоторой, пусть достаточно мягкой, дискредитации описываемого лица, например короля, посетителя ресторана, женщины, в трех приводимых ниже примерах:

Короли и дворники равно дою/сны заботиться о блеске своего двора (Эмиль Кроткий).

— *Эх! Вывели* Вывели, как какое-нибудь ничтожное пятно на скатерти (А. Аверченко, Новогодний тост).*

— *Я потерял на одной неделе жену и зонтик.*

(Последний пример содержит также и добавочный смысл: осуждение бессердечия осиротевшего супруга).

2) Если в первой части каламбура указывается некая цель, а во второй — (формально!) говорится о ее достижении, то, учитывая специфику каламбура, можно быть уверенным, что по существу описываемое лицо потерпело неудачу (нечто на тему о тщете человеческих усилий или иллюзорности исполнения людских желаний). Ср. шутливый рассказ Е. Шварца о Михаиле Слонимском:

Мигиа-пророк

Федин уехал в Крым за неделю до землетрясения.

Слонимский сказал:

— *Федин уехал встряхнуться.*

Так и вышло.

Другой пример:

—*Прислуживаться к начальству? Нет уж, увольте. И его уволили* (Эмиль Кроткий).

3) В синтаксически сложных шутках синтаксические связи между частями сохраняются, однако общий смысл меняется, иногда до противоположного. Чаще всего обыгрываются таким образом причинно-следственные отношения. Вот показательный пример. Слова *слабый* и *сходить* многозначны. В предложении *Артист настолько слаб, что не может сойти со сцены* эти слова обозначают физический признак и его следствие — невозможность осуществить физическое действие (сойти со сцены). В предложении *Есть пьесы настолько слабые, что моментально сходят со сцены* мы имеем дело с переносными значениями слов *слабый* и *сходить*, и здесь естественное следствие прямо противоположное (неизбежность быстрого схода со сцены). Но вот С. Лец соединяет в одном высказывании значения, которые «находятся в разных измерениях» — прямое с переносным:

Есть пьесы настолько слабые, что не могут сойти со сцены.

Возникает каламбур, причинно-следственные связи приобретают абсурдный характер, но это — отражение абсурдности самой жизни: ведь слабые произведения, как известно, обладают иногда завидным долголетием.

Подобные шутливые обоснования требуют от автора изощренной техники и, естественно, довольно редки (впрочем, они встречаются уже и в литературе прошлого века, и в фольклоре). Еще несколько примеров:

На похоронах Н. А. Полевого, в церкви Николая Морского, Ф. В. Булгарин хотел было ухватиться за ручку гроба-, присутствовавший при этом П. А. Каратыгин, оттолкнув его, сказал:—Уж ты его довольно поносил при жизни (Рус. лит. анекдот).

— *Не бойтесь этой гранаты, она ручная* (Эмиль Кроткий).

Слов ему явно не хватало: он поминутно просил слова у председателя (Эмиль Кроткий).

В того, кто полон оптимизма, больше ничего не лезет (Г. Малкин).

Вижу: пыль лежит., Дай, думаю, ия прилягу.

В последнем примере два совершенно не связанных по смыслу высказывания связываются на основании формальной близости двух элементов (*лежит* — *прилягу*). Тем самым обращается внимание

слушателя на то, что формальное сходство, не подкрепленное смысловым, может приводить к абсурду. Впрочем, приведенное высказывание не бессмысленно — происходит самодискредитация говорящего, в каком-то смысле приравнивающего себя к пыли.

А вот иной вид шуточного обоснования:

Моча—единственное на свете, о чем нельзя сказать, что это— говно!

Отказываясь от серьезного обоснования своего чрезвычайно пессимистического взгляда на жизнь («Всё на свете — дерьмо!»), автор дает шутивное, чисто лингвистическое обоснование, которое в формальном плане безупречно (с точки зрения языковых норм, существительное *говно* в переносном смысле приложимо к любому существительному, кроме, может быть, существительного *моча*). И здесь, и во многих других случаях в смысл каламбура входят наблюдения над языком, подшучивание над его «странностями» (об этом мы уже говорили в разд. 7 главы Прагматика).

Впрочем, в некоторых особых случаях каламбур может быть намеренно неостроумным или бессмысленным. В качестве примера можно указать каламбуры сумасшедшего Физикевича из рассказа Е. Петрова. Плоские каламбуры являются одним из основных художественных средств развенчания ненавистною для В. Набокова типа пошляка. Сходным образом использует неостроумные и бессмысленные каламбуры Андрей Белый в романе «Петербург» при характеристике сенатора Аблеухова.

Приемы придания слову каламбурной многозначности

Итак, в каламбуре всегда обыгрываются несколько слов (сходных или тождественных по звучанию) или несколько значений одного слова. Зачастую обыгрываемое слово повторяется в тексте (так наз. *антанаклаза*). В качестве примера приведем пророческое замечание М. Е. Салтыкова-Щедрина:

Во дни чрезвычайного упадка наших денег, совершенно несправедливый русский человек встретился с Салтыковым [Щедриным) в Париже и горько жаловался ему на низкий курс. <<Я этого не нахожу,—патриотично заметил Михаил Евграфович» (...)—

«Помилуйте!—воскликнул собеседник,—ведь нам дают всего только полтинник за рубль!».—«Так ведь все-таки дают полтинник, это превосходно! Вот, когда за наш рубль будут давать в морду, тогда курс будет плохой».

А вот каламбур, где совмещаются три разных значения слова, и само оно также повторяется трижды:

А издатель-то какразогиесл! Книгу мою издал—Разоилась?—Нет. Но зато я с ним на этой почве разошелся (Журн. «Сатирикон»).

Не реже, однако, случаи, когда обыгрываемое слово не повторяется. Важно, чтобы тем или иным способом были представлены соответствующие смыслы, чтобы слову была придана каламбурная многозначность.

Перечислить существующие для этого способы совершенно невозможно — их бесчисленное множество, и авторы в погоне за оригинальностью изобретают все новые и новые. Укажем лишь основные.

1) Иногда каламбурная многозначность возникает благодаря специфичности (физиологической, социальной, исторической, географической и т. п.) самой описываемой ситуации:

(1) *«В первую голову надо поесть!»—просил Змей Горыныч* (А. Кнышев).

(2) *Кривой К после долгого разговора с кривым О. сказал. «Я очень люблю беседовать с ним с глазу на глаз»* (Рус. лит. анекдот, 240).

Именно необычность ситуации (встреча двух кривых) вскрывает каламбурные возможности выражения «беседовать с глазу на глаз» и вызывает комический эффект — хотя здесь-то как раз это выражение употреблено совершенно точно!

(3) *«Не рой другому яму»—принцип не для могильщиков* (Эмиль Кроткий). Кроткий выбирает ту (едва ли не единственную) профессию, где известное выражение «Не рой яму ближнему» понимается буквально.

(4) *Обедал знатный римлянин, всегда весь окруженный паразитами. Этот отвратительный обычай укоренился в Риме и не лишил гостей аппетита* (Тэффи «Древняя история»).

Автор прикидывается невеждой, который не знает, что в Древнем Риме слово «парасит» могло называть *нахлебников-сотрапезников*, и именно они (а не насекомые) кишели вокруг обедающего патриция.

(3) *Боевой клич индейцев. «Не стой под стрелой!»* (Г. Малкин).

Известное правило техники безопасности «Не стой под стрелой!» получает новый смысл в ситуации с индейцами, с которыми в нашем сознании прочно ассоциируются, разумеется, не стрелы подъемных кранов, а стрелы, выполняющие совсем другую функцию (но тоже исключающие небрежное обращение с ними).

2) Второй тип создания каламбурной многозначности имеет противоположную направленность: описываемая ситуация вполне обычна, но сами говорящие не вполне обычны — иностранцы, дети, русские, не вполне владеющие литературным языком и т. д. Несколько примеров.

(6) *Бабушка сказала внучке.*

—А дождь так и жарит сутра.

Внучка, трехлетняя Таня, тотчас же стала внушать ей учительским голосом: —Дождь не жарит, а просто падает с неба. А ты жарить мне котлету (К Чуковский, От двух до пяти).

(7) *Немка: мой муж был большой любовник ходить на охоту* (А. Чехов, Из записных книжек).

(8) *На вокзале иностранка подзывает носильщика:*

— Эй, насильник, эй, потаскун! Возьми меня первую!

3) Весьма удобными для создания каламбурной многозначности оказались иносказания, в частности басни, с их смысловой двуплановостью (описываются Животные и предметы, но имеются в виду люди): каждый план индуцирует свое понимание того или иного слова.

*Как счастье многие находят Лишь тем, что хорошо **На задних лапках ходят.***

(И. Крылов, Две собаки).

Бутылку осудили за пьянство, а она оказалась невинной (Ф. Кривин).

Контекст в целом (ситуация суда) диктует одно понимание слова (*невинная* = 'не виноватая'), а категориальные свойства описываемой вещи (бутылки)—другое (*невинная* = 'не из-под вина').

4) В юмористических журналах и в газетных отделах юмора широкое распространение получили два способа создания каламбурной двузначности.

Один способ заключается в несоответствии между текстом и заголовком к нему: заголовок заманивает на проторенный путь, который оказывается ложным. Вот пример — небольшой рассказ на 16-ой странице «Литературной газеты».

Старость отступает

Возвращаясь домой, пенсионер И. И. Иванов столкнулся в подъезде с хулиганом. И. И. Иванову пришлось отступить.

Еще более популярен другой, синтетический способ, объединяющий возможности словесного и изобразительного юмора. Каламбур здесь возникает благодаря несоответствию рисунка и подписи к нему.

Иллюстрацией может послужить помещенное в «Крокодиле» «житие» одного молодого человека, который:

«ночи просиживал за классиками» (на рисунке: Ночь. Луна. За памятником Пушкина герой и его собутыльники «содвигают стаканы»);

«дня не сидел без дела» (герой, застенчиво потупившись, стоит перед столом следователя, поглаживающего папку с надписью «Дело №»);

«и вообще далеко пошел» (герой под конвоем отправляется в места не столь отдаленные).

5) Еще один интересный и очень популярный вид каламбурной многозначности—«межте кетовая» многозначность. Она возникает при переделке широко известных выражений. Многозначность возникает не в самом перелицованном тексте (он однозначен!), а из сопоставления этого текста с текстом исходным, разительно отличающимся по смыслу.

Сюда относятся переделки пословиц и поговорок (примеры мы уже приводили, см. особенно гл. Лексика), а также переделки широко известных стихов, песен и т. п. Вот удачные, на наш взгляд, переделки бодрой советской песни «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Одна из них принадлежит Г. Малкину:

Мы рождены, чтоб сказку сделать пылью, автор другой нам неизвестен:

Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью.

Еще пример — переделка басни Крылова:

Волк и ягненок

(разговор таможенника с пассажиром-«челноком»)

—Ах, я чем виноват?

— Молчи! Устал я слушать,

Досуг мне разбирать вины твои, челнок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать,—

Сказал имой баул куда-то уволок (Б. Брайнин).

А вот достаточно вольные переделки пушкинских и лермонтовских строк

Что в вымени тебе моем?—

-.в долине Драгестанна

С винцом в груди

Заснул отрадно я

(Н. Лесков «Полунощники», VI).

б) Нередко обыгрываются опечатки — разумеется, лишь те, где возникает каламбурная многозначность, ср.:

(1) В одной одесской газете, при описании коронации—не помню, Александра III или Николая II,—было напечатано: <<Митрополит возложил на голову его императорского величества ворону».

В следующем выпуске газеты появилась заметка:

<В предыдущем номере нашей газеты, в отчете о священном короновании их императорских величеств, вкралась одна чрезвычайно досадная опечатка. Напечатано: «Митрополит возложил на голову его императорского величества ворону»—читай:«корову» (по рассказу В. Г. Короленко).

(2) Решено было не допустить ни одной ошибки. Держали двадцать корректур. И все равно на титульном листе было напечатано: «Британская энциклопудия» (И. Ильф, Записные книжки).

(3) Высокие договаривающиеся стороны обменялись ослами»

(4) На титуле книги: Эта книга издана без очепяток.

(5) Люляки баб\ сыр в чанах.

(6) И шестирьлый серафим На перепутье мне явился (А. Пушкин) — опечатка, сообщена мне М. Григорян.

Впрочем, опечатки трудно отделить от широко распространенной «игры в опечатки», ср.: бальзамовский возраст; с подлинным скверно; свиная душонка (примеры из: [Норман 1987: 182]); полное содрание сочинений (пример из: [Щербина 1958]); Список замученных опечаток

(И. Ильф, Записные книжки); *Сесси-ально озабоченный студент, Сезон вождей; Коммунистическая пария, Засуженный работник прилавка, Перепалочный пункт, Пример для подорожания* (Журн. «Крокодил», 1996) и т. д.

7) Из чисто грамматических способов создания каламбурной многозначности укажем четыре следующих:

— добавление зависимых слов — дополнений, определений, обстоятельств:

Срывай лавры! Но не с чужой головы (С. Лец),

Крем для ответственного лица (Эмиль Кроткий),

Машины собрали в мешок и привезли уже другие люди (М. Жванецкий, В век техники);

— соединение с обыгрываемым словом семантически разнородной сочинительной цепочки: часть сочиненных членов актуализирует в слове одно значение, а другая часть — другое (*зевгма*):

Губенко провел пресс-конференцию. И журналистов («Коммерсантъ», № 42, 1991 г.);

— употребление сравнительного оборота:

Мужчина—как клубок: когда женщина выпускает его из рук—он распускается, а когда забирает его в руки—он сматывается (ТВ-программа «Вокруг смеха», 9/XI—1991 г.).

— добавление вводных слов:

Воду / стираешь / с мокрого тельца полотенцем, / как зверь, мохнатым.

Чтобы суше пяткам—/ пол / стелется, извиняюсь за выражение, / пробковъи матом (В. Маяковский, Рассказ литейщика Ивана Козырева).

Автор текста (совершенно невинного) извиняется за грубое выражение и, тем самым, заставляет нас видеть двусмысленность там, где нам и в голову не пришло бы ее искать;

— использование новообразований — производных слов:

В «застойные 70-ые» украшением «Литературной газеты» была юмористическая 16-я страница, а украшением этой страницы — созданный Вл. Владиным сатирический образ писателя Евг. Сазонова — великого *душелюба и людоведа*. Строго говоря, смысл этих определений один: человек, любящий и знающий людей. Но это

высокое определение снижается из-за того, что сквозь слово-новообразование: *душельюб* и *людоед* «просвечивают» реально существующие слова с резко отрицательной окраской — *душегуб* и *людоед*.

Мы указали лишь некоторые из существующих способов придания слову каламбурной многозначности. Их, повторяем, очень много и они иногда очень неожиданны и остроумны. В заключение укажем, пожалуй, еще два, связанные со спецификой театральной сцены. В первом — шутливое стирание разницы между подмостками сцены и реальной жизнью, во втором — между репликами действующих лиц и ремарками:

(1) *П. А Катенин, поэт и театральный деятель, был приглашен на репетицию спектакля, в котором дебютировал актер—протезе некоего петербургского мецената. Репетировалась сцена, в которой старая купчиха упрекает сына за увлечение картами. «Не играй больше, прошу и заклинаю тебя!»—патетически восклицала актриса, обращаясь к дебютанту, довольно бледно выглядевшему (...)—«Не играй!» «Ия тоже прошу—присоединился с места Катенин—больше не играй!» (Музей остроумия).*

(2) *Поручика Ржевского уговорили заменить в спектакле заболевшего актера, пообещав, что поручику нужно будет только повторять реплики суфлера. Суфлер подсказывает (Садится в кресло!). Поручик сел.*

Суфлер: Жениться, что ли?

Поручи к: Жениться, что ли?

Суфле р :Да нет, пожалуйста!

Поручи к: Да нет, пожалуйста!

Су ф л е р: (С трудом встает).

Поручик, вслух: Встает с трудом!

Функции каламбура. Правила речевого такта.

«Незаконнорожденные» каламбуры

1. Поскольку о функциях языковой шутки говорилось раньше (см. Введение), мы можем ограничиться констатацией того, что каламбуру свойственны все функции, присущие языковой шутке в целом,— тренировочная, развлекательная, психотерапевтическая и, наконец, маскировочная. Специфику каламбура можно видеть в том, что здесь

особенно часто встречается функционально неоправданное использование, невольный комизм.

2. Особую область культуры речи должны составить правила речевого такта. Необходимость этих правил отчетливо осознается говорящими и афористически выражается в принципе «в доме повешенного не говорят о веревке». Своеобразие каламбура состоит здесь в том, что он выявляет особый класс правил речевого такта. Это правила, ограничивающие употребление многозначных единиц — омонимов, а также многозначных слов и словосочетаний. Употребление подобных единиц может приводить к двусмысленности. Для каламбуриста подобные случаи возникновения двусмысленности — хлеб насущный, однако в «серьезном» речевом общении каламбуры далеко не всегда желательны, иногда они —неожиданные и нежеланные гости, за которых говорящие даже извиняться вынуждены («Простите за невольный каламбур!», «Извините за дурной каламбур!»). Это примеры так называемого «невольного комизма», о котором хорошо сказал Томас Манн: «Иногда в мелочах язык шутит с нами недобрые шутки, мы нечаянно придаем комический оборот слову, и в результате нам остается только вторить смеху слушателей (...) Собрание небожителей, верно, сотрясается от гомерического хохота над таким бессилием наших уст» («Лютта в Веймаре»).

Нередко невольный комизм вызывает и более резкую реакцию, чем насмешка. Вот показательный пример.

Офицер пришел на прием к Ростовцеву, который был заикой, и обращается с просьбой Ростовцев отвечает:

—Нет, почтеннейший! Этого нельзя! Государь не согласится.

—Помилуйте, Ваше Превосходительство. Вам стоит только заикнуться-

—Пошел вон!—загремел Ростовцев в бешенстве (Рус. лит. анекдот).

Вряд ли также было бы тактично предлагать кривым побеседовать между собой с глазу на глаз, а хромого упрекать за то, что в каком-то вопросе он хромает.

3. Мы указывали случаи, когда неуместность каламбура связана с индивидуальными особенностями слушающего. Гораздо чаще она объясняется характером самой ситуации, ее драматизмом или трагизмом. В наши дни неуместным, почти кощунственным

каламбуром выглядела, например, неловкая фраза в ТВ-программе «Время»: «Землетрясение в Армении потрясло всех советских людей» (20 дек 1988 г.).

Мы отмечали во Введении, что языковая шутка позволяет легализовать смыслы, которые отвергаются цензурой культуры,— неприличные, дидактические, тривиальные, абсурдные, невежливые. Здесь мы столкнулись с противоположным явлением: вполне нейтральные смыслы оказываются под запретом именно из-за возникновения неуместной каламбурной двусмысленности.

4. Художественная литература адресована массовому читателю и не должна ориентироваться на индивидуальные особенности отдельных читателей, она может говорить не только о веревке, но и о повешенном. И все-таки правила речевого такта действуют и здесь. В частности, здесь особенно нежелателен невольный комизм.

Непримиримым борцом с неосознанными каламбурами был А Крученых [1922; 1924]. Он отмечал, что удачный каламбур «усиливает и обогащает звучание стиха», но в речи встречается громадное количество неосознанных, неуместных каламбуров, сдвигов, которые способны, особенно при чтении вслух, «превратить в фарс любую оду», напр.: «И шаг твой землю тяготил» (ишак, у Брюсова). Отсюда призыв — «учредить особую “сдвиговую милицию” для своевременной ловли сдвигов у зазевавшихся авторов» [А Крученых 1924:35]. В число «зевак» попадает у Крученых Пушкин! «Разобрав только ¹Л Пушкина», А Крученых нашел у него 7000 «незаконнорожденных» — неосознанных каламбурных и сдвиговых строк, как, например, следующие:

Проклятье, меч и крест и кнут (На Фотия) [«Бедные меч и крест —они икают!»— замечает Крученых].

Со сна садится в ванну со льдом (Евгений Онегин) [«Сосна садится сольдом»].

Он с трепетом к княгине входит (Евгений Онегин) [входит стрепетом (птица)] ⁵

Крученых дает этих «незаконнорожденных», как он их называет, в систематизированном виде:

Иканье и за-ик-анье Евгения Онегина (*И к шутке, с желчью пополам, И кучера вокруг огней*)\

Узки ильвы из Евгения Онегина (Все те же ль вы? \ Сердечный друг, уж я стараS)

икра а 1а Онегин (Партер и кресла, всё кипит)',

носатые стихи: Но с рассудком вновь заспорит.~ (Евгений Онегин); Но с банкой странствуя пустою... (Послание Лиде) [у Лиды нос бочкой, да еще пустою!..]; Но с пламенной, пленительной, живой» (Голицыной) [у Голицыной пламенный нос].

5. Совершенно очевидно, что А Крученых излишне придирчив при «перетряхивании пушкинской тоги»: во многих из приводимых им примеров двусмысленность в стихах не возникает, даже при чтении вслух. Однако его предостережение против неосознанных и неуместных каламбуров все-таки вполне своевременно. Вяч. Иванов писал по этому поводу: «Крученых нашел у Пушкина “сдвиг”, т. е. амфиболию: *Со сна садится в ванну сольдом*. Думаю, что если бы он указал на этот “сдвиг” Пушкину, последний или расхохотался бы, либо подосадовал (...) Пушкин, думается, этого сдвига отнюдь не желал».

Не менее щепетильными, чем Крученых, оказываются в отношении к невольным каламбурам и некоторые другие авторы. В романе «Дар» В. Набокова поэт, Федор Константинович, забраковал мелькнувшую в голове строчку, «лирическую возможность»: *Благодарю тебя, Россия, за чистый и крылатый дар* — из-за словосочетания *чистый и крылатый*, вызывающего, по мнению поэта, ненужные ассоциации («Икры. Латы. Откуда этот римлянин?»).

Об истории и современном состоянии русского каламбура

В наше время каламбур, бесспорно, любимый и самый распространенный, самый «демократический» вид языковой шутки. Судя по сборникам русского фольклора, каламбурное обыгрывание слов не было редкостью и в Древней Руси. В качестве иллюстрации приведем несколько пословиц из рукописного сборника русских пословиц XVII в., изданного П. Симони:

У Фили пили, да Филю же били.

Звал гостей,, а накупил костей.

Мыло немило, коли лицо сгнило.

То тебе не в чин,, потому что ты Немчин.

У сыра дума, у суха сука привязана сука.

Однако в русской художественной литературе до XVIII в. каламбуры редки. Даже у протопопа Аввакума, прекрасно владеющего приемами комического (например, иронией), их мало, и они, на наш взгляд, не слишком удачны, ср.: «Я и к *обьдне* не пошелъ и *обьдать* ко князю пришелъ»; «Книгу *Кормьчт* даль прикащику и онъ мн⁴ мужика *кормщика* даль» (примеры по: В. В. Виноградов. Символика Жития протопопа Аввакума).

В XVIII в. к каламбурам прибегали уже почти все писатели, но употребительность каламбуров была еще невелика—даже у таких признанных мастеров острого слова, как Фонвизин и Крылов (см. [Ходакова 1969]).

В России расцвет каламбура падает на XIX в., особенно на вторую его половину. Одни лишь анекдоты и каламбуры о носе столь многочисленны, что академик

В. В. Виноградов говорит о «пестром букете носологической литературы первой половины XIX в., где «мелькали перед глазами читателя носы отрезанные, запеченные, неожиданно исчезающие и вновь появляющиеся»; «...по разным жанрам блуждают “носологические” мотивы, утопая в каламбурах» [Виноградов 1976: 10—18]. Часть каламбуров и анекдотов о носе внесены в живописный альманах «Картины света» на 1836 г. «Как ни неприятно быть иногда с носом, но все-таки сноснее, нежели быть совсем без носа»,—читаем мы здесь. В. В. Виноградов обращает внимание на то, что одна из ранних (1822—23 гг.) «пакостей» А. С. Пушкина примыкает сюда:

*Лечись—иль быть тебе Панглоссом,
Ты жертва вредной красоты —
И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.*

Казалось бы, после бурного расцвета *носология* должна была пережить период упадка. Ничего подобного! *Вешают нос, водят за нос, оставляют с носом* на протяжении всего XIX в. И даже в XX веке такой замечательный юморист, как Аркадий Аверченко, отдает дань носологии. Вот несколько примеров из его повестей:

—*Не такой она человек, чтобы водить за руку. Она за нос водит («Шутка Мецената»).*

—Я, господа, поднимаю этот стакан за людей, которые не вешают носа!

— За что ж его вешать? (...) Это было бы жестоко. Мой нос, во всяком случае, этого не заслуживает (Подходцев и двое других, I, III).

Разумеется, история русского каламбура к носологии не сводится, для нее характерно тематическое богатство и разнообразие. Признанный король каламбура Д. Минаев, как известно, «даже к финским скалам бурым обращался с каламбуром» (кстати, каламбурные возможности словосочетания *с каламбуром* этим далеко не исчерпываются: уже в XIX в. здесь был обнаружен малоэстетичный «сдвиг» *скалом бурым*).

Важное место каламбур занимает в творчестве А. Пушкина, Н. Лескова, В. Буренина, М. Салтыкова-Щедрина, поэтов «Искры», А. Чехова.

XX век—«серебряный век русской литературы» — выводит целую плеяду талантливых юмористов. Достаточно указать А. Аверченко, Тэффи, О. Оршера (О. Л. Д'Ор), О. Дымова и других юмористов, группирующихся вокруг журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», в которых каламбур — частый и желанный гость (а точнее — веселый хозяин).

После октябрьского переворота, в эпоху «героических свершений» каламбур оказывается не удел. В интересном исследовании советского каламбура А. А. Щербина отмечает, что некоторые советские литературоведы (напр., В. Фролов) относились к каламбуру пренебрежительно, склонны были отождествлять каламбур с «пустым зубоскальством», «комикованием», «мелким острословием» [Фролов 1952]. Однако этот вид языковой шутки не жалуют и некоторые исследователи, не зараженные социалистической идеологией,— за его доступность, за «примитивность» его техники. З. Фрейд считает каламбур самой многочисленной и «самой дешевой» группой острот [Фрейд 1925: 59]. В книге Ю. Карабчиевского «Воскресение Маяковского» (ее правильное было бы назвать «Погребение Маяковского») достается не только Маяковскому, но и каламбуру: «каламбурное остроумие в самом своем принципе механистично и потому, как правило, неглубоко и не живет долее текущего момента» (с. 83). Чарлз Лэм писал: «Каламбур — это пистолет, из которого выстрелили у самого вашего уха; слуха вы

лишиться — но не разума» (впрочем, он же отмечал: *Каламбур—материя благородная. Чем он хуже сонета?—Лучше (Суета сует)*)).

Не жалуют каламбур и некоторые писатели. Так, Наталья Ильина в автобиографическом (точнее, биографическом) рассказе «Реформатский» пишет: *Каламбурный юмор всегда мне казался юмором уровня невысокого, и я рада была услышать однажды от А. Т. Твардовского такие слова. 'Каламбур годится для домашнего употребления, для застолья, не больше!'*»

Михаил Булгаков против каламбура, насколько нам известно, не высказывался, однако пользовался им редко и с большой осторожностью. Показательна такая деталь. В первоначальной редакции романа «Мастер и Маргарита» появление в ресторане «У Грибоедова» Ивана Безродного, потрясенного смертью Берлиоза, описывается следующим образом:

Лицо приятное, мясистое, лицо в огромных очках, в чертой фальшивой оправе, бритое и сытое, участливо появилось у Иванушкина лица (...)

— Товарищ Безродный—заговорил олицо юбилейным голосом (...)

— Ты—заговорил Иван и стукнул зубами—понимаешь, что Берлиоза убил инженер! Или нет? Понимаешь, арамей?

— Товарищ Безродный! Помилуйте — ответило лицо.

— Нет, не помилую—тихо ответил Иван и, размахнувшись широко, ударил лицо по морде («Черный маг»).

В окончательной редакции романа каламбурная окраска последней фразы существенно смягчена: «..ударил участливое лицо по уху» (Гл. 5).

Как же примирить приведенные отрицательные оценки каламбура (их число можно было бы увеличить) с тем фактом, что каламбуром не брезговали такие взыскательные художники, как А. Пушкин, О. Мандельштам, В. Маяковский, В. Набоков, Андрей Белый (последний, правда, со свойственной ему непоследовательностью бросает в «Начале века»: «...каламбур характерен для мозгов мещан»).

Критики каламбура не принимают во внимание одно важное обстоятельство, на наш взгляд полностью каламбур реабилитирующее. Каламбур, как, пожалуй, никакой другой вид языковой шутки, весьма неоднороден по качеству. Это — оборотная сторона доступности каламбура. Он, казалось бы, «лежит на поверхности». База для него —

множество омонимичных и многозначных слов и поистине неисчерпаемое богатство слов и словосочетаний, сходных по звучанию, но до каламбура тут еще очень далеко. Это лишь заготовки для каламбура, грубые камни, нуждающиеся в шлифовке и в хорошей оправе. Хороший каламбур — это, как мы пытались показать выше, большое искусство.

И вполне естественно, что каламбур занимает заметное место в творчестве многих российских писателей — в первую очередь, В. Маяковского, В. Шкваркина, И. Ильфа и Е. Петрова, Н. Глазкова. Удачны многие каламбурные миниатюры Эмиля Кроткого, Ф. Кривина, А. Кнышева. Охотно используют каламбур для создания комического эффекта также М. Исаковский, В. Высоцкий, Б. Заходер, Ю. Ким и другие авторы. Весьма активно используется он в газетной речи (так, в статьях современного журналиста Б. Бронштейна каламбур — постоянный и удачно используемый прием). А что уж говорить о фольклоре! Большинство анекдотов (будь то анекдот политический, анекдот о Штирлице или о поручике Ржевском) имеет «каламбурную закваску».

Каламбур живет.

***Невольные каламбуры и недоразумения при столкновении
деревенской речи с городской (по моим детским воспоминаниям)***

Остановимся на одном, частном, но достаточно интересном виде невольного каламбура. Это каламбуры и недопонимания («коммуникативные неудачи»), вызванные различиями в речи городского и сельского населения.

Предки мои с обеих сторон - и со стороны отца (Санниковы), и со стороны матери (Лагуновы) - крестьяне прикамской, Пермской губернии. «Гонимые ветрами социалистических перемен», бежали они, бросив земли, дома, хозяйство (легко ли было?), в ближайший город - Воткинск. Трудно пришлось моим родичам на новом месте, в непривычной городской обстановке. И чуть ли не самое трудное для новых горожан - языковой барьер. И сколько тут было недопониманий, довольно смешных, а иногда и печальных (и смех, и слезы)!

Говорили все мои родичи на пермском диалекте северновеликорусского наречия русского языка и унаследовали все основные признаки этого наречия. Они известны: оканье, г-смычное, стяжение в глагольных формах (*делат, читат* вм. *делает, читает*), употребление согласуемых постпозитивных частиц (в литературном языке: *село-то, дом-то, изба-то, руки-то*, у нас: *село-то, дом-от, изба-та, в избу-ту, руки-тё*), удвоенное твердое *ш* на месте мягкого *щ* (*Игигио штука попалася* - «Еще щука попалась») и т. д.

Конечно, были в речи старших моих родственников и некоторые различия (наш большой «клан» объединял выходцев из разных районов Прикамья): кто-то цокал (*цисто* вм. *чисто'*), кто-то чокал (*курича* вм. *курица*). Говорящие и сами замечали, обыгрывали эти различия. Даже в частушках это отразилось:

Милка, но, милка, чо?

Милка, чокаешь почо?

А я девчоика-северяночка,

Почокаю - дак чо?

Ну, а дядя Ваня у нас - особь статья, он сокал (*Куриса снесла Аисо; Скажи кури-се, а она всейулисё*) и смягчал заднеязычные г и к (*Ванька истопил банью*).

Но, конечно, все исправно окали.

Я не собираюсь описывать особенности пермского говора северного наречия (см. о них, например: «Русская диалектология» под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973).

То, что говоры испытывали (и испытывают) интенсивное воздействие литературного языка и многие диалектные черты (в первую очередь - резкие) постепенно отмирают, особенно в речи деревенских жителей, переселившихся в город, - тоже известно. Моя цель предельно скромна: мне хотелось бы просто привести несколько картинок моего детства, иллюстрирующих этот процесс, показать, как бывшие крестьяне и их дети чувствуют себя в непривычной городской языковой среде и пытаются к ней приспособиться и какие забавные ситуации и недоразумения могут при этом возникать.

Неприятное чувство, что мои родные и сам я в чем-то (в манере поведения, в разговоре) хуже (именно - хуже!) коренных горожан-воткинцев, пришло ко мне довольно рано. Помню разговор соседки с мамой о моем брате Гере (Григории): «Что это вы, Ефросинья

Николаевна, так некрасиво сына зовете, как собаку: “Герко! Герко!”». Я думал, что мама возразит, а она, обычно такая уверенная, обиженно поджала губы: «Ну, чо с нас взять? В лесу родились, пеньку молились. Чурки с глазами».

Ребята смеялись надо мной, когда я говорил: *чо, одёжа, лыва* (вместо *лужа*), *церква* (церковь), *в школу-ту*.

Говорить «по-городски» я худо-бедно научился. Не обладая особыми лингвистическими талантами, я от цоканья, оканья отучился легко. Пишут, что Максим Горький всю жизнь сильно окал. Уверен: кокетство это, не хотел он переучиваться.

С морфологией, со склонениями-спряжениями хлопот было больше. На уроке говорю: «Мой дедушко с бабушкой живут в деревне, в городу-ту не хочут жить». Ребята смеются, а учительница поправляет: «Санников, нужно сказать: *Мой дедушка и бабушка в городе-то не хотят жить*. Повтори! И не надо на о напирать, скажи не: *хОтят*, а: *хАтят*». Или говорю: *Мы завтра олашки пекни будем*, учительница поправляет: «Не *олашки*, а *оладьи* или: *оладушки*; и не *пекни*, а - *печь*. Повтори».

Краткие прилагательные, которые в литературном языке употребляются только в роли сказуемых (*Она очень красива*), у нас могли выступать и в роли определений:

Ох, какая пурга-вьюга,

Ох, какая темна ночь.

Одна мать искала сына,

А другй искала дочь.

Вспоминается еще (тоже на «морфологическую» тему), как родичи мои на гулянке поют разухабистую частушку:

Мы по улице идем,

Чо-нибудь да делаем:

То оконницы ломаем,

То за девкам бегаем.

За девкам бегаем... В разных пермских говорах творительный множественного оформлялся по-разному и всё не так, как в литературном языке. Бегали *за девками* только в городах. На севере Пермской области (колонизированном с северо-запада новгородцами и вологодцами) - бегали *за деекима* или *за девкама*, у нас же, на юге

области (колонизированном в основном с запада, позднее, после взятия Казани) - бегали *за девкам*.

Меня ничуть не коробят ни аканье, ни яканье, ни оканье, ни иканье: коробит меня, как, думаю, и других бывших или современных «диалектных носителей» (а их полстраны), нарочитое, утрированное, ложное, заученное яканье или оканье. Замечательная актриса Инна Чурикова, отлично сыгравшая простых русских женщин в нескольких фильмах («В огне брода нет», «Начало» и др.), в фильме «Курочка-ряба» вдруг принялась так неестественно окать, что я просто не смог смотреть этот, видимо небезынтересный, фильм... Для создания местного колорита посоветовал бы не-окальщикам использовать не оканье, а какие-то другие языковые краски.

Нельзя сказать, что мое «диалектное прошлое» причиняло мне одни неудобства. Позднее для меня, студента филологического отделения Пермского (тогда Молотовского) университета, изучение основ северных русских говоров казалось детской забавой - для меня-то это был родной язык! Да и при изучении других курсов мое «диалектное прошлое» иногда помогало. «Кто не знает букву Ъ, букву Ъ, букву Ъ? Где и как ее писать...» Да никто не знал, даже преподаватели были в этом не слишком тверды, и в диалектологических экспедициях иногда обращались ко мне: «А в этом слове был %?» И тут помогало это мое диалектное прошлое. Конечно, звук (точнее, фонема) Ъ, который когда-то был живым, из пермских говоров, как и из русского языка в целом, ушел, но у нас он оставил заметные следы. В литературном языке эта фонема совпала с фонемой <э>, «замаскировалась» под нее: *земля* и *песня* - где тут Ъ, где *e*? - попробуй разбери. А у нас она «не смогла замести следы»: мои родители, ну и я в детстве, говорили *земля*, но - *писня* (вот здесь и была когда-то фонема <Ъ>). Но и у нас эта фонема иногда «хитрила», мы говорили *писня*, но*, *сено*, как и в литературном языке. А ведь тут тоже был Ъ! Но в предлож-ном-то падеже слова *сено* вдруг опять возникает *и*: *в сине*! Дело в том, что в пермских говорах Ъ перед твердыми согласными перешел в *e* (*сено*), а перед мягкими в *и*: *виник* (веник), *в сине*. Я знал: если вместо литературного *e* хотя бы в одной форме слова (обычно в предложном падеже) в нашем говоре произносилось *и*,, значит, там был этот самый коварный &

Я остановился на фонетических и морфологических различиях между «городским» и «деревенским» языком, потому что они часто приводили к непониманию («*Виник, куриса* - что это такое?»).

Чаще всего, однако, недоразумения при общении были связаны с лексикой. Немало было у нас диалектных, пермских слов, которые были непонятны «городским», а то и вводили их в заблуждение: *обабок* (подберезовик), *синявка* (сыроежка), *становйна* (ночная сорочка), *мизгирь* (паук), *робетишка* (ребятишки), *рдбитъ* (работать), *гаркать* (призывать: «Ну-ко, робетишка, Шурку по-гаркайте, ись (есть) пора!») и т. д.

Меня и мою двоюродную сестру Любу называли шутливо: *два шийшгута*. Видимо потому, что были мы очень дружны и всюду ходили вместе (в словаре Владимира Даля *шишгут* определяется как слово новгородское или пермское, со значением: «шалун, повеса»).

Если мы, ребяташки, *уросили* (капризничали), нас частенько пугали *букой* («Будешь уросить - бука тебя заберет!»), а если угрозы не действовали, она (бука) являлась собственной персоной - в овчинном тулупе наизнанку, в вывернутой наизнанку шапке, с тряпкой на лице. Громко стучала палкой: «Кто тут уросит?! Заберу!» (ужас и смятение (непродолжительное) среди малышей-скан дал истов).

Взрослые не прочь были подразнить малышей. Шутки были довольно неприятательные. Меня, например, частенько дразнили глупой частушкой:

У Володи в огороде Курицу зарезали.

Кровь теки, теки, теки,

Володю во солдатики.

То ли мне себя было жалко, то ли курицу, то ли нас обоих, но я начинал всхлипывать, пока мама или кто-то из теток не вступался за меня: «Чо вы его хвидите?» *Хвилить* в пермских говорах значило дразнить ребенка, заставляя его плакать.

Хвилйли меня еще и Алексеевной. Это была крупная беззубая старуха, слегка смахивавшая на Бабу-ягу. Время от времени она приходила то к маме, то к кому-нибудь из теток «править» их (это такой очень глубокий массаж внутренностей). «Ну дак чо, Алексеевна, не роздумала идти взамуж за Вовку-то нашего?» - спрашивал кто-нибудь во время процедуры. Она степенно шепелявила: «Нет, не роздумала. Раз уж сосватали, я вертеться не буду, я своему слову

хозяйка! После Покров^ свадьбу сыграю!» Все смеялись, а я плакал, видимо, не исключая полностью, на 100 процентов, возможности бракосочетания с беззубой Алексеевной.

Но самое коварное - слова те же, а значение разное. Тут уж - и смех, и грех, сплошные «коммуникативные неудачи». Вот мама и мы, вытаращив глаза от изумления, слышим, как соседская девочка говорит: «Я пойду погуляю, мама!» И та отвечает: «Погуляй-погуляй, дочка!» У нас, в пермских говорах, *гулять* значило вести распутную жизнь («Она от него гуляет!»), а желая поиграть на улице, мы спрашивали у мамы, можно ли *побегать*, и мама соглашалась: «Ладно, побегайте маленько!». Прилагательное *самостоятельный* значило у нас «солидный, серьезный» («Такой мужчина хороший, самостоятельный!»).

Глагол *велеть* значил одновременно и «приказывать», и «разрешать». Помню, мой друг Колька Нельзин переживал, что, играя с ружьем в доме своей тетки, всадил ей в бедро добрый заряд дроби. «Но она же сама велела ружьем поиграть!» - утешал я его, а он меня поправил: «Не велела, а разрешила!» А как он хохотал, когда я сказал, что у нас сегодня «*Будут губы жарить*!» Спросил: «А носы вы жарить не будете?» Дело в том, что у нас *губами* называли грибы, а губы (часть тела) - это у нас *брылы*. Или вот тетя Тоня (мать Кольки) кричит мне на их кухне: «Вова, подгорает! Быстро дай миску!» Я подаю кастрюлю. Она возмущается: «Ты что, смеешься?» А я и не думал смеяться. У нас *миской* называли кастрюлю (слова *кастрюля* вообще не было). А миску мои родичи именовали *чашкой*. Вы спросите: а как же называли тогда чайную чашку? Так и называли - *чайная чашка*.

Помню, в 44-м мама впервые разрешила мне пригласить на день рождения (тринадцать лет) нескольких товарищей. Я приглашаю друга, Колю Нельзина, а он отвечает: «Большое спасибо!» У нас *спасибо* говорили только, благодаря за угощение или за подарок. А в ситуации приглашения в гости говорили: «Ладно, приду!», и *спасибо* в этом случае означало отказ, нечто типа «Нет уж, спасибо!». Я к Кольке: «А почему не придешь?» - «Нет, почему не приду?! Приду, спасибо. Чудак ты!»

Или еще одно недоразумение. Рассказываю ребятам о каникулах, проведенных в деревне, у деда и бабки. Говорю, что с одной пчелы дед получает за лето около пуда меду. В ответ смех, крики: «Ну ты и

враль!» И хотя я разъясняю, что в деревне *пчелой* называют не только одно насекомое, но и целую пчелиную семью, улей, -все равно меня долго называют бароном Мюнхгаузеном.

Приведу еще несколько каламбурных несовпадений речи «деревенской» и «городской».

/Сочи. Это не воспетые Некрасовым *кони* (кочки): «...И кочи, и моховые болота, и пни - Всё хорошо под сиянием лунным...» У пермяков это слово употреблялось в значении, которое даже Владимиру Далю было неизвестно: *кочи* - это волосы (кажется, только женские). Помню диалог:

- *Машка, неужто шарам-то твоим (глазам) не стыдно?*

- *Нет, ты сама постыдилась бы,, паскуда!Я те кочи-те повыдеру!* (небольшая словесная разминка двух соперниц перед баталией, в ходе которой серьезно пострадали и «кочи», и прочие атрибуты женской красоты).

Слово *водка* выходцы из деревни не употребляли: только - *вино*. Было оно двух видов: *белое вино* (или просто *белое*) - водка, и *красное вино* - всё остальное. Помню, тетя Толя (Евстолия) шепчет мне за столом: «Нет, Вова, уж куда мне, старухе, белое пить! Ты мне послабже, красенького вон налей!» - и кивает на бутылку с 50-градусным венгерским ромом.

Необычными, а чаще - смешными казались «городским» наши обращения к собеседнику.

Бабушку у нас, в старообрядческой среде, было принято называть «мама-сгдра»; мать - «мама-молоденька» или просто «мама»; отца - «папка»; дедушку -«бйтё».

Как и в городе, у нас, выходцев из деревни, к близким родственникам обращались по имени: *Ваня! Сима!* А вот к взрослым родственникам не столь близким, а также и к знакомым обращались исключительно по отчеству (без имени!): *Се-верьяновна! Афанасьич!* И это независимо от возраста. Маму, например, близкие родственники звали *Симой*, а все остальные ее, молодую 30-35-летнюю женщину, именовали исключительно *Николаевной*. Помню, коренным воткинцам это казалось странным: «Что это вас, Ефросинья Николаевна, как старуху зовут - *Николаевна?*». Станным казалось им и то, что все взрослые родственники одного из супругов называли любого

родственника другого супруга - *сват* (или *сватья*). Но больше всего смешило городских то, что маленьких несмышленишкой ласково

величали у нас *батьюшками* и *матушками* («Чо, ручку зашиб? Ой, ба-атюшко! Ну ничо, не реви, не реви! Дай я подую на ручку, и всё пройдет!» Или: «Ой, ма-атушка! Ягодку тетке принесла? Ну спасибо, спасибо, съем твою ягодку!»)

Один супруг, говоря о другом, употреблял обычно слова *моя*, *мой*: *Моя-то в деревню вчера ходила, Мой-то опять нажорался* (напился). *Лыка не вяжет!*

А вот в частушках для обозначения влюбленных использовался богатый набор слов: он - *милой*, *дроля*, *сухотиночка* (сушит женщин); она - *милая*, *матаня*, *шмарочка*, *милашка*, *ягодиночка* (вкусная), *сухотиночка* (сушит мужчин) и даже *сербияночка* (отголосок войны с турками за освобождение Болгарии и Сербии); капризная память сохранила только одну частушку про сербиянку, довольно странную:

*Сербиянка шьет портянки
В огороде, в борозде,
Интересные портянки -Из одной выходят две.*

Стилистические оценки слов тоже не совпадали у «городских» и «деревенских». Помню, моим родичам казался сверхгрубым и совершенно неприличным глагол *орать*, а вот слова *говно*, *титьки*, *срать* или, например, слово *жопа* (и его производные) были совершенно нейтральными и общеупотребительными («Девка-та шибко хорошая, всё при ей, грудастая, жопистая!»).

В целом сельские жители признавали превосходство «городского» языка.

Но каждое село, даже каждая деревня, считала, что она ближе к этому «эталону» - городской речи, чем соседняя. Помню, в диалектологической экспедиции старуха говорит: «У нас-то хорошо б^ют, пошти-што как в городе, а вот в Пянтёге (вы сходите, недалеко это, верст 10!), - дак там бают так, што вы обхохочитесь! А поют-то как! Базлает (орет), быдто с печки сонный свалился!»

«Деревенские» подсмеивались, например, над чужой диалектной чертой - изменение звукового сочетания *дн* в *нн*. Отсюда пародийно-шутливые стихи:

*Менный ковш упал на нно,
И обинно, и досанно...
Ну, даланно.*

Всё онно...

Конечно, самые броские отличия замечались и отмечались: некоторые мои родственники, особенно молодые, стали говорить *одежда*, а не *одёжа*, *велосипед*, а не *лесaped* \ *лужа*, а не *лыва*, *очень*, а не *шибко* \ *красивый*, а не *баской*. Даже иностранными словами старались пощеголять: вместо *лукошек* и *пестерей* появились *зймбели*, вместо женских сумочек - *ридикюли*. Самую большую (и обычно единственную) комнату дома именовали *залой* (или *залом*).

Нередко, понятное дело, и впросак попадали, пытаюсь показать, что тоже «не лыком шиты». И тут уж над ними смеялись не только «городские», но и «деревенские» тоже. Помню, рассказывали, как одна девушка из деревни, где вместо мягкого *к* и *г* *фуки*, *ноги*) говорили *т*, *д* *фути*, *нодй*), *с* достоинством потчевала гостей, демонстрируя свою образованность и умение обращаться *с к* и *г*: «*Наке берике*».

Или другая подобная история, о молодом крестьянском парне, который старательно акал, показывая свою образованность, да вдруг и разоблачил себя, употребив другую, более «грубую», чем оканье, диалектную черту: «*Хадил на Маскве, шел на даскё, да прямо е грезь!*» (в грязь).

Впрочем, сельские жители, признавая в целом превосходство «городского» языка, нередко находили в нем что-то нелепое и смешное. Помню, и дедушка Аким Никитьевич, и мама посмеивались: «Чудно в городе говорят: *Ходить за ягодами*, или, того чишше: *за водой*. Это чо - ягоды от тебя бегут, а ты за ими идешь, или речка текёт, а ты за ей бежишь?» (в пермских говорах в этих случаях употребляли предлог *по* \ *Я сутра-та по ягоды ходила, а счас вот по воду иду*).

В деревне, особенно у старообрядцев, старые жизненные устои и старый, от дедов принятый язык, сохранялись гораздо дольше, чем в городе. Естественно, приезжая в деревню, к старообрядцам деду Акиму Никитьевичу и бабке Устинье, мы должны были снова «переключаться», теперь уже с городской речи на диалектную: опять *лыва*, опять *одёжа*, *губы* (а не *грибы*), *мизгирь* (а не *паук*), *векша* (а не *белка*), *калега* (а не *брюква*), *запои* (а не *фартук*), *назём* (а не *навоз*) и т. д. и т. п. Далее слово *спасибо* надо было на время забыть. Следовало говорить не «спасибо», а «спаси Христос» («Спаси Христос, бdTe! Спаси Христос, мама-crдpa!»). «*Спасибо!* - так только безбохеники

говорят!» - сердился дед и никак не хотел верить, что *спасибо* - это тоже упоминание Бога (*спаси Бог*), только слегка сокращенное.

---

notes

Метод эксперимента для «разрушения» каламбура успешно применял А. А. Щербина, подставляя созвучные слова или синонимы и убеждаясь, что «малейшее нарушение ею (каламбура. — В. С) семантико-звуковой структуры неизбежно уничтожает каламбур, а иногда даже и обесмысливает такой “разрушенный” контекст» [Щербина 1958:65—66].

Этот пример приводится также в работе [Булыгина — Шмелев 1997].

Пример взят из работы [Булыгина — Шмелев 1997:471].

В основу этой части работы положены статья «Каламбур как семантический феномен» (ВЯ, № 3, 1995) и введение к книге: В. Санников. Русский каламбур: 1200 каламбуров старых и современных. Hermitage Publishers, 1995. Собранный материал включает

1) каламбурные миниатюры разных авторов, а также каламбуры, «вкрапленные» русскими писателями XIX—XX вв. в свои произведения;

2) фольклорный материал — пословицы, анекдоты (разумеется, те, которые имеют каламбурную основу). Однако для того чтобы избежать повторов, мы приводим в этом приложении минимальное число примеров. Богатый материал, касающийся каламбурного обыгрывания многозначных и омонимичных слов, читатель может найти в главе Лексика.

Этот каламбур неоднократно обыгрывал еще А Чехов, напр.: *Влагосклонные читатели и благочестивые слушатели! Стрепетом продолжаю, соблюдая хронологический порядок (письмо Чеховым, 7 апр. 1887).*